

25 ноября 2019 г. Фото Н. Носик

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
ИМ. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ПРИРОДА – ЧЕЛОВЕК – ОБЩЕСТВО: ОТ ПРОШЛОГО К НАСТОЯЩЕМУ

Сборник статей к юбилею Н.А. Дубовой

Составление и общая редакция: М.Н. Губогло, В.В. Куфтерин

Москва
2020

УДК [902+572+504.75+39+304+316.4+314+311.3+82-1]
ББК 28.71+28.708+63.4+63.5
П 75

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор *М.Ю. Мартынова*,
доктор исторических наук Ю.Д. Анчабадзе,
кандидат исторических наук *С.Б. Болелов*

Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

П 75 **Природа – человек – общество: от прошлого к настоящему.** Сб. статей к юбилею Н.А. Дубовой / Составление и общая редакция: М.Н. Губогло, В.В. Куфтерин. – Москва: Старый сад, 2020. – 328 с.

ISBN 978-5-89930-162-9

В сборнике, посвященном юбилею Надежды Анатольевны Дубовой – антрополога и археолога, руководителя Центра антропоэкологии Института этнологии и антропологии РАН, содержатся статьи российских и зарубежных авторов, отражающие многогранные интересы ученого. Обсуждается широкий круг вопросов археологии, физической и социально-культурной антропологии, представлены некоторые этнографические сюжеты. В ряде работ рассматривается личность Н.А. Дубовой как ученого и руководителя. Также приводятся материалы к ее библиографии.

Для антропологов, этнологов, археологов и специалистов других дисциплин, а также широкого круга читателей, интересующихся актуальными и ретроспективными исследованиями взаимодействий в системе «природа – человек – общество».

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
N.N. MIKLUKHO-MAKLAY INSTITUTE
OF ETHNOLOGY AND ANTHROPOLOGY

NATURE – MAN – SOCIETY: FROM PAST TO PRESENT

Collection of papers in honor of Nadezhda Dubova's jubilee

Edited by Prof. Mikhail N. Guboglo and Dr. Vladimir V. Kufterin

Moscow
2020

Nature – Man – Society: From Past to Present. Collection of papers in honor of Nadezhda Dubova's jubilee / Edited by Mikhail N. Guboglo and Vladimir V. Kufterin. – Moscow: Staryi sad Publ., 2020 – 328 p.

ISBN 978-5-89930-162-9

The collection of papers is dedicated to the jubilee of Nadezhda Dubova, an anthropologist and archaeologist, head of the Center of Human Ecology of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. It contains articles by Russian and foreign authors that reflect the multifaceted interests of this scholar. A wide range of issues in the fields of Archaeology, Physical and Socio-cultural anthropology are discussed and a number of ethnographic themes developed. Some articles are focusing on the personality of Nadezhda Dubova as a scholar and a supervisor of scientific projects and expeditions. The list of her main publications is implemented into the book.

For anthropologists, ethnologists, archaeologists and specialists in other disciplines, as well as a wide range of readers interested in actual and retrospective studies of interactions within the system of «nature – human being – society».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 11

К юбилею доктора исторических наук Надежды Анатольевны Дубовой 13

Часть I. Надежда Анатольевна Дубова. Творческий портрет к юбилею ученого 14

Мурадов Р.Г. Энергия созидания 14

Куфтерин В.В. Н.А. Дубова и палеоантропология Средней Азии эпохи бронзы 18

Ямсков А.Н. Роль Н.А. Дубовой в организации исследований Сектора этноэкологии Института этнологии и антропологии РАН в 1990-е – 2000-е годы. 27

Часть II. «Прошлое». Археология и ретроспективные междисциплинарные исследования 40

Грушин С.П. Археологические раскопки Маргианской экспедиции на Гонур-депе в 2014-2019 гг. 40

Фрибус А.В. Сельские поселения в древней дельте Мургаба и проблема взаимодействия земледельцев и подвижных скотоводов эпохи бронзы на юге Средней Азии 45

Пилипко В.Н. Некоторые дополнительные данные о памятниках эпохи бронзы между Артыком и Бабадурмазом (Южный Туркменистан, Каахкинский район) 53

Антонова Е.В. «Миниатюрные колонки» и «посохи» Бактрийско-Маргианской археологической культуры 67

Росси Осмида Г., Ченджа А., Бонора Дж.Л. [Погребение ADJ1F/2002 в жилом помещении на Аджи-куи 1 (Маргиана, Туркменистан): описание и предварительный анализ в контексте погребального обряда Цивилизации Окса] (на английском языке) 84

Винкельман-Витковска С. [Размышления о культовых топорах, молотах и «серпах» из Гонур-депе] (на немецком языке) 98

Сатаев Р.М., Сатаева Л.В. О фауне, флоре и междисциплинарности 126

Семененко А.А. Бычьи колесницы Евразии как древнейшая форма колесничного транспорта индоевропейцев 134

Канделаки Д.А. Гипотеза о картвельских языках как части ностратической общности на Кавказе 145

Нечвалода А.И. Обретение лица: 3D портретное восстановление прижизненного облика по черепам из каменных средневековых мавзолеев Южного Предуралья 159

Никифоров М.Г. День из жизни археолога: заметки о Рогунской экспедиции 168

Часть III. «Настоящее». Человек и общество: взгляд сквозь призму этнологии и социально-культурной антропологии 174

Губогло М.Н. Гостеприимство: историко-этногенетические параллели 174

Казиев С.Ш., Бурдина Е.Н. Доверие и проблемы межэтнических отношений в Казахстане (1954-1985 гг.) 183

Сафин Ф.Г., Ишемгулов М.Н., Камалетдинов Д.А., Сафин Ф.Ф. Социальные установки этнических групп в многонациональном регионе (на примере Республики Башкортостан) 201

Анайбан З.В. Молодежная политика в регионах Южной Сибири (сравнительный аспект) 215

Коростелев А.Д. Вопросы о языках в российских переписях населения 221

Снежкова И.А. Современная конфессиональная ситуация на Украине и вызовы последнего времени 251

Григулевич Н.И. От Старицы до Свияжска: святитель Герман, Казанский чудотворец 261

Остапенко Л.В., Гриценко В.В. Любовь к Малой Родине как часть традиционной русской культуры 273

Субботина И.А., Субботина Ж.С. Концепты *«звезда»* и *«Буджак»* в поэтической картине мира Степана Курогло 284

Севастьянов И.В. Петров день (*Питрау*) у кряшен Татарстана: традиции и инновации 301

Приложение 309

Куфтерин В.В. Материалы к библиографическому указателю печатных работ Н.А. Дубовой 309

CONTENTS

Foreword 11

Jubilee of Professor Nadezhda Dubova 13

Part I. Nadezhda Dubova. Portrait of the Scholar dedicated to her anniversary 14

Muradov Ruslan G. Energy of creativity 14

Kufterin Vladimir V. Nadezhda Dubova and biological anthropology of Bronze Age Central Asian population 18

Yamskov Anatoly N. Nadezhda Dubova's impact on the studies of the Department of Ethnic ecology of the Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology in the 1990s – 2000s 27

Part II. «The Past». Archaeology and retrospective interdisciplinary studies 40

Grushin Sergey P. Archaeological excavations of the Margiana expedition on Gonur Depe between 2014 and 2019 40

Fribus Aleksey V. Rural settlements in the ancient delta of the Murghab River and problems of interaction between Bronze Age farmers and mobile pastoralists in the South of Central Asia 45

Pilipko Victor N. Some additional data about Bronze Age sites between Artyk and Babadurmaz (Southern Turkmenistan, Kaakkha District) 53

Antonova Elena V. «Miniature columns» and «scepters» of Bactria-Margiana Archaeological Complex 67

Rossi Osmida Gabriele, Cengia Anna, Bonora Gian Luca. Grave ADJ1F/2002 from the farmhouse of Adji Kui 1 (Margiana, Turkmenistan): Description and preliminary analysis of an Oxus civilisation funerary context 84

Winkelmann-Witkowsky Sylvia. Betrachtungen zu den Kultäxten, Hämmern und Sichelschwertern in Gonur Depe 98

Sataev Robert M., Sataeva Liliya V. About fauna, flora and interdisciplinarity 126

Semenenko Alexander A. Eurasian bull chariots as the oldest form of chariot transport of Indo-Europeans 134

Kandelaki David A. Hypothesis about Kartvelian languages as a part of the Nostratic community in the Caucasus 145

Nechvaloda Aleksey I. Uncovering a face: 3D facial reconstruction of individuals buried in stone medieval mausoleums of the Southern Cisurals 159

Nikiforov Mikhail G. One day in the life of an archaeologist: notes on the Rogun expedition 168

Part III. «The Present». Man and Society: a sight through the prism of Ethnology and Cultural anthropology 174

Guboglo Mikhail N. Hospitality: historical and ethnogenetic parallels 174

Kaziev Sattar Sh., Burdina Elena N. The concept of «Trust» and problems of ethnic relations in Kazakhstan (1954-1985) 183

Safin Fail G., Ishemgulov Murat N., Kamaletdinov Dalmir A., Safin Florid F. Social attitudes of ethnic groups in a multinational region (on the example of the Republic of Bashkortostan) 201

Anayban Zoya V. Youth policy in the regions of Southern Siberia (comparative aspect) 215

Korostelev Alexander D. Language questions in Russian censuses 221

Snezhkova Irina A. Modern confessional situation in Ukraine and recent challenges 251

Grigulevich Nadezhda I. From Staritsa to Sviyazhsk: St. Herman, the Kazan Wonderworker 261

Ostapenko Lyubov V., Gritsenko Valentina V. Love for the Local Homeland as a part of traditional Russian culture 273

Subbotina Irina A., Subbotina Zhdana S. Concepts of «*star*» and «*Budzhak*» in the poetry of Stepan Kuroglo 284

Sevastyanov Ivan V. Saint Peter's day (*pitrau*) among the Kryashens (Orthodox Christian Tatars) of Tatarstan: traditions and innovations 301

Appendix 309

Kufterin Vladimir V. Bibliographic index of Nadezhda Dubova's main publications 309

ПРЕДИСЛОВИЕ

Инициатором и движущей силой создания сборника статей, приуроченного к юбилею доктора исторических наук Надежды Анатольевны Дубовой, выступил Михаил Николаевич Губогло. Хотя эта идея подспудно и «витала в воздухе», именно Михаил Николаевич «катализировал» процесс и вдохновил друзей и коллег Надежды Анатольевны на ее осуществление. К сожалению, безвременный уход М.Н. Губогло из жизни в конце ноября 2019 г. прервал его работу по подготовке этой книги…

В процессе обсуждения общей концепции сборника статей мы изначально исходили из того, что он должен отражать многообразие и многоаспектность творчества Н.А. Дубовой, которая будучи физическим антропологом по образованию и профессии, по примеру своего учителя академика В.П. Алексеева, давно вышла за рамки рассмотрения чисто антропологических вопросов. По этой причине, никаких тематических и жанровых ограничений авторам, готовым откликнуться на предложение принять участие в этом издании, не задавалось. Итог: 24 статьи предельно широкого тематического диапазона и стилистических подходов к изложению материала. Такой результат во многом перекликается с творчеством самой Надежды Анатольевны, чьи научные интересы поражают своей широтой (если не от «палеолита до Главлита», то уж от «неолита» точно!) как во временном, так и в пространственном масштабе… Условно весь сборник разделен на три части. В первую включены статьи, в известной степени отражающие особенности Н.А. Дубовой как человека, ученого и руководителя. Вторая часть представляет собой «ретроспективный блок», содержащий археологические и междисциплинарные исследования обществ далекого и не очень далекого прошлого. Наконец, третий блок включает разноплановые актуальные исследования в области этнологии и социально-культурной антропологии. Особую ценность, как нам видится, представляет собой ревизия творческого наследия Н.А. Дубовой в виде подготовки материалов к ее библиографии, помещенная в Приложении. Такая необходимость давно назрела, поскольку ранее опубликованные списки работ автора содержали целый ряд досадных неточностей…

На предложение поучаствовать в сборнике откликнулись коллеги и друзья Надежды Анатольевны не только из Москвы и других регионов России, но и зарубежные авторы, представляющие горячо любимый ею Туркменистан, а также Казахстан, Республику Абхазия, Италию и Германию. В связи с этим, помимо статей на русском языке, две работы публикуются на иностранных – английском (в случае коллег из Италии) и немецком языках.

Само название сборника, «родившееся» в ходе обсуждения с сотрудниками возглавляемого ею Центра антропоэкологии ИЭА РАН при активном участии давнего друга и коллеги Роберта Мидхатовича Сатаева (заместителя руководителя возглавляемой Н.А. Дубовой Маргианской экспедиции), представляет собой аллюзию на творчество юбиляра. Действительно, фокус ее исследований сосредоточен на интеракции в сложной системе «природа – человек – общество», причем как в ретроспективном, так и в актуальном аспектах. Кроме того, Н.А. Дубова любит подобные «трехсоставные» названия (вспомним ее статью «Личность – коллектив – общность»).

Хочется от души поблагодарить всех авторов, откликнувшихся на предложение чествовать Надежду Анатольевну Дубову и приславших статьи для этого издания. Особую благодарность выражаю коллегам по Центру антропоэкологии ИЭА РАН, в первую очередь А.Н. Ямскову, за помощь и поддержку при работе над сборником, а также идеи и рекомендации по улучшению его структуры. Большую помощь в рассылке приглашений на участие и на всех дальнейших этапах работы над книгой мне оказали друзья и соратники по жизни и по Маргианской экспедиции: Р.М. Сатаев из Уфы и А.В. Фрибус из Кемерово. Спасибо вам! Также я благодарен Марине Юрьевне Мартыновой, Юрию Дмитриевичу Анчабадзе (Институт этнологии и антропологии РАН) и Сергею Борисовичу Болелову (Государственный музей искусств народов Востока), взявших на себя труд выступить рецензентами этого сборника.

Не сомневаемся, что предлагаемая книга найдет своего читателя, а самой Надежде Анатольевне Дубовой будет приятно знать, что ее творчество вдохновляло и продолжает вдохновлять нас, ее друзей и коллег, на новые научные свершения!

В.В. Куфтерин

К ЮБИЛЕЮ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК НАДЕЖДЫ АНАТОЛЬЕВНЫ ДУБОВОЙ

Дирекция и трудовой коллектив Института этнологии и антропологии РАН сердечно поздравляют главного научного сотрудника ИЭА РАН – кандидата биологических, доктора исторических наук, Зав. сектором этнической экологии, лауреата ряда престижных премий и грантов Надежду Анатольевну Дубову с замечательным юбилеем.

Мы гордимся тем, что Вы, Надежда Анатольевна, с достоинством и честью несете высокое звание талантливого ученого Советского Союза и Российской Федерации, постоянно повышая планку этнологического и антропологического знания вместе с тем – ответственного звания главного научного сотрудника главного Института Российской Федерации по изучению культур и народов мира.

Под Вашим руководством и при Вашем непосредственном участии развивались влиятельные междисциплинарные научные направления – этноархеологии, этноэкологии, исследования миролюбивых и миграционных основ межкультурного диалога, согласия и межэтнических отношений, антропологии движения на обширном евразийском пространстве.

Неоценим Ваш вклад, как руководителя Российско-Туркменской Маргианской экспедиции в осмыслении и освещении ее влиятельных научных успехов и достижений, в разработку исследовательского проекта «Социально-созидательная и этно-разрушительная энергия гастарбайтерства» и ряда других престижных проектов, неоднократно поддержанных РГНФ и РФФИ. Гордость Института этнологии и антропологии РАН – Н.А. Дубова – один из наиболее авторитетных и творческих представителей современной этнологической и антропологической науки. Ваш последовательный и неутомимый научно-организационный энтузиазм и деятельность служат делу постижения древних основ и современных условий этнической истории народов Средней Азии и Казахстана, Сибири, других регионов евразийского пространства. Ваши труды способствуют сохранению, поддержке и продвижению традиционной культуры народов Российской Федерации и народов других стран.

Как маститый ученый, энциклопедически эрудированный и квалифицированный специалист, как востребованный и активный участник многих российских и международных научных форумов, неутомимый оптимист и жизнелюбивый человек, патриот науки и Отечества, Вы по праву заслужили искреннюю любовь, признательность и уважение своих коллег, учеников и поклонников Вашего таланта, ряда государственных и международных наград, в том числе «Золотой цепи Президента Туркменистана «Алтын Асыр». Доброго Вам здоровья и долгих лет творческой жизни!

Дирекция
Института этнологии и антропологии РАН

I Часть

Надежда Анатольевна Дубова. Творческий портрет к юбилею ученого

Р.Г. Мурадов

ЭНЕРГИЯ СОЗИДАНИЯ

У Константина Паустовского есть одно очень точное наблюдение, которое приходит на ум, когда я думаю о Надежде Анатольевне Дубовой: «Люди, работающие в любых областях, заметно делятся на три категории – на тех, кто уже своей профессии, тех, кто точно входит в ее рамки, и, наконец, на тех, кто значительно шире своей профессии. Эти последние обыкновенно бывают людьми беспокойными и кипучими. Они – настоящие созидатели». Так вот, она значительно шире своей профессии антрополога и уж конечно – тут надо уточнить – физического антрополога. Каждый, хорошо знающий Дубову как личность и как ученого, подтвердит справедливость сказанного русским классиком, как нельзя лучше охарактеризовавшего людей такого типа.

Надежда Анатольевна наделена не только невероятной энергией созидания, но еще и неисчерпаемым оптимизмом, которым она невольно заряжает окружающих. Там, где другие складывают крылышки и отступают перед непреодолимой, как им представляется, преградой, она отчаянно расправляет крылья и добивается цели! А целеустремленность, настойчивость и вера в себя есть проявления цельности характера Дубовой. Природа этой цельности происходит от всего, что окружало ее с детства, от среды, в которой она формировалась.

Мне посчастливилось знать ее прекрасную маму – Нину Семеновну Платонову, бережно хранившую память о родных и друзьях, вхожих в их гостеприимной дом. Особое место там занимал отчим Надежды Анатольевны – скульптор Иван Гаврилович Першудчев, создавший целую галерею портретов героев Великой Отечественной войны. Сама Нина Семеновна, дочь советского военачальника, генерал-лейтенанта Семена Павловича Платонова, прошла войну в качестве медсестры фронтового госпиталя, уйдя на фронт добровольцем со второго курса МАРХИ. Только после Победы она закончила учебу, став архитектором. Работала в Госграждансторое СССР, занималась изучением деревянного зодчества русского Севера. Правда, кандидатскую диссертацию защитила уже по другой теме: при Хрущеве исследование «гнилушек», как тогда выражались чинов-

ники от науки, не поощрялось. Влияние мамы, дедушки, отчима, их круга общения, конечно же, отразилось на сложении духовных ориентиров и жизненной позиции Дубовой.

Она родилась в Москве и в детстве жила в легендарном доме Моссельпрома близ Арбатской площади, ныне имеющем статус объекта культурного наследия как памятник русского конструктивизма и авангарда. До восьмого класса училась в московской школе № 110, которая считалась одной из лучших по уровню обучения, а заканчивала учебу в специализированной «биологической» школе № 109 на Мосфильмовской. Затем – биофак МГУ, который в те годы возглавлял профессор Николай Павлович Наумов – зоолог, эколог, охотовед и один из пионеров бионики, добившийся, в частности, прекращения деятельности лысенковцев на факультете. Кафедрой антропологии, где училась Дубова, заведовал другой выдающийся ученый и педагог, профессор Яков Яковлевич Рогинский – один из крупнейших исследователей антропогенеза. Он и стал руководителем ее блестящей дипломной работы, посвященной антропологии некоторых групп населения Северного Таджикистана. Эту тему Надежда Анатольевна развила в своей кандидатской диссертации, защищенной в НИИ и Музее антропологии МГУ через семь лет после окончания вуза. Но именно в университете, во многом благодаря лекциям по этнографии народов мира, которые студентам-антропологам читал профессор Сергей Петрович Поляков – исключительно эрудированный эксперт по Средней Азии, у Дубовой зародился пристальный интерес к этому региону, со временем перешедший в самое настоящее пристрастие.

Ее научный руководитель в аспирантуре – ученый с необычайно широким диапазоном интересов, антрополог, историк и археолог академик Валерий Павлович Алексеев, а также его супруга – профессор антропологии и академик РАН Татьяна Ивановна Алексеева оказали, безусловно, определенное влияние на становление Н.А. Дубовой как специалиста, задав векторы ее исследований по этнической антропологии, краниологии, соматологии, одонтологии, археологии Евразии, этнической экологии, палеоантропологии, бронзовому веку Евразии, миграциям эпохи бронзы. Среди близких ей по духу и научным интересам ученых, с которыми связаны многие годы дружбы, были и такие авторитетные специалисты старшего поколения как Виктор Иванович Козлов, Павел Михайлович Кожин, Михаил Федорович Косарев, Юрий Иванович Семенов, Михаил Николаевич Губоголо, Юрий Борисович Симченко. Но особое место в ее жизни занял Виктор Иванович Сарианиди. Для него Дубова стала не просто надежной опорой все его последние годы, но и, пожалуй, самым близким другом и соратником.

Я назвал, конечно, далеко не всех, кто составлял тот интеллектуальный мир, в котором она жила, от кого исходили интенции, влиявшие на развитие антропологической мысли и этнологии в современной России. Не удивительно, что в таком достойном окружении и сама Н.А. Дубова достаточно рано заявила о себе как об уникальном ученом, внесшим неоспоримый вклад в изучение человека и его миграционных передвижений по Евразии на разных этапах мировой истории. Ее глубокие исследования генетического и социокультурного расслоения человеческих популяций уже давно находятся в поле зрения отечественных и зарубежных специалистов, вызывая не только дифирамбы, но и полемику. Здесь не могу не процитировать яркие строки М.Н. Губогло: «Вникая в тексты, написанные Н.А. Дубовой, читатели вслушиваются в несмолкающий, непрестанный ход истории, напоминающий отдаленный гул неспокойного движения

тысяч коней и людей, завораживающего в поистине магическом стремлении вперед к новым степям, пастбищам и угодьям».

Хотя у нас с ней разные профессии, есть одна важная точка соприкосновения. Это Туркменистан – моя родина, а для нее – объект многолетних исследований и не просто душевной привязанности, но и самой настоящей любви. Зная многих ученых из разных стран мира, которых как магнитом тянет сюда, я иногда задумываюсь о том, какая сила притяжения есть в этой земле? Побывав здесь однажды, эти люди ищут потом любую возможность приехать снова. Одним из них был Сарианиди. Двадцатилетним студентом он впервые попал в Туркмению и, как сам потом не раз признавался, полюбил ее на всю жизнь. Надежда Анатольевна также связана с Туркменией с молодых лет, но пути их долго не пересекались: лишь двадцать лет назад они познакомились, и Виктор Иванович пригласил ее в свою экспедицию. Для него это был поистине судьбоносный выбор, потому что именно Дубова взяла на себя весь груз организационных забот, когда сам Сарианиди уже в силу преклонного возраста и состояния здоровья утратил свою прежнюю активность. Это она продлила его научную жизнь, стала полноценным соавтором и редактором его трудов, не говоря уже о том, сколько сил приложила и продолжает прилагать к научной обработке материалов, добытых им за многие годы раскопок и ныне рассредоточенных по туркменским музеям, а отчасти еще и не опубликованным.

Все, кто имеет отношение к Маргианской экспедиции, прекрасно знают: без Дубовой Сарианиди, хитроумным способом фактически уволенный из Института археологии РАН, где он проработал полвека, гораздо раньше вынужден был бы свернуть свою полевую работу. И не было бы тогда тех ярких открытий, которые умножили славу блистательной Маргианы эпохи бронзы. Без Дубовой не было бы и регулярного издания Трудов МАЭ, не говоря уже о привлечении в состав команды профессионалов разного профиля из научных центров России и Европы.

Наконец, только благодаря ее инициативе и настойчивости и под ее непосредственной редакцией в академической серии «Народы и культуры» был-таки издан фундаментальный том «Туркмены» – самое полное на сегодняшний день этнографическое описание народа, с которым ее связывает, помимо нынешней археологической эпопеи, начавшаяся еще в 1970-е гг. полевая работа антрополога. Об этом издании следует сказать особо. Его подготовка растянулась на несколько лет и проходила в атмосфере, которую, увы, никак нельзя назвать плодотворным сотрудничеством. Партнерская организация – ныне упраздненный Институт истории Академии наук Туркменистана – в лице ее администрации всячески затягивала работу, отвергая вполне качественные материалы одних авторов и навязывая вместо них другие, да еще такого уровня, который никак не соответствовал элементарным стандартам серии «Народы и культуры». В результате отсутствия взаимопонимания работа останавливались на целые годы, и порой казалось, что эта книга уже никогда не выйдет. Тем не менее, Н.А. Дубова проявила поистине чудеса дипломатии и путем уступок и компромиссов все-таки довела этот многострадальный труд до логического завершения.

Конечно, он весьма уязвим для критики. Например, в нем отсутствуют важнейшие разделы по этногенезу туркмен, субэтническим группам внутри них[1],

[1] Вместо современного термина «субэтнические группы» ранее чаще употреблялся термин «родоплеменной состав», «родоплеменное деление» – Прим. ред.

этнодемографическому развитию, далеко не в полном объеме представлена диаспора. Очень спорной получилась глава «Культура и искусство», где целые подразделы посвящены археологическим находкам и архитектурным формам, связанным с современной территорией Туркменистана, но едва ли имеющим отношение к деятельности собственно туркменского народа, которому посвящен этот труд. При этом не нашлось места для таких необходимых и в общем-то уже разработанных в науке тем как национальное сознание и традиционный нравственный идеал, народное образование, зрелищные виды искусства… Как один из авторов и ближайших помощников Н.А. Дубовой при подготовке этого труда я, конечно, вижу его очевидные изъяны, но я также знаю и про «подводные камни», на которые она постоянно натыкалась в этой работе. В конце концов, важно то, что «Туркмены» все-таки увидели свет, встали на полки крупнейших научных библиотек России, Туркменистана, многих других стран и нет никаких оснований ожидать, что в обозримом будущем кому-то еще удастся повторить подобное. Как тут не вспомнить стихотворную парафразу формулы, которой римские консулы заключали свою отчетную речь, передавая полномочия преемнику: «*Feci quod potui, faciant meliora potentes*» – «Я сделал все что мог, кто может, пусть сделает лучше».

Мое общение с Надеждой Анатольевной, начавшееся сугубо в служебном формате, в те годы, когда я работал в Национальном управлении Туркменистана по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры, со временем переросло в настоящую дружбу, которой я очень дорожу. Выявилось сходство взглядов на многие вещи, хотя бывают и острые споры, а как же иначе? Тем не менее, разный жизненный опыт, разный так сказать *background* никоим образом не мешают нашим адекватным реакциям на шутки или единодушию в оценке тех или иных событий, суждений, книг, статей… А сколько важных для меня профессиональных контактов завязалось благодаря ее посредничеству, сколько замечательных людей я узнал! В постоянном общении с друзьями мы редко вспоминаем, где и при каких обстоятельствах познакомились, через кого узнали друг друга. И когда я думаю о своих друзьях, не виртуальных, фейсбучных, а самых настоящих, с кем связаны воспоминания о бесчисленных встречах, путешествиях и, конечно, застольях, то вижу среди них немало людей из ее круга. С ее легкой руки они стали частью моей жизни. Переписываясь в разных мессенджерах, мы с Надеждой Анатольевной иногда расточаем взаимные комплименты, из чего я делаю вывод, что хотя бы чем-то был ей полезен. Признаюсь, что многому научился от нее. Например, тому, как важно быть отзывчивым и не забывать быть благодарным, ведь слово «спасибо» – одно из самых часто употребляемых в ее лексиконе.

Я рад, что Н.А. Дубова была отмечена несколькими государственными наградами Туркменистана, хотя она заслуживает гораздо большего. И, конечно, я безмерно признателен ей за все, что она сделала и продолжает делать для меня. Хотя таких как я у нее, конечно, много. Помимо своих научных трудов она сумела воспитать учеников, а это такая редкость сегодня. Только благодаря ее созидательной энергии еще живет Маргианская археологическая экспедиция, регулярно издаются труды дружной команды специалистов, которую собирает, поддерживает и сплачивает Надежда Анатольевна.

Что же ей можно пожелать по случаю юбилея? Не буду повторять банальности. Туркмены, когда видят человека, работающего в поте лица, бросают ему одну простую фразу: *armaweriň*! Буквально это означает: не уставайте!

В.В. Куфтерин

Н.А. ДУБОВА И ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ ЭПОХИ БРОНЗЫ[1]

Палеоантропологическая тематика заняла заметное место в научном творчестве Надежды Анатольевны Дубовой с начала 2000-х гг., что не в последнюю очередь связано с ее участием в работах Маргианской экспедиции в Южном Туркменистане под руководством выдающегося археолога В.И. Сарианиди. Безусловно, являясь крупным специалистом по расовой морфологии и этнической антропологии современного населения среднеазиатского региона, Н.А. Дубова, так или иначе, обращалась к палеоантропологическому материалу и ранее, в экскурсах посвященных сложению антропологических особенностей современных групп (см., напр.: Дубова, 1987, 1989, 1991). Большая часть палеоантропологических работ Н.А. Дубовой касается эпохи бронзы – периода, на который приходится четвертый этап расообразовательного процесса по В.П. Алексееву и возникновение «…групп популяций как носителей стабильных расовых сочетаний внутри локальных рас» (Алексеев, 1985, с. 283).

Несмотря на то, что Н.А. Дубова самостоятельно или в соавторстве исследовала материалы из, в общем-то, всего нескольких среднеазиатских памятников эпохи бронзы, круг поднимаемых в ее работах вопросов и проблем обширен. Имея огромный морфологический опыт по изучению современного населения Средней Азии (практически все этнические группы – таджики, узбеки, киргизы, туркмены, памирские народности, белуджи, курды, арабы и ирони), она прослеживает истоки и пути формирования его антропологических особенностей с опорой на палеоантропологический источник. Соответственно, в «палеоантропологической части» научного наследия Н.А. Дубовой преобладают краниологические исследования. Прежде чем перейти к рассмотрению и обсуждению некоторых сюжетов, касающихся палеоантропологии Средней Азии эпохи бронзы в трактовке Н.А. Дубовой, следует перечислить памятники, с материалом которых она работала и продолжает работать, в значительной степени основывая на них свои научные построения. Прежде всего, это материалы из Гонур-депе в Южном Туркменистане (Бабаков и др., 2001; Рыкушина и др., 2003; Дубова, 2008а, 2011а, 2014б и др.; Dubova, Rykushina, 2004, 2007) и Бустон (Бустан) VI в Южном Узбекистане (Аванесова и др., 2010; Дубова, Куфтерин, 2015). Также ею непосредственно исследовались скелетные останки из Сиабского погребения в Самарканде (Дубова, 2008б), Пархара (Фархора) и Кангурттута в Южном Таджикистане (Дубова, 2015, 2017б).

В настоящей публикации, предлагается обзор взглядов Н.А. Дубовой на некоторые проблемы среднеазиатской палеоантропологии эпохи бронзы и предпринимается попытка их критического осмысления, благо для этого имеется хороший повод в виде юбилея ученого.

[1] Статья подготолвена в рамках плана научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

«Тысячелетняя давность долихокефалии туркмен» и искусственная деформация головы у населения Маргианы

Одним из важных вопросов, затрагиваемых в исследованиях Н.А. Дубовой, является проблема, сформулированная Л.В. Ошаниным как «тысячелетняя давность долихокефалии туркмен» (Ошанин, 1926). Н.А. Дубова, вслед за А.П. Пестряковым, придерживается в этом вопросе компромиссной позиции, считая, что часть трукмен (напр., туркмены-салыр) долихокефальна по происхождению (точка зрения Л.В. Ошанина и А.И. Ярхо), а другая (напр., абдалы), в целом брахикефальная, искусственно удлиняет головы путем наложения специальной повязки в детском возрасте (точка зрения М.Г. Левина и Т.Н. Дунаевской). Данной проблеме посвящено несколько отдельных работ автора (напр.: Дубова, 2004а, 2014а). Точка зрения об исходной долихокефальности древнего населения Туркменистана, усиливаемой путем искусственной деформации, подробно изложена в специальной статье (Дубова, 2006а).

Истоки этого обычая Н.А. Дубова усматривает у населения Маргианы эпохи бронзы (Дубова, 2004а, 2004б, 2006а, 2010б). В частности, изучив материалы из раскопок Гонур-депе, она отмечает, что «…Значительная часть черепов (у 9 взрослых и 65 детей – или 40% от всех изученных) несла совершенно четкие следы искусственной деформации в области затылка и темени. Оказалось, что такая разновидность кольцевой деформации, которая известна под названием теменно-затылочной, была очень широко распространена среди населения Гонур-депе, и, по-видимому, во всей Маргиане уже в эпоху средней бронзы» (Дубова, 2014б, с. 65). Н.А. Дубова полагает, что деформация достигалась путем наложения тугой повязки на теменно-затылочную область, носила непреднамеренный характер и «бинтование» головы было элементом ухода за ребенком (Дубова, 2006а, 2010б, 2014а, с. 141). «Следы такой повязки обнаружены на черепах умерших в разных возрастах, включая младенцев, проживших лишь 5-7 и даже менее 1 месяца» (Дубова, 2014б, с. 65) и, далее, «…Среди изученных останков 32 новорожденных младенцев в 5 случаях отмечена явная теменно-затылочная деформация (15,6%)» (Дубова, 2014б, с. 65).

Опираясь на эти данные, Н.А. Дубова постулирует широкое распространение деформации головы среди среднеазиатского населения уже во II тыс. до н.э., что «…по меньшей мере, на 900-1000 лет раньше, чем она появилась в северных районах Средней Азии, и приблизительно на 1500 лет раньше, чем в Сибири и Центральной Азии» (Дубова, 2014а, с. 142). Отметим, что ранее наиболее древний случай кольцевой деформации отмечался в Яз-депе (V-IV вв. до н.э.) в Парфии – Маргиане (территория современного Туркменистана) (Ходжайов, 2000, 2006), а теменной и лобно-затылочной – в Восточном Приаралье (Южный Тагискен) и Присарыкамышье (Сакар-чага) (Яблонский, 1986). Н.А. Дубова, опираясь на результаты исследования материалов Гонура, и не исключая, однако, возможности параллельного возникновения традиции на разных территориях, говорит о «…распространении… обычая деформации головы в степные районы Евразии из южного маргианского центра» (Дубова, 2014б, с. 66). Взгляды и позиция автора, хотя и представляют несомненный интерес и вносят большой вклад в изучение проблемы возникновения и распространения традиции деформации в среднеазиатском регионе, все же весьма уязвимы для критики.

Первое возражение касается используемой терминологии и реконструкции самого процесса деформации. Применяемый Н.А. Дубовой термин «кольцевая деформация» (Дубова, 2014б, с. 65), представляется

не вполне удачным, так как при высокой циркулярной (кольцевой) деформации, повязки, формирующие череп, оборачиваются вокруг головы через лоб и затылок, а не через затылок и теменную область (Жиров, 1940). Если реконструируемый процесс подразумевал наложение повязки «…одна часть которой охватывала снизу затылок, а вторая помещалась на темени, ближе ко лбу или сзади – почти на верхней части затылка» (Дубова, 2014б, с. 65), то, во избежание путаницы с собственно кольцевым типом, возможно, следует использовать термин просто «теменно-затылочная деформация». Или говорить о комбинированной теменной и затылочной деформации.

Второе возражение гораздо серьезнее. Оно касается сложности и, как следствие, значительной доли субъективного фактора в процессе фиксации деформации визуальным способом, особенно, при слабой степени выраженности деформирующего воздействия (как это имеет место на Гонуре, где на взрослых черепах деформация визуально не фиксируется). Крайне сомнительным представляется наличие следов искусственной деформации на черепах детей в возрасте менее полугода и, тем более, новорожденных (Дубова, 2006а, 2010б, 2014а, 2014б). Это связано со значительной подвижностью костей черепа, наличием родничков (замещение перепончатой соединительной ткани которых на костную происходит в промежуток от 2 месяцев до 2 лет), отсутствием черепных швов (Ульяновская и др., 2015), а также в целом плохой сохранностью детских черепов такого возраста. Несмотря на то, что именно затылочная и теменные кости в течение первого года жизни демонстрируют наиболее быстрый рост и, следовательно, могут быть наиболее подвержены деформирующему воздействию, сам факт наличия деформации в этом возрасте доказать весьма проблематично.

Наконец, сомнительно, учитывая то обстоятельство, что если деформация и была, то у взрослого населения Гонура она практически не выражена, происхождение этой традиции из «южного маргианского центра». Если обычай деформации у гонурцев носил непреднамеренный характер, а ее эффект более выражен на пластичных детских краниумах, то представители маргианского общества эпохи бронзы вряд ли выступали сознательными трансляторами данной традиции.

Все сказанное ни в коей мере не умаляет вклада Н.А. Дубовой в разработку проблемы и значения ее работ для понимания возникновения и распространения традиции деформации головы в среднеазиатском регионе, что отмечается в специальных исследованиях (Шведчикова, 2010, с. 10).

Еще один сюжет, касающийся условного блока «тысячелетняя давность долихокефалии», связан с обнаружением на Гонур-депе пяти (2,1%) брахикранных черепов (Бабаков и др., 2001; Дубова, 2014б и др.). Для столь раннего времени (конец III тыс. до н.э.) – это первый случай на территории Средней Азии, что позволяет рассматривать Гонур, наряду с Сиалком и Гиссаром, как один из наиболее древних центров брахикефализации. Н.А. Дубова, с одной стороны, связывает наличие брахикранных черепов на Гонуре с миграционными процессами и метисацией ранее не контактировавших групп (вслед за В.В. Бунаком, А. Валлуа, И. Швидецки и М. Каппьери) (Дубова, 2014б, с. 67). С другой, – не исключает влияния «экологического фактора» (вслед за П. Вассалем и Т.И. Алексеевой), указывая на «…примеры отклонений от оптимальной минерализации скелета» (Дубова, 2014б, с. 67) на Гонуре (скелеты нескольких карликов и нескольких детей «с нарушением процесса оссификации»). Отметим, что приводимые ею примеры не вполне удачны, поскольку речь идет о явных аномалиях, связанных скорее с генетикой, чем со средовым воздействием. Поэтому указание на

«миграционные процессы и метисацию», учитывая наличие брахикранов в Сиалке и Гиссаре II (Cappieri, 1973), представляется более аргументированной позицией и находится в соответствии с «миграционистскими» взглядами, разделяемыми Н.А. Дубовой в вопросе сложения антропологических особенностей населения Средней и Передней Азии эпохи бронзы.

Миграции эпохи бронзы. Население БМАК в контексте взаимодействия «степного» и «земледельческого» мира

К ключевым вопросам палеоантропологии эпохи бронзы, нашедшим отражение в творчестве Н.А. Дубовой, следует отнести проблемы взаимодействия представителей оседлых земледельческих популяций южных районов Средней Азии с преимущественно скотоводческим «степным» населением севера региона, а также роли миграций в формировании «антропологического покрова» (термин В.П. Алексеева) этой территории. Данным проблемам посвящен целый ряд работ исследователя (напр.: Дубова, 2008а, 2008б, 2009, 2010а, 2010б, 2011б и др.).

Н.А. Дубова в этом вопросе последовательно отстаивает позиции миграционизма (Дубова, 2009, 2010а). В частности, изучив очень представительные материалы из Гонур-депе на широком сравнительном фоне (около 70 краниологических серий), она приходит к следующим заключениям. «Таким образом, полученные новые данные позволяют утверждать, что …гонурская популяция имеет безусловно мигрантное для дельты р. Мургаб происхождение. В отличие от ранее известных с территории Туркменистана краниологических данных, …гонурская серия демонстрирует значительный полиморфизм населения, возникший в результате метисации разных групп» (Дубова, 2010а, с. 76). Н.А. Дубова выделяет в серии из Гонура несколько антропологических компонентов. Помимо преобладающего «восточно-средиземноморского» (представленного и у населения предгорий Копетдага энеолита – бронзы), это «переднеазиатский» и «веддоидный» (Дубова, 2010а). Полученные результаты являются свидетельством «…потока взаимных миграций между Ближним Востоком, Восточным Средиземноморьем, с одной стороны, и Индостаном, а также Пакистаном и Афганистаном, с другой, проходившего через южные районы современного Туркменистана» (Дубова, 2010а, с. 76). Краниологические и одонтологические данные, по Н.А. Дубовой, свидетельствуют об архаической морфологии этого пришлого населения. Отнесение гонурцев к группе недифференцированных одонтологических типов (Рыкушина и др., 2003), наряду с данными краниологии, позволяет включать их «…в тот древний антропологический субстрат, который был некогда довольно широко распространен на территории Передней Азии и Северной Индии» (Дубова, 2009, с. 241).

Во всех работах Н.А. Дубовой подчеркивается, что о минимальной примеси компонента, связанного с «палеоевропеоидным» скотоводческим населением евразийских степей, для южных районов Средней Азии можно говорить не ранее середины II тыс. до н.э. (напр.: Дубова, 2008а, 2010а, 2010б, 2011б, 2014б). Для характеристики этого процесса автор использует, может быть стилистически не совсем удачное выражение «постепенное просачивание» (Дубова, 2010б, с. 500). Очень важно, что речь идет о приходе на юг не «чистых» протоевропеоидов, а групп, в антропологическом типе которых значительное место занимал средиземноморский компонент (см., напр.: Дубова, 2014б). Попутно отметим, что наиболее последовательно мнение о том, что «называть какие-либо грацильные европеоидные группы Южной

Сибири и Казахстана, в том числе и андроновские, «средиземноморскими» нельзя» (Козинцев, 2010, с. 123), отстаивает А.Г. Козинцев (2008, 2009 и др.).

Следует подчеркнуть позицию Н.А. Дубовой относительно серий из среднеазиатских памятников, где археологически фиксируется взаимодействие земледельческих и скотоводческих культур (Кокча 3, Бустан, Джаркутан, Большие Балханы). Их промежуточное положение, по результатам многомерного статистического сопоставления, по отношению к «типичным земледельцам» (Хасанлу, Гонур, Мохенджо-Даро, Тимаргарха, Буткара) и сериям с территории Казахстана, Сибири и Волго-Уральского региона, по Н.А. Дубовой, вовсе не является равноудаленностью (Аванесова и др., 2010, с. 135). В этих сериях, компонент, увязываемый с древним неолитическим населением юга Средней Азии, по ее данным, бесспорно, выражен больше (Аванесова и др., 2010).

Наконец в вопросе взаимодействия земледельческого населения с представителями степной бронзы, Н.А. Дубова солидаризируется с позицией Т.П. Кияткиной (1987, с. 51-52), оппонируя А.В. Громову (1995, 2004) и Л.Т. Яблонскому (2004). Известно, что на некоторых черепах из ряда могильников (Кара-депе, Геоксюр, Алтын-депе, Сапаллитепа, Тигровая Балка, Макони-мор, Заман-баба) отмечается высоколицесть и гиперморфность, что расходится с представлениями о классических «средиземноморцах». Однако, как вслед за Т.П. Кияткиной подчеркивает Н.А. Дубова «…матуризованность строения не изменяет общей конфигурации черепа, соотношение отдельных его частей, а высоколицесть говорит, скорее о большой древности этой особенности…» (Дубова, 2010а, с. 71). Таким образом, участия в формировании южного земледельческого населения, представители протоевропеоидного «степного» расового типа, по крайней мере, до середины II тыс. до н.э., не принимали (Дубова, 2008а, 2010а, 2010б, 2011б).

Развивая последний тезис и анализируя отличия между более ранней (Большой некрополь) и более поздней (захоронения в «руинах») сериями из Гонура, Н.А. Дубова пишет следующее. «Дабы не сложилось ошибочное впечатление о явно выраженном “степном облике” последних насельников Гонура… напомню еще раз, что население, погребенное в руинах, ближе всего по своим антропологическим характеристикам к Хараппе R37, иранскому Хасанлу, пакистанской Тимаргархе и туркменскому Карадепе. Группы, обитавшие в эпоху бронзы в степях Евразии, отличаются от них не менее чем на 1,5 стандартных квадратических отклонений…» (Дубова, 2014б, с. 69).

В заключение раздела отметим, что точка зрения Н.А. Дубовой, объясняющая «…присутствие антропологического компонента, сходного со средиземноморским среди срубных (и даже более ранних) групп Поволжья… и, особенно, алакульцев…» как результат движения с юга (возможно, в более раннее, чем эпоха бронзы, время) в степные районы, а не наоборот (Дубова, 2010а, с. 76), помимо противников, имеет и ряд сторонников (напр.: Худавердян, 2013).

Miscellanea

Помимо краниологии, Н.А. Дубова уделяла и уделяет внимание и другим аспектам изучения антропологии древнего населения. Так, ею в соавторстве написаны две статьи по палеодемографии Гонур-депе – памятника, в силу беспрецедентной численности раскопанных погребений, во многом эталонного для моделирования демографической ситуации в эпоху бронзы (Дубова, Рыкушина, 2007; Куфтерин, Дубова, 2019). Новаторством первой из этих работ является попытка дифференцированной по полу оценки детской «смертности» в палеопопуляции (на основе определений Г.В. Рыкушиной)

(Дубова, Рыкушина, 2007). Ряд публикаций Н.А. Дубовой посвящен изучению адаптивных процессов у населения эпохи бронзы, в том числе, в сравнении с представителями более поздних и современных популяций (напр.: Дубова, 2012, 2017а).

Очень интересное исследование Н.А. Дубовой касается антропоморфной пластики Гонура (Дубова, 2006б). Оно выполнено в духе продолжения работ ее учителя В.П. Алексеева по антропологической оценке скульптур Халчаяна и Дальверзина (Алексеев, 1989). В этой статье Н.А. Дубова отмечает, что передаваемые гонурскими изображениями черты лица – в целом переднеазиатского типа, хотя имеются отдельные изображения «восточносредиземноморского» облика. Изображений, которые можно было бы связать с палеоевропейским населением, нет (Дубова, 2006б). Полученные результаты подтверждаются серией графических и пластических реконструкций, выполненных разными авторами по черепам из Гонура (Дубова, 2007).

Не имея возможности, да и не преследуя цели охватить все аспекты творчества Н.А. Дубовой в области изучения древнего населения Средней Азии (например, «чисто» археологические работы), отметим ряд моментов, характеризующих ее как исследователя. В своих публикациях Н.А. Дубова выступает, прежде всего, как антрополог-морфолог, а не антрополог-биометрик. И это несмотря на солидный бэкграунд в виде обучения в Летней школе по количественным методам в Институте Социальных исследований Университета штата Мичиган в 1992 г. (Анн-Арбор, США). Однако и в области количественной обработки антропологических данных ею предложен ряд новшеств.

В частности, Н.А. Дубовой впервые в отечественной антропологии, при внутригрупповом анализе краниологической серии из Бустон VI применен такой способ визуализации многомерных данных как лица Чернова (Chernoff faces) (Дубова, Куфтерин, 2015). Этот пиктографический метод полезен при исследовании сложных взаимосвязей между несколькими переменными и основан на врожденной способности человека быстро оценивать изменения в лице по многим параметрам (Chernoff, 1973). Излюбленный способ исследования многомерного пространства, применяемый Н.А. Дубовой, в том числе и на межгрупповом уровне, – факторный анализ по методу главных компонент. Вопреки утверждению, что использование главных компонент для анализа межгрупповой изменчивости может привести к получению ошибочных результатов (Дерябин, 2008), Н.А. Дубова применяет его всегда. Это оправдывается тем, что в исходной формулировке Пирсона ограничений на приложение метода нет и его можно использовать в любых случаях, когда ставится задача об аппроксимации конечного множества данных. Еще раз подчеркнем, однако, что Н.А. Дубова, все-таки, отдает предпочтение морфологическим, а не сугубо статистическим подходам к анализу биологической изменчивости.

В настоящее время Н.А. Дубовой готовится к публикации обобщение данных по населению Гонур-депе, – важного памятника для исследования ключевых проблем антропологии Средней Азии эпохи бронзы. Проведен углубленный внутригрупповой анализ гонурских материалов на предмет выявления связи между физическими особенностями погребенных и их принадлежностью к определенным стратам маргианского общества (Дубова, Куфтерин, 2017). Подводя итоги, отметим, что в результате почти двадцатилетних работ в области палеоантропологии, Н.А. Дубовой внесен существенный вклад в решение ряда проблем, касающихся антропологии древнего населения не только Средней Азии, но и прилегающих территорий. Надеемся, что часть из них получат дальнейшую разработку в новых публикациях юбиляра.

Литература

Аванесова Н.А., Дубова Н.А., Куфтерин В.В. Палеоантропология некрополя сапаллинской культуры Бустон VI // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 1 (41). С. 118-137.

Алексеев В.П. Человек: эволюция и таксономия (некоторые теоре тические вопросы). М.: Наука, 1985. 287 с.

Алексеев В.П. Опыт антропологической оценки скульптур Халчаяна и Дальверзина // Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. М.: Наука, 1989. С. 326-338.

Бабаков О., Рыкушина Г.В., Дубова Н.А., Васильев С.В., Пестряков А.П., Ходжайов Т.К. Антропологическая характеристика населения, захороненного в некрополе Гонур-депе // Сарианиди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М.: Мир-медиа, 2001. С. 105-132.

Громов А.В. Население Юго-западного Туркменистана в эпоху поздней бронзы // Антропология сегодня. Вып. 1. СПб.: МАЭ РАН, 1995. С. 151-160.

Громов А.В. Древнее население долины р. Сумбар (Юго-западный Туркменистан) // Палеоантропология. Этническая антропология. Этногенез. К 75-летию Ильи Иосифовича Гохмана. СПб: МАЭ РАН, 2004. С. 8-20.

Дерябин В.Е. Курс лекций по многомерной биометрии для антропологов. М.: Изд-во МГУ, 2008. 332 с.

Дубова Н.А. Антропологические особенности туркмен в сравнении с другими народами Средней Азии и проблемы их происхождения // Известия АН Туркменской ССР. Сер. обществ. наук. 1987. № 2. С. 22-28.

Дубова Н.А. Антропологические особенности туркмен и древнее население степей Средней Азии // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус: Каракалпакистан, 1989. С. 183-194.

Дубова Н.А. Антропологический состав современного населения Средней Азии и пути его формирования // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. 4. М.: Наука, 1991. С. 61-73.

Дубова Н.А. Еще раз о тысячелетней давности долихокефалии туркмен // Miras. 2004. № 4. С. 78-85.

Дубова Н.А. Искусственная деформация головы у земледельцев эпохи бронзы // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. 2006а. Вып. 5. С. 22-36.

Дубова Н.А. Антропологический облик населения Маргианы в антропоморфной пластике Гонура // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Кн. 1. М.: Наука, 2006б. С. 301-306.

Дубова Н.А. Человек эпохи средней бронзы Центральной Азии: реконструкция облика населения Гонур-депе (Туркменистан) // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. Т. 1. Иркутск: Оттиск, 2007. С. 214-223.

Дубова Н.А. Антропология Гонур-депе: так есть ли степной антропологический компонент у земледельцев II тыс. до н.э. Южного Туркменистана? // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: Азбука, 2008а. С. 201-205.

Дубова Н.А. Еще раз о ранних скотоводах и земледельцах Средней Азии. Антропология Сиабского погребения // Актуальные вопросы антропологии. Вып. 3. Минск: Право и экономика, 2008б. С. 166-172.

Дубова Н.А. Миграции и торговля: антропологические заметки // Краткие сообщения Института археологии РАН. 2009. Вып. 223. С. 224-243.

Дубова Н.А. Процессы этногенеза на Евразийском пространстве (антропологические следствия миграций и торговли в бронзовом веке) // Человек: его

биологическая и социальная история. Т. 1. М. – Одинцово: Изд-во АНОО ВПО «Одинцовский гуманитарный институт», 2010а. С. 67-78.

Дубова Н.А. Антропологический покров Туркменистана в древности и в наши дни // На пути открытия цивилизации. Сб. статей к 80-летию В.И. Сарианиди. Труды Маргианской археологической экспедиции. СПб.: Алетейя, 2010б. С. 484-503.

Дубова Н.А. Археологические работы на Гонур-депе – новый аспект палеоантропологии Туркменистана // Памятники истории и культуры Туркменистана (научные открытия, исследовательские и реставрационные работы за 20 лет независимости). Ашхабад: Туркменская государственная издательская служба, 2011а. С. 153-169.

Дубова Н.А. Новые антропологические данные к проблеме взаимодействия скотоводов и земледельцев Средней Азии в эпоху бронзы // Записки Института истории материальной культуры РАН. 2011б. № 6. С. 143-156.

Дубова Н.А. Адаптация в процессе миграций в древности и в наши дни // Этнос и среда обитания. Сб. статей по этноэкологии. Вып. 3. М.: ИЭА РАН, 2012. С. 11-35.

Дубова Н.А. «Тысячелетняя давность долихокефалии туркмен» в свете новых данных // Востоковедческие исследования на постсоветском пространстве: Сб. науч. ст., посвященный памяти профессора Сергея Петровича Полякова. М.: Изд-во Московского ун-та, 2014а. С. 136-143.

Дубова Н.А. Гонур-депе: новый взгляд на процессы формирования антропологического своеобразия населения юга Средней Азии // Bulletin of Miho Museum. 2014б. Vol. 15. С. 63-71.

Дубова Н.А. Новые антропологические данные о населении эпохи бронзы Южного Таджикистана // XI Конгресс антропологов и этнологов России. М., Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015. С. 152.

Дубова Н.А. Биологическая и социальная адаптация древнего и средневекового населения южных районов Средней Азии к среде обитания: комплексный подход // Этнос и среда обитания. Сб. статей по этноэкологии. Вып. 5. Исследования систем жизнеобеспечения. М.: Старый сад, 2017а. С. 150-186.

Дубова Н.А. Палеоантропологические материалы из погребений Кангурттут-2 // Кангурттут. Материалы археологической экспедиции 2015-2016 гг. Вып. 1. Душанбе: Чопхонаи Дониш, 2017б. С. 151-153.

Дубова Н.А., Куфтерин В.В. Антропология населения Южного Узбекистана эпохи поздней бронзы (по материалам некрополя Бустон VI). М.: Старый сад, 2015. 186 с. [*Серия «Этническая антропология Средней Азии». Вып. 4*].

Дубова Н.А., Куфтерин В.В. Данные археологии и антропологии по социальной стратификации древнеземледельческого общества Маргианы (Туркменистан) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. III. С. 31-37

Дубова Н.А., Рыкушина Г.В. Палеодемография Гонур-депе // Человек в культурной и природной среде. М.: Наука, 2007. С. 309-319.

Жиров Е.В. Об искусственной деформации головы // Краткие сообщения о полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. 1940. Вып. VIII. С. 81-87.

Кияткина Т.П. Палеоантропология западных районов Центральной Азии эпохи бронзы. Душанбе: Дониш, 1987. 124 с.

Козинцев А.Г. Так называемые средиземноморцы Южной Сибири и Казахстана, индоевропейские миграции и происхождение скифов // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 4 (36). С. 140-144.

Козинцев А.Г. О ранних миграциях европеоидов в Сибирь и Центральную Азию (в связи с индоевропейской проблемой) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 4 (40). С. 125-136.

Козинцев А.Г. Происхождение андроновцев (по краниометрическим данным) // Человек:

его биологическая и социальная история. Т. 1. М. – Одинцово: Изд-во АНОО ВПО «Одинцовский гуманитарный институт», 2010. С. 119-123.

Куфтерин В.В., Дубова Н.А. Палеодемография Гонура: ревизия данных // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 1 (44). С. 64-73. DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-064-073

Ошанин Л.В.Тысячелетняя давность долихоцефалии туркмен и возможные пути ее происхождения. Опыт обоснования скифо-сарматского происхождения туркменского народа на краниологических и этнологических данных // Известия Средазкомстариса. 1926. Вып. 1. С. 131-182.

Рыкушина Г.В., Дубова Н.А., Суворова Н.А. Одонтологическая характеристика древнего населения Туркменистана (по материалам могильника эпохи бронзы Гонур-депе) // Наука о человеке и обществе: итоги, проблемы, перспективы. М.: ИЭА РАН, 2003. С. 130-140.

Ульяновская С.А., Оправин А.С., Панафидина А.В., Лешукова А.И., Клюшева И.А., Павловская Т.А. Особенности строения черепа новорожденного (обзор литературы) // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 3 (1). С. 128-129.

Ходжайов Т.К. Обычай преднамеренной деформации головы в Средней Азии // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. М.: Старый сад, 2000. С. 22-45 [*Серия «Этническая антропология Средней Азии». Вып. 2*].

Ходжайов Т.К. География и хронология преднамеренной деформации головы в Средней Азии // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. 2006. Вып. 5. С. 12-21.

Худавердян А.Ю. Армения в антропоисторическом пространстве Евразии в эпоху бронзы // Историко-филологический журнал НАН РА. 2013. № 2 (193). С. 255-272.

Шведчикова Т.Ю. Искусственная деформация головы как исторический источник (на примере джетыасарской археологической культуры Восточного Приаралья конца I тыс. до н.э. – VIII в. н.э.): Автореф. дис. …канд. ист. наук. М.: ИА РАН, 2010. 27 с.

Яблонский Л.Т. К этногенезу населения Северной Туркмении (могильник раннесакского времени Сакар-чага 3) // Советская этнография. 1986. № 5. С. 45-54.

Яблонский Л.Т. Череп человека из Кангурттута // Виноградова Н.М. Юго-западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М.: ИВ РАН, 2004. С. 275-285.

Cappieri M. The Iranians of the Copper / Bronze Ages. Miami: Coconut Grove, 1973. P. 1-19.

Chernoff H. The use of faces to represent points in K-dimensional space graphically // Journal of the American Statistical Association. 1973. Vol. 68. No. 342. P. 361-368. DOI: 10.2307/2284077

Dubova N.A., Rykushina G.V. Necropolis and Area 5 of Gonur-depe: some anthropological data // У истоков цивилизации. М.: Старый сад, 2004. С. 317-336.

Dubova N.A., Rykushina G.V. New data on anthropology of the necropolis of Gonur Depe // Sarianidi V.I. Necropolis of Gonur. Athens: Kapon editions, 2007. P. 296-329.

А.Н. Ямсков

РОЛЬ Н.А. ДУБОВОЙ В ОРГАНИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЙ СЕКТОРА ЭТНОЭКОЛОГИИ ИНСТИТУТА ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН В 1990-е — 2000-е гг.[1]

С 22 октября 2012 г. Надежда Анатольевна Дубова возглавляет Сектор этнической экологии Института этнологии и антропологии РАН (далее – ИЭА РАН), а до этого, в 2005-2012 гг. она была руководителем Группы этноэкологии Центра междисциплинарных исследований данного Института. Однако и в предшествовавший период времени, то есть в 1990-е и в первой половине 2000-х гг., ее вклад в определение тематики исследований Группы или Сектора этноэкологии ИЭА РАН был очень весомым, а в целом ряде случаев, как будет показано ниже, даже определяющим.

Именно об указанном периоде научно-организационной деятельности Н.А. Дубовой, предварявшем ее формальный приход к руководству данным направлением исследований в ИЭА РАН, и пойдет в основном речь ниже. Как мне кажется, выбор в данной статье такого подхода позволяет наиболее ярко и убедительно продемонстрировать некоторые из свойственных Н.А. Дубовой завидных личностных и профессиональных качеств, таких как увлеченность наукой, умение видеть перспективные направления или объекты исследований и, что главное, способность организовывать изучение последних силами формальных или неформальных групп специалистов, причем в некоторых случаях даже не будучи при этом официальным руководителем научного подразделения.

Кроме того, для сотрудников нашего Института и ряда других читателей может быть интересно ознакомиться с тем, как в ходе формальных заседаний членов нашего научного подразделения или, что случалось даже чаще, неформальных секторальных «посиделок» с разговорами о науке и не только о ней, впервые определялись новые задачи работ коллектива на несколько лет вперед, в итоге приводившие к экспедиционным выездам в регионы, ранее большинству из нас не знакомые, и к подготовке серий статей или тематических сборников. Но все же главная задача данной работы – воздать должное тем коллегам, и в первую очередь Н.А. Дубовой, которые в вышеупомянутые весьма сложные для научной деятельности годы смогли найти новые исследовательские темы либо новые грани тем прошлых исследований. В их рамках были осуществлены экспедиционные проекты, организована подготовка и публикация наиболее важных изданий нашего коллектива, реализованы иные новшества научно-организационного плана, важность которых для сотрудников Сектора этноэкологии ИЭА РАН сохраняется до сего дня.

[1] 15 октября 2019 г. Сектор этнической экологии решением Ученого Совета Института этнологии и антропологии РАН и приказом по Институту от того же числа был преобразован в Центр антропоэкологии.

Статья подготовлена в рамках плана научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

Вначале, однако, стоит сказать несколько слов о нашем Секторе и о его более чем неоднозначной истории в указанный период времени (подробнее об этом см. также: Дубова, 2014б). Сектор этнической экологии был создан профессором В.И. Козловым в Институте этнографии АН СССР, переименованном 18 сентября 1990 г. в Институт этнологии и антропологии и с 4 декабря 1991 г. перешедшим в состав Российской академии наук. Наш Сектор начал свою деятельность под руководством В.И. Козлова с 15 октября 1981 г.[2], но поздней осенью 1992 г. он был упразднен в связи с преобразованием в Группу этнической демографии и этнической экологии под руководством автора этих строк, занимавшего тогда должность «научного сотрудника». Дело в том, что указанная Группа, равно как и любая другая исследовательская группа в ИЭА РАН, создаваемая либо упраздняемая решениями руководства самого Института, с формальной точки зрения не была самостоятельным научным подразделением, чьи существование и деятельность фиксировались и контролировались в рамках Академии наук. Последнее распространялось только на сектора, отделы, центры и тому подобные подразделения ИЭА РАН. Руководитель такой группы, соответственно, официально не считался лицом, занимающим руководящую должность, но был просто одним из научных сотрудников определенного ранга. Говоря иными словами, с точки зрения планирования и организации исследований либо отчетности по ним внутри Института, наша Группа мало чем отличалась от прежнего Сектора, но вот официальный статус она и ее руководитель имели принципиально другой и намного меньший.

В частности, в 1993-1995 гг. наша Группа, в соответствии с основной тематикой предыдущих и продолжавшихся исследований, о которых будет сказано ниже, входила в состав Центра русских исследований под руководством профессора Ю.Б. Симченко, закрытый вскоре после его безвременной кончины. Впрочем, 17 февраля 1998 г.[3] на основе этой Группы был воссоздан Сектор этнической экологии, по-прежнему под моим руководством. Но 1 июля 2005 г. указанный Сектор вновь подвергся упразднению, с преобразованием в Группу этноэкологии Центра междисциплинарных исследований, которым в тот период руководил С.В. Чешко. Именно тогда Н.А. Дубова возглавила нашу Группу, и во многом именно ее стараниями из указанной Группы через несколько лет был повторно воссоздан Сектор этноэкологии. Это событие случилось 18 октября 2012 г. и стало главным достижением Надежды Анатольевны на том самом первом этапе ее научно-организационной деятельности в рамках нашего коллектива.

Но на время вернемся к периоду начала – середины 1990-х гг. На фоне масштабных и трагических пертурбаций тех лет в стране и в науке, унаследованной от СССР, упразднение Сектора этноэкологии в конце 1992 г. не выглядело особенно драматическим событием даже для коллектива ИЭА РАН. Хотя, конечно, оно не вызвало никакой радости у сотрудников бывшего Сектора и новоиспеченной Группы. Однако профессор В.И. Козлов продолжал в те годы активно работать и деятельно участвовать

[2] Мы по традиции отмечаем юбилеи Сектора именно 15 октября, которое в 1981 г. выпало на четверг (один из двух так называемых «присутственных дней» в Институте этнографии АН СССР и в ИЭА РАН), ставший первым рабочим днём для нашего коллектива. Директор Института, академик Ю.В. Бромлей подписал приказ о создании данного Сектора накануне, 14.10.1981 г. (см. об этом: Козлов, 2001, с. 7).

[3] Эта и другие даты создания либо упразднения нашего Сектора, назначения его руководителя и т.п. даны в соответствии с датировкой приказов по Институту. Однако все подобные решения принимались Ученым Советом ИЭА РАН, как правило, за несколько дней до выхода подтверждавшего их приказа.

в организации исследований Группы, так что, по сути, изменился, резко понизившись, лишь формальный статус нашего подразделения, но не реальные научные основания либо цели его деятельности.

К сожалению, этот период, в первую очередь из-за резкого снижения в начале 1990-х гг. финансирования науки, а также вследствие ряда иных причин и, в частности, практически полного прекращения полевых исследований, стал временем своего рода «вынужденного подведения итогов» (подробнее об этом см., напр.: Ямсков, 2001, с. 304-317). Таким образом, при активном участии и под прямым руководством В.И. Козлова, по результатам полевых работ второй половины 1980-х гг. в русских старожильческих селениях Закавказья мы подготовили тематический сборник (Духоборцы и молокане…, 1992) и коллективную монографию (Русские старожилы…, 1995), включавшую, разумеется, раздел Н.А. Дубовой (Дубова, 1995). В этот же период времени по материалам тех же экспедиций вышло монографическое исследование Н.И. Григулевич (1996). Тогда же у В.И. Козлова появилась новаторская идея тематического сборника по очень своеобразной проблематике, реализованная нами, увы, значительно позже (Очерки экспедиционного…, 2001), но, как ныне кажется, вполне успешно, ибо даже в известном университетском учебнике данный сборник рекомендуют к прочтению студентам-этнологам (Основы этнологии, 2007, с. 672).

Вспоминая о годах нашей работы под формальным и, позднее, неформальным руководством профессора В.И. Козлова, нельзя не отметить одну его прекрасную черту как руководителя – при всей своей властности и некоторой сложности характера, он всегда культивировал коллегиальные, развернутые обсуждения всех сторон научной жизни Сектора, и никогда не чурался научных споров. Только потом, выслушав по возможности буквально всех сотрудников своего Сектора и проведя для этого иногда весьма длительные и неоднократные дискуссии, он уже сам принимал итоговые решения и потом жестко следил за их выполнением.

Например, в первой половине 1980-х гг. мы часто на неформальных встречах в Секторе обсуждали свои яркие впечатления от случайных посещений молоканских сел Закавказья. В эти старинные русские селения мы не раз попадали проездом во время полевых работ по изучению популяционного долгожительства у азербайджанцев в рамках продолжившихся после Абхазии исследований по теме «Комплексное биолого-антропологическое и социально-этнографическое исследование народов и этнических групп с повышенной долей долгожителей». Как это ни удивительно, но те обыденные и безыскусные рассказы, в конце концов, получили весьма серьезное продолжение – благодаря проницательности, а также организационным умениям и усилиям В.И. Козлова, из них в итоге родился самый, на мой взгляд, интересный и важный в научном отношении проект многолетних экспедиционных исследований нашего Сектора (об этом см. также: Козлов, 2001, с. 17-19). Речь идет об упомянутом выше изучении во второй половине 1980-х гг. русского сельского населения закавказского региона, преимущественно в Азербайджане, но также на востоке и юге Грузии и в Армении, в рамках темы «Этническая экология переселенческих групп. Русские старожилы в Закавказье» (о первых итогах и заявленных целях данной работы см.: Козлов и др., 1988; Дубова и др., 1989; Григулевич, 1990; Русские старожилы…, 1990а, 1990б).

Тот же самый характер планирования и организации исследований, но теперь уже в рамках Группы этнодемографии и этноэкологии, в полной мере сохранялся и после вынужденного ухода профессора В.И. Козлова с поста формального руко-

водителя нашего подразделения в конце 1992 г. По-прежнему мы вместе обсуждали все возможные и желательные перемены в нашей научной деятельности. Думается, излишне уточнять, что определяющую роль в этих обсуждениях все так же играло мнение В.И. Козлова. Однако и другие сотрудники Группы тоже активно участвовали в подобного рода дискуссиях.

В частности, именно Н.А. Дубова, опираясь на собственный опыт прошлых поездок в Пермскую область и на свои личные контакты с местными исследователями и руководителями среднего звена, предложила возможную новую тему и желательный новый регион первых коллективных экспедиционных исследований нашей Группы в постсоветский период. Именно так, всецело по ее инициативе, появился проект по изучению, как впоследствии было сформулировано, адаптации полиэтничного сельского и городского населения Пермской области к меняющимся социально-экономическим условиям жизни. Данный проект стал составной частью выросшей из него программы исследований Группы этнодемографии и этноэкологии ИЭА РАН по теме «Социо-культурная экология российского села в период реформ», в рамках которой работы велись в течение 1993-1999 гг. Первые результаты выполнения этого проекта на основе полевых материалов, собранных осенью 1993 г. в полиэтничных южных районах Пермской области, были опубликованы в виде серии коллективных статей (Дубова и др., 1995а, 1995б, 1998а; Дубова, Лопуленко, 1995). Кстати, Н.А. Дубова потом продолжила эту же линию исследований на материалах из иного региона России (Дубова и др., 1998б). Некоторые члены нашей Группы, прямо не связанные с полевыми исследованиями в Пермской области, развернули работы в русле данной проблематики на других территориях (см., напр., обобщающую публикацию: Григулевич, 2004).

Кстати говоря, в данном контексте уместно вспомнить и наш текущий проект по изучению жителей малых городов Центральной России, Белева (Тульская область) и Старицы (Тверская область), над которым мы работаем с 2017 г. при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Его название вполне раскрывает исследовательские задачи – «Население малого русского города в XXI в.: этнокультурные, демографические, экологические и социально-экономические аспекты развития» (руководитель проекта – Н.И. Григулевич). Эта окончательная формулировка была нами выработана совместно, но тоже по инициативе и, естественно, при ведущем участии Н.А. Дубовой уже как заведующей Сектором этноэкологии ИЭА РАН. Данный проект может до некоторой степени считаться логическим продолжением исследований, начатых в Пермской области и на Верхней Волге в начале – середине 1990-х гг., но перенесенных на новые объекты изучения (подробнее о целях и первых результатах этих работ см.: Григулевич и др., 2018).

Помимо собственно новых фактических сведений, собранных в поле, осуществлявшийся в середине 1990-х гг. проект по Пермской области позволил многим из нас окончательно осмыслить опыт изучения процессов и результатов адаптации полиэтничного сельского населения к меняющимся условиям жизни, в том числе к радикальной смене социально-экономических порядков в стране. Возможно, последнее обстоятельство оказалось даже более значимым для научных биографий многих из нас. В частности, переосмысленный опыт прошлых экспедиционных исследований, в том числе или даже в первую очередь в Пермской области, нашел свое выражение в разделах коллективной монографии, принадлежащих перу многих членов нашего Сектора (Методы этноэкологической…, 1999, с. 14-60, 128-145, 174-294).

Указанная книга, относительно небольшая по объему и более чем скромная по типографскому исполнению, была фактически подготовлена к публикации уже в 1996 г., но вышла из печати значительно позже. В силу своего научного значения и теоретической новизны она является, как я полагаю, законным предметом гордости для нашего научного подразделения, члены которого внесли достойную лепту в ее создание (см., напр., главы и разделы: Дубова, 1999а, 1999б; Иванова, 1999; Козлов, 1999; Комарова, 1999; Лебедева, 1999; Ямсков, 1999а, 1999б). Эта коллективная монография, посвященная методологии и конкретным методам этноэкологической и, шире, социально-этнологической экспертизы, нашла своего читателя и потому занимает сейчас вполне достойное 128-129 место среди самых цитируемых научных трудов сотрудников ИЭА РАН. А ведь в общем списке таких трудов ныне насчитывается 12049 названий, если судить по данным российской «Научной электронной библиотеки» (портал www.elibrary.ru)[4] по состоянию на 15.10.2019 г. Правда, указанная книга была подготовлена по инициативе и, что главное, в значительной степени написана лично В.В. Степановым, который ранее был аспирантом нашего тогда еще Сектора этнической экологии Института этнографии АН СССР. Он защитил в 1991 г. кандидатскую диссертацию по этноэкологической проблематике под научным руководством профессора В.И. Козлова (Степанов, 1991), но впоследствии перешел в иное научное подразделение ИЭА РАН и занялся другой тематикой.

Однако вклад Н.А. Дубовой в организацию полевых исследований Группы или Сектора этноэкологии ИЭА РАН в 1990-е – начале 2000-х гг. отнюдь не исчерпывался вышеупомянутым проектом экспедиционного изучения в 1990-х гг. характера и результатов реакций представителей отдельных этнических групп в составе полиэтничного населения ряда южных районов Пермской области на радикальные социально-экономические трансформации первых постсоветских лет. Уверен, что главное ее научно-организационное достижение того периода – успешно реализовавшаяся инициатива по развертыванию повторных полевых работ в некоторых абхазских селениях. Это были те села, в которых в начале – первой половине 1980-х гг. сотрудниками Сектора этноэкологии и коллегами из Института этнографии АН СССР и других научных центров Сухуми, Тбилиси, Киева и Москвы был выявлен и изучен феномен повышенных долей долгожителей среди пожилого населения этнических абхазов.

Насколько мне помнится, Н.А. Дубова уже с конца 1990-х гг. неоднократно предлагала нашему Сектору осуществить рекогносцировочный выезд в Абхазию. А по его благоприятным, как она надеялась, итогам провести многолетние лонгитюдные комплексные полевые исследования в некоторых так называемых «долгожительских» абхазских селениях, изученных нами в начале 1980-х гг. Я также очень хорошо помню, что в ходе таких дискуссий мы с В.И. Козловым и некоторыми другими сотрудниками Сектора раз за разом дружно ее отговаривали от подобного весьма опасного, как нам тогда казалось, начинания. Мы при этом оправданно ссылались на разруху и разгул криминала в Абхазии после абхазо-грузинской войны 1992-1993 гг.. К тому же завоевавшая фактическую независимость республика находилась в те годы в условиях жест-

[4] См. на портале www.elibrary.ru, задав опции «Выбрать – все публикации организации на портале elibrary.ru» и «Показывать – публикации сотрудников в период их работы в организации»: https://elibrary.ru/org_items.asp?orgsid=8084&show_sotr=1&show_refs=0&show_option=1 (обращение 15.10.2019 г.).

кой экономической блокады со стороны Российской Федерации.

Однако, в конце концов аргументы, которые приводила Надежда Анатольевна, и перспективы, которые она столь убедительно рисовала, сделали свое дело – наше с В.И. Козловым сопротивление было сломлено. На 2002 г. мы, то есть Н.А. Дубова и автор этих строк, запланировали пробный выезд в Абхазию и запросили в ИЭА РАН финансирование на поездку. Деньги на полевые исследования, увы, пришли в тот год слишком поздно, так что пришлось ограничиться короткой и, как потом выяснилось, безрезультативной осенней командировкой в г. Киев к коллегам из Института геронтологии Национальной академии медицинских наук Украины, с которыми мы когда-то изучали популяционное долгожительство абхазов. Но уже в следующем 2003 г. наш с Н.А. Дубовой полноценный разведочный выезд в Абхазию состоялся, и более того – он прошел весьма успешно благодаря большой помощи со стороны абхазских коллег.

После того пробного выезда, сотрудники нашего Сектора, а потом Группы этноэкологии работали в экспедициях по Абхазии за счет грантового финансирования от Российского гуманитарного научного фонда, в 2004 г. по теме «Современная сельская Абхазия: социально-культурные и медико-демографические проблемы» (под руководством Н.А. Дубовой) и в 2005-2007 гг. по теме «Медико-антропологические и демографические последствия социально-культурных изменений конца 1980-х – начала 2000-х гг. в сельской Абхазии» (под моим руководством). Все эти поездки и полевые исследования проводились совместно с представителями Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии (г. Сухум), созданного в 1994 г. на базе Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа АН Грузинской ССР, с которым мы тесно сотрудничали еще в начале – первой половине 1980-х гг.

Результатами данных работ стали тематический сборник (Современная сельская…, 2006), основная часть другого нашего сборника (Комплексные этноэкологические…, 2008) и написанный нами в соавторстве раздел в уже переиздававшейся с тех пор фундаментальной коллективной монографии (Григулевич и др., 2007, 2012), не говоря уже о серии отдельных статей (см., напр.: Дубова и др., 2006; Дубова, Ямсков, 2006). Но самым весомым результатом работ нашего коллектива в Абхазии стал сам факт включения Н.А. Дубовой, Н.И. Григулевич, А.Н. Ямскова и сотрудничавшей с нами Л.Т. Соловьевой из Отдела Кавказа ИЭА РАН, по итогам этих экспедиций написавших о современной жизни сельских абхазов, в состав авторов коллективной монографии, выдержавшей с тех пор уже два издания (Абхазы, 2007; Абхазы, 2012).

В последний год существования Сектора этноэкологии ИЭА РАН тогда еще под моим руководством, Н.А. Дубова, параллельно с активным участием в наших работах в Абхазии, также подключилась к исследованиям гагаузского гастарбайтерства. Она пригласила и меня к сотрудничеству по данной теме для изучения причин и социально-культурных последствий развития временных трудовых миграций за рубеж из сел автономного региона Гагаузии (Южной Молдавии). Это ее начинание дало мне прекрасную возможность поездок в индивидуальные экспедиции в Молдавию в 2005-2007 гг., новые полевые материалы и серию публикаций по ним (см., напр.: Ямсков, Дубова, 2006; Ямсков, 2011). Но главным результатом тех работ в Гагаузии стала для меня возможность апробировать на новых материалах и тем самым доработать оригинальную методику обработки похозяйственных книг совместно с ведущими их сотрудниками сельских адми-

нистраций, что позволяет в итоге получать количественную информацию, не записанную непосредственно в анализируемых похозяйственных книгах. Эту методику я разработал и впервые применил в Абхазии еще в первой половине 2000-х гг., а много позднее подробно описал в специальной статье, основанной на полевых материалах из Гагаузии и Абхазии (Ямсков, 2017).

Хотя остальные члены Группы этноэкологии в этом гагаузском проекте не участвовали, но во многом благодаря ему были установлены более тесные рабочие контакты между нашим коллективом и руководимым профессором М.Н. Губогло Центром по изучению межнациональных отношений (ЦИМО) ИЭА РАН, игравшим ведущую роль в тех исследованиях. В качестве непредвиденного, но весьма полезного для нас последствия этого успешного сотрудничества между Группой и указанным Центром, 22 октября 2012 г. из последнего к нам уже в Сектор перешла И.А. Субботина, известный специалист по расселению и миграциям гагаузов и многим другим аспектам этнодемографии и этносоциологии. Так что Н.А. Дубова не только лично сыграла очень важную роль в указанных работах по гагаузскому гастарбайтерству, что получило отражение, например, в установочной статье по этому проекту (Губогло, Дубова, 2004) или в основных тематических сборниках (Гастарбайтерство…, 2006, 2008). Она также привлекла к этим исследованиям автора данных строк, поспособствовав тем самым появлению принципиально важной для меня вышеупомянутой публикации в «Вестнике антропологии» в 2017 г. Но главное – эта ее инициатива в результате привела к существенному кадровому укреплению нашего научного подразделения.

Уже после расформирования Сектора этноэкологии ИЭА РАН летом 2005 г. и повторного превращения его в Группу этнической экологии, на сей раз в составе Центра междисциплинарных исследований, когда фактическое, а потом и формальное руководство этой Группой перешло к Н.А. Дубовой, она вновь осуществила неординарное научно-организационное начинание. Именно ей принадлежала в то время идея создания из периодически подготавливавшихся в нашем коллективе тематических сборников по различным аспектам этнической экологии серийного издания, и она же в ходе продолжительных дискуссий предложила название для этой новой серии: «Этнос и среда обитания. Сборник статей по этноэкологии».

Первые два выпуска в данной серии вышли еще в 2009 г. (Этнос и среда…, 2009а, 2009б), то есть задолго до воссоздания осенью 2012 г. Сектора этнической экологии ИЭА РАН под официально утвержденным руководством Н.А. Дубовой. На данный момент нами в сотрудничестве с коллегами опубликован уже 6-й выпуск из данной серии (Этнос и среда…, 2018), то есть и эта ее научно-организационная новация оказалась явно успешной и весьма востребованной, привлекающей авторов из многих научных центров России и ряда постсоветских государств. Например, в сборниках данной серии уже принимали участие ученые из университетов и академических институтов таких городов, как Санкт-Петербург, Уфа, Тюмень, Новосибирск, Барнаул, Чита, Магадан, Краснодар, Саранск, Йошкар-Ола, Сыктывкар, Вологда, а также Минск, Львов, Ереван, Гюмри, Батуми, Тбилиси.

Кроме того, опять-таки еще до своего официального вступления в должность заведующей воссозданным Сектором этноэкологии ИЭА РАН в 2012 г., Н.А. Дубова проявила себя в качестве инициатора, а потом составителя и одного из двух ответственных редакторов очередного тематического сборника (Расы и народы, 2009). Данный сборник был посвящен проблемам этнической эколо-

гии и, шире, «самым общим вопросам взаимодействия человека, природы и общества» (Дубова, Соловьева, 2009, с. 9). Его авторами стали сотрудники Группы этноэкологии и другие специалисты из Москвы (в том числе из иных подразделений ИЭА РАН, а также из МГУ и МПГУ), Петрозаводска, Батуми (Грузия), Нукуса (Узбекистан), Душанбе (Таджикистан). Это издание, вышедшее в знаменитой и престижной серии трудов «Расы и народы», подготовленных в Институте этнографии АН СССР – Институте этнологии и антропологии РАН и опубликованных в издательстве «Наука», тоже стало весомой заслугой Надежды Анатольевны в сфере организации этноэкологических исследований в нашем Институте.

Накануне своего прихода к руководству Сектором этноэкологии ИЭА РАН, то есть в конце 2011 г., Н.А. Дубова осуществила еще одно опять-таки неординарное, но очень нужное и очевидно крайне полезное в научно-организационном плане дело, которое никак нельзя обойти молчанием. Речь идет о создании ею специализированного научно-информационного сайта нашего Сектора с аналогичным названием – «Этническая экология»[5]. На этом сайте в открытом доступе выложены основные публикации сотрудников Сектора этноэкологии ИЭА РАН – все тематические сборники последних лет издания, а также многие индивидуально подготовленные и опубликованные статьи и некоторые другие материалы по данной проблематике (см. подробнее о целях и содержании этого сайта: Ямсков, Дубова, 2012).

Правда, автор этих строк и В.В. Степанов еще в самом начале 2000-х гг. задумывались о создании подобного раздела на сайте ИЭА РАН, либо самостоятельного сайта, посвященного такой проблематике, Некоторые из наших неформальных наработок тех лет были использованы в данном случае. Впрочем, как и всегда в нашем научном подразделении, на предварительном этапе все члены коллектива много и откровенно обсуждали концепцию, структуру и возможное содержание этого сайта. Но работы по его реальному созданию, с определенной коррекцией первоначальных замыслов, и постоянному пополнению вела и ведет Н.А. Дубова, что нельзя не оценить самыми высокими словами. В идеале, подобные сайты должны быть созданы в каждом подразделении нашего и любого другого академического института, и быть при этом привязанными к разделам соответствующих подразделений на официальном сайте института (как это уже было сделано в нашем случае). Но в реальном мире до такой картины беспрепятственного и легкого доступа ко всей научной информации для всех желающих пока еще, увы, очень далеко.

Заданные тематические рамки данной работы – рассказ об истории появления основных исследовательских проектов Группы или Сектора этноэкологии ИЭА РАН в 1990-е – 2000-е гг. – не позволили, к сожалению, подробнее остановиться на собственных научных достижениях Н.А. Дубовой в сфере этнической экологии и смежных областей знаний. Вероятно, вкратце их можно резюмировать следующим образом. Прежде всего, следует отметить ее многочисленные работы, выполненные в русле экологически ориентированных подходов в физической антропологии современного населения, палеоантропологии и археологии. Но о них, в силу своей совсем иной специализации, я не берусь судить. К этим исследованиям тематически отчасти примыкают работы Н.А. Дубовой по изучению различных аспектов адаптации русских старожилов в Закавказье, частью упоминавшиеся выше (Дубова и др., 1989; Дубова, 1990, 1995; Казаченко, Дубова, 1990). Впрочем, об особенностях своих полевых работ по данной

[5] Сайт «Этническая экология»: http://www.ethnoecology.ru/ (обращение 15.10.2019 г.).

тематике, равно как и по изучению долгожительства у народов Закавказья, сама Н.А. Дубова написала отличный, живой и яркий очерк с соответствующей библиографией (Дубова, 2001). Во многом на базе именно этих исследований в Закавказье, а также в Пермской области ею был подготовлен методологически весьма важный обзор медико-демографических показателей (дез)адаптации изучаемых групп населения (Дубова, 1999б).

Кроме того, необходимо назвать и такие безусловно значимые в данном контексте публикации Н.А. Дубовой, как историографический обзор исследований в сфере этноэкологии и физической антропологии (Дубова, 2011), ее работы по экологии человека (Дубова, Ямсков, 1999; Дубова, Сатаев, 2018; Сатаев и др., 2018), исследования миграций населения и адаптации мигрантов (см., напр.: Dubova, Komarova, 1993; Дубова, 2012).

Но все же я в первую очередь выделил бы в качестве важнейших в научно-методологическом плане публикации Н.А. Дубовой, посвященные столь малоизученной и остро дискуссионной тематике как адаптация населения к условиям жизни в городах (Дубова, 1989, 2014а), а также ее обобщающую статью по исследованиям биологических аспектов адаптации (Дубова, 1991; см. также в качестве продолжения: Дубова, 1999а). Последняя, вместе с работами О.Д. Комаровой и Н.М. Лебедевой (Комарова, 1991; Лебедева, 1991), позволила в целом очертить тематику исследований медико-биологических и физико-антропологических, а также соответственно демографических и психологических аспектов адаптации человека, выполняемых в рамках этнической экологии и близких направлений исследований. Эти три упомянутых выше статьи Н.А. Дубовой, О.Д. Комаровой и Н.М. Лебедевой, наряду с принципиально важной работой В.И. Козлова о понятии «жизнеобеспечение» (Козлов, 1991), стали украшением и основным научно-теоретическим достоинством первого в СССР тематического сборника по этноэкологии (Этническая экология…, 1991).

Во многом благодаря вышеназванным статьям данная книга, кстати говоря, получила весьма высокую оценку читателей. Например, по сведениям «Научной электронной библиотеки» (портал www.elibrary.ru) на 15.10.2019 г., указанный сборник стал вторым, сразу после основополагающей статьи В.И. Козлова в этой области (Козлов, 1983), наиболее цитируемым исследованием, содержащим в своем названии термины «этническая экология» или «этноэкология» либо их производные. Он и указанная статья В.И. Козлова с большим отрывом опережают любые иные публикации по данной тематике с соответствующими названиями. Среди всех изданий ИЭА РАН и публикаций его сотрудников (всего, как отмечалось, 12049 текстов) этот сборник на 12 октября 2019 г. занимал вполне почетное 70 место по показателю цитируемости в российской «Научной электронной библиотеке».

Даже этот краткий экскурс в историю Сектора (Группы) этноэкологии ИЭА РАН в 1990-е – 2000-е гг. показывает, на мой взгляд, истинные масштабы научно-организационного потенциала Н.А. Дубовой, который наглядно проявлялся и в тот период ее научной деятельности, когда она еще не занимала официальных руководящих постов в ИЭА РАН. Хочется надеяться, что ее дальнейшая работа уже в должности заведующей Сектором этнической экологии ИЭА РАН позволит этому научному направлению не только сохраниться в стенах нашего Института, где оно, собственно говоря, и возникло в поздний советский период (об этом см. подробнее: Ямсков, 2013), но и плодотворно развиваться далее усилиями как самой Надежды Анатольевны, так и ее коллег.

Литература

Абхазы / отв. ред. Ю.Д. Анчабадзе, Ю.Г. Аргун. М.: Наука, 2007. 547 с. [*Серия «Народы и культуры»*].

Абхазы / отв. ред. Ю.Д. Анчабадзе, Ю.Г. Аргун. Изд. 2-е, исправленное. М.: Наука, 2012. 547 с. [*Серия «Народы и культуры»*].

Гастарбайтерство. Факторы выталкивания и притяжения / отв. ред. М.Н. Губогло. М.: Старый сад, 2006. 288 с.

Гастарбайтерство. Факторы адаптации / под ред. М.Н. Губогло. М.: Старый сад, 2008. 387 с.

Григулевич Н.И. Этноэкологическое исследование локальных пищевых комплексов русских старожилов Армении // Советская этнография. 1990. № 1. С. 114-125.

Григулевич Н.И. Этническая экология питания: традиционная пища русских старожилов и народов Закавказья. М.: ИЭА РАН, 1996. 164 с.

Григулевич Н.И. Этническая экология Верхнего Поволжья: последствия нерационального природопользования // Этноэкологические исследования. Сб. статей к 80-летию со дня рождения В.И. Козлова. М.: Старый сад, 2004. С. 348-371.

Григулевич Н.И., Дубова Н.А., Соловьева Л.Т., Ямсков А.Н. Постсоветские изменения в образе жизни и бытовой культуре абхазов // Абхазы. М.: Наука, 2007. С. 476-526.

Григулевич Н.И., Дубова Н.А., Соловьева Л.Т., Ямсков А.Н. Постсоветские изменения в образе жизни и бытовой культуре абхазов // Абхазы. Изд. 2-е, исправленное. М.: Наука, 2012. С. 476-526.

Григулевич Н.И., Дубова Н.А., Остапенко Л.В., Сабинина Д.С., Субботина И.А., Ямсков А.Н. Население малого города Центральной России в XXI веке. Первые результаты комплексного исследования в Белеве и Старице. М.: ИЭА РАН, 2018. 111 с. [*Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии». Вып. 267*]. DOI: 10.5281/zenodo.2575296

Губогло М.Н., Дубова Н.А. Социально-адаптивная и этноразрушительная энергия гастарбайтерства. М.: ИЭА РАН, 2004. 29 с. [*Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии». Документ № 174*].

Дубова Н.А. Антропологические аспекты урбанизации (к постановке проблемы) // Советская этнография. 1989. № 6. С. 76-89.

Дубова Н.А. Особенности антропологического типа русского сельского населения Азербайджана // Русские старожилы Азербайджана. Материалы по этнической экологии. Ч. 2. М.: ИЭ АН СССР, 1990. С. 106-137.

Дубова Н.А. Биологические аспекты этнической экологии // Этническая экология: теория и практика. М.: Наука, 1991. С. 77-99.

Дубова Н.А. Стресс – адаптация – заболеваемость // Русские старожилы Закавказья: молокане и духоборцы. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 271-295.

Дубова Н.А. О биологическом аспекте групповой адаптации // Методы этноэкологической экспертизы. М.: ИЭА РАН, 1999а. С. 30-40.

Дубова Н.А. Этномедицинское обследование населения // Методы этноэкологической экспертизы. М.: ИЭА РАН, 1999б. С. 254-294.

Дубова Н.А. Не всегда серьезные воспоминания о медико-биологических изысканиях в Абхазии и Азербайджане // Очерки экспедиционного быта в Закавказье. М.: Старый сад, 2001. С. 204-270.

Дубова Н.А. Антропологические и этноэкологические исследования на рубеже тысячелетий // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70-летию академика В.А. Тишкова. М.: Наука, 2011. С. 298-318.

Дубова Н.А. Адаптация в процессе миграций в древности и в наши дни // Этнос и среда обитания. Вып. 3. М.: ИЭА РАН. 2012. С. 11-35.

Дубова Н.А. Может ли урбанизация быть фактором формообразования внутри вида Hoto sapiens? // Этнос и среда обитания. Вып. 4. М.: Старый сад, 2014а. С. 155-181.

Дубова Н.А. Сектор этноэкологии [Раздел на сайте Института этнологии и антропологии РАН, создан 9.01.2014 г.]. М., 2014б. URL.: http://iea-ras.ru/index.php?go=Structure&in=view&id=22 (обращение 15.10.2019 г.).

Дубова Н.А., Григулевич Н.И., Соловьева Л.Т., Ямсков А.Н. Социально-культурные и демографические особенности современного абхазского сельского населения // Полевые исследования Института этнологии и антропологии РАН. М.: Наука, 2006. С. 14-33.

Дубова Н.А., Комарова О.Д., Ямсков А.Н. Сельское население южных районов Пермской области – межнациональные отношения // Среда и культура в условиях общественных трансформаций. М.: «АИРО-XX», 1995а. С. 168-199.

Дубова Н.А., Комарова О.Д., Ямсков А.Н. Факторы формирования межэтнических отношений в среде сельского населения южных районов Пермской области. М.: ИЭА РАН, 1995б. 30 с. [*Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии». Документ № 81*].

Дубова Н.А., Комарова О.Д., Ямсков А.Н. Русские, башкиры и татары южных районов Пермской области (демографическая и социально-экономическая характеристика) // Этнические проблемы регионов России: Пермская область. М.: Старый Сад, 1998а. С. 227-293.

Дубова Н.А., Лебедева Н.М., Оборотова Е.А., Павленко А.П. Адаптация русских старожилов в Азербайджане // Советская этнография. 1989. № 5. С. 39-50.

Дубова Н.А., Лопуленко Н.А. Современные этносоциальные проблемы Кизеловского района Пермской области. М.: ИЭА РАН, 1995. 35 с. [*Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии». Документ № 87*].

Дубова Н.А., Лопуленко Н.А., Мартынова М.Ю. Калининградская область: современные этнокультурные процессы. М.: ИЭА РАН, 1998б. 59 с. [*Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии». Документ № 119*].

Дубова Н.А. Соловьева Л.Т. Предисловие // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы. Вып. 34. М.: Наука, 2009. С. 7-11.

Дубова Н.А., Ямсков А.Н. Экология человека // Программы по экологическим дисциплинам. М.: Изд-во МГПУ, 1999. С. 87-104.

Дубова Н.А., Ямсков А.Н. Демографическая ситуация в абхазских долгожительских селениях. М.: ИЭА РАН, 2006. 18 с. [*Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии». Вып. 184*]. DOI: 10.5281/zenodo.3248996

Дубова Н.А., Сатаев Р.М. Общая и историческая экология человека // Этнос и среда обитания. Вып. 6: Этноэкологическое образование. М.: Старый сад, 2018. С. 199-205.

Духоборцы и молокане в Закавказье / отв. ред. В.И. Козлов, А.П. Павленко. М.: ИЭА РАН, 1992. 199 с.

Иванова Ю.В. Система немассовых опросных листов для оценки устойчивости этнокультурной среды населения // Методы этноэкологической экспертизы. М.: ИЭА РАН, 1999. С. 215-253.

Казаченко Б.М., Дубова Н.А. Биодемографические данные русских села Ивановка // Русские старожилы Азербайджана. Материалы по этнической экологии. Ч. 2. М.: ИЭ АН СССР, 1990. С. 7-21.

Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии // Советская этнография. 1983. № 1. С. 3-16.

Козлов В.И. Жизнеобеспечение этноса: содержание понятия и его экологические аспекты // Этническая экология: теория и практика. М.: Наука, 1991. С. 14-43.

Козлов В.И. Методологические основы этнической экологии и вопросы их практического применения // Методы этноэкологической экспертизы. М.: ИЭА РАН, 1999. С. 14-29.

Козлов В.И. Введение // Очерки экспедиционного быта в Закавказье. М.: Старый сад, 2001. С. 5-20.

Козлов В.И., Комарова О.Д., Степанов В.В., Ямсков А.Н. Проблемы адаптации русских старожилов в Азербайджане (середина XIX – XX в.) // Советская этнография. 1988. № 6. С. 34-49.

Комарова О.Д. Демографические аспекты этнической экологии // Этническая экология: теория и практика. М.: Наука, 1991. С. 44-76.

Комарова О.Д. Основные методы демографического изучения этнокультурных групп // Методы этноэкологической экспертизы. М.: ИЭА РАН, 1999. С. 128-145.

Комплексные этноэкологические исследования в современной Абхазии // Этническая экология: народы и их культура. М.: Старый Сад, 2008. С. 9-257.

Лебедева Н.М. Психологические аспекты этнической экологии // Этническая экология: теория и практика. М.: Наука, 1991. С. 100-124.

Лебедева Н.М. Социально-психологические критерии устойчивости этнокультурных групп // Методы этноэкологической экспертизы. М.: ИЭА РАН, 1999. С. 174-200.

Методы этноэкологической экспертизы / отв. ред. В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 1999. 299 с.

Основы этнологии: Учебное пособие / ред. В.В. Пименов. М.: Изд-во МГУ, 2007. 696 с.

Очерки экспедиционного быта в Закавказье / отв. ред. В.И. Козлов. М.: Старый сад, 2001. 323 с.

Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы. Вып. 34 / отв. ред. Н.А. Дубова, Л.Т. Соловьева. М.: Наука, 2009. 420 с.

Русские старожилы Азербайджана. Материалы по этнической экологии. Ч. 1 / отв. ред. В.И. Козлов, Н.А. Дубова. М.: ИЭ АН СССР, 1990а. 168 с.

Русские старожилы Азербайджана. Материалы по этнической экологии. Ч. 2 / отв. ред. В.И. Козлов, Н.А. Дубова. М.: ИЭ АН СССР, 1990б. 155 с.

Русские старожилы Закавказья: молокане и духоборцы / отв. ред. В.И. Козлов. М.: ИЭА РАН, 1995. 299 с.

Сатаев Р.М., Куфтерин В.В., Сатаева Л.В., Дубова Н.А**.** Программа дисциплины «Основы социальной и этнической экологии» // Этнос и среда обитания. Вып. 6: Этноэкологическое образование. М.: Старый сад, 2018. С. 192-198.

Современная сельская Абхазия: социально-этнографические и антропологические исследования / ред. Н.А. Дубова и др. М.: ИЭА РАН, 2006. 250 с.

Степанов В.В. Этноэкология сельских поселений Азербайджана (XIX – XX столетия): Автореф. дис. …канд. ист. наук. М.: ИЭА АН СССР, 1991. 22 с.

Этническая экология: теория и практика / отв. ред. В.И. Козлов. М.: Наука, 1991. 374 с.

Этнос и среда обитания. Сб. этноэкологических исследований к 85-летию В.И. Козлова. Т. 1 / отв. ред. Н.А. Дубова. М.: Старый сад, 2009а. 312 с.

Этнос и среда обитания. Сб. этноэкологических исследований к 85-летию В.И. Козлова. Т. 2 / отв. ред. Н.А. Дубова. М.: Старый сад, 2009б. 252 с.

Этнос и среда обитания. Вып. 6: Этноэкологическое образование / отв. ред. А.Н. Ямсков. М.: Старый сад, 2018. 288 с. DOI: 10.5281/zenodo.2542587

Ямсков А.Н. Ситуация с прикладными этноэкологическими исследованиями в зарубежной

этнологии // Методы этноэкологической экспертизы. М.: ИЭА РАН, 1999а. С. 41-60.

Ямсков А.Н. Методы изучения этносоциальной поляризации // Методы этноэкологической экспертизы. М.: ИЭА РАН, 1999б. С. 201-214.

Ямсков А.Н. Прощай, Закавказье! // Очерки экспедиционного быта в Закавказье. М.: Старый сад, 2001. С. 302-319.

Ямсков А.Н. Трудовая миграция // Гагаузы. М.: Наука, 2011. С. 437-444 [*Серия «Народы и культуры»*].

Ямсков А.Н., Дубова Н.А. Свет и тени гастарбайтерства в с. Чишмикиой // Гастарбайтерство. Факторы выталкивания и притяжения. М.: Старый сад, 2006. С. 161-184.

Ямсков А.Н. Как с помощью похозяйственных книг узнать то, чего в них не записано // Вестник антропологии. 2017. № 4. С. 119-132. DOI: 10.5281/zenodo.1156904

Ямсков А.Н., Дубова Н.А. Научно-информационный сайт «Этническая экология»: структура и задачи // Этнографическое обозрение Online. 2012. № 3. С. 193-195. http://journal.iea.ras.ru/online/2012/2012_3_193_195_Yamskov.pdf

Dubova N., Komarova O. La décision d'émigrer: Poids des structures démographiques, de l'appartenance ethnique et des caractéristiques individuelles // Vers un ailleurs prometteur… : L'émigration, une réponse universelle à une situation de crise? Genève: Graduate Institute Publications, 1993. P. 216.

II Часть

«Прошлое». Археология и ретроспективные междисциплинарные исследования

С.П. Грушин

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ МАРГИАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА ГОНУР-ДЕПЕ В 2014-2019 гг.

Начиная с 2014 г. Надежда Анатольевна Дубова взяла на себя тяжелую ношу по продолжению исследований Виктора Ивановича Сарианиди. Задача стояла сложная, необходимо было сделать все, чтобы археологические работы в Туркменистане, в первую очередь на Гонур-депе, не прервались, а были продолжены как минимум на том же уровне, что и прежде. Являясь антропологом по специальности, не имея опыта в самостоятельном руководстве археологическими раскопками, Надежда Анатольевна с энтузиазмом берется за новое для себя дело. Можно только удивляться ее смелости и решимости, благодаря которым она сумела не только добиться получения разрешения от Министерства культуры Туркменистана на археологические раскопки Гонур-депе, но и в высшей степени достойно их организовать. Понимая в полной мере свою персональную ответственность за проведение полевых исследований уникального объекта археологического наследия, Надежда Анатольевна прилагает усилия для привлечения к раскопкам профессиональных археологов.

Так сложилась судьба, что одним из них стал автор этих строк. Весной 2014 г. мне поступило предложение от Надежды Анатольевны поучаствовать в раскопках в Туркменистане. Такой возможностью я не мог не воспользоваться, поскольку был знаком с работами Виктора Ивановича Сарианиди. Его затерянный в пустыне город бронзового века чрезвычайно манил меня. Проведя многие годы в экспедициях на Алтае, в Казахстане, Монголии, я думал, что меня трудно чем-то удивить, в том числе и памятниками археологии в пустыне Каракумы. Однако Гонур-депе поразил массовостью и уникальностью археологического материала, масштабностью проведенных на памятнике раскопок.

При организации археологической экспедиции в 2014-2015 гг., Надежда Анатольевна изначально взяла курс на комплексный, междисциплинарный подход, привлекая специалистов из различных

областей научного знания. Стратегическая задача состояла в том, чтобы осуществить не только новые археологические раскопки, но и изучить уже накопленный многочисленный материал. Разработанная обширная научно-исследовательская программа включала несколько взаимосвязанных направлений:

1) археологические раскопки;
2) палеоантропологические исследования;
3) археоэкологические исследования (археоботанические и зооархеологические);
4) изучение технико-технологических особенностей керамических изделий;
5) магнитометрические исследования памятника;
6) консервационные и реставрационные работы.

В работах Маргианской археологической экспедиции в 2014-2015 гг. принимали участие специалисты из четырех стран – Туркменистана, России, Швейцарии и Германии, из 10 городов и 14 научно-образовательных учреждений. Среди специалистов в исследованиях принимали участие: д.и.н. Л.Б. Кирчо (Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург), д.и.н. С.П. Грушин (Алтайский государственный университет, г. Барнаул), к.б.н. Р.М. Сатаев (Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва), археоботаник к.б.н. Л.В. Сатаева (Башкирский государственный аграрный университет, г. Уфа), к.б.н. В.В. Куфтерин (Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа), к.и.н. А.В. Фрибус (Кемеровский государственный университет, г. Кемерово), М.М. Потапов (г. Москва), И.В. Панков (г. Санкт-Петербург), А.И. Гутков (г. Магнитогорск), магистрант И.А. Вальков (Алтайский государственный университет, г. Барнаул). В составе экспедиции работала группа под руководством проф. С. Винкельман-Витковской (г. Галле, Германия), в которую входили геофизики Х. Хюбнер и К. Курц (оба из г. Фрайбург, Германия), археологи А. Солее (Университет г. Берн, Швейцария), Д. Мэйер (Германия), С. фон Пешке, К. Ленгенеггер (Швейцария), Ф. Перейра (Университет г. Фрайбург, Германия), а также студентки Университета г. Берн М. Люней и А. Кулл.

В составе экспедиции работали инспектор Государственного историко-культурного заповедника «Древний Мерв» М. Беглиев, аспиранты Института истории АН Туркменистана М. Аманов и А. Оразов, научный сотрудник Института истории АН Туркменистана О. Сапармамедова. Для проведения раскопок приглашались рабочие – жители близлежащих поселений. Реставрационные работы проводили Н.А. Ковалева (реставратор высшей категории) и Г.Э. Вересоцкая (реставратор

Рис. 1. Фото участников Маргианской археологической экспедиции осень 2014 г.

первой категории) (ГосНИИ реставрации Министерства культуры РФ), аспиранты Института истории АН Туркменистана А. Оразов и М. Аманов, а также М. Аннануров (Государственный историко-культурный заповедник «Абиверд»). К реставрационным работам были привлечены студентки Государственной академии художеств Туркменистана М. Абдуллаева и К. Араева, а также студентка Туркменского государственного института культуры М. Эмирова (Дубова и др., 2018а). Организовать такое масштабное международное исследование стало возможным только благодаря неиссякаемой энергии, трудолюбию и таланту Надежды Анатольевны (рис. 1).

В 2014-2015 гг. на Гонур-депе были продолжены археологические раскопки, начатые в прошлые полевые сезоны. Так работы велись за пределами сохранившегося участка обводной стены и внутри нее (раскоп 12). В северной части раскопа, внутри обводной стены, продолжались раскопки могильника. Всего в 2014 г. было вскрыто 20 погребальных сооружений (6 подбойных, 13 ямных и одна циста), в 2015 г. – 88 (2 цисты, 55 ям, 27 подбойных, 1 котлован, 1 алтарик и 2 неясной формы). Кроме погребений исследованы небольшие фрагменты стен, дворы, площадки занятые печами, хозяйственными ямами (Дубова и др., 2018б).

Археологические раскопки на Гонур-депе с небольшим перерывом были продолжены в 2018-2019 гг. (рис. 2)[1]. Исследования велись на участке к северо-востоку от дворца, снаружи обводной стены всего дворцово-храмового комплекса (раскоп 18). Как показали раскопки, на этом месте располагался небольшой строительный разновременный комплекс. Выявленные хозяйственные площадки с остатками печей, стен и обмазанных полов сооружались на уже сформированных ранее культурных отложениях. После того как постройки были заброшены, на этом участке, а часто и в самих конструкциях, устраивались погребения, преимущественно детские, как в грунтовых ямах, так в хумах и цистах (Грушин и др., 2019). На небольшом раскопе, заложенном на памятнике Гонур-20, были исследованы несколько захоронений с богатыми наборами керамической посуды и интересным погребальным инвентарем (Фрибус и др., 2019).Также были продолжены раскопки погребальных комплексов на могильнике на раскопе 12.

Таким образом, археологические работы под руководством Н.А. Дубовой на раскопах 12 и 18, проведенные в 2014-2019 гг. кроме получения новых археологических материалов, выявили границы архитектурных построек Гонур-депе на обозначенных участках. В то же время, потенциал дальнейшего исследования погребальных сооружений полностью не исчерпан. Такая же ситуация наблюдается и в отношении памятника Гонур-20. Еще одним важным результатом полевого исследования стал вывод о наличии нескольких строительных горизонтов освоения участков в рамках исследованных площадей памятника. Так же, с целью выяснения внутренней хронологии и периодизации Р.М. Сатаев, при участии Н.А. Дубовой, проделал большую работу по фиксации конкретной стратиграфической ситуации внутри дворца. В 2014-2018 гг. было обследовано и описано 50 разрезов-расчисток, выявлены новые строительные объекты. Обобщение данных первых исследователей Гонура и проведенных стратиграфических исследований, позволило говорить о наличии пяти строительных горизонтов (пяти периодов) (Сатаев и др., 2019). В дальнейшем обобщение всех стратиграфических данных на разных участках памятника позволит соотнести выявленные периоды освоения террито-

[1] Здесь и далее рисунки, которые отсутствуют в тексте, размещены на цветной вклейке.

рии с этапами функционирования Гонур-депе, выделенными В.И. Сарианиди.

Яркий и уникальный археологический материал Гонур-депе не мог остаться вне научных интересов Надежды Анатольевны. Параллельно с антропологической и палеоэкологической тематикой, из-под ее пера выходят работы, в которых затрагиваются археологические аспекты исследования Гонура. Одной из первых сугубо археологических работ юбиляра можно назвать публикацию материалов могильника и царского некрополя на берегах большого бассейна Северного Гонура (Дубова, 2004). Описания исследованных погребальных объектов и находок автор сопровождает аналогиями с обширной территории от Египта до Бактрии и Индии. В работе обосновывается важный тезис об отражении социальной стратификации в погребальных комплексах. Отметим необходимость дальнейшей работы с полученными материалами, которая должна быть продолжена, начиная с подробного описания всех находок, с их качественными фото и графическими изображениями.

В последующие годы Надежда Анатольевна в своих публикациях обращается к разнообразным аспектам изучения материалов Гонур-депе. Среди них следует выделить работы по следующим направлениям[2]:

1) результаты полевых археологических исследований;
2) антропология и палеоэкология;
3) роль животных в хозяйственной и ритуальной жизни;
4) погребальный обряд и социальная структура общества;
5) мозаичные композиции и музеефикация объектов культурного наследия;
6) хронология и внутренняя периодизация памятника.

[2] Список публикаций Н.А. Дубовой см. в специальной статье В.В. Куфтерина в приложении к настоящему сборнику.

Таким образом, междисциплинарным подходом характеризуется не только организаторские способности юбиляра, но и его научные работы в которых получили отражение различные археологические аспекты исследования.

В настоящее время научный коллектив под руководством Надежды Анатольевны Дубовой реализует проект РФФИ (№ 18-09-40082) «Технологии в материальной культуре БМАК в контексте культурного взаимодействия населения эпохи бронзы Евразии и динамики природного окружения (на примере южных областей Средней Азии)». Цель исследования – анализ развития технологий материального производства носителей Бактрийско-Маргианской археологической культуры (БМАК) на основе комплексного изучения памятников древней дельты р. Мургаб. Одним из направлений данного исследования должна стать систематизация всех находок с Гонур-депе (рис. 3). А их счет идет на несколько десятков тысяч артефактов! Такая работа начата с коллекций крупных каменных предметов, таких как «миниатюрные колонки», «диски» и «посохи». Проведен сбор подробной информации о коллекции упомянутых крупных каменных изделий, происходящих с памятников Маргианы и хранящихся в музеях Туркменистана и России: Марыйском историко-краеведческом музее (г. Мары), Государственном Национальном музее (г. Ашхабад), Музее изобразительных искусств Туркменистана (г. Ашхабад), Государственном музее Востока (г. Москва) (Дубова и др. 2019).

В заключение данного небольшого сообщения, хотелось бы выразить глубокую благодарность Надежде Анатольевне за предоставленную возможность работать на выдающемся памятнике Гонур-депе, и пожелать юбиляру здоровья, творческой энергии, многих полевых сезонов и замечательных археологических открытий!

Литература

Грушин С.П., Дубова Н.А., Сайберт В.О. Новые печати на Гонур-депе (Южный Туркменистан) // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). К 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археологии Вадима Михайловича Массона. СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 48-51. DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-48-51

Дубова Н.А. Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации. М.: Старый сад, 2004. С. 254-281.

Дубова Н.А., Мамедов М.А., Сатаев Р.М. Работы Маргианской археологической экспедиции в 2014-2015 годах // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 7. Исследования Гонур-депе в 2014-2015 гг. М.: Старый сад, 2018а. С. 10-28.

Дубова Н.А., Сатаев Р.М., Фрибус А.В., Грушин С.П., Куфтерин В.В. Могильник на юго-западе Гонур-депе (раскоп 12). Сообщение 1 // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 7. Исследования Гонур-депе в 2014-2015 гг. М.: Старый сад, 2018б. С. 29-79.

Дубова Н.А., Фрибус А.В., Грушин С.П., Сатаев Р.М., Турик В.Г. Крупные каменные изделия Маргианы (Туркменистан, эпоха бронзы): местонахождения и разнообразие форм // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). К 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археологии Вадима Михайловича Массона. СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 51-53. DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-51-53

Сатаев Р.М., Дубова Н.А., Мамедов М.А. Внутренняя хронология и периодизация Гонур-депе // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). К 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археологии Вадима Михайловича Массона. СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 40-42. DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-40-41

Фрибус А.В., Дубова Н.А., Беглиев М.Ы. Первая находка полихромной росписи на Гонур-депе (Туркменистан) // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). К 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археологии Вадима Михайловича Массона. СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 59-61. DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-59-61

А.В. Фрибус

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В ДРЕВНЕЙ ДЕЛЬТЕ МУРГАБА И ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ И ПОДВИЖНЫХ СКОТОВОДОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ЮГЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ[1]

Сегодня, когда мы отмечаем день рождения Надежды Анатольевны, мне хотелось бы ее искренне поблагодарить за то, что пять лет назад мне посчастливилось оказаться в волшебной компании, которую объединяет Гонур. Кроме песков и уникального памятника, главное, что там есть – это люди. Гонур подарил мне новых друзей, таких что навсегда, впервые за много лет я почувствовал себя в экспедиции как дома. Это, конечно, прежде всего, ее заслуга. Думаю, что все самое главное у нас еще впереди, и неординарные находки и замечательные открытия! А Надежда Анатольевна… Выдающийся Ученый, заботливый, строгий, но справедливый начальник и просто очаровательная женщина. Дорогая Надежда Анатольевна! Примите этот скромный подарок ко дню рождения и по старой памяти не судите строго.

Введение

Бактрийско-Маргианский археологический комплекс (БМАК), выделенный В.И. Сарианиди в 1974 г. – уникальное явление в археологии эпохи бронзы Средней Азии. Вне зависимости от археологической таксономии (комплекс, культура) (Кузьмина, 2008; Дубова, 2018) это образование обладает всеми признаками ранней цивилизации: развитая система протогородских центров, монументальная архитектура, сложная система социальной иерархии, своеобразное искусство, техники строительства, специализированное ремесло, международная торговля. По сути, в этом списке не хватает только письменности, которая известна здесь лишь на предметах импорта, однако это не меняет общей картины, которую мы наблюдаем при анализе всей совокупности известных на сегодняшний день археологических материалов. Термин «Oxus Civilization», предложенный для этого феномена А.-П. Франкфором, и широко используемый в европейской литературе, во многом верно, с точки зрения содержания, характеризует «протогосударственную модель», сложившуюся во второй половине III тыс. до н.э. на обширных территориях в оазисах Маргианы и Бактрии, хотя географическая привязка культуры к Амударье делает его не совсем корректным (Frankfort, 2005; Salvatori, 2016).

Протогородские центры БМАК представлены поселениями, которые различаются размерами, планировкой и, по всей видимости, функциями (Аджи-Куи, Гонур-депе, Дашлы, Джаркутан, Келлели, Саппалитепа, Тоголок и др.). Большинство из них являлись, вероятно, храмовыми и дворцовыми комплексами, в которых были сосредоточены, в том числе, административные функции, связанные с управлением многочисленными мелкими поселениями сельского типа, которые находились в орбите их влияния. Наиболее крупным и хо-

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Древности» (№ 18-09-40082).

рошо изученным протогородским центром БМАК является Гонур-депе в древней дельте Мургаба (2300-1500 до н.э.), где исследованы остатки «царского» дворца, храмовые комплексы и многочисленные рядовые и элитные некрополи (Dubova, 2019).

Долгое время основное внимание специалистов было сосредоточено на изучении именно крупных протогородских центров, однако в последнее время появились исследования, посвященные сателлитным памятникам, поселениям сельского типа. Часто такие исследования велись через призму поисков следов взаимодействия оседлого земледельческого населения с подвижными скотоводами, оценки степени влияния скотоводческих культур степной Евразии на местное население на поздних этапах развития БМАК и их роли в упадке и трансформации культуры оазисов. Внимание к этим процессам связано еще и с широким кругом глобальных вопросов, которые касаются механизмов распространения индоевропейских языков и миграций их предполагаемых носителей (Франкфор, 2014).

Известно достаточно большое количество моделей взаимодействия оседлых обществ древних земледельцев и подвижных скотоводов. На различных материалах реконструируются мирные и насильственные формы взаимодействия, предполагающие торговлю и обмен, воинственные набеги. Очевидно, что в отсутствии письменных источников, археологические материалы не способны дать исчерпывающей информации о моделях такого взаимодействия.

Культурные контакты степного и земледельческого населения эпохи бронзы на территории Средней Азии

Первые свидетельства проникновения степного населения в регионы Средней Азии относятся к рубежу IV-III тыс. до н.э. и ярче всего проявляются на территории современного Таджикистана. Связаны они с носителями древнеямных и афанасьевских традиций. Материалы «степного облика» обнаружены на святилище Жуков (Аванесова, 2012), в первом горизонте раскопа IV в Саразме (Исаков, 1992), в комплексах Заманбаба (Кутимов, 2005; Каспаров, Аванесова, 2017) в долине Зеравшана.

Несмотря на то, что аналогии кажутся довольно отдаленными, конструкция ограды из Жукова действительно близка афанасьевским «оградам-стенкам», которые преобладают в Минусинской котловине и относятся обычно к позднему периоду развития культуры. Керамика, найденная здесь, также находит аналогии в афанасьевском комплексе. Что касается погребальной ограды, исследованной в Саразме, конструкция ее также сопоставима с афанасьевскими традициями, однако во всех пяти погребениях, обнаруженных внутри, отсутствуют артефакты степного облика, зато найдены предметы, которые можно считать характерными для БМАК (в частности, украшения). Датировка и культурная принадлежность заманбабинского комплекса долгое время являлись предметом дискуссий, однако сегодня очевидно, что в погребениях Заманбабы отчетливо проявляется позднеямный компонент, который фиксируется как в погребальном обряде, так и в предметном комплексе. Необходимо заметить, что находки керамики, сопоставимой с ямной и афанасьевской, известны и на Гонур-депе. Здесь среди сборов на Северном комплексе присутствует несколько характерных тонкостенных фрагментов с примесью ракушки в тесте, украшенных горизонтальными рядами «елочки», нанесенными с помощью гребенчатого штампа (Сарианиди, 1990, с. 26).

Таким образом, ряд памятников начала III тыс. до н.э. отражает процесс проникновения отдельных групп степных скотоводов на территорию юга Средней Азии. Присутствие здесь как древнеямных, так

и афанасьевских черт показывает, что модель взаимодействия скотоводческих культур запада и востока степного пояса была довольно сложной, что нашло отражение, в том числе, в среднеазиатских материалах (Фрибус, 2012). Тем не менее, интенсивность контактов пришлых групп с местным земледельческим населением в это время нельзя назвать высокой.

Материалы, сопоставимые с катакомбными и окуневскими (в широком смысле) древностями на территории Средней Азии пока не известны. Отсутствуют также и следы проникновения сюда сейминско-турбинских группировок. Таким образом, в период расцвета БМАК, контакты с носителями евразийских степных традиций не прослеживаются. Однако уже с андроновского-срубного времени «степные» древности распространены довольно широко практически на всей территории региона. Материалы представлены керамикой степного облика, которая присутствует в верхних слоях или в непосредственной близости от земледельческих поселений, погребальными комплексами, демонстрирующими симбиоз традиций, случайными находками изделий из металла (Кузьмина, 1994, 2008; Кутимов, 2008, 2014 и др.). Хронологически активизация степных групп относится ко второй четверти II тыс. до н.э., а южная граница их распространения локализуется на территории современного Туркменистана, Южного Таджикистана, Северного Афганистана.

На территории Туркменистана немногочисленные, но показательные андроновские материалы представлены на памятниках предгорной полосы Копетдага (Анау, Намазга-депе, Теккем-депе и ряд других), а также на юго-востоке, в древней дельте Мургаба (Таип, Тоголок, Аучин, Аджи-Куи, Тахирбай, Гонур-депе и др.) (Хлопина, 1972; Масимов, 1979; Сарианиди, 1990; Щетенко, Кутимов, 1999; P'iankova, 1993 и др.).

Степные древности в древней дельте Мургаба

Первые находки керамики степного облика в древней дельте Мургаба были сделаны советскими археологами еще в первой половине XX в. (Кузьмина, 1964). С началом планомерных исследований древнеземледельческих оазисов количество известных материалов значительно возросло. Они были представлены в основном сборами с развеянных стоянок либо немногочисленными находками непосредственно на территории древнеземледельческих поселений Гонур-депе, Аучин, Аджи-Куи, Таип, Тахирбай, Тоголок и др. (Сарианиди 1975, 1990; Масимов, 1979; Кузьмина, Ляпин, 1984, P'iankova, 1993 и др.). Необходимо отметить, что подобные находки фиксировались, однако основное внимание исследователей было сосредоточено на изучении собственно протогородских центров, что представляется вполне закономерным, поскольку эти исследования стали основой для дальнейшего выделения БМАК.

В начале 1990-х гг. совместной группой туркменских, российских и итальянских специалистов были начаты работы по составлению археологической карты дельты Мургаба (AMMD Project). Реализация этого масштабного проекта с привлечением современного оборудования и GIS технологий заняла почти 15 лет (1990-2005 гг.) (Cattani et al., 2008; Tosi, Cerasetti, 2010 и др.). В процессе исследований появились новые находки керамики «степного» облика, а также были обнаружены многочисленные следы сателлитных поселений, временных стоянок подвижных скотоводов в непосредственной близости от протогородских центров древних земледельцев. Новые материалы позволили вновь обратиться к вопросу о характере взаимодействия групп скотоводческого и земледельческого населения. В дальнейшем на таких временных поселениях (Тахирбай, около Тоголок 1,

Оджаклы, Аджи-Куи) Б. Черазетти и ее коллегами были проведены целенаправленные раскопки.

Одним из ключевых вопросов является дифференциация «скотоводческой» и «земледельческой», так называемой «кухонной» лепной керамики, с учетом того, что она встречается в значительном количестве на большинстве протогородских поселений БМАК, наряду с качественной керамикой, изготовленной на круге. Кроме того, сосуды часто изготавливались вручную, а затем подправлялись на круге. На материалах Оджаклы были выделены принципиальные различия между так называемой «кухонной» и скотоводческой керамикой. По мнению авторов, они заключаются в различном составе формовочных масс (в первом случае добавление дресвы, во втором – шамота или песка), характере обжига (в первом случае использовались печи, во втором – низкотемпературный обжиг), форме сосудов (кухонная повторяет гончарные формы), а также отсутствии на посуде БМАК орнаментации (Rouse et al., 2019).

Анализируя материалы исследований стоянок подвижных скотоводов в древней дельте Мургаба, итальянские коллеги пришли к выводу о тесном взаимовлиянии земледельческого и скотоводческого населения в экономике, технологиях и идеологической сфере. Было предложено несколько моделей такого взаимодействия.

Первая модель представлена материалами временного лагеря скотоводов на Аджи-Куи. Здесь стоянка располагалась в непосредственной близости от городских стен Аджи-Куи 1, а полученные датировки (2210-1960 до н.э.) позволяют говорить о том, что земледельческая и скотоводческая общины существовали одновременно. По мнению авторов, сохраняя специфику, мобильные скотоводы многое заимствовали у земледельцев[2] (Rouse, Cerasetti, 2018, p. 678-680). Лагерь скотоводов в Аджи-Куи может считаться одним из первых свидетельств раннего проникновения степных скотоводов в дельту Мургаба.

Иную модель взаимодействия демонстрируют материалы северного холма Тоголок 1 (1880-1620 до н.э.). Работы 1980-х гг. показали, что это один из значительных протогородских центров БМАК (Сарианиди, 1990). В верхних горизонтах здесь обнаружены слои с преобладанием «скотоводческой керамики». Таким образом, стоянка мобильных скотоводов появилась в то время, когда земледельческий центр перестал функционировать или был частично оставлен земледельческой общиной. В данном случае механизм контактов не прослеживается, однако в материалах памятника присутствуют окультуренные злаки, а также многочисленные предметы, связанные с БМАК, в частности украшения, каменные сосуды, печати, амулеты и антропоморфная пластика (Rouse, Cerasetti, 2018, p. 680-681). Таким образом, если признать эти слои памятника относящимися исключительно к культуре скотоводов, влияние на них земледельческой культуры было значительным.

Третья модель базируется на материалах наиболее полно и комплексно исследованного памятника – Оджаклы. Эта стоянка расположена изолированно, вдалеке от известных протогородских центров, здесь выявлена жилая зона и участки, на которых было сконцентрировано керамическое производство. На памятнике исследованы двухкамерные печи, близкие по конструкции, но отличающиеся по форме от печей,

[2] В частности, среди археоботанических остатков присутствуют семена пшеницы, ячменя и проса, бобовых, диких фруктов и орехов, что свидетельствует об изменениях в модели питания. В то же время фаунистические остатки говорят о преобладании в составе стада овец и коз, в то время как для БМАК характерен более широкий спектр остеологических остатков, включая кости диких животных, что может свидетельствовать о разных моделях скотоводства и различной роли охоты в этих сообществах.

широко распространенных на поселениях БМАК. Наличие таких печей трудно объяснить, так как в слое абсолютно преобладает лепная, плохо обожженная керамика (до 90% находок). Кроме того, среди посуды зафиксированы предметы импорта, причем довольно специфические. Речь идет о небольших бокалах для питья с прямыми стенками (Rouse, Cerasetti, 2014, 2018, p.681-683). Таким образом, Оджаклы демонстрирует специфические формы товарообмена между оседлыми и скотоводческими группами, по всей видимости, нерегулярного и непродолжительного, а также заимствование технологий и представлений, связанных с ними.

Наконец, последняя модель базируется на материалах поселения Чопантам. Так же как и Оджаклы, этот памятник изолирован, расположен на значительном расстоянии от протогородских центров БМАК. Кроме того, это самый поздний и самый южный в долине Мургаба памятник, связанный с присутствием скотоводческих групп. Здесь преобладает лепная керамика, однако присутствует значительное количество посуды типичной для БМАК, сделанной на круге. Среди материалов зафиксированы ямы для хранения зерна, остатки культурных злаков и даже зернотерки. По мнению авторов раскопок, община, обитавшая здесь, наряду со скотоводством могла заниматься и земледелием (Rouse, Cerasetti, 2018, p.683-684). По сути дела, такая модель может быть интерпретирована, как «оседание» скотоводов на землю, интеграция оседлых и подвижных групп, при сохранении базиса традиционной культуры.

[3] Отнесение всей лепной керамики к «скотоводческой» вызывает определенные сомнения, с учетом того, что большая часть ее не орнаментирована, а формы сосудов не реконструируются. При этом на большинстве стоянок «мобильных скотоводов» присутствует посуда, типичная для БМАК. Что же касается орнаментации, она также значительно отличается от классических «андроновских» канонов.

Таким образом, представленные модели демонстрируют сложный и нелинейный процесс взаимодействия между протогородскими сообществами и мобильными группами скотоводов в древней дельте Мургаба. Кроме того, можно выделить и определенные хронологические фазы, связанные с изменением стратегий таких связей. Определенными маркерами скотоводческой традиции могут служить отсутствие сырцовой архитектуры, доминирование лепной керамики с примесью шамота[3], состав стада. С другой стороны, на большинстве поселений присутствуют следы земледелия, окультуренные злаки. Вероятно, проникавшие с севера скотоводческие сообщества заимствовали у жителей протогородских центров некоторые технологии, идеи и предметы материальной культуры, сохраняя в той или иной степени основы собственной идентичности. Однако вопросы обратного влияния попрежнему остаются дискуссионными.

Сателлитные поселения Гонурского оазиса

Археологические комплексы Гонурского оазиса являются прекрасной площадкой для верификации моделей, выделенных итальянскими коллегами. Гонур-депе – самый большой и хорошо исследованный протогородской центр БМАК. Кроме того, благодаря целенаправленным палеоантропологическим исследованиям, проводимым под руководством Н.А. Дубовой, гонурские материалы представляют самую крупную выборку по антропологии населения эпохи бронзы не только на территории Туркменистана, но и всей Центральной Азии.

В 2010-2011 гг. в результате проведения разведочных работ стало ясно, что центральная часть Гонур-депе окружена многочисленными сателлитными поселениями сельского типа, которые распола-

гаются на расстоянии пешей доступности от основного комплекса. Р.М. Сатаевым и В.В. Куфтериным было выявлено более 20 таких объектов. Все они представляли собой невысокие холмы вытянутой формы, на поверхности которых фиксировались россыпи характерной керамики. Также были зафиксированы и другие объекты – остатки сырцовой архитектуры и керамических печей. На двух таких поселениях, которые были обозначены как Гонур 20 и Гонур 21, были проведены раскопки. В ходе исследований стало ясно, что поселки имели разную структуру и возможно различную специализацию.

На раскопе 1 Гонура 20 было исследовано две керамические печи, 12 помещений, образующих небольшой квартал, поминальники и 10 погребений людей и животных. На раскопе 2 была выявлена более сложная архитектура. Здесь были исследованы жилые помещения, которые образуют четыре квартала, поминальники и более 50 погребений людей и животных, которые в основном располагались в центральной части памятника. Следует обратить внимание, что с Гонура 20 происходят находки керамики «степного облика», а также здесь обнаружены конструкции, которые можно считать необычными для БМАК (Сарианиди, Дубова, 2012, с. 39-43).

Речь идет о полуземлянках (пом. 28а) и навесах, которые представляли собой, по всей видимости, производственные зоны. Одно из таких сооружений (пом. 16) представляет прямоугольное помещение, углубленное в материк на 30 см с входом, оформленным в виде пандуса. Внутри находились хозяйственные ямы, заполненные золой. Вдоль стен котлована прослежены столбовые ямки. Подобная постройка могла представлять собой навес, либо легкую каркасно-столбовую конструкцию, со стенами, плетенными из прутьев и глиняной обмазкой. Подобные конструкции известны в андроновском ареале. В 2019 г. работы на Гонуре 20 были продолжены под руководством автора, однако раскоп, разбитый к юго-западу от пом. 16 выявил только серию погребений (Фрибус и др., 2019).

Гонур 21, исследования которого проводились в 2011 г., представляет собой своеобразную небольшую укрепленную усадьбу. Центральный участок, где располагались помещения, имел подпрямоугольную планировку и был обнесен довольно мощной (до 1,5 м) стеной, имевшей проход с северной стороны. Кроме того, здесь исследован небольшой могильник, состоящий из 11 погребений, некоторые из которых имели довольно сложную структуру, напоминающую в упрощенном виде устройство гробниц «царского некрополя» Гонур-депе (Сарианиди, Дубова, 2012, с. 43-44). Приведенные примеры довольно красноречиво, на мой взгляд, показывают, что сателлитные поселения Гонурского оазиса имеют разную структуру и предназначение.

Заключение

Долгое время внимание специалистов было сосредоточено на изучении крупных протогородских центров БМАК. Это вполне закономерно, учитывая яркие находки, свидетельствующие о тесных связях носителей БМАК с крупнейшими цивилизационными центрами того времени в Месопотамии, Иране и долине Инда. Однако сегодня очевидно, что изучение сельской округи крупных протогородских центров способно дать новую информацию о системе расселения, жизнеобеспечении, мировоззрении не только элиты, но и широких слоев населения БМАК. Подобные исследования ведутся, например, на материалах Хараппы (Parikh, Petrie, 2019). При этом представляется не совсем верным рассматривать большинство небольших

поселков исключительно через призму взаимодействия земледельческого населения с подвижными скотоводами. Не отрицая наличия определенной, довольно сложной во времени и пространстве системы взаимовлияний, стоит признать, что известные на сегодняшний день «степные» материалы слишком скромны по сравнению с массивом, известным нам для БМАК. Кроме того, исследовать контакты степного и оседлого населения исключительно на материалах поселений довольно сложно. Что же касается антропологических материалов, на сегодняшний день мы не располагаем данными о значительном присутствии «степного компонента» в среде населения БМАК, что подтверждается и данными генетики (Narasimhan et al., 2019).

Литература

Аванесова Н.А. Святилище ранних номадов Зеравшана // Афанасьевский сборник 2. Барнаул: Азбука, 2012. С. 8-27.

Дубова Н.А. Предисловие // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 7. Исследования Гонур-депе в 2014-2015 в гг. М.: Старый сад, 2018. С. 9.

Исаков А.И. Богатое женское погребение из Саразма (Таджикистан) // Археологические вести. 1992. Вып. 1. С. 64-75.

Каспаров А.Р., Аванесова Н.А. От Волги до Зеравшана: межкультурные взаимодействия в эпоху палеометалла // Самара – Самарканд: наследие и современность в диалоге культур от Волги до Зеравшана. Самара: ЗАО «Сокол-Т», 2017. С. 204-228.

Кузьмина Е.Е. О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М.: Наука, 1964. С. 141-158.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Восточная литература, 1994. 464 с.

Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. М.: Летний сад, 2008. 560 с.

Кузьмина Е.Е., Ляпин А.А. Новые находки степной керамики на Мургабе // Проблемы археологии Туркменистана. Ашхабад: Ылым, 1984. С. 6-22.

Кутимов Ю.Г. Степные элементы в погребальном обряде могильника Заманбаба (к вопросу о происхождении и хронологии заманбабинской культуры эпохи бронзы Средней Азии) // Археологические вести. 2005. Вып. 12. С. 188-208.

Кутимов Ю.Г. Степные и земледельческие культурные компоненты в погребальных комплексах эпохи поздней бронзы Средней Азии // Записки Института истории материальной культуры РАН. 2008. № 3. С. 159-180.

Кутимов Ю.Г. К вопросу о культурных контактах степного и земледельческого населения в позднем бронзовом веке на территории Туркменистана // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. СПб.: Арт-Экспресс, 2014. С. 86-96 [*Труды ИИМК РАН. XLII*].

Масимов И.С. Изучение памятников эпохи бронзы низовий Мургаба // Советская археология. 1979. № 1. С. 111-131.

Сарианиди В.И. Степные племена эпохи бронзы в Маргиане // Советская археология. 1975. № 2. С. 20-29.

Сарианиди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад: Ылым, 1990. 316 с.

Сарианиди В.И., Дубова Н.А. Археологические работы Маргианской археологической экспедиции в 2008-2011 гг. // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 4. Исследования Гонур-депе в 2008-2011 гг. М.: Старый сад, 2012. С. 29-62.

Франкфор А.-П. Цивилизация Окса и проблема индоариев в Центральной Азии // Археология и история Центральной Азии в трудах французских ученых. Т. 1. Самарканд: МИЦАИ, 2014. С. 85-161.

Фрибус А.В. Афанасьевская культура и системы взаимодействия в степной Евразии

эпохи палеометалла // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб.: ИИМК, Периферия, 2012. С. 199-202.

Фрибус А.В., Дубова Н.А., Беглиев М.Ы. Первая находка полихромной росписи на Гонур-депе (Туркменистан) // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). К 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археологии Вадима Михайловича Массона. СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 59-61. DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-59-61

Хлопина Л.И. Кухонная керамика времени Намазга VI (по материалам «вышки» Намазга-депе) // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1972. Вып. 132. С. 59-64.

Щетенко А.Я., Кутимов Ю.Г. Керамика степного облика поселения эпохи поздней бронзы Теккем-депе (Южный Туркменистан) // Археологические вести. 1999. Вып. 6. С. 114-123.

Cattani M., Cerasetti B., Salvatori S., Tosi M. The Murghab Delta in Central Asia 1990-2001: the GIS from research resource to a reasoning tool for the study of settlement change in long term fluctuation // The Archaeological map of the Murghab Delta. Studies and Reports. Vol. 2. The Bronze Age and Early Iron Age in the Margiana Lowlands. Oxford: BAR International Series, 2008. P. 39-45.

Dubova N.A. Gonur Depe – city of Kings and Gods and the capital of Margush country (modern Turkmenistan). It's discovery by Professor Victor Sarianidi and recent finds // Baumer C., Novak M. (Eds.). Urban Cultures of Central Asia from the Bronze Age to Karakhanids. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2019. P. 29-53.

Frankfort H.-P. La civilization de l'Oxus et les Indo-Iraniens et Indo-Aryens en Asie Centrale // Fussman G., Kellens J., Frankfort H.-P., Tremblay X. Aryas, Aryens et Iraniens en Asie Centrale. Paris: Institut Civilisation Indienne, 2005. P. 253-304.

Narasimhan V.M., Patterson N., Moorjani P., Rohland N., Bernardos R. et al. The formation of human populations in South and Central Asia // Science. 2019. Vol. 365. No. 6457. DOI: 10.1126/science.aat7487

Parikh D., Petrie C.A. "We are inheritors of a rural civilization": rural complexity and the ceramic economy in the Indus Civilisation in north-west India // World Archaeology. 2019. DOI: 10.1080/00438243.2019.1601463

P'iankova L. Pottery of Margiana and Bactria in the Bronze Age // Information Bulletin IASCCA. 1993. No. 19. P. 109-127.

Rouse L.M., Cerasetti B. Ojakly: a Late Bronze Age mobile pastoralist site in the Murghab region, Turkmenistan // Journal of Field Archaeology. 2014. Vol. 39 (1). P. 32-50. DOI: 10.1179/0093469013Z.00000000073

Rouse L.M., Cerasetti B. Mixing metaphors: sedentary-mobile interactions and local-global connections in prehistoric Turkmenistan // Antiquity. 2018. Vol. 92 (363). P. 674-689. DOI: 10.15184/aqy2018.88

Rouse L.M., Grillo K.M., Piermartiri R., Rotondaro E., Cogo-Moreira H., Bargossi G.M., Cerasetti B. Not just "nomadic jars": The Late Bronze Age ceramic assemblage from the mobile pastoralist site of Ojakly, Murghab region, Turkmenistan // Archaeological Research in Asia. 2019. Vol. 18. P. 100-119. DOI: 10.1016/i.ara.2019.03.002

Salvatori S. Bactria-Margiana Archaeological Complex: How terminology hides historical processes // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 6. Памяти Виктора Ивановича Сарианиди. М.: Старый сад, 2016. С. 449-460.

Tosi M., Cerasetti B. Once upon a time… A brief reflection on the history of the "Archaeological Map of the Murghab Delta" (AMMD) Project in relation to the fundamental role of V.I. Sarianidi // Сб. статей к 80-летию В.И. Сарианиди. Труды Маргианской археологической экспедиции. СПб.: Алетейя, 2010. С. 86-103.

В.Н. Пилипко

НЕКОТОРЫЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ О ПАМЯТНИКАХ ЭПОХИ БРОНЗЫ МЕЖДУ АРТЫКОМ И БАБАДУРМАЗОМ (ЮЖНЫЙ ТУРКМЕНИСТАН, КААХКИНСКИЙ РАЙОН)

Памятники в окрестностях железнодорожных станций Артык и Бабадурмаз (рис. 1) в сферу внимания туркменских археологов попали еще в 30-х годах XX в. Первое их обследование в 1930 г. осуществил А.А. Марущенко. Он только что окончил Московский университет, совершенно не знал местных древностей, но ориентируясь на публикации о раскопках Р. Пампелли и Г. Шмидта на холмах Анау, он, в целом, правильно определил присутствие на Коша-депе и Шор-депе материалов большой древности (Марущенко, 1930).

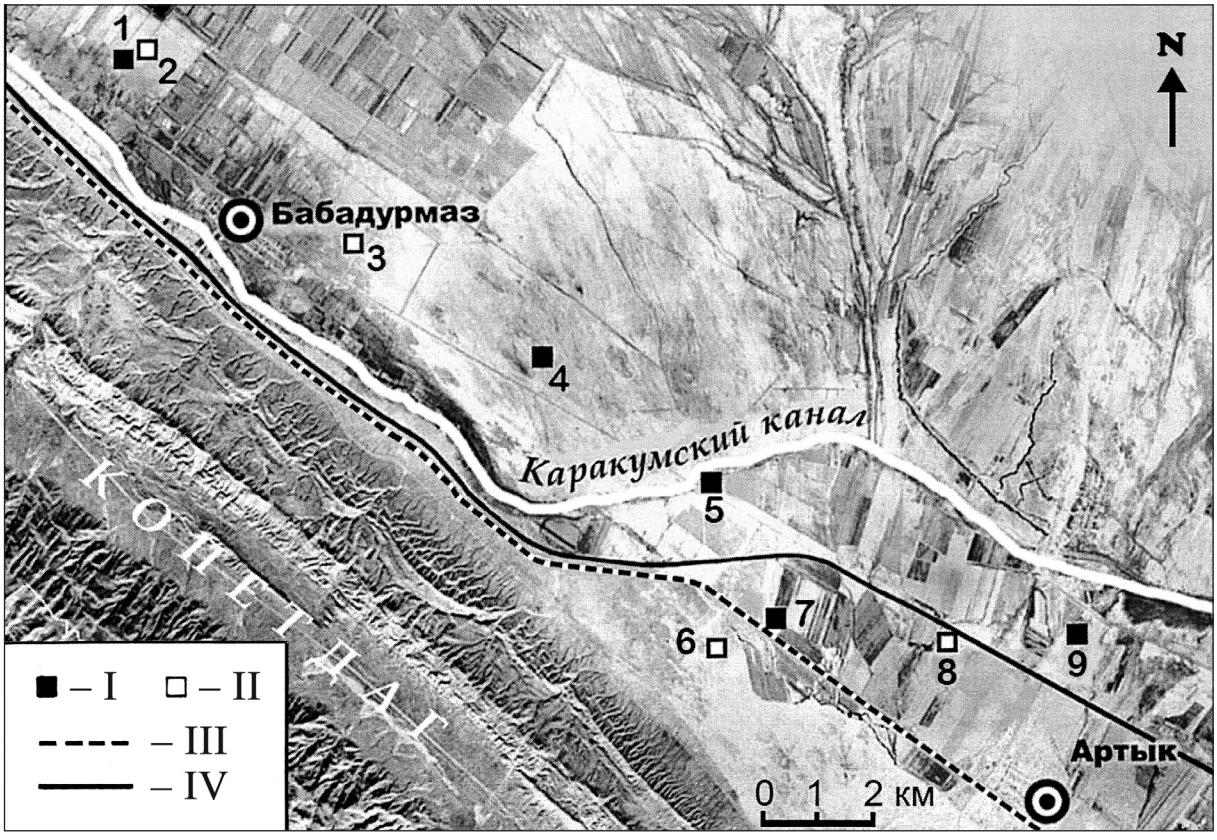

Рис. 1. Схема расположения памятников эпохи бронзы в окрестностях Артыка и Бабадурмаза.
Условные обозначения:
I – поселения эпохи бронзы; II – поселения, стратиграфия которых полностью не выявлена;
III – железная дорога; IV – шоссе Ашхада-Мары.
Нумерация памятников: 1 – Малый холм Коша-депе; 2 – Большой холм Коша-депе; 3 – Ак-депе (Гундогар-депе); 4 – Шор-депе; 5 – Кепри-депе (холм у моста); 6 – Дахлыхан-депе; 7 – Тайчанак-депе; 8 – Ак-депе Артыкское.

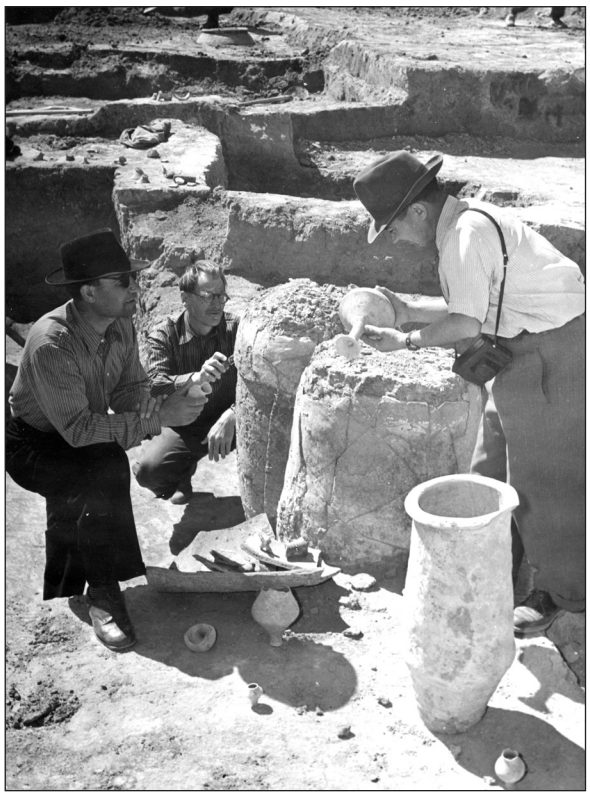

Рис. 2. Раскопки на Шор-депе в 1958-1959 гг. Постановочная фотография, на переднем плане несколько целых сосудов, найденных на этом объекте. В центре снимка А.А. Марущенко, справа Д.Д. Дурдыев, в то время заведующий сектором археологии Института истории, археологии и этнографии АН ТССР

В конце 50-х годов этого столетия, когда уже на основании стратиграфических наблюдений на Намазга-депе, была составлена и опубликована подробная хронологическая колонка археологических комплексов, представляющих древнеземледельческие культуры подгорной полосы Копетдага (Ганялин, 1956б; Массон, 1956), на Шор-депе под руководством А.Ф. Ганялина были проведены относительно широкие раскопки. В центре холма был заложен довольно крупный раскоп, в котором были изучены напластования двух верхних строительных горизонтов (рис. 2).

Главная цель этих исследований состояла в том, чтобы получить более полные сведения о периоде Намазга V. Эта задача в значительной степени была реализована. В довольно большом раскопе были получены сведения о строительной культуре того времени. Материалы 1958-1959 гг. позволяли охарактеризовать керамический комплекс периода Намазга V с еще большей полнотой. При раскопках Шор-депе были получены оригинальные образцы древней пластики (рис. 3). Материалы, полученные при раскопках Шор-депе, могли бы стать основой для сопоставления культуры малых и больших поселений Этека времени развитой бронзы, но, к сожалению, этого не случилось.

Результаты полевых исследований своевременно не были опубликованы, и сейчас о них научная общественность может судить только по скупым упоминаниям других авторов (Атагаррыев, Бердыев, 1967; Бердыев, 1967, с. 134; 1967; Бердыев 1971; Масимов, 1978).

В 1959 г. параллельно с исследованиями на Шор-депе А.А. Марущенко заложил контрольный раскоп на малом холме

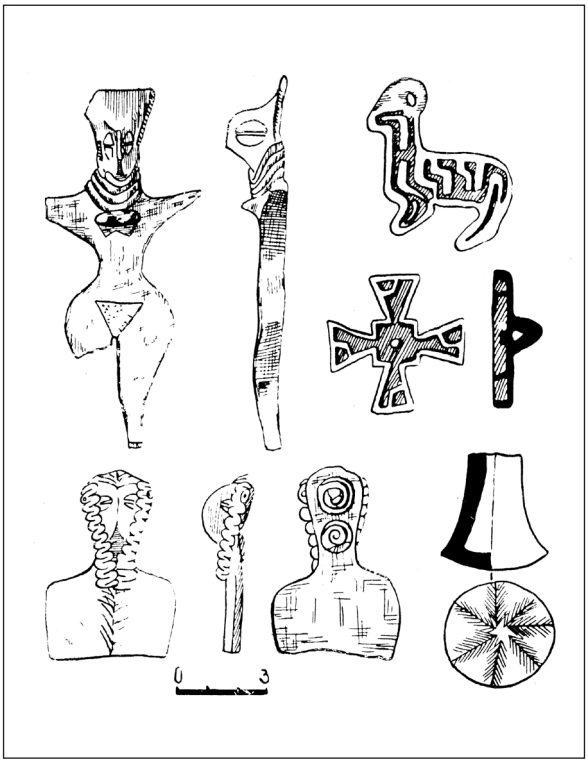

Рис. 3. Поселение Шор-депе у Бабадурмаза. Некоторые индивидуальные находки из раскопок А.Ф. Ганялина 1958-1959 гг. (Масимов, 1978)

Коша-депе[1]. Верх холма был занят остатками усадьбы аршакидского времени, поэтому А.А. Марущенко, нацеленный на изучение слоев эпохи бронзы, свой раскоп, имеющий вид широкой траншеи, заложил в нижней части северо-западного склона холма (рис. 4). Но в процессе работ выяснилось, что между отложениями эпохи бронзы и руинами парфянской усадьбы, имеется еще один архитектурный комплекс, относящийся к позднеахеменидскому или раннеэллинистическому времени (Пилипко, 1980, 1987).

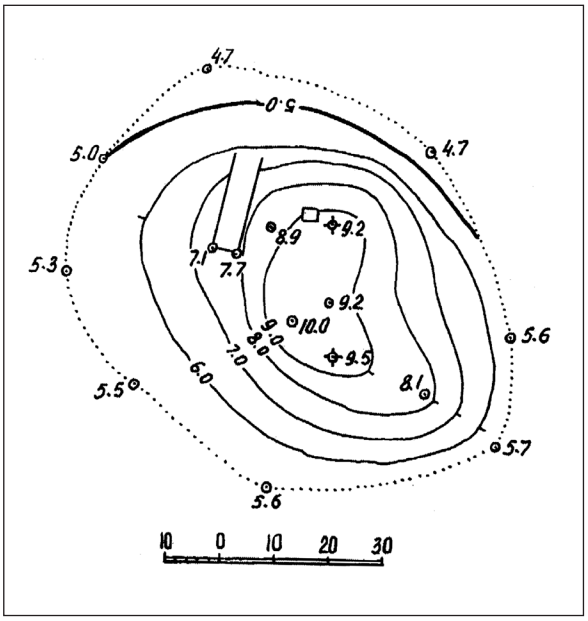

Рис. 4. Коша-депе. Малый холм. Инструментальная съемка А.А. Ляпина. 1973 г.

Капитальный характер выявленных стен и окраска их в красный цвет определенно свидетельствовали, что это руины неординарного архитектурного объекта. По этой причине А.А. Марущенко благоразумно прекратил раскопки, предварительно убедившись в том, что непосредственно под этими стенами начинаются отложения эпохи бронзы[2].

Следующий цикл работ на рассматриваемых памятниках относится к 1974-1976 гг. Осуществлялись они в рамках охранных археологических работ. В соответствии с законодательством того времени при всех земляных работах должны приниматься меры по выявлению и защите от повреждения объектов, имеющих историческую и культурную ценность, в том числе археологических памятников. В данном конкретном случае работы проводились по договору с Дирекцией строительства Каракумского канала. Археологи должны были представить информацию об исторических памятниках, расположенных на землях, предназначавшихся к освоению в зоне 3-ей очереди строительства Каракумского канала – условно от Душака до Ашхабада. Практически археологи получили возможность провести рекогносцировочные работы на указанных территориях, и составить на них паспорта, с тем, чтобы проектировщики в своих разработках учитывали эти данные.

Изучением памятников в указанном районе занимался отряд под руководством А.Я. Щетенко (Ленинградское отделение Института археологии АН СССР). Этой группой был осуществлен контрольный раскоп на Тайчанак-депе. На Шор-депе был пройден стратиграфический шурф размером 5 × 3 м, выявлено, что поселение функционировало в периоды Намазга IV и V. Общая мощность культурных отложений составляет более 4 м.

О результатах работ А.Я. Щетенко опубликовал три сообщения (Щетенко, 1968а, 1968б, 1970). Первые два имеют предварительный характер. В последнем сообщении, одновременно являющимся обобщающим, представлены многочисленные статистические таблицы, общая информация о керамике из раскопов на Шор-депе, но самих изображений этой керамики в ней нет, т.е. указанные публикации нельзя рассматривать как полноценный источник.

[1] Коша-депе в переводе означает «парный холм».
[2] Подробнее см.: Пилипко, 1987.

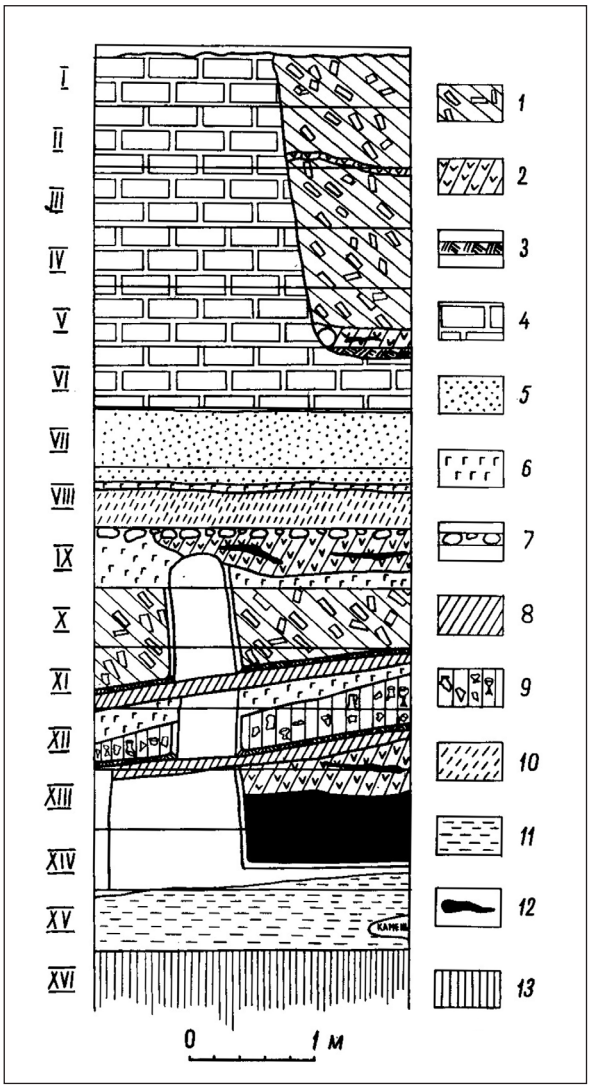

Рис. 5. Коша-депе. Малый холм. Шурф 2 (Масимов, 1968, рис. 13). Условные обозначения: 1 – кирпичный завал; 2 – рыхлый слой с зольными прослойками; 3 – вымостка пола; 4 – кирпичная кладка; 5 – слой песка; 6 – селитроносные слои; 7 – галечная вымостка; 8 – заполнение под полом; 9 – слой средней плотности; 10 – слой с включением алебастровых кусочков; 11 – слой с включениями песка и селитроносных прослоек; 12 – зольные слои; 13 – плотный слой красноватой глины

Участвовавший в этих работах И.С. Масимов в своей отдельной заметке кратко изложил результаты своих работ на Малом Коша-депе (рис. 5-7), но заложенный им на вершине малого холма шурф, не был доведен до «материка» (Масимов, 1968) в связи с окончанием полевого сезона. Таким образом, к сожалению, следует констатировать, что и в 1950-е и в 1960-е годы были

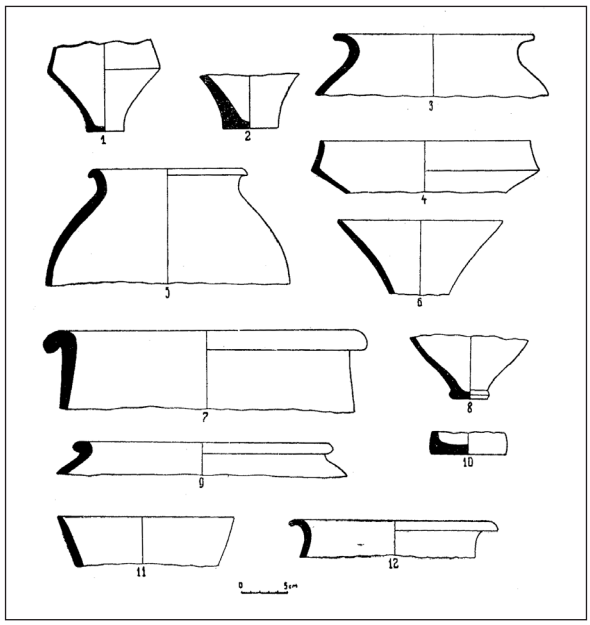

Рис. 6. Коша-депе. Шурф 2. Отложения эпохи бронзы. Материалы первого сверху стратиграфического горизонта (Масимов, 1968, рис. 14)

проведены значительные по объему исследования, но их результаты не получили достойного освещения в научной печати.

Изучение памятников эпохи бронзы не входит в сферу моих основных научных интересов, но в силу разных обстоятельств я также был вовлечен в их изучение.

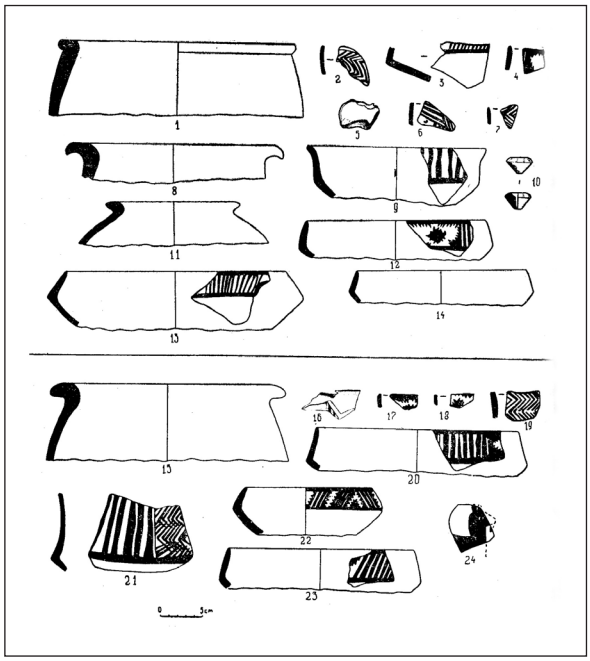

Рис. 7. Коша-депе. Шурф 2. Отложения эпохи бронзы. Материалы из второго и третьего сверху стратиграфических горизонтов (Масимов, 1968, рис. 15)

В 1974-1976 гг. я занимался раскопками усадьбы парфянского времени на Коша-депе у Бабадурмаза. Затем провел небольшие дополнительные раскопки «среднего здания» (Пилипко, 1987). Мне была интересна и общая история этого памятника. Я долго призывал И.С. Масимова завершить начатые им работы по изучению слоев эпохи бронзы, но он, увлеченный своими новыми, значительно более интересными открытиями в Маргиане, на них не откликнулся.

Весна 1976 г. была на редкость дождливой. Затяжные дожди сделали невозможным ведение работ на основном раскопе, все раскисло. Неподалеку от нашего раскопа Каракумский канал прорвал обваловку своих берегов, и мы оказались практически на острове. В этих условиях пришла идея заполнить паузу проходкой нового стратиграфического шурфа. Земля промокла примерно на 20-40 см, шурф копать было можно. Нижние культурные слои малого холма наконец-то были исследованы. Но публиковать этот материал мне было недосуг, накопилось много других неотложных дел. В 1974 г. мы, возвращаясь из экспедиции на Амударью, в жаркий летний день, остановились на отдых у моста через Каракумский канал, здесь я обратил внимание на большую груду земли, по сторонам недавно проложенного шоссе. По археологической привычке пошел посмотреть, что это за земля. Чутье не обмануло – удалось обнаружить несколько невыразительных черепков. В 1978 г. по пути в другую экспедицию мы вновь остановились на этом месте и заложили контрольный шурф. Выяснилось, что это остатки поселения эпохи поздней бронзы. Наших сил и светлого времени суток хватило на то, чтобы прокопать три метра. Когда через месяц мы вновь остановились на этом мосту – шурф уже был засыпан дорожниками. Таким образом, я был вовлечен в историю изучения памятников эпохи бронзы в районе Бабадурмаза. Многие годы этот материал лежал мертвым грузом в моем архиве, и теперь я решил его опубликовать, благо есть хороший повод – юбилей Надежды Анатольевны Дубовой, вот уже двадцать лет активно участвующей в изучении памятников эпохи бронзы на территории современного Туркменистана.

Поселение Коша-депе. Малый холм. Шурф 3

Шурф был заложен на юго-западном склоне склоне холма вне пределов верхнего здания. Его размеры 2,5 × 1,8 м, он пройден на глубину 7 м. На рис. 8 представлены северо-северо-восточная и юго-юго-восточная плоскости шурфа.

Под современной дневной поверхностью залегает слой сильно деструктированного сырцового кирпича. Его можно характеризовать как следы разрушения верхнего здания (рис. 8, *1*). Снизу его подстилает прослойка плотной слоистой глины, представляющая древнюю дневную поверхность, (рис. 8, *2*). Это, надо полагать, уровень соотвествующий подошве стен верхнего, парфянского здания. Ниже находится слой рыхлой красноватой земли (рис. 8, *3*), связанный со средним зданием («дом Б»). С ним связана прослойка битой гипсовой штукатурки (рис. 8, *4*); некоторые фрагменты сохранили красную краску на свой лицевой поверхности. Слои 3 и 4 представляют остатки «дома Б», предположительно относящиеся к раннеэллинистическому времени. В этих отложениях в небольшом количестве встречаются фрагменты керамики эпохи бронзы, но дату слоя определяют несколько обломков чаш, покрытых красным ангобом.

Тонкий слой плотного лесса (рис. 8, *5*) фиксирует верхнюю границу отложений, представляющих эпоху бронзы. Эти наслоения начинаются на глубине 1,25 м от верха шурфа. Верхний слой эпохи бронзы представлен мощной пахсовой стеной, со-

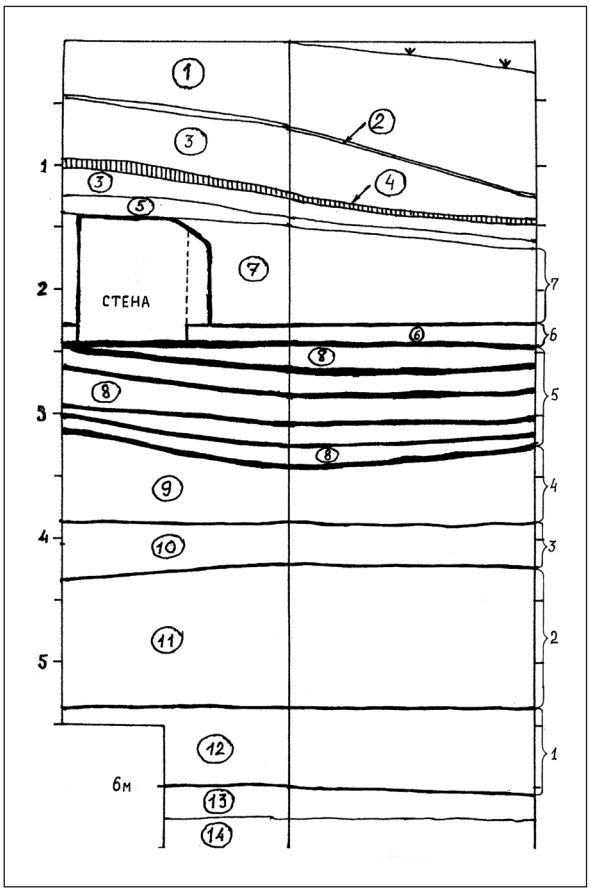

Рис. 8. Коша-депе. Малый холм. Шурф 3 (1976 г.). Стратиграфия. Расшифровка условных обозначений дана в тексте

хранившейся на высоту около 1 м. С ней связаны два стратиграфических горизонта. Более древний из них (горизонт 6) представлен рыхлым заполнением между двумя промазками полов (слой 6), и мощный слой 7 связан с периодом разрушения данной постройки. На втором этапе функционирования ширина стены была увеличена, при этом ремонте использован был сырцовый кирпич размерами 50 × 22 см.

Нижележащий стратиграфический горизонт 8 представлен множеством зольно-гумусных прослоек, имеющих общую толщину 0,7-1,0 м. Среди этих «полов» наиболее выражены пять прослоек, которые можно было бы так же считать отдельными стратиграфическими горизонтами, но учитывая явную непрерывность их накопления, они объединены в один стратиграфический горизонт (слой 8), представляющий остатки какого-то внутреннего хозяйственного двора.

Слои 9-11 также представляют постепенно накапливающиеся отложения бытовых отходов и санитарных подсыпок. В них тоже фиксируются зольные и гумусные линзы, но это именно линзы, а не полы. Основанием для их разделения на отдельные горизонты послужили уровни полов, расположенные в VIII и IX ярусах, а также некоторое их отличие друг от друга по цвету заполнения.Самый нижний горизонт (слой 12) отличается большей плотностью и желтоватым цветом заполнения. Он залегает на глубине 540-600 см от верха шурфа.

Таким образом, общая толщина отложений эпохи бронзы в шурфе № 3 достигает 4,6 м.Материковые отложения прокопаны на глубину 1 м. Они представлены тремя структурами. Верхние 25 см – плотная супесь, ниже – 65 см плотного песка (рис. 8, слои 13 и 14), который затем сменяется щебнем.

При фиксации находок параллельно осуществлялась их привязка, как к стратиграфическим горизонтам, так и к условным ярусам в 0,5 м. Поскольку стратиграфия малого холма Коша-депе выявлена полностью, то для удобства дальнейшей работы с этим материалом, комплексы находок пронумерованы снизу вверх. На рис. 8 их связь с конкретными ярусами обозначена с правой стороны таблицы.

К эпохе бронзы относятся стратиграфические слои 7-12, имеющие общую толщину 4,6 м. В горизонтах 8-12 архитектурные остатки в пределах шурфа не зафиксированы. Эти отложения представлены зольно-гумусными прослойками и разделяющими их прослойками относительно чистой земли. Керамические находки из этих слоев также однородные и могут быть отнесены к комплексам типа Намазга IV. Представлены пять фактурно-технологических групп керамики: 1 – расписная; 2 – нерасписная; 3 – черноглиняная; 4 – с

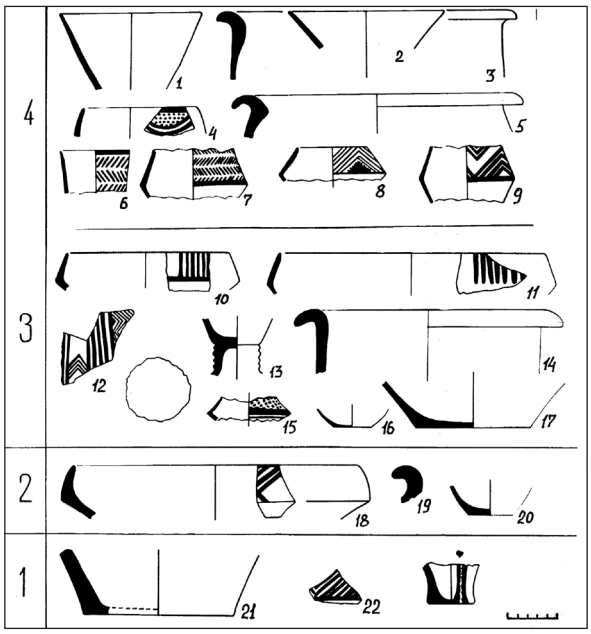

Рис. 9. Коша-депе. Малый холм. Шурф 3. Комплексы 1-4. Отсчет горизонтов снизу вверх

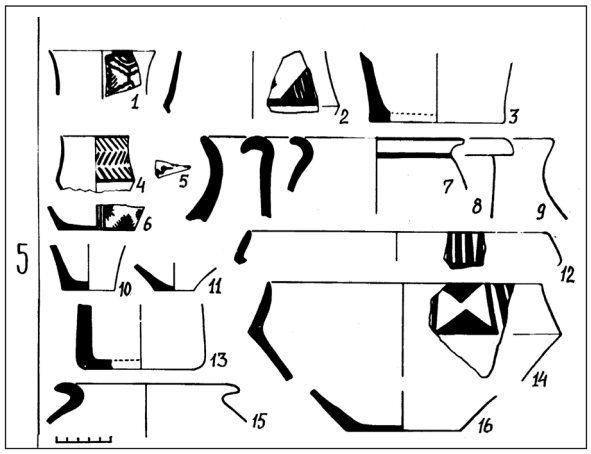

Рис. 10. Коша-депе. Малый холм. Шурф 3. Комплекс 5

добавками растительных частиц в формовочной массе; 5 – кухонная.

Первая группа – расписная керамика. Она представлена фрагментами изделий с неярким коричневым или красно-коричневым в изломе черепком, светло-серой, практически белой внешней поверхностью и росписью темно-коричневой, иногда практически черной краской. Значительная часть сосудов этой группы изготовлена или подправлена с помощью гончарного круга. Роспись преимущественно выполнена на сосудах биконических очертаний и расположена выше ребра (рис. 9). В редких случаях орнамент имеется и на придонной части сосуда. Преобладают геометрические мотивы, причем для находок из нашего шурфа характерны стандартные мотивы росписи, имеющие широкие аналогии на других памятниках этого времени. В указанных горизонтах имеются единичные изображения растений и животных. В слое 5 найден обломок сосуда с изображением растения типа «елочки» (рис. 10, *1*). Подобный мотив известен как по раскопкам Намазга-депе (Массон, 1956, табл. 32), так и Ак-Тепе[3] (Кирчо, 1999, с. 83, рис. 9)[4]. Схематичное изображение птички сохранилось на небольшом обломке сосуда из этого же слоя (рис. 10, *5*). Фрагмент с изображением головы козла или джейрана происходит из шурфа № 2 (см. рис. 7).

Найденный в комплексе 4 черепок с изображением сегмента, заполненного крупными точками (рис. 9, *4*), вероятно, представляет последнюю стадию схематизации изображений «барсов». Близкие по стилю изображения этих животных известны по материалам Ак-Тепе (Сарианиди, 1976, с. 101, рис. 5)[5].

Керамика второй группы отличается от первой лишь отсутствием орнамента. Количественное соотношение этих групп проследить трудно, так как небольшие фрагменты без росписи в действительности могли принадлежать расписным сосудам. Бесспорно, к этой группе относятся крупные сосуды с цилиндрическим резервуаром и отогнутым наружу венчиком (рис. 9, *3, 13*; рис. 10, *7*). Среди них встречаются обломки сосудов, обожженных до зеленовато-желтого цвета.

[3] Первоначально название этого важного памятника существовало именно в таком написании, и, чтобы не путать его с другими многочисленными «Ак-депе», я предлагаю сохранить эту традицию.

[4] См. также рис. 12.8.

[5] Приложенные к этой статье рисунки представляют собой иллюстрации к долгожданной, но так и не появившейся статье А.А. Марущенко о результатах его исследований на Ак-Тепе.

Третья группа – черноглиняная керамика. Ее немного, но она представлена в горизонтах, относящихся к периоду Намазга IV. Насколько можно судить по имеющимся обломкам, она в основном представлена коническими чашами с плоским дном или с массивной гофрированной ножкой (рис. 9, *13*). Некоторые фрагменты этой группы имеют довольно тщательное лощение. Такая керамика хорошо известна по раскопкам Ак-Тепе (Кирчо, 1999, с. 95, рис. 13) и не исключено, что это «импорт» с западных районов (Сарианиди, 1976; Кирчо, 1999, с. 78 и сл.; Ляпин, 2006). Эта группа керамики обнаруживает связи обитателей Коша-депе с населением Ахала. Одновременно следует отметить отсутствие в находках из шурфа № 3, как и в подъемном материале, фрагментов с процарапанным орнаментом. В настоящее время не ясно, является это особенностью данного комплекса или это лишь следствие малочисленности имеющегося в нашем распоряжении материала.

Количество изделий четвертой и пятой групп очень невелико. К четвертой группе относятся изделия с растительной примесью в формовочной массе. Она представлена крупными лепными горшками и хумами. Эти изделия, вероятно, предназначались для хранения продовольственных запасов. Пятая группа – кухонная керамика, в формовочной массе этих изделий содержатся минеральные добавки, придающие им бóльшую жаростойкость.

Материалы из 6 и 7 горизонтов можно рассматривать как один комплекс, так как они представляют разные этапы освоения одного жилого здания. Доминирующей группой здесь является неорнаментированная керамика со светло-серой (иногда она практически белая, иногда зеленоватая) внешней поверхностью. Черепок в изломе также часто светлый. Почти все эти изделия изготовлялись на гончарном круге. Любопытная деталь выяснилась для

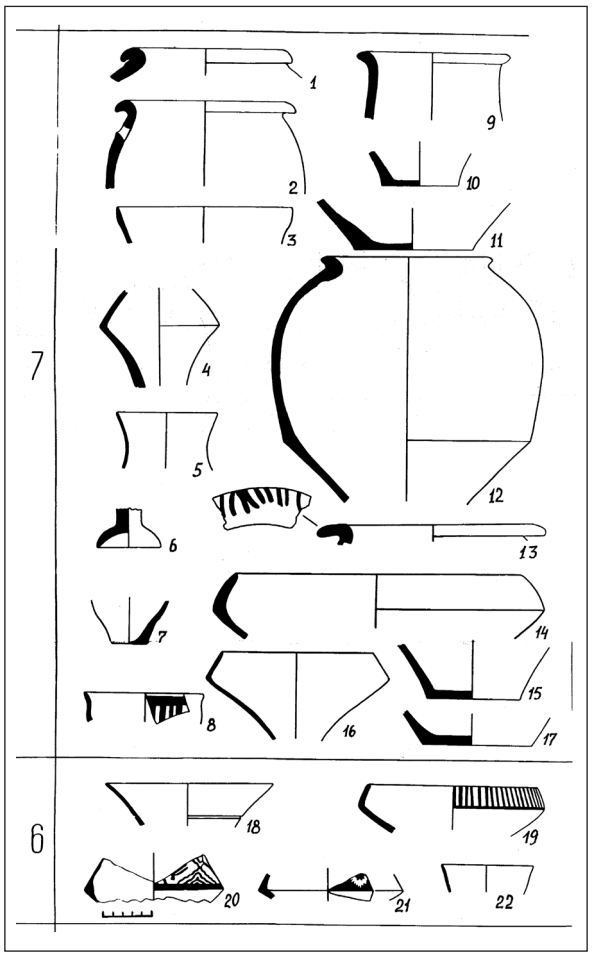

Рис. 11. Коша-депе. Малый холм. Шурф 3. Комплексы 6 и 7

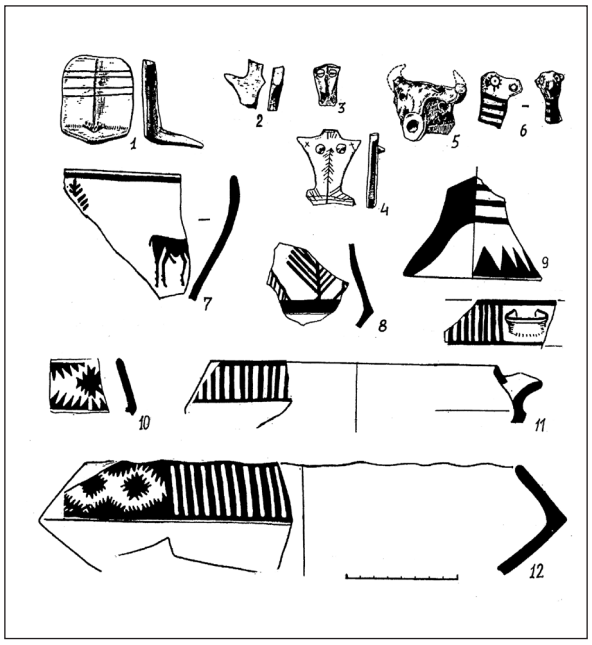

Рис. 12. Коша-депе. Малый холм. Некоторые индивидуальные находки. Сборы с поверхности И.С. Масимова

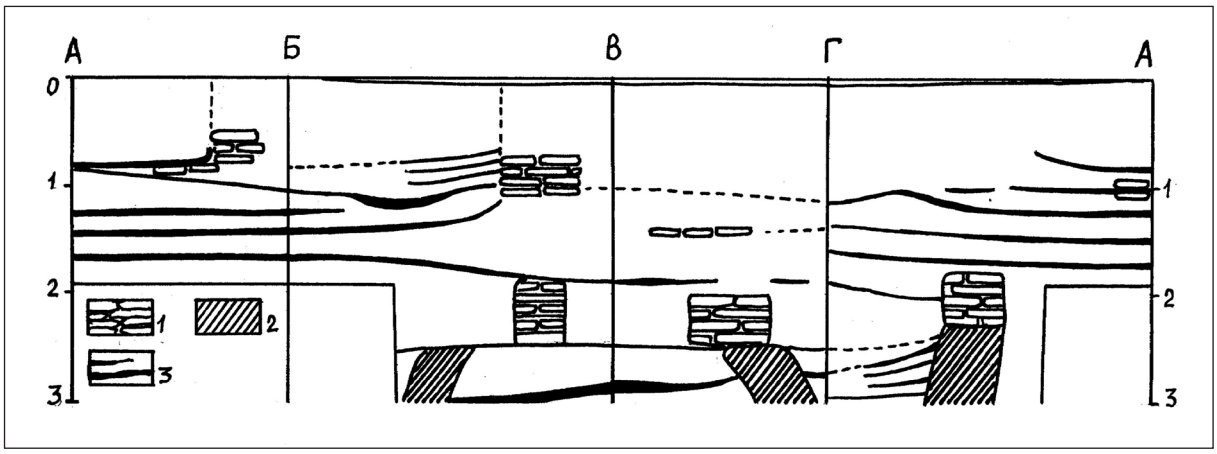

Рис. 13. Холм у моста через Каракумский канал (Кепри-депе). Развертка контрольного шурфа. Условные обозначения: 1 – сырцовые стены; 2 – глинобитные стены; 3 – полы, зольные и гумусные прослойки

одного небольшого биконического сосуда (рис. 11, *4*). Он составлен из двух конических частей, сформованных на круге по отдельности, и затем объединенных в одно целое. Фиксируется также изготовление горшкообразных сосудов в конических подставках. В результате они приобрели такую специфическую особенность как «подкос» – один из диагностирующих признаков керамических корчаг времени средней и поздней бронзы (рис. 11, *12*).

В настоящей работе использовано разделение эпохи бронзы на три основных периода – ранняя, средняя и поздняя бронза, выявленных еще при первых стратиграфических исследованиях на эпонимном памятнике Намазга-депе (Массон, 1956). Сейчас, благодаря новым широким раскопкам, каждый из трех периодов разделен на несколько этапов (Хронология…, 2005, Гл.3, с. 349 и сл.). Но в данном исследовании использованы крупные дефиниции Намазга IV, Намазга V, так как материалов из небольших разведывательных шурфов недостаточно для уверенной узкой датировки каждого стратиграфического горизонта (рис. 12).

Кепри-депе, поселение у моста через Каракумский канал

Наземная часть древнего поселения сейчас полностью уничтожена, по этой причине даже приблизительные данные о его размерах отсутствуют[6]. Шурф размерами 3 × 2 м заложен на небольшом останце, сохранившемся с южной стороны шоссе. Он прокопан на глубину трех метров, культурный слой продолжается ниже. В

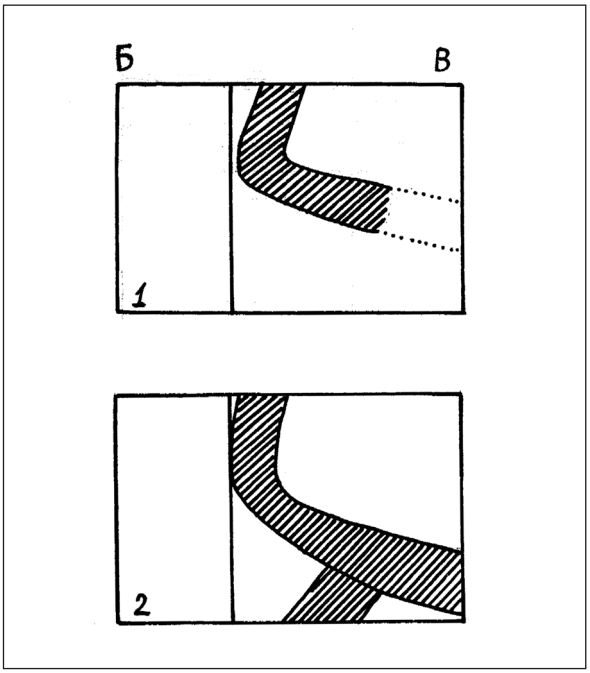

Рис. 14. Кепри-депе. План. Остатки архитектурных конструкций: 1 – на уровне V яруса; 2 – на уровне VI яруса

[6] Возможно, эту ситуацию сможет исправить ознакомление с проектной документацией по строительству шоссе и моста через канал. Второй вариант – продолжение зондирования данной территории археологическими методами.

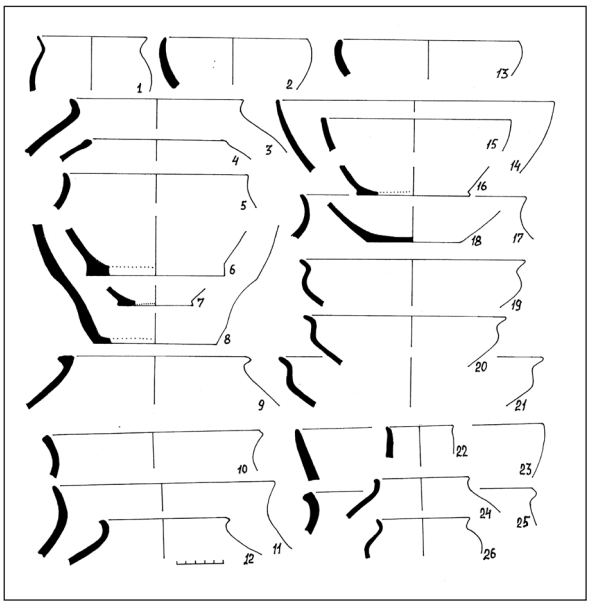

Рис. 15. Кепри-депе. Керамика из II-III ярусов

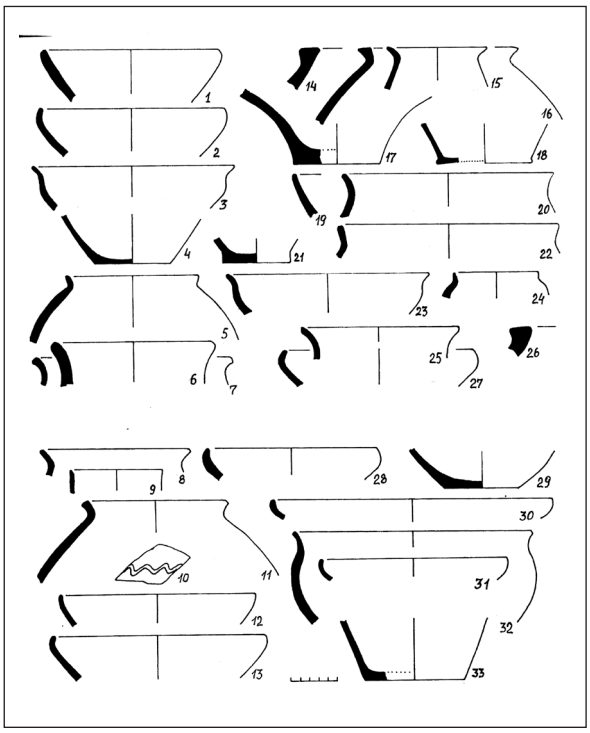

Рис. 16. Кепри-депе. Керамика из IV-VI ярусов

верхней части поселения зафиксированы пять крупных строительных горизонтов (рис. 13). Четыре верхних представлены остатками строительных конструкций из сырцового кирпича. Размеры последнего точно не определены, возможно, единого формата и не существовало. В кладке использовались и обломки. Определенно можно лишь утверждать, что кирпичи были прямоугольными. Толщина стен колеблется от 30 до 60 см. В нижнем, пятом горизонте использована неформованная глина. Частично расчищенное помещение этого горизонта имело сильно скругленные углы (рис. 14). В поперечном сечении прослеживается их выраженный наклон к центру помещения (рис. 13, 14), то есть можно предполагать, что это частично выявленное помещение имело подобие ложного купола. Но настаивать на этом нельзя, раскопом затронута лишь небольшая часть помещения. В целом, исследуемые постройки не отличались добротностью и, вероятно, довольно быстро приходили в негодность. Судя по обилию зольных и гумусных линз, хозяева мало заботились о своих жилищах.

В публикациях по древнеземледельческим культурам подгорной полосы Копетдага существует устойчивая традиция определения продолжительности функционирования рядовых жилых построек того времени в 50±20 лет. Если признавать это суждение верным, то для Кепри-депе явно следует использовать понижающий коэффициент, то есть дома подобного рода вряд ли функционировали более 30-40 лет. В соответствии с этими грубыми оценками можно предполагать, что вся трехметровая исследованная толща культурных наслоений на Кепри-депе имеет возраст 150-200 лет. Эта оценка в целом соответствует предварительному анализу полученного керамического материала.

Находок мало, и это исключительно фрагменты керамики. Поскольку это был небольшой разведывательный шурф, то материал фиксировался не по слоям, а по ярусам в 0,5 м.

Толща культурных отложений в шурфе определенно относится к одной исторической эпохе – периоду Намазга VI. Площадь шурфа небольшая, находок мало – всего 64 венчика и ни одного археологически целого сосуда (рис. 15 и 16). При та-

ком состоянии источниковедческой базы, представляющей пять хронологически обособленных комплексов, нет смысла заниматься их типологическим анализом. Ограничимся общей характеристикой коллекции с акцентом на признаках, подтверждающих ее принадлежность к комплексам типа Намазга VI. Практически вся керамика изготовлена на гончарном круге; как лепной определяется венчик одного горшка, изготовленного из «чистой» глины (лесса?) (рис. 15, *5*) и несколько стенок от горшков с минеральными добавками в формовочной массе.

Все остальные изделия изготовлены из добротного сырья[7] опытными мастерами на гончарном круге. Затем обожжены в специальных печах, но в результате применения разных режимов обжига сосуды приобрели разный цвет черепка и внешней поверхности. Выделяются два больших массива: горшковидные изделия и сосуды открытого типа.

Горшки – это довольно однообразные по форме сосуды с относительно небольшим плоским дном, сильно раздутым резервуаром, верхняя половина которого почти шаровидная и небольшим плавным отворотом верхней части стенки. Венчик обычно образован простым скруглением края стенки. Небольшая часть особо крупных сосудов имеет утолщенный венчик (рис. 15, *9*; рис. 16, *14, 16*). Эти изделия, вероятно, можно называть хумами. В зависимости от обжига горшки имеют в изломе красный, светло-серый (белый) и даже зеленовато-желтый цвет. Внешняя поверхность бывает цвета черепка, но чаще светло-серой. Некоторые изделия имеют подобие невысокой горловины (рис. 15, 10, 25). Небольшие горшки чаще имеют более стройные пропорции благодаря пологим плечикам (рис. 15, 1; 16, 15).

Поскольку целых изделий нет, то об объеме сосудов судить трудно. По диаметру горловин, объем наиболее крупных из них следует определять в 10-20 литров. Горшочки малых размеров, возможно, использовались как столовая посуда, но большинство изделий этой группы следует относить к числу тарных или хозяйственных изделий.

Вторая группа – сосуды открытого типа на Кепри-депе – это чаши и миски с диаметром венчика 20-30 см. Чаши меньшего диаметра единичны. Практически все изделия этого вида имеют красный в изломе черепок и такую же внешнюю поверхность. Часть сосудов этого вида покрыта плотным красным ангобом, некоторые чаши подвергались лощению. В основе их формы лежат разной высоты шаровые сегменты. Соответственно часть изделий можно воспринимать, как конические чаши – миски (рис. 15, *14, 15*; рис.16, *1, 19*), другие, как полусферические (рис. 15, *2, 13*), у некоторых наибольший диаметр находится ниже среза венчика (рис. 16, *27*). Для чаш и мисок характерно разное оформление венчика – он может быть слегка отогнут наружу и вовнутрь. Широко распространены изделия с S-образным профилем (рис. 15, *19-21*; рис. 16, *3, 32*).

Выше уже отмечалось, что с эпохальным определением кроющего слоя Кепри-депе особых проблем нет – это эпоха поздней бронзы. Можно лишь еще раз перечислить некоторые наиболее показательные признаки керамического комплекса типа Намазга VI. Это корчаги с характерным «подкосом» в нижней части сосуда (рис. 15, *8*; рис. 16, *17*), на плечиках которых эпизодически появляется процарапанный по сырой глине орнамент в виде волнистой линии (рис. 16, *10*). Красный ангоб и лощение на столовой посуде. Профили почти всех перечисленных выше чаш и мисок представлены

[7] Визуальная оценка специально не проводилась.

в материалах других памятников эпохи поздней бронзы, расположенных на подгорной равнине Копетдага (Ганялин, 1956 а, б; Массон, 1956, с. 363-365; Hlopina, 1972).

Вопрос абсолютной датировки комплексов типа Намазга VI в данной работе публикационного характера не обсуждается. Можно лишь отметить, что на ранних этапах изучения его продолжительность определялась примерно в 300 лет и привязывалась к концу II тыс. до н.э. (Массон, 1982; Хлопин, 1983, с. 30-58). Теперь под влиянием радиоуглеродных хронологических определений многие исследователи принимают так называемую «длинную хронологию», согласно которой время существование культур типа Намазга VI предлагается относить к 2200-1500 до н.э. (см., например, Lecomte, 2011, p. 223).. Но радиоуглеродных определений еще слишком мало, и потребуется их тщательное сопоставление с традиционными методами археологической датировки.

Памятники эпохи поздней бронзы на юге современного Туркменистана в XX в. раскапывались довольно активно, но часто, по не зависящим от авторов раскопок причинам, оставались не опубликованными или опубликованными очень плохо. В этих условиях всякое свидетельство о памятниках этого времени, в том числе и эта скоромная заметка, надо полагать, будут востребованы.

Подводя общие итоги изучения памятников Бабадурмазского оазиса, можно сделать заключение о том, что они очень важны для понимания процессов расселения в эпоху бронзы. Но они изучены еще очень слабо. В настоящее время нельзя даже точно определить – сколько всего существовало поселений на пространстве между Артыком и Бабадурмазом. Раскопки на малом холме Коша-депе показали, что часть подобных поселений может быть полностью скрыта позднейшими осадочными отложениями. Кроме того в пределах рассматриваемой территории имеется ряд крупных археологических объектов, стратиграфия которых еще не изучена. Это большой холм Коша-депе, Ак-депе или Гундагар-депе к востоку от Бабадурмаза, Дазлыхан-депе, расположенный примерно в 7 км западнее Артыка (рис. 1).

Новые исследования, несомненно, расширят знания о древнейших этапах освоения этой территории. Но, руководствуясь имеющимися в нашем распоряжении данными, мы должны констатировать, что наиболее ранние известные нам сведения о его освоении древними земледельцами восходят к эпохе бронзы. Оно началось в период Намазга IV и продолжалось до периода Намазга VI включительно. Факты о ее освоении земледельцами в эпоху раннего железа отсутствуют. По уровню своего социального развития, духовной и материальной культуре, они не отличались от жителей «протогорода» Намазга[8]. Жители небольшого поселения Тайчанак обитали в многокомнатных домах, объединенных в более крупные блоки, отделенные друг от друга довольно широкими улочками. Аналогичная квартальная застройка характерна и для «протогородов» (Массон, 1981, рис. 13 и 15). Местная керамика по формам и качеству практически не отличается от намазгинской. Это же можно сказать о женских культовых статуэтках и бронзовых печатях. Все это свидетельствует о том, что они входили в единую социальную структуру.

Это была местная, этекская группа, которая переселилась сюда по каким-то социальным или природным причинам, которые вынудили ее покинуть свои дав-

[8] Насколько об этом можно судить по нескольким плохо опубликованным раскопкам Шор-депе, Тайчанак-депе и разведывательным шурфам на Коша-депе и Кепри-депе.

но обжитые места. В периоды энеолита и бронзы поселения, как правило, существовало на одном месте многие столетия.

В целом поселения Бабадурмазского оазиса представляют благодатный материал для сопоставления образа жизни обитателей малых поселений и «протогородских центров». Поселения рассматриваемого оазиса могут сыграть важную роль при обсуждении вопроса о структуре расселения на территории Этека в эпоху ранней и средней бронзы.

Основной поселенческой структурой здесь в это время были «протогорода», имеющие площадь 10-30 га. Практически в обязательном порядке в своей основе они имеют такое же крупное энеолитическое поселение. Это Алтын-депе, Улуг-депе, Намазга-депе и, возможно, Кара-депе Мехинлийское. Жить в большой скученности на высоких холмах, вероятно, было неудобно. Кроме прочего, существовали проблемы с доставкой воды на большую высоту, но люди упорно держались за места своего рождения и могилы предков и не делали попыток поселиться хотя бы рядом.

Из перечисленных «протогородов» к Бабадурмазскому оазису территориально наиболее близок Кара-депе Мехинлийский. Далее к западу протогородских поселений нет, но есть большое энеолитическое поселение – Кара-депе Артыкское (рис. 1, *9*), которое, казалось бы, должно стать основой для еще одного «протогорода». Но оно опустело в конце периода Намазга III. Одной из возможных причин этого могла стать локальная экологическая катастрофа. Река Дорунгар, вблизи которой располагалось данное поселение, возможно, в это время «прорезала» верхний водоустойчивый пласт своего ложа и, размыв нижележащие мягкие слои в пределах подгорной полосы, стала течь по каньону. Жители Кара-депе лишились источника орошения своих полей. Это и заставило их покинуть родные места. Но выше по течению удобные для занятия земледелием места были уже заняты (Коль, Гескель, 1982), на севере – пустыня.

Свободные земли были только на западе. Но крупных водных источников там не было, и по этой причине бывшие «карадепинцы» вместо одного большого поселения вынуждены были осесть в нескольких небольших поселках. Случилось это, вероятно, на рубеже периодов Намазга III и Намазга IV. В нижних слоях Коша-депе довольно часто встречаются фрагменты расписных сосудов с изображением животных и птиц, очень популярных в период Намазга III (Массон, 1982, табл. XIX.1,2; табл. XXIV). Таким образом, поселения оазиса между Артыком и Бабадурмазом это не образец гипотетической «сельской округи» «протогорода» (Массон, 1981, с. 96), а особый случай расселения одной из общин Этека, обусловленный внешними природными обстоятельствами.

Вышеизложенное – это даже не гипотеза, а идея, которая требует доказательств. Но она, по моему мнению, имеет столько же прав на существование, как предположение В.М. Массона, о том, что вокруг «протогородов» находилось множество мелких поселений, которые ныне якобы полностью погребены аллювиально-делювиальными отложениями (Массон, 1981, с. 96). Раскопки в Бабадурмазском оазисе как будто подтверждают это предположение. На Малом холме Коша-депе слои эпохи бронзы практически полностью перекрыты поздними отложениями. Но ситуация вокруг самого Алтын-депе наоборот, этому противоречит. Около Алтын-депе почти на современной поверхности обнаружены остатки поселений времен Джейтуна и энеолита (Бердыев, 1976), но нет следов других поселений эпохи бронзы. Вопрос принципиально важный, и можно надеяться, что в близком или отдаленном будущем он будет поставлен на повестку дня.

Литература

Атагаррыев Е., Бердыев О. Археологическое изучение Туркменистана за годы Советской власти // Советская археология. 1967. № 3. С. 124-141.

Бердыев О. Материальная культуры Туркменистана в период неолита и раннего неолита // Первобытный Туркменистан. Ашхабад, 1976. С. 14-81).

Бердыев О. Некоторые результаты археологических работ Института истории имени Ш. Батырова АН ТССР (1959-1966 гг.) // Материальная культура Туркменистана. Вып. 1. Ашхабад: Ылым, 1971. С. 7-22.

Ганялин А.Ф. Погребения эпохи бронзы у селения Янги-кала // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Т. 7. Ашхабад: Ылым, 1956а. С. 374-384.

Ганялин А.Ф. К стратиграфии Намазга-тепе // Труды Института истории, археологии и этнографии. Т. 2. Ашхабад: Ылым,1956б. С. 37-66.

Кирчо Л.Б. Поселение эпохи энеолита – ранней бронзы Ак-депе под Ашхабадом // Кирчо Л.Б. К изучению позднего энеолита Южного Туркменистана. СПб.: ИИМК РАН, 1999. С. 53-115.

Кирчо Л.Б., Попов С.Г. К вопросу о радиоуглеродной зронологии археологических памятников Средней Азии V-II тыс. до н.э. // Хронология эпохи позлнего энеолита — средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб., 2005. С. 528-539.

Коль Ф.Л., Гескель Д.А. Археологические памятники долины Даре Гез // Советская археология. 1982. № 4. С. 33-47.

Ляпин А.А. Раскопки А.А. Марущенко на Ак-тепе // Проблемы истории, филологии, культуры. 2006. № 16-1. С. 267-292.

Марущенко А.А. Развалины святилища огня (памятник домусульманской эпохи Баба-Дурмаз) // Туркменоведение. 1930. № 11. С. 24-26.

Масимов И.С. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в районе станции Баба-Дурмаз // Каракумские древности. Вып. 2. Ашхабад: Ылым, 1968. С. 25-29.

Масимов И.С. Находки из Шор-депе // Памятники Туркменистана. 1978. № 1. С. 22-23.

Массон В.М. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б.А. Куфтина // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Т. 7. Ашхабад: Ылым, 1956. С. 291-373.

Массон В.М. Алтын-Депе. Л.: Наука, 1981. 174 с. [*Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Т. 18*].

Массон В.М. Энеолит Средней Азии // Энеолит СССР. М.: Наука, 1982. С. 9-92.

Пилипко В.Н. Парфянский слой поселений Коша-депе у Бабадурмаза // Советская археология. 1980. № 4. С. 213-231.

Пилипко В.Н. Средний слой северо-западного холма поселения Коша-депе у Бабадурмаза // Известия АН ТССР. Сер. обществ. наук. 1987. № 5. С. 52-59.

Пилипко В.Н. Становление и развитие парфянской культуры на территории Южного Туркменистана. СПб., АИК, 2015. 420 с.

Сарианиди В.И. Материальная культура Южного Туркменистана в период ранней бронзы // Первобытный Туркменистан. Ашхабад: Ылым, 1976. С. 82-111.

Хлопин И.Н. Юго-западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Л: Наука, 1983. 242 с.

Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб.: Нестор, 2005. 542 с.

Щетенко А.Я. Раскопки памятников энеолита и эпохи бронзы в Каахкинском районе // Каракумские древности. Вып. 1. Ашхабад: Ылым, 1968а. С. 18-29.

Щетенко А.Я. Раскопки поселения эпохи бронзы Тайчанак-депе // Каракумские древности. Вып. II. Ашхабад: Ылым, 1968б. С. 18-24.

Щетенко А.Я. Раскопки мелких поселений эпохи бронзы // Каракумские древности. Вып. III. Ашхабад: Ылым, 1970. С. 33-50.

Hlopina (Khlopina) L.I. Southern Turkmenia in the Bronze Age // East and West. 1972. Voi. 22. N 3-4. P. 199-214.

Lecomte O. Ulug-depe: 4000 years of evolution between plain and desert // Historical and cultural sites of Turkmenistan. Ashgabat, 2011. P. 221-237.

Е.В. Антонова

«МИНИАТЮРНЫЕ КОЛОНКИ» И «ПОСОХИ» БАКТРИЙСКО-МАРГИАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Исследование отдельных элементов Бактрийско-Маргианской археологической культуры (БМАК), даже вещей вполне определенных археологических категорий, вызывает потребность обратиться к проблемам общего характера. Богатство и разнообразие материалов не облегчает, а усложняет культурно-историческую интерпретацию чего бы то ни было – от отдельных изобразительных мотивов до целых архитектурных комплексов. Без осмысления общей системы невозможно понять назначение и значение отдельных ее элементов. Поэтому для интерпретации таких особых каменных предметов БМАК как миниатюрные колонки и посохи, представляется необходимым представить такие основополагающие стороны бытия создателей культуры, как общественный строй, состояние обмена и ремесла, места этой культуры в окружающем мире.

Археологические исследования на Востоке кардинально изменили представления о бытии древних сообществ, каким оно рисовалось на основании изучения письменных текстов. С началом формирования первых государственных образований в середине IV тыс. до н.э. в Месопотамии и соседней Сузиане, возросла интенсивность контактов обитателей аллювиальных долин с их соседями, в том числе далекими, которые обладали недостающими им минеральными ресурсами. На этот «вызов», осознанный элитой первых горожан, последовал «ответ». Так, группы носителей анауской культуры геоксюрского периода, вероятно, в силу демографических и социальных причин, переселялись в Систан (Шахри-Сохте) и в долину Зеравшана (Саразм). «Урукская экспансия» – одно из проявлений развития сети контактов, объединивших, в конце концов, весь Восток.

Интенсивность взаимодействий поры первой городской революции возросла через тысячу лет с возникновением Аккадского государства, правители которого именовали себя «царями четырех сторон света». Контакты в разных формах – от обменных до военных – простирались от берегов Средиземного моря до долины Инда. Через 1000 лет после «первой городской революции» в Месопотамии, на территории современной Сирии и юго-востока Анатолии обнаруживаются перемены, которые стали определять как «вторую городскую революцию» со всеми присущими ей признаками (Akkermans, Schwartz, 2003, p. 233 и сл.). Как всегда в таких исторических ситуациях, представители элиты – руководители разных сторон жизни социумов – обращаются к освященным временем образцам в Месопотамии и Египте.

В.И. Сарианиди обратил внимание на сходство бактрийско-маргианской и сирохеттской глиптики (Сарианиди, 1999), обозначив тем самым одно из направлений изучения такого сложного феномена как БМАК в целом. Он обратил внимание на

сходство других элементов этой культуры с теми, которые обнаружены в Хорасане, Эламе, Восточном Иране и Белуджистане.

Изучение принадлежащих одной культуре памятников различных категорий оказывается результативным при подходе к ним как взаимосвязанным элементам целостной системы. Соответственно, очевидным является анализ связанных по ряду параметров вещей. В БМАК такими предстают появляющиеся одновременно каменные вещи особого назначения – каменные миниатюрные колонки и посохи, обнаруживаемые совместно или поодиночке в одних ритуальных по преимуществу погребальных комплексах. Впервые они были выявлены при раскопках Тепе Гиссара, одного из крупнейших многослойных поселений северо-востока Ирана неподалеку от Дамгана. Э. Шмидт, проводивший раскопки в 30-е гг. прошлого века, ввел в научный оборот термины «миниатюрная колонка» и «посох» (pole) (Schmidt, 1937). Они, как и диски из того же минерала «алебастра» находились в погребениях или кладах. Клады, как предполагают позднейшие исследователи, тоже являются остатками погребений, но плохо сохранившихся. С таких памятников как Гонур-депе, Тоголок-21 и 1 в не меньшем числе происходят такие же предметы, происходящие из помещений, которые обозначаются авторами раскопок как ритуальные.

Известны контексты, где колонки соседствуют с плоскими дисками. Они в основном полированные, почти всегда имеют на одной поверхности желобок. Детали колонок и дисков позволили предположить, что они каким-то образом сочетались, составляли единое целое. По гипотезе Э. Шмидта, это было нечто вроде весов (Schmidt, 1937, p. 144). Это предположение в дальнейшем не было поддержано.

Гораздо более вероятно, что колонки служили основаниями для дисков, а вместе они представляли собой своеобразные столики. Одновременно с ними в Гиссаре бытовали каменные сосуды такой формы – «тарелки» на ножках (Schmidt, 1937, p. 212), скорее всего, ритуальные. С Гонур-депе происходят как небольшой каменный составной сосуд, так и большое серебряное изделие, состоящие также из двух частей (ножки и «тарелки») сходной формы.

Колонки из Гиссара – цилиндры с полированными стенками высотой около 30 см, у них плоские или слегка выпуклые основания с желобками, которые нередко продолжаются на стенке. На основаниях в некоторых случаях отмечены зазубрины. Стенка и верхняя поверхность одной из колонок покрыты облицовкой из костяных элементов – треугольников, квадратов, ромбов; желобки на ней окрашены в красный цвет. На верхней поверхности присутствуют два двойных разновеликих круга, у большего выделена середина (Schmidt, 1937, p. 216-219; pl. LXI).

Важно заметить, что расположение желобков, форма кругов на поверхности и особенно детали оформления стенки этой колонки – она на каждой половине подчеркнуто своеобразна – демонстрируют стремление показать как бы двусоставность этих вещей, хотя они были монолитными. Эта деталь, как будет показано в дальнейшем, важна для реконструкции их семантики.

Посохи из Гиссара – каменные стержни длиной около 1 м. Нижний их конец бывает скошен. Они встречены на этом поселении в тех же комплексах, что колонки.

Назначение и символика колонок интересовали немногих исследователей. П. Амье писал о них как о принадлежности культур Внешнего Ирана – они обнаружены в Северо-Восточном Иране, Туркменистане, в Бактрии, на Шахдаде. Фрагменты явно во вторичном использовании найдены в Сузах (Amiet, 1986, p. 65, 285). Он предполагал, что колонки имели культовое назначение, но при этом отмечал, что их нахождение в погребениях, в

частности, Тепе Гиссара, не может означать их принадлежность исключительно таким контекстам.

П. Амье допускал возможность возникновения колонок под влиянием египетского символа «джед». Он также предположил, что значение колонок могло быть близким тому, который имели бетили, аниконические идолы Палестины. Кроме того, чешуйчатая облицовка поверхности отдельных образцов из Бактрии предполагает возможность знакомства ее обитателей с египетскими реалиями: чешуйчатую поверхность имеет и ручка зеркала из Бактрии. Она воспроизводит древесный ствол – элемент символики египетской богини Хатор (Amiet, 1986, p. 195). Это предположение о символической связи колонок с деревом, очевидно, заслуживает внимания.

Отметим, что П. Амье, знаток древневосточных древностей, не был склонен к скептицизму некоторых отечественных египтологов, отрицавших возможность связей между Египтом и территорией БМАК, поскольку эти регионы находились слишком далеко друг от друга.

Данные о колонках и посохах с поселений Туркменистана существенно превосходят те, что были получены при исследовании тепе Горганской долины (несколько колонок найдено и на Тюренг Тепе). В Туркменистане первые данные о них обнаружены на Алтын-депе. В так называемом «погребении пастыря» (№ 362) в слое развитой бронзы лежал скорченный костяк мужчины 40-45 лет. Среди сопровождающего его инвентаря – три глиняных сосуда, явно предназначенные для жидких или сыпучих продуктов. Перед верхней частью тела находилась колонка высотой около 30 см с желобком на верхней поверхности и двумя – на стенке. На останках лежал каменный посох со скошенным концом длиной около 1 м (Алекшин, 1979, с. 81). Здесь же был кроткий «скипетр», имевший «вздутие» в средней части.

В подгорной полосе колонки были обнаружены и на Улуг-депе. Здесь две колонки лежали в погребении времени НМЗ V-VI в комбинации с плоскими камнями – ситуация уникальная, а потому необъяснимая (Бендезу-Сармиенто, 2010, с. 526).

Наиболее информативные сведения о колонках и посохах получены при раскопках поселений в Маргиане. Только на Большом некрополе Гонур-депе обнаружено около 25 колонок (Сарианиди, 2001, с. 63). Согласно публикации В.И. Сарианиди, они находились только в мужских захоронениях. Материал – брекчия, мрамор, мраморовидный известняк. Поверхность отполирована. Высота – 30-35 см, редко – около 50 см, диаметры оснований около 15-20 см, нижний несколько больше верхнего. Известен небольшой экземпляр (высота 10 см, диаметр 6 см). На верхней и нижней частях обычен желобок, продолжающийся по стенкам с двух сторон. В.И. Сарианиди предположил, что эти желобки могут указывать на использование колонок в культовых возлияниях, когда на верхнюю поверхность наливали жидкость, по его мнению, типа сомы-хаомы (Сарианиди, 2001, с. 63).

На Тоголок-21, относительно позднем среди маргианских поселений, колонки (их обнаружено около 30, целых и фрагментированных) происходят из помещений многокомнатного сооружения, строго говоря, неизвестного назначения, хотя В.И. Сарианиди уверенно считал его храмовым. На отдельных экземплярах отмечены следы металлических обойм. Оба или один конец желобка на верхней поверхности в ряде случаев имеют расширения; они несут следы залощенности и зазубрины.

Примечательно отсутствие на Тоголоке-21 каменных дисков, встречающихся вместе с колонками на Гонур-депе. Колонки с Тоголока в некоторых случаях имеют «крышки» – маленькие диски с желобками. Их диаметр не отличается от

верхнего диаметра колонок: вероятно, их применяли совместно. Можно было бы предположить, что между поверхностью колонки и «крышкой» зажимали и протягивали стебли растения, содержащего сок, который затем стекал по желобкам на стенке. На этом поселении с поверхности каменных терок и керамических сосудов отбирались образцы для анализов. При этом на них, а не на колонках, обнаружены следы эфедры и мака – растений, из которых предположительно получали ритуальные напитки (Сарианиди, 1990а, с. 194).

Совсем небольшие колонки – нечастая находка. На их особую роль указывает богатство внешнего оформления. Так, в «погребении жрицы» на Тоголок-1 найдена разбитая колонка из черного стеатита, богато инкрустированная вставками из белого камня (Сарианиди, 1990б, с. 164-165). Формы вставок позволяют определить, что декор ее верхней части (треугольники и кружки) отличался от средней, инкрустированной прямоугольными элементами. Низ не сохранился. Характерно, что верхняя поверхность, как и у обычных образцов, имела желобок, возможно, тоже инкрустированный.

На некрополях Гонура были найдены и каменные посохи. Они происходят только из мужских погребений. Это массивные стержни длиной более 1 м из разных пород камня. Часть их – из черного сланца. Большинство их прямые, но встречаются с утолщением в средней части. Нижний конец их бывает слегка скошен, как у гиссарских, уплощен или же имеет форму «совка» или «копыта». В.И. Сарианиди предполагал, что, скорее всего, это – жезлы или скипетры жрецов. В лавках Кабула, где торговали вещами из разграбленных могильников севера Афганистана, в конце 1970-х гг. он видел «довольно много» таких вещей (Сарианиди, 2001, с. 68).

Несколько погребений на Большом некрополе Гонура было исследовано членами итальянской экспедиции, работавшими вместе с В.И. Сарианиди. Г. Росси-Осмида назвал их «жезлами начальников» и символами ранга (Rossi-Osmida, 2002, p. 69). В одном из ограбленных погребений, характеризуемом как «псевдокатакомба», первоначально, видимо, довольно богатом, были найдены посох и маленькая колонка, а также серебряные сосуд и фрагмент «сигнальной трубы» (Rossi-Osmida, 2002, p. 86). Длина посохов 120-130 см. Кроме этих вещей и колонок, автором упоминается диск из «сероватой магмы» с желобком (Rossi-Osmida, 2002, p. 112-113).

Следует остановиться на посохах из грабительских раскопок погребений Северного Афганистана, многочисленных, хотя беспаспортных. Они описаны М. Поттье (Pottier, 1984, p. 16 и сл.), которая именует их булавами (палицами) (*masses d´arme*) – это боевое оружие, но чаще символическое. Их известно много десятков, материал – камень типа сланца. Один экземпляр имеет навершие. М. Поттье выделяет несколько разновидностей. Наиболее многочисленны относительно короткие, с расширением в средней части и сужающиеся к концам, длиной 50-87 см. Другую разновидность представляют длинные с расширением в средней части (зафиксировано 3 экземпляра), их длина 118-165 см. Основание прямое, косо срезанное или с бортиком; оно передает, как она считала, копыто лошади или бовида.

Наконец, самую полную информацию дают находки на Гонур-депе. Здесь встречаются и каменные диски, которые, возможно, в исходном состоянии могли соединяться с колонками, составляя столики. Перечислим погребения (в основном относимые к категории «царских»). Колонки и посохи встречены в погребениях 3200 (здесь же – диск) (Сарианиди, 2006, с. 157), 3210, 3220, 3870 (здесь и диск), 3880 (4 колонки, 2 посоха), 3905 (здесь же – диск) (Сарианиди, Дубова, 2010, с.158-159).

Порознь интересующие нас вещи встречаются в следующих погребениях. Колонки – 3255, 3310, 3230, 3790, 3230; посохи гораздо реже – погребения 3235 и 3900. Последнее – с двумя посохами, но без колонок – представляет собой не обычное погребение, а скорее жертвенное захоронение людей, животных и вещей, но без традиционного для погребений набора инвентаря (Сарианиди, Дубова, 2010, с. 158-159).

Отдельно следует остановиться на ритуальных захоронениях баранов. В «погребении агнца» (№ 18) посох с «гремящим» (полым, заполненным камешками) металлическим навершием находился за спиной обезглавленного барана. Рядом с ним была колонка, на ней – краснолощеный сосуд. В это погребение положили двух верблюдов – безусловный признак высокого статуса адресанта (или адресантов), причастных к захоронению (Дубова, 2012, с. 116).

В погребении барана 3790 около колонки найдено 6 глиняных сосудов (Дубова, 2012, с. 119). Такое совмещение колонки и сосудов, как представляется, признак назначения колонок – это ритуальные подставки, алтарики. Зафиксированы и другие случаи сочетания сосудов и колонок. Так, в «ритуальном захоронении животных», где присутствовало значительное число керамических сосудов, около спин трех баранов лежали колонки – это погребения 3621-3623 (Дубова, 2008).

Судя по форме колонок, небольшому размеру их поверхности, в своем большинстве они не могли служить «столами предложений». На них было трудно что-либо поставить (хотя такие случаи бывали), если только они не дополнялись чем-то вроде дисков. В то же время их положение вместе с, безусловно, жертвенными сосудами, как это было в погребениях баранов 3621-3623, могло, по-видимому, считаться достаточным указанием на жертвоприносительный смысл обряда.

В одном погребении (№ 3880), относимом к числу «царских», найдено 4 колонки из прекрасного просвечивающегося полосатого алебастра. Их высота – от 20 до 35 см. Тщательность подбора материала и мастерство исполнения демонстрируют значимость этих вещей в ритуалах.

Есть свидетельства того, что колонки считались необходимыми в ритуалах и бедных людей. Они могли пользоваться их дешевыми имитациями из доступных материалов: обнаружена колонка из обожженной глины с характерными для этих вещей желобками (Бороффка, 2012, с. 66).

Много лет назад В.И. Сарианиди обратился для истолкования назначения колонок к изображениям на ближневосточных печатях. Он высказал предположение о вероятности аналогии колонок БМАК и колонкообразных предметов в изображениях ритуальных возлияний (Сарианиди, 1992). Ритуалы возлияний, практиковавшиеся в Месопотамии, изучены многими исследователями (см., напр.: Danmanville, 1955). Эти обряды были одними из самых распространенных и актуальных на древнем Востоке.

В отличие от колонок и близким им по форме вещей, посохообразные предметы практически не встречаются в многофигурных композициях на печатях и других произведениях сакрально-меморативного назначения в Месопотамии. Можно предполагать, что такие композиции передавали вооруженные столкновения и ритуалы, участники которых не должны были представать как обладатели подобных атрибутов. Предводители военных столкновений или участники важных обрядовых действий наделялись другими вещами – предметами вооружения или сосудами для ритуальных действий. К ритуалам же были причастны колонки.

Приведем лишь немногие изобразительные данные. Сосуды, форма которых напоминает колонку (цилиндр с суже-

нием в средней части), часто изображаются на ритуальных вещах из городов Месопотамии. Такой сосуд изображен на вотивной настенной пластине из Ура Раннединастического периода 2550-2250 гг. до н.э. Жрец совершает возлияние в высокое цилиндрическое вместилище, по сторонам которого спускаются лентообразные предметы (Aruz, Wallenfels, No. 33, p. 74; подобное см.: No. 34, p. 75). На стеле Ур Намму (около 2097-2080 гг. до н.э.) возливают в высокий сосуд, стоящий перед богом в рогатой тиаре. Из сосуда поднимается дерево, а по сторонам спускаются две грозди фиников (Aruz, Wallenfels, No. 317, p. 443-446). Примечательно, что с верхней части сосуда с двух сторон изображены лентообразные предметы или растения.

По форме все эти сосуды похожи на знаменитую вазу из Урука с многофигурной композицией. Это замечательное произведение конца IV тыс. до н.э. наглядно повествует о цели жертвоприношения, вероятно, одного из самых главных в Уруке. В нижнем из трех ярусов, над растущими из воды растениями двух видов, идут бараны и овцы. Выше них обнаженные участники ритуала несут сосуды с различными приношениями божеству. Наконец, в верхнем ярусе, к сожалению, сохранившемся фрагментарно, совершается заключительная акция. Правитель или жрец, которого сопровождает слуга, подносит жрице у входа в храм приношения – продукты, украшения, скульптуры донаторов, сосуды. Среди последних – два, изображающих саму вазу (Антонова, 1998, с. 145 и сл.). Весь характер даров, парность растений, животных, дают основания предполагать, что обряды содержали действия, в которых мог осуществляться священный брак – ритуал, призванный, как известно, способствовать жизни природы во всех проявлениях и для обеспечения существования людей.

На приведенных изображениях представлены не жертвенники, а высокие сосуды. Но они – элементы жертвенных ритуалов, поэтому могли считаться идентичными алтарям. Вообще в ритуальной практике обитателей Месопотамии существовали специальные алтари, с которыми иногда соседствуют цилиндрические предметы, увенчанные растениями (Amiet, 1961, No. 1218, 1357). Вероятно, это тоже сосуды, и содержали они соответствующие их форме приношения – воду и растения.

Каменные образцы столов на конических ножках, служившие алтарями, существовали в Месопотамии, однако они обнаружены в комплексах позднего, ассирийского периода (Vivante, 1994). Они, как, вероятно, и предметы из Тепе Гиссара, состояли из раздельных ножки и «столешницы». Керамические основания передвижных алтарей более раннего времени известны в долине Диялы и в Ниппуре (Tunca, 1984, p. 152-153).

Аналогии алтарям зафиксированы в памятниках Анатолии. На печатях начала II тыс. до н.э. из Кюль Тепе (Каниша) изображали алтари в виде столиков на высокой конической ножке и стол на бычьих ножках. Первый Н. Озгуч сравнивает с «подставками для фруктов» археологической литературы. Над такими алтарями помещен один или два предмета, напоминающие, согласно Н. Озгуч, круглые предметы – хлебы, изображенные сверху (Özgüç, 1965, Pl. XI, 31, XXIV, 71, XIII, 38). Н. Озгуч отмечает, что в каруме Каниша в погребениях были найдены похожие на алтари подставки, однако не каменные, а из краснолощеной глины (Özgüç, 1965, p. 55). Каниш – лишь одно из поселений Западной Азии, ярко демонстрирующих смешение культур и народов в начале II тыс. до н.э. Изображения на печатях отражают староассирийские, старовавилонские, сирийские, египетские (здесь, кстати, встречаются изображения обезьян) влияния (Mellink, 1987, p. 67-68).

В Маргиане была найдена цилиндрическая печать с уникальным изображени-

ем, представляющим интерес для проблемы назначения посохов. Она происходит из, вероятно, погребения на Тоголоке-21 (Сарианиди, 1989, с. 167). В ее маргианской принадлежности, как будто, нет оснований сомневаться: на основании изображено характерное для местной глиптики изображение мака. Главным в многофигурной композиции является изображение двух обезьяноподобных существ, стоящих по сторонам высокого шеста и, по всей видимости, поддерживающих его. Над шестом в горизонтальном положении изображено аналогичное существо, вероятно прыгающее через него. За этой группой, обратясь к ней, стоит животное с копытами, за ним – коленопреклоненная обезьяна. Еще дальше две фигуры снова обезьян. Нижняя сидит, держа перед собой нечто вроде большого бубна или тамбурина; над ней – коленопреклоненная с двумя жезлами, увенчанными шарами, в руках. По мнению В.И. Сарианиди, это, безусловно, изображение атрибута бога Шамаша (Сарианиди, 1989, с. 167). Нам представляется, скорее здесь можно думать, что это изображение типа египетского систра – музыкального инструмента, звук из которого извлекался при потряхивании.

В этом изображении важны несколько особенностей. Ясно, что здесь передана сцена ритуала с участием зооморфных персонажей, но без сомнения передающих реальных участников действия. Оно происходит с участием играющих на «тамбурине» – ударном инструменте и на, предположительно, систре. Действо происходило при совершении ритуального прыжка через шест. Нельзя ли предположить, что этот шест – тот самый каменный посох, который мог быть принадлежностью «жреца»? Скудость данных заставляет внимательно анализировать детали. В «погребении агнца» (№ 18) на Гонур-депе навершие посоха содержало камешки, и при потряхивании он мог производить шум. На печати изображены «тамбурин» и «систр». Не исключено, что прыжки через шест, или посох, на печати передают обряд, в котором участвовали люди, стимулирующие обрядовое действие при помощи особой музыки. В целом этот обряд мог быть близким шаманским. В таком случае обладатели посохов были кем-то вроде шаманов. Пока это предположение высказывается в предварительной форме.

Банальна констатация, что особое место на древнем Востоке всегда принадлежало Египту. Известна широта воздействия этой цивилизации на соседей. Естественно, не все партнеры контактов зафиксированы письменными документами, но археологические данные позволяют расширить их круг. Так, установлено, что Египет был связан с Анатолией еще в конце IV – начале III тыс. до н.э. Египетские вещи эпохи XII-XIII династий найдены в районе Конии (Кара Хююк), в Киликии (Адана), Аджемкее, Кириккале, Аладже (Меллаарт, 1985, с. 33). Множество данных указывает на усиление контактов Египта поры Среднего царства (XXII-XV вв. до н.э.) и сиро-палестинского региона с землями к востоку. Это время, когда в, казалось бы, далеких поселениях Ирана и Туркменистана появляются колонки и посохи. Среди многочисленных документальных подтверждений – клад, обнаруженный в фундаменте храма эпохи Аменемхета II в Тоде. Он содержал сосуды, ювелирные изделия, слитки золота и серебра, фигурки и цилиндрические печати из лазурита, некоторые с клинописными надписями (Скандоне-Маттиэ, 1985, с. 87).

Сведения о ритуалах египтян обильны и очень показательны. В первую очередь они относятся к погребениям. В них, согласно документам, значительное место занимали возлияния водой и другими субстанциями (Павлова, 1999, с. 189, 196 и др.). Среди многочисленных вещей в погребения помещали также различные виды

посохов и скипетров, предметы вооружения, одежды и т.д. (Павлова, 1999, с. 207) – то же, что в гораздо меньших масштабах встречается в погребениях их бесписьменных близких и далеких соседей, и что может пролить свет на назначение вещей в культуре последних.

Среди египетских алтарей существовали такие, которые по существующим мнениям, первоначально не были собственно алтарями. Они имели форму тарелки на высокой подставке и служили столиками, на которые клали различные приношения (они напоминают плоские сосуды на ножках из Тепе Гиссара). Судя по имеющимся образцам, в Египте алтари делали из глины, камня и дерева (Vandier, 1954, p. 523-524). Исследователи обращают внимание на то, что на изображениях столов с пищей и другими приношениями на всем протяжении истории Египта были и пучки цветущего тростника, символизировавшего страну богов. Весьма вероятно, что образы растений и их символики входили в смысловое поле жертвенных столиков (Шеркова, 1996).

О влияниях Египта в Сирии можно судить по изображениям на печатях так называемого первого сирийского стиля, о чем писал выдающийся археолог и историк искусства Передней Азии Г. Франкфорт (Frankfort, 1939, p. 253, 255, 259). Среди них, в том числе старовавилонских, как и на стенописях дворца в Мари, встречаются обезьяны, в происхождении образов которых невозможно усомниться. Вторжение гиксосов усилило египетское влияние на Сирию, где оно стало ведущим, вытеснив вавилонские мотивы. Отмечая большую роль образа дерева и его столбообразного символа в сирийских и палестинских обрядах, Г. Франкфорт сравнивал эти символы с египетской колонной «джед». О возможном влиянии этого важного символа на появление миниатюрных колонок, как уже говорилось, писал П. Амье.

Признаки знакомства обитателей территории БМАК и их близких соседей на севере Ирана с египетскими реалиями красноречиво многочисленны. П. Амье обратил внимание, помимо ручек зеркал египетского облика (см. выше), на изображение на печати крылатого диска – египетского мотива, пришедшего в Сирию не позднее XVIII в. до н.э. (Amiet, 1986, p. 190, 195, 198). Р. Гиршман считал, что найденные на Тепе Гиссаре и Тюренг Тепе золотые и серебряные горны – аналоги использовавшихся в Египте для управления колесницами (Гиршман, 1981, с. 142). Колесницы, скорее всего, появились там одновременно с гиксосами.

После открытий на Гонуре количество аналогий из сферы культуры Египта увеличилось: здесь не только металлические горны, но и составные фигурки соколов с простертыми крыльями из «царского» погребения 3200, и каменная фигурка бегемота(?). Наконец, это целые могильные комплексы: погребения 2900, 3310 и 3280 обладают несомненными признаками сходства с гиксосскими погребениями в Аварисе. Это цисты с сопровождающими погребениями женщин и подхороненными животными (Дубова, 2014, с. 338). В них похоронены воины с массивными наконечниками копий, имеющие аналогии в Сирии (Akkermans, Schwartz, 2003, p. 271, fig. 8.22d).

Приводя сведения о контактах между Египтом и Западной Азией и далее к востоку, следует обратить внимание на свидетельства постоянства взаимодействий. В результате вырисовывается тенденция, позволяющая признать существование контактов при всей их отрывочности, «пунктирности», между областями, которые могут казаться отдаленными современным исследователям. Археологические данные позволяют разрушить это устоявшееся мнение, скорее даже предрассудок, хотя отсутствие письменных свидетельств

может вызвать сомнения у историков. Тем не менее, в существовании их убеждает множество данных о путях, пользование которыми засвидетельствовано временем городской революции в Месопотамии. Тогда, если не раньше, установился «лазуритовый путь», по которому ценившийся на Востоке минерал распространялся до Египта. Более ранние данные относятся еще к неолиту – это следы совокупности больших и малых дорог, по которым распространялось производящее хозяйство, а с формированием первых цивилизаций и становлением относительно регулярной торговли – металлы, минералы, произведения высокоразвитого ремесла, технические достижения и т.д.

Признаки колонок – их форма, особенности оформления, использование их в ритуалах жертвоприношений и конкретно возлияний – сближают их как с египетскими алтарями и ритуальными подставками, так и с анатолийскими ритуальными вещами, изображавшимися на печатях и встречающимися в виде керамических изделий. Как уже говорилось, их сравнивали с египетским символом и ритуальным предметом «джед». Однако возможность генетической связи каменных посохов с египетским жезлом «уас», как будто, еще не предполагали. Но прежде чем обратиться к этой проблеме, вернемся к непосредственной теме нашей работы – колонкам и посохам из Ирана и Туркменистана.

Единственным исследователем в нашей археологии, сделавшим каменные колонки, посохи и менее распространенные «гири» (последние в нашей статье не затрагиваются) одними из главных источников для широких исторических реконструкций, остается Ю.Е. Березкин. В статье почти двадцатилетней давности он уделил особое внимание гробнице, которую мы уже упоминали в связи с обнаружением в ней колонки и посоха. «…Ее размеры, внутреннее оформление и инвентарь позволяют говорить о ней, как о храме, не имеющем на Алтын-депе аналогий» (Березкин, 1994, с. 34). Особый комплекс, включавший кроме этой гробницы «зиккурат» и «дом вождя», существовал около 100 лет, затем запустел и был заброшен. Специфика реалий слоя Намазга V, отличных от комплекса предшествующего времени, позволяет полагать, что произошел перерыв в преемственном развитии культуры при мощном внешнем влиянии и заимствовании идей (Березкин, 1994, с. 14 и сл.). Ключ к пониманию этого перелома лежит, по его предположению, в определении роли крупных каменных вещей. Он полагал, что жезлы с вздутиями в средней части, в отличие от гладких, типологически более ранние. Однако эти отрывочные данные вряд ли могут служить основой для определения исходной территории распространения этих вещей.

В то же время примечательно его предположение о том, что появление колонок и посохов – свидетельство появления нового культа, с которым они, возможно, были связаны. Это именно Средний Восток, а не Элам и Месопотамия, где истоки таких вещей маловероятны. Согласно Ю.Е. Березкину, это «новое идеологическое движение», которое принадлежало к кризисным культам. Это движение, возможно, было ответом на тяжелую ситуацию, возникшую в результате глобального иссушения. «Кризисные культы» имели в разных регионах мира и в различные эпохи своеобразные формы. Они – продукты деятельности отдельных людей, пророков, и стадия их деятельности археологически неуловима. В результате переоценки ценностей, произошло паническое бегство с Алтын-депе «толпы новообращенных», а не особого народа (Березкин, 1994, с. 34-36).

Глобальное иссушение, каким бы оно ни было серьезным, вряд ли заставило обитателей поселений покинуть насиженные места «в панике». Скорее всего, им были

знакомы условия жизни в обводненных местах. Во всяком случае, долина Мургаба стала пристанищем людей, предки которых, судя по данным археологии, узнали туда пути еще в энеолитическую эпоху.

Прослеживается преемственность керамических традиций от анауских к БМАК, а керамика – самый надежный индикатор культурных трансформаций (Пьянкова, 1994). В долине Мургаба продолжают существовать культы семейно-родовых покровителей, антропоморфные изображения которых восходят к традициям Намазга V. Планировка некоторых «царских» гробниц Гонура имеет признаки сходства с элитарным многокомнатным погребением с колонкой и посохом на Алтын-депе. Вероятно, долина Мургаба была привлекательной для людей из различных соседних регионов. В частности, признаки западных культур были отмечены В.И. Сарианиди – это немалое количество находок в Маргиане характерных для Гиссара и других горганских поселений фрагментов серо- и чернолощеной керамики (Сарианиди, 1990а, с. 22, 25, 80-82). Признаки мигрантов относятся и к более раннему времени. В.И. Сарианиди упоминал сероглиняные черепки керамики, появившейся в Гиссаре IIA, в позднем энеолите Южной Туркмении и раннем бронзовом веке (Сарианиди, 1990а, с. 81).

Среди других находок следует упомянуть найденные на Алтын-депе два «клада» с серебряным сосудом, изделиями из слоновой кости, сосудами со сливами, «бокалами», «чайниками», аналогичные обнаруженным в Гиссаре IIIC (Сарианиди, 1990а, с. 76). К перечню общих вещей добавляются миниатюрные колонки, диски, топоры-тесла, перегородчатые металлические печати, «вилы», копья с загнутым черешком, «сигнальные горны» и т.д. В.И. Сарианиди пришел к заключению, что Гиссар III – «не что-то особое и исключительное, а один из центров широкого ареала распространения БМАК» (Сарианиди, 1990а, с. 88). Таким образом, обозначалась обширная зона тесного взаимодействия.

Ю.Е. Березкин полагал, что условия существования, мирная жизнь и отсутствие военных столкновений на юге Туркменистана и на севере Ирана не позволяют сравнивать их с другими древними цивилизациями – Месопотамией, Египтом, Китаем или культурами американских индейцев. При этом он обратил внимание на свидетельства вовлеченности большого процента населения Алтын-депе в занятие ремеслом. Подобную картину дает и систанское поселение в Иране – Шахри-Сохте (Березкин, 1994, с. 34). При этом в обоих поселениях практически нет свидетельств существования «привилегированного слоя». В Шахри-Сохте, судя по инвентарю погребений, к нему может быть отнесена часть ремесленников.

Как можно представить общество верхнего слоя Алтына и Шахри-Сохте (о Гиссаре известно слишком мало для таких реконструкций)? Оно рисуется как архаичное, основанное на сложной сети горизонтальных и вертикальных связей между кровнородственными и территориальными объединениями (Березкин, 1994, с. 32). Однако развитое ремесло не могло существовать без установления торговых контактов. Их свидетельства есть на Алтыне и еще более – на Гонуре.

Исследования погребений Гонур-депе, поселения более позднего и давшего несравненно более обильный материал, привело исследователей к любопытным выводам (Дубова, 2004, с. 254). Здесь выделены самые богатые захоронения – на их долю приходится 4,2%. 9% составляют самые бедные. Подавляющее большинство – 86,8% принадлежит условно «среднему классу». Среди них есть обладавшие ценными вещами, хотя они немногочисленны. Было обнаружено погребение ремесленника-ювелира. Структура основного мас-

сива общества может быть представлена как предложенная Ю.Е. Березкиным для Алтына и Шахри-Сохте, но здесь она может быть более сложной из-за этнической неоднородности населения и существования развитой торговли, сообществ ремесленников и торговцев.

Непросто истолковать богатые камерные погребения, относящиеся к самому раннему периоду существования Северного Гонура. Требует объяснения краткость времени их бытования. Дата создания самых богатых («царских») погребений укладывается в период 2200-2100 – 1900 гг. до н.э. или еще более краткий – в пределах 50 лет (Дубова, 2014, с. 327-328).

Обращаясь к контексту существования БМАК, нельзя не обратить внимания на время ее возникновения, близкое сложению Аккадской империи. Для существования столь крупного образования были необходимы значительные ресурсы. Потребности в них были еще более настоятельными, чем те, которые привели в конце IV тыс. до н.э. к «урукской экспансии», когда на территории Ирана и Сирии возникали колонии переселенцев. Экспансия Аккада приводила к столкновениям с уже существовавшими городами-государствами, среди которых была Эбла, обладавшая широкими обменными связями, доходившими до Египта (Дьяконов, 1985, с. 329-330). Такие образования были устойчивыми: разрушенная аккадцами в 2225 г. до н.э., она была восстановлена около 2000 г. до н.э. (Дьяконов, 1985, с. 335). Вероятно, этому способствовало положение на важных торговых путях.

Крупные центры были средоточиями разнообразных связей, на путях которых существовали локальные центры второго порядка, от которых тянулись пути контактов к менее развитым в социальном и культурном отношении образованиям. В этой связи правомерно обратиться к Тепе Гиссару – одному из поселений Горганской долины, лежавших на Великом Хорасанском пути. Его обитатели, как было установлено исследованиями 70-х гг. прошлого века, занимались металлообработкой, которая была высокоразвитой, обработкой лазурита и других минералов. Неудивительно наличие там множества вещей III тыс. до н.э. из меди, серебра, свинца, олова, золота (Tosi, 1989). Еще Э. Шмидтом были обнаружены явные принадлежности элиты – медное цилиндрическое навершие, увенчанное шестилепестковой розеткой со стоящим на ней четвероногим. В погребении обнаружена фигурка пахаря, погоняющего пару быков. Косметические палочки украшали фигурными навершиями. Одно из них изображает мужчину, протягивающего руки к сидящему с женщиной ребенку (Schmidt, 1937, p. 196-197).

Примечателен «ритуальный клад» – 12 фигурок мужчин и одной женщины. Все они стоят с протянутыми вперед или сложенными на животе или перед грудью руками. Э. Шмидт считал их изображениями молящихся или приносящих жертву (Schmidt, 1937, p. 191-193). Возможно, их можно считать неумелыми подражаниями антропоморфным фигуркам, распространенным в Восточном Средиземноморье в середине III тыс. до н.э. (Авилова, 2013, с. 38). Комплексы металлических фигурок такого типа известны в Угарите и других пунктах (Akkermans, Schwartz, 2003, p. 254). Нельзя исключать возможность, что изделия такого типа могли быть образцами для гиссарских.

Гиссар обладает многими признаками динамично развивавшегося поселения. Около 3300-2900 гг. до н.э., одновременно с появлением в большом количестве серой керамики, развивается строительная техника (кирпич в формах, улучшается система кладки), появляются фасады с выступами (Dyson, Remsen, 1989, p. 87). Исследованные архитектурные остатки на новом участке выявили единую планировку. Здесь найдены кальцитовые и алебас-

тровые колонки и диски, которые прежде обнаруживались только на Главном холме в могилах и кладах периода IIIC (Dyson, Remsen, 1989, p. 90).

Гиссар имеет все признаки поселения с развитым ремесленным производством и обменом. Значительное количество предметов вооружения (в том числе копья с загнутым черешком – аналогии в Сирии – см.: Akkermans, Schwartz, 2003, p. 271) – признак вовлеченности обитателей в военные столкновения.

Симптоматично обнаружение таблички или ярлыка со своеобразными знаками, которые вместе с цилиндрическими печатями появляются в конце IV тыс. до н.э. и свидетельствуют об участии Гиссара в «протоэламской» сети торговых отношений (Dyson, Howards, 1989, p. 79). Э. Шмидт упоминал о находке мелких изделий из разных минералов – это 3 конуса, 4 сферы, 8 веретенообразных (Schmidt, 1937, p. 232). П. Амье писал об их сходстве со счетными камешками, «калькули», обнаруженными в Сузах в кладе, помещенном в сосуд. Самая поздняя находка в этом комплексе – цилиндрическая печать, датируемая временем, предшествующем I династии Ура (Amiet, 1986, p. 125-126). Несколько наборов вещичек, которые могут быть интерпретированы таким же образом, было найдено и при раскопках Гонура (Дубова, 2008, с. 53-54; Сарианиди, Дубова, 2010, с. 159). Эти «калькули», или «токины» – принадлежности учета, осуществлявшегося при обмене при отсутствии письменности. Они служили знаками, утверждавшими законность операций в условиях господства устной трансляции информации.

В отличие от Э. Шмидта, объяснявшего изменения в культуре верхнего слоя Гиссара, в том числе гибель «сгоревшего здания», приходом новых поселенцев, исследователи 70-80-х гг. XX в. думали иначе. Они рассуждали в соответствии с новой парадигмой и видели причину культурных изменений в периодических колебаниях торговых отношений в восточно-западном направлении (Dyson, Howard, 1989, p.108). Гиссар – пример поселения, обитатели которого занимались ремеслом и обменом. Но у них почему-то не было царских погребений, как на Гонуре.

Глобальное иссушение климата могло вызвать не только передвижения в относительно обводненные области, но и возрастание роли подвижного скотоводства. Одомашнивание верблюда, которого использовали, по-видимому, систематически носители БМАК, облегчило занятие скотоводством, в том числе на севере Афганистана, природные условия которого этому способствовали. Именно здесь были хищнически раскопаны многочисленные погребения с богатым инвентарем. К. Ламберг-Карловски считал помещение обильных заупокойных даров отличительной особенностью быта кочевников (Lamberg-Karlovsky, 1989, p. 19-20).

П. Амье неоднократно, особенно в своей обобщающей книге 1986 г., акцентировал внимание на роли подвижных скотоводов, передатчиков всякого рода культурных явлений, в жизни различных сообществ в Иране и соседних с ним областях. Он видел в характерной для них способности оседания на землю, имевшую место в Бактрии и Маргиане, более приемлемое объяснение роста земледельческого населения, считая менее продуктивной гипотезу о далеких миграциях (Amiet, 1986, p. 195, 206 и др.). История древнего Востока содержит множество примеров такого рода.

Признаки генетической связи БМАК с анауской культурой не означают, что она не может считаться качественно новым явлением. Ее своеобразный облик связан, в частности, с тем, что эта культура сформировалась в условиях интенсивных контактов с необычайно динамичным миром. В Месопотамии XXIV-XVIII вв. – это время правления Аккадской династии, III динас-

тии Ура, династий Исина и Ларсы, подъема аморитских царств. В Египте XXII-XV вв. – период Среднего царства и господства гиксосов над частью территории государства. В начале II тыс. до н.э. в Анатолии действуют многочисленные торговые колонии. Война становится повседневностью, а известно, что войны – это нереализовавшиеся торгово-обменные отношения. Волны великих событий докатывались до юга Туркменистана. Вспомним, что на Гонуре обитали если не сами гиксосы, то люди очень похожие на них. Кстати, гиксосы недолго процветали в Египте: они были изгнаны оттуда фараоном Яхмосом I.

Обратимся к проблеме происхождения посохов. Они встречаются в погребениях и подобных им ритуальных захоронениях на Гонуре, условно именуемых «котлованами». Хотя их находят вместе с колонками, сферы их применения не вполне совпадают. Вряд ли есть основания сомневаться, что колонки – своего рода алтари, которые использовались в ритуалах, отправлявшихся в помещениях, как было в Тоголоке-21. В то время как колонки имеют сходство и, возможно, генетическую связь с египетским алтарем и символом «джед», посохи, по нашему предположению, обнаруживают сходство с традиционным египетским посохом «уас». То, что две, безусловно, значимые вещи сосуществуют и в памятниках БМАК, подкрепляет предположение об их общем генезисе.

Не будучи египтологом, ограничусь крайне общей сводкой данных о происхождении посохов «уас», опираясь на относительно недавние разносторонние исследования, результаты которых убедительно обоснованы. Мы чрезвычайно благодарны египтологу А.А. Петровой, указавшей нам две публикации. «Уас» – один из наиболее распространенных и важных знаков в культуре Египта, а также Нубии. Подобные посохи бытовали у нило-сахарских пастухов (крючкообразные завершения – традиционно функционально обусловленная часть пастушеских посохов разных народов). Распространено предположение, что крюкообразный верх «уаса» передает голову шакала, священного животного Сета. В древнем Египте – это прямой или слегка изогнутый посох с крючкообразным завершением и вилообразным основанием. Как отмечают, происхождение его не вполне ясно. Гнездо его значений связано с понятием «власть». На письме он часто сочетается со знаком «джед», означающим «вечность», «устойчивость», «сила». Три символа – «уас», «джед» и «анх» фигурируют в обрядах возлияния воды фараоном («возлияние жизни»; смысл – очищение и приобщение) («крещение») (Gordon et al., 1995, p. 185; Lobban, 1999, p. 69-74). Эти символы – опоры неба.

Авторы цитируемых статей полагают, что первоначально уас изготавливался из искусно препарированного бычьего фаллоса, имеющего длину около 1 м. Его основание, освобожденное от мышц и сосудов, имеет ту же раздвоенную форму, что основание жезла «уас». Египтяне в процессе жертвенных расчленений быков ознакомились с анатомией, а благодаря бальзамированию человеческих останков могли сопоставить анатомию и физиологию мужских особей животных и людей. Знак «уас» стал одним из ранних результатов осмысления мужского начала в репродуктивном процессе.

Любопытно предположение, что комбинация «анха» и «джеда» восходит к передаче формы частей бычьего позвоночника: «анх» – грудной части, «джед» – крестца. Спинной мозг считался главным источником бычьего семени. Таким образом «уас» – часть мужской генеративной системы (Gordon et al., 1995, p. 187). Знание строения тела живых существ связано у египтян с особенностью погребальной обрядности, необходимостью препарирования тел перед захоронением.

Ассоциации между фараоном и быком, фараоном и божествами, богами и образом быка хорошо известны и изучены в египтологии. Один из примеров – эпитет Амона-Ра – «Бык, сильный рукой». Могучим быком назывался фараон. «Бык» обозначался сочетанием двух знаков – две поднятые руки и фаллос (Lobban, 1999, p. 71).

С жезлом «уас» изображались многие боги (согласно Р. Лоббану, около 20), относительно редко – богини (Lobban, 1999, p. 77). Примечательна связь с ним Сета, считавшегося одной из опор неба. Он – божество погоды; гром – рев Сета. Бык везде на Ближнем Востоке считался животным бога грома, погоды. Симптоматично упоминание в Тексте пирамид поры XVIII династии уаса, сделанного из кремня, «приносящего ветры» (Gordon et al., 1995, p. 189-190).

Начиная с Первого промежуточного периода жезлы «уас» из дерева помещали в погребения фараонов, их детей обоего пола и жрецов. Как это случилось с почитанием Осириса, круг лиц, причастных к ритуальному использованию этих вещей, расширялся. В эпоху Нового царства они изображались в руках слуг, несущих вещи для погребения. Они становятся элементом погребального культа особенно в позднее время (Gordon et al., 1995, p. 191).

Исследователи посохов БМАК полагали, что их скошенный нижний конец передает конское или бычье копыто (Pottier, 1984, p. 70-72), а В.И. Сарианиди – только конское копыто. М. Поттье считала возможным сравнивать их с ваджрой, булавой с головой быка, который в древнеиранской и индийской традициях был связан с Митрой и Индрой. Ваджра ассоциируется с образами творения и плодородия, твердостью, мужской силой, камнем. Она предположила, что между посохами БМАК и ваджрой возможна связь, тем более что изображения на печатях «маргианского стиля» с их самцами животных и змеями имеют признаки представлений о плодоносной силе фаллосов. Однако вряд ли этого достаточно по ряду причин, одна из которых – разрыв во времени появления посохов БМАК и распространения на этой территории индоариев и тем более индоиранцев. Против идеи сближения культуры индоиранцев и БМАК, высказанной М. Поттье, возражал П. Амье (Amiet, 1986, p. 203).

Предвидим возражения: раздвоенная нижняя часть «уаса» отличается от скошенного (редко – копытообразного) завершения посохов БМАК. Но можно ли ожидать точного имитирования деталей вещей, свидетельства о генетических связях которых, скорее всего, разведены территориально и хронологически, хотя и относятся к исторически единому периоду? Пытаясь представить себе отношения носителей культуры БМАК (и близких ей) и египтян скорее можно предположить, что познакомившись с культурными реалиями Египта (а это так или иначе могло иметь место хотя бы в процессе обмена ценными для обеих сторон вещами и материалами), нуждающиеся в новых идеях обитатели Центральной Азии должны были осмысливать воспринимаемое, неизбежно меняя его, в том числе упрощая. Так, вместо раздвоенного завершения «уаса» мог появиться скошенный конец посохов. Однако его сходство с бычьим копытом оставляет его в пределах одного с «уасами» семантического поля, принадлежности к образу быка.

Кроме того, некоторые признаки позволяют предполагать, что носители БМАК и близких им культур почитали сверхъестественное существо (бога?) в образе быка. На Тоголоке-21 найдена головка быка из белого мраморизованного минерала: его шея была заглажена и имела три отверстия для крепления; рога были из другого материала. Предположительно это было нечто вроде булавы. В.И. Сарианиди отметил высокий уровень исполнения головки. Он рассматривал как близкую ей золотую головку быка, найденную в погребении на

Алтын-депе (Сарианиди, 1990а, с. 140), где были колонка и жезл, о которых говорилось в начале статьи. Единичные изображения итифаллического быка в окружении змей известны на маргианских печатях (Сарианиди, 1990а, с. 68; Sarianidi, 1998, No. 1638.4, 1640.1).

Вероятно, характерная особенность колонок, прослеживаемая на больших сериях образцов из Тепе Гиссара и Маргианы – наличие желобков на горизонтальных поверхностях и стенке (на образце из Гиссара эта асимметрия, двучастность, подчеркивается и накладным узором). Даже если предполагать, что эти желобки могли в некоторых случаях быть функциональными – например, по ним направляли струйки выжимаемого из растения сока (чистое предположение, отнюдь не безусловное) вряд ли эта деталь могла быть постоянной: колонки применялись различным образом, а желобки на них наносили всегда. Они были даже на глиняной колонке предполагаемого бедняка на Гонуре. Вероятно, это деление на две части было немаловажной составляющей значения ритуальной вещи.

Этот же признак семантики колонок – соединение в них двух частей, двух начал – мог выражаться особенностями используемых для изготовления минералов – пестрой брекчии (Гонур, погребение 3905) и полосатого кальцита (алебастра) четырех колонок из погребения 3880 того же Гонура.

Вообще то, что колонки изготавливали из камня, вероятно, связано с тем, что в образе мира ему придавали особое значение – твердость, прочность, вечность, что символизировал и египетский «джед». Из камня делали и посохи – по всей вероятности, принадлежавшие лидерам. Не удивительно, что в то время, когда условия жизни изменились в худшую сторону (вспомним ксеротермический максимум) в ритуалах должны были появиться вещи из камня. Вероятно, считалось важным и то, что обработка камня требовала больших усилий, их создание было «трудозатратным». Труд – жертва, лежащая в основе любых отношений с внешним миром, с богами, с высокопоставленными членами социума: чем более его вложено – тем ценнее дар. Это присуще деятельности людей всех времен. Показательно применение камня в интересующем нас регионе и за его пределами для изготовления сосудов – ритуальных и престижных, статусных.

В то же время пятнистость или полосатость камня, его пестрота – одно из распространенных способов выражения всеобщности – свойства всего мира (Антонова, Колганова, 2013, с. 106-108). Пестрота камня колонок возвращает нас к их двойной структуре, а число два лежит в основе мифопоэтических и ранненаучных описаний мира с противопоставлениями и единством мужского и женского, неба, земли и т.д. (Топоров, 1982).

Литература

Авилова Л.И. Металлические изделия Ближнего Востока: историко-культурный контекст (энеолит – средний бронзовый век) // Последний энциклопедист: к юбилею со дня рождения Б.А. Литвинского. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 7-60.

Алекшин В.А. Могила знатного горожанина на Алтын-депе // Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 4. Л.: Наука, 1979. С. 81-82.

Антонова Е.В. Месопотамия на пути к первым государствам. М.: Восточная литература, 1998. 223 с.

Антонова Е.В., Колганова Г.Ю. К реконструкции символики цветных минералов и цвета в культуре Древнего Востока // Последний энциклопедист: к юбилею со дня рождения Б.А. Литвинского. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 102-120.

Бендезу-Сармиенто Х. Архео-антропологическое исследование материалов Улуг-депе в Туркменистане // На пути открытия цивилизации. Сб. статей к 80-летию В.И. Сарианиди. Труды Маргианской археологической экспедиции. СПб.: Алетейя, 2010. С. 513-535.

Березкин Ю.Е. «Город мастеров» на древневосточной периферии. Планировка поселения и социальная структура Алтын-депе в III тыс. до н.э. // Вестник древней истории. 1994. № 3 (210). С. 14-37.

Бороффка Н. Кратко об участии Немецкого археологического института в раскопках Гонур-депе весной 2010 г. // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 4. Исследования Гонур-депе в 2008-2011 гг. М.: Старый сад, 2012. С. 64-67.

Гиршман Р. Иран и миграции индоарийцев и иранцев // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.). М.: Наука, 1981. С. 140-144.

Дубова Н.А. Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации. М.: Старый сад, 2004. С. 254-281.

Дубова Н.А. Ритуальное захоронение животных на Гонур-депе // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. М.: Старый сад, 2008. С. 50-60.

Дубова Н.А. Погребения животных в стране Маргуш // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 4. Исследования Гонур-депе в 2008-2011 гг. М.: Старый сад, 2012. С. 101-139.

Дубова Н.А. Типы погребальных сооружений Гонур-депе (Туркменистан) // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. Сб. памяти Елены Ефимовны Кузьминой. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. С. 327-340.

Дьяконов И.М. Значение Эблы для истории и языкознания // Древняя Эбла (раскопки в Сирии). М.: Прогресс, 1985. С. 318-349.

Меллаарт Дж. Торговля и торговые пути между Северной Сирией и Анатолией (4000-1500 гг. до н.э.) // Древняя Эбла (раскопки в Сирии). М.: Прогресс,1985. С. 20-33.

Павлова О.И. Жертвенный ритуал в текстах пирамиды Унаса // Древний Египет: язык – культура – сознание. По материалам египтологической конференции 12-13 марта 1998 г. М.: Присцельс, 1999. С. 184-210.

Пьянкова Л.Т. Керамика Маргианы и Бактрии эпохи бронзы // Российский этнограф. 1994. Вып. 21. С. 135-158.

Сарианиди В.И. Протозороастрийский храм в Маргиане и проблема возникновения зороастризма // Вестник древней истории. 1989. № 1 (188). С. 152-169.

Сарианиди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад: Ылым, 1990а. 316 с.

Сарианиди В.И. Сельский храм Тоголок-1 в Маргиане // Вестник древней истории. 1990б. № 2 (193). С. 161-167.

Сарианиди В.И. Два уникальных флакона из Бактрии // Вестник древней истории. 1992. № 3 (202). С. 81-89.

Сарианиди В.И. Сиро-хеттское происхождение бактрийско-маргианской глиптики // Вестник древней истории. 1999. № 1 (228). С. 53-73.

Сарианиди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М.: Мир-медиа, 2001. 246 с.

Сарианиди В.И. Царский некрополь на Северном Гонуре // Вестник древней истории. 2006. № 2 (256). С. 155-192.

Сарианиди В.И., Дубова Н.А. Новые гробницы на территории «царского некрополя» Гонура // На пути открытия цивилизации. Сб. статей к 80-летию В.И. Сарианиди. Труды Маргианской археологической экспедиции. СПб.: Алетейя, 2010. С 144-171.

Скандоне-Маттиэ Г. Связи между Эблой и Египтом в период ранней и средней бонзы // Древняя Эбла (раскопки в Сирии). М.: Прогресс, 1985. С. 82-95.

Топоров В.Н. Числа // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1982. С. 1088-1089.

Шеркова Т.А. Древнеегипетские подставы как предметы культово-ритуальной практики // Древность: историческое знание и специфика источника. Тезисы докладов конференции, посвященной памяти Э.А. Грантовского (25-27 сентября 1996 г.). М.: Институт востоковедения РАН, 1996. С. 127-129.

Akkermans P.M.M., Schwartz G.M. The archaeology of Syria: From complex hunter-gatherers to early urban societies (c. 16000-300 BC). Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 486 p.

Amiet P. La glyptique mésopotamienne archaïque. Paris: Éditions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1961. 210 p.

Amiet P. L´âge des échanges inter-iraniens 3500-1700 avant J.-C. Paris: Éd. de la Réunion des musées nationaux, 1986. 332 p.

Aruz J., Wallenfels R. (Eds.). Art of the First Cities: The Third Millennium B.C. from the Mediterranean to the Indus. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2003. 564 p.

Danmanville J. La libation en Mésopotamie // Revue d'Assyriologie et D'archéologie Orientale. 1955. Vol. 49. No. 2. P. 57-68.

Dyson R.H., Jr., Howard S.M. (Eds.). Tappeh Hesār: Reports of the Restudy Project, 1976. Florence: Casa editrice Le Lettere, 1989. 151 p.

Dyson R.H., Jr., Remsen W.C.S. Observations on architecture and stratigraphy at Tappeh Hesār // Tappeh Hesār: Reports of the Restudy Project, 1976. Florence: Casa editrice Le Lettere, 1989. P. 69-109.

Frankfort H. Cylinder seals. A documentary essay on the art and religion of Ancient Near East. London: Macmillan & Co., 1939. 328 p.

Gordon A.H., Gordon A.A., Schwabe C.W. The Egyptian was-scepter and its modern analogies: Uses as symbols of divine power or authority // Journal of the American Research Center in Egypt. 1995. Vol. 32. P. 185-196.

Lamberg-Karlovsky C.C. The Bronze Age of Bactria // Bactria: An ancient oasis civilization from the sands of Afghanistan. Venice: Erizzo, 1989. P. 13-24.

Lobban R. Solution to the mystery of the was-scepter of Ancient Egypt and Nubia // A Modern Journal of Ancient Egypt. 1999. Vol. 10 (3). P. 68-77.

Mellink M. Anatolian libation pourers and the Minoan Genius // Monsters and Demons in the Ancient and Medieval Worlds. Papers presented in Honor of Edith Porada. Mainz am Rhine: P. von Zabern, 1987. P. 68-71.

Özgüç N. Kültepe mühür baskilarinda Anadolu Grubu (The Anatolian group of cylinder seal impressions from Kültepe). Ankara: Türk Tarïh Kurumu Basımevï, 1965. 87 p.

Pottier M.-H. Matériel funéraire de la Bactriane méridionale de l´Age du Bronze. Paris: Éditions Recherche sur les Civilizations, 1984. 232 p.

Rossi-Osmida G. Considerations on the Necropolis at Gonur-depe // Margiana. Gonur-depe Necropolis. 10 years of excavations by Ligabue Study and Research Centre. Venice: Il Punto Edizioni, 2002. P. 69-119.

Sarianidi V. Myths of Ancient Bactria and Margiana on its seals and amulets. Moscow: Pentagraphic, 1998. 336 p.

Schmidt E.F. Excavations at Tepe Hissar, Damghan. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1937. 478 p.

Tosi M. The distribution of industrial debris on the surface of Tappeh Hesār as an indication of activity areas // Tappeh Hesār: Reports of the Restudy Project, 1976. Florence: Casa editrice Le Lettere, 1989. P. 25-34.

Tunca Ö. L´architecture religieuse protodynastique en Mésopotamie. T. I. Leuven: Peeters, 1984. 278 p.

Vandier J. Manuel d'Archéologie égyptienne. T. II. Les grandes époques. L´architecture funéraire. Paris: A. et J. Picard, 1954. 544 p.

Vivante A. The sacrificial altar in Assyrian temples: A suggested new interpretation of the term Maškittu // Revue d'Assyriologie et D'archéologie Orientale. 1994. Vol. 88. No. 2. P. 163-168. DOI: 10.2307/23281642

G. Rossi-Osmida, A. Cengia, G.L. Bonora

GRAVE ADJ1F/2002 FROM THE FARMHOUSE OF ADJI KUI 1 (MARGIANA, TURKMENISTAN): DESCRIPTION AND PRELIMINARY ANALYSIS OF AN OXUS CIVILISATION FUNERARY CONTEXT

Anyone wishing to investigate socio-cultural interactions as well as the anthropological structure of the population in prehistoric Central and Middle Asia will soon be able to refer to one of the many papers on these wide topics written by Nadezhda Dubova alone, or in collaboration with Viktor I. Sarianidi, or with other scholars involved in the study of the Bronze and Iron Age across the Eurasian expanse. We are honoured to be able to contribute to this volume with a paper that focuses on the presentation of a funerary context from the site of Adji Kui 1, which not only is located very close to Gonur, where Nadezhda dug and investigated for several years, and published a large amount of material, but also is coeval and belong to the same archaeological culture known as BMAC or Oxus Civilisation dated between the late 3rd and the mid 2nd millennium BC. The analysis of the Adji Kui funerary contexts, as shown in this paper, is deeply grounded on the comparison and analogies with the rich, superb and exquisite findings discovered at Gonur North and South and then disseminated to the public by N. Dubova and V.I. Sarianidi: the historical and cultural value of Adji Kui is not possible to establish and demonstrate without referring and quoting the meticulous excavation and work performed by both Russian archaeologists in the main center of the Bronze Age Margiana.

Having began the work of systematisation of all data collected from the several burial grounds excavated at Adji Kui, we desire to participate to the volume celebrating the 70th anniversary of Nadezhda Dubova announcing firstly the future publication of all the graves from Adji Kui 1, and, secondly, describing and showing in this specific paper one of the most interesting graves discovered and dug in the so-called farm complex of Adji Kui 1. The grave, labelled ADJ1F/2002, was the first burial opened during the spring 2002 research campaign and deserves great attention for the peculiarity and richness of its funerary inventory which clearly witness the deep cultural links existing between Adji Kui and Gonur as well as between Adji Kui and the other sites of the BMAC or Oxus Civilisation widespread not only in Margiana, southern Turkmenistan, Uzbekistan and northern Afghanistan but also across the Indo-Iranian plateau and the Eurasian steppe.

We hope that the publication of the findings from Adji Kui will highlight with even greater prominence the great work carried out by N. Dubova in Gonur and at the same time will increase the knowledge of Margiana during the Bronze Age as well as of its social and cultural ties with the surrounding regions in Central and Middle Asia.

The Adji Kui site complex

The site complex of Adji Kui, about 13.7 km east of Gonur, is represented by nine settlements which are located in the alluvial area represented by the lower reaches of the Murghab River, about 66 km north of the modern city of Mary, in southern Turkmenistan.

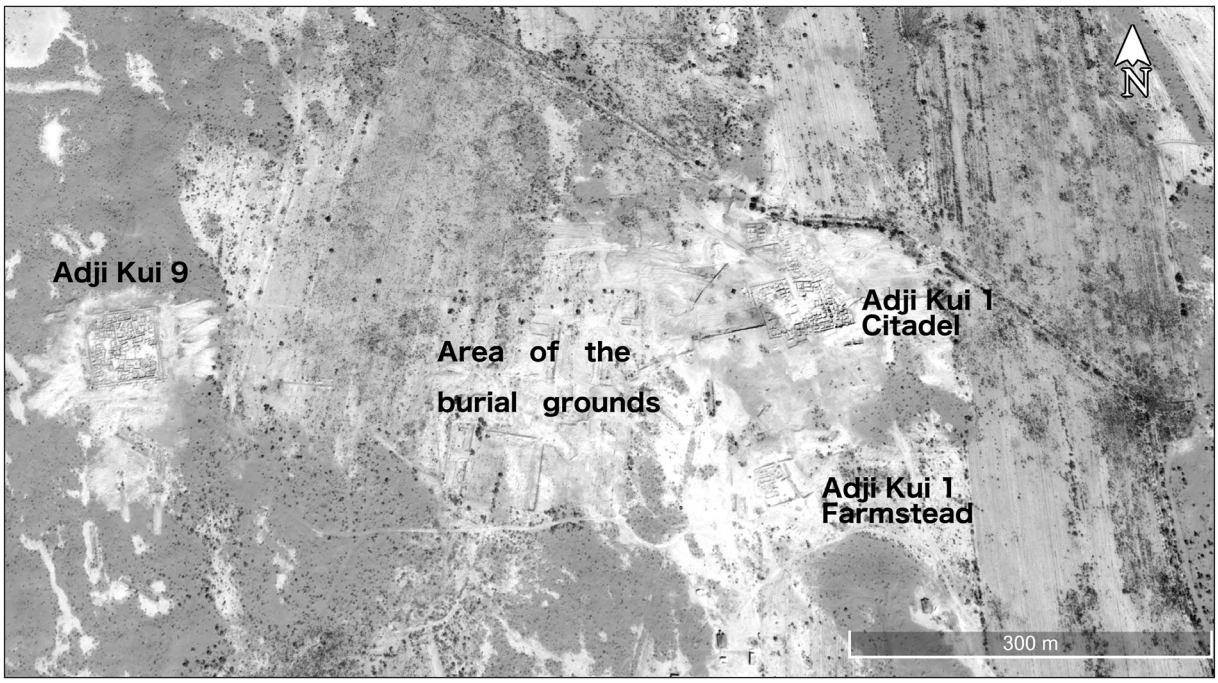

Fig. 1. Google Earth © Image featuring the sites of Adji Kui 1 (right), Adji Kui 9 (left) and the burial grounds between them

All the nine sites of the Adji Kui site complex have been discovered by I.S. Masimov in 1975-1976. He realised the topographic plans of the ancient villages, as well as carried out a test trench to study the anthropic deposit of the Adji Kui 3 settlement. Moreover, Masimov excavated a ceramic, two-layered furnace in Adji Kui 4 and discovered a grave containing an individual burial[1] at the north edge of Adji Kui 1 (Masimov, 1979, p. 114-117). Then, the archaeological complex was further investigated by V.I. Sarianidi, who opened a large trench to explore the homestead of Adji Kui 8. He also collected some material from the surface of Adji Kui 9 and dug eight test trenches of small sizes to analyse the anthropic layers (Sarianidi, 1990, p. 8-10; 1998, p. 82, fig. 37). In 1997 the Adji Kui complex was investigated by S. Salvatori, a field director of the Italian Archaeological Expedition in Turkmenistan of the IsIAO of Rome. The Italian archaeologist opened a trench (3×3 m) in both Adji Kui 1 and Adji Kui 9[2]. Description and analysis of the findings from these settlements as well as two C14 dates from Adji Kui 1 and three from Adji Kui 9 allowed to establish that the latter site was earlier than the first: Adji Kui 9 was inhabited in the Kelleli phase, or slightly later, of the Middle Bronze Age, i.e. between 2300 and 2150 BC, while Adji Kui 1 in the Late Bronze Age, i.e. between 2150 and 2000 BC (Salvatori, 2002, p. 107-177)[3]. A new research

[1] The skeleton was in very bad conditions of preservation. It was found in flexed position, with the skull oriented towards north. The individual was accompanied by nine pots, of which four were complete: two small jars and two storage vessels. Moreover, there were a stone spindle-whorl, several paste beads and bronze bracelet, while a bronze ring was found near the temporal bone of the deceased.

[2] In the first volume of the Archaeological Map of the Murghab Delta (Gubaev et al., 1998), the site Adji Kui 1 is the number 406, while Adji Kui 9 is the number 409.

[3] Other radiocarbon datings about Adji Kui 9 have been published by G. Rossi Osmida (2011, p. 294-295). Of the 22 charcoal samples collected from fireplaces or test trenches, eight were considered to be unreliable because of excessive contamination. However, the results obtained from all these samples seem to be unreliable for the three layers of architectural development of the site are dated, more or less, to the same period: between 2350 and 2120 BC.

phase began in autumn 2001 when the archaeological study of Adji Kui was undertaken by the Ligabue Research and Study Center of Venice, represented by Gabriele Rossi Osmida, and the Ministry of Culture of Turkmenistan, represented by Berdy Udeumuradov.

Adji Kui 1

According to the surface analysis performed by S. Salvatori of the IsMEO Italian Expedition, the site of Adji Kui 1 was about 3 ha of extension (Salvatori, 2002, p. 108)[4] and consisted of several sectors having different functions (Fig. 1).

The northern and southern sectors were occupied by firing kilns and buildings which represented isolated quarters of artisans sited outside the central area, or citadel, of the settlement. These sectors are today in very bad conditions of preservation due to the ploughing and farming activities carried out in the last decades by local farmers. The southern sector of the site was also characterised by the presence of a residential complex which has been labelled «farmhouse» or «farmstead» by its excavators: Gabriele Rossi Osmida and Anna Cengia. The farmhouse (Fig. 2) was erected above the remains of firing kilns and was somehow isolated from the citadel. It consisted in a large building (1433 sq.m. of extension) having the shape of an irregular rectangle, containing several rooms of square, rectangular and trapezoidal shape which were clustered in different residential complexes or houses, ranging from 30 to 105 sq.m. Each house had from two to seven rooms. Both inside and outside the walls of this large farmhouse several burials have been found and excavated. The core area of the site, or citadel,

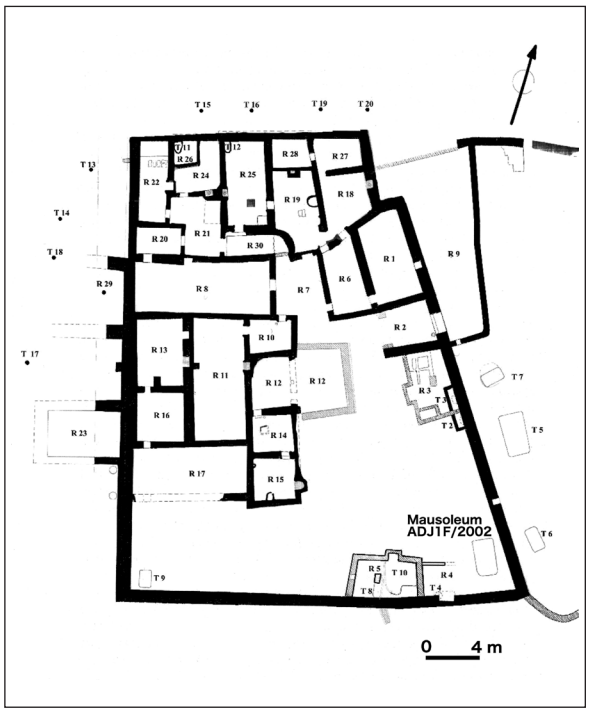

Fig. 2. Plan of the farmstead of Adji Kui 1. In the south-eastern corner of the structure is the mausoleum ADJ1F/2002

was represented by a fortress, square in plan, with thick walls and fortification towers. The fortress was entered from south, where a gently sloping depression seems to identify the main gate of the construction. About 200-400 m west of the fortress, the burial ground of Adji Kui 1 has been identified over an area of about 1.8 ha. It consisted of several hundreds of graves and other constructions represented by fireplaces which were located right beside the burials and apparently they were somehow related to funerary rituals.

All the burials and other funerary buildings of this burial ground of Adji Kui 1 as well as of all the other necropolises excavated in the site complex of Adji Kui are described and presented with photos and drawings in a comprehensive volume which is in preparation in these last months and will be published next year. Being aware that the work is in progress and will be still long and demanding, we prefer to present in this volume one of the most fascinating burials of the farm complex excavated at Adji Kui 1.

[4] The extension values according to the Italian-Turkmenistan Expedition sponsored by the Ligabue Studies and Research Center, were completely different: 14 ha for the site of Adji Kui 1, and about 6.25 ha for Adji Kui 9, while the burial ground located amid these two settlements was about 10 ha (Rossi Osmida, 2007, p. 33).

Description of the grave ADJ1F/2002

The grave ADJ1F/2002 was located in the south-eastern corner of the courtyard A of the farm complex, isolated from the other rooms and constructions of residential and funerary destinations. From a typological point of view, it was a rectangular mud-brick structure, or mausoleum (276 × 156 cm; depth: 90 cm), located underground and covered by a vault (Fig. 3-4). Its major axis was oriented from NNW (328°) to SSE (148°). The minor from ENE to WSW. The mausoleum consisted in two spaces (northern and southern) of different area and function, without communication between them. They were separated by a small wall in mud bricks. The southern space (148 × 50 cm; depth: 65 cm), which possibly served as an entry space, was filled with sand and its walls and floor were plastered with a kind of clay mixture. Only a small ceramic sherd was found here. The northern space (156 × 106 cm; depth: 90 cm), which constituted the true burial chamber, presented a somewhat elaborate and complex structure which in the past was covered by a roof not preserved at the moment of the excavation. The central area was filled with sand, pottery fragments and deep layers of aeolic material: a situation which typifies the collapse of the vault and its following destruction. The walls of the burial chamber were made up of four – six rows of mud bricks[5] and were finished with a plaster in clay and chalk. The system of building of both longitudinal walls, eastern and western, was very peculiar as the four lower rows of bricks were laid progressively protruding toward the inner funerary space, while the fifth and sixth row were laid protruding towards the outside. Particularly, the western wall was very curved and it formed a sort of protection niche for the deposition

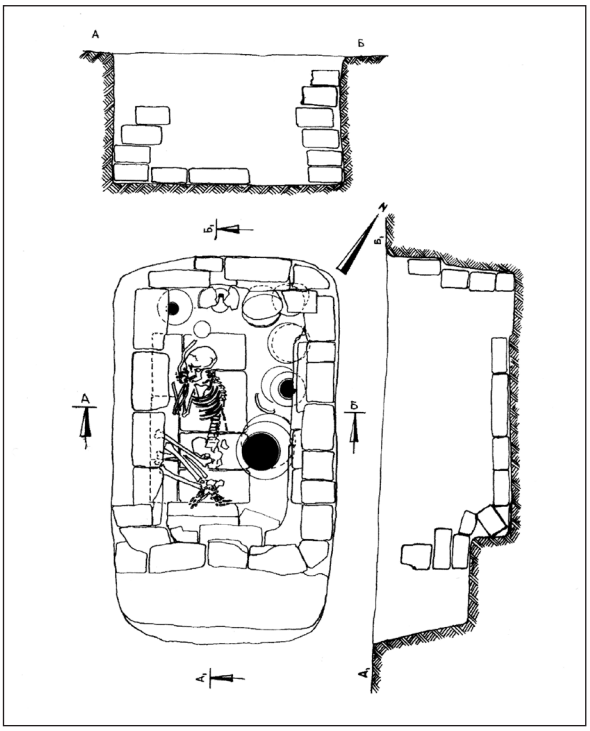

Fig. 3. Plan and sections of the mausoleum ADJ1F/2002

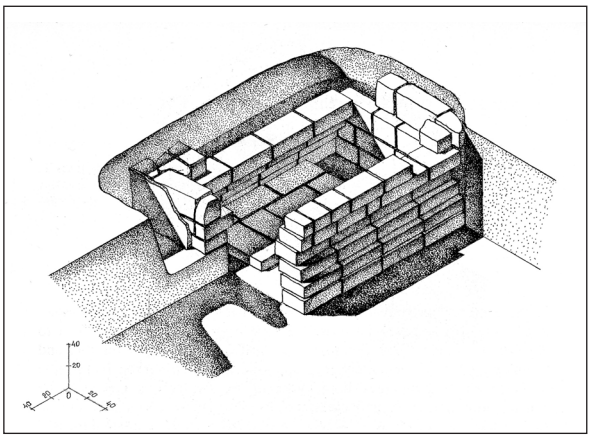

Fig. 4. 3D reconstruction of the architectural structure of the mausoleum ADJ1F/2002

bed, or funerary platform or catafalque, on which the skeleton was laid. The catafalque was made up of eight rectangular mud bricks of different sizes.

The burial contained the skeleton of a 25-30-years-old individual which was laid out on the mud bricks catafalque on its right side, in crouched position, with the hands in front of the face and the legs tightly bent at the knees with the feet under the pelvis bones (Fig. 5). The skeleton was oriented from NNW (328°)

[5]All the mud bricks were rectangular and their sizes were comprised between 42 × 26 × 14 cm and 38 × 21 × 12 cm.

to SSE with the skull facing SW. The collapse of the vault damaged seriously the pelvis bones as well as the thorax of the female individual. The skull was found resting on the phalanxes. The hands and wrists were wrapped in a compact and solid mass which has been interpreted by the excavator as the remains of an artifact manufactured in organic material: a wicker basket or a leather container.

Very numerous were the grave goods found in the mausoleum.

The funerary inventory of the burial ADJ1F/2002

Close by the frontal bone of the skull, there were:

ADJ1F/2002-1: a diadem manufactured of sheets of smooth bronze. Its ends were rounded and provided by holes for fixing. It was fragmentary but complete. L: 33.5 cm; W: 1.9 cm[6].

In the solid mass in which the hands and wrists of the individual were wrapped:

ADJ1F/2002-2: two earrings in silver wire. Their ends were pointed; ∅ of the earring A: 1.3 cm; ∅ of the earring B: 1.4 cm; ∅ of the wire A: 0.2 cm; ∅ of the wire B: 0.25 cm (Fig. 6.2).

ADJ1F/2002-3: two bracelets in copper rods. They were open and their ends were shaped like small spheres; ∅ of the bracelet A: 6.2 cm; ∅ of the bracelet B: 6.1 cm; ∅ of the section of both rods: 0.4 cm (Fig. 6.3).

ADJ1F/2002-4: necklace of 108 beads of different sizes and shapes: some were tubular, other spherical and sub-spherical. Six beads in malachite, four in nephrite, thirty-eight in lapis lazuli, one in cornelian, sixteen in calcite, forty-one in marbled limestone and two in jet, or black stone[7]. Total length of the necklace: 35 cm (Fig. 8).

On the right index finger, there was:

ADJ1F/2002-5: ring made of a two-coiled copper wire ∅: 1.9 cm; ∅ of the section of the copper wire: 0.2 cm (Fig. 6.5).

Along the northern wall of the grave, there were:

ADJ1F/2002-6: large, short-necked storage vessel with moulded lower body, in buff ware; H: 31.2 cm; ∅ mouth: 14.4 cm; ∅ max: 32.4 cm; ∅ base: 14.4 cm (Fig. 7.6).

ADJ1F/2002-7: truncated-conical bowl with concave and everted rim, in buff ware; H: 19.4 cm; ∅ mouth: 13.8 cm; ∅ base: 6.3 cm (Fig. 7.7).

ADJ1F/2002-8: truncated-conical vase on high hollow stem with flared feet, in red-pink ware; H: 23.4 cm; ∅ mouth: 28.4 cm; ∅ min: 2.6 cm; ∅ base: 13.6 cm (Fig. 7.8).

ADJ1F/2002-9: truncated-conical bowl with concave and everted rim, in buff ware; H: 17.5 cm; ∅ mouth: 28.2 cm; ∅ base: 13.5 cm (Fig. 7.9).

ADJ1F/2002-10: truncated-conical bowl with concave and everted rim, in buff ware; H: 17.1 cm; ∅ mouth: 28 cm; ∅ base: 12.8 cm (Fig. 7.10).

ADJ1F/2002-11: truncated-conical vase on high hollow stem with flared feet, in red-pink ware; H: 24 cm; ∅ mouth: 28.8 cm; ∅ min: 4.4 cm; ∅ base: 15 cm (Fig. 7.11).

ADJ1F/2002-12: truncated-conical bowl with concave and everted rim, in buff ware H: 18.1 cm; ∅ mouth: 28 cm; ∅ base: 14.3 cm (Fig. 7.12).

ADJ1F/2002-13: truncated-conical bowl with concave and everted rim, in buff ware; H: 17.3 cm; ∅ mouth: 28.4 cm; ∅ base: 14 cm (Fig. 7.13).

[6] L means length; W means Width; ∅ means diameter; H means height; T means thickness.

[7] The mineralogical determination of the 108 beads forming the necklace ADJ1F/2002-4 was carried out by Prof. A.G. Bushmakin, director of the Geological Museum of Ashgabad. Regarding the identification of the jet, a type of lignite, the authors express some doubts about the correctness and exactness of the lithological determination since no other cases of pearls, beads, amulets and necklace elements manufactured in this particular material are known in the prehistory and protohistory of Middle and Central Asia. In our opinion, it is preferable to speak of black stone.

Along the eastern wall of the grave, there was:

ADJ1F/2002-14: low jar with distinct shoulder, sub-vertical neck and everted rim, in buff ware with reddish patches on the surface; H: 11.5 cm; ∅ mouth: 14.7 cm; ∅ max: 21.2 cm; ∅ base: 7.5 cm (Fig. 7.14).

In the vessel ADJ1F/2002-14, there were:

ADJ1F/2002-15: biconic bowl in steatite; H: 1.9 cm; ∅ mouth: 5.3 cm; ∅ min: 4.5 cm; ∅ base: 5.7 cm (Fig. 6.15).

ADJ1F/2002-16: stick in bone; L: 8.5 cm; ∅ max: 0.4 cm (Fig. 6.16).

ADJ1F/2002-17: biconic spindle-whorl (or bead) made of steatite. A side is decorated by three carved small roses; H: 1.25 cm; ∅: 1.7 cm; ∅ of the hole: 0.4 cm (Fig. 8).

ADJ1F/2002-18: personal adornment made by eight *Mitra litterata* (or *Strigatella litterata*) shells (1.1 × 0.8 cm) and a large *Conus tessulatus* (tessellated cone) shell (2.7 × 1.8 cm)[8]. All the shells were pierced and polished at their ends (Fig. 8).

Along the northern wall of the mausoleum, there were:

ADJ1F/2002-19: short-necked storage jar with moulded lower body and sub-vertical rim, in buff ware; H: 22.9 cm; ∅ mouth: 10 cm; ∅ max: 25.4 cm; ∅ base: 12 cm (Fig. 7.19).

ADJ1F/2002-20: large, short-necked storage vessel with moulded lower body and everted rim, in buff ware with horizontal reddish stripes; H: 27.9 cm; ∅ mouth: 26.4 cm; ∅ max: 42 cm; ∅ base: 12 cm (Fig. 7.20).

ADJ1F/2002-21: large, short-necked storage vessel with moulded lower body and everted rim, in buff ware with horizontal reddish stripes; H: 32 cm; ∅ mouth: 22.8 cm; ∅ max: 42.4 cm; ∅ base: 15 cm (Fig. 7.21).

In the vessel ADJ1F/2002-21, there was:

ADJ1F/2002-22: small vessel, in blackish ware; H: 6 cm; ∅ mouth: 5.1 cm; ∅ max: 8.2 cm; ∅ base: 3.4 cm (Fig. 8).

In the vessel ADJ1F/2002-22, there were:

ADJ1F/2002-23: lump of cerussite, completely dehydrated and largely modified into lead carbonate[9].

ADJ1F/2002-24: low bowl with convex profile, made of bronze H: 3.9 cm; ∅ mouth: 13.5 cm; ∅ max: 14.3 cm (Fig. 6.24).

The bronze vessel ADJ1F/2002-24 contained:

ADJ1F/2002-25: thick layer of yellow jarosite[10] from Kughitang[11]. Possibly, it was originally kept in a container made of organic material, which had no preserved.

ADJ1F/2002-26: a sub-cubic bit of calcium carbonate with traces of magnesium, aluminium and kaolin[12]; L: 0.515 cm.

ADJ1F/2002-27: biface stamp seal in hematite (iron oxide)[13] of quadrangular or square shape. Fragmentary; it was found in very bad conditions of preservation because

[8] The analysis of the shells have been carried out in the laboratories of the Museum of Natural History in Venice by Bruno Berti, malacologist, who stated that: "A *Conus* belonging to the species *tessulatus*, and eight *Mitra* belonging to the species *letterata*, have been preliminarily identified. It is impossible to be more precise, since certain elements necessary for their classification are missing, that is colouration and original form. These shells come from either the Persian Gulf, the Red Sea or the Indian Ocean, all areas which are 1000 to 1500 km from where they were found".

[9] The powdery substance was milky-white in colour and was used as a cosmetic pigment. According to Prof. A.G. Bushmakin, director of the Geological Museum of Ashgabad, the nearest deposits of cerussite are today located in southern Kazakhstan.

[10] An ocher-yellow or brown mineral consisting of basic sulfate of potassium and iron and occurring in minute rhombohedral crystals or in masses.

[11] According to Prof. A.G. Bushmakin, director of the Geological Museum of Ashgabad.

[12] Possibly, it is dolomite: a mineral consisting of a calcium magnesium carbonate found in crystals and in extensive beds as a compact limestone.

[13] A reddish-brown to black mineral consisting of ferric oxide, constituting an important iron ore, and occurring in crystals or as earthy red ocher.

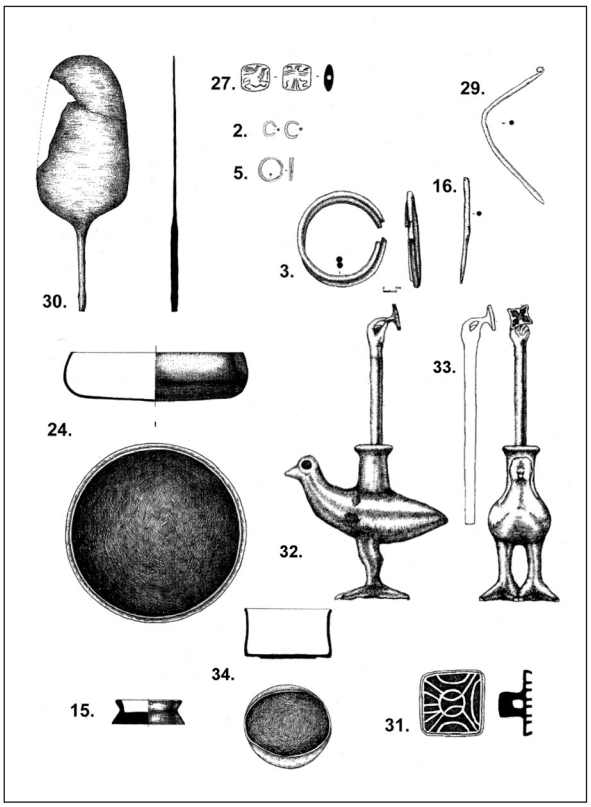

Fig. 6. Artifacts in bronze, stone (hematite), and bone from the mausoleum ADJ1F/2002

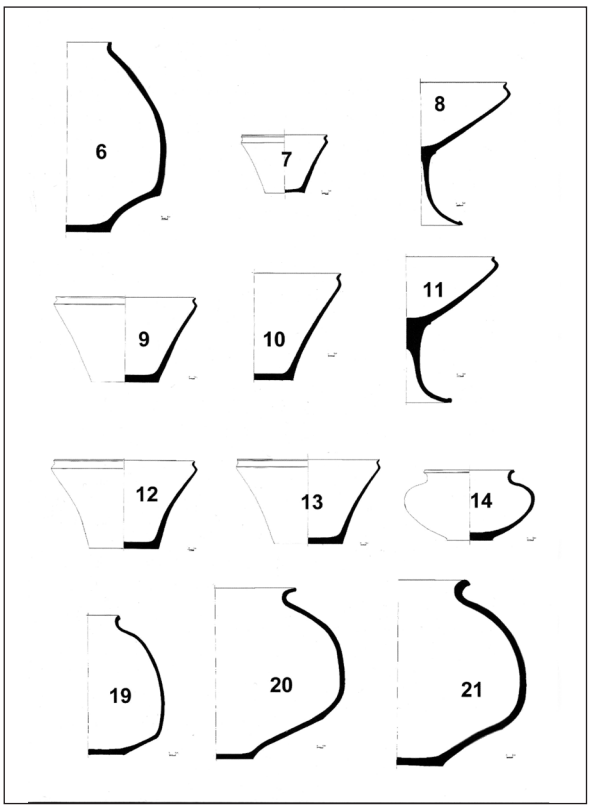

Fig. 7. Ceramic vessels from the mausoleum ADJ1F/2002

of the long contact with the jarosite. The seal has been restored in laboratory. It presents an elliptical section with a central passing-by hole. Front: traces of a bird of prey which is flying over a four-legged animal. A snake is depicted under the body and between the legs of the quadrupede. All three animals are facing the same direction. Back: a large bird of prey (eagle) depicted in heraldic position with its head turned to the left, is accompanied by a snake on both sides. The snakes face different directions; L: 2.2 cm; W: 2.3 cm; T max: 0.7 cm (Fig. 6.27).

ADJ1F/2002-28: biconical spindle-whorl (or large bead) in calcite. In poor conditions of preservation; H: 1.8 cm; ∅: 2.1 cm; ∅ of the passing-by hole: 0.38 cm (Fig. 8).

ADJ1F/2002-29: pin with the head in the shape of a twisted eye. The pin has been bent at 90° to put into the bowl ADJ1F/2002-24; L: 15.2 cm; ∅: 0.3 cm (Fig. 6.29).

ADJ1F/2002-30: sub-rectangular palette in bronze with long handle. Heavily oxidised, it has been found soldered to the inner wall of the bowl ADJ1F/2002-24; L: 20.4 cm; W of the blade: 7.3 cm; ∅ of the handle: 0.4 cm (Fig. 6.30).

ADJ1F/2002-31: closed back, compartmented stamp seal of square shape with a simple collar, in bronze, depicting a fantastic pattern formed by straight and curved lines. The grip on the back is represented by a high, cubic-shaped handle with a passing-by hole; L: 5.2 cm; W: 5.2 cm; H of the handle: 1.8 cm; W of the handle: 1.9 cm; ∅ of the passing-by hole: 0.7 cm (Fig. 6.31).

ADJ1F/2002-32 and ADJ1F/2002-33: ornithomorphic phial (ADJ1F/2002-32) in metal with a bottle neck protruding from the bird-shaped back. An applicator for cosmetics (ADJ1F/2002-33) is preserved into the container and it is composed of a round-sectioned rod in bronze which terminates in a closed hand holding a stamp seal. The latter is closed back, compartmented and depicts a four-petalled flower; H of the phial: 7.9 cm;

L of the phial: 8.5 cm; W max of the phial: 3.2 cm; ∅ of the bottle neck: 1.9 cm; L of the applicator: 11.3 cm; ∅ of the rod's section: 0.6 cm (Fig. 6.32).

ADJ1F/2002-34: cylindrical bowl in bronze on a low, ring foot, with slightly concave walls and sub-vertical rim; H: 3.9 cm; ∅ mouth: 6.9 cm; ∅ min: 6.5 cm; ∅ base: 4.4 cm (Fig. 6.34).

Other annotations

Regarding the position of the grave goods, in the southern space (dromos or entry) only a small ceramic sherd was found. The ceramic vessels were placed along the northern and eastern walls of the burial chamber of the mausoleum. The collapse of the vault mainly damaged the pots in the south-eastern corner, while those along the northern wall lay on the remains of a goat, found in anatomical position. The goat skeleton was placed on a north-western/south-eastern axis, with the skull facing south-west. The vessels in the north-western corner contained bone remains of birds.

Some comments and preliminary suggestions

From an architectural point of view, this grave in mud bricks ADJ1F/2002 has many analogies with the mausoleums of Gonur, labelled as «cists» in different publications (Sarianidi, 2001, p. 167-168; 2007, p. 41-42; Rossi Osmida, 2002, p. 73). It shares with them the rectangular shape, the building material (mud bricks), the underground location and the vault as covering, the absence of a true entry and the primary funerary use: it has been used only one time and then has been closed. At Gonur, in some cases mausoleums have been used for burying simultaneously one, two or three corpses. No secondary burials have been found so far in mausoleum type of graves both at Adji Kui and Gonur. Regarding the presence of the funerary bed, or catafalque, represented by a platform in mud bricks, this feature is also well attested in the burial ground of Gonur both in mausoleums as well as in chamber graves (Sarianidi, 2007, p. 42, grave #1320, p. 44, graves #194, 256, 262, 450, 550, 1070, 1099 and 1190).

Also the position of the deceased on its right side, crouched with the legs tightly bent at the knees, the feet under the pelvis bones, the hands in front of the face, as well as the orientation of the skull toward north-north-west are analogous to those recognised for the majority of the skeletons of the necropolis of Gonur, where about 80% of the inhumated were found lying on their right side. Of them, about 70% were oriented toward North-West and about 80% toward North.

Our analysis continues taking into account the findings representing the funerary inventory of the grave. First of all, the two seals as well as the decoration in the shape of seal held by the fingers of a closed hand, atop the metal applicator found inside the bottleneck of the ornitomorphic phial, allow us to advance some chronological considerations of this grave. The biface stamp seal ADJ1F/2002-27 in hematite belong to the class known in Central and Middle Asia Archaeology as «Murghab style seals» because Sarianidi stressed their origin in Margiana (Sarianidi, 1981). However, they represent a type of seals which is present in equal proportions both in Margiana and southern Bactria, documenting thus further evidence of the strong cultural *koinè* that covered the two geographical and cultural areas between the late 3rd and the first half of the 2nd millennium BC. The chronological reference for the quadrangular or square-shaped biface seals having an elliptical section is absolutely univocal and coincident: this type may clearly be dated to the latest century of the 3rd and the earliest century of the 2nd millennium BC.

The decorative pattern featuring an eagle in heraldic position accompanied by two snakes with open mouth is very widespread in

the Middle Asian glyptic, principally in seals of the Oxus Civilisation of different typologies, shapes and manufactured using diverse material (Sarianidi, 1998, p. 74, fig. 75, 127; *ibidem*, p. 82, fig. 83, 172, 174 and 175; *ibidem*, p. 84, fig. 85, 182; Sarianidi, 2007, p. 103, 239, fig. 165; Winkelmann, 2004, p. 117-118, number I.3-02; Gass, Masanz, 2018, p. 191, Kat. nr. 117, fig. 117). The presence of three different animals (bird of prey, four-legged feline (?) and snake) on the front face of the hematite seal from ADJ1F/2002 is worth noting because usually only two different animals were represented on Murghab style seals. However, a seal from Togolok 21 of quadrangular shape bears on a face a depiction which is very similar to our artifact: a fantastic zoomorphic winged figure is facing right and the head of a bird of prey is arranged over the head of the feline while a snake is depicted behind the wings and the body of the fantastic animal (Sarianidi, 1990, tab. LI, 4).

Considering now the second seal, that in metal, compartmented and closed back (ADJ1F/2002-31), it must be stated that its geometric decoration, consisting in straight and oblique lines and a central circle, is a typical regional marker of this class of stamp seals. Differently, in Bactria the geometric motifs were very rare and prevailed instead portrayals of winged deities, anthropomorphic figures, animals such as monkeys, and very complex designs of snaked or eagles. Moreover, another bronze, compartmented seal was found by S. Salvatori in 1997 on the surface of the site of Adji Kui 1 (Salvatori, 2002, p. 109, figs. 4.9, 9 and 10). It was roundish, depicting a Maltese cross. The grip of this round seal was high and pierced by a hole, as in the our specimen. The class of the compartmented seals in metal is one of the most peculiar features of the Middle and Late Bronze Age sites in Middle Asia (Salvatori, 2000). The sub-type of the compartmented seals of square shape with simple collar is documented only in some sites. For example, at Shahr-i Sokhta, a square-shaped stamp seal with suspension loop on its backside, is decorated by a geometric motif: a Greek cross with rounded arms. It has been found in the grave 311 dated to period II, phase 5a, approximately at the mid 3rd millennium BC (Piperno, Salvatori, 2007, p. 209, fig. 461, 7686). From the surface of Gonur North comes a compartmented metal seal with simple collar depicting a four-armed whirl-shaped motive excised on the surface of the seal. The unpreserved handle was of loop type (Sarianidi, 1990, tab. XXXVI, 2). Five are the compartmented square seals with simple collar coming from, presumably, the Bactrian region and all of them portrayed cross-shaped motives on their surfaces (Sarianidi, 1998, p. 112, fig. 113, 376-378; *ibidem*, p. 114: fig. 115, 396-399). Also the square seal used at Sibri to mark the flat surface of a terracotta disk was characterised by a simple collar and portrayed a cross-shaped motif (Santoni, 1988, p. 137, fig. 2, 26). The chronological range of these comparisons is well established between the mid 3rd and the beginning of the 2nd millennium BC.

The artifact held by the fingers of a closed hand, atop the metal applicator found inside the bottleneck of the ornitomorphic phial can be rightly considered as a closed back, compartmented seal of quadrangular shape with concave sides. Its decoration is represented by a four-petalled flower. An analogous copper application stick with a hand holding a seal portraying the same flower with four petals comes from Bactria (Pottier, 1984, p. 158, fig. 24, 188), where a certain number of specimens of this class of objects are known, now scattered in museums and private collections. Also from Bactria comes a pin head, the top of which is decorated by a four-petalled flower (Ligabue, Salvatori, 1988, p. 214, fig. 79 – the first pin from the left), while another one, similar in shape and dimension, comes from a western Central Asia unknown context and now is stored in the Metropolitan Museum of Art of New York (Pittman, 1984,

p. 49, fig. 20.b). Specifically other applicators with seal on their top have been found at Sapalli-depe (Askarov, 1977, pl. XL, 8-10 and 13; Kaniuth, 2006, p. 109, figs. 155-159), at Molali (Askarov, 1977, pl. LXVII, 1) as well as Djarkutan (Kaniuth, 2006, p. 107-109, figs. 143-154), while a single find, described as a decorated hairpin by Sir A. Stein, comes from Mehi, in pakistani Baluchistan (Stein, 1931, p. 157, pl. XXXII, II.2.2.a). Chronologically speaking, while the Bactrian pins discovered in the antiquarian market are dated to the second half of the 3rd millennium BC, the discoveries from the North Bactrian burial grounds can be dated to the latest centuries of the 3rd and the first half of the 2nd millennium BC. It's not possible to be more precise.

The most interesting and peculiar find from the grave ADJ1F/2002 is represented by the bird-shaped phial for cosmetic pigment because it is an unicum in the archaeological panorama of the 3rd and 2nd millennium BC in Middle and Central Asia. Zoomorphic bottles in bronze are widely diffused in the Middle Bronze Age of Bactria (Pottier, 1984, pl. XIX, 130; Ligabue, Salvatori, 1988, figs. 80, 81) and western Central Asia generally speaking (Pittman, 1984, p. 43, fig. 12): the portrayed animals was always a bull or cow, a camel or a goat. The artifacts from the mausoleum of Adji Kui 1 farmstead depicts instead a bird, possibly a pigeon, and it would seem, as far as we know, to be the only one of this kind so far discovered. Then, this discovery from grave ADJ1F/2002 not only show the first bird-shaped phial ever discovered in Central and Middle Asia but also the first zoomorphic container for cosmetic pigment from Bronze Age Margiana. Obviously we must not overlook the fact that the number of illegally excavated graves is rather great both in the oases of north-western Afghanistan as well as in the burial grounds of Margiana, for example at Gonur North, where about 90% of the graves were already looted in antiquity (Salvatori, 1995, p. 5). The same is true also for the burial ground of Adji Kui as it will be shown in the volume of next publication: very numerous are the graves which were already grabbed and partially or completely destroyed in antiquity. Consequently, according to the very partial evidences in our hands today, it is very difficult to judge concepts such as regionalisation, convergence and divergence in the material culture production as well as high and low variability of the phial forms, which in very few cases, it seems, have a zoomorphic or anthropomorphic shape (Sarianidi, 1979, fig. 3.3).

The sub-rectangular palette in bronze (ADJ1F/2002-30) has been considered a type of artifact characteristic of the Middle Bronze Age on the basis of the findings from the necropolis of Gonur North (Salvatori, 1993, fig. 12, G.C. 2/10; Salvatori, 1994, fig. 11.7; Sarianidi, 2001, p. 191, plate 20, 9-12), from Takhta Bazar, along the middle course of the Murghab river (Udeumuradov, 1993, fig. 32.5) and from grave 252 of Altyn-depe (Masson, 1988, plate XV, 8; Masson, Berezkin, 2005, p. 34, 101-102, plate 55). No specimens of these palettes, on the contrary, were known from Late Bronze Age contexts in the settlements located on the piedmont plain north of the Kopet Dag and in Margiana.

We take now into consideration the low and small, hourglass-shaped plate in steatite (ADJ1F/2002-15). Its biconical shape is very characteristic and finds very tight analogy with a plain stone vessel from room 36 of the excavation 1 of Gonur North (Sarianidi, 1990, p. 233, plate XXVIII, 4). Considering that the walls of room 36, which was part of the main citadel, had been built well resting on the virgin ground, this small plate in stone could then be dated to the Middle Bronze Age or in other words to the second half of the 3rd millennium BC.

The low bowl with convex profile (ADJ1F/2002-24), one of the two bronze vessels from the mausoleum, is a unique artifact. Used as a metal container for cosmetic pig-

ments, it has some, weak degrees of similarity with a metal vessel of the same type, but provided by a ring foot and a thickened rim, which has been bought by A. Stein at Telyab, in south-eastern Iran (Stein, 1940, p. 307, pl. 20, 9). According to the analysis carried out by G. Bellelli (2002, p. 110-111), the type of low vessel with convex profile and thickened rim was of very *longue durée*, diffused across the Indo-Iranian borderland from the Akkadian to the Achaemenid period, i.e. from 2350 till 330 BC. Much more consistent and detailed are the analogies between the second bronze vessel, a cylindrical bowl with low profile, slightly concave walls on a low, ring foot[14] (ADJ1F/2002-34), and three metal vessels from graves (Sap 006, Sap 085 and Sap 115) of the burial ground of Sapalli in north Bactria (Kaniuth, 2006, p. 85-86, figs. 61, 62 and 63). They have been dated to the SB Ia period of cultural evolution and development in this region, which is referred to the late 3rd – early 2nd millennium BC. Containers with cylindrical body and concave walls, low profile and ring base are also attested at Khinaman (Curtis, 1988, p. 112, n. 13; 1114 fig. 5, 13, Pl. 3, b left), north-west of Kerman, in south-central Iran, in the necropolis of Shahdad (Hakemi, 1969, fig. 13, 1) and from Tepe Giyan (Herzfeld, 1941, p. 116, fig. 228, T.G. 381 and 385). The findings from Khinaman are, as we know, out of context however J. Curtis has, with good and correct arguments, suggested a dating between the end of the 3rd and the beginning of the 2nd millennium BC (Curtis, 1988). Grounding on the strong cultural contacts between Khinaman and Shahdad as well as the presence of the same type of metal vase, we can put forward the hypothesis that even the metal vase by Shahdad can be dated to the same period, corresponding to the final phase of the necropolis. Both metal vessels from Tepe Giyan come from the Giyan III layer which is dated to the same period: generally speaking, between late 3rd and early 2nd millennium BC.

Moreover, some, weak analogies can be detected also between this second bronze vessel from ADJ1F/2002, and a chlorite vessel with a flat base always from Shahdad (Hakemi, 1997, p. 189, Obj. no. 0251). The stone vessel with concave sides comes from the burial 034, located in the northern part of Cemetery A, which is a grave containing some artifacts, such as a painted black-on-orange ware jar with cylindrical spout and a chloride phial with decorated body, which can be dated to the third quarter of the 3rd millennium BC. A chronological attribution to, roughly speaking, the last centuries of the 3rd millennium BC for the mausoleum ADJ1F/2002 of Adji Kui 1 seems more and more conceivable. At the same time, it is not possible to exclude *a priori* a dating between the two millennia: to the latest centuries of the 3rd and the earliest centuries of the 2nd millennium BC, as suggested, above all, by the analysis of the Murghab style biface seal and the comparisons with the Sapalli metal bowls.

However, another and very concrete proof supporting our earliest chronological hypothesis comes from the analysis of the ceramic corpus from the mausoleum. The truncated-cone bowls with concave and everted rim is one of the most distinctive types of the early, Kelleli phase of human settlement in Margiana and find very tight analogies in the pottery production of the late Namazga V layers of Altyn-depe (layers Altyn 0-2), Namazga-depe and Ulug-depe in the piedmont plain north of the Kopet Dag (Udeumuradov, 1987, 1993; Masson, 1988, plate XXXIII, 15; Khlopina, 1981; Masimov, 1976), as well as Kelleli (Masimov, 1980, 1981) and both in the graveyard of Gonur North (Salvatori, 1993, 1994, 1995; Sarianidi, 2001, fig. 12, 117; Udeumuradov 2002, p. 135, type 5, 120) and in its citadel (Sarianidi, 1990, tab. XIII, 8), in

[14] A comparable ceramic form does not exist in Central Asia since the second half of the 3rd millennium BC.

Margiana. Without being too repetitive, the same concept and the same chronological attribution to the late Namazga V period can be clearly advanced taking into account the other ceramic forms discovered in the mausoleum: the short-necked storage vessels with moulded lower body as well as the truncated-conical vases on high hollow stem with flared feet (Gцtzelt, 1996: nummern 515a, 515c, 524, 578 and 579 for comparisons with the storage vessels; nummern 979d, 979e and 979h for comparisons with the vases on high stem).

Conclusions

The mausoleum can therefore be considered the burial of a rich and politically important female individual who lived, in all probability, in the last centuries of the 3rd millennium BC. Some artifacts, which seem to contradict this chronological assessment, are mainly represented by the Murghab style biface stamp seal in hematite and the bronze bowl with low profile. They both tend to shift the date back to the earliest centuries of the 2nd millennium BC. However, most of the finds and, mainly the numerous ceramic vessels, are on the contrary referable to the last centuries of the third millennium BC or, in other words, to the late Namazga V period. The mausoleum therefore seems to be contemporary to the necropolis of Gonur North, to the stratigraphic levels of Kelleli 1 and to the layers Altyn 1-2 exposed in the excavations 7, 9, 10 and 12 of Altyn-depe. This means that, correcting the preliminary assessment advanced by Salvatori after the excavation of a small test trench, the Adji Kui 1 site was firstly settled in the late Namazga V period, exactly as Adji Kui 9, which is located some hundreds meters west of it. It is possible to suppose that the so-called farmstead area, where the mausoleum ADJ1F/2002 was built, was settled by a human community earlier than the other sectors of the Adji Kui 1 settlement. However, the stratigraphic and chronological relationship between the mausoleum and the residential complex called farmstead is still completely unknown. This question remains at the moment unanswered since our attention has focused only on burials, on their description and cataloging in prevision of their complete publication in a comprehensive book scheduled for summer 2020.

References

Askarov A. Drevnezemledel'chekaya kul'tura epokhi bronzy yuga Uzbekistana. Tashkent: FAN, 1977. 231 p.

Bellelli G.M. Vasi iranici in metallo dell'Età del Bronzo // Prähistorische Bronzefunde. Abt. II, Bd. 17. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2002. 161 p.

Curtis J. A reconsideration of the cemetery at Khinaman, South-East Iran // Iranica Antiqua. 1988. XXIII. P. 97-124.

Gass A., Masanz R. unter Mitarbeit von Clara von der Osten-Sacken. Katalog Der Ausgestellten Objekte // Margiana Ein Königreich Der Bronzezeit in Turkmenistan. Petersberg: Michael Imhof Verlag, 2018. P. 149-233.

Götzelt T. Ansichten der Archäologie Süd-Turkmenistans bei der Erforschung der "mittleren Bronzezeit" ("Periode" "Namazga V"). Espelkamp: Verlag Marie Leidorf GmbH, 1996. 454 p.

Gubaev A.G., Koshelenko G.A., Tosi M. (eds.). The Archaeological map of the Murghab delta. Preliminary Reports 1990-1995. Rome: IsMEO, 1998. 299 p.

Hakemi A. Etudes archéologiques de la lisière du desert de Lout // Bastan Chenassi va Honar-e Iran. 1969. Vol. 2. P. 24-25.

Hakemi A. Shahdad. Archaeological excavations of a Bronze Age center in Iran (translated and edited by S.M.S. Sajjadi). Rome: IsMEO, 1997. 721 p.

Herzfeld E. Iran in the Ancient East. Archaeological studies presented to the Lowell Lectures at Boston. London: Oxford University Press, 1941. 363 p.

Kaniuth K. Metallobjekte der Bronzezeit aus Nordbaktrien // Archäologie in Iran und Turan. Bd. 6, Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2006. 259 p.

Khlopina L.I. Namazga-depe and the Late Bronze Age of Southern Turkmenia // Ph.L. Kohl (ed.). The Bronze Age Civilization of Central Asia. Recent Soviet Discoveries. New York: Armonk, 1981. P. 35-60.

Ligabue G., Salvatori S. (a cura di). Battriana. Una antica civiltà delle oasi dalle sabbie dell'Afghanistan. Venezia: Centro Studi e Ricerche Ligabue – Erizzo Editrice, 1988. 244 p.

Masimov I.S. Material'naya kul'tura Yuzhnoy Turkmenii v period razvitoy i pozdney bronzy // Pervobytnyy Turkmenistan. Ashgabat: Ylym, 1976. P. 123-152.

Masimov I.S. Izuchenie pamyatnikov epokhi bronzy nizov'ev Murgaba // Sovietskaya Arkheologiya. 1979. Vol. 1. P. 111-131.

Masimov I.S. Kelleli – novyy oasis epokhi bronzy nizoviy Murgaba // Novye issledovaniya po arkheologii Turkmenistana. Ashgabat: Ylym, 1980. P. 3-21.

Masimov I.S. The study of the Bronze Age sites in the lower Murghab // Ph.L. Kohl (ed.) The Bronze Age Civilization of Central Asia. Recent Soviet Discoveries. New York: Armonk, 1981. P. 194-220.

Masson V.M. Altyn-depe (translated by H.N. Michael) // University Museum Monograpgh. No. 55. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1988. 170 p.

Masson V.M., Berezkin Yu.E. (eds.). The Chronology of the Late Eneolithic – Middle Bronze Age in Central Asia (Burials of Altyn-depe). St. Peterburg: Nestor-Istoriya, 2005. 540 p.

Piperno M., Salvatori S. The Shahr-i Sokhta Graveyard (Sistan, Iran). Excavations Campaigns 1972-1978. Roma: IsIAO, 2007. 390 p.

Pittman H. Art of the Bronze Age. Southeastern Iran, Western Central Asia, and the Indus Valley. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1984. 100 p.

Pottier M.-H. Matériel funéraire de la Bactriane méridionale de l'àge du Bronze. Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations, 1984. 232 p.

Rossi Osmida G. Considerations on the Necropolis at Gonur-depe // G. Rossi Osmida (ed.). Margiana Gonur-depe Necropolis. 10 years of excavations by Ligabue Study and Research Centre. Venezia: Il Punto Edizioni, 2002. P. 69-119.

Rossi Osmida G. Adji Kui Oasis. Vol. I. The citadel of the figurines, Venezia: Centro Studi e Ricerche Ligabue – Il Punto Edizioni, 2007. 214 p.

Rossi Osmida G. Adji Kui Oasis. Vol. II. The citadel of the figurines. Venezia: Il Punto Edizioni, 2011. 302 p.

Salvatori S. The discovery of the graveyard of Gonur-depe 1 (Murghab delta, Turkmenistan): 1992 campaign, preliminary report // Rivista di Archeologia. 1993. XVII. P. 5-13.

Salvatori S. Excavations at the Namazga V late graveyard of Gonur 1 (Murghab delta, Turkmenistan). Preliminary report on the 1993 field season // Rivista di Archeologia. 1994. XVIII. P. 14-39.

Salvatori S. Gonur-depe 1 (Margiana, Turkmenistan): the Middle Bronze Age graveyard. Preliminary report on the 1994 excavation campaign // Rivista di Archeologia. 1995. XIX. P. 5-37.

Salvatori S. Bactria and Margiana seals. A new assessment of their chronological position and a typological survey // East and West. 2000. Vol. 50. No. 1-4 (December 2000). P. 97-145.

Salvatori S. The project for the Archaeological Map of the Murghab Delta (Turkmenistan): Stratigraphic trial trenches at Adzhi Kui 1 and 9 // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2002. Vol. 8 (1-2). P. 107-177.

Santoni M. Aspects matériels des cultures de Sibri et de Mehrgarh VIII (Plaine de Kachi, Baluchistan, Pakistan) à la fin du troisième et au début du deuxième millénaires // L'Asie

Centrale et ses rapports avec les Civilisations orientales des origines a l'Age du Fer. Actes du colloque Franco-Soviétique, Paris, 19-26 Novembre 1985. Paris: Diffusion de Boccard, 1988. P. 135-141.

Sarianidi V.I. New finds in Bactria and Indo-Iranian Connections // M. Taddei (ed.). South Asian Archaeology 1977. Naples: Istituto Universitario Orientale, 1979. P. 643-659.

Sarianidi V.I. Seals-Amulets of the Murghab style // Ph.L. Kohl (ed.) The Bronze Age Civilization of Central Asia. Recent Soviet Discoveries. New York: Armonk, 1981. P. 221-255.

Sarianidi V.I. Drevnosti strany Margush. Ashgabad: Ylym, 1990. 316 p.

Sarianidi V.I. Margiana and Protozoroastrism. Athens: Kapon Editions, 1998. 190 p.

Sarianidi V.I. Necropolis of Gonur and Iranian paganism. Moscow: World media, 2001. 246 p.

Sarianidi V.I. Necropolis of Gonur. Athens: Kapon Editions, 2007. 352 p.

Stein A. An archaeological tour in Gedrosia // MASI. No. 43. Calcutta: Govt. of India, Central Publication Branch, 1931. 211 p.

Stein A. Old routes of Western Iran. London: MacMillan and Co, 1940. 432 p.

Udeumuradov B.N. Keramicheskiy kompleks verkhnikh sloev Altyn-depe // Sovietskaya Arkheologiya. 1987. Vol. 1. P. 158-168.

Udeumuradov B.N. Altyn-depe i Margiana: svyazi, khronologiya, proiskhozhdenie. Ashgabat: Ylym, 1993. 147 p.

Udeumuradov B.N. Ceramic material from Gonur-depe necropolis // G. Rossi Osmida (ed.). Margiana Gonur-depe Necropolis. 10 years of excavations by Ligabue Study and Research Centre. Venezia: Il Punto Edizioni, 2002. P. 133-143.

Winkelmann S. Seals of the oasis from the Ligabue Collection. Venezia: Centro Studi e Ricerche Ligabue – Il Punto Edizioni, 2004. 206 p.

S. Winkelmann-Witkowsky

BETRACHTUNGEN ZU DEN KULTÄXTEN, HÄMMERN UND SICHELSCHWERTERN IN GONUR DEPE

Diesen Artikel widme ich mit herzlichem Dank und großer Hochachtung Nadezhda Dubova, die mir zusammen mit Viktor Sarianidi mehrere Jahre die Möglichkeit gab, in Gonur Depe auszugraben, in den Museen Turkmenistans zu arbeiten und mich mit dem Material der Grabungen vertraut zu machen. In ihr fand ich eine wunderbare großherzige Kollegin und Freundin, die mich stets unterstützte und mit großem Engagement die Arbeit und das Erbe von Viktor Ivanoviç Sarianidi bewahrt und fortsetzt.

Vorbetrachtung

Das Fundmaterial aus Gonur Depe enthält nur sehr wenige Waffen. Sie stammen vor allem aus der großen Nekropole von Gonur Depe, einige aus den Gräbern der Periode 3 in dem aufgelassenen Palast von Gonur Depe Nord und dem Temenos von Gonur Depe Süd. Die Mehrzahl der gefundenen Waffen sind Zeremonial-Waffen, die Teil der Grabinventare sind[1]. Dazu gehören Äxte, Hämmer, Sichelschwerter, Pfeilspitzen, Keulen- und Zepterköpfe aus Stein, Blei, Knochen, Elfeinbein oder Bronze[2]. Die Bronzewaffen bestehen aus Arsenbronzen, die anscheinend lokal produziert wurden, denn bei den Ausgrabungen fanden sich Grußformen für Waffen und ein kleines Axtmodell[3]. Das Material selbst scheint importiert zu sein, da die Margiana keine lokalen Erz- oder Steinvorkommen besitzt.

Sarianidi hat einen großen Teil der Waffen in seinen Büchern abgebildet und Frau Èernjankova hat 2013 eine kleine Studie zu den Metallerzeugnissen publiziert, insgesamt aber sind die Waffen aus Gonur Depe jedoch bisher weder wissenschaftlich bearbeitet noch vollständig publiziert worden. Daher fehlt es bei den meisten Waffen an einer sicheren Datierung und ihre Einordnung kann nur unter Zuhilfenahme vergleichbarer Waffen aus umliegenden Kulturen erfolgen. Dies ist auch das Anliegen des Artikels: es wird versucht, für die Objekte aus Gonur Depe eine mögliche Entwicklung und Typologie zu erstellen.

[1] Als Zeremonial-Waffen betrachte ich Waffen, die aufgrund ihres Materials, ihrer Form oder ihrer Verzierung nicht real für Jagd- oder Kriegszwecke genutzt werden können und daher als Kennzeichen einer bestimmten Funktion oder als Ausdruck eines bestimmten sozialen Ranges dienten. Dabei können typische Formen der üblichen Waffen durchaus auch von den Zeremonial-Waffen übernommen werden. Bei den Äxten lässt sich das z.B. daran erkennen, dass die Gestaltung von Schaftloch und Nacken dieselben Merkmale aufweist, die Form der Klinge oder Schneide oder das Material (wie z.B. Knochen) jedoch keine profane Nutzung gestattet.

[2] Aus Platzgründen kann ich mich in diesem Artikel nur mit den Äxten, Hämmern und Sichelschwertern beschäftigen. Keulenköpfe, Speerspitzen, Messer, Dolche und Pfeilspitzen bleiben unberücksichtigt, obwohl gerade auch die Pfeilspitzen Rangkennzeichen zu sein scheinen. Sie finden sich nur in wenigen Gräbern, ihre Anzahl steigt mit dem Reichtum der Beigaben und oft sind sie auch aus wertvollem Material wie Elfenbein gefertigt.

[3] Sarianidi, 2007, S. 79, Abb. 68. Axtmodell: Nekropolis Grab 2644, Sarianidi, 2007, Abb. 69 auf S. 79; Dubova, 2008, u.a. Abb. 10, 11, 12, 13, 21; Èernjankova, 2013, Abb. S. 7 rechts unten, Abb. S. 8. Letzte Zusammenfassung bei Papakhristou, 2010.

Abb. 1. Die Äxte 1-18 aus Gonur Depe
Nr. 1, 3 und 5 = Sarianidi, Dubova, 2013, Abb. auf S. 172. Nr. 2, 7, 12-14: Foto des Autors (Nr. 2, 12, 13 = Èernjankova, 2013, Abb. auf S. 12 und Nr. 12 = Sarianidi, 2008, S. 191, Abb. 104). Nr. 4 = Sarianidi, 2007, Abb. 69 auf S. 79, Nr. 6 = Sarianidi, 2007, S. 77, Abb. 64, Nr. 8 = Sarianidi, 2007, Abb. 62 auf S. 78., Nr. 9 = Sarianidi, 2007, Abb. 66 auf S. 78. Nr. 10 = Sarianidi, 2007, S. 77, Abb. 65. Nr. 11 = Sarianidi, 2007, S. 76, Abb. 62. Nr. 15 = Sarianidi, 2007, Abb. 238 auf S. 122. Nr. 16: Sarianidi, 2002, Abb. auf S.153. Nr. 17 = Sarianidi, 1998, Abb. 22.1. Nr. 18 = Sarianidi, 1998, Abb. 22. Nr. 19 = Sarianidi, 1998, Abb. 25.2. Nr. 20 = Sarianidi, 1998 Abb. 25.1. Nr. 21, 22 = Sarianidi, 2002, Abb. auf S. 102. Nr. 23 = Sarianidi, 1998, Abb. 25.5

Der Befund

1. Äxte

Aus Gonur Depe sind bisher 16 Bronzeäxte und vier Knochenäxte bekannt. Je zwei bronzene Äxte kommen aus der Königsnekropole (Grab 3220, 3230) und aus dem Palast vom Gonur Süd. Neun weitere sind im Katalog der Nekropole erwähnt[4]. Die Äxte 3 und 5 wurden 1998 bzw. 2013 nur mit der allgemeinen Herkunftsangabe Gonur Depe publiziert, eine weitere Axt befindet sich im Nationalmuseum in Aschgabat (Nr. 14). Drei Äxte aus Togolok 21 (Nr. 21-23) werden in die Untersuchung eingeschlossen. Von den folgenden Äxten könnten die Äxte 1-3 und 5 auch profan genutzt worden sein, weil sie eine scharfe Schneide besitzen, Axt 4 ist ein Axtmodell. Drei Knochenäxte stammen aus dem Temenos von Gonur Süd, eine aus der Nekropole (Abb. 1: Äxte 1-18, Abb. 2a: Äxte 19-23).

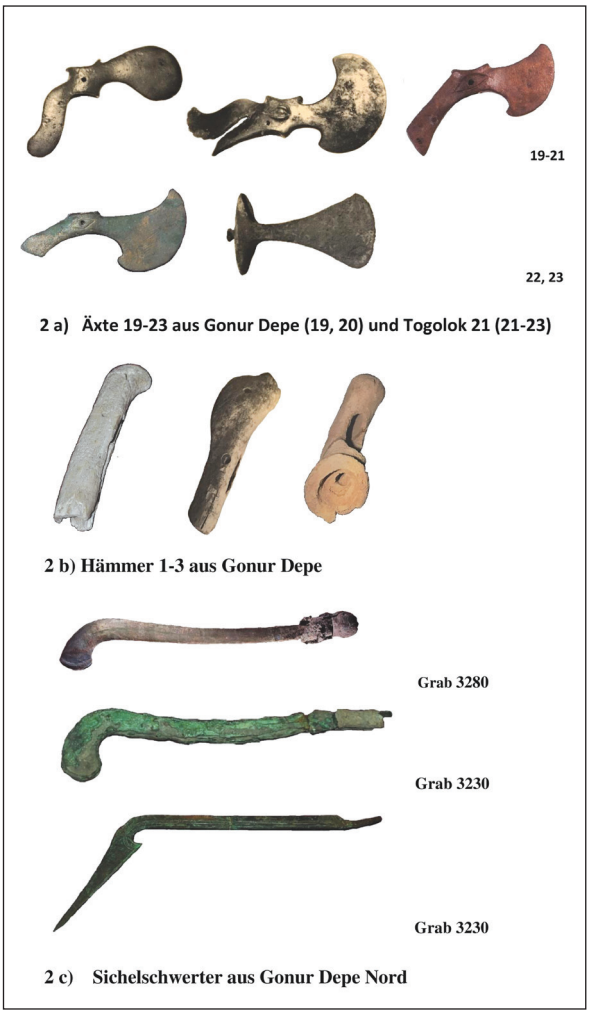

Abb. 2. a) Äxte 19-23, b) Hämmer und c) Sichelschwerter aus Gonur Depe und Togolok 21
2 a: Axt Nr. 19 = Sarianidi, 1998, Abb. 25.2. Nr. 20 = Sarianidi, 1998 Abb. 25.1. Nr. 21, 22 = Sarianidi, 2002, Abb. auf S. 102. Nr. 23 = Sarianidi, 1998, Abb. 25.5. b) Hammer 1 = Foto des Autors, Hammer 2 = Sarianidi, 1998, Abb. 21.1. Hammer 3 = Sarianidi, 2007, Abb. 68 auf S. 79. Nr. 4: Umzeichnung nach Foto des Autors

[4] Gräber 507, 517, 963, 1481, 1500, 2003, 2406, 2644, 2760. Sieben dieser 9 Äxte konnten anhand der verschiedenen Publikationen identifiziert werden, die zwei Äxte aus den Gräber 507 und 2406 konnten bisher keiner Abbildung zugeordnet werden.

Axt 1: Fundort (FO) Nekropole, Grab 1481:[5] Flügelnackenaxt mit sehr langer schmaler trapezförmiger Klinge mit gerader, deutlich verbreiterter Schneide mit leicht ausgezogener unterer Spitze, Nacken in Form eines nach unten wölbten stilisierten Flügels oder Hakenschnabels, Blatt und Nacken leicht von der Tülle abgesetzt, konvexes oberes und langgezogenes unteres schräges Schaftloch. Tülle mit mittigem Nagelloch.

Axt 2: FO Gonur Depe:[6] Flügelnackenaxt mit trapezförmiger Klinge, Blatt und Nacken leicht von der Tülle abgesetzt, konvex gewölbtes oberes und langgezogenes unteres schräges Schaftloch, stilisierter nach unten gebogener Flügelnacken. Tülle mit mittigem Loch.

Axt 3: FO Gonur Depe:[7] Flügelnackenaxt mit langgezogener trapezförmige Klinge mit gerader Schneide, gerader Tülle mit beidseitig geraden Schaftlochrändern und mittigem Nagelloch und fast im rechten Winkel nach unten gezogenem unten stilisierten Flügelnacken.

Axt 4: FO Nekropole, Grab 2644 der Nekropole. Axtmodell mit kurzer breiter trapezförmiger, fast dreieckiger Klinge und gerader Tülle (Sarianidi, 2007, Abb. 69 auf S. 79).

Axt 5: FO Gonur Depe (Sarianidi, 1998, Abb. 25.10): Axthacke mit kurzer, oben geschlossener Röhrentülle. Axt mit trapezförmiger nach unten ausgezogener Klinge mit gewölbter Schneide, rückwärts Hacke mit flachem rechteckigem Blatt. Angegossene Verzierung (Schlange?) auf dem Nacken.

Axt 6: FO: Gonur Depe, Nekropole, Grab 1500 (Sarianidi, 2007, S. 77, Abb. 64; Sarianidi, 2005, Abb. 135 = Sarianidi, 2002, Abb. S. 104): Figürliche Axt mit breiter kurzer trapezförmiger Klinge mit gerader Schneide, Blatt mit parallelen Einritzungen, die der Klinge die Form eines Fischschwanzes geben. Schaft und Nacken in Form eines rückwärts blickenden Hahnenkopfes mit Augen, Schnabel und einem Hahnenkamm. Unterhalb des Kopfes ein länglicher abgerundeter Auswuchs mit Durchbohrung für die Befestigung auf dem Schaft. Die Axt als Ganzes verkörpert ein Mischwesen aus Hahn und Fisch.

Axt 7: FO: Gonur Depe[8]. Flügelnackenaxt mit asymmetrischer trapezförmiger Klinge mit gerader Scheide und leicht nach innen eingezogenem unterem Ende. Tülle mit rundem Nagelloch, konvex gewölbtem oberem und konkav gewölbtem unterem schräg ausgezogenem Schaftlochrand und trapezförmigem, unten weiter ausgestelltem Flügelnacken.

Axt 8: FO Gonur Depe, Nekropole, Grab 2003 (Sarianidi, 2007, S. 76, Abb. 62, Katalog S. 264 = Sarianidi, 2002, Abb. 103.):[9] Flügelnackenaxt mit konvex gewölbtem oberem und schräg ausgezogenem unterem Schaftlochrand. Lange trapezförmige Klinge mit gewölbter Schneide. Trapezförmiger und schräg nach unten gezogener Flügelnacken. Schneide und Nackenverzierung sind von der Tülle leicht abgesetzt.

Axt 9: FO Gonur Depe, Nekropole, Grab 2760 (Sarianidi, 2007, S. 78, Abb. 66 auf S. 78, Katalog S. 286.): Figürliche Axt mit schmaler trapezförmiger Klinge mit gewölbter Schneide und langgezogenem konvex gewölbtem unterem Schaftlochrand. Auf Klinge und den Schaft aufgearbeitete Figur eines Ebers, der von einer Schlange angegriffen wird. Der Körper des Ebers, über dessen Nacken sich die Schlange mit Hals und Kopf

[5] Sarianidi, Dubova, 2013, Abb. auf S. 172, Abb. unten links; Sarianidi, 2007, S. 76, Abb. 63 und Katalog S. 248.

[6] Èernjankova, 2013, Abb. auf S. 12. Keine Angabe zum genauen Fundort. Ausgestellt im Nationalmuseum.

[7] Sarianidi, Dubova, 2013, Abb. auf S.172, oben links, ohne Herkunftsangabe.

[8] Die genaue Herkunft der Axt konnte nicht ermittelt werden.

[9] Das Geschlecht des /der Bestatteten konnte nicht bestimmt werden.

legt, erstreckt sich über die Klingenwurzel, die Tülle und den Nacken. Die ausgestreckten Beine des Schweins bilden den unteren Schaftlochrand, der Kopf des Ebers und der in sich verflochtene Körper der Schlange bilden den Nacken der Axt. Der gebogene Schlangenleib hat die Form des nach oben gebogenen Flügelnackens.

Axt 10: FO Gonur Depe, Nekropole, Grab 963 (Sarianidi, 2007, Abb. 65 auf S. 77, Katalog S. 232.): Flügelnackenaxt mit dicker und kurzer asymmetrischer trapezförmiger Klinge mit gewölbter, nach unten stärker ausgezogener Schneide, gerader oberer und konkav gewölbter unterer Klingenseite. Lang ausgezogener, fast trapezförmige Nacken. Gerades oberes und sehr langes schräg ausgezogenes, konkav gewölbtes unteres Schaftloch. Zwei ovale Vorsprünge mit kugeligem Abschluss als Verzierung auf dem oberen Schaftlochrand.

Axt 11: FO: Gonur Depe, Nekropole, Grab 517 (Sarianidi, 2007, Abb. 62b auf S. 76, Katalog S. 219; Sarianidi, 2002, S. 103 unten): Flügelnackenaxt mit spitzovaler Klinge und schräger Tülle mit konvex gewölbtem oberen und langgezogenem konkav gewölbtem unterem Schaftlochrand und mittigem Nagelloch. Klinge und Nacken von der Tülle abgesetzt. Flügelnacken in Form eines zweigeteilten geschwungenen Schwanzes oder Flügels mit nach oben eingerolltem Ende.

Axt 12: FO Gonur Depe, Königsnekropole, Grab 3230 (Èernjankova, 2013, Abb. auf S. 12 unten links): Flügelnackenaxt mit stark gewölbter gerader Tülle mit mittigem Nagelloch, unten geradem und oben konvex gewölbtem Rand. Halbkreisförmige symmetrische Hellebardenklinge mit schmaler Klingenwurzel. Nacken verziert mit schmalem herabhängendem Schwanz oder Flügel, der nach oben eingerollt und horizontal ziseliert ist.

Axt 13: FO Gonur Depe, Königsnekropole, Grab 3220 (Sarianidi, 2008, S. 191, Abb. 104; Èernjankova, 2013, S. 12, Abb. unten rechts): Flügelnackenaxt mit stark gewölbter gerader Tülle mit mittigem Nagelloch, oben konvex gewölbtem und unten geradem Rand. Halbkreisförmige leicht asymmetrische Hellebardenklinge mit schmaler Klingenwurzel. Nacken verziert mit breitem herabhängendem Schwanz oder Flügel, der unten in einem Halbkreis endet.

Axt 14: FO Gonur Depe[10]. Flügelnackenaxt mit stark gewölbter gerader Tülle mit mittigem Nagelloch, oben konvex gewölbtem und unten leicht abgeschrägtem Rand. Halbkreisförmige symmetrische Hellebardenklinge mit schmaler Klingenwurzel. Nacken verziert mit breitem herabhängendem Schwanz oder Flügel, der nach oben eingerollt und an den Außenkanten gewellt ist.

Die Äxte 15-18 sind Knochenäxte[11]. Nr. 16-18 sind im Nackenbereich beschädigt, so dass die vollständige Form nicht rekonstruiert werden kann. Alle drei besitzen ein mittiges Nagelloch.

Axt 15: FO Gonur Depe, Nekropole, Grab 220 (Sarianidi, 2007, S. 121, Abb. 238 auf S. 122.): Flügelnackenaxt mit asymmetrischer trapezförmiger Klinge mit gewölbter, nach oben stärker ausgezogener Schneide und gerader unterer Klingenseite. Schräg versetzte Tülle mit Nagelloch im unteren Drittel. Schaftloch oben gerade und unten schrag ausgezogen. Langer tropfenförmiger, der unten spitz zulaufender Flügel.

Axt 16: FO Gonur Depe Süd, Temenos, Raum 262 (Sarianidi, 1997, Abb. 15.4, S. 170; Sarianidi, 1998, Abb. 22.2; Sarianidi, 2002, Abb. auf S. 153 unten): Axt mit asymme-

[10] Nationalmuseum Aschgabat. Keine Angaben zur genauen Herkunft.

[11] Wie viele Knochenäxte in Gonur gefunden wurden, ist nicht klar. Sarianidi spricht von zwei Gräbern mit je einer Knochenaxt, und vergleicht diese mit einer Axt aus Gonur Nord. Jedoch handelt es sich dabei um einen Knochenhammer, gleichzeitig enthält der Katalog des großen Friedhofs nur den Hinweis auf ein Grab mit Knochenaxt, Grab 220.

trischer trapezförmiger Klinge mit gewölbter Schneide. Eine Klingenseite ist stärker ausgezogen als die andere, durch den fehlenden Nacken bleibt unklar, ob es die obere oder untere Seite ist. Nacken am Nagelloch weggebrochen, nachträglich angebrachte zweite Bohrung am oberen Rand.

Axt 17: FO Gonur Depe Süd, Temenos (Sarianidi, 1997, S. 170, Abb. 15.3; Sarianidi, 1998, Abb. 22.1): Knochenaxt mit asymmetrischer Klinge mit gewölbter Schneide, gerader Klingenoberseite und nach unten gewölbter Klingenunterseite. Axt einmal längs gebrochen, Nacken weggebrochen.

Axt 18: Gonur Depe Süd, Temenos (Sarianidi, 1997, S. 170, Abb 15.2): Axt mit leicht asymmetrischer trapezförmiger Klinge mit gewölbter, nach unten stärker ausgezogener Schneide. Tülle und Nacken weggebrochen.

Axt 19: FO Gonur Depe Süd, Temenos (Sarianidi, 1997, Abb. 14; Sarianidi, 1998, Abb. 25.2): Flügelnackenaxt mit gerader Tülle mit mittigem Nagelloch. Tülle mit leicht konkav eingezogener unterer und deutlich konkav eingezogener oberer Tüllenöffnung, die zur Klingenwurzel nach oben gezogen ist. Wulstverzierte Ränder. An der unteren Hälfte des Nackens ein langer geschwungener stilisierter Flügel. Ovale, leicht herabhängende und unten stärker gewölbte Klinge mit schmaler Klingenwurzel. Klingenwurzel deutlich schmaler als die Tülle, angesetzt in der oberen Hälfte (Abb. 2a).

Axt 20: FO Gonur Depe Süd, Temenos, Kenotaph neben dem Feueraltar (Sarianidi, 1997, Abb 15.1, S. 170; Sarianidi, 1998, Abb. 25.1; Sarianidi, 1991, Abb. 34): Flügelnackenaxt mit asymmetrischer, nach oben deutlich weiter ausgezogener Hellebardenklinge. Schräge Tülle mit beidseitig konkav gewölbten Tüllenrändern und weit nach unten ausgezogenem unterem Schaftloch und Nacken. Reliefartig aufgelegter Augenumriss um das Nagelloch. Separat aufgesetzter geschwungener Flügel mit Wellenrand auf dem oberen Drittel des Nackens.

Axt 21: FO Togolok 21, Grab 52 (Sarianidi, 1990, Tf. XC. 6; Sarianidi, 2002, S. 102; Sarianidi, 1998, Abb. 25.3): Flügelnackenaxt mit asymmetrischer Hellebardenklinge, mit weit ausgezogener oberer Spitze und schmaler Klingenwurzel, die bruchlos in die Tülle übergeht. Oberer Tüllenrand konkav gewölbt und von Wulst umgeben, unterer Rand sehr weit schräg ausgezogen. Nacken und stilisierter Flügel verschmolzen zu einem trapezförmigen, schräg abgeschnittenen Stumpf. Nagelloch umgeben von einer augenförmigen Einritzung.

Axt 22: FO Togolok 21, Raum 16 (Sarianidi, 1990, Tf. XC.7): Flügelnackenaxt mit asymmetrischer Hellebardenklinge mit weit ausgezogener oberer Spitze und schmaler Klingenwurzel, die bruchlos in die Tülle übergeht. Oberer Tüllenrand gerade und verdickt, unterer Rand sehr weit schräg ausgezogen. Nacken und stilisierter Flügel verschmelzen zu einem trapezförmigen, unten leicht abgeplatteten Stumpf. Nagelloch umgeben von einer augenförmigen Einritzung.

Axt 23: FO Togolok 21, Raum 75 (Sarianidi, 1990, Tf. XC. 8, Tf. XXXV.1): T-förmige Axt mit langer trapezförmiger Klinge mit sehr schmaler Klingenwurzel und gewölbter Schneide mit abgerundeten Ecken. Langgezogener schmaler Nacken mit schrägen Schaftlochöffnungen, auf dem ein kleiner runder Knopf sitzt.

Von diesen Äxten können die beiden Äxte 12 und 13 aus dem Königsfriedhof von Gonur Depe Nord, zu denen typologisch auch die Axt 14 gehört, in die Anfangsphase der Besiedlung von Gonur Depe um 2300 v. Chr. datiert werden. Die drei Knochenäxte und die beide Bronzeäxte aus dem Temenos gehören zur Periode II von Gonur, die etwa in die Zeit zwischen 1900 und 1700 v. Chr. datiert. Alle übrigen Äxte bedürfen einer weiteren Analyse.

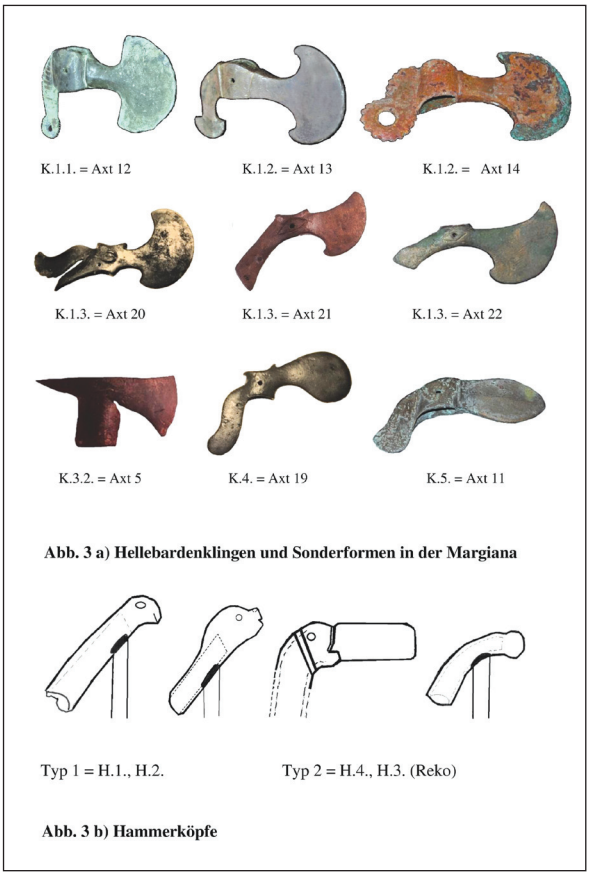

Abb. 3 a. Klingenformen in der Margiana, 3 b. Hammerköpfe in Gonur Depe
Zusammengestellt nach Abb. 1 und 2. Umzeichnungen: S. Winkelmann-Witkowsky

2. Kulthämmer (Hämmer 1-5)

Der Hammerkopf oder Schläger besteht aus einem verdickten kugeligen oder ovoiden «Kopf» (Schläger), der in mehr oder weniger starkem Winkel aus einer Röhrentülle (H. 4) oder einem kompakten Körper mit schrägem Schaftloch herauswächst (H.1-3). Bei letzterem wird der Rest des Hammerkörpers zu einem weit ausgezogenen Nacken, den wir in ähnlicher Form von den Flügelnackenäxten aus Gonur Depe kennen (besonders bei den Äxten 7 und 10). Es handelt sich hier um eine Variante von Flügelnackenhämmern (Abb. 2b, 3b).

Hammer 1. FO Gonur Depe[12]. Hammer aus glasierter weißer Fritte mit einem leicht gebogenen und dann spitz zulaufenden Schläger, der die Form eines stilisierten Vogelkopfes hat[13]. Hinter dem Kopf befindet sich ein langer, sich zum Ende verbreiternder Zylinder, in dessen Mitte das schräge Schaftloch eingeschnitten ist.

Hammer2: FO Gonur Depe Nord, Palast von Gonur Depe Nord (Sarianidi, 1998, Abb. 21.1). Vollständig erhaltener Hammer aus Knochen in Form eines stilisierten Schlangenkopfes mit abgeplattetem Maul, einem eingebohrten Auge und anschließendem langem schmalem Körper, in den das schräge Schaftloch eingeschnitten wurde. In der Publikation ist er auf den Kopf gestellt abgebildet.

Hammer 3: FO Gonur Depe Nord, Grabungsgebiet 5 (Sarianidi, 2007, Abb. 68 auf S. 79.): Gussform für einen Hammer mit kugeligem Schläger und Röhrentülle mit schrägem unterem Schaftloch. Beleg für die lokale Produktion solcher Waffen.

Auch Hämmer mit gebogener Röhrentülle sind im Nationalmuseum ausgestellt, bisher aber noch nicht publiziert worden. Dabei handelt es sich zum einen um einen Bronzehammer mit einem langen bohnenförmigen Kopf, der fast im rechten Winkel zur Röhrentülle steht **(Hammer 4)**, und um einen nur leicht verbreiterten runden Hammerkopf aus Bronze **(Hammer 5)**.

3. Sichelschwerter

Sichelschwerter sind eine besondere Form von Kultwaffen. Sie bestehen aus einer zweiteiligen Klinge, die einseitig geschliffen ist: Der untere Teil ist gerade[14], der obere Teil ist sichelförmig gebogen oder anderweitig gekrümmt. Aus Gonur Depe sind drei bronzene Sichelschwerter bekannt, die alle aus den späteren Gräbern der Periode III auf dem Gebiet des aufgelassenen Palastes von Gonur Depe Nord stammen. Nr. 2 und 3 wurden zu-

[12] Keine genaue Herkunftsangabe, ausgestellt im Nationalmuseum in Aschgabat.

[13] Wie der Keulenkopf aus dem Grab 1443.

[14] Da dieser untere Teil meist nicht geschärft ist, trägt er auch den Namen „Unschärfe“ oder „Fehlschärfe“, der obere Teil stellt dagegen eine echte Klinge mit einseitiger äußerer Schneide dar. Das verbreiterte oder eingerollte obere Ende bildet streng genommen den Nacken des Schwertes.

sammen gefunden, eingewickelt in Textilien und in einer Holzbox verstaut, die mit Elfenbeinmosaiken verziert war (Sarianidi, 2005, Abb. 61 auf S. 194, Text S. 197-99.): Sie verkörpern zwei unterschiedliche Typen, ein Schwert mit langer leicht gebogener Klinge mit kurzem gebogenem und verdicktem Ende (Typ 1) und ein Schwert mit gerader Klinge und mit fast im 90 Grad Winkel umgebogenem dreieckigem Ende (Typ 2) (Abb. 2c).

Sichelschwert (SS.)1. FO Gonur Depe Nord, Grab 3280 (Sarianidi, Dubova, 2013, Abb. auf S. 169). Lange flache einseitig geschärfte Klinge, deren Ende gebogen ist und sich zu einem verdickten abgerundeten Nacken verbreitert. Kurzer Schaft, eingebettet in einen kugeligen Griff aus Silber. Typ 1.

SS.2. FO Gonur Depe Nord, Grab 3130 (s. o.): Form identisch mit Nr. 1, aber nicht mit geschärfter Klinge, sondern als gleichmäßig dickes massives Objekt gestaltet. Spitze etwas stärker gekrümmt, Schaft eingebettet in silbernen Zylinder. Typ 1.

SS.3. FO Gonur Depe Nord, Grab 3130 (s. o.): Massives dickes langes gerades, mit Riefen verziertes unteres Teil, das sich im oberen Drittel um fast 90 Grad biegt und dann in einer langdreieckigen Spitze endet. Typ 2.

Formentypen und vergleichbare Formen aus dem Gebiet des BMAC[15]

Die Äxte in Gonur und Togolok 21 sind Schaftlochäxte und, mit Ausnahme von Nr. 5 und 23, Flügelnackenäxte mit unterschiedlich gearbeiteten Tüllen und Klingenformen. Diese sind nahezu völlig übereinstimmend mit den in Afghanistan geraubten Äxten aus dem Kunsthandel, unter denen sich weitere Unterformen befinden.

1. Klingenformen:

K.1. Hellebardenklingen (Abb. 3a, 4, 5)

K.1.1. **Symmetrische Hellebardenklinge** in Halbkreisform (Axt 12) mit gerader Tülle, sehr schmaler Klingenwurzel und konvexer oberer Schaftlochöffnung. Anschließbar: Axt aus der Sammlung Idkin, die die halbkreisförmige Klinge mit einer langen Röhrentülle und starker zoomorpher Verzierung kombiniert.

K.1.2. **Symmetrische oder leicht asymmetrische Hellebardenklinge mit gleichmäßig ausgezogenen Enden,** gerader Tülle, sehr schmaler Klingenwurzel und konvexer oberer Schaftlochöffnung. (Äxte 13 und 14). Anschließbar: Pottier, 1984, Nr. 67, 68, 69 sowie Sarianidi, 1977, Abb. 65.1. Axt mit figürlicher Klinge in Form einer Frauenbüste. Blatt gebildet durch Kopf und Arme, der Oberkörper bildet die Klingenwurzel und Amiet, 1998,

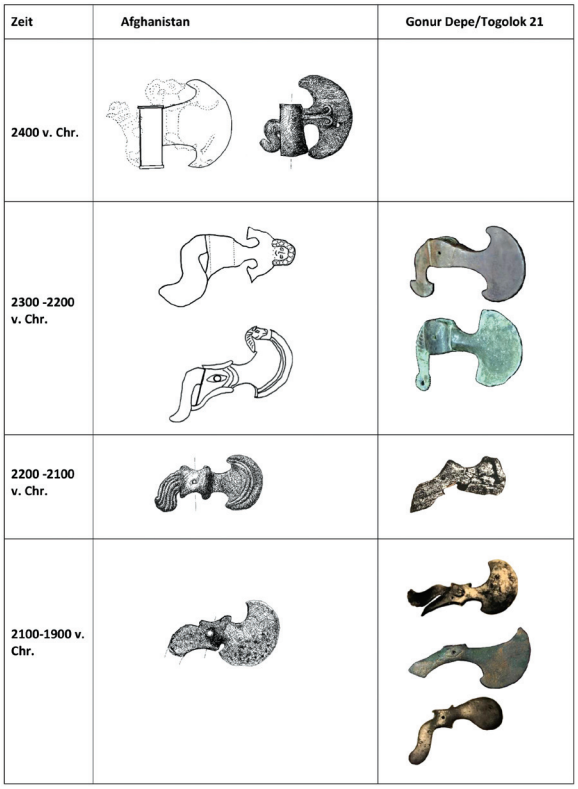

Abb. 4. Mutmaßliche Entwicklung der Äxte mit Hellebardenklinge n im BMAC

Spalte Gonur nach Abb. 1 und 2. Spalte Afghanistan, von oben nach unten: 2400: Privatsammlung, Umzeichnung Winkelmann-Witkowsky, Pottier, 1984, Nr. 68. 2300: Umzeichnung nach Sarianidi, 1978, Abb. 2.1., und Amiet, 1986a, Abb. 167. 2200: Pottier, 1984, Nr. 67, 2100: Pottier, 1984, Nr. 70

[15] Englischsprachige Abkürzung für Bactria-Margiana Archaeological Complex. Diese Bezeichnung bezieht sich auf die Verbreitung der bronzezeitlichen Hochkultur Mittelasiens über Südturkmenistan (antike Margiana), Südusbekistan und Nordafghanistan (antikes Baktrien).

Abb. 5. Mutmaßliche Entwicklung der Äxte mit trapezförmiger Klinge in Gonur Depe
Zusammengestellt nach Abb. 1

Abb. 176; Axt mit leicht asymmetrischer Klinge, die zusätzlich mit einem aufgesetzten Pferdekopf verziert ist. Deren Tülle ist gerade und unten schräg abgeschnitten.

K.1.3. **Breite asymmetrische Hellebardenklinge** mit schräger Tülle mit schmaler Klingenwurzel und breitem halbmondförmigem Blatt mit gebogener Schneide, deren obere Spitze weitaus stärker ausgezogen ist als die untere. Die Klingenwurzel kann dabei genauso breit sein, wie die Tülle hoch ist, oder aber in der oberen Hälfte angesetzt sein. (Äxte 20-22) Anschließbar: Pottier, 1984, Nr. 70.

K2. Symmetrische lange schmale trapezförmige Klinge (Abb. 1, 5, 6)

K.2.1. **Gerade Schneide,** deren Klingenwurzelbreite der Höhe der Tülle entspricht (Äxte Nr. 1, 2, 3, 4, 6, 7). Dabei gibt es ganz gerade Formen und solche, bei denen die Klingenunterseite leicht eingezogen ist (Axt Nr. 7). Anschließbar: Pottier, 1984, Nr. 54-60, 74 und Sarianidi, 1977, Abb. 65.4. Weitere Exemplare finden sich im Louvre (Amiet, 1986a, Abb. 168, 169).

K.2.2. **Gewölbte Schneide.** (Äxte Nr. 8, 9, 10, 23). Anschließbar sind Pottier, 1984, Nr. 61-65, 78, 81 und Sarianidi, 1977, Abb. 64.2. Nicht ganz sicher ist die Einordnung von Nr. 78 bei Pottier, da die obere Klingenseite gerade ist. Weitere Äxte dieses Typs bei Amiet 1986 (Amiet, 1986a, Abb. 165, 166 und 170).

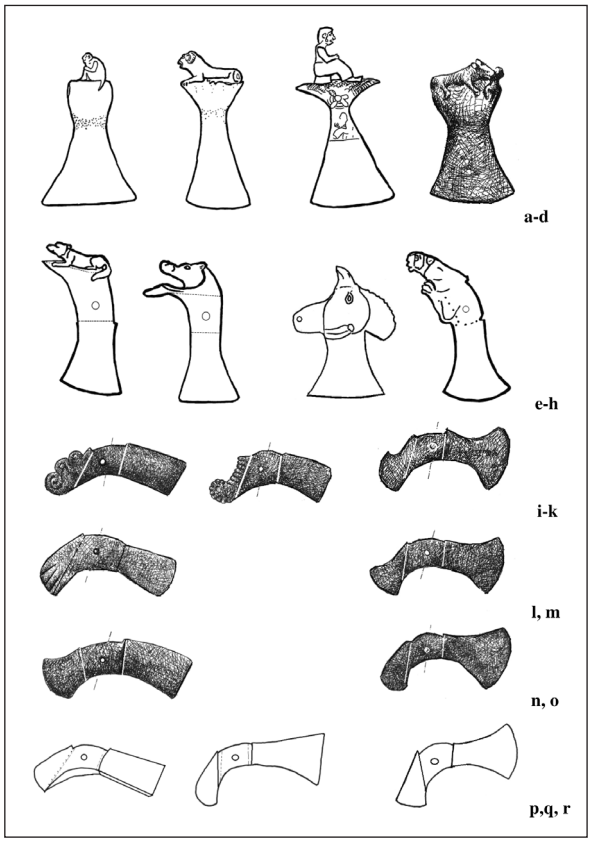

Abb. 6. Mögliche Entwicklung der Äxte mit trapezförmigen Klingen: Funde aus Afghanistan und Einordnung der Äxte aus Gonur Depe, Reihe1, a-d: Äxte mit vollständigem figürlichem Dekor, T-förmig um 2400-2300 v. Chr. Reihe.2, e-h: Äxte mit zoomorphem Nacken mit teilweise reduziertem figürlichem Dekor (um 2300-2200 v. Chr.). Reihe 3-6, i-r: Äxte mit stark stilisiertem und reduziertem Nackendekor, 2200-1900 v. Chr. g, p, q, r = Gonur Depe
Umzeichnung nach: a-c: Ligabue, Salvatori, 1988, Tf. 98, 102 und 103, d: Pottier, 1984, Nr. 81, e: Ligabue, Salvatori, 1988, Tf. 96, f: Amiet, 1986a, Abb. 169, g: Gonur Nr. 6, h: Amiet, 1986a, Abb. 170, i-o: Pottier, 1984: i = Nr. 59, j = Nr. 60, k = Nr. 63, l = Nr. 57, m = Nr. 62, n = Nr. 58, o = Nr. 61, p = Axt Gonur Depe 2, q = Axt Gonur Depe 1, r = Axt Gonur Depe 8

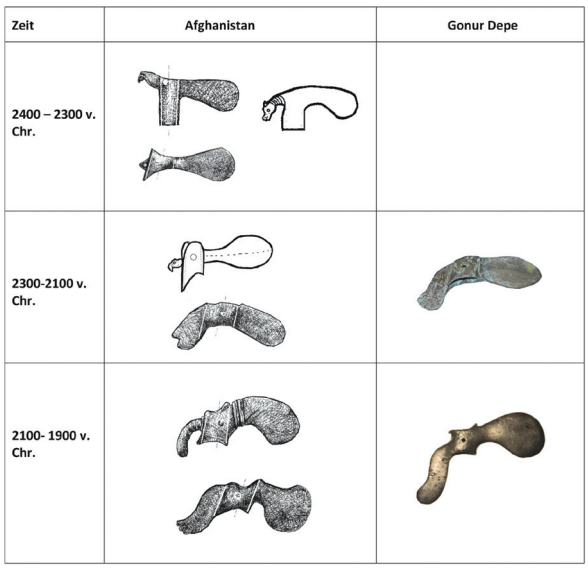

Abb. 7. Versuch der Datierung der Äxte mit runder oder ovaler Klinge in Afghanistan und Gonur Depe nach Klingen- und Tüllenformen
2400 v. Chr.: Pottier, 1984, Nr. 80, 79; Ligabue, Salvatori, 1988, S. 165, Abb. 9.b. 2300 v. Chr.: Sarianidi, 1978, Abb. 2.2; Pottier, 1984, Nr. 76, Axt Gonur Depe 11. 2100 v. Chr.: Pottier, 1984, Nr. 79, 71, Axt Gonur Depe 19

K.3. Asymmetrische trapezförmige Klinge (Abb. 1, 5, 6)

K.3.1. Gewölbte Schneide, gerade Klingenoberseite und gewölbte Klingenunterseite (Nr. 5, 17)

K.3.2. Gewölbte Schneide, gewölbte Klingenseiten, Oberseite stärker ausgezogen. (Axt Nr. 15, 17, 18). Kein vergleichbares Stück aus Afghanistan.

K.4. Eine asymmetrische ovale bis runde Klinge mit abgerundeter Schneide, deren Blatt nach unten stärker ausgezogen ist. Die sehr schmale Klingenwurzel entspringt der oberen Hälfte der Tülle (Axt Nr. 19) Vergleichbar: Pottier, 1984, Nr.71, 79[16]. Weitere Belege für diese Klingenform stammen aus dem Kunsthandel (Pittman, 1984, Nr. 33, Sarianidi, 1978, Abb. 1.3 und 2.2) (Abb. 1, 3 b, 7).

K.5. Eine symmetrische spitzovale Klinge, deren Klingenwurzelbreite der Höhe der Tülle entspricht (Axt Nr. 11). Eine ähnliche Form ist bei Sarianidi, 1977, Abb. 65.2 zu finden, hier ist das Blatt aber stärker gewölbt (Abb. 1, 3 b, 7).

K.6. Die lange schmale Klinge der Sichelschwerter mit einem gebogenen oberen Klingenteil. Anschließbar: Pottier, 1984, Nr. 23- 26 (Abb. 2c).

2. Hammerköpfe in Gonur

Es gibt nur zwei Typen in Gonur: H.1. Zoomorphe Hammerköpfe (Schläger) = Hämmer Gonur 1 und 2, und H.2. Nicht zoomorphe Hämmer, deren Schläger oval oder kugelig ist (Hämmer 3-5). Möglicherweise handelt es sich dabei um noch stärker stilisierte Hämmer, die aus dem stilisierten Typ H.1 hervorgegangen sind. Ihre Vorläufer dürften die Hämmer mit einem vollfigürlichen oder teilweise figürlichen Schläger sein (Tallon, 1987 (1), S. 136, 137, Abb. 14 auf S. 137, Typ A2b.) (Abb. 2b, 3c, 11).

3. Tüllen-Formen (Abb. 8)

T.1. Gerade Tüllen

T.1.1. Gerade obere und untere Tüllen-Öffnung und mittiges Nagelloch.

T.1.1.1. Kurze Tülle. Tüllenhöhe = Klingenwurzel (Axt Nr. 3). Keine Parallelen.

T.1.1.2. Lange gerade Röhrentülle. In Gonur nicht belegt, aber bei Objekten aus dem Kunsthandel. (Pottier, 1984, Nr. 68, 69, 78, 80, Axt aus der Sammlung Idkin).

T.1.2. Gerade Tülle mit mittigem Nagelloch. Die untere Tüllenöffnung ist gerade, die obere ist konvex geschwungen (Äxte 12-13). Keine Parallelen.

T.1.3. Gerade Tülle mit mittigem Nagelloch und leicht heruntergezogenem Nacken. Die unterer Tüllen-Öffnung ist gerade oder leicht konkav gewölbt, die obere ist konkav gewölbt. Richtung Klinge ist die obere Tüllen-Öffnung hochgezogen. Axt Nr. 19. Vergleichbare Tüllen: Pottier, 1984, Nr. 70, 71 und 79.

[16] Sarianidi, 1977b, Abb. 64.3 und 65.3 bildet eine vergleichbare Form ab, es ist aber bei der Waffe auf Abb. 65 nicht genau ersichtlich, ob es sich um einen Hammer oder eine Axt handelt.

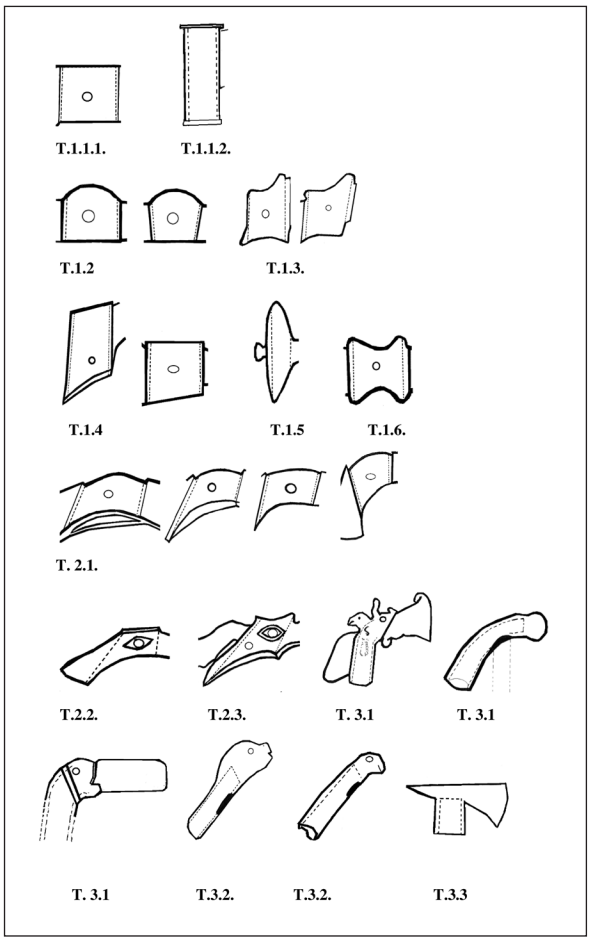

Abb. 8 Tüllenformen in Gonur Depe, Togolok 21 und im restlichen BMAC
Umzeichnungen nach: T.1.1.1 = Gonur Axt 3, T.1.1.2 = Idkin-Axt, T.1.2. = Gonur Äxte 12 und 13. T.1.3. = Gonur Axt 19 und Pottier, 1984, Nr. 70. T.1.4 = Axt mit Vogelmensch und Gonur Axt 14, T.1.5. = Axt 23 (Togolok 21), T.1.6: Pottier, 1984, Nr. 67. T.2.1. Gonur Nr. 7, 1, 2, 8. T.2.2: Axt Nr. 22. T.2.3. = Axt Nr. 21. T.3.1. = Amiet, 1986a, Abb. 107, Hammer 3 und 4 Gonur Depe. T.3.2. Hammer 1 und 2 Gonur Depe. T.3.5.: Axt Nr. 5 Gonur Depe

T.1.4. Gerade Tülle mit ausgezogenem Nacken und beidseitig schräger Tüllen-Öffnung (Axt 23 aus Togolok 21, und Pottier, 1984, Nr. 81 und 78).

T.1.5. Gerade Tülle mit schräg abgeschnittener oder konkav gewölbter unterer Tüllen-Öffnung (Axt 14, Kunsthandel: Axt mit Vogelmenschen, die mit einem Eber kämpfen (Maxwell-Hyslop, 1986, Ligabue, Salvatori, 1988, Tf. 100.)[17] und zwei von Sarianidi publizierte Äxte (Sarianidi, 1977, Abb. 65. 1, 2; Sarianidi, 1991, Abb. 6).

T.1.6. Gerade Tülle mit beidseitig konkav eingezogenen Tüllenrändern (Pottier, 1984, Nr. 67).

T.2. Schräge Tülle mit mittigem Nagelloch

T.2.1. Die obere Tüllen-Öffnung ist konvex gewölbt, die untere konkav, die Tülle ist von Klinge und Nacken abgesetzt. Mittiges Nagelloch. Die untere Tüllen-Öffnung ist weit ausgezogen und verschmilzt mit dem Nackendekor. Dies ist der in Gonur Depe und in Afghanistan am meisten bekannte Typ (Äxte 1, 2, 7, 6, 9-11 und Pottier Nr. 54-65, 72 und 76). Gleichzeitig ist dieser Typ durch die konvex gewölbte obere Tüllen-Öffnung deutlich mit dem Typ 1.2 verwandt.

T.2.2. Die obere Tüllen-Öffnung ist gerade, die untere konkav und weit ausgezogen. Das Nagelloch ist von einem Auge umgeben (Axt 22).

T.2.3. Die obere und untere Tüllen-Öffnung sind konkav. Das Nagelloch ist von einem Auge umgeben (Äxte 20, 21, Pottier Nr. 71 und 79). Verwandt mit T.1.6.

T.3. Oben geschlossene Röhrentülle

T.3.1. Gebogene Röhrentülle: Sie tritt in Gonur nur bei den Hämmern 3 und 4 auf und geht direkt in den Schläger über. Aus dem afghanischen Kunsthandel und aus Elam sind aber auch Äxte mit solch einer Röhrentülle bekannt (Ligabue, Salvatori, 1988, Tf. 98; Amiet, 1986a, Abb. 171; Sarianidi, 1991, Abb. 4 und 6) (Abb. 2b, 3c, 11).

T.3.2. Gerade Röhrentülle mit eingearbeitetem abgeschrägtem unteren Schaftloch, die gleichzeitig auch den ausgezogenen Flügelnacken bildet (Hämmer Gonur 1-3). Sie schließt typologisch an den Tüllentyp T.2 an. T.3.3. Gerade angegossene Röhrentülle (Axt Gonur 5).

4. Nacken-, Tüllen- und Klingendekor (Abb. 1, 2, 6, 9, 10)

Der Nackendekor aller Äxte in Gonur Depe (mit Ausnahme der Axt 23) ist figürlich, jedoch meist in mehr oder weniger stili-

[17] Standort: Metropolitan Museum, Harris Brisbane Dick Fund, James N. Spear and Schimmel Foundation, Inc. Gifts, 1982.5.

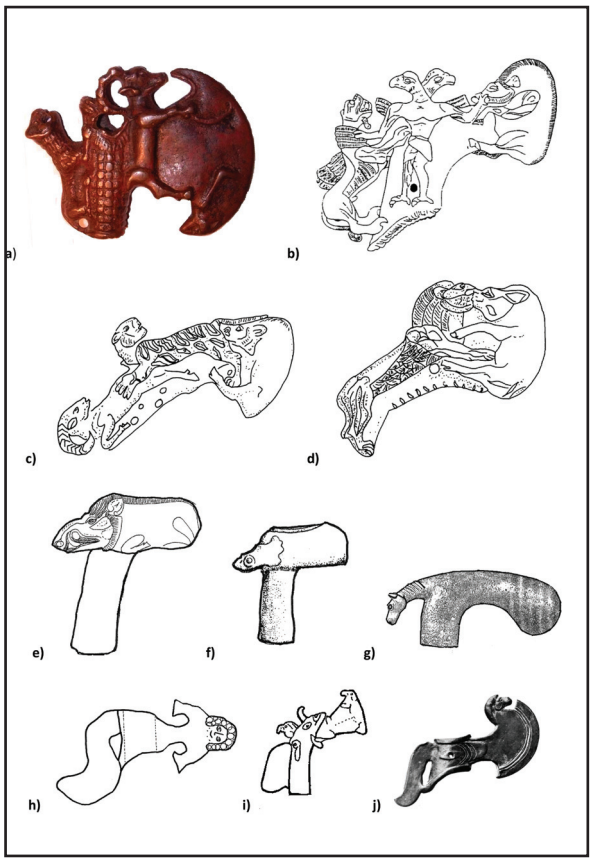

Abb. 9. Figürliche Waffen aus dem BMAC: a) Axt Privatsammlung Idkin, b) Metropolitan Museum, c) British Museum, d) Sammlung George Ortiz, e-j) Kunsthandel: e) LouvreAO 21636, g) Louvre AO 28544, i) Louvre Sb 2888, j) Louvre AO 24799, a) Foto des Autors, b) Mode 1995, Abb. 1, c-i Umzeichnungen des Autors nach: c) Amiet, 1986, Abb. 172, d) George Ortiz Collection, Internet, e) Amiet, 1986, Abb. 171, f = Tallon, 1987 (1), Abb. 14, g = Ligabue, Salvatori, 1988, S. 165, Abb. 9.b. h) = Sarianidi, 1978, Abb. 2.1., i) Amiet, 1986, Abb. 107, j) = c) Amiet, 1986, Abb.167

sierter Form. Aus dem iranischen Raum kennen wir drei Stufen des figürlichen Dekors.

D.1. Vollentwickelter figürlicher Dekor

Klinge, Klingenwurzel, Tülle und/oder Nacken bzw. der Schläger bei Hämmern sind zoomorph geformt oder mit vollständigen Figuren verziert. Für diese Form kennen wir aus dem afghanischen Bereich zwei Gruppen: Typ 1 sind T-förmige Äxte mit figürlichem Dekor auf dem Nacken (Abb. 6). Bei Typ 2 bilden szenische Darstellungen Klinge, Nacken, Schläger oder den Dekor. Zu diesen oft abgebildeten und diskutierten Waffen gehört die Axt mit einem Vogelmenschen im Kampf mit einem Eber und einem Drachen, wobei der Eber die Klinge bildet, der Vogelmensch in zweifacher Ausführung die Tülle ziert und auf dem Nacken der Löwendrachen steht (Abb. 10b). Diese Axt hat eine lange gerade Tülle, deren unteres Schaftloch schräg abgeschnitten ist. Eine zweite Axt zeigt einen Tiger, der über Klingenwurzel und Nacken gearbeitet ist und einen Steinbock reißt, während er von einem Eber angegriffen wird (Amiet, 1986a, Abb. 172.)[18] (Abb. 10c). Der Steinbock verschmilzt mit dem langgezogenen Nacken, während der

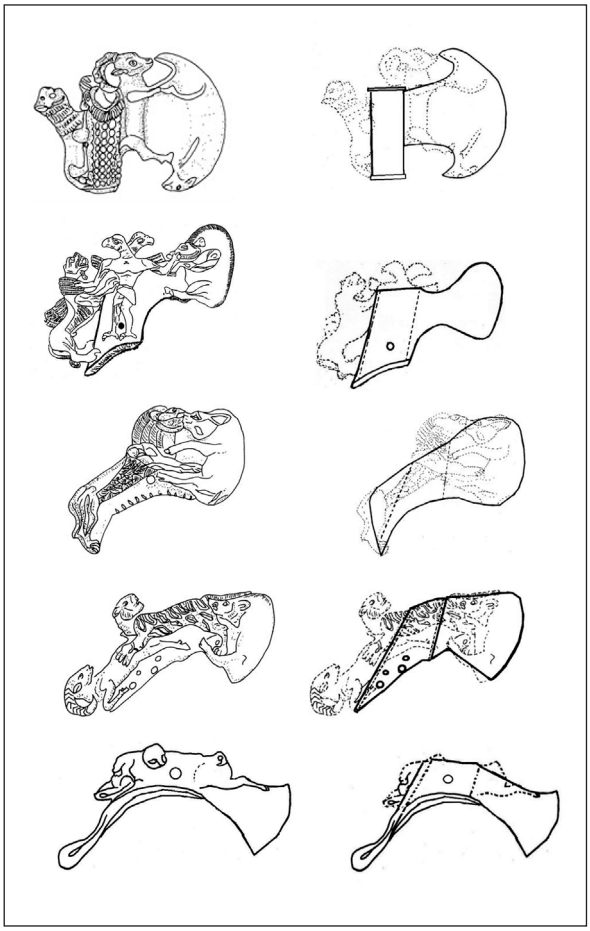

Abb. 10. Mögliche Entwicklung figürlicher Zeremonialäxte des BMAC von der Röhrentülle zur schrägen Schäftung. 1. R.: Axt Privatsammlung. 2. R. Metropolitan Museum. 3. British Museum, 4. R. George Ortiz-Sammlung, 4. Reihe: Gonur Depe
Umzeichnungen der Autorin nach: a) eigenes Foto, b) Mode 1995, Abb. 1, c) Internetphoto auf der Web-Seite der George Ortiz Collection, d) Amiet, 1986a, Abb. 172, e) Gonur Depe Axt 9

[18] Standort: Britisches Museum, London.

Eber die Klinge bildet. Die dritte Axt zeigt einen Eber, der die Klinge formt, im Kampf mit einem Löwen, der über Tülle und Nacken gearbeitet ist[19] (Abb. 10d). Beide Äxte haben eine langgezogene schräge Schäftung, die mit dem aufgearbeiteten Tier verschmilzt. Zu diesen Äxten gehört auch eine hier erstmals besprochene Axt aus der Sammlung Idkin[20] (Abb. 9a, 10a). Hier wird die Klinge von einem Mungo gebildet, die Klingenwurzel aus einem Steinbock, auf dem Nacken befindet sich ein liegender Löwe und die lange Röhrentülle stellt einen stilisierten Schlangen- oder Drachenkopf dar. Zu dieser Gruppe gehört auch eine Axt mit Röhrentülle, bei der die Tülle aus einem Löwendrachen gebildet wird, der eine figürliche Klinge in Form eines liegenden Schafs ausspuckt (Amiet, 1986a, Abb. 171.), (Abb. 9i) und ein Hammer, dessen Schläger in Form eines Ebers gearbeitet ist[21] (Abb. 9e). Nach der Form der langen Röhren-Tülle gehört die Axt der Sammlung Idkin zur ältesten Form, gefolgt von der Axt mit dem Vogelmenschen, während die Äxte mit der schrägen Schäftung zur jüngeren Gruppe der figürlichen Äxte zählen. Beispiele für diesen Typ in Gonur sind die Äxte Gonur 6 (Hahnenkopf / Fischschwanz) und 9 (Eber und Schlange). Die Axt Gonur 9 schließt mit ihrer schrägen Schäftung und der figürlichen Gestaltung von Nacken, Tülle und Klingenwurzel direkt an diese jüngste Form an (Abb. 10).

D.2. Teilweise figürlicher Dekor

Nach der iranischen Entwicklung folgen darauf Äxte mit Tierprotomen, deren Nacken in Form eines Eber-, Tiger-, Pferde- oder Raubvogelprotoms gestaltet ist (Amiet, 1986a, Abb. 169, 170; Pottier, 1984, Abb. 13.80; Pittman, 1984, Nr. 32 = Amiet, 1986b, Abb. 7.3 = Louvre Nr. AO 28544) (Abb. 9f, g). Schließlich gehört auch die afghanische Axt mit der Klinge in Form einer Frauenbüste dazu, bei der Kopf und Brust das Blatt, die Arme die Schneidene-Enden bilden (Sarianidi, 1982, Abb.4.1; Sarianidi, 1977, Abb. 67) (Abb. 9 h). Dieser Stufe entspricht in Gonur Depe die Axt 6, deren Nacken einen Hahnenkopf darstellt.

D.3. Dekor mit einzelnen zoomorphen Elementen

In dieser Stufe finden sich an den Nacken angegossene stilisierte Flügel oder Schwänze von Vögeln oder Pferden (Amiet, 1986a, Abb. 167)[22], bzw. einzelne Tierköpfe auf der Klinge oder auf den Tüllenrändern, die die Klinge oder das Schaftloch zieren (Abb. 9j). Dies ist der häufigste Typ des zoomorphen Dekors, den wir aus Gonur Depe und Togolok kennen.

Die ältesten Äxte Gonur 12, 13 und 14 besitzen einen senkrecht fallenden Flügel, der in einer Spirallocke endet und an der gesamten Breite der Tülle ansetzt. Federn sind durch Ritzungen (Nr. 12) oder einen Wellenrand (Nr. 14) angedeutet. Anschließen lässt sich hier Axt Gonur 11, deren zweigeteilter Flügel schräg vom Nacken weggeht. Vergleichbar sind Pottier 1984, Äxte 59 und 60. Axt Gonur 20 hat einen zweifach gebogenen Flügel mit Wellenrand an der Unterseite, der in der Mitte des ausgezogenen Nackens angesetzt ist. Axt Nr. 19 wiederholt den doppelt geschwungenen Flügel, jedoch ohne Andeutung von Federn. Der Flügel selbst ist am unteren Ende der Tülle befestigt. Hier lassen sich zwei Äxte aus dem Kunsthandel sowie die Axt Gonur 15 anschließen (Sarianidi, 1977, Abb. 64.2 und Abb. 65.1). Bei allen anderen Äxten verschmilzt der Flügel mit dem weit ausgezogen unterem Schafloch zu einem langrechteckigen oder trapezförmigen Auswuchs, der am Ende nach innen gewölbt, nach außen gewölbt oder gerade abgeschnitten sein kann (Äxte Gonur

[19] Sammlung George Ortiz, Near East Nr. 014 bis, fälschlicherweise als sumerisch beschrieben

[20] Publikation mit Erlaubnis des Besitzers.

[21] Obwohl in Susa gefunden, gehört er wegen des Löwendrachens zum BMAC.

[22] Die Axt aus Afghanistan, deren Klinge mit einem Pferdekopf bekrönt ist und deren Blatt damit den Pferdekörper darstellt, besitzt auf dem Nacken einen stilisierten Schwanz, der auch einen Pferdeschwanz darstellen könnte. Louvre AO 24799.

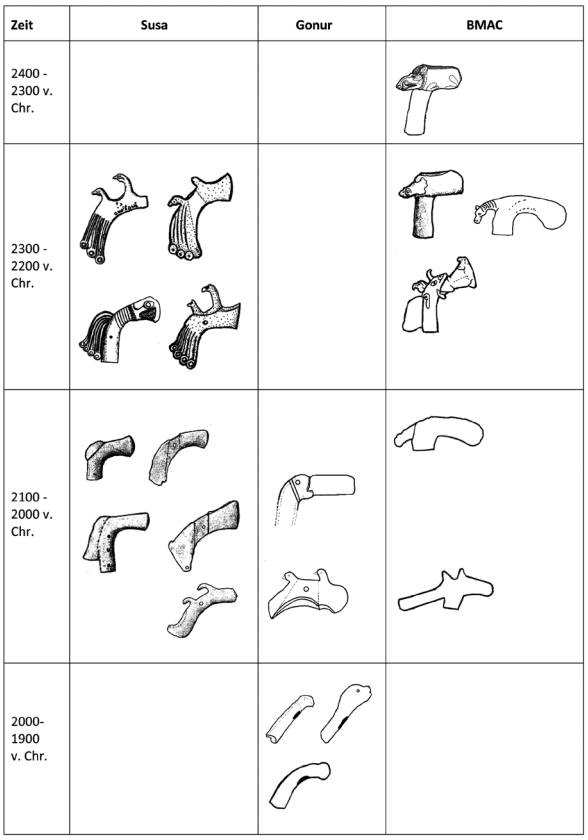

Abb. 11. Hämmer und Äxte mit Röhrentülle oder schräger Schäftung in Susa undGonurDepe und vergleichbare Funde im BMAC

Umzeichnungen nach: 2400 v. Chr.: BMAC: Amiet, 1986a, Abb. 171.2300 v. Chr., Susa: Tallon, 1987 (2), Nr. 195; Calmeyer, 1969, Abb. 39, 38, BMAC: Tallon, 1987 (1), Abb. 14; Ligabue, Salvatori, 1988, S. 165, Abb. 9.b.; Amiet, 1986a, Abb. 107. 2100 v. Chr. , Susa: Tallon, 1987, 189, 193, 190. 194, 196, Gonur: Hammer 4, Axt 10, BMAC: Sarianidi, 1978, Abb. 2.3, 2.5

1, 2, 3, 7, 0, 10, 15, 21 und 22) (Abb. 3 a) Diese Form des stark stilisierten Flügelnackens ist charakteristisch für die Äxte aus Gonur Süd und gehört damit zu den jüngsten Formen.

Die Entwicklung in Gonur dürfte daher vom vertikal herabhängenden Flügel über den schräg angesetzten Flügel, der nicht die gesamte Nackenbreite einnimmt (Äxte Gonur 11, 15, 18, 21), zu einem unverzierten stumpfen oder leicht gewölbten Auswuchs gehen, der mit dem Nacken verschmilzt. (Äxte Gonur 1-3, 7, 8, 10, 15, 21, 22). An diese Gruppe schließen sich die Hämmer mit schräger Schäftung nahtlos an (Hämmer Gonur 1, 2 und 3).

Nur Axt 10 besitzt eine separate Verzierung des oberen Schaftlochrandes durch zwei längere Vorsprünge mit kugeligem Ende, die leicht schräg nach hinten gerichtet sind[23]. Aus der Kenntnis elamischer Äxte darf man sie als stilisierte Tierköpfe deuten (Abb. 11).

Sichelschwerter

Die beiden Typen der Sichelschwerter aus Gonur (Abb. 3c) besitzen Parallelen in vier Exemplaren aus dem afghanischen Kunsthandel, die von M.-H. Pottier 1984 als Nr. 23-26 publiziert und besprochen worden sind[24] (Abb. 12d). Nr. 23 hat einen kurzen Schaft aus dem eine lange leicht gebogene Klinge erwächst, die sich am Ende stärker krümmt und verbreitert. Das verbreiterte Ende ist vertikal abgeschnitten, so dass sich am Ende eine gerade Kante bildet. Ähnlich ist Nr. 26 geformt: Der Schaft geht in eine breite Klinge über, die weitgehend gerade verläuft, bevor sie sich am Ende leicht biegt. Hier ist das Ende schräg abgeschnitten. Nr. 24, wiederum mit kurzem Schaft, hat ein sehr langes gerades Klingenunterteil, bevor sich die Klinge am Ende verbeitert und biegt. Das Ende der Klinge ist breit, mit abgerundeter Schneide. Nr. 25 hat eine breite gerades Klinge, die sich nur am Ende wölbt und dreieckig verbreitert. Die gesamte Klinge ist bis zum Nacken mit Riefen verziert. Mit Nr. 24 und 25 haben wir die Gegenstücke zu den drei Sichelschwertern aus Gonur Depe. Die Sichelschwerter 1 und 2, mit ihren gleichmäßig gebogenen Enden und gewölbter Schneide sind vergleichbar mit Nr. 24. Das Sichelschwert 3 mit der extrem langen dreieckigen Klingenspitze schließt sich an Nr. 25 mit der geraden Schneide und dem dreieckigen Klingenende an, jedoch ist das dreieckige Ende in Gonur Depe noch viel weiter ausgezogen. Nr. 23 und 26 bilden einen eigenen Typ 3.

[23] Ein Hammer aus dem Kunsthandel weist dieselben stark stilisierten Auswüchse auf. Sarianidi, 1977, Abb. 65.5.

[24] Nr. 23: Silber, 24 cm lang, Nr. 25 und 26 Bronze, je 50 cm lang und Nr. 26 Bronze, 42 cm lang.

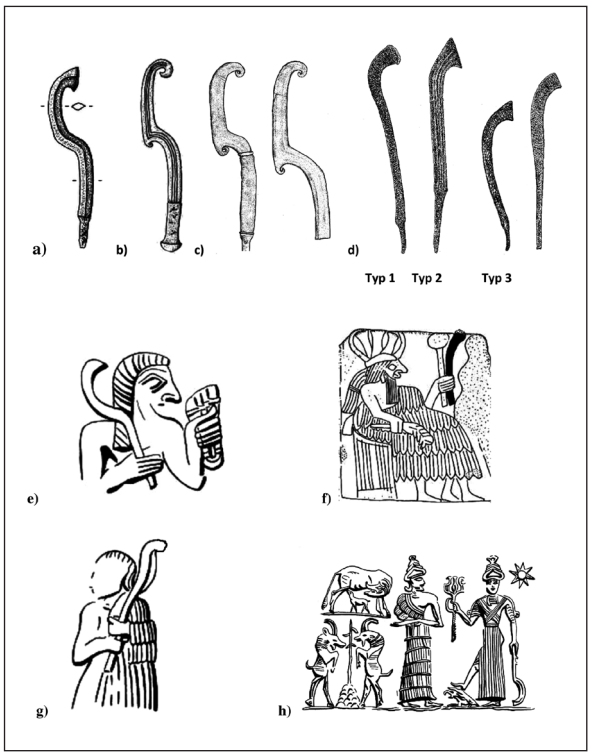

Abb. 12. Sichelschwerter a) Sichelschwert aus Tell Loh, um 2400 v. Chr. b) Sichelschwert aus Tell Loh, um 1740 v. Chr., c) Sichelschwerter aus Susa, d) Sichelschwerter aus Afghanistan, e) Abbildung eines Sichelschwerts, Tell Loh, um 2400 v. Chr., f) Abbildung eines Krummstabs, Chafadschi FD III, um 2400 v. Chr., g) Sichelaxt, akkadzeitlich, Stele des Sargon, h) Altbabylonisches Siegel, Ischtar mit Sichelschwert.
a) Massafra, 2012, Tf. I, M.1, b), ibid, Tf. I, M2, c) Tallon, 1987 (2), Nr. 100 und 101, d) Pottier, 1984, Nr. 23-26, e-h), Keel, 1974, Abb. 6, 14, 7, 4

Die Entwicklung der Waffen in Mesopotamien und Iran bis zur Altbabylonischen Zeit

Um die Waffen in Gonur einzuordnen, ist ein kurzer Blick auf die Entwicklung der Waffen, Klingen und Tüllen in Mesopotamien und Iran notwendig. In diesem Raum entwickeln zwei unterschiedliche Formenprovinzen, die mesopotamische und die iranische. Sie überschneiden sich bis zur Akkadzeit teilweise im Südwestiran (Luristan und Khuzistan), da der Ursprung der meisten Formen im Iran zu suchen ist. Die Waffenprovinz 2 erstreckt sich vom Südwestiran über das iranische Plateau bis nach Mittelasien. Die für diese Provinz typischen Waffen verbreiten sich nicht nach Mesopotamien, während neue Entwicklungen in Mesopotamien auch in der Susiana fassbar sind. Daher konzentriere ich die Untersuchung auf den Vergleich mit den Waffen des Irans.

1. Waffenformen in Südwestiran (Abb. 13)

In der Frühdynastisch II und III- Zeit sind in der Susiana, in Luristan und in

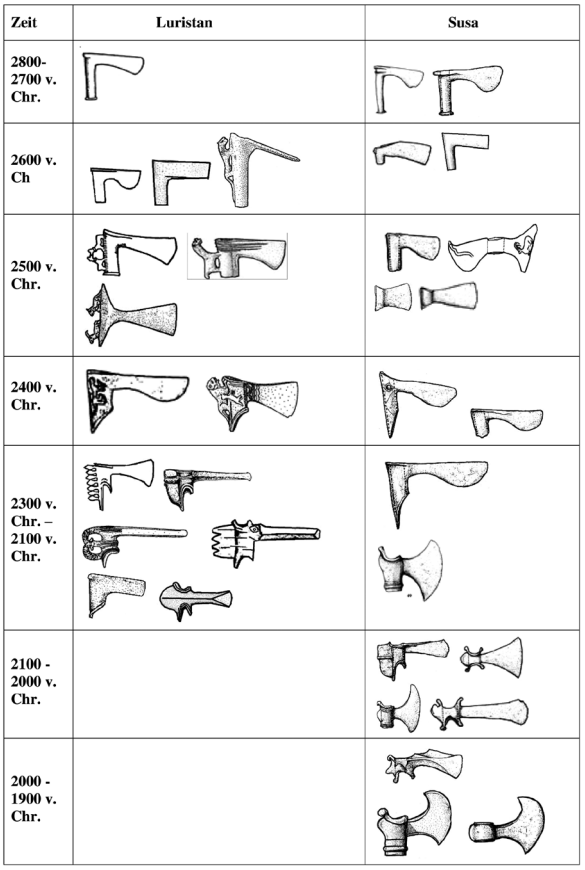

Abb. 13. Äxte aus Susa und Luristan zwischen 2500 und 1900 v. Chr.
2800 v. Chr.: Luristan: Deshayes, 1960. Nr. 1278. Susa: Tallon, 1987 (2),Nr. 37, 36. 2600 v. Chr.: Luristan: Van den Berghe, 1973, Abb. auf S. 27,9; Calmeyer, 1969, Abb. 3; ibid., Abb.134. Susa: Tallon, 1987 (2),Nr. 69,7. 2500 v. Chr., Luristan: Deshayes, 1960, Nr. 1371; Calmeyer, 1969, Abb. 35; Nagel, 1963, Nr. 121. Susa: Tallon, 1987 (2), Nr. 34; Tallon, 1987 (1), Abb. 6; Tallon, 1987 (2), Nr. 73, 72. 2400 v. Chr., Luristan: Deshayes, 1960, Tf. LXIV, Nr. 12; Calmeyer, 1969, Abb. 7. Susa: Tallon, 1987 (2), Nr.39, 40. 2300 v. Chr., Luristan: Godard, 1931, Abb. 24; Calmeyer, 1969, Abb. 34, 35; Moorey, 1971, Abb. 4.5; Calmeyer, 1969, Abb.32.1, Abb. 137. Susa: Tallon, 1987 (2), Nr. 41, 49. 2100 v. Chr. Susa: Tallon, 1987 (2), Nr. 43, 44, 51, 45. 2000 v. Chr., Susa: Tallon, 1987 (2), Nr. 68, 65, 66

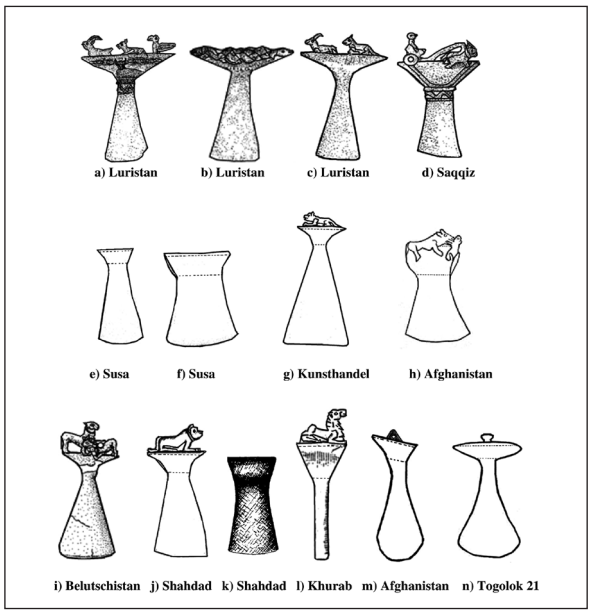

Abb. 14. T-förmige Äxte aus dem Iran und dem BMAC
Umzeichnungen des Autors nach: Nagel, 1963, Nr. 121; Calmeyer, 1976, Abb. 8; Amiet, 1976, Tf. 16; Deshayes, 1960, Tf. LXVI.5; Tallon, 1987 (2), Nr. 72, 73; Amiet, 1986a, Abb. 121; Pottier, 1984, Nr. 81; Calmeyer, 1969, Abb. 156; Hakemi, 1997, Gp 9, Gp 3; Zeuner, 1955. Abb. 1; Pottier, 1984, Nr. 78, Axt 23 (Togolok 21)

Mesopotamien Bauchklingenäxte als frühester Typ belegt. Sie besitzen eine gerade obere Klingenseite, die mit einem geraden oberen Tüllenrand abschließt. Die Unterseite der Klinge ist vorn bauchförmig gewölbt und wird zur Klingenwurzel schmal. Diese Äxte haben eine lange Röhrentülle, die oben und unten gerade angeschnitten ist und unten oft einen Wulstrand besitzt. Diese lange zylindrische Tülle ist auch für alle anderen zeitgleichen Äxte, Hacken und Pickel charakteristisch[25]. Die Bauchklingen in Khuzistan und in Luristan erhalten zunehmend einen größeren Bauch und die Klingenunterseite wird weiter nach unten ausgezogenen. Die Schneide wird dadurch deutlich länger, weniger gebogen und erhält eine untere Spitze. Dieser Typ verliert sich mit der Akkadzeit.

Auch Äxte mit einfacher rechteckiger Klinge gehören zu den frühen Axtformen in den beiden Provinzen, wobei dieser Typ besonders in der Susiana in der FD III-Zeit auftritt[26]. Bei diesen Äxten, wie auch bei Pickeln und Hacken, verändert sich etwa ab 2500 v. Chr die Tülle: Sie wird kürzer[27] und die untere Tüllen-Öffnung wird schräg abgeschnitten und erscheint mit einem lang herabgezogenen Nacken[28]. In Mesopotamien können die Ränder der unteren Tüllen-Öffnung spätestens mit der frühen Akkad-Zeit auch gewölbt geformt sein[29]. In Khuzistan und Luristan finden sich Ende der frühdynastischen Zeit auch erste annähernd trapezförmige Klingen

[25] Vergleichbar: Tallon, 1987 (2), Nr. 1-19, 531-541; Deshayes, 1960, Nr. 1846, 1848-1851, 1856, 3071, 1305, 1306; Godard, 1931, Abb. 25; Woolley, 1934, U 11881, U 12484, U 12232, U 9887, U 7861; Moorey, 1971, S. 13, Abb. 1; Godard, 1965, Abb. 97.

[26] Siehe Tallon, 1987 (2), Nr. 1-18; Deshayes, 1960, Nr. 1267 Datierung 25. und 24. Jh. v. Chr. Möglicherweise wurde dieser Typ in Südwest-Iran entwickelt, stammen doch die frühesten datierten Stücke, aus der Zeit um 2800/2700 v. Chr., aus Susa. Siehe Calmeyer, 1969, Gruppe 2, Typ A 4, Abb. 4; Tallon, 1987 (2), Nr. 34-37, 93. Datierung Nr. 36 und 37 = 28. Jh. v. Chr., vergleiche ebenda, S. 10. Älteste Funde aus: Takht-i Khan: Van den Berghe, 1973, Abb. 27. 9, Dar Tanha: Van den Berghe, 1972, Abb. 6.1, 2; Deshayes, 1960, Nr. 1278, 3072, 3073, 971, Abb. 36. Von hier aus dürften sie sich nach Mesopotamien verbreitet haben, falls sie nicht direkt im Iran für Mesopotamien gefertigt wurden. Nagel, 1963, Tf. LXXXI. 10, 11 Fundort Ur: U PG 755, PG 1885, siehe Woolley, 1934, Tf. 155 b = U 10025 und Tf. 147, U 17912.

[27] Vergleiche Tallon, 1987 (2) Nr. 21-33; Deshayes, 1960, Nr. 1288, 1288, 1289, 1292, 1295, 1371, 1377, 3066, 3067, 3068; Woolley, 1934, U 6927; Moorey, 1971, Abb. 4, Abb. 5; Nagel, 1964, Tf. 66. 5, 6, 7; Nagel, 1963, Tf. LXXII. 11, 12.

[28] Siehe Woolley, 1934, A.2.a, b, U 7851, U 9330; Tallon, 1987 (2), 39; Deshayes, 1960, Nr. 1282, 1283, 1286, 1287, 1312, 1318, 1319, 1327, 1329, 1324, 1327, 3066-3068, 3076; Calmeyer, 1969, Abb. 5, Abb. 7; Maxwell-Hyslop, 1949, Tf. XXXVI,8; Nagel, 1964, Tf. 66. 2-4; Nagel, 1963, Tf. LXXI. 15. Luristan: Deshayes, 1960, Nr. 3066, 3067, 3068, 1290, 1292, 1293, 1305, 1306; Moorey, 1971, Abb. 3-5, Susa: Tallon, 1987 (2), Typ 2 a, b: Nr. 21-30.

[29] Siehe Woolley, 1934, Typ A. 1 a, b, schwach gewölbt, A.3 a, b, c starker gewölbt, U 8115, U 7987, 8425, 11867, 8065; Deshayes, 1960, Nr. 1325; Tallon, 1987 (2), Nr. 41, 42.

mit einer kurzen und leicht gewölbten symmetrischen Schneide, die wahrscheinlich auf den Typ der T-förmigen Äxte aus Südost-Iran zurückgehen (Abb. 14). Diese Klingenform wird hier mit der gerade oder schräg abgeschnittenen langen Tülle kombiniert[30].

Die Äxte mit trapezförmiger Klinge werden ab der Akkadzeit zur typischen Form in Mesopotamien und in der Susiana. Dabei vollzieht sich eine deutliche Entwicklung in der Tüllengestaltung: Die traditionelle lange Tülle mit oben gerader und unten schräg abgeschnittener Öffnung erhält zunächst eine immer stärker konkav gewölbte, oft weit ausgezogene untere Tüllen-Öffnung[31], zu der noch in der Akkadzeit auch eine konkav gewölbte obere Tüllen-Öffnung kommt. Diese tritt besonders typisch bei den in Luristan und Chuzistan nachgewiesenen Äxten vom Naramsin-Schudurul-Typ auf[32]. Diese Äxte mit langer gerader oder trapezförmiger Klinge haben oben und unten konkav eingezogene Tüllen. Der untere Tüllennacken wird zunehmend länger und anstelle der vorher vollplastischen und figürlichen zoomorphen Verzierung treten zunehmenden abstrakten Nackenverzierungen: ein Nackengrat, ein Nackenkamm, der sich wahrscheinlich aus abstrahierten Tierköpfen entwickelt[33], oder ein besonders stark ausgeprägter Nackenbuckel. Diese Entwicklung lässt sich im letzten Drittel des 3. Jt.s v. Chr. auch bei den besonders zahlreich aus Luristan und Khuzistan bekannten Pickeln und Scheinpickeln nachweisen[34]. Zum Ende des 3. Jt.s v. Chr. dominieren weiterhin Äxte mit trapezförmiger symmetrisch ausschwingender Klinge. Sie werden mit jener Tüllenform kombiniert, die für die Naramsin-Schudurul-Äxte typisch ist, mit der kurzen Tülle mit beidseitig konkav eingezogenen Tüllen-Öffnungen und kurzem Nackenbuckel. Die Ränder dieser Öffnungen sind aber wulstförmig verdickt und nach außen gerollt und bilden in dieser Form die sogenannte „barocke Tülle“[35]. In alter iranischer Tradition sind sie oft zusätzlich noch mit zoomorphen Elementen versehen.

Daneben treten in Susa seit der späten Akkadzeit Hellebardenäxte mit einer asymmetrischen Hellebardenklinge auf, bei der die Klinge nach oben breiter und stärker geschwungen ist und die Klingenwurzel im oberen Drittel der Tülle ansetzt (Abb. 13 unten). Da sie keine Vorläufer in Susa besitzen, dürfte es sich um eine Übernahme aus dem Südostiran handeln. Sie werden kombiniert mit einer neuen Tüllenform, die sich in der späten Akkadzeit in Susa entwickelt: die untere Tüllenöffnung ist gerade, die obere ist konkav eingezogen und mit einem Wulstrand versehen, wobei der hinteren oberen Nackenrand hochgezogen wird. Er kann in einen Vogelkopf oder einer Volute enden. Diese Hellebardenäxte haben manchmal einen Nackenwulst oder eine figürliche Verzierung, z.B. einen Flügel[36]. Diese Tüllen-Form, kombiniert mit der asymmetrischen Hellebardenklinge, wird spätestens Ende des 3. Jt.s v.

[30] Vergleiche Calmeyer, 1969, Gruppe 3, Abb. 7; Maxwell-Hyslop, 1949, Tf. XXXVI, 8, Amiet, 1976, Nr. 7.

[31] Godard, 1931, Abb. 23, 24; Deshayes, 1960, Nr. 3082; Nagel, 1963, Tf. X. 22, 23; Amiet, 1976, Abb. 5, Nr. 10, 11.

[32] Siehe Calmeyer, 1969, S. 27, Abb. 25 und 26; Amiet, 1976, Nr. 12.

[33] Godard, 1931, Abb. 24, siehe auch Calmeyer, 1969, 131, Abb. 136, Pickel mit beidseitig konkav eingezogenen Schaftlochöffnungen und drei Vogelköpfen im Nacken.

[34] Godard, 1931, Abb. 87, Abb. 22; Godard, 1965, Abb. 84, 85, 86; Nagel, 1963, Tf. X, 22, Tf. LXXI. 12, 13 14; Moorey, 1971, Abb. 10.32, 33, 34; Deshayes, 1960, Nr. 1350, 3114; Calmeyer, 1969, Gruppe 15, Abb. 34, 35.

[35] Calmeyer, 1969, 41, 42; Tallon, 1987 (1), 81, 82; Tallon, 1987 (2), Nr. 68; Deshayes, 1960, Nr. 1421, 1422, 1425.

[36] Tallon, 1987 (2), Nr. 49, 60, beide datiert um 2300 v. Chr. Ebenda, 12.

Chr. in Khuzistan zu einer Axt-Form, die auch als Attahuschu-Axt bekannt wurde, die Zeremonial-Axt der altelamischen Könige[37].

In der Akkadzeit erscheinen in Susa neben Äxten auch Schaftloch-Hämmer mit Flügelnacken und schräger Schäftung[38]. Darunter finden sich auch detailliert ausgearbeitete Exemplare mit Spirallocken, wie der sogenannte Schulgi-Hammer, auf den der sumerische König Schulgi (2093-2043 v. Chr.) eine Inschrift aufbringen ließ (Tallon, 1987 (2), Nr. 195) (Abb. 11). Tallon datiert alle diese figürlich gearbeiteten Waffen um 2300 v. Chr. (Tallon, 1987 (2), Nr. 191-194), doch zeigt der Schulgi-Hammer, dass diese Form auch noch im 21. Jh. v. Chr. verwendet wurde. Einige dieser Hämmer haben an der oberen Schaftlochöffnung angesetzte Tierköpfe, die typologisch an die aufgesetzte figürliche Verzierung auf der Hellebardenaxt aus Khinaman anschließen und die Vorläufer der Axt Gonur 10 sind (Tallon, 1987 (2), Nr. 191-194)[39]. An die figürlich verzierten Hämmer schließen sich stark stilisierte Äxte und Hämmer an, die Tallon als Ur-III-zeitlich einordnet. Deren Tüllenöffnungen sind beidseitig schräg nach unten abgeschnitten sind und die Tülle ist von Klinge und Nackendekor abgesetzt (Tallon, 1987, Nr. 193, 194) (Abb. 11).

Ebenfalls um und nach 2300 v. Chr. tritt in Susa der Typus der Axt oder des Hammers mit gebogener Röhrentülle auf (Tallon, 1987, Nr. 190-192). Die ältesten Stücke zeigen dabei eine deutlich zoomorph gestaltete Form. Zu diesen Waffen gehört als wohl bekanntester Vertreter ein silberner Zeremonial-Hammer, der die Form eines Mischwesens, einer geflügelten Schlange angenommen hat (Tallon, 1987 (2), Nr. 191) (Abb. 11 oben rechts). Aus Schichten des 23. Jh.s v. Chr. stammt auch eine vergleichbare Axt mit gebogener Röhrentülle, die Tiere miteinander kombiniert (Tallon, 1987 (2), Nr. 192): Die Röhre formt sowohl den Leib eines Adlers mit erhobenen Fängen als auch den Leib eines geflügelten, gehörnten und bärtigen Drachens, aus dessen aufgerissenem Maul eine trapezförmige Klinge entspringt. Stilistisch scheint diese Axt aber wegen des typischen Drachens eher ein Produkt des BMAC zu sein und muss ein Import aus Mittelasien betrachtet werden. Gleichwohl lässt sich festhalten, dass die Hämmer dieses Typs mit gebogener Röhrentülle und mit deutlich stilisiertem Flügel in Susa auch im 21. Jh. v. Chr. nachgewiesen sind (Tallon, 1987 (2), Nr. 189, 190)[40] und auch Kult-Äxte dieses Typs noch in der altelamischen Periode genutzt werden. So zeigt das um 1900 v. Chr. datierte altelamische Rollsiegel des Kuk-Simut die Übergabe einer Axt mit gebogener Röhrentülle, geflügeltem Nacken und – neu – mit einer Hellebardenklinge an den König (Amiet, 1976, 20, Abb. 21).

Sichelschwerter (Abb. 2 c, Abb. 12)

Sichelschwerter sind eine besondere Form von Kultwaffen, die aus dem Vorderen Orients als Waffe von Göttern wie als Königs-Insignie belegt ist. Ihre besondere Form wird auf zwei Vorläufer zurückgeführt: das sumerische Krummholz, eine Insignie der frühdynastischen sumerischen Könige, wie sie auf der Siegesstele des Eannatum, von Lagasch (Girsu) und auf und verschiedenen Weihplatten zu sehen ist[41] (Abb. 12e, f), und auf die Sichelaxt (Abb. 12g)[42]. Keel

[37] Tallon, 1987 (2), Nr. 46-67; Nagel, 1963, Tf. X. 24, Tf. LXXI. 1, 3-8.

[38] Tallon, 1987 (2), Nr. 195, 196. Ein weiteres Exemplar: Rickenbach, 1992, Nr. 1.

[39] Calmeyer, 1969, Gruppe 18, Abb. 38, 39; Amiet, 1976, Abb. 8, Nr. 17; Tallon, 1987 (2), Nr. 195, 196. Hier erfolgte die Reduktion von der vollplastischen Tierdarstellung auf die Darstellung nur eines Körperteils.

[40] Ein weiteres Exemplar: Rickenbach, 1992, Nr. 3.

[41] Siehe Orthmann, 1985, Abb. 89 b, Geierstele aus Girsu um 2470 v. Chr. und Abb. 99 b, Weihplatte FD III, Boese, S. 178, Tf. 12.2 (CN 6) Stele des Sargon, ca. 2340 v. Chr.

[42] Diskussion bei Keel, 1974, S. 27-29.

setzt die Ablösung der Sichelaxt durch das Sichelschwert in die Zeit um 2400 v. Chr. (Keel, 1974, S. 28), denn die frühesten vorderasiatischen Belege für Sicheläxte aus Tell Loh stammen aus dieser Zeit[43] (Abb. 12a). Auf akkadischen, neusumerischen und altbabylonischen Siegeln erscheinen sie sehr oft als Insignie der kriegerischen Ischtar[44]. (Abb. 12h) Anfang des 2. Jt.s v. Chr. erreichen Sichelschwerter auch den syrischen Raum[45]. Die drei ältesten dort gefundenen Sichelschwerter stammen aus den Fürstengräbern von Byblos (ab 1740 v. Chr.). Schließlich verbreitete sich diese Waffe auch bei den Ägyptern und Hethitern.

Im Iran sind bisher zwei typologisch gleiche Sichelschwerter aus Susa belegt, die Mecquenem gefunden hat (Mecquenem, 1943, Abb. 67.36 und Abb. 73. 6) (Abb. 12c). Sie besitzen eine zweigeteilte Klinge mit geradem Unterteil, dessen Biegung direkt einen fast geraden Klingenteil übergeht, dessen Spitzen eingerollt sind. Prinzipiell ähnelt das Oberteil damit einer sehr langgezogenen asymmetrischen Hellebardenklinge. Die Datierung der beiden Sichelschwerter ist unklar[46]. Am ehesten entsprechen sie in der klaren zweiteiligen Form und besonders mit den eingerollten Enden der Klinge denen aus Byblos, Tell Loh und Tell ed-Daba bekannten Sichelschwertern aus dem 18. und 17. Jh. v. Chr. (Massafra, 2012, Abb. 3.1., b-e).

2. Die Entwicklung in Südostiran, Afghanistan, Belutschistan

Zu den charakteristischen Klingenformen dieses Raumes gehören die Hellebardenklinge und die trapezförmige Klinge, zu den auffallendsten Formen der Nacken-Gestaltung gehört der Flügelnacken, zu den charakteristischen Tüllen-Formen die Tülle mit extrem breiter und weit ausgezogener unterer Tüllen-Öffnung, die sich aus einer spezifischen Form der schrägen Schäftung ergibt. Daraus erwachsen die typischsten Waffen dieses Bereichs, T-förmigen Äxte, Flügelnackenäxte mit Hellebardenklinge, sowie die verwandten Hämmer mit Flügelnacken. Die Susiana ist die westlichste Ausbreitungsgrenze dieser neuen Waffen.

T-förmige Äxte (Abb. 14)

T-förmige Äxte besitzen eine lange trapezförmiger Klinge mit schmaler Klingenwurzel und einem sich zur Schneide deutlich verbreiternden Blatt. Die Schneide ist überwiegend gerade oder leicht gebogen[47]. Auffallendstes Merkmal der Axt ist die Tüllen-Gestaltung. Die Tüllen-Öffnungen sind zur Klingenwurzel schräg abgeschnittenen, so dass die Tülle an der Klingenwurzel nur schmal, im Nacken aber weit ausgezogen ist. Der ausgezogene Nacken bildet dabei gleichsam den Querstrich des Ts, die Klinge das Bein. Diese Äxte entwickeln sich aus den einfachen unverzierten Tüllenäxten mit trapezförmiger Klinge, die

[43] Abbildung auf Reliefs: Keel, 1974, Abb. 4 und Abb. 6; Bonnet, 1926, S. 89, Abb. 33 und 34; Cros, Heuzey, 1910, S. 129 ff und Tf. VII.4, 5. Frühes Sichelschwert: Massafra, 2012, Nr. M 1 um 2400 v. Chr. Das 2. Sichelschwert aus Tell Loh (M 2) stammt aus dem 18. oder 17. Jh.

[44] Akkadisch: Böhmer, 1965, Tf. XXXII, Nr. 380, 382, 384, 387. Altbabylonisch: Keel Abb. 4, 9-13, 15-20.

[45] Hamblin, 2007, S. 71, Gute Studie zu Sichelschwertern bei: Keel, 1974; Massafra, 2012; Tallon, 1987, S. 111-115, Abb. 8. Tallon, 1987, Nr. 100 = Louvre, Sb 15512.Das zweite Schwert befindet sich in Teheran.

[46] Mecquenem datierte sie in das 25. bzw. 23. Jh. v. Chr. Tallon, 1987, S. 110-111 schlägt eine Datierung in die Ur III-Zeit oder den Beginn des 2. Jt.s v. Chr. vor. Eine neuere Studie von Massafra (2012, 119, Katalog M 3 und 4, Nr. Tf. I.1, 2, Tf. II) datiert das Schwert im Museum Teheran (M 4) in das 25. Jh. v. Chr, das identische Gegenstück im Louvre (M 3 = Sb 15512) in das 19. Jh. v. Chr.

[47] Eine schön gewölbte Schneide weist eine steinerne Zeremonialaxt aus Tepe Yahya auf, deren verlängerter Tüllennacken leider abgebrochen ist. Erkennbar ist jedoch noch, dass sich hinter der Tülle der Nacken wieder verbreitert. Vergleiche Orthmann, 1985, Tf. 279 a.

im beginnenden 3. Jt. v. Chr. bereits auf dem iranischen Hochplateau und im afghanischen Kandahargebiet hergestellt wurden. Deren Tülle ist zunächst zylindrisch, die Klingenwurzel hat die Breite der Tüllenhöhe und die breite fast rechteckige Klinge ist zur Schneide hin nur gering verbreitert. Die Schneide selbst ist gerade oder leicht gewölbt. Diese frühen Formen sind aus Mundigak III.5 im Kandahargebiet und in Shah-i Tump im Makrangebiet belegt (Casal, 1961, Nr. 10 und 10a; Stein, 1931, S. 90-94).

Spätestens um die Mitte des 3. Jt.s v. Chr. hat sich daraus der Typ der T-förmigen Äxte entwickelt, der in verzierter und unverzierter Form von Belutschistan über Südost-Iran bis Luristan und Khuzistan verbreitet ist. Die ältesten datierten Stücke aus der FD III a-Zeit stammen aus Luristan und dem Friedhof A von Shahdad in Südost-Iran[48]. Diese Äxte weisen sehr oft eine vollplastische figürliche zoomorphe oder anthropomorphe Nackenverzierung auf. Für diese haben sie meist einen weit ausgezogenen Nacken. Verzierte T-förmige Äxte sind aus Shahdad (Kerman), Belutschistan, Luristan und Saqqiz belegt (Hakemi, 1997, Nr. Gp. 9; Nagel, 1963, Tf. LV, Nr. 121; Calmeyer, 1969, S. 184, Gruppe 73 a, Abb. 156; Calmeyer, 1976, S. 379, Abb. 8; Amiet, 1976, S. 10, Abb. 16, Amiet, 1993, Tf. 18) (Abb. 14).

Unverzierte Äxte haben oft nur einen wenig ausgezogenen Nacken und sind deutlich breiter und kompakter. Unverzierte Äxte dieses Typs stammen aus Damin, Tepe Yahya IV B, Shahdad, (FD-zeitlicher Friedhof Takab III.2), Jiroft, Luristan und Susa, eine sogar aus dem Königsfriedhof von Ur[49]. Aufgrund der begrenzten Stückzahl dieser Äxte und ihrer oft unsicheren Herkunft aus dem Kunsthandel ist die regionale Zuordnung von Untergruppen nur schwer möglich. Fassbar ist eine späte Variante dieser Äxte, die aus Khurab stammende Axt, die dieselbe Tüllen-Form und figürliche Nackengestaltung besitzt, hier in Form eines ruhenden baktrischen Kamels, anstelle der trapezförmigen Klinge aber eine sehr schmale rechteckige Klinge aufweist (Zeuner, 1955) (Abb. 14l). Die Datierung der Fundschicht wird heute in die Zeit um 2400-2300 v. Chr. gesetzt (Salvatori, Vidale, 1997, S. 79). Diese Datierung könnte korrespondieren mit dem Auftreten der langen schmalen Klingen auf den Waffen der Akkad-Zeit. So kann für die Laufzeit dieses Typs eine Spanne von ca. 2700/600 bis ca. 2300 v. Chr. angenommen werden.

Äxte mit Hellebardenklinge (Abb. 3, 4, 15)

Der regionale und zeitliche Ursprung der Hellebardenklinge ist bisher nicht eindeutig geklärt. Die ideale symmetrische Hellebardenklinge besitzt ein halbkreisförmiges Blatt, dessen Spitzen nach hinten ausgezogen sein können. Im Südost-Iran tritt aber der Typ der asymmetrischem Hellebardenklinge auf, bei der die eine Seite der Klinge deutlich weiter ausgezogen und oft breiter gestaltet ist als die andere.

Um und nach 2350 v. Chr. sind im Kerman-Gebiet erste Hellebardenäxte fassbar (Abb. 15). Die älteste Axt dieses Typs stammt aus Khinaman und datiert spätestens in die beginnende Akkad-Zeit, ca. 2400-2300 v. Chr. (Calmeyer, 1969, Abb. 151; Curtis, 1988, Abb. 1; Curtis (ed.), 1993, Tf. 4). Das asymmetrische Blatt mit halbmondförmiger Schneide schwingt an der Klingenoberseite stärker aus. Die obere Ecke ist waagerecht, die untere senkrecht abgestumpft. Die Schneide ist mit eingeritzten Dreiecken, das Klingenblatt mit stilisierten Bergen und Wasserströmen verziert. Die Klingenwurzel

[48] Axt von Saqqiz und archaische T-förmige Äxter aus Luristan. Siehe auch Calmeyer, 1969, 11, 12, Tf. I. 3, und 183.

[49] Damin: Tosi, 1970, East and West 20, Abb. 17, Yahya: Potts, 2002, Nr. 3756, Shahdad: Hakemi, 1997, 707, Abb. Wa 1 und Gp 3, Gp 4, Gp 10, Gp 11, Susa: Tallon, 1987 (1) 95-96, (2), 14, Nr. 72, 73, Ur: Woolley, 1934, Typ A 11, Tf. 223, U 15314, datiert 2. Dynastie von Ur.

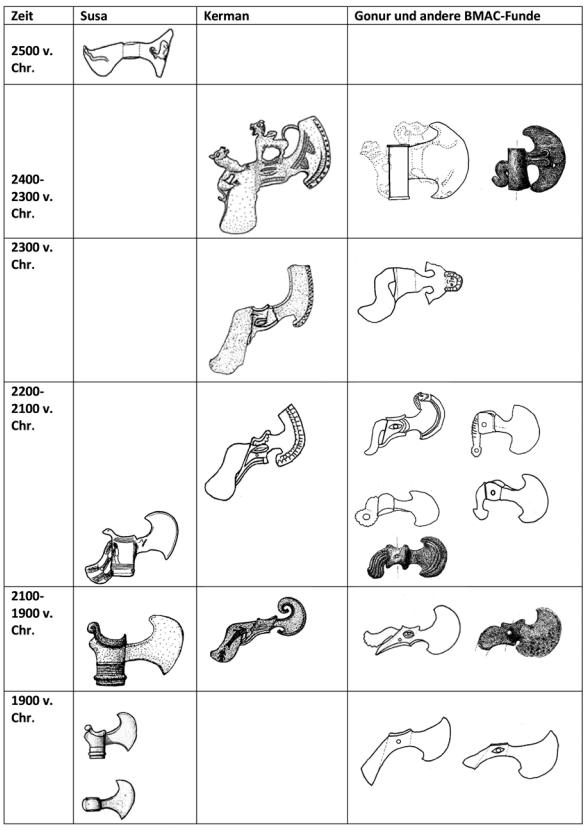

Abb. 15. Entwicklung der Hellebardenklingen in Susa, Kerman und BMAC
2500 v. Chr.: Tallon, 1987 (1), Abb. 6, 24 00 v. Chr. Kerman: Calmeyer, 1969, Abb. 151. BMAC: Idkin-Axt, Pottier, 1984, Nr. 68. 2300 v. Chr. Kerman: Hakemi, 1997, Qa 2. BMAC: nach Sarianidi, 1978, Abb. 2.1.23. 2200 v. Chr.: Susa: Deshayes, 1960. Nr. 3088. Kerman: nach Hakemi, 1997, Gp 8, BMAC: Amiet, 1986a, Abb. 167, Gonur Axt 12, 14, 13, Pottier, 1984, Nr. 67. 2100: Susa: Calmeyer, 1969, Abb. 47. Kerman: Hakemi, 1997, Qa 1. BMAC: Axt 20 und Pottier, 1984, Nr. 70. 1900 v. Chr., Susa: Tallon, 1987 (2), Nr. 65, 66. BMAC: Äxte Nr, 21, 22 (Togolok 21)

ist nur geringfügig schmaler als die Tülle. Die Tülle ist gerade und kurz, mit ovalem Querschnitt. Die untere Tüllen-Öffnung ist gerade abgeschnitten, die obere leicht konkav eingezogen. Die Tüllenränder sind doppelt umrahmt und ziseliert. Auf der Tüllen-Seite befindet sich ein großes ovales Auge, das das Nagelloch umschließt. Direkt aus dem Tüllen-Rücken wächst ohne Absatz ein einfacher unverzierter Flügelnacken nach unten. Über der Tülle steht ein geflügelter Löwe, dessen Beine die Tüllen-Öffnung begrenzen, dessen gewölbter Schwanz aber die Klingenoberseite berührt. Ihm gegenüber, auf dem Rücken des Flügelnackens, sitzt ein Löwe mit herabhängendem Schwanz. Diese vollplastische figürliche Verzierung auf dem Flügelnacken und über der Tülle steht in deutlicher Fortsetzung der frühdynastischen Tradition im Iran.

Auf diese Axt folgt eine zweite Gruppe, die sich um 2300-2100 v. Chr. datieren lässt und in Shahdad (Hakemi, 1997, 636, Gp. 8, Friedhof A, Grab 36, Hakemi, 1997, 693, Qa. 2, Friedhof B, Grab 45)[50], und Khinaman (Curtis, 1988, 102, Abb. 2; Calmeyer, 1969, 182, Abb. 152) belegt ist. Der Flügelnacken ist jetzt deutlich von der Tülle abgesetzt. Die Klingenwurzel ist deutlich schmaler als die Tülle und entspringt an der oberen Hälfte der Tülle. Die Klinge wird kürzer und asymmetrischer und schwingt weiter nach oben aus. Gleichzeitig wird die Schneide breiter. Die Klingen sind weiter abgestumpft, die abgestumpften Enden unterschiedlich breit. Die Tülle wird deutlich länger. Beide Tüllen-Öffnungen sind konkav eingezogen. Der untere Tüllen-Rand ist am Tüllen-Rücken stark nach unten und schräg ausgezogen. Diese Entwicklung der Tüllen-Ränder entspricht deutlich jener, die auch im akkadzeitlichen Südwestiran fassbar ist. Auch hier finden sich die Verzierung der Schneiden und der Tüllen-Ränder sowie das „Auge“ um das Nagelloch der Tülle. Die aufgesetzte plastische figürliche Verzierung fehlt jedoch.

Die dritte und jüngste Untergruppe um 2100-2000 v. Chr. ist bisher nur aus Shahdad belegt (Hakemi, 1997, 693, Qa 1. Friedhof B, Grab 47). Sie führt die Tüllen-Form und den abgesetzten Flügelnacken der Untergruppe 2 fort, die weiterhin asymmetrische und weit nach oben ausschwingende Klinge ist nun aber nicht mehr abgestumpft, sondern besitzt ein gewölbtes halbmondförmiges Blatt mit einer nach innen eingerollten oberen Spitze. Sie datiert bereits an das Ende des 3. Jt.s v. Chr., zwischen 2200-2000 v. Chr.

[50] Gp 8 = Datierung um 2200 v. Chr., Qa. 2 = Datierung 2200-2000 v. Chr.

Damit kann für die Hellebardenklinge im Kerman-Gebiet eine Abfolge von der extrem weit ausgezogenen leicht asymmetrischen trapezförmigen Klinge mit abgestumpften Enden und mit gerader Schneide zur asymmetrischen abgestumpfte Hellebardenklinge mit gewölbter Schneide und zur asymmetrischen Hellebardenklinge mit spitzen Enden nachgewiesen werden. Die Entwicklung der Tülle folgt den bisher festgehaltenen Abläufen in Südwestiran, von der kurzen beidseitig gerade abgeschnittenen Tülle zur Tülle mit beidseitig konkav eingezogenen Tüllen-Öffnungen mit weit ausgezogenem unterem Tüllen-Nacken. Der Dekor folgt der auch in Südwestiran nachvollziehbaren schrittweisen Reduktion von der vollplastischen oder reliefierten und vollfigürlichen Verzierung zur reduzierten zoomorphen Darstellung.

Äxte und Hämmer mit Flügelnacken

Eine spezifische Form im ganzen Iran in der 2. Hälfte des 3. Jt.s v. Chr. ist die Herausbildung von Waffen mit einem sogenannten Flügelnacken, zu denen auch die oben besprochenen Hellebardenäxte gehören. Sie alle weisen am Tüllen-Nacken einen breiten Auswuchs auf, der die Form eines Flügels oder eines Schwanzes besitzt. Dabei handelt es sich um eine Hinzufügung, die sich nicht nur auf Äxte beschränkt, sondern auch für Hämmer und Keulen der zweiten Hälfte des 3. Jt.s v. Chr. typisch wird. Diese Flügelnacken können unverziert sein, mit aufgelegtem Relief versehen werden oder detailliert ausgearbeitete Flügel oder Vogelschwänze zeigen, die mit Federn oder Spirallocken versehen sind[51]. Der regionale Ursprung dieses angefügten Flügels ist bisher nicht eindeutig bestimmbar. Typologisch gesehen entwickelt er sich aus der zoomorphen Gestaltung des Nackens und tritt vom BMAC über den Südostiran bis in die Susiana auf.

Der bisher älteste datierbare Fund dieses Typs ist eine Axt aus Susa mit breiter asymmetrischer trapezförmiger Klinge mit abgerundeten Ecken, die um 2500 v. Chr. datiert wird und damit bisher den Beginn der Waffen mit Flügelnacken im Iran fixiert (Tallon, 1987, (1), 90, Abb. 6) (Abb. 15 oben). Ihre Tülle ist kurz und gerade, mit gerade abgeschnittenen Tüllen-Öffnungen und einem langen Flügelnacken, der bruchlos aus der Tülle hervorgeht. Das Blatt ist mit beidseitig aufgearbeitem zoomorphem Relief verziert, mit einer ruhenden Ziege und einem angreifenden Löwen. Auch der Flügelnacken ist mit aufgearbeiteten Schlangen dekoriert. Um die Mitte des 3. Jt.s v. Chr. bleibt dieses Exemplar in der Susiana ein Einzelstück. Möglicherweise handelt es sich hier um einen Import aus Südost-Iran, wo sich in Anschluss an diese Ax t spätestens ab 24. Jh. v. Chr. kontinuierlich Flügelnackenäxte mit Hellebardenklinge nachweisen lassen. In Susa treten Waffen mit Flügelnacken erst wieder in 23. Jahrhundert auf.

Einordnung der Waffen aus der Margiana (Abb. 16)

Vom Grabungsbefund her sind die Hellebardenäxte 12-14 die ältesten Kultwaffen, die Sichelschwerter, Knochenäxte und Äxte mit asymmetrischen Hellebardenklingen die jüngsten.

Die älteste Gruppe wird durch die Hellebardenäxte Gonur 12-14 gebildet: Da alle drei Äxte um 2300 v. Chr. oder wenig jünger datierbar sind, müssen auch die Klingentypen K.1.1.1 und K.1.1.2 sowie Tüllentyp T.1.2 und Typ T.1.5 (Axt 14) in diesen Zeitraum datieren. Der Typ K.1.1.1 lässt sich darüber hinaus mit der Idkin-Axt verbinden, die mit ihrer langen Röhrentülle und der vollfigürlichen Verzierung in frühdynastischer Tradition wohl die älteste symmetrische Hellebardenklinge des BMAC ist.

[51] Spirallocken sind besonders auf den Flügelnackenhämmern aus Susa bekannt. Vergleiche Tallon, 1987 (2), Nr. 191; Calmeyer, 1969, Abb. 38, 39; Tallon, 1987 (2), Nr. 195.

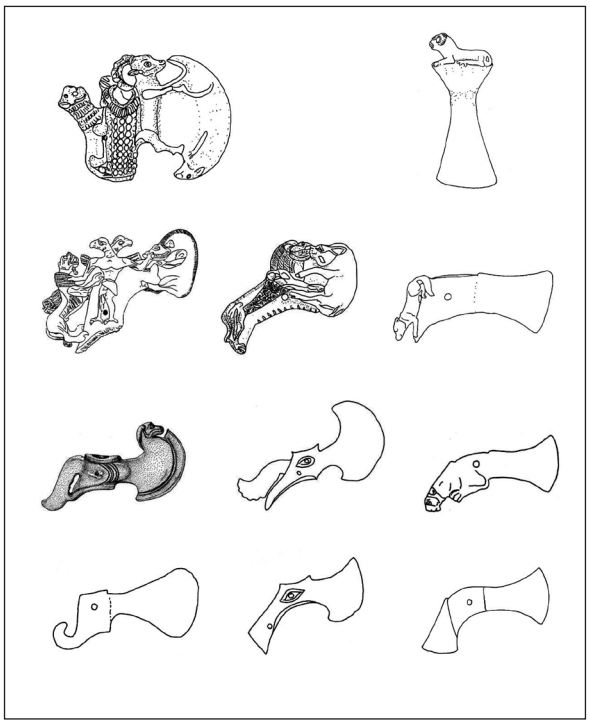

Abb. 16. Entwicklung baktrischer Äxte zwischen 2400 und 1800 v. Chr. mit zunehmender Reduzierung und Stilisierung der zoomorphen Verzierung
Eigene Umzeichnung der Idkin Axt, eigene Umzeichnung nach Ligabue, Salvatori, 1988, Tf. 103, Mode, 1995, Abb. 1, eigene Umzeichnung nach Webseite der Ortiz-Sammlung, eigene Umzeichnung nach Ligabue, Salvatori, 1988, Tf. 96, eigene Umzeichnung nach Amiet, 1986a, Abb. 67, eigene Umzeichnung Axt 20 (Gonur Depe), eigene Umzeichnung nach: Ligabue, Salvatori, 1988, Tf. 94.1, Umzeichnung nach Amiet, 1986a, Abb. 166, Axt Nr. 21 (Togolok 21), Axt Nr. 8 (Gonur Depe)

Verwandt mit den Gonur-Äxten dürften auch die baktrischen Äxte mit Frauenbüste und mit dem Pferdekopf sein, deren unten schräg abgeschnittene Tülle (Tüllentyp T.1.4) typisch für die Akkadzeit im Iran ist. Zwischen der Idkin-Axt und der Pferdeaxt steht, typologisch gesehen, die Axt mit dem mit Drachen und Eber kämpfenden Vogelmenschen, die durch die voll figürliche Verzierung und die stilistische Umsetzung des Vogelmenschen an die FDIII-zeitliche Tradition anschließt, aber mit ihrer längeren und unten schräg abgeschnittenen Tülle akkadzeitliche Parallelen hat. Die Äxte Gonur 6 und Gonur 9, die nach ihrem Fundkontext nicht älter als akkadzeitlich sein können, dürften darauf hinweisen, dass sich die Tradition der voll figürlich verzierten Waffen im BMAC auf jeden Fall bis weit in die Akkadzeit und damit länger als in der Susiana und im Kerman erstreckte. Dies wird unterstrichen durch die beiden voll verzierten Kunsthandelsäxte, die die jüngere, lang ausgezogene schräge Schäftung (T.2.1) besitzen, die in Susa in das 21. Jh. v. Chr. angesetzt wird (Abb. 10). Die eberförmigen Klingen dieser Kunsthandelsäxte stellen dabei eine wichtige Übergangsform zwischen einer asymmetrischen Hellebardenklinge und einer asymmetrischen breiten trapezförmigen Klinge mit abgerundeten Enden dar. Genauso eine Form hat die Axt Gonur 15.

Der Tüllentyp T.1.2 der Äxte 12 und 13 kombiniert die unten gerade Tülle mit einer oberen konvex gewölbten und bildet damit eine Form ohne Parallelen außerhalb des BMAC. Auch innerhalb des BMAC ist er bisher nur in Gonur Depe belegt. Da beide Äxte aus dem Königsfriedhof stammen, kann für diesen Tüllentyp eine Datierung um 2300 v. Chr. als gesichert gelten und er kann damit als eine typische Form der Margiana eingeordnet werden. Typologisch lässt sich an diese Tüllenform die jüngere Form T.2.1 anschließen, die die konvex gewölbte obere Tüllenöffnung mit einer weit ausgezogenen konkav gewölbten oder schräg abgeschnittenen unteren Öffnung verbindet. Dies ist die typischste Form in der Margiana und in der afghanischen Raubkunst. An diese schließen sich typologisch gesehen die Ur-III-zeitlichen Äxte bzw. Hämmer aus Susa an, deren Tüllenöffnungen beidseitig schräg nach unten verlaufen. Deren stark stilisierter Flügelnacken deckt sich außerdem mit dem der Äxte Gonur 7, 8, 10, 20-22 und den Hämmern 1-3, so dass man für die betreffenden Waffen aus Gonur eine lange Laufzeit in die Ur III-Zeit und jünger ansetzen kann. Das deckt sich mit den Befunden der jüngeren Gruppe der Hellebardenäxte (Nr. 20-22), die nach 2000 v. Chr. datierbar sind. Diese Äxte mit stark asymmetrischen Hellebardenklingen schließen wiederum deutlich an die asym-

metrischen Hellebardenäxte im Südostiran und in Susa an, die vom Ende des 3. Jt.s v. Chr. bis ins 18. Jh. v. Chr. nachweisbar sind. Das wird unterstrichen durch die beidseitig konkav eingezogenen Tüllenränder des Typs T.2.3, die im akkadzeitlichen Iran beginnen, deren schräg ausgezogene Form aber besonders für die Zeit nach 2200 v. Chr. in Kerman und Susa belegt ist.

Eine typologisch gesehen alte Form zeigt die Axt 23 aus Togolok 21 (T.1.5). Sie lässt sich vom Typ der T-förmigen Äxte mit trapezförmiger Klinge ableiten, die bei den Raubgütern mit vollfigürlicher und reduzierter figürlicher Nackenverzierung nachgewiesen sind, und damit den Zeitraum der Frühdynastisch III und beginnenden Akkad-Zeit abdecken (Pottier, 1984, Nr. 81, 78). Die Axt 23 weist anstelle der zoomorphen Verzierung nur einen Knopf auf, der an die Nackenbuckel der Akkad-Zeit in Susa und Luristan erinnert. Eine ähnliche reduzierte Nackenverzierung besitzt die Axt Pottier Nr. 78, bei der der T-förmige Nacken bereits nach unten länger ausgezogen ist als nach oben. Das interessante ist deren ovale Klinge (Typ K.3), die bei Pottier, Nr. 80 mit einer langen Röhrentülle mit zoomorphem Dekor verbunden ist, dem Tüllentyp T.1.1.2, eine typisch FD III – bis frühakkadzeitliche Form. Aufgrund der archaischen Tüllen dürften diese beiden Äxte die Entstehungszeit der ovalen Klingenform K.3 auch in die akkadzeitliche Periode des BMAC legen. Da diese ovale Klingenform nur für den Bereich des BMAC belegt ist, muss auch sie als typisches Eigenprodukt betrachtet werden, aus der dann weiter Formen, wie Axt Nr. 18 entstehen. Um wie viel Axt 18 jünger ist, bleibt offen, weil es für den Tüllentyp T.1.3, im Iran keine direkten Parallelen gibt. Die schmale hoch angesetzte Klingenwurzel lässt sich aber mit der jüngeren Gruppe der Flügelnackenäxte im Kerman-Gebiet und den Attahuschu-Äxten des 20. und 19. Jh.s v. Chr. in Susa verbinden. Zusammen mit dem Fundort in Gonur Süd.lässt sich daraus eine Einordnung des Tüllentyps T.1.3 spätestens in die Zeit des beginnenden 2. Jt.s v. Chr. ableiten.

Die verbleibenden Äxte mit trapezförmiger Klinge haben ihren Ursprung sicherlich in den älteren FD III-zeitlichen Äxten des iranischen Plateaus (Abb. 6). Während diese aber alle trapezförmige Klingen mit gerader Schneide aufweisen, zeigen die Äxte aus Gonur Depe die ganze Bandbreite von kürzeren und längeren Blättern mit gerader Schneide (Äxte 1, 3, 4, 6), über solche mit gewölbter Schneide (Äxte 8, 9, 10) zu asymmetrischen einseitig ausgezogenen Äxten (Nr. 7, 15-18). Letztere, zu denen die Knochenäxte aus Gonur Depe Süd gehören (Nr. 16-18), dürften den Endpunkt der anzunehmenden Entwicklung darstellen. Da sie gleichzeitig alle das schräge unten weit ausgezogene Schaftloch besitzen, kann die Laufzeit der trapezförmigen Äxte zwischen 2200 und 1800 v. Chr. angesetzt werden.

Die Hämmer 1-3 aus Gonur Depe sind schräg geschäftete Hämmer mit einer weit ausgezogenen unteren Öffnung, die mit einem stilisierten Flügelnacken verschmilzt, und einem Schläger in Form eines stilisierten Tierkopfs oder einer Kugel. Sie vertreten einem Typ, der in Susa seit 2300 v. Chr. belegt ist, in der stark stilisierten Form jedoch in die Ur-III und Attahuschu-Zeit gesetzt wird.

Sichelschwerter

Die Sichelschwerter aus Gonur sind durch die Fundsituation in die Zeit nach der Auflassung des Palasts in Gonur Depe Nord nach 1800 v. Chr. datiert. Allerdings sagen die Gräber nur etwas über den Zeitraum der Grablegung, nicht über den der Produktion. Die Bezüge zu den vier verwandten Sichelschwertern aus Afghanistan zeigen, dass die beiden Typen aus Gonur Depe im Bereich des BMAC eine weitere Verbreitung gefunden haben (Abb. 12).

Obwohl der Typus und die Entwicklung des Sichelschwerts in Vorderasien gut belegt ist, lassen sich die Funde aus dem BMAC

typologisch weder an die vorderasiatischen Schwerter noch an die beiden Sichelschwerter aus Susa anschließen. Den Funden aus Gonur Depe fehlt die klare Zweiteilung der Waffe in zwei fast gleich große Teile: die Unschärfe und die gebogene Klinge, wie sie schon das älteste um 2400 v. Chr. datierte Schwert aus Tell Loh besitzt (Abb. 12a). Lediglich dessen annähernd dreieckiges Ende mit abgerundeter Kante könnte zu den beiden Typen in Gonur überleiten. Formal schließt aber zumindest der Typ 1 von Gonur Depe dagegen ganz eindeutig an die Krummstäbe der sumerischen Könige bzw. an den leicht gebogenen Schaft der Sicheläxte der Frühdynastischen und Akkad-Zeit an, während der mit Typ 1 zusammen gefundene Typ 2 ganz ohne Parallelen in Vorderasien und Susa ist. Es wäre daher durchaus denkbar, dass der Typus des Krummholzes oder der Sichelaxt sich spätestens in der Akkad-Zeit als Rangkennzeichen bis in den BMAC verbreitet hat, ähnlich, wie es beim Zottengewand oder vielen vorderasiatischen oder iranischen Motiven der Fall war, und sich im BMAC daraus die drei definierten Gruppen entwickelt haben. Deren Entstehungszeit bleibt daher vorerst im Dunkeln, nur ihre Nutzung am Anfang des 2. Jt.s v. Chr. bleibt sicher.

Zusammenfassung

Die Waffen aus Gonur Depe wie auch die aus den Raubgrabungen in Afghanistan zugeordneten Objekte weisen ein breites Spektrum von Waffen auf, die sich sehr eng mit der Formenprovinz 2 (Iran und iranisches Plateau) verbinden lassen. Die meisten Vergleichsstücke finden sich im Südostiran und in Susa. Bei vielen Tüllen- und Klingenformen gibt es deutliche Parallelen zu den dortigen Waffen der Akkad- und Ur-III-Zeit. Für die geraubten Waffen aus Afghanistan lassen sich teilweise noch FD-III-zeitliche Parallelen finden, die in der Margiana nicht mehr fassbar sind. Dazu gehören voll figürlich verzierte Äxte, T-förmige Äxte und Äxte mit langer Röhrentülle (T.1.1.2). Möglicherweise muss man mit einer sehr frühen Stufe des BMAC vor 2300 v. Chr. rechnen, die dann im afghanischen Raum noch in der spätfrühdynastischen Zeit begonnen hätte. Darauf weisen auch einzelne Funde wie der Fullol-Hord aus Afghanistan hin, der eindeutig FD-III-zeitliche Züge trägt (Tosi, Wardak, 1972). Die Funde in der Margiana aber decken generell den darauffolgenden Zeitraum zwischen 2300 und 1800 v. Chr. ab, was der Akkad-Zeit, Ur-III-Zeit und der Zeit des Attahuschu in Susa entspricht.

Die älteren Hellebardenäxte des BMAC zeigen eine deutliche Verbindung zu den Hellebardenäxten mit Flügelnacken aus dem Südostiran, die dort um ca. 2400 v. Chr. beginnen und als asymmetrische Formen mit ausgezogenen und abgestumpften Spitzen bis etwa 2100 v. Chr. belegt sind, bevor dann um 2100 v. Chr. die Klingenspitzen zugespitzt und eingerollt enden. Allerdings gibt es in Gonur Depe und unter den afghanischen Objekten auch Äxte mit symmetrischen Hellebardenklingen, die im Iran noch nicht belegt sind (Äxte 12-14, Idkin-Axt). Diese Form kann als eigenständige Entwicklung des BMAC betrachtet werden. Das betrifft auch die Tüllenformen T.1.2 und T.1.3, die bisher nur für die Margiana nachgewiesen sind, während die schräge Schäftung (T.2) im BMAC, im Südostiran wie in Susa gleichermaßen von der Akkadzeit bis in die Ur III-Zeit auftritt. Die jüngeren Hellebardenäxte der Margiana und die Hämmer mit schräger Schäftung aus Gonur Depe lassen sich mit den Klingen der Hellebardenäxte aus der Susiana um die Wende vom 3. zum 2. Jt.v. Chr. verbinden, obwohl die Tüllenformen in der Margiana und in Susa völlig unterschiedlich sind. Hier bleibt ungeklärt, ob die in beiden Gegenden vorhandenen gleichen Typen von Klingen, Hämmern und Flügelnacken nun aus dem BMAC, aus dem Südostiran oder aus Susa stammen. Dasselbe trifft auf die schräg geschäfteten Flügelhämmer und Hämmer und

Äxte mit Röhrentülle zu. Man darf wohl von einer sehr engen Verflechtung des BMAC mit dem Iran ausgehen, die beide Teil der zweiten Formenprovinz sind.

Typisch nur für den BMAC sind Äxte mit ovalen Klingen (Axt 18 und Pottier Nr. 71, 76, 78, 79), deren Ursprung auch noch nicht geklärt ist. Typologisch könnten sie sich sowohl aus einer Bauchklingenaxt (Pottier Nr. 78, 89), als auch aus einer Hellebardenklinge (Pottier Nr. 78) entwickelt haben. Für einen relativ frühen Ursprung spätestens in der Akkadzeit sprechen die beiden Kunsthandelsstücke bei Pottier, die eine länglich-ovale Klinge mit der spätfrühdynastischen Röhrentülle T.1.2 (Nr. 80) bzw. mit einer T-förmigen Tülle (Nr. 78) verbinden, für eine längere Laufzeit des Typs sprechen die Äxte Gonur Depe Nr. 18 und Pottier 71, 76 und 79, deren Tüllenformen jünger sind. Die Axt Gonur Depe 11 mit ihrem spitzovalen Blatt könnte sich aus den Äxten mit länglich ovaler Klinge (Pottier Nr. 78, 79) entwickelt haben, ihre schräge Schäftung mit konvexer oberer Schaftlochöffnung (T.2.1) weist aber auf eine jüngere Form, die sich aus T.1.2 entwickelt hat und in der ausgehenden Akkadzeit und besonders der Ur III-Zeit in Susa belegt ist.

Die trapezförmigen Klingen des BMAC (K.2) dürften auf die T-förmigen Äxte der Waffenprovinz 2 zurückgehen, die sich bis in die beginnende Akkadzeit halten. Die trapezförmige Klinge selbst verbreitet sich bis nach Mesopotamien und bleibt dort bis ins 2. Jt. v.Chr. die typische Klingenform. Die klassische T-förmige Axt mit figürlicher Verzierung ist für den BMAC nur durch Pottier Nr. 81, und leicht abgewandelt, durch Nr. 78 belegt, für die Margiana steht für diesen Typ die Axt Nr. 23. Ihr Nackenknopf könnte durch die akkadischen Äxte mit Nackenbuckel beeinflusst sein, oder aber einen jüngeren Typ verkörpern, der eine archaisierende Nackenform aufweist.

Die Äxte mit trapezförmiger Klinge stellen aber generell den häufigsten Typ der Äxte in Gonur Depe und im BMAC dar. Sie lassen sich schon früh in zwei Grundtypen unterteilen, solche mit langer Klinge und gerader Schneide (Typ K.2.1 = Gonur 1-4, 6, K.3.1 = Gonur 7).) und solche mit gewölbter Schneide (K.2.2 = Gonur 8-10, K.3.2 = Gonur 17), die offensichtlich parallel zueinander existiert haben, da beide Typen mit den gleichen Tüllenformen (T.2.1) gegossen wurden (Abb. 5, 6). Diese Tüllenform gehört wiederum zu den jüngeren in Gonur Depe, hat sie sich doch aus Typ. T.1.2 entwickelt. In Susa und im Südostiran ist sie typisch für die Ur-III-Zeit. Die Äxte mit trapezförmiger Klinge sind in Gonur Depe überwiegend als Flügelnackenäxte mit stark stilisiertem Flügelnacken belegt, wie sie in Susa vor allem zwischen 2200 und 2000 v. Chr. nachgewiesen sind. Als ebenfalls sehr spät und in das 2. Jt. v. Chr. zu datieren sind die Knochenäxte des Temenos mit ihren asymmetrischen trapezförmigen Klingen (K.3.2 = Gonur 15, 16, 18), die für den Endpunkt der Entwicklung dieser Äxte stehen.

Auffallend für die Waffen aus dem BMAC ist die Liebe zur zoomorphen Verzierung, die sich für den BMAC in zwei Formen zeigt. Die eine Gruppe bilden Äxte mit auf den Nacken aufgesetzter vollfigürlicher Verzierung, die zweite Gruppe bilden Äxte, bei denen Nacken, Tülle und/oder Klinge in Form von Tieren gestaltet sind. Die erste Gruppe nahm eine deutliche Entwicklung von aufgesetztem voll figürlichem Nackendekor über einen Nacken in Form von Tierprotomen, die bereits Tüllen des Typs 2.1 besitzen, bis zum einzelnen, an den Nacken oder auf die Tülle aufgesetzten zoomorphen Element. Diese schrittweise Reduzierung führt letztlich zu den Waffen mit Flügelnacken oder aufgesetzten Tierköpfen, wie sie in Susa, im Kerman und in der Margiana belegt sind. An diese Gruppe schließt die Axt Gonur 6 an. Gruppe 2 scheint sich bereits in der ausgehenden Frühdynastischen Zeit in Afghanistan herauszubilden und über einen langen Zeitraum zu existieren. Die typolo-

gisch älteste Form bildet die Idkin-Axt mit einer langen Röhrentülle. Typologisch folgt die Axt mit dem Vogelmenschen, die eine etwas kürzere, oben gerade und unten schräg abgeschnittene Röhrentülle besitzt – eine akkadzeitliche Tüllenform. Die Äxte aus der Ortiz-Sammlung und dem Britischen M;useum wiederum verwenden die schräge Schäftung (Typ T.2), die diese Äxte an das Ende des 3. Jt.s v. Chr. setzen. In diese jüngere Gruppe gehört auch die figürliche Axt Gonur 9 (Abb. 10).

Die drei Sichelschwerter aus Gonur Depe sind die einzigen Waffen, die mit einem mesopotamischen Ursprung verbunden werden können. Typologisch greifen Typ 1 (Gonur Schwerter 1, 2) und Typ 3 (Pottier Nr, 23, 26) direkt auf die Krummstäbe und Sicheläxte der spätfrühdynastischen und beginnenden Akkadzeit zurück, während Typ 2 (Gonur Schwert 3) keinen direkt anschließbaren Vorläufer findet und als Eigenentwicklung betrachtet werden kann. Da die drei Sichelschwerter aber in Gräbern der Periode III von Gonur gefunden worden sind und ihre Grablegung damit in der altbabylonischen Zeit stattfand, ist ein direkter Anschluss an die mesopotamischen Formen nicht nachweisbar. Solange hier Zwischenglieder fehlen, kann man nur festhalten, dass sich unter den Waffen in Gonur Depe sowie im BMAC generell neben neuen typischen BMAC-Formen auch viele archaisierende Formen bewahrt haben, die bis in die Mitte des 3. Jt.s v. Chr. zurückreichen, aber offensichtlich über die ganze Laufzeit dieser Kultur tradiert wurden.

Literaturverzeichnis

Amiet P. Les Antiquités du Luristan: Collection David-Weill. Paris: de Boccard, 1976. 116 p.

Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500-1700 avant J.-C. Paris: Édition de la Réunion des musées nationaux, 1986a. 332 p.

Amiet P. "Au-delà d'Elam" // Archäologische Mitteilungen aus dem Iran. Neue Folge. 1986b. XIX. P. 11-20.

Amiet P. The period of Irano-Mesopotamian contacts 3500-1600 BC // J. Curtis (ed.). Early Mesopotamia and Iran. Contact and conflict ca. 3500-1600 BC. Proceedings of a seminar in memory of Vladimir G. Lukonin. London: British Museum Press, 1993. P. 23-30.

Böhmer R.M. Die Entwicklung der Glyptik während der Akkad-Zeit // Untersuchungen zur Assyriologie und vorderasiatischen Archäologie. Bd. 4. Berlin: Walter de Gruyter & Co, 1965. 192 p.

Boese J. Altmesopotamische Weihplatten. Eine sumerische Denkmalsgattung des 3. Jt.s. v. Chr. // Untersuchungen zur Assyriologie und vorderasiatischen Archäologie. Bd. 6. Berlin: Walter de Gruyter &Co, 1971. 323 p.

Bonnet H. Die Waffen der Völker des alten Orients. Leipzig: Hinrichs, 1926. 107 p.

Calmeyer P. Datierbare Bronzen aus Luristan und Kirmanshah // Untersuchungen zur Altvorderasiatischen Archäologie. Bd. 5. Berlin: Walter de Gruyter &Co, 1969. 202 p.

Calmeyer P. Some of the oldest 'Luristanbronzes' // Proceedings of the fourth annual symposium on archaeological research in Iran (1975). Teheran, 1976. P. 368-379.

Casal J.-M. Fouilles du Mundigak // Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan. Vol. 17. Paris: C. Klincksiek, 1961. Vol. 1: 260 p.Vol. 2: 143 p.

Cernjankova, 2013 – Чернянкова Н.В. Бронзовые орудия труда, найденные в Гонур-депе. Ашхабад, 2013. 20с.

Cros G.L., Heuzey L. Nouvelles fouilles de Telloh. Paris: Leroux, 1919. 312 p.

Curtis J. A reconsideration of the cemetery of Khinaman, South-East-Iran // Iranica Antiqua. 1988. Vol. 23. P. 97-137.

Curtis J. (ed.). Early Mesopotamia and Iran. Contact and conflict ca. 3500- 1600 B.C. Proceedings of a seminar in memory of

Vladimir G. Lukonin. London: British Museum Press, 1993. 95 p.

Deshayes J. Les outils de bronze de l'Indus au Danube. Paris: Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1960.Vol. 1: 451 p. Vol. 2: 224 p.

Dubova, 2008 – Дубова Н.А. Мастерская по производству сплавов на основе меди Северного Гонура (Западная часть Раскопа 9) // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. М.: Старый сад, 2008. С. 94-104.

George Ortiz Collection, The. Near East. URL: https://www.georgeortiz.com/uploads/media/default/0001/01/thumb_50_default_full_screen.jpeg (îáðàùåíèå 19.12.2019 ã.).

Godard A. Les bronzes du Luristan // Ars Asiatica. XVII. Paris: G. Van Oest, 1931. 116 p.

Godard A. The art of Iran. London: George Allen & Unwin, 1965. 358 p.

Hakemi A. Shahdad. Archaeological excavations of a Bronze Age center in Iran. Rome: IsMEO, 1997. 721 p.

Hamblin W.J. Warfare in the ancient Near East to ca. 1600 BC. London: Routledge, 2007. 517 p.

Hiebert F. Origins of the Bronze Age civilization of Central Asia. Cambridge: Peabody Museum, 1994. 200 p.

Keel O. Wirkmächtige Siegeszeichen im Alten Testament: Ikonographische Studien zu Jos 8, 18-26; Ex 17, 8-13; 2 Kön13, 14-19 und 1 Kön 22, 11. Freiburg, Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht Verlag, 1974. 232 p.

Ligabue G., Salvatori S. (eds.). Bactria, an ancient oasis civilization from the sands of Afghanistan. Venecia: Erizzo, 1988. 187 p.

Massafra A. Le harpai nel Vicino Oriente antico: cronologia e distribuzione. Rome: La Sapienza, 2012. 207 p.

Maxwell-Hyslop R. Western Asiatic shaft-hole axes // Iraq. 1949. Vol. 11. P. 90-129.

Maxwell-Hyslop R. British Museum "Axe" No. 123268: a Bactrian Bronze // Bulletin of the Asian Institute. 1986. I. P. 17-26.

Mecquenem R.D. Fouilles de Suse, Archéologie Susienne // Mémoires de la Mission Archéologique in Iran. Vol. 29. Paris: Geuthner, 1943. 161 p.

Mode M. Baktrisches Metall zwischen altvorderasiatischer Kunst und dem skytho-sakischen Tierstil // Altorientalische Forschungen (AOF). 1995. Bd. 22 (1). P. 137-150.

Moorey P.R.S. Catalogue of the ancient Persian Bronzes in the Ashmolean Museum. Oxford: University Press, 1971. 183 p.

Nagel W. Altorientalisches Kunsthandwerk. Berlin: Walter de Gruyter, 1963. 69 p.

Nagel W. Djamdet Nasr-Kulturen und frühdynastische Buntkeramiker. Berlin: Hessling, 1964. 113 p.

Orthmann W. Der Alte Orient // Propyläen Kunstgeschichte. Bd. 18. Berlin: Propyläen-Verlag, 1985. 566 p.

Papakhristou, 2010 – Папахристу О.А. Литейные формы и подсобные конструкции для литья из производственных участков столичного Гонура // На пути открытия цивилизации. Сб. статей к 80-летию В.И. Сарианиди. Труды Маргианской археологической экспедиции. СПб.: Алетейя, 2010. С. 268-284.

Pittman H. Art of the Bronze Age, Southeastern Iran, Western Central Asia and the Indus Valley. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1984. 99 p.

Pottier M.-H. Matériel funeraire de la Bactriane méridionale de l'âge du bronze. Paris: Editions Recherche sur les Civilizations, 1984. 232 p.

Potts T. Mesopotamia and the East. An archaeological and historical study of foreign relations 3400-2000 BC. Oxford: Oxford Committee for Archaeology, 1994. 337 p.

Potts D.T. Excavations at Tepe Yahya, Iran 1967-1975. The third millennium (periods IV C and IV B). Cambridge: Peabody Museum Press, 2002. 388 p.

Rickenbach J. Magier mit Feuer und Erz. Zürich: Museum Rietberg, 1992. 208 p.

Rossi-Osmida G. (ed.). Margiana. Gonur-depe necropolis. 10 years of excavations by Ligabue Study and Research Centre. Venice: Il Punto, 2002. 212 p.

Salvatori S., Vidale, M. Shahr-i Sokhta 1975-1978: Central Quarter excavations. Preliminary report. Rome: IsIAO, 1997. 185 p.

Sarianidi V.I. Bactrian Centre of Ancient Art // Mesopotamia. 1977a. Vol. XII. P. 97-110.

Sarianidi, 1977b – Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969-1974 гг. М.: Наука, 1977. 172 с.

Sarianidi, 1978 – Сарианиди В.И. Древнейшие топоры Афганистана // Советская археология. 1978. № 2. С. 186-194.

Sarianidi, 1982 – Сарианиди В.И. Новый центр древневосточного искусства // Археология Старого и Нового Света. М.: Наука, 1982. С. 68-88.

Sarianidi, 1990 – Сарианиди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад: Ылым, 1990. 316 с.

Sarianidi, 1991 – Сарианиди В.И. И здесь говорил Заратуштра. М.: [б.и.], 1991. 248 с.

Sarianidi, 1997 – Сарианиди В.И. Теменос Гонура // Вестник древней истории. 1997. № 1. С. 148-168.

Sarianidi V.I. Margiana and Protozoroastrism. Athens: Kapon Editions, 1998. 192 p.

Sarianidi V.I. Margush. Ancient oriental kingdom in the Old Delta of Murghab river. Ashgabat: Turkmendowlethabarlary, 2002. 360 p.

Sarianidi, 2005 – Сарианиди В.И. Гонур-депе. Город царей и богов. Ашхабад: Turkmendöwlethabarlary, 2005. 327 с.

Sarianidi V.I. Necropolis of Gonur. 2nd edition. Athens: Kapon editions, 2007. 340 ð.

Sarianidi, 2008 – Сарианиди В.И. Маргуш. Тайна и правда великой культуры. Ашхабад: Turkmendöwlethabarlary, 2008. 341 с.

Sarianidi, Dubova, 2013 = Сарианиди В.И., Дубова Н.А. Сокровища древней Маргианы. Фотоальбом. Ашхабад: Туркменская государственная издательская служба, 2013. 208 с.

Stein A. An archaeological tour in Gedrosia // MASI. No. 43. Calcutta: Govt. of India, Central Publication Branch, 1931. 211 p.

Tallon F. Métallurgie susienne I. De la fondation de Suse au XVIIIIe siecle avant J.-C. Vol. 1-2. Paris: Édition de la Réunion des musées nationaux, 1987. 350 p.

Tosi M. A tomb from Damin and the problem of the Bampur sequence in the third millennium BC // East and West. 1970. Vol. 20. P. 9-50.

Tosi M., Wardak A. The Fullol hoard: a new find from Bronze Age Afghanistan // East and West. 1972. Vol. 22 (1-2). P. 9-17.

Van den Berghe L. Recherches archéologiques dans le Luristan // Iranica Antiqua. 1972. Vol. 9. P. 1-48.

Van den Berghe L. Le Luristan á l'âge du bronze. Prospections archéologiques dans le Pusht-i Kuh central // Archéologia. 1973. Vol. 63. P. 25-36.

Woolley C.L. Ur excavation. Vol. II: The Royal cemetery. A report on the Predynastic and Sargonid Graves excavated between 1926 and 1931 // Publications of the Joint Expedition of the British Museum and the Museum of the University of Pennsylvania to Mesopotamia. New York: Carnegie Corporation, 1934. 604 p.

Zeuner F.E. The identity of the camel on the Khurab pick // Iraq. 1955. Vol. 17. P. 162-163.

Р.М. Сатаев, Л.В. Сатаева

О ФАУНЕ, ФЛОРЕ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

Все, кто знает Надежду Анатольевну Дубову, независимо от личного к ней отношения, характеризуют ее как высококвалифицированного и успешного исследователя, грамотного и результативного руководителя, активного популяризатора науки. К этому следует добавить, что она является не только автором и соавтором многочисленных работ по антропологии, этнологии, археологии и смежных с ними областям наук, но также опытным лектором, редактором и рецензентом целого ряда научных изданий.

Однако, приведенные выше сухие определения, несмотря на верность их содержания, совершенно не отражают реальный масштаб человека, ставшего по настоящему родным для ее близких друзей, коллег и учеников. Поэтому, не умаляя других достоинств Надежды Анатольевны, хочется подчеркнуть ряд качеств (далеко не всех), без которых трудно ее представить, и которые хочется примерить к себе. Во-первых, это глубокая и практически неиссякаемая любовь и интерес к жизни и окружающему нас миру. Даже физическая усталость никогда не останавливала Надежду Анатольевну от встречи с новым. Во-вторых, широкие интересы, выходящие далеко за пределы ее профессиональной сферы. В-третьих – желание и умение увлечь людей волнующими ее научными и не только научными проблемами. В-четвертых, постоянная готовность помочь друзьям и коллегам и в работе, и в сложных жизненных ситуациях. В-пятых, решительность и настойчивость при отстаивании своих позиций и достижении поставленных целей. Этот ряд замечательных качеств легко можно продолжить дальше.

Не является секретом особое отношение Надежды Анатольевны к изучению и сохранению самого известного археологического памятника Древней Маргианы – Гонур-депе. Долгое время она была ближайшим помощником легендарного российского археолога В.И. Сарианиди, руководителя Маргианской археологической экспедиции, а в 2014 г. возглавила экспедицию. Ей принадлежит заслуга в организации и продвижении исследований, выходящих за рамки узко археологических, и охватывающих широкий круг проблем, связанных с древним населением, условиями его жизни, жизнеобеспечивающей деятельностью и т.д. Кроме прочих к ним относится изучение разных аспектов использования животных и растений людьми, населявшими древний Гонурский оазис, к чему Н.А. Дубова привлекла авторов этой статьи.

К 2007 г., когда по инициативе Н.А. Дубовой на Гонур-депе стали проводиться систематические зооархеологические исследования, информация о животных, разводившихся и добывавшихся населением Гонура, ограничивалась лишь данными, повторяемыми в нескольких статьях американских исследователей (Мур, 1994; Hiebert, Moore, 1993; Moore, 1993; Moore et al., 1994). Они основывались на материале, полученном исключительно при раскопках весны 1989 г. и давали лишь самое общее представление по обозначенной теме.

Немногим лучше была ситуация с изучением растительных остатков, когда в 2009 г. на памятнике начались планомерные археоботанические исследования. Данные о культурных и диких растениях, использовавшихся населением древнего оазиса, приводились лишь в двух статьях и двух небольших сообщениях (Миллер, 1994; Тенгберг, 2008; Афонин, 2008; Moore et al., 1994;). В целом, имеющаяся информация

была крайне отрывочной. Результаты наших фаунистических и флористических исследований являются одной из многих других иллюстрацией плодотворности и эффективности забот и стараний нашего коллеги и учителя Н.А. Дубовой.

Археологам хорошо известно, что основным источником сведений о животных, разводившихся и добывавшихся древним населением, являются их костные остатки (зооархеологический материал). В ходе исследований на Гонур-депе с 2007 по 2015 г. было изучено 16774 остатков животных (отдельные кости – фрагменты костей, целые скелеты и их части), обнаруженных в культурном слое памятника, на полу помещений, в погребениях и на других объектах ритуального назначения. Зооархеологический материал происходит, как непосредственно с Гонур-депе, так и с двух сателлитных памятников – Гонур-20 и Гонур-21. Приводимые ниже сведения об экстерьере и размерах животных основываются на результатах морфологического изучения целых скелетов, промерах отдельных костей, а также изображениях животных, обнаруженных на памятнике.

Следует отметить, что кости диких животных на памятнике малочисленны. Из диких видов, чьи остатки были обнаружены при раскопках, древние жители, по-видимому, целенаправленно добывали гусей (*Ancer sp.*) и уток (*Anas sp.*), дрофу (*Otis tarda*), зайца (*Lepus tolai*), дикого барана (*Ovis ammon orientalis*), джейрана (*Gazella subgutturosa*), кабана (*Sus scrofa*), кулана (*Equus hemionus*). Хотя не исключено, что и некоторые другие виды могли использоваться человеком: среднеазиатская черепаха (*Agrionemys horsfieldi*), орел-курганник (*Buteo rufinus*), шакал (*Canis aureus*), лисица (*Vulpes vulpes*), корсак (*Vulpes corsac*), например, для получения шкур, перьев, панцирей и т.д. Отдельный интерес представляют найденные здесь обработанные рога благородного оленя (*Cervus elaphus*) и зуб бурого медведя (*Ursus arctos*). Поскольку другие кости этих видов на памятнике не обнаружены, они, скорее всего, являются привозными. Рога оленя использовались как косторезное сырье, а зуб медведя, видимо, происходит от шкуры с головой – охотничьего трофея. В целом приходится признать, что охота в жизнеобеспечении гонурцев не играла значительной роли. Возможно, за исключением добычи антилоп, она имела ситуационный характер.

Преобладающее количество остатков животных на памятнике принадлежит домашним видам. Результаты идентификации костей позволяют уверенно говорить, что древнее население содержало 8 видов домашних животных: овцу, козу, крупный рогатый скот, домашнюю свинью, двугорбого верблюда, осла, лошадь, собаку (Сатаев, 2016). Нельзя исключать, что жители Гонура знали и домашнюю кошку. Хотя костей этого вида на памятнике пока не найдено, здесь была обнаружена очень выразительная глиняная фигурка кошки с пушистой шерстью и хвостом, а также бороздой вокруг шеи, которая, возможно, символизирует «ошейник».

Основой стада домашних животных являлся мелкий рогатый скот – овца и коза. Рост в холке баранов составлял в среднем 70-75 см, овец – 60-65 см. Среди овец были комолые особи и животные с небольшими «шишковидными» рожками. Учитывая, что среди глиняных зооморфных статуэток «баранов» встречаются фигурки с подчеркнуто толстыми хвостами, можно предположить наличие у гонурцев курдючных форм. Козы по численности уступали овцам. По размерам они были несколько меньше овец и достигали в высоту около 65 см.

Крупный рогатый скот в хозяйстве жителей Гонура занимал не менее важное место, чем овца. Все остатки этого вида, обнаруженные на Гонуре, происходят от формы *Bos taurus taurus*. Костей, которые можно

было бы достоверно отнести к зебу (*Bos taurus indicus*) пока обнаружено не было. Следует отметить, что в стаде крупного рогатого скота уже присутствовали кастрированные особи – волы. Скот, разводившийся жителями Гонура, отличался сравнительно крупными размерами. Высота в холке для коров составляла не менее 120 см, быков не менее 130 см, волов не менее 135 см. Несмотря на крупные размеры, животные имели небольшие рога, что, возможно, являлось результатом целенаправленной селекции. На изображениях быков с памятников Древней Маргианы также представлены короткорогие животные.

Кости свиньи, хотя и немногочисленны, но стабильно встречаются по всей площади памятника. Кроме кухонных отходов, они присутствуют в погребениях и на других ритуальных объектах, а астрагалы свиньи использовались в виде амулетов, наряду с астрагалами овец и коз. Промеры костей позволяют говорить, что рост в холке свиней был в среднем около 65 см.

Остатки верблюдов принадлежат двугорбому виду – бактриану. Высота в холке животных в среднем составляла около 165-175 см. О внешнем облике этих животных можно судить по высокохудожественному изображению на серебряном цилиндрическом сосуде двух шагающих верблюдов (Сарианиди, 2005, с. 237, рис. 96). Верблюды имеют массивное сложение, высокие горбы (особенно передний), на передних ногах обозначены мозоли, мощный чуб и подвес шерсти с нижней стороны шеи. Все эти признаки характерны для домашней формы. На Гонуре встречены и другие изображения верблюда, которые в целом соответствуют приведенному описанию. В свою очередь, дикий верблюд – легкий, стройный, длинноногий, узкотелый (Банников, 1975, с. 63-64). У него низкие, острые, конусовидные горбы, волосяной покров сравнительно короткий. Чуб на голове самцов короче, мозолей на передних ногах нет. В целом, можно говорить, что верблюды, разводившиеся жителями Гонура, прошли долгий путь доместикации.

На Гонур-депе встречены остатки двух видов домашних эквид – домашнего осла и лошади. Многочисленные находки костей осла и целых скелетов этого животного свидетельствуют о его широком использовании жителями протогородского центра. Рост в холке ослов был около 115 см. Также с памятника происходят 8 костей, достоверно принадлежащих домашней лошади. Наиболее интересной и информативной находкой, нужно признать череп лошади, который располагался в южном углу помещения 149 раскопа 9. Исходя из размеров черепа и других обнаруженных костей, высота в холке гонурской лошади ориентировочно оценивается в 136-144 см. Согласно делению древних форм лошадей по величине, предложенной В.О. Виттом, лошадь с Гонур-депе может быть отнесена к группе средних. Впервые кости домашней лошади в Средней Азии появляются на памятниках позднего бронзового века. Поскольку остальные памятники, где встречены кости лошади, моложе Гонура, можно говорить, что находки костей домашней лошади на Гонур-депе, по-видимому, маркируют начало ее использования населением Средней Азии (Сатаев, 2016).

На памятнике достаточно многочисленны остатки собак. Их можно разделить на три морфологических типа: крупные («боевые» собаки), средние («пастушеские – сторожевые») и мелкие («декоративные»). Крупные собаки отличались массивным строением, мощной головой, длинным хвостом, высота в холке у них достигала до 80 см. Зубы этих собак обычно имеют хорошее состояние, поэтому не исключено, что их специально кормили мясом для поддержания хорошей физической формы. В частности, такие собаки были найдены на дне уникального захоронения 3900. Чаще всего на Гонур-депе встречаются остатки

«пастушеских – сторожевых» собак. Это животные средних размеров, с более или менее выраженной профилировкой лба. Высота в холке у самцов достигала 50-60 см, у самок 40-50 см. Хвосты у собак обычно купировались. Состояние зубов преимущественно плохое, очевидно, что в их рационе преобладали кости. Возможно, специально собак не кормили, и они подъедали отходы с человеческого стола и падаль. Мелкие собаки были не более 40 см в холке (общая длина черепа менее 17 см). Наиболее полный скелет мелкой собаки происходит из элитного погребения (гробница 3210 с территории «Царского некрополя»), где животное было захоронено в попонке, расшитой бисером. Последнее указывает, что собака, скорее всего, выполняла декоративную роль. Возможно, мелкие собаки могли использоваться для ловли грызунов.

Результаты исследований, проведенных на памятнике, демонстрируют, что разведение животных населением древнего Гонурского оазиса преследовало разные утилитарные цели (получение посмертной и прижизненной продукции). На содержание скота в целях получения молока указывает находка в сосуде из погребения 3901 остатков просяной каши, сваренной на молоке (Сатаева, Сатаев, 2012, с. 160). О разведении животных для производства шерсти говорят обнаруженные при раскопках фрагменты ткани из животных волокон, а об использовании тягловой силы – находки целых скелетов верблюдов и ослов вместе с четырехколесными повозками.

В свою очередь, о специфике мясной эксплуатации животных лучше всего дают представление кости, происходящие из кухонных отходов с трех участков Гонура. Эти участки расположены в северной, восточной (архитектурно-строительные комплексы II периода) и южной (архитектурно-строительный комплекс III периода) частях памятника. Анализ отходов потребления мяса показывает, что жители, населявшие окрестности дворцово-храмового комплекса Гонура, содержали скот в ограниченном количестве, в основном, получая мясную продукцию со стороны. При доме, по-видимому, в основном находились животные, которые использовались для получения молока и как рабочая сила (тягловые, вьючные животные). Нужно уточнить, что это касается лишь той группы людей, которая постоянно или временно проживала на территории самого протогородского центра. По всей видимости, архитектурно-строительные комплексы, окружавшие дворец Гонура, были местом проживания контингента, занимавшегося обслуживанием административной и духовной элиты, возведением и ремонтом различных сооружений и разного вида ремеслом. При этом, учитывая широкий состав используемых в хозяйстве и ритуалах гонурцев домашних форм, присутствие в кухонных отходах костей животных разного возраста, кастрированных животных, можно уверенно говорить о наличии у древнего населения оазиса развитого животноводства. Таким образом, разведение животных было прерогативой жителей «сельских» – сателлитных поселений и/или групп населения, специализировавшихся на разведении скота.

Отдельно стоит сказать о животных, использовавшихся при проведении ритуалов. В.И. Сарианиди, а вслед за ним и Н.А. Дубова уделяли особое внимание ритуальным объектам с остатками животных. Среди многочисленных работ Надежды Анатольевны есть посвященные непосредственно погребениям животных (Дубова 2008, 2012, 2014). При изучении ритуальных объектов она всегда чрезвычайно бережно относится не только к человеческим останкам, но и к остаткам животных. Во многом благодаря этому к настоящему времени собран разнообразный и информативный материал, характеризующий особенности использования животных в ритуалах.

Говоря о ритуальной практике гонурцев, можно констатировать, что для этих целей ими использовались все домашние виды, хотя не в равной степени. Наиболее распространенным и универсальным объектом ритуальных манипуляций являлся мелкий рогатый скот, остатки которого (в виде целых скелетов или отдельных частей) обнаружены в самых различных контекстах. В составе «напутственной пищи» остатки мелкого рогатого скота отмечаются практически во всех погребениях. В различных формах использовался и крупный рогатый скот, но в целом случаев находок его костей в ритуальном контексте немного. Многочисленны ритуальные объекты, содержащие остатки собак. Однако формы использования собак не отличаются особым разнообразием, они были либо уложены в погребение (или сопутствующее ему сооружение), либо захоронены самостоятельно (Дубова 2012; Сатаев, Дубова 2016). В элитные гробницы, кроме прочего, помещали туши верблюдов и ослов.

Далее мы перейдем к не менее интересным результатам изучения растительных остатков, которые несут информацию о том, что выращивали и собирали люди, чем питались сами и кормили животных, какое использовали топливо, как применяли древесину.

При раскопках Гонур-депе было выявлены несколько форм сохранения растительных остатков: обугленные семена и плоды культурных и дикорастущих растений, древесные угли, истлевшая древесина, в ряде случаев законсервированная солями меди. Кроме того здесь встречены отпечатки частей растений на керамике, кирпичах, обмазке, в полу различных сооружений.

Из семян растений на памятнике наиболее широко представлены зерна пшеницы (мягкой *Triticum aestivum,* карликовой *T. compactum*), двурядного и шестирядного ячменя *(Hordeum vulgare)*. Зерна пшеницы и ячменя имеют сравнительно крупные размеры и пропорции, характерные для злаков, выращиваемых в условиях достаточного влагообеспечения, что указывает на эффективное орошение полей. Из зерновых культур также встречено просо *(Panicum miliaceum)*, из бобовых – чечевица *(Lens culinaris)*, нут бараний *(Cicer arietinum)* и горох (мелкосемянная форма), из садовых – яблоня, алыча, вишня, виноград, из бахчевых – дыня.

На характер пищевого использования злаков может указывать содержимое большого красноглиняного ангобированного сосуда из погребения 3901 с территории царского некрополя. Анализ его содержимого показал, что исследованная масса представляет собой остатки блюда, приготовленного из дробленного неотвеенного проса. Вероятнее всего это была каша или густая похлебка, сваренная на молоке (Сатаева, Сатаев, 2012). Кроме того, в зубном камне мужчины из погребения 3428 удалось выявить зерна крахмала пшеницы, ячменя и бобовых. Характер крахмальных зерен показывает, что крахмал пшеницы и ячменя происходит от термически обработанных – разваренных семян, а крахмал бобовых – от сырых (Сатаев и др. 2017). Возможно, каши и/или похлебки, сваренные из злаков, являлись для древнего населения одним из основных видов пищи.

Показательно, что семена винограда, обнаруженные в очагах, представляют собой спекшуюся массу из разноориентированных зерен, что позволяет оценивать ее как виноградный жмых, остающийся при отжиме сока. Это свидетельствует о наличии у древнего населения Гонур-депе виноделия. Можно отметить также находки разбухших семян злаков, которые, по-видимому, являются отходами, остающимися после приготовления браги.

Состав растений, поедавшихся скотом, частично демонстрирует материал из помещения у восточной стены кремля, где, видимо, держали скот перед убоем. Здесь об-

наружены семена горчицы полевой *(Sinapis arvensis)*, лапчатки *(Potentilla sp.)*, манжетки обыкновенной *(Alchemilla vulgaris)*, горошка *(Vicia sp.)*, незабудки полевой и мелкоцветковой *(Myosotis arvensis*, *M. micrantha)*, ясменника *(Asperula sp.)*. Кроме того, здесь же выявлено большое количество остатков верблюжьей колючки *(Alhagi pseudalhagi)*. Возможно, она использовалась как зимний корм для скота (в этом качестве верблюжья колючка заготавливается в Каракумах и в настоящее время).

Изучение углей из очагов и зольно-углистых отложений показывает, что главным источником топлива являлась древесная растительность, в основном, в виде хвороста. Так, углистые горизонты с разных участков памятника, образованные выбросами из печей, состоят преимущественно из углей саксаула (*Haloxylon sp*.), кустарниковой формы солянки (*Salsola sp.*), ивы (*Salix sp.*) и тамариска (*Tamarix sp*.). Угли с территории дворцово-храмового комплекса принадлежат тамариску, саксаулу, тополю *(Populus sp.),* клену (*Acer turcomanica*),джузгуну *(Calligonum sp.)*, спиреантусу Шренка *(Sp iraeanthus schrenckianus)*. Последний вид является эндемиком пустынь Казахстана (где этот кустарник используется как топливо) и в настоящее время на территории Каракумов он не встречается, но в прошлом его ареал, видимо, был значительно шире.

Анализ отпечатков веток, выявленных на внутренних слоях гипсовых обмазок, покрывающих массивные сосуды – хумы, а также стенки выполненных из сырцовой глины стационарных емкостей («ванн» и «чанов»), показывает, что они принадлежат иве. Вероятнее всего, ивовые прутья служили для армирования вяжущего материала. На поверхности сырцовых кирпичей выявлены многочисленные отпечатки стеблей, листьев и семян злаков, которые замешивались в исходное тесто.

Отпечатки стеблей тростника и сами стебли (законсервированные гидроксидами железа) выявлены в заполнении «фильтра», устроенного в восточной части малого бассейна. Взаимное расположение слоев стеблей с перемежающими слоями песка может указывать, что заполнение сооружения действительно могло играть роль своеобразного фильтрующего материала.

Отдельного внимания заслуживают результаты изучения остатков обрушившейся при пожаре кровли, покрывавшей дворцовые коридоры. Роль несущих балок в конструкции выполняли стволы тополя (диаметр балок составлял около 15 см, длина около 10 м). Поперек них укладывались жерди (вероятнее всего толстые ветки) из тополя диаметром 5 см. Поверх балок и жердей были уложены ивовые ветки (возможно, плетень), выше маты из стеблей тростника. Сверху конструкция была покрыта саманной обмазкой, армированной ивовыми прутиками.

На территории, прилегающей к Гонурдепе, встречаются 2 вида тополей подрода туранга: тополь евфратский (*P. euphratica*) (4-8 м высотой) и тополь сизолистный (*P. pruinosa*) (3-5, до 8 м высотой), по-видимому, конструкции дворца были выполнены из них.

Значительный интерес представляет древесина, происходящая от различных изделий. Так черенок бронзовой лопаты из погребения 3900 был сделан из скумпии кожевенной *(Cotinus coggygria)*. Этот вид устойчив к гниению и может использоваться в качестве подпорок на виноградниках, для инкрустации художественных изделий, а также для дубления кожи и шкур, окрашивания тканей. В диком виде скумпия в Средней Азии не встречается. Ее древесина могла быть импортирована или с запада (Кавказ или Малая Азия) или с востока (из Гималаев).

Доски для колес повозок, обнаруженных в погребениях 3900 и 3915 были выпилены из вяза *(Ulmus sp.)*. Это было обусловлено тем, что у вяза прочная, вязкая,

устойчивая к гниению древесина, которая и сейчас применяется для производства гнутых изделий, полозьев, дуг, колес.

Таким образом, можно резюмировать, что население Гонурского оазиса выращивало значительное количество видов культурных растений, а также широко использовало естественные растительные ресурсы, в первую очередь древесину. Несмотря на расположение древнего города в аридной зоне здесь развивалась и совершенствовалась техника деревообработки. Во дворце Гонура был обнаружен обломок бронзового спирального сверла, а появление спиральных сверл и буравчиков, в первую очередь, связывают с необходимостью сверлить древесину. Возможно, что часть древесины и/или изделий из дерева поступало со стороны, что очередной раз демонстрирует наличие налаженных торговых контактов жителей Гонура с соседними, в разной степени отдаленными регионами

Вклад Надежды Анатольевны в познание «флоры и фауны» Гонура не ограничивается только организацией соответствующих исследований. Разбирая погребения или контролируя процесс раскопок, она с большим вниманием относится к любому, даже, казалось бы, на первый взгляд малозначительному органическому объекту, будь то рассыпающиеся кости животных, угольки, невыразительные кусочки истлевшей древесины и т.п., то есть всему тому, что имеет большой шанс оказаться в отвале. Все это она тщательно фиксирует, собирает и в буквальном смысле передает из своих рук в руки специалистам.

В заключение, хочется подчеркнуть, что для авторов этой статьи самый важный талант Надежды Анатольевны выражается в способности объединять вокруг себя людей разных профессиональных интересов, возраста, национальности, гражданства, жизненных принципов, создавая благотворную творческую атмосферу для совместного изучения какого-либо объекта (это касается не только Гонура). Стоит заметить, что это не простая задача, особенно когда речь идет о людях, состоявшихся как специалисты в своей области знаний.

Российский философ А.Н. Книгин относительно специализации ученых пишет: «Известный норвежский путешественник Тур Хейердал описал эту ситуацию, сравнив ученых с кладоискателями, которые все глубже зарываются каждый в свою шахту и перестают видеть и слышать друг друга. Я бы даже сказал – перестают существовать друг для друга» (Книгин, 2008, с. 15).

Пользуясь приведенной выше метафорой, можно сказать, что Надежда Анатольевна Дубова является человеком, прилагающим массу усилий, чтобы узники «научных шахт» могли видеть и слышать друг друга, а если «искать клад», то вместе. Когда научные интересы специалистов разных дисциплин сближаются, формируется общее эмпирическое и теоретическое пространство, которое можно определить, как междисциплинарное. Заметим, что хотя понятия «междисциплинарность» – «междисциплинарные исследования» в научной среде воспринимаются неоднозначно, а их содержание активно дискутируется, нельзя отрицать позитивность этого явления, даже если понимать под ним только применение методов разных наук для изучения одного объекта. Мы полагаем, что отношение Надежды Анатольевны к перспективе междисциплинарных исследований и интеграции наук хорошо выражают слова М. Роко, американского исследователя в области нанотехнологий: «С большой долей уверенности можно предсказать, что исследования в течение ближайших десятилетий приведут ученых к более общей научной картине мира. В которой разные научные дисциплины будут сливаться, демонстрируя единство свойств и законов окружающей нас природы» (Роко, 2008, с. 286).

Поэтому неудивительно, что для нас, пишущих эти строки личное общение, работа с Надеждой Анатольевной всегда была «глотком свежего воздуха» и способом спасения от затягивающей повседневной серости, дающие оживляющий заряд оптимизма на долгое время после расставания.

Литература

Афонин С.А. Анализ некоторых растительных остатков с памятника эпохи бронзы Гонур-депе // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. М.: Старый сад, 2008. С.161-162.

Банников Е.Г. Дикий верблюд хавтгай // Природа. 1975. № 2. С. 63-69.

Дубова Н.А. Погребения животных в ритуальной обрядности Гонур-депе // Материалы Международной конференции «Культура номадов Центральной Азии», посвященной памяти А.М. Мандельштама. Самарканд, Самарканд: Изд-во МИЦАИ, 2008. С. 84-97.

Дубова Н.А. Погребения животных в стране Маргуш // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 4. Исследования Гонур-депе в 2008-2011 гг. М.: Старый сад, 2012. С. 101-139.

Дубова Н.А. Погребения животных и связанные с ними ритуалы на памятнике эпохи бронзы Гонур-депе в Туркменистане // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I. Казань: Отечество, 2014. С. 424-427.

Книгин А.Н. Междисциплинарность: основная проблема // Вестник ТГУ: Философия. Социология. Политология. 2008. № 3 (4). С. 14-20.

Миллер Н.Ф. Предварительные археоботанические результаты раскопок 1989 года в центральноазиатском селении Гонур-депе // Информационный бюллетень МАИКЦА. 1994. Вып.19. С. 192-199.

Мур К. Животные в хозяйстве Гонур-депе эпохи бронзы // Информационный бюллетень МАИКЦА. 1994. Вып. 19. С. 200-216.

Роко М. Конвергенция и интеграция // Фостер Л. Нанотехнологии. Наука, инновации и возможности. М.: Техносфера, 2008. С. 285-295.

Сарианиди В.И. Гонур-депе. Город царей и богов. Ашхабад: Miras, 2005. 327 с.

Сатаев Р.М. Животные в культуре Древней Маргианы. М.: Старый сад, 2016. 197 с.

Сатаев Р.М., Дубова Н.А. Погребения собак на Царском некрополе Гонура // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 6. Памяти Виктора Ивановича Сарианиди. М.: Старый сад, 2016. С. 204-223.

Сатаев Р.М., Сатаева Л.В., Куфтерин В.В. Особенности диеты древнего населения Гонур-депе (бронзовый век, Туркменистан) по данным междисциплинарных исследований // Человек и среда: актуальные проблемы антропологии и археологии. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием VII Алексеевские чтения. Казань: ООО «Озон», 2017. С. 50.

Сатаева Л.В., Сатаев Р.М. Археоботанические исследования на Гонур-депе // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 4. Исследования Гонур-депе в 2008-2011 гг. М.: Старый сад, 2012. С. 159-162.

Тенгберг М. Анализ образцов дерева с Гонура (Маргуш), Туркменистан // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. М.: Старый сад, 2008. С. 163-164.

Hiebert F.T., Moore K.M. New stratigraphic excavations at Gonur-depe (North) // Information Bulletin IASCCA. 1993. No. 19. P. 96-108.

Moore K.M. Animals use at Bronze Age Gonur-depe // Information Bulletin IASCCA. 1993. No. 19. P. 164-176.

Moore K.M., Miller N.F., Hiebert F.T., Meadow R.H. Agriculture and herding in the early oasis settlements of Oxus Civilization // Antiquity. 1994. Vol. 68. No. 259. P. 418-427.

А.А. Семененко

БЫЧЬИ КОЛЕСНИЦЫ ЕВРАЗИИ КАК ДРЕВНЕЙШАЯ ФОРМА КОЛЕСНИЧНОГО ТРАНСПОРТА ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

Недавно нами была сформулирована гипотеза о существовании древнейшей доконной стадии развития колесничного дела у ряда индоевропейских народов (а именно, у носителей анатолийских, иранских и индоарийских языков), на которой в качестве упряжных животных в уже изобретенных двухколесных колесницах со сплошными и/или спицевыми колесами использовались не настоящие лошади, а (горбатые) быки (Семененко, 2018а, с. 28-32).

Именно такая картина описывается некоторыми гимнами Ригведы (далее РВ) (Ригведа, 1989, 1995, 1999; Rigveda) (наша датировка 3300-2600 до н.э. – Семененко, 2016, с. 339-343; 2017, с. 81–91; 2018а, с. 85-95), согласно которой в колесницу=ратху Ашвинов могли запрягать горбатых быков–зебу – одного (V.73.7; V.75.4) или больше (I.46.3; IV.44.2). Также РВ описывает ратхи, ведомые быками – Ашвинов (I.116.18), Ушас (V.80.2–3), упоминается дар из двадцати запряженных попарно в ратхи быков (VI.27.8). Серия сообщений о быках как запрягаемых в ратху встречается в гимнах РВ к Индре (I.177.2–3; II.16.4–6; III.43.2–4, 6; V.36.5; VI.44.19–21; VIII.4.11, 13–14; VIII.33.4, 10–12, 14; X.49.2, 11; X.112.2). По данным РВ быков запрягали и в повозки (V.27.1; X.59.10; X.85.10–11), но сообщение о запрягании для боя отважного быка (VI.67.11) трудно трактовать иначе как указание на использование его для запряжки в боевую ратху. Быки возят Апам Напата (I.186.5). Не только (горбатые) быки, но даже коровы могли запрягаться в ратху (VIII.94.1).

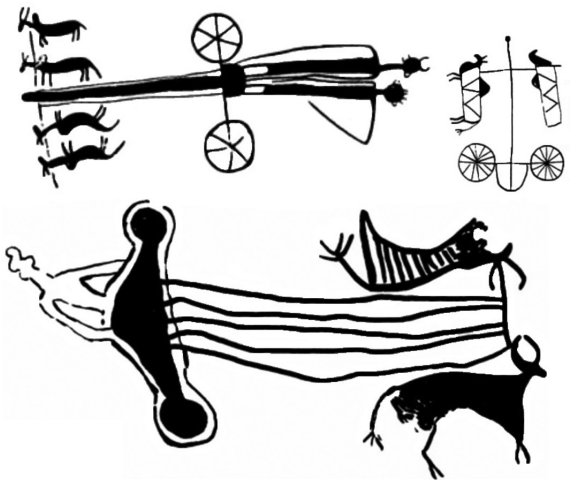

Рис. 1. Рисунки бычьих упряжек колесниц, Мадхья Прадеш. Халколит.

Горбатые быки изображаются в колесничных упряжках в халколитической наскальной живописи к юго-востоку от долин Инда и Сарасвати начиная с 2500 до н.э. Сюда относятся: изображение влекомой четверкой зебу колесницы с шестиспицевыми колесами со стоящими на ней двумя колесничими из долины р. Асан (дистрикт Морена, Мадхья Прадеш, к северу от гор Виндхья); рисунок колесницы с многоспицевыми колесами и парной упряжкой зебу без колесничего из Абчанда (дистрикт Сагар, Мадхья Прадеш); изображение колесницы с дисковыми колесами с одним колесничим и парой быков из Чатур Бходж Натх Нулла (дистрикт Мандасор, Мадхья Прадеш, к северу от гор Виндхья) (рис. 1) (https://www.harappa.com/content/chariots-chalcolithic-rock-art-india).

Рис. 2. Даймабадская колесница.

Рис. 3. Даймабадская колесничная упряжка.

Замечательным подтверждением данных РВ об использовании древними индоариями зебу в упряжке колесниц служит относящаяся к эпохе Поздней Хараппы бронзовая колесница с парой горбатых быков, являющаяся частью клада из Даймабада (дистрикт Ахмеднагар, Махараштра, левый берег р. Правара, притока р. Годавари) (1600-1400 до н.э.) (рис. 2-3) (Dhavalikar, 1978, p. 203-211; Mode, 1981, p. 273; Yule, 1985, p. 30-31; Dhavalikar, 1982, p. 361-366; Chandra, 1985. Frontispiece; Honour, Fleming, 2005, p. 52, fig. 2.24).

Южноазиатским данным соответствует отраженное в глиптике, рельефах и статуях XIV-IX вв. до н.э. древнейшее представление несито-лувийцев об использовании уже в эпоху повсеместного распространения в Старом Свете конной колесничной тяги их верховным божеством – богом бури Тархунтом–Тешшупом – до-конной, т.е. запряженной парой быков или одним быком, колесницы – ср. печать Мурсили III[1] (рис. 4-5), рельеф Имамкулу на скале Шимсеккая (рис. 6) (http://www.hittitemonuments.com/imamkulu), рельеф из Алеппо из храма бога бури в цитадели (рис. 7), ортостат[2] из Арслантепе на берегу

Рис. 4. Печать Мурсили III.

Рис. 5. Прорисовка печати Мурсили III.

[1] Мурсили III (хет. *Мурсилис*) – царь Хеттского царства, правил приблизительно в 1282-1275 гг. до н.э.

[2] Ортостаты – монументальные резные вертикальные мегалиты.

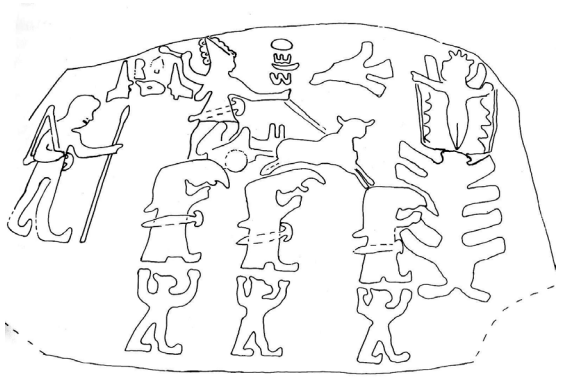

Рис. 6. Прорисовка рельефа в Имамкулу на скале Шимсеккая в провинции Кайсери, Турция.

Рис. 7. Рельеф в Алеппо в Северной Сирии в храме бога бури в цитадели.

Евфрата в 4 км к северо-востоку от совр. г. Малатья, Восточная Турция (рис. 8) и статую из Чинекей в турецкой провинции Адана (рис. 9) (Alexander, 1991, p. 169-170; Recai et al., 2000, p. 961-1007; Hawkins, 2003, p. 169–170; Taracha, 2008, p. 748, 751; Kohlmeyer, 2009, p. 198, 200; Lawler, 2009, p. 25; Singer, 2009, p. 147-152; Collins, 2010, p. 68-69; Feldman, Sauvage, 2010, p. 156; Hawkins, 2011, p. 38-39; Archi, 2013; Karlsson, 2013, p. 172-173).

Все это указывает на общий индоарийско-анатолийский культ бога грозы, возникший на той стадии развития индоевропейской колесничной технологии, когда в уже изобретенную колесницу запрягались не (только) эквиды (причем необязательно настоящие лошади), но и быки, в т.ч. горбатые.

О том, что именно таким образом происходила эволюция колесничной тяги, свидетельствует и находка золотой чаши в Хасанлу Тепе (1250-800 гг. до н.э.) у юго-западной оконечности оз. Урмия в Иранском Азербайджане с изображением среди прочего трех колесничных упряжек трех персонажей на колесницах с шестиспицевыми колесами, которые трактуются как бог бури, атмосферы и погоды на бычьей колеснице и боги солнца (показан в солярном головном уборе) и луны (изображен с рогами) на колесницах с онаграми или мулами (рис. 10-11) (Porada, 1959, p. 19-22; Winter, 1989, p. 87-105; Ayatollāhi, 2002, p. 61-63).

Рис. 8. Ортостат из Арслантепе, деталь.

А на серебряном сосуде бронзового века (конец III – начало II тыс. до н.э.) из Бактрии, который сейчас хранится в Лувре (инв. ном. AO28518; http://cartelfr.louvre.fr/cartelfr/visite?srv=car_not_frame&idNotice=17040&langue=fr), изображена запряженная парой быков двухколесная колесница

Рис. 9. Статуя из Чинекей.

Рис. 10. Золотая чаша Хасанлу.

прародины на стыке Ирана, Средней Азии и Индостана (Семененко, 2018, с. 202-220; 2018б, с. 13-48, 160-426; 2018б, с. 5-88, 197-450; Semenenko, 2019, p. 3-22).

В.И. Сарианиди высказывал гипотезу об ираноязычии индо-афганцев Ирана еще в IV тыс. до н.э.: «Вопрос можно поставить так: не происходил ли процесс иранизации по языку степных культур в результате… контактов их с земледельческими племенами, происхождение которых связывается с районами Древнего Ирана… Археологические и антропологические

Рис. 11. Прорисовка изображения на золотой чаше из Хасанлу

с одним колесничим (рис. 12) (Francfort, 2007, p. 109). Непонятно, на каком основании В.А. Новоженов относит эту явную колесницу (Francfort, 2001, p. 156-157) к ««боевым телегам» для экипажа из одного–двух человек, стоящих и сидящих на платформе» (Новоженов, 2016, с. 364).

По нашему мнению, и бактрийский серебряный сосуд, и золотая чаша Хасанлу с изображениями двухколесных бычьих колесниц должны рассматриваться как памятники материальной культуры, отображающие идеологию и древнейшую колесничную практику раннеиранских племен, продвигавшихся совместно с предками несито-лувийцев и греко-италиков на запад и север из общей индоевропейской

наблюдения дают основание выдвинуть гипотезу об ассимиляции по антропологическому типу и иранизации по языку части населения степной бронзы, непосредственно соприкасавшейся с земледельческими

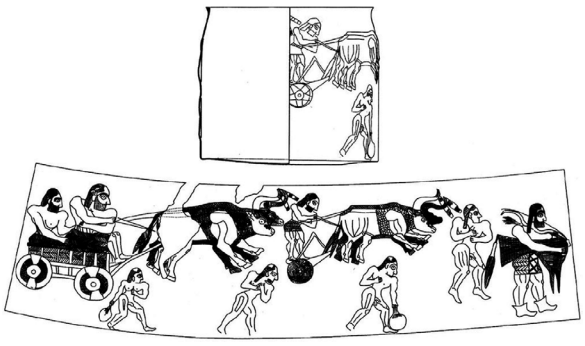

Рис. 12. Прорисовка изображения на серебряном кубке из Бактрии.

племенами, где средиземноморский антропологический тип являлся основным, начиная по крайней мере с IV тыс. до н.э.» (Сарианиди, 1975, с. 26, 28) Другой крупнейший специалист по археологии Средней Азии И.Н. Хлопин настаивал на том, что «археология совершенно однозначно доказала, что в течение всей первобытности, т.е. с неолита до эпохи раннего железа, не зафиксировано никакого инокультурного вторжения или даже влияния на культуру как расписной, так и серо-черной керамики Южного Туркменистана. Это значит, что существующее в науке мнение о приходе в эти места людей в эпоху бронзы, говоривших на индо-иранских языках, следует полагать полностью себя изжившим. И если считается общепринятым мнение о том, что население юга Средней Азии с эпохи бронзы говорило на иранских языках, то надо признать, что на этих же языках оно говорило с эпохи неолита, со спонтанного перехода к производящему хозяйству, по крайней мере с VII–VI тыс. до н.э.» (Хлопин, 1999, с. 73-74; см. также: Хлопин, 1989, с. 218-223). С выводом относительно отсутствия следов вторжения или переселения с севера в Южную Среднюю Азию какого-либо населения вплоть до конца эпохи бронзы согласна и Н.А. Дубова: «Антропологические данные… некрополя Гонура подтвердили не раз высказывавшееся специалистами-палеоантропологами мнение о полном отсутствии каких-либо антропологических свидетельств продвижения степных племен на юг до конца II тыс. до н.э.» (Дубова, 2005, с. 46)

Здесь на помощь лингвистике и археологии приходит (палео)антропология. Мы солидарны с В.П. Алексеевым, указывающим, что «прародина индоиранцев в свете палеоантропологических и антропологических данных очерчивается… в пределах обширного района, охватывающего юг Средней Азии и Иранское нагорье. Границы прародины на западе и на востоке остаются не очень определенными» (Алексеев, 2008, с. 362). На юго-востоке в исходный ареал индо-афганцев входит как минимум долина Инда (Алексеев, 2008, с. 362). Халколитические обитатели Мергарха в Белуджистане (с 4500 г. до н.э.) антропологически находились в родстве с жителями Хараппы эпохи бронзы (Hemphill et al., 1991, p. 164, 173) – типичными индо-афганцами (см. ниже). К особому северо-индийскому варианту индо-афганского типа относятся большие этно-кастовые группы населения Северной Индии – брахманы, гуджары, ахиры, джаты, раджпуты – и представители высших каст Юго-Западной Индии (брахманы дешастха, читпаван и чандрасенья) (Дерябин, 1999, с. 69-72, 74-76, 91). Для эпохи бронзы Н.А. Дубова указывает на родство популяций Ирана, Пакистана, долины р. Инд, южных районов Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана, в частности: «мужчины-гонурцы… имеют почти самую узкую голову, узкие и высокие лицо, нос и орбиты среди всех привлеченных групп. Несколько более высокие лицо, нос и орбиты свойственные только группам V и IV слоев из Хасанлу (Иран) и из R37 Хараппы… По широтным размерам некрополю Гонура близки иранский Тепе-Гиссар II, Мохенджо Даро из долины р. Инд, Буткара из долины р. Сват в Пакистане и Тигровая Балка III (Ойкуль) в Южном Таджикистане… Обращает на себя внимание «разброс» краниосерий из Хараппы. Черепа R 37 имеют почти такие же значения F1 как и обе серии из Гонура и Хасанлу, а по F3 (широтные показатели) они практически сливаются на графике с гонурскими «руинами». Хараппа H по обоим факторам сильно отличается от R 37, сближаясь с сериями из Тигровой Балки I (Вахш), из Дальверзина и зарафшанского Сазагана, имея несколько большие высотные, а также широтные показатели… Серия G289 оказывается очень похожей на черепа из иранской Шахри-Сохта и таджикского Макони Мор. Почти на таком же

расстоянии от нее, но имея другие значения первого и третьего факторов, расположились туркменский Пархай 2 и… Тепе Гиссар III… Учитывая наличие сближения обеих частей гонурской серии (некрополь и «руины») с памятниками цивилизации долины р. Инд, с одной стороны, и с другой, – с группами, жившими к югу от Копетдага, можно говорить о том, что… между этими регионами имели место… волнообразные перемещения населения» (Дубова, 2010, с. 493-501).

Вся эта территория от Азербайджана до Пенджаба антропологически представляет собою ареал индо-афганской ветви европеоидов, которых мы считаем древнейшими носителями индоевропейской речи. На северо-западе ареал индо-афганцев включает в себя Восточное Закавказье (в частности, долины рек Кура и Аракс) (Алексеев, 1971, с. 35-36; Алексеев, 1979, с. 185; Дерябин, 1999, с. 27, 55-57, 62, 91; Алексеев, 2008, с. 358; Алексеев, 2009, с. 160; Алексеева, 2009, с. 6). Но прародина индоевропейцев располагалась ближе к Гималаям и Тибету – с одной стороны, и к Южной Индии – с другой. Об этом говорят выявленные И.А. Тонояном-Беляевым следы существования лингвистических контактных зон – индоевропейско-тибетской (Tonoyan-Belyayev, 2018, с. 352–357) и индоевропейско-дравидской (Tonoyan-Belyayev, 2019, с. 300–304). На это же указывает обнаруженная тем же специалистом индоарийская лексика в шумерском (ок. 3000 – ок. 2000 до н.э.), попавшая в Южную Месопотомию в результате морской торговли ее жителей с Синдом и Гуджаратом (Семененко, Тоноян-Беляев, 2015, с. 5-11).

Индо-афганцы обитали на стыке Ирана и Индостана как минимум с эпохи неолита, о чем говорит палеоантропологическое исследование скелетов неолитического поселения Тепе Санг-и Чакмак в Северо-Восточном Иране: «все останки принадлежали одной и той же высокооднородной популяции. У обоих полов средний черепной индекс все индивидов приходится на долихокранию, но близкую к гипердолихокрании... Эти характеристики согласуются с характеристиками людей средиземноморского типа, выявленными у скелетов периодов Сиалк с I по IV и Гиссара III, хотя лица из Чакмака не были такими узкими» (Masuda et al., 2013, p. 235). Материальная культура Тепе Санг-и Чакмак имеет близкие аналоги на двух других типологически схожих (Массон, 1986, с. 137; Массон, 1989, с. 43-44; Sharif, Thapar, 1999, p. 132) неолитических памятниках ирано-среднеазиатско-индостанского пограничья – Джейтун (Южный Туркменистан) и Мергарх (Белуджистан) (Sharif, Thapar, 1999, p. 151; Thornton, 2013, p. 243-244, 249). Джейтунцы также уже были носителями индо-афганского антропологического типа (Гинзбург, Трофимова, 1972, с. 37-46.). На юге Средней Азии северной границей ареала индо-афганцев в эпохи энеолита и бронзы служила долина р. Зеравшан (Аскаров, 1970, с. 64-66; Исаков, Потемкина, 1989, с. 162, 164-165; Ходжайов, 2004, с. 190-193; Кутимов, 2008, с. 159-161; Ходжайов, Ходжайова, 2014, с. 527). Причем отмечаются следы прямых контактов населения Белуджистана и долины Зеравшана (Саразм) еще в конце IV тыс. до н.э. (Кирчо, 2012, с. 284-285) В.М. Массон указывал, что «в Саразме… выше комплекса, являющегося местным проявлением геоксюрского локального варианта анауской культуры, идет слой, где встречается расписная керамика на гончарном круге с мотивами явно не среднеазиатского, а среднебелуджистанского облика» (Массон, 1986, с. 132). Таким образом, индо-афганцы непрерывно обитают на стыке Средней Азии, Ирана и Индостана с неолита вплоть до современности: «Долихокранный европеоидный (средиземноморский) тип характерен для областей к югу и западу от Аму-Дарьи, где он является преобладающим уже с эпохи бронзы (например, Анау

и Намазга-тепе в Туркмении) до настоящего времени (Туркмения, Иран, Северная Индия и южные склоны Гиндукуша). Резко выраженным долихокранным европеоидным типом обладало и население юга Памира в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. … Тот же тип был там характерен для населения сакской культуры и для более позднего времени, по крайней мере до середины I тыс. до н.э. В эпоху бронзы долихокранный европеоидный тип был распространен и к северу от Аму-Дарьи, на территории Бактрии и Согда, а также Ферганы» (Гинзбург, 1956, с. 46-47)

Вышеизложенные соображения побуждают нас атрибутировать золотую чашу из Хасанлу и серебряный сосуд из Бактрии с изображениями бычьих колесниц как произведения древнеиндоевропейского (древнеиранского) искусства. Ранее уже высказывалась гипотеза о связи этих двух памятников культуры и об индоевропейской (митаннийско-арийской) атрибуции чаши из Хасанлу (Francfort, 2012, p. 171-188).

В свою очередь данные индоарийской, иранской и несито-лувийской традиций о бычьих колесничных упряжках индоевропейских богов находят свои параллели в древнегреческой и древнеримской культурах.

В восточной части Крита в местечке Карфи был обнаружен датируемый 1200–1000 до н.э. глиняный сосуд для возлияний (ритон) в форме стилизованной запряженной тремя быками трехколесной колесницы со стоящим колесничим (рис. 13; http://nam.culture.gr/portal/page/portal/deam/virtual_exhibitions/AMH/AMHP11046) (Iozzo, 1996, p. 72).

А.И. Зайцев утверждает, что древнегреческая традиция в «Илиаде» и «Одиссее» сохранила свидетельства применения запряженных быками повозок со сплошными колесами в военно-транспортных целях. Об этом, по его мнению, говорит описание тактики использования боевых колесниц в

Рис. 13. Фотография артефакта из Археологического музея Гераклиона, Крит, Греция.

«Илиаде» – герои выезжают на колеснице на поле битвы и потом спешиваются для боя. Например, в стихе «Илиады» XVII, 480 Автомедон говорит: «Я с колесницы сойду, чтобы сражаться». Как указывает А.И. Зайцев, такая тактика противоречит методике применения легких боевых колесниц на конной тяге для непосредственного участия в боевых действиях, при котором колесницы нападали сомкнутым строем и колесничие метали в противника дротики и стреляли в него из луков. Сам Гомер описывает эту тактику словами Нестора в «Илиаде» (IV, 297 сл.), но при этом не следует ей в основном повествовании. А.И. Зайцев полагает, что спешивание героя с колесницы для боя не является чисто поэтическим вымыслом, но имеет под собою реальную историческую основу – древнюю практику, при которой вожди ехали на битву на быках в окружении пеших воинов, что подчеркивало престиж правителя. Исследователь также ссылается на Э. Дельбека, подметившего, что в эпическом языке много раз употребляется терминология, подразумевающая употребление стрекала по отношению к лошадям, которых герои при этом погоняли бичом. Поскольку стрекало использовалось для

управления быками, в этой терминологии можно видеть еще один реликт того периода, когда единственными колесничными животными были быки. Также А.И. Зайцев анализирует этимологию древнегреческого прилагательного μωνυξ, gen. sing. μώνυχος («однокопытный») – оно впервые появляется в «Илиаде» (более 30 раз) и один раз в «Одиссее» [XIV, 46] (но в «Одиссее» почти не упоминаются лошади), затем встречается в поэзии Солона и Еврипида, а в сочинениях Геродота, Платона, Аристотеля и позднейших авторов используется для описания непарнокопытных (лошади, осла, мула) в противоположность парнокопытным (корове, овце и т.д.). По оценке А.И. Зайцева, это слово никогда не бытовало в обыденной разговорной речи и само изобретение поэтического эпитета μώνυχες было вызвано внедрением легкой конной колесницы в жизнь и героический эпос – «когда лошади заняли в эпосе место быков, происшедшая трансформация повела к дополнительной контрастирующей характеризации нового упряжного животного: не просто лошади, а «однокопытные лошади», т.е. не такие, как быки. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что противопоставление быкам «однокопытных лошадей» было живо еще в сознании Гомера: в «Илиаде» (XX, 495) он говорит о быках, а в следующем стихе как контраст быкам фигурируют μώνυχες ἵπποι». Автор заключает: «гипотеза о том, что и в эпической традиции, и в реальности запряженная быками повозка выступает как функциональная предшественница микенской боевой колесницы, имеет право на существование» (Зайцев, 2006, с. 78-81, 84).

Однако А. И. Зайцев не приводит никаких доказательств того, что до использования настоящих лошадей быки запрягались древними греками именно и исключительно в повозки. Мы полагаем, что они применялись для передвижения и уже изобретенных двухколесных боевых колесниц, а с внедрением лошадей бычьи колесницы как более древние были отнесены к сакрально-ритуальной сфере и стали считаться атрибутом ряда античных божеств (в частности, Диониса, Артемиды, Деметры, Луны-Селены, Амура-Эрота, лунного бога Мена). Представления о бычьей колеснице Луны в европейской и иранской культурах сохранялись и в Средние века. В ирландской саге XV в. Forbhais Droma Dámhgháire описывается друид по имени Mug Ruith или Mogh Roith, ездящий на бычьей колеснице. Подробнее эта проблематика была рассмотрена нами в другом месте (Семененко, 2018г, с. 198-207, 220-296).

Данный очерк представляет собою очевидно неполную и предварительную сводку данных о древнейших описаниях и изображениях бычьих колесниц, указывающих на необходимость выделения доконной стадии существования колесничного дела у ранних индоевропейцев. Дальнейшие исследования в этой области позволят расширить источниковую базу и еще более обстоятельно обосновать выдвинутую нами гипотезу.

Литература

Алексеев В.П. Предки тюркских народов // Наука и жизнь. 1971. № 5. С. 33-37.

Алексеев В.П. Историческая антропология: Учеб. пособие. М.: Высш. школа, 1979. 216 с.

Алексеев В.П. Историческая антропология и экология человека. М.: Наука, 2008. 616 с.

Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. М.: Наука, 2009. 379 с.

Алексеева Т.И. Предисловие // Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. М.: Наука, 2009. С. 5-6.

Аскаров А. Могильник эпохи бронзы в Муминабаде // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 122. Археологическое изучение Средней Азии. М., 1970. С. 64-66.

Гинзбург В.В. Антропологические материалы к этногенезу таджиков // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 61. М., 1956. С. 45-47.

Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М.: Наука, 1972. 372 с.

Дерябин В.Е. Этническая антропология современных народов Кавказа. Многомерное количественное изучение. М., 1999. Рукопись депонирована в ВИНИТИ № 253-В99 от 27.01.99. 150 с.

Дубова Н.А. Население эпохи бронзы Южного Туркменистана: новейшие данные // Полевые исследования Института этнологии и антропологии 2003. М.: Наука, 2005. С. 32–48.

Дубова Н.А. Антропологический покров Туркменистана в древности и в наши дни // На пути открытия цивилизации. Сб. статей к 80-летию В.И. Сарианиди. Труды Маргианской археологической экспедиции. СПб.: Алетейя, 2010. С. 484-503.

Зайцев А.И. Исследования по древнегреческой и индоевропейской поэзии / Ред. Л.Я. Жмудь, В.В. Зельченко. СПб.: Филологический фак. Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2006. 350 с.

Исаков А.И., Потемкина Т.М. Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане // Советская археология. 1989. № 1. С. 145-67.

Кирчо Л.Б. Север и Юг – встреча на Зеравшане // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М.П. Грязнова. Кн. 2. СПб.: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. С. 284-287.

Кутимов Ю.Г. Степные и земледельческие культурные компоненты в погребальных комплексах эпохи поздней бронзы // Записки Института истории материальной культуры РАН. № 3. СПб.: 2008. С.159-180.

Массон В.М. Новый этап в изучении древнеиндийской цивилизации Хараппы // Вестник древней истории. 1986. № 4 (179). С. 130-140.

Массон В.М. Первые цивилизации. Л.: Наука, 1989. 268 с.

Новоженов В.А. Коммуникации и транспорт страны Маргуш в пространстве и во времени // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 6. Памяти Виктора Ивановича Сарианиди. М.: Старый сад, 2016. С. 361-377.

Ригведа. [В 3 т.] / Пер. Т.Я. Елизаренковой. Мандалы I–IV [Серия: «Литературные Памятники»]. М.:Наука, 1989. 768 с.

Ригведа. [В 3 т.] / Пер. Т.Я. Елизаренковой. Мандалы V–VIII [Серия: «Литературные Памятники»]. М.: Наука, 1995. 745 с.

Ригведа. [В 3 т.] / Пер. Т.Я. Елизаренковой. Мандалы IX–X [Серия: «Литературные Памятники»]. М.: Наука, 1999. 560 с.

Сарианиди В. И. Степные племена эпохи бронзы в Маргиане // Советская археология. 1975. № 2. С. 20-29.

Семененко А.А. О прародине индоиранцев (ариев) // Власть и общество: история взаимоотношений. Материалы Десятой региональной научной конференции (г. Воронеж, 19 марта 2016 г.) / Под общ. ред. В.Н. Глазьева. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2016. С. 339-343.

Семененко А.А. О датировке Ригведы и Атхарваведы // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2017. Вып. №2 (12). С. 81-91.

Семененко А.А. О возможности размещения первичного очага носителей индоевропейских языков в пограничье Ирана, Афганистана, Средней Азии и Индостана // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 7. Исследования Гонур-депе 2014-2015 гг. М.: Старый сад, 2018. С. 202-220.

Семененко А.А. О крепостях в Ригведе и Атхарваведе Шаунаки и (Пре)Хараппе и датировке Самхит // Проблемы гуманитарных и социальных наук. Научный журнал. 2018а. Вып. 2(15). С. 85-95.

Семененко А.А. Очерки истории (пре)хараппского искусства Северо-

Западного Индостана. Т. II. Воронеж, 2018б // https://www.academia.edu/35949669.

Семененко А.А. Очерки истории (пре)хараппского искусства Северо-Западного Индостана. Т. III. Воронеж, 2018в // https://www.academia.edu/36392249.

Семененко А.А. Ригведийские этюды. О Быстрых и Буланых в Ригведе. Часть 2. Главы III–VI. Воронеж, 2018г // https://www.academia.edu/37292474.

Семененко А.А., Тоноян-Беляев И.А. О некоторых возможных лексических параллелях между древнеиндоарийским и шумерским языками (в свете вероятной индоарийской атрибуции Хараппской цивилизации) // Научные ведомости Белгородского университета. Серия: История. Политология. 2015. №13 (210). Вып. 35. С. 5-11.

Хлопин И.Н. Исторические закономерности сложения степных культур Средней Азии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 217-223.

Хлопин И.Н. Афанасьевская культура (историческое содержание) // Грязнов М.П. Афанасьевская культура на Енисее / Под ред. М. Н. Пшеницыной. СПб., 1999. С. 71-84.

Ходжайов Т.К. Население Согда по данным антропологии // Расы и народы: Современные этнические и расовые проблемы. Вып. 30. М.: Наука, 2004. С. 189–215.

Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К. К антропологии населения Средней Азии в эпохи энеолита и бронзы // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: сб. памяти Е.Е. Кузьминой. Барнаул, 2014. С. 525–529.

Alexander, Robert L. Šaušga and the Hittite Ivory from Megiddo // Journal of Near Eastern Studies. 1991. Vol. 50. No. 3. P. 161–182.

Archi, Alfonso. Ritualization at Ebla // Journal of Ancient Near Eastern Religions. Volume 13: Issue 2. 2013. P. 212–237.

Ayatollāhi H. The book of Iran: the history of Iranian art / Ed. Sh. Haghshenās. Tehran, 2002. 362 p.

Chandra P. The Sculpture of India 3000 B.C. – 1300 A.D. Washington, 1985. 224 p.

Collins, Billie Jean. Hero, Field Master, King: Animal Mastery in Hittite Texts and Iconography // The Master of Animals in Old World Iconography / Eds. D.B. Counts, B. Arnold. Budapest, 2010. P. 59–74.

Dhavalikar, M. K. Proto-Paśupati in Western India // East and West. Vol. 28, No. 1/4. 1978. P. 203-211.

Dhavalikar, M. K. Daimabad Bronzes // Harappan Civilization. A Contemporary Perspective / Ed. G.L. Possehl. New Delhi, 1982. P. 361–366.

Feldman, Marian H., and Sauvage, Caroline. Objects of prestige? Chariots in the Late Bronze Age Eastern Mediterranean and Near East // Ägypten und Levante / Egypt and the Levant. Vol. 20. 2010. P. 67–181.

Francfort, H.-P. The archaeology of protohistoric Central Asia and the problems of identifying Indo-European and Uralic-speaking populations // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Vol. 242: Early Contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and Archaeological Considerations / Eds. Chr. Carpelan, A. Parpola, P. Koskikallio. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2001. P. 151–168.

Francfort, H.-P. L'art de la Civilisation de l'Oxus à l'Âge du Bronze (2300–1700 av. J.-C. env.) et ses relations avec les régions voisines // Sulla Via delle Oasi. Tesori dell'Oriente Antico / Eds. G. Ligabue, G. Rossi-Osmida. Padoue, 2007. P. 102–127.

Francfort H.-P. A Note on the Hasanlu Bowl as Structural Network: Mitanni-Arya and Hurrian? // Bulletin of the Asia Institute. 22. 2012. P. 171–188.

Hawkins J. D. The Storm God Seal of Mursili III // Hittite Studies in Honor of Harry A. Hoffner Jr: On the Occasion of His 65th Birthday / Eds. G. Beckman, R. Beal, G. McMahon. Winona Lake, Indiana, 2003. P. 169–176.

Hawkins J.D. The Inscriptions of the Aleppo Temple // Anatolian Studies. Vol. 61. 2011. P. 35–54.

Hemphil B.E., Lukacs J.R., Kennedy K.A.R. Biological Adaptations and Affinities of Bronze Age Harappans // Harappa Excavations 1986–1990. A Multidisciplinary Approach to Third

Millennium Urbanism / Ed. R.H. Meadow. Madison, Wisconsin, 1991. P. 137–182.

Honour H., Fleming J. A World History of Art. 7th ed. L.: Upper Saddle River, N.J., Pearson Prentice Hall, 2005. 936 p.

Iozzo M. Art and History of Crete. Florence: Casa Editrice Bonechi, 1996. 159 p.

Karlsson, Lars. The Sanctuary of the Weather God of Heaven at Karian Labraunda. A Bronze Age cult exposé for Robin Hägg // Perspectives on ancient Greece: Papers in celebration of the 60th anniversary of the Swedish Institute in Athens. Stockholm, 2013. P. 173–189.

Kohlmeyer, Kay. The temple of the storm god in Aleppo during the Late Bronze and Early Iron Ages // Near Eastern Archaeology. Vol. 72, No. 4. 2009. P. 190–202.

Lawler, Andrew. Temple of the Storm God // Archaeology. Vol. 62, No. 6, 2009.

Masuda S. et al. Tappeh Sang-e Chakhmaq: Investigations of a Neolithic site in Northeastern Iran // The Neolithisation of Iran: The Formation of New Societies / Eds. R. Matthews, H. Fazeli N. Oxford: Oxbow Books, 2013. P. 201–240.

Mode H. The Four Quadrupeds – Reflections on Indian Animal Preference // Indologica Taurinensia. The Online Journal of the International Association of Sanskrit Studies. Vol. VIII–IX: Dr. L. Sternbach Commemoration Volume. 1980–1981. P. 269–281.

Porada E. The Hasanlu Bowl // Expedition Magazine. Penn Museum. Vol. 1. Iss. 3. Spring 1959. P. 19–22.

Recai T., Lemaire A., Ismet I., Tosun A.K. La bilingue royale louvito-phénicienne de Çineköy // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 144-3. Année 2000. P. 961–1007.

Rigveda. Metrically Restored Text / Eds. K. Thomson, J. Slocum // http://www.utexas.edu/cola/centers/lrc/RV/.

Semenenko A.A. The spread of zebu cattle from South Asia to the East Mediterranean region as a marker of Indo-European population dispersal // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. № 2(4). 2019. P. 3–22.

Sharif M., Thapar R. Food-producing communities in Pakistan and Northern India. The Bronze Age in Iran and Afghanistan // History of Civilizations of Central Asia / Eds. A.H. Dani, V.M. Masson. Vol. I. Delhi: Motilal Banarsidass, 1999. P. 127–151.

Singer, Itamar. The Luwian-Phoenician Bilingual from Çineköy and Its Historical Implications // Eretz-Israel: Archaeological, Historical and Geographical Studies / Eds. Aviram J. et al. Eretz-Srael 29: Ephraim Stern Volume. Jerusalem, 2009. P. 147–152.

Taracha P. The Storm-God and Hittite Great King // Studi Micenei ed EgeoAnatolici. 50. 2008. P. 745–751.

Thornton Ch. P. Tappeh Sang-e Chakhmaq: a new look // The Neolithisation of Iran: The Formation of New Societies / Eds. R. Matthews, H. Fazeli N. Oxford, 2013. P. 241–255.

Tonoyan-Belyayev I.A. A brief note on the two older Indo-European words – for "earth" (*dhg[']hem-) and a dialectal one for "man" (*g'homon-) – as compared to Tibetan root inventory // Актуальные проблемы аграрной науки, производства и образования: материалы международной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов (на иностранных языках) (Россия, Воронеж, апрель 2018 г.). Воронеж: ФГБОУ ВО Воронежский ГАУ, 2018. С. 352–357.

Tonoyan-Belyayev I.A. In search of the oldest common Indo-European Urheimat: preliminary linguistic evidence from Dravidian // Актуальные проблемы аграрной науки, производства и образования: материалы V международной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов (на иностранных языках) (Россия, Воронеж, апрель 2019 г.). Воронеж: ФГБОУ ВО Воронежский ГАУ, 2019. С. 299–304.

Winter I.J. The «Hasanlu Gold Bowl»: Thirty Years Later // Expedition Magazine. Penn Museum. Vol. 31. No 2–3. 1989. P. 87–106.

Yule P. Metalwork of the Bronze Age in India // Praehistorische Bronzefunde. Abteilung XX. Band 8. München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1985. 128 p.+Plates.

Д.А. Канделаки

ГИПОТЕЗА О КАРТВЕЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ КАК ЧАСТИ НОСТРАТИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ НА КАВКАЗЕ[1]

Вводные замечания

Изучение проблем этногенеза, так активно развернутое в советской исторической науке, на современном этапе несколько ослабло в связи с наметившейся в современном обществе ее политизацией. Сегодня, в силу сложных политических процессов, этногенетические изыскания оказались предметом рассмотрения «специалистов» порой далеких от науки или просто дилетантов, нередко заказной характер произведений которых очевиден[2]. Они превратили эту интересную и сложную область исторических исследований в предмет политических баталий, направленных на некие историко-правовые обоснования притязаний того или иного народа. В связи с этим особенно остро ощущается нехватка собственно этногенетических разработок. Большинство из них на сегодняшний день больше нацелены на поиск ответов на вопросы: «Когда, кто и откуда пришел первым?», чем на разработку самих механизмов сложения народов, подменяя подлинные исследования проблем этногенеза лишь ареально-хронологическими аспектами[3]. Разумеется, ареально-хронологические аспекты имеют значение для разработок проблем этногенеза, но скорее являются некой квинтэссенцией, некой конечной целью всего этногенетического исследования. Все это скорее напоминает «этногенетические фобии», а не настоящую науку. Не обошла эта проблема и современные кавказоведческие исследования, особенно вопросы взаимоотношения между картвельской и абхазо-адыгской общностями.

Картвельская языковая семья или вернее этноязыковая общность – одно из самых крупных этногенетических образований на Кавказе, многочисленные носители которой занимают преимущественно южные его регионы. Она представлена сложным конгломератом этнических и субэтнических групп, имеющих сложную этноязыковую и этнокультурную специфику, что говорит о длительном этапе интенсивного взаимодействия между вышеуказанными группами внутри картвельской общности, а также о процессе их очень сложного этногенетического формирования. Прежде всего, следует коснуться современной лингвистической и этнической характеристики картвельских народов. В современной науке их объединяют в лингвистическую или, более правильно, этноязыковую общность, иерархически и таксономически равноценную понятию семья, как она трактуется в современных языковых и этноязыковых классификациях. Классификации конца XIX-XX вв. иерархически предлагали представлять картвельскую совокуп-

[1] Ввиду ограниченного объема сборника, текст публикуется со значительными сокращениями.

[2] Стилистические особенности авторского изложения по возможности сохранены – *Прим. ред.*

[3] Это больше отражает некий подсознательный страх «оказаться не первым, не местным, не автохтонным, не аборигенным, каким-либо пришлым и даже неродственным», а если и родственным, «то всем языковым семьям сразу» или в лучшем случае народам, желательно оставившим достаточно мощный след в развитии цивилизации.

ность не как семью, а как группу в системе иберийской-кавказской языковой семьи, наряду с абхазо-адыгской и нахско-дагестанской группами. Картвельской иногда именовалась иберийская и южнокавказская группа или иберийские языки, южнокавказские языки (крайне редко закавказская группа или закавказские языки и еще реже картвело-свано-занская группа или семья) иберийско-кавказской языковой семьи, наряду с западнокавказской (северо-западно-кавказской) и восточнокавказской (северо-восточнокавказской) группами (Крупнов, 1964).

В конце XX – начале XXI вв., особенно в свете современных лингвистических исследований, наметилась тенденция обозначать эту группу как самостоятельную и не родственную остальным кавказским языкам картвельскую семью языков или, чтобы подчеркнуть ее автохтонность на Кавказе, как южнокавказскую языковую семью. В то же время термин иберийская группа или иберийские языки иберийско-кавказской языковой семьи имеет еще большую неточность. Термин «ибер» вообще чужд картвельской этноязыковой природе и имеет, несомненно, афразийские корни. Автор статьи разделяет последнюю точку зрения, и также именует ее картвельской языковой (этноязыковой) семьей (в авторском понимании приемлемо понятие «общность»), так как последний термин уже окончательно укоренился в лингвистической и исторической науках. Другая сторона проблемы – отсутствие окончательно выработанной терминологии. Термин «картвельская» несет на себе этноязыковую нагрузку, однако это не исключает права называть ее, к примеру, южнокавказской общностью. И противопоставлять географически «северокавказской», неродственной картвельской. Однако и географический критерий несколько неудачен, так как северокавказские языки могли располагаться, очевидно (а это уже действительно стало аксиомой), несколько южнее ареала своего современного распространения. В то же время, представители картвельской общности могли занимать области севернее своего современного ареала. В случае же употребления термина «картвельские», то есть с акцентом на этнолингвистическую терминологию, следовало бы обозначать северокавказскую общность несколько иначе, к примеру, «абхазо-адыго-нахско-дагестанской» языковой семьей или «абхазо-дагестанской» семьей языков.

Однако в данном случае этнолингвистический критерий выбора термина для северокавказской общности выглядит еще более «неуклюже»[4]. Закрепившиеся в литературе термины «картвельская» и «северокавказская» оказались просто более удобными для восприятия и формального оперирования в научных исследованиях.

На данном этапе своего исторического развития картвельская этногенетическая общность представляет собой лишь временной срез этногенетического процесса, который осуществлялся в прошлом, осуществляется поныне и будет осуществляться в будущем. В современном состоянии картвельская этноязыковая общность имеет лингвистическую структуру, включающую в себя следующие группы.

Сванская (северокартвельская) группа. Ее носители расселены целиком в пределах Грузии в бассейнах р. Ингури и Цхеницкали. За пределами Грузии они встречаются только в Республике Абхазия в верховьях бассейна р. Кодор, где проживают так называемые «абхазские сваны» из «Абхазской Сванетии», куда они пе-

[4] Впрочем, автор данных строк все-таки склонен рассматривать абхазо-адыгскую и нахско-дагестанскую группы скорее в качестве отдельных семей, но, несомненно, родственных друг другу. Самостоятельными ветвями они включаются в состав сино(дене)-кавказской макросемьи, либо образуют крупное деление внутри нее в качестве кавказской (западно-сино-кавказской) ветви.

реселились уже сравнительно недавно (в течение XX в.) и не являются коренными жителями.

Занская (западнокартвельская, колхидская?) группа. Включает два самостоятельных языка. Мегрельский язык, носители которого целиком распространены в пределах Западной Грузии и, частично, в ряде районов Республики Абхазия, куда переселялись со второй половины XIX и на протяжении всего XX в., и где не являются коренными жителями, а также лазский (чанский) язык. Носители последнего проживают за пределами современной Грузии в местах прежнего расселения на территории Турции в Понтийском Причерноморье и Северо-восточных областях Малой Азии и лишь незначительно в одном из грузинских селений.

Картская (южно-восточнокартвельская) группа. Представлена собственно грузинским языком, носители которого занимают многочисленные области Грузии и ее пределы.

Уже беглый лингвистический осмотр картвельской этноязыковой общности показывает ее достаточно сложную структуру, которая, вполне сопоставима с северокавказской, индоевропейской и другими аналогичными ей образованиями. Наличие небольшого количества групп и языков в современной картвельской общности, допускает вероятность существования в прошлом намного большего числа ее представителей, стертых древними этногенетическими процессами (Терентьев, 1979). Вероятно, в будущем будут обнаружены «мертвые» языки картвельской семьи. Это явление аналогично тому, что подобные мертвые языки сейчас хорошо фиксируются как для западнокавказской общности, для которой известен архаичный хаттский, так и для нахско-дагестанской, с известными хурритским и урартским языками. Это дает нам право считать, что в прошлом картвельская семья была по численности своих представителей равноценна, к примеру, индоевропейской, северокавказской или уральской семьям.

Касательно этнической структуры картвельской этноязыковой общности следует говорить о не меньшей ее сложности. В строго этническом плане в картвельской этноязыковой общности представлено два этноса – грузины и лазы. Грузины, вбирают в себя, помимо стержневой картской группы, еще представителей сванской (северокартвельской) и, отчасти, занской (западнокартвельской, колхидской) групп (мегрелов и сванов)[5].

Причину подобной сложной структуры самого крупного этноса картвельской этноязыковой общности следует видеть в экспансии, как культурной, так и, наверняка, военной, картского компонента. Особую роль здесь следует придавать культурной составляющей (распространение грузинской письменности), религиозному фактору гегемонии грузинской православной церкви, и формированию грузинской государственности, восходящей ко времени объединительной политики абхазского и южнокартских (собственно грузинских) царств. Основной причиной подобной ситуации стало, по-видимому, начало нового этногенетического процесса в картвельской этноязыковой общности, начавшегося в X-XII вв. и завершившегося становлением грузинского этноса. Лазы – это, видимо, еще один самостоятельный этнический компонент, который в силу исторических и политических причин не вошел в состав грузинского этноса, и составляет отдельную группу в рамках картвельской этноязыковой общности. С позиций этнического самосознания, лазы не

[5] При том, что мегрельский и сванский языки существенно отличаются от современного грузинского, и между их носителями (при отсутствии знания грузинского) нет языкового взаимопонимания, мегрелы и сваны являются субэтническими группами внутри грузинского этноса.

считают себя грузинами, и осознают как отдельный этнос. Вероятно, и аджарцев следует причислить к отдельному этносу, или рассматривать в качестве переходной от субэтнической к этнической группы. На этнопсихологическом уровне они ощущают свою самоидентичность (в основном по причине религиозной принадлежности к исламу, правда являющейся продуктом позднего исторического процесса), но всё-таки больше разделяют историческую судьбу грузин и причисляют себя к грузинской этнической системе[6].

К проблеме ранних этапов сложения картвельской общности

На современном этапе развития кавказоведения в картвелистике пока нет окончательной точки зрения по ряду важных вопросов, связанных с проблемой этногенеза картвельской общности. Особенно, касающихся наиболее раннего, дописьменного периода (эпохи камня и раннего металла). Среди этих вопросов и хронология формирования картвельской общности, и основные этапы расселения картвельских народов на Кавказе, и, самое главное, проблема прародины той группы, носители которой впоследствии сформируют и составят основу пракартвельской общности. В большинстве случаев генезис этой общности на самом раннем ее этапе связывали с южными культурными центрами. Это, в свою очередь, породило несколько теорий и гипотез о месте древней прародины картвельской общности. За такие прародины принимались области Восточной

Рис. 1. Варианты прародин пракартвельской общности. Составлено автором

Анатолии, Северной Месопотамии, верховьев Евфрата, Тигра, Куры, Аракса, южных склонов Понтийских гор (включая верхний бассейн р. Чорох), южных склонов Центрального Кавказа, Закавказского (южногрузинского) нагорья, территории Восточной Грузии (Кахетия), Западного Закавказья (рис. 1).

В основе этих гипотез лежали представления из области историко-сравнительного языкознания. На протяжении всего XX в. они базировались на так называемой иберийско-кавказской теории, с ее концепцией о генетическом родстве всех трех групп кавказских языков, об их приходе на Кавказ с юга, а также родстве с рядом языков Передней Азии и древнего Средиземноморья. Сегодня иберийско-кавказская теория не получила признания, и основные ее положения отвергнуты наукой[7]. В свете современных исследований

[6] Несомненно, в период с середины XIX-XX вв. имела место активная политика грузинских элит по грузинизации занской и сванской групп. Подобная попытка осуществлялась и по отношению к неродственному им абхазскому этносу, с известными всем негативными последствиями.

[7] Однако в среде грузинских языковедов еще можно встретить сторонников этого направления.

картвельская языковая семья не входит в состав кавказской, а образует вместе с индоевропейской, алтайской, уральской и эскимосо-алеутской семьями иную обширную группировку языков, именуемую ностратической макросемьей (Долгопольский, 1971-1972; Дыбо, Пейрос, 1985). Иногда эту обширную группу именуют «бореальная макросемья». Одно время в состав этого крупного объединения включали афразийскую семью языков. На сегодняшний день афразийская семья имеет ранг макросемьи и не входит в состав ностратической, но обнаруживает с ней достаточно отдаленное родство, восходящее, вероятно, еще к домезолитической эпохе. По-видимому, и дравидийская семья либо совсем не входит в это ностратическое объ-

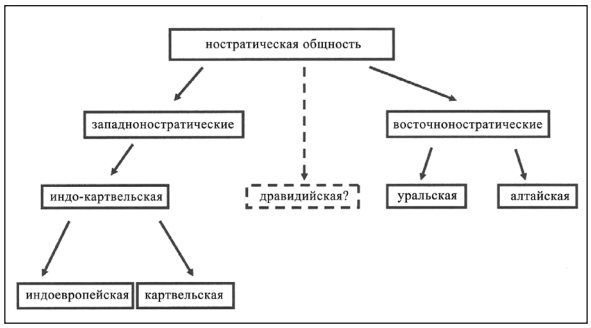

Рис. 2. Вероятное положение картвельской общности в системе ностратической макросемьи. Составлено автором

единение, либо представляет собою очень рано отделившую ее ветвь[8]. Возможно, и картвельскую семью следует рассматривать как очень рано выделившуюся из ностратической ветвь, по времени синхронную периоду выделения прадравидийской, если не ранее. Помимо этих объединений, имеется еще ряд аналогичных макросемей, к примеру, сино-кавказская (включает северокавказскую, сино-тибетскую, енисейскую, на-дене семьи, и отдельно басков и бурушасков), аустрическая макросемья и ряд других. Все это дает возможность по-новому взглянуть на некоторые вопросы ранних этапов этногенеза картвельских народов (рис. 2).

В свете этих исследований, самые ранние этапы этногенеза картвельской общности, с учетом лингвистических достижений, мы должны рассматривать в контексте истории формирования и последующего развития отдельных ветвей ностратической макросемьи, ее хронологии и ареала сложения. Здесь на помощь приходят данные реконструируемых языковых явлений, которые рисуют нам хозяйственный облик, и природно-экологические условия существования носителей праностратического языка. Исходя из этих данных, налицо наличие лексики, отражающей природную среду умеренных широт, что исключает из числа претендентов на роль ностратической прародины южные субтропические области (Дыбо, Терентьев, 1984; Дыбо, 2006)[9]. С учетом того, что в одной из ветвей ностратической макросемьи (уральской), вероятно, сохранилось наибольшее число исходной ностратической лексики, прародину этих языков следует помещать ближе к современному ареалу уральской семьи. Это подтверждается тем, что современное географическое расположение всех потомков этой макросемьи больше приурочено к умеренным широтам. Уральская семья, при этом, оказывается приблизительно оставшейся на прежней прародине ностратических языков, а другие ее ветви как бы примыкают к ней с запада, юга и востока. На сегодня нет однозначной оценки времени формирования ностратической общности. Все языковые реалии рисуют нам культурный облик но-

[8] Дравидийская семья языков, с учетом ее более обширного распространения к северу от нынешнего ареала, куда также включался и древний эламский язык, вероятно, остаток более обширной крупной общности или объединения аналогичного ностратическому и афразийскому.

[9] С учетом ограниченного объема статьи автор не приводит список базисной лексики, хорошо отраженной в большом количестве публикаций.

сителей ностратической макросемьи, еще находящихся на стадии присваивающего хозяйства. Отсутствие терминов, связанных с гончарством, и названий глиняной посуды говорит о том, что формирование и последующее развитие ностратической общности должно падать на период конца верхнего палеолита и начала мезолита. Примерное начало этого процесса – 15 тыс. лет назад. По культурно-историческим соображениям следует скорее говорить о XII-XI тыс. до н.э. (Дыбо, Терентьев, 1984; Старостин, 1990). Сложнее решается вопрос об археологическом эквиваленте этой ностратической прародины, некоторые специалисты связывают ее с верхнепалеолитическими культурами, вышеозначенных областей (Сафронов, 1989; Напольских, 2018)[10].

Исходя из этих данных, прародиной ностратической макросемьи очевидно должны быть области, примыкавшие к зоне приледниковья периода конца верхнего палеолита и начала мезолита, среди которых Поволжье (включая и примыкавшие с запада районы бассейнов р. Днепр и Дон), Южный Урал и Западная Сибирь (Дыбо, Терентьев, 1984). Не исключено, что в этот ареал могли входить области Северного Казахстана и Приаралья. Этой версии придерживается и автор данной работы. Довод о наличии ностратической прародины в Передней Азии, исходя из расположения там ее будущих потомков не может быть строго аргументирован, даже если считать, что праностратическая лексика могла возникнуть в условиях ледниковой эпохи, когда в Переднеазиатских нагорьях климат мог приближаться к умеренному (Долгопольский, 1971-1972). Этому противоречит еще и тот факт, что, как указывалось выше, афразийская общность не относится к ностратической, а образует отдельную макросемью по глубине и количеству членов равноценную ностратической. Это же вероятно, относится и к дравидийской семье, представляющей собою общность, аналогичную ностратической, афразийской и сино-кавказской[11]. Еще одним доводом против ближневосточной локализации ностратической прародины, является отсутствие в исходной ностратической лексике культурных терминов производящей земледельческо-скотоводческой экономики (Долгопольский, 1971-1972). В этой связи любопытно, что в праафразийской и прасино-кавказской макросемьях, также в дравидийской (если последнюю рассматривать отдельно, вне ностратической) такая культурная лексика уже присутствует. Компромиссный вариант допускает формирование ностратической общности на Ближнем Востоке, откуда она перемещается в умеренную зону еще в домезолитическую эпоху, а навыки земледельческо-скотоводческой экономики осваиваются ее отдельными звеньями самостоятельно, после ее распада.

По-видимому, уже к началу или к середине мезолита относится начало распада ностратической макросемьи на отдельные звенья – будущие праязыки соответствующих семей. Вероятно, причины распада этой макросемьи следует видеть в природно-климатических процессах периода плейстоцен-голоцена и ранних этапов голоцена, с последующими изменениями региональных экосистем и распределе-

[10] Археологическая атрибуция этой общности – задача, выходящая за рамки статьи.

[11] Данное положение важно еще и потому что, несомненно, Передняя Азия и прилегающие области Малой Азии, Ирана и Восточного Средиземноморья скорее были заняты многочисленными группами населения – носителями языков сино-кавказской, афразийской, эламо-дравидийской макросемей, а также ряда изолированных и реликтовых языков, таких как хаттский (архаическая ветвь западно-кавказского), шумерский, прототигридский и протоевфратский. Однозначно существовали в этом регионе и такие языки и языковые семьи, которые вообще не зафиксировались в истории.

нием новых комбинаций ландшафтов, спровоцировавших новые модели адаптационной стратегии древних коллективов[12]. Примерно в этих временных границах и следует искать хронологические и территориальные истоки начала формирования картвельской общности. Сегодня установлено, что наибольшее число внешних языковых сближений картвельские языки обнаруживают, в первую очередь, с индоевропейской языковой семьей, что, несомненно, свидетельствует о периоде, когда картвельская и индоевропейская семьи еще не выделились в отдельные общности, а представляли собой единую совокупность древних языков. Это дает возможность очертить то место, которое картвельская вместе с индоевропейской общностью занимают в системе древних ветвей будущих семей – потомков ностратической макросемьи, образующих западноностратическую (индо-картвельскую) ветвь[13]. Положение картвельского в системе западноностратического ветвления важно в том смысле, что оно отражает, по-видимому, и реальные исторические процессы развития тех древних человеческих коллективов – носителей языков, которые в будущем составят праиндоевропейскую и пракартвельскую общности. Более того, оно дает исходные ориентиры для пространственно-хронологического анализа этих процессов[14].

Таким образом, проблему начального этапа формирования пракартвельской общности, напрямую следует рассматривать в контексте вероятного существования и дальнейшей судьбы западноностратического (возможно индо-картвельского) вет-вления. Если исходить из тезиса о северной локализации ностратической общности, то видимо, в некоторых областях к северу от Кавказа и должна была находиться зона обособления и последующего формирования индо-картвельской общности, что дает возможность определения путей последующего проникновения на Кавказ древних коллективов, которые в будущем сформирует облик пракартвельской общности (рис. 3).

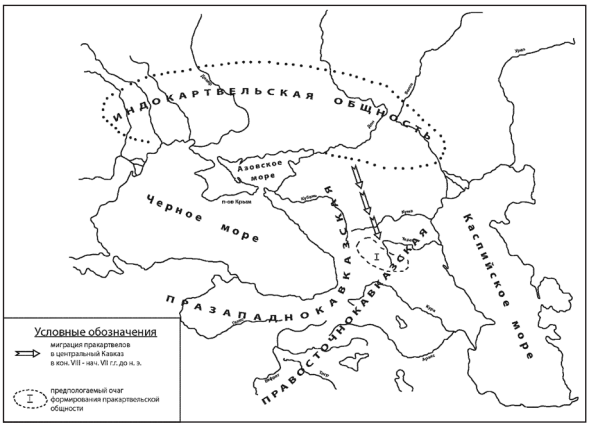

Рис. 3. Предполагаемый ареал расположения индо-картвельской общности и перемещение протокартвелов на Кавказ. Составлено автором

Очевидно, что хронологическая граница разделения индо-картвельской общности должна быть близка времени существования еще нерасчлененной на отдельные диалектные континуумы праиндоевропейской и пракартвельской общностей. Сегодня существуют разные оценки времени формирования пракартвельской общности, но в целом они находятся в хронологическом диапазоне IV-III тыс. до н.э., а ее распад относят к началу II тыс. до н.э. (Климов, 1964, 2009; Климов, Алексеев, 1980). Выделение картвельской общности из кавказской, если исходить из иберийс-

[12] Попытку корреляции данных палеогеографии и лингвистики, в контексте рассмотрения прародины ностратической макросемьи см., напр.: Напольских, 2018.

[13] Не исключено, однако, что в системе западноностратического не образуется специфического индо-картвельского ветвления, а каждая из этих ветвей была представлена отдельно.

[14] Впрочем, возможно и то, что такое специфическое сближение скорее допустимо между индоевропейской и уральской семьями, которые образуют ядро ностратической общности. Картвельский вообще может считаться наиболее рано отделившейся ветвью, с учетом его крайнего южного положения вдали от основной массы ностратических языков.

ко-кавказской теории, должно было происходить в период позднего неолита – начала энеолита в VI-V тыс. до н.э. (Джапаридзе, 1999).

Исходя из вышеизложенного, автор в рамках рабочей гипотезы представляет следующую модель. С окончанием ледникового периода, происходит постепенный распад ностратической макросемьи. С этого момента вплоть до VIII тыс. до н.э. в областях Нижнего Поволжья и к западу от него существует обособленная западноностратическая (индо-картвельская) общность. В конце VIII – начале VII тыс. до н.э. происходит распад индо-картвельской общности, когда от западноностратического обособляются коллективы будущей картвельской группы, которые оказываются на склонах центральной части Большого Кавказа. Исходной точкой, где следует искать истоки формирования пракартвелов на Кавказе в этом случае надо признать место нахождения самого архаичного языка, то есть сванского, который сохранил наиболее архаичные черты общекартвельского языкового состояния[15]. Данная модель, по мнению автора, больше согласуется с позицией северной локализации пракартвельской прародины. С конца VII до конца V тыс. до н.э. на северных склонах (а чуть позже и на южных) центральной части Большого Кавказа идет процесс формирования пракартвельской общности (рис. 4).

С V по конец III – начало II тыс. до н.э. сложившаяся пракартвельская общность

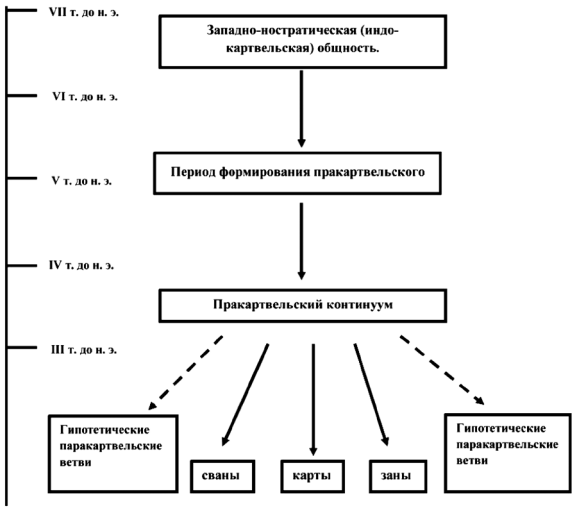

Рис. 4. Схема хронологии и эволюции картвельской общности с последующей ее радиацией. Составлено автором

существует как цельный диалектный праязыковой континуум. Здесь, ее носители постепенно адаптируются к условиям горного ландшафта. Хронология и ареал этих процессов согласуются с реалиями реконструируемой картины природного окружения и хозяйства пракартвелов периода накануне распада общности. Несомненно, это были горные районы с высоким удельным весом присваивающе-производящей экономики. Районом, где шло формирование пракартвелов, были горные области Большого и, скорее, Центрального Кавказа, периода конца мезолита и начала неолита[16]. Пракартвелы не демонстрируют картины развитого неолитического общества, особенности которого они перенимали у своих соседей прасевернокавказцев – представителей нахско-дагестанской и

[15] Часто встречаемый тезис о том, что в процессе исторической филиации картвельской семьи языков сванский имел более широкий ареал на территории Западной Грузии, исходя из данных картвельской топонимии, сомнителен. Модель, по которой первоначально, при дивергенции сванского, коллективы-носители сванского языка сначала спускались с территории Малого Кавказа (если принять за первичную прародину пракартвельского районы Малого Кавказа), затем выходили на равнины Колхидской низменности и вновь осваивали горные массивы Большого Кавказа, маловероятна.

[16] Впрочем, данное положение о нахождении прародины картвелов в области южных склонов Большого Центрального Кавказа требует проверки наличием архаичной картвельской топонимии, что трудноопределимо. Насколько известно автору из литературных источников, такая архаичная топонимия скорее фиксируется для горных районов Малого Кавказа. Возможно, имеются работы на грузинском языке, которые автору неизвестны.

хурри-урартской ветвей. Скорее это верно еще и потому, что классические модели именно земледельческой экономики предстают уже после распада картвелов, в частности в зано-картской ветви[17]. Это произошло при филиации картвелов, которые уже в лице своей зано-картской ветви осваивали земледелие в равнинных областях Восточной и, чуть позже, Южной Грузии. Оставшиеся пракартвелы в силу экологических условий высокогорных массивов продолжали еще сохранять уклад производяще-присваивающей экономики, в большей мере скорее скотоводческой. Обособление коллективов, которые в будущем уже на Кавказе начнут формировать облик пракартвелов, мы можем связать приблизительно со временем с VI-V тыс. до н.э. (возможно чуть раньше). С V по III тыс. до н.э. формируется собственно пракартвельский облик, а позже уже в силу природных и демографических процессов происходит распад и последующая филиация пракартвелов. Период этой окончательной филиации следует относить к началу II тыс. до н.э. (возможно и раньше), когда происходит импульс карто-занской ветви и ее спуск с южных горных массивов Центрального Кавказа, а остальная группа пракартвелов, не задетая этим миграционным процессом, консервируется в условиях горного ландшафта, формируя в будущем сванскую группу (Климов, 1959). В период выделения из пракартвельской общности карто-занской ветви, представители последней спровоцировали демографическое давление, вызвавшее активную миграцию из Закавказья хурритов к югу в сторону Армянского нагорья и Северной Месопотамии, что археологически отмечено присутствием элементов куро-аракской культуры в означенных областях древнего Ближнего Востока.

К проблеме контактов с аналогичными общностями

Особое значение для выяснения географической локализации пракартвельской общности периода начального этапа ее образования играют ареальные контакты с аналогичными общностями. На данном этапе исследования зафиксированы контакты с несколькими такими общностями, в частности индоевропейской, севернокавказской и семитской. Особенно интенсивные контакты установлены, как указывалось выше, между индоевропейской и картвельской семьями, причем в деталях разработана и хронология этих процессов. Выделяют ранний пракартвельский, карто-занский и собственно грузинский уровни (Климов, 2009). Более сложен вопрос географии этих контактов, что связано с проблемой локализации самой индоевропейской прародины. Автор этих строк не сторонник переднеазиатской локализации последней. Нередко в качестве доводов в пользу такой ближневосточной локализации предлагались имеющиеся факты активных картвело-индоевропейских и семито-индоевропейских контактов. Начнем с того, что все приводимые реалии праиндоевропейского рисуют экологический портрет прародины, соответствующий скорее не переднеазиатскому региону, а Карпато-Балканам с прилегающими областями Днепро-Днестровского междуречья к

[17] Сванский разделяет ряд исходных базовых лексических характеристик с языками занской и картской групп (терминология охоты и собирательства). В то же время лексические элементы, отражающие производящую экономику, включая даже металлургию, одинаково представлены в зано-картской группах, но отсутствует в сванском. Объяснить это можно, лишь признав, что источником поступлений историко-культурных и технологических инноваций для сванов выступали зано-картские группы. Металлургическая терминология, скорее всего, заимствована картвелами, у представителей севернокавказской общности, которые, вероятно, и были изобретателями металлургии в период энеолита на западе Евразии и, чуть меньше, у семитов.

северу от Причерноморья (Гамкрелидзе, Иванов, 1980; Андреев, 1986).

Картвельские заимствования из индоевропейского источника, судя по лингвистическим данным, соответствуют развитому производящему хозяйству периода конца III или даже IV тыс. до н.э. (Гамкрелидзе, 1971). Любопытно, что больше индоевропеизмов скорее мы находим в карто-занском ареале, чем в сванском[18]. С учетом того, что в прошлом сванский имел значительный ареал в Северной Грузии, это лишний раз подтверждает факт, что картвело-индоевропейские контакты восходят к южным областям, носят поздний характер и осуществлялись уже после распада, как индоевропейской, так и картвельской общностей, когда последняя стала дивергировать, распадаясь на отдельные ветви (Климов, 1986). Важным доводом о вторичном контакте индоевропейцев с картвелами уже на Ближнем Востоке, а главное то, что эти контакты не могут быть обоснованием тамошней прародины индоевропейцев следует считать тот факт, что нет свидетельств контактов картвелов с языками Восточной Европы (Черных, 1988)[19]. Более того языковые реалии индоевропейской лексики, особенно культурной, не согласуются с реалиями археологии Ближнего Востока (Дьяконов, 1982а, 1982б; Черных, 1988).Таким образом, историко-лингвистические и археологические данные допускают их датировку периодом начала распада пракартвельской общности. С учетом того, что распад пракартвельского состояния осуществлялся в конце III – начале II тыс. до н.э., то и индоевропейско-картвельские контакты, следовательно, можно приурочить к этому времени. Кстати, в это же время начинают фиксироваться первые следы присутствия индоевропейцев на Ближнем Востоке.

Несомненным доказательством присутствия картвелов на Кавказе уже в III тыс. до н.э., является наличие контактов с семитами. Время этих картвело-семитских связей мы, несомненно, связываем с процессами, происходившими на Ближнем Востоке и Месопотамии. Однако сложно сказать, следствием чего были эти контакты: непосредственного соприкосновения двух этноязыковых массивов или культурно-исторических связей? Скорее допустимо второе. По версии ряда специалистов, эти контакты могут восходить к периоду конца IV тыс. до н.э., если не раньше, когда имела место миграция из районов Восточного Средиземноморья и Северной Месопотамии (Антонова, 1998). Вероятно, связями с семитами обусловлены имевшимися торгово-экономическими связями, которые активизировались именно в эпоху ранней бронзы (Сафронов, 1982). Автор этих строк не согласен с тем, что можно говорить о какой-то мощной миграционной волне семитов. Вряд ли есть основания и тому, что картвело-семитские контакты отражают и ареальное, территориальное соприкосновение двух массивов. Скорее речь может идти об отдельных семитоязычных группах, которые проникали на Кавказ в поисках металлов, создания торгово-экономических баз и разработок торговых и транспортных артерий. Таким образом, индоевропейско-картвельские и семито-картвельские контакты не могут быть доводом в пользу первоначальной локализации прародины картвелов в

[18] Следует сказать, что когда речь идет о проблеме индоевропейско-картвельских контактов их следует понимать как контакты, которые стали осуществляться после формирования их как вполне обособившихся общностей. Здесь не берется период существования индо-картвельского (западно-ностратического) хронологического уровня. После окончательного обособления коллективов, которые в будущем составят пракартвельскую и праиндоевропейскую общности их исторические судьбы уже не соприкасались на севере.

[19] Все приводимые лексические доводы о встречи картвельских языков с древнеевропейским носят скорее единичный и случайный характер.

Передней Азии, так как эти контакты осуществлялись, когда картвелы уже находились на Кавказе.

С момента появления пракартвелов начинается длительный этап ностратизации неностратических северокавказских языков. При этом следует констатировать факт, что пракартвельский контактировал с прасеверокавказской общностью уже после ее распада. Важно отметить то, что с момента появления групп, которые в будущем составят облик пракартвельской общности, последние вступили во взаимодействие именно с представителями нахско-дагестанской ветви. Учитывая, что эти контакты происходили между пракартвелами и представителями прасеверо-восточнокавказской общности уже после распада прасеверокавказского единства, то временем этих контактов следует считать поздний неолит, то есть примерно V тыс. до н.э. Важно при этом отметить, и то, что эти контакты могли осуществляться не только на юге в Закавказье, но и на северной предкавказской стороне. Удивительно, с точки зрения современного географического расположения, отсутствие каких-либо активных контактов пракартвелов с другим подразделением прасеверокавказской семьи, в частности празападнокавказской (прахатто-абхазо-адыгской) общностью. Сложно дать этому факту объяснение. Очевидно отсутствие контактов пракартвелов с празападнокавказцами (здесь имеется в виду праязыковой уровень) доказывается тем обстоятельством, что все данные праязыка картвелов, несомненно, несут в себе «атрибутику горной экологии», что исключает из областей первоначального расположения пракартвелов Восточное Причерноморье вообще, во всяком случае, прибрежные области (Климов, 1964). Более того, отсутствуют такие контакты с самым архаичным западнокавказским языком, в частности хаттским. Данное обстоятельство важно еще и потому, что в период, когда на Кавказе шло формирование пракартвельской общности, хаттский давно уже дивергировал (период дивергирования датируется, по меньшей мере, концом V – началом IV тыс. до н.э.). Обе группы, то есть хатты и пракартвелы хронологически и территориально обособлены и ареально друг с другом не контактировали. Неравномерно распределяются языковые встречи в различных ветвях картвельской и западнокавказской общностей. Так, наиболее четко фиксируются некоторые лексические встречи между адыгским и сванским, что допустимо с учетом их синхронного территориального и хронологического сосуществования на северной Предкавказской стороне. С другой стороны, обильные контакты (но очень поздно отстоящие от периода пракартвельского) отмечены между абхазским языком с мегрельским и даже лазским, и практически отсутствуют со сванским, и еще реже фиксируются с грузинским. Все это лишний раз свидетельствует о том, что контакты эти носили поздний характер. Рассмотрение контактов абхазо-адыгской и картвельской групп важно еще и потому, что эта проблема является предметом острых дискуссий между представителями абхазской и грузинской исторической школ, об их месте и времени. Так, какие же временные рамки допустимы для первых контактов между картвелами и абхазо-адыгами в период, когда они представляли единую не расчлененную группу[20]? Несомненно, это не относится ко времени существования пракартвельского состояния, то есть, периоду IV-III тыс. до н.э. Не могут эти контакты датироваться и периодом начала распада пракартвельско-

[20] Праабхазо-адыгская группа продолжала существовать как еще не расчлененная общность после обособления хаттского еще минимум полторы тысячи лет. Обособление же хаттского из празападнокавказского происходило скорее в V тыс. до н.э.

го и выделения единого карто-занского праязыка. Скорее возможна следующая модель. Проникновение картвелов в саму Колхидскую низменность, где, несомненно, и находилась зона этих контактов, происходит из юго-западной части Малого Кавказа, куда картвелы проникают, позже осваивая вначале Восточное Закавказье (Чкадуа, 1997). И происходит это уже в лице занской ветви, с которой абхазо-адыги имеют все-таки наибольшее число языковых контактов. Области же между бассейнами рек Ингур и Риона остаются зоной, где пракартвельский трансформируется и сохраняется в виде архаичного уже сванского состояния к периоду II тыс. до н.э. (Джапаридзе, 1980)[21]. С момента появления в Западном Закавказье представителей занской ветви картвельской общности, последние пришли во взаимодействие с древними насельниками Колхидской низменности, носителями древних реликтовых языков западнокавказского строя. Позже при освоении картвелами в лице занской ветви Колхидской экологической ниши, в течение одного – полутора тысячелетий, шел постепенный процесс перестройки топонимических реалий и их адаптации к условиям картвельской языковой системы. Заны осваивали экологическую нишу Колхиды, перенимая модели адаптации и жизнеобеспечения сложившиеся у их предшественников – абхазо-адыгов. Оттуда мы должны выводить время сложения единой хозяйственно-культурной абхазо-мегрельской общности, когда в схожих экологических условиях складывались общие модели хозяйствования у народов генетически между собою неродственных, как в случае с мегрелами и абхазами (Инал-Ипа, 1964). За это время происходит переход представителей понтийского физического типа (абхазо-адыгов) на картвельскую речь. Вероятно, некоторые этнонимы были потом перенесены на занскую (мегрело-чанскую) почву (Бганба, 2000). Уже ко времени рубежа и первых веков нашей эры последние островки абхазо-адыгского населения отдельными реликтовыми вкраплениями сохранялись в ряде районов исторической Западной Грузии, где застаются античными источниками в лице фасианов, колхов и колов. Возможно, отдельные островки древнеабхазского населения доживают в Западной Грузии даже до конца поздней античности и начала раннего средневековья (Нюшков, 2012).

Исходя из выше изложенного, можно сделать следующие предварительные выводы, которые со временем могут корректироваться и, возможно, существенно меняться.

1. Картвельская общность не родственна северокавказской (это уже давно аксиома) и включается в ностратическую макросемью.
2. Очевиден факт существования несравненно большего количества представителей картвельской общности, не сохранившихся на данном этапе ее исторического развития.
3. Картвельская общность, как и северокавказская, является коренной на Кавказе, так как формирование ее основных звеньев происходило, очевидно, именно на этой территории.
4. Очагом, откуда шел импульс группы коллективов, сформировавших на Кавказе пракартвельскую общность, следует считать области к северу от Кавказа и периоды конца мезолита и начала неолита.
5. Основным очагом первоначального формирования облика будущей пракартвельской общности следует считать Центральный Кавказ, его южные склоны, где уже к рубежам конца

[21] Несомненно, здесь имели место субстратные слои скорее допракартвельского населения, вероятнее всего, нахско-дагестанского и западнокавказского.

средней и поздней бронзы происходит дифференциация этой общности, что спровоцировало миграцию хурритов на Ближний Восток.

6. На Кавказе пракартвелы пришли в соприкосновение с автохтонным домезолитическим населением – представителями северокавказской общности сино-кавказской макросемьи.
7. К периоду появления носителей пракартвельской общности, северокавказская уже была дифференцирована и потому, особенно на начальных этапах, будущие пракартвелы контактировали с представителями нахско-дагестанской общности кавказской семьи, а значительно позже (к рубежам античности) с абхазо-адыгской.
8. Контакты картвелов с индоевропейцами, после отделения пракартвельского языка, происходили не на севере. Они носили вторичный характер и имели место, несомненно, в более южных регионах, в Передней Азии.
9. Контакты картвелов с семитами не отражают ареального характера этих связей, а лишь торгово-экономические контакты.
10. Требуется уточнение археологической атрибуции этих процессов, а также широкое сопоставление культурной лексики с реалиями археологии.

Литература

Андреев Н.Д. Ранне-индоевропейский праязык. Л.: Наука, 1986. 328 с.

Антонова Е.В. Месопотамия на пути к первым государствам. М.: Восточная литература, 1998. 223 с.

Бганба В.М. К вопросу о происхождении и этноязыковой принадлежности некоторых этнонимов древнего Восточного Причерноморья // Абхазоведение. Сер. Язык. Фольклор. Литература. 2000. Вып. 1. С. 46-79.

Гамкрелидзе Т.В. Современная диахроническая лингвистика и картвельские языки. Ч. II // Вопросы языкознания. 1971. № 3. С. 34-48.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема: временные и ареальные характеристики общеиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным // Вестник древней истории. 1980. № 3. С. 3-27.

Джапаридзе О.М. Эпоха ранней бронзы в Закавказье (III тыс. до н.э.) // Кавказ и Средиземноморье. Тб.: Изд-во Тбилисского ун-та, 1980. С. 42-56.

Джапаридзе О.М. К этнокультурной ситуации Северо-западного Закавказья в эпоху камня и раннего металла // Разыскания по истории Абхазии / Грузия. Тб.: Мецниереба, 1999. С. 7-25.

Долгопольский А.Б. Какие языки родственны европейским? // Наука и человечество. М.: Знание, 1971-1972. С. 106-119.

Дыбо В.А. Язык – этнос – археологическая культура (Несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы) // Глобализация – этнизация. Этнокультурные и этноязыковые процессы. Кн. 1. М.: Наука, 2006. С. 75-94.

Дыбо В.А., Пейрос И.И. Проблемы изучения отдаленного родства языков // Вестник Российской Академии Наук. 1985. № 2. С. 55-66.

Дыбо В.А., Терентьев В.А. Ностратическая макросемья и проблема ее временной локализации // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 5. Проблемы изучения ностратической макросемьи языков. М.: Наука, 1984. С. 8-16.

Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов. I // Вестник древней истории. 1982а. № 3 (161). С. 3-30.

Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов. II // Вестник древней истории. 1982б. № 4 (162). С. 11-25.

Инал-Ипа Ш.Д. Об этногенезе древнеабхазских племен. М., 1964. 10с. [*Доклады VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук (Москва, 1964)*].

Климов Г.А. О глоттохронологическом методе датировки распада праязыка // Вопросы языкознания. 1959. № 2. С. 119-121.

Климов Г.А. Этимологический словарь картвельских языков М.: Изд-во АН СССР, 1964. 306 с.

Климов Г.А. Об ареальной конфигурации протоиндоевропейского в свете данных картвельских языков // Вестник древней истории. 1986. № 3. С. 150-159.

Климов Г.А. Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. 2-е изд. М.: УРСС, 2009. 249 с.

Климов Г.А., Алексеев М.Е. Типология кавказских языков. М.: Наука, 1980. 304 с.

Крупнов Е.И. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность (к проблеме происхождения коренных народов Кавказа) // Советская археология. 1964. № 1. С. 26-43.

Напольских В.В. К проблемам исследования древнейшей предыстории Северной Евразии (ностратическая макросемья языков) // Этнография. 2018. № 1. С. 119-142. DOI: 10.31250/2618-8600-2018-1-119-142

Нюшков В.А. К локализации юго-восточной границы Апсилии // Материалы научной конференции посвящённой 90-летию З.В. Анчабадзе. Сухум: АбИГИ, 2012. С. 138-148.

Сафронов В.А. Хронология, происхождение и определение этнической принадлежности майкопской культуры по археологическим и письменным источникам // Хронология памятников эпохи бронзы Северного Кавказа. Орджоникидзе: Изд-во Северо-Осетин. гос. ун-та, 1982. С. 63-104.

Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1989. 398 с.

Старостин С.А. Как говорили в палеолите? // Наука и человечество. М.: Знание, 1990. С. 55-56.

Терентьев В.А. Ностратические этимологии // Этимология 1977. М.: Наука, 1979. С. 159-163.

Черных Е.Н. Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы // Древний Восток: этнокультурные связи. М.: ГРВЛ, 1988. С. 37-57.

Чкадуа Л.П. Некоторые вопросы истории Абхазии в контексте лингвистических данных // Актуальные проблемы абхазо-адыгской филологии. Карачаевск: Изд-во КЧГПУ, 1997. 192 с.

А.И. Нечвалода

ОБРЕТЕНИЕ ЛИЦА: 3D ПОРТРЕТНОЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПРИЖИЗНЕННОГО ОБЛИКА ПО ЧЕРЕПАМ ИЗ КАМЕННЫХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ МАВЗОЛЕЕВ ЮЖНОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

Антропологическая/пластическая реконструкция лица по черепу

Судебная реконструкция, судебно-медицинское восстановление лица, кранио-фациальное восстановление по черепу представляет собой воссоздание двух- (рисунок, графическое восстановление внешности) или трехмерной модели внешности неопознанного субъекта по черепу (что подразумевает под собой мануальную реконструкцию из пластических материалов), а сейчас, в связи с активным развитием технологий 3D сканирования и моделирования, и с помощью специально разработанного для этих целей программного обеспечения.

Понятно, что опознание и идентификация являются основной целью судебной реконструкции лица по черепу, когда нет других возможностей для установления личности неизвестного умершего, погибшего человека. Такие возможности могут предоставить, например, относительно хорошо сохранившиеся остатки мягких тканей лица, которые можно привести в порядок – реконструировать, используя методику так называемого «туалета трупа». Довольно часто процесс опознания родственниками даже сильно скелетированных останков происходит по предметам одежды или особым приметам. Для этого используется, конечно же, и весь традиционный арсенал судебно-медицинских методик установления личности: рентгенология, метод компьютерного совмещения черепа и прижизненной фотографии, а также можно сказать ставший уже традиционным и весьма распространенным в этой области криминалистики – анализ ДНК.

Но со времен Михаила Михайловича Герасимова – основателя научного метода антропологической реконструкции лица по черепу, систематически изложенного им в двух основополагающих монографиях (Герасимов, 1949, 1955), метод антропологической реконструкции лица по черепу до сих пор представляет интерес для криминалистов-практиков. Тем более, что при экспериментальной проверке на криминалистическом материале метод, предложенный М.М. Герасимовым, хорошо себя зарекомендовал. В этой связи можно напомнить историю настоящей судебно-медицинской эпопеи, связанной с идентификацией останков, обнаруженных в Поросенковом Логу, как принадлежащих семье Романовых.

Одним из важных ее этапов была портретная экспертиза, включавшая в себя из традиционных методик, не только компьютерное фотосовмещение прижизненных фотографий членов семьи Романовых и расстрелянных вместе с ними слуг с обнаруженными черепами, но и выполнение скульптурных реконструкций внешнего облика по обнаруженным черепам. Эта работа была выполнена экспертом-криминалистом С.А. Никитиным, который

продолжает развивать и совершенствовать методику восстановления облика человека по черепу (Никитин, 2009).

Если в криминалистике главная цель – это опознание и идентификация личности, то в общеисторической и археологическом контекстах, что нас в данном случае больше всего интересует, цель состоит в том, чтобы приблизить нас к людям из нашего далекого и не совсем далекого прошлого, создавая реальные образы их лиц.

Понятно, что в данном случае опознание не является основной, важной задачей. Главным является достоверное, документальное изображение облика человека по костным останкам, включая и воспроизведение исторической атрибутики – в частности, одежды, прически, характерных для определенной эпохи, возрастного, социального статуса на основе полученных из исторических документов и иконографических источников.

После того как был произведен краниометрический и морфологический анализ черепа, осуществлена краниоскопическая и визуальная оценка морфологического профиля, выполнение реконструкции лица по черепу является производным от краниометрической основы, находящейся в руках исследователя. Биологический профиль индивида включает в себя определение пола, возраста и расового типа человека по черепу. Важны также данные, которые антрополог может получить при анализе посткраниального скелета (патологии, травмы, которые, например, могут повлиять на посадку головы человека).

Краниометрические измерения проводятся на черепе, чтобы предсказать варианты размеров основных структур лица – ширины носа, его выступания и проекции из плоскости лица, длины ротовой щели, а также толщины губ.

Антропологические материалы из каменного мавзолея Хусейнбека имеют весьма важное значение для истории Башкортостана эпохи Средних веков. Во-первых, останки из погребения 1 из одноименного мавзолея принадлежат Хусейнбеку, чья деятельность оставила весомый след в исторической памяти башкир. Очень важным моментом, как для археолога, так и для антрополога является то, что над местом его погребения была установлена каменная плита с эпитафийной надписью, содержащей имя «Хусейнбек», и некоторые детали его биографии. Данное обстоятельство рассеивает любые сомнения о принадлежности останков именно данному историческому персонажу. Кроме того, его могила, являлась объектом поклонения на протяжении длительного времени, став для мусульман региона «малым хаджем», и не была потревожена вплоть до 1980-х гг.

Во-вторых, комплексное антропологическое исследование с применением метода пластической реконструкции лица по черепу позволяет нам дать не только характеристику расовых особенностей захороненных в мавзолее людей, образа их жизни, физических особенностей, но и воочию увидеть их облик. Что касается реконструкции облика Хусейнбека, то на сегодняшний момент это первый документальный портрет исторической личности эпохи Средневековья Башкортостана, имя которого сохранила до нашего времени намогильная надпись. Тем более что никакими иконографическими источниками того времени мы не располагаем.

Некоторые вопросы методики: реконструкция эпикантуса

В связи с тем очевидным обстоятельством, что мы работали с серией черепов из каменных мавзолеев Южного Предуралья, в морфологии которых прослеживаются монголоидные особенности, особое внимание мы обращали на методические разработки в области антропологической

реконструкции лица по черепу, позволяющие, наиболее полно отразить специфические признаки морфологии, характеризующие азиатско-американскую расу. В первую очередь это касается эпикантуса – кожной складки в области угла глаза, которая встречается у представителей большой монголоидной расы.

В отечественной школе антропологической реконструкции сложилось несколько точек зрения на проблему воспроизведения эпикантуса относительно подлежащих костных структур орбиты и переносья. Прежде рассмотрим методику объективного воспроизведения разреза глаз, используемую в антропологической реконструкции лица по черепу. По данным, полученным Г.В. Лебединской, наружный угол глаза близок к глазничному бугорку, который располагается на внутренней части лобного отростка скуловой кости (Лебединская, 1957, с. 56-59). В случае отсутствия глазничного бугорка маркером наружного угла глаза, по данным С.А. Никитина, является наиболее глубокая точка орбитального края лобного отростка скуловой кости. Наружный угол глаза находится примерно в 5 мм от вышеуказанной точки (Никитин, 2007, с. 433).

В своем методическом руководстве по реконструкции лица по черепу Г.В. Лебединская отмечает, что медиальный угол глаза находится на уровне энтоорбитале (*entoorbitale*)[1]. Размер слезного мясца (*caruncula lacrimalis*) равен расстоянию между передним и задним слезными гребнями по линии разреза глазной щели (*rima palpebrarum*). Наружный угол глаза отступает в медиальном направлении от экзоорбитале (по линии разреза глазной щели) на 7-8 мм (Лебединская, 1998, с.107).

По данным С.А. Никитина, внутренний угол глаза определяется на линии, проведенной от точки «А» к точке «Б», которая находится на гребне ямки слезного мешка, как правило, на наиболее удаленном расстоянии от точки «А». Внутренний угол глаза, по мнению автора, находится над центром входа в слезный канал (Никитин, 2007, с. 435).

Что касается воспроизведения формы, а также направления верхнего века в антропологической реконструкции, то в результате исследований на материале фотосовмещений была выявлена близкая зависимость между формой верхнего орбитального края и формой складки верхнего века. По наблюдениям С.А. Никитина, прямая связь между формой и направлением складки верхнего века, формой и направлением верхнего края орбиты была зафиксирована в 100% наблюдений.

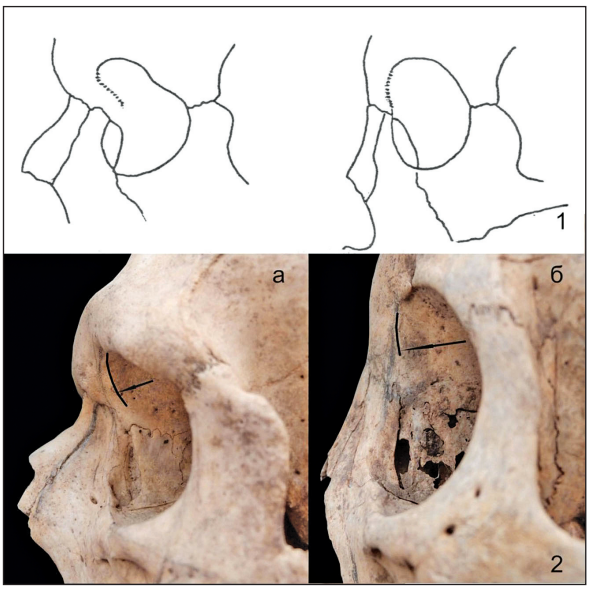

Рис. 1. Верхний схематический рисунок (1) из методического руководства Г.В. Лебединской, иллюстрирующий один из вероятных маркеров присутствия эпикантуса. Нижняя фотография показывает черепа из краниологических фондов ИИЯЛ УФИЦ РАН с различным направлением гребешка в верхней медиальной области орбиты

[1] Энтоорбитале (*entoorbitale*, *eno*) – точка, которая находится на краю переднего слезного гребня, на уровне середины маленькой площадочки или бугорка, расположенного на наружной поверхности лобного отростка верхнечелюстной кости, в верхней трети ямки слезного мешка (Лебединская,1998, с. 35).

Г.В. Лебединская, касаясь вопроса об объективном воспроизведении эпикантуса и его возможной морфологической основе, говорит о связи между направлением небольшого гребешка в верхнем медиальном углу глазницы с наличием или отсутствием данного морфологического признака. По ее мнению, если указанный гребешок направлен внутрь глазницы к заднему слезному гребню, *эпикантус, как правило, отсутствует* (курсив наш – *А.Н.*). По наблюдениям Г.В. Лебединской и Е.Г. Шпаковой[2], на черепах монголоидных серий гребешок в большом проценте случаев почти прямо переходит в передний слезный гребень (рис. 1).

В свою очередь, С.А. Никитин, исследовавший уникальную серию из 30 черепов японцев и имевший редкую возможность сопоставления черепов японских военнопленных с прижизненными фотографиями в их учетных делах, связывает наличие и степень развития эпикантуса с фронтальной ориентировкой лобных отростков верхнечелюстных костей. По мнению автора, более фронтальная их ориентировка соответствует более выраженному эпикантусу.

Для целей измерения фронтальной ориентировки или угла между фронтами лобных отростков верхнечелюстных костей С.А. Никитин предлагает использовать свинцовую проволоку, которая прижимается к лобным отросткам верхней челюсти и носовым костям на уровне точек дакрион (Никитин, 2007, с. 435). Вычисление так называемого дакриального угла можно также выполнять тригонометрическим методом, не прибегая к использованию проволоки.

Авторы руководства по комбинированному графическому методу восстановления лица по черепу связывают наличие

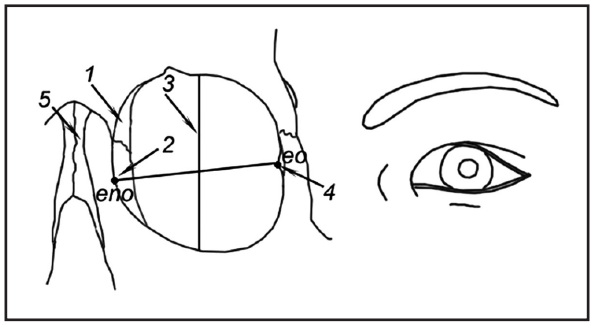

Рис. 2. Особенности строения орбиты и костей носа, связанные с диагностикой эпикантуса (по: Федосюткин и др., 1991, рис. 30):
1 – костная площадка; 2 – ширина ямки слезного мешка; 3 – ширина орбиты; 4 – наружный глазничный бугорок; 5 – высота носовых костей; (eno – *entoorbitale*; eo – *exoorbitale*)

эпикантуса верхнего века с сочетанием низкого или среднего по высоте переносья с высокими орбитами и вдающимся вглубь орбиты слезным раструбом (*sulcus lacrimalis – А.Н.*) (Федосюткин и др. 1991) (рис. 2).

Нам представляется необходимым учитывать все перечисленные морфологические особенности строения орбитальной области и переносья при моделировании эпикантуса, и степени его развития на черепе. В тоже время необходимо дополнить программу описания орбиты при антропологической реконструкции измерением параметров ее фронтального наклона. При описании профиля носовой области – измерением высоты точки назион над линией дакрион-дакрион – так называемый дакриальный «индекс Бенингтона».

Реконструкция внешнего облика Хусейнбека

При выполнении реконструкции облика мужчины из погребения 1 (Хусейнбек) мы воспользовались методикой, которая получила в научной литературе, посвященной проблемам антропологической реконструкции, наименование «британской», «манчестерской» (*The UK Manchester Method*). Этот способ предложен в 1971 г.

[2] Шпакова Е.Г. Расово-морфологическое исследование глазниц в связи с задачами пластической реконструкции. Дипломная работа каф. антропологии МГУ. М., 1976. Рукопись.

Рис. 3. 3D мануальная реконструкция внешнего облика Хусейнбека (погребение 1). Слева – этапы выполнения реконструкции. Автор Алексей Нечвалода

и апробирован в своей работе Ричардом Нивом (Prag, Neave, 1997). Как это видно на фото (рис. 3, верхний слева) первого этапа реконструкции лица по черепу из погребения 1 (Хусейнбек), он представляет моделирование основных групп лицевых мышц в сочетании с использованием маркеров толщины мягких тканей в определенных краниометрических точках на черепе, отражающих, как правило, их средние значения. Глубину мягких тканей лица корректируют по возрасту, полу, развитию макрорельефа костей в местах прикрепления мышц. Метод весьма трудоемкий и затратный по времени достижения конечного результата.

В своей работе мы использовали протезы глазных яблок, изготовленные из пластика[3]. Это было сделано для достижения эффекта «живого лица». Как показывают исследования, глазное яблоко в орбите находится ближе к латеральной (боковой) стороне полости орбиты по сравнению с другими. На первом этапе были смоделированы крупные мышцы лица – жевательные, височные, круговая мышца глаза, круговая мышца рта и др., установлены пластиковые глазные яблоки с воспроизведением взгляда «в сторону».

Для формализации построения носа мы использовали уравнения регрессии, предложенные К. Ринном с соавторами (Rynn et al., 2010). Для этого были проведены дополнительные измерения области носа (табл. 1 и рис. 4) на черепах из мавзолея Хусейнбека.

Таблица 1

Параметры мягкого носа для черепа из погребения 1 (Хусейнбек), спрогнозированные с помощью уравнений регрессии (Rynn et al., 2010)*

Размеры	Уравнение регрессии	Параметры Y, X, Z	Реконструированные параметры
1. Pronasale anterior	0.83Y-3.5	Y 43.0	30.9
2. Pronasale vertical	0.90X-2.0	X 58.0	50.2
3. Pronasale PHF	0.93Y-6.0	Y 43.0	34.0
4. Nasal length	0.74Z+3.5	Z 64.0	50.8
5. Nasal height	0.78Z+9.5	Z 64.0	59.4
6. Nasal depth	0.40Y+5.0	Y 43.0	22.2

* – Расшифровка параметров см. в подписи к рис. 4.

[3] В процессе работы были использованы пластиковые протезы глазных яблок, мастерски изготовленные руками высококлассного специалиста Виктора Алексеевича Рыжова (†2017).

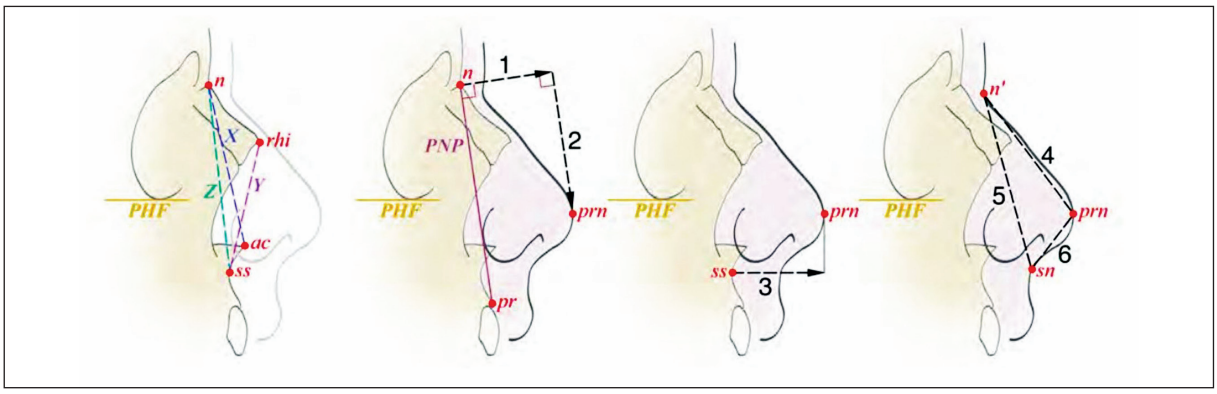

Рис. 4. Дополнительные краниометрические измерения грушевидной апертуры (крайний левый рисунок) используемые в уравнениях регрессии: X – назион (n)-акантион (ac); Y – риниона (rhi)-субспинале (ss); Z – назион (n)-субспинале (ss); реконструируемые с помощью уравнений регрессии размеры мягкого носа: 1 – *Pronasale anterior* – проекция выступания носа относительно линии назион-простион (PNP); 2 – *Pronasale vertical* – высота носа относительно линии назион-простион (PNP); 3 – *Pronasale* PHF – проекция выступания носа относительно франкфуртской горизонтали; 4 – Nasal length – длина носа от точки кефалометрического назион (n`) до кончика мягкого носа (prn); 5 – Nasal height – высота мягкого носа от кефалометрического назиона (n`) до субназале (sn); 6 – Nasal depth – выступание мягкого носа от субназале (sn) до кончика мягкого носа (prn)

Следующим этапом работы стало моделирование левой половины лица и воспроизведение носа с учетом вычисленных основных параметров – выступания кончика носа, ширины, формы спинки носа. Судя по морфологическим особенностям грушевидной апертуры, крылья носа были профилированы в слабой степени. Завершающий этап работы над восстановлением облика Хусейнбека можно видеть на рис. 3. На этом этапе была смоделирована небольшая бородка, которую принято было носить у мусульман. Проверка выполненной реконструкции на предмет соответствия смоделированного лица и краниологической основы была проведена с помощью фотосовмещения.

Реконструкция внешнего облика женщины из погребения 2 и мужчины из погребения 7 мавзолея Хусейнбека

Один из начальных этапов реконструкции внешнего облика включает в себя воспроизведение «кивательных» (*m. sternocleidomastoideus*) и жевательных мышц (*m. masseter*) с обеих сторон с учетом степени развития костного макрорельефа в местах их прикрепления, направления и массивности сосцевидных отростков, глубины височных ям, формы скуловых дуг.

Работа над воспроизведением облика женщины из погребения 2 и мужчины из погребения 7 мавзолея Хусейнбека выполнялась с использованием «русского» метода – метода, разработанного М.М. Герасимовым, с использованием методических разработок С.А. Никитина. Реконструкция начинается с этапа наложения на левую половину черепа стандартных пластилиновых гребней (в поперечном сечении 5 × 10 мм), изготовленных с помощью фильерного устройства.

Толщина покрова корректировалась в соответствии с таблицами толстот мягких тканей (Röhrer-Ertl, Helmer, 1984) с учетом развития макрорельефа костей черепа. Для контроля толщины пластилинового покрова использовался электронный штангенциркуль с возможностью использования глубиномера.

Воспроизведен срединный (профильный) гребень с учетом формы чешуи лоб-

Рис. 5. 3D восстановленная половина лица мужчины из погребения 7 мавзолея Хусейнбека. Слева – череп мужчины из погребения 7 в фациальной, боковой и вертикальных нормах. Автор Алексей Нечвалода

ной кости, носовых костей, края грушевидного отверстия, верхнечелюстных костей, размеров и направления альвеолярных отростков и зубов, формы и размеров подбородочного бугра. Произведено определение положения и установка глазных яблок с применением определителя-фиксатора, разработанного С.А. Никитиным (рис. 5).

Морфологические особенности строения переносья на женском черепе из погребения 2 (сильно уплощенного, с «утопленным» корнем носа), невысокие, а также плосковатые носовые кости, вынесенный вперед слезный раструб, стали той краниологической основой, которая дала нам возможность оценить вероятность наличия эпикантуса, и наоборот его отсутствия у мужчины из погребения 7. Как можно видеть на рис. 6, отражающем этап моделирования левой половины лица молодой

Рис. 6. 3D мануальная реконструкция внешнего облика молодой женщины из погребения 2 мавзолея Хусейнбека. Слева – череп женщины в фациальной норме и последовательные этапы выполнения реконструкции. Автор Алексей Нечвалода

Таблица 2

Параметры мягкого носа для черепа из погребения 2, спрогнозированные с помощью уравнений регрессии (Rynn et al., 2010)*

Размеры	Параметры Y, X, Z	Реконструированные параметры
1. Pronasale anterior	Y 32.0	22.1
2. Pronasale vertical	X 50.0	43.0
3. Pronasale FHP	Y 32.0	23.7
4. Nasal length	Z 56.0	45.0
5. Nasal height	Z 56.0	53.2
6. Nasal depth	Y 32.0	17.8

* Уравнения регрессии и расшифровку параметров см. в табл. 1 и рис. 4.

Таблица 3

Параметры мягкого носа для черепа из погребения 7, спрогнозированные с помощью уравнений регрессии (Rynn et al., 2010) *

Размеры	Параметры Y, X, Z	Реконструированные параметры
1. Pronasale anterior	Y 37.0	26.1
2. Pronasale vertical	X 54.5	47.0
3. Pronasale FHP	Y 37.0	28.4
4. Nasal length	Z 59.0	47.1
5. Nasal height	Z 59.0	55.5
6. Nasal depth	Y 37.0	20.0

* Уравнения регрессии и расшифровку параметров см. в табл. 1 и рис. 4.

женщины, – эпикантус у женщины смоделирован выраженным.

Веки левого глаза воспроизведены с учетом формы орбиты, характера краев глазницы, локализации реперных точек углов глаз. Смоделирована левая половина носа с учетом формы и размеров грушевидного отверстия, характера его краев, уровня нижней носовой раковины, формы и направления носовых костей, формы и направления подносового шипа, формы и размеров носового отростка лобной кости и параметров, реконструированных с помощью уравнения регрессии (табл. 2 и 3). Из последних видно, что выступание мягкого носа у женщины было наименьшим.

Воспроизведена левая половина губ с учетом размеров и направления альвеолярных отростков и зубов, размеров и формы зубной дуги, характера прикуса. Выполнено восстановление левой половины подбородка с учетом формы и размеров подбородочного бугра. Воспроизведена правая половина лица с учетом асимметрии черепа, при этом производилось сопоставление моделируемых деталей лица правой половины с восстановленными деталями левой половины лица. Смоделирована шея с учетом положения «кивательных» мышц. На завершающем этапе работы над восстановлением облика женщины из погребения 2 смоделирована прическа.

Выводы

Проведенное краниометрическое исследование черепов из мавзолея Хусейн-бека, а также выполненные по ним скульптурные реконструкции, позволяет сделать определенные выводы.

Люди, захороненные в мавзолее Хусейн-бека, обладали краниологическими характеристиками, свойственными представителям монголоидной расы. В частности, краниологические характеристики черепа Хусейнбека демонстрируют его принадлежность к кругу южносибирских монголоидов, в его казахстанском варианте. Сопоставления с помощью критерия Гейнке показало, что он морфологически более близок к сериям черепов казахов из Баянаула, чем к башкирским сериям. Яркой индивидуализирующей чертой физического облика Хусейнбека является сильно выступающей нос при весьма уплощенном лице, что нашло свое отражение в пластической реконструкции.

Череп женщины из погребения 2 характеризуется краниологическими осо-

бенностями центральноазиатских монголоидов. Он морфологически более близок к черепам калмыков. Особенности строения области переносья, а также орбит позволили нам воспроизвести эпикантус при работе над скульптурным воспроизведением ее облика.

Отсутствие морфологических аналогий черепам из погребений 1 и 2 среди башкирских серий и серий эпохи Средневековья с территории Башкортостана (чияликская культура), позволяет нам, с достаточной долей вероятности, говорить об их не местном происхождении.

Череп мужчины из погребения 7 мавзолея Хусейнбека по комплексу краниометрических признаков с полной определенностью может быть отнесен к кругу южно-сибирских монголоидов.

Литература

Герасимов М.М. Основы восстановления лица по черепу. М.: Сов. наука, 1949. 188 с.

Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). М.: Изд-во АН СССР, 1955. 585 с. [*Труды Института этнографии АН СССР. Нов. серия. Т. XXVIII*].

Лебединская Г.В. К вопросу об объективном воспроизведении разреза глаз при реконструкции лица по черепу // Краткие сообщения Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. 1957. Т. XXVII. С. 55-59.

Лебединская Г.В. Реконструкция лица по черепу. Методическое руководство. М.: Старый Сад, 1998. 125 с.

Никитин С.А. Дальнейшее развитие метода антропологической реконструкции. Восстановление глаза // Вестник антропологии. 2007. Вып. 15. Ч. II. С. 433-438.

Никитин С.А. Пластическая реконструкция портрета по черепу // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Т. 1. История усыпальницы и методика исследования захоронений. М.: Московский Кремль, 2009. С. 137-167.

Федосюткин Б.А., Коровянский О.П., Усачева Л.Л., Кузин В.М., Савушкин А.В., Хохлов А.Е. Комбинированный графический метод восстановления лица по черепу. М.: МВД СССР, Всесоюзный научно-криминалистический центр, 1991. 48 с.

Prag J., Neave R. Making faces: Using forensic and archaeological evidence. London: British Museum, 1997. 256 p.

Röhrer-Ertl O., Helmer R. Zu Stand und Mцglichkeiten der erneut modifizierten Kollmann-Methode (Gesichtsrekonstruktion aufgrund des Schadeis). Gegenbaurs morphologisches Jahrbuch. 1984. Bd. 130 (3). P. 369-398.

Rynn C., Wilkinson C.M., Peters H. Prediction of nasal morphology from the skull // Forensic Science, Medicine and Pathology. 2010. Vol. 6. No. 1. P. 20-34. DOI: 10.1007/s12024-009-9124-6

М.Г. Никифоров

ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ АРХЕОЛОГА: ЗАМЕТКИ О РОГУНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

В 2017 г. Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан и Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН провели сезон археолого-антропологических исследований в зоне затопления Рогунской ГЭС (Республика Таджикистан). Одной из задач экспедиции стало изучение перезахораниваемого костного материла, что дает возможность проанализировать физические особенности населения, продолжительность жизни, процесс истории заселения данного региона.

Для проведения этих изысканий в 2017 г. была сформирована Рогунская археологическая экспедиция под руководством Т.Г. Филимоновой, которая работала на кладбище кишлака Сичарог. В составе экспедиции была специально выделена антропологическая группа, которую возглавила известный антрополог Н.А. Дубова. К осени 2017 г. кладбище Сичарога было полностью раскопано и удалось изучить более 200 скелетов разной степени сохранности. Научные результаты экспедиции изложены в коллективной монографии (Антропологические исследования…, 2018[1]), а здесь мы расскажем об одном дне из жизни археолога.

* * *

База экспедиции располагалась в Обигарме – районном центре, находящемся примерно в 100 км к востоку от Душанбе. Кишлак раскинулся на склонах между двумя грядами гор, между которыми течет одноименная с ним речка, впадающая через несколько километров в Вахш. Кроме красивой природы, которая характерна для всего Таджикистана, основной местной достопримечательностью являются термальные источники, выходящие из земли с температурой воды более 60°С. Еще в советское время здесь был построен санаторий, где людей с заболеваниями опорно-двигательного аппарата лечат теплыми радоновыми ваннами. Именно отсюда пошло название топонима – «оби» означает «вода», а «гарм» – «теплый» (рис. 1).

На все время работы экспедиция арендовала у местного предпринимателя скромный одноэтажный домик, который представляет собой большую комнату, кухню и веранду. Половина людей спит в доме, другая на веранде, но поскольку окна и дверь в комнате всегда открыты, особой разницы между ними нет. Одна сторона веранды одновременно является и столовой, это предусмотрено конструкцией, а в ее углу располагается окно на кухню. Кухня – это специальная комната с входом из противоположной стороны дома, а ее окно служит для подачи еды.

Жизнь в лагере подчинена простому распорядку. В рабочие дни, а это все дни кроме воскресенья, подъем происходит примерно в половину пятого утра.

[1] Антропологические исследования первого этапа зоны затопления Рогунской ГЭС (Результаты первого сезона работ Антропологической группы Рогунской археологической экспедиции, в июле-августе 2017 г.) / Т.Г. Филимонова, Н.А. Дубова, В.В. Куфтерин и др. Душанбе: Истеъдод, 2018. 72 с.

За полтора часа нужно успеть привести себя в порядок, позавтракать и собрать вещи. Завтрак обычно быстрый и легкий – чай, вареная колбаса, яйца, хлеб и головки лука.

После еды, двумя рейсами на УАЗике мы добираемся до Сичарога, который находится в 12 км юго-восточнее Обигарма. Хотя расстояние, в общем-то, небольшое, но по горной петляющей дороге быстро ехать опасно, и путь до места работы обычно занимает около получаса. Основную часть времени машина едет по узкому ущелью, внизу которого течет река Обигарм. Здесь смотреть особенно нечего. Зато в месте ее впадения в Вахш открывается великолепный вид на Рогун, чуть ниже которого ведется строительство электростанции (рис. 2).

Еще десять минут, и мы подъезжаем к месту, где еще в прошлом году был кишлак Сичарог. Но теперь здесь ничего нет. Все поселения, которые относятся к нижнему ярусу зоны затопления, уже отселены и ликвидированы. Теперь, на месте кишлака остались только валуны, разбитые фундаменты от домов, пни от вырубленных деревьев и всякий мусор (рис. 3).

Кладбище, на котором мы работаем, начинается почти сразу за чертой бывшего кишлака. В отличие от привычной нам европейской традиции, как правило, таджикские захоронения ничем не обозначены: ни надгробий, ни оград. Исключение составляют лишь два десятка свежих могил, примыкающих к кишлаку. Там встречаются «привычного» вида памятники, с именем усопшего, годами жизни и фотографиями. Есть еще несколько старых захоронений в центре кладбища, где в качестве надгробия помещен специально расколотый камень, но обычно пометок на могиле не делают. Как говорят местные, мужчины ходят на кладбище раз в год, а женщинам туда ходить не положено вообще. А еще, считается, что чем быстрее могила сровняется с землей, тем лучше.

К югу от кладбища ведется строительство – копают огромный котлован будущего водохранилища, и даже на нашей стоянке слышен грохот от падающей в кузова земли. КАМАЗы подъезжают вереницей, экскаваторы их тут же нагружают землей, которую куда-то увозят (рис. 4).

В отряде каждый занят своим делом. Ребята-рабочие копают могилы до появления костяков, Володя, Максим и Низом[2] поднимают кости из земли. Женские и мужские захоронения отличаются по глубине. Могилы женщин всегда более глубокие, причем сначала я это заметил сам, а потом это подтвердили рабочие. Мужские могилы, мельче и имеют вблизи поверхности свод из бревен. В процессе подъема костей важно их достать не повредив, иначе их нельзя будет потом измерить точно (рис. 5-7).

Моя задача состояла в сборе проб на кишечных паразитов и пыльцу. Идея ис-

Рис. 5. Рабочий раскапывает могилу возле мазара. Мазар – место захоронения уважаемого человека. Обычно такие могилы обносятся каменной кладкой высотой около метра

[2] Владимир Елкин, Максим Филимонов и Низом Валиев – постоянные участники экспедиционных выездов Института истории, археологии и этнографии АН РТ, проводимых под руководством археолога Т.Г. Филимоновой – *Прим. ред.*

Рис. 6. Раскопанные могилы. Три маленькие в центре – детские

следования заключается в том, чтобы с помощью анализа органических остатков в грунте определить наличие кишечных паразитов, характерных для того или иного региона, а это позволяет изучать процессы

Рис. 7. Максим Филимонов извлекает череп

миграции. Методика требует собрать четыре пробы – соскоб грунта вблизи таза, из крестца, и две контрольные – возле черепа и в середине бедра. Этот же анализ позволяет определить структуру питания. Ну а в свободное от «основной работы время» можно заняться подъемом скелетов. Самую квалифицированную работу по измерению костей выполняют Надежда Анатольевна и ее ассистент Маснав[3] (рис. 8-10).

[3] Маснав Н. Наврузбеков – научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии АН РТ – *Прим. ред.*

После проведения измерений, все выкопанные кости складывают в мешки, которые могут взять себе родственники и захоронить, там, где им хочется. Некоторые родственники, когда забирают останки своих близких устраивают ритуальные обеды, что-то вроде благословления на выполне-

Рис. 8. Надежда Анатольевна Дубова за работой

ние работы. Прямо на земле накрывают скатерть – дастархан, за который все усаживаются (кто на корточках, кто на коленях). Затем читается молитва, после которой начинается трапеза. С первого взгляда понятно, что скатерть и посуда, в которой

Рис. 9. Надежда Анатольевна вместе с Маснавом Наврузбековым

подаются угощения – вещи парадные, ими пользуются мало и очень аккуратно. Вся посуда из тонкого фарфора и красиво расписана. После завершения трапезы, снова произносится молитва, которая символизирует завершение ритуала.

Рис. 12. В ожидании машины в Обигарм

В один из дней к нам приехал начальник строительства Рогунской ГЭС Манучер Джамилзода, которая финансирует перенос кладбищ. Он обошел место раскопок, спросил насколько успешно идет работа и выразил пожелание, чтобы мы закончили с этим объектом до конца сезона. Поскольку Манучера в ту пору интересовало, какие можно получить по итогам раскопок научные результаты, Надежда Анатольевна подарила ему один из сборников трудов Маргианской экспедиции (рис. 11).

Обычно рабочий день продолжается до 13 часов, поскольку после этого времени наступает такая жара, что работать уже невозможно. В пятницу – день намаза, работаем до 11, чтобы за неделю общая выработка составила 40 часов. Хотя высота поселения над уровнем моря превышает 1000 м, в 2017 г. воздух прогревался до +37°С. Говорят, что в этот год лето было жарче, чем обычно. Обратно возвращаемся так же двумя рейсами, причем первыми уезжают рабочие, так как они начинают работать раньше. Обычно у нас остается 30-40 минут на то, чтобы отдохнуть в тени кладбищенских деревьев, или погулять по окрестностям (рис. 12).

Обратный путь, почему-то, всегда кажется короче, хотя зачастую мы еще делаем остановку по пути возле родника. В середине дня радиатор так перегревается, что его нужно остудить холодной водой. После приезда с кладбища необходимо вымыться и привести в порядок одежду. Но, это Обигарм и в нашем душе течет только горячая вода, температура которой около 60°С! Здесь же, находится чуть менее горячий бассейн, в котором можно посидеть, но не долго. Двигаться в бассейне противопоказано, поскольку энергия, которая выделяется мышцами не выходит наружу, а остается внутри тела, что сразу же чувствуется.

Местная вода насыщена радиоактивным газом радоном, поэтому ее можно безопасно принимать не более 15 минут в день. Наверное, в осеннюю или зимнюю пору купание в подобной природной терме процедура весьма приятная, да и вода не такая горячая. Летом, после нескольких часов палящего Солнца, купание представляет собой вынужденную меру, но выбирать не из чего.

На обед и ужин чаще всего подают шурпу с лепешками. Шурпа – это обычная похлебка, в состав которой входит все, что мы покупаем на рынке – баранина, картошка, немного перца, немного баклажанов, лук и какая-то травка. Но основной ее секрет не в составе, а в способе приготовления продуктов. Поваром является женщина таджичка. Она работает на кухне до 19 часов, когда у нас официальное время ужина. В любое время можно подойти и попросить чайник с зеленым или черным чаем. Пить чашками, как в России, здесь не принято.

После обеда большая часть экспедиции спит. Сказывается усталость после рабочего дня, а кроме того, наступает время максимальной жары, когда на улицу лучше не выходить. Те же, кто не спит, обычно или читает, или смотрит телевизор – здесь показывают несколько российских каналов. А еще можно поставить диск с фильмами, но проблема в том, что временами днем выключают электричество и его может не быть от 15 минут до 3 часов. Как говорят местные, летом отключения происходят не так часто, в виду того, что расход энергии меньше. Зато зимой – регулярно. Ближе к 17 часам температура спадает, и можно выбраться в магазин за лепешками и минеральной водой или просто прогуляться по кишлаку и его окрестностям.

Все магазины находятся в центре кишлака, хотя точнее будет сказать, что центр – это там, где расположен базар и магазины. Этот принцип распространяется на любой кишлак или небольшой город. Также здесь останавливаются маршрутки, которые идут до Душанбе, в направлении Гарма и Тавильдары. Пройти центр Обигарма можно всего лишь за несколько минут, и возможно, именно поэтому здесь не принято ходить быстрым шагом (рис. 13).

Для нас, гостей Таджикистана, основной диковинкой в кишлаке являются традиционные глинобитные дома, которых нет в российских деревнях. Хотя, если говорить более точно, то жилых глинобитных домов мы не увидели. Теперь жилища делают из современных материалов, кирпича и бетона. Из глины остались только подсобные сооружения – заборы, ограды и хозяйственные постройки, в которых держат скот, сено или хозяйственные принадлежности. Все глиняные конструкции старые, сейчас этот материал почти не используется. В Обигарме, везде, где ведется строительство, происходит замена глинобитных построек на современные (рис. 14).

В 19 часов лагерь собирается на ужин. Это самое лучшее время для того, чтобы не спеша пообщаться за чаем. Утром на это не хватает времени, днем тоже не до этого, так как все устали после работы, зато теперь спешить некуда, да и вечерняя прохлада добавляет сил. После ужина хозяин нашей гостиницы начинает поливать свой сад. Где-то наверху он открывает заслонки, и арыки наполняются журчащей водой, которая пройдя через его участок, идет вниз и впадает в речку. Но самым неожиданным стало наличие большого количества лягушек, которые выползают из арыков и начинают квакать после захода Солнца до глубокой ночи. Первое время это мешало заснуть, но потом, ничего, привык. Привык же я мыться горячей водой! (рис. 15).

В отличие от средних широт, ночь здесь наступает быстро и в небе появляются сотни звезд. Засветка в кишлаке

совсем небольшая, тем более, что местное население ложится спать рано и экономит электричество. Поэтому ничто не мешает понаблюдать звезды южных созвездий Скорпиона и Стрельца, плохо видимые в наших широтах. Для этого дела я специально привез с собой подзорную трубу, которую ставил на фотоштатив. Ее вполне достаточно, чтобы увидеть спутники Юпитера, кольцо Сатурна, посмотреть несколько красивых двойных звезд, рассеянных звездных скоплений и увидеть соседнюю галактику в Андромеде (рис. 16).

Наконец, к 22 часам все ложатся спать. Ведь завтра наступит новый рабочий день и нужно будет рано вставать.

* * *

Выражаю благодарности: Т.Г. Филимоновой – за предоставление возможности принять участие в Рогунской археологической экспедиции, Н.А. Дубовой – за приглашение поработать в антропологическом отряде, В.В. Куфтерину – за работу над сборником, М.М. Коврижкиной – за работу над материалами статьи.

Рис. 16. Наблюдаем звезды. Серп молодой Луны и Юпитер в левом верхнем углу

III Часть

«Настоящее». Человек и общество: взгляд сквозь призму этнологии и социально-культурной антропологии

М.Н. Губогло

ГОСТЕПРИИМСТВО: ИСТОРИКО-ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ[1]

К юбилею
Надежды Анатольевны Дубовой

Размышляя об историко-этногенетических параллелях в Тюркском мире, задумываясь над открытиями и сочинениями Надежды Анатольевны Дубовой, я восхищаюсь мотивами и источниками ее вдохновения, ее удачливыми путешествиями в пространстве, аналитической силой ее воображения и интуиции в искусстве возвращения фрагментов истории, антропологии и культуры народов.

Как названая именитая дочь Туркменистана, она вместе с интеллектуалами и энтузиастами этой страны, «пытается расшевелить народ, вернуть ему историческую память не о мифических героях с саблями, чьи изображения множатся в статуях, коврах и гобеленах президентского дворца… <…> вернуть веру в самих себя, в их смелых и свободолюбивых дедов, таких же мужественных отцов. И главное, имеющих столько нравственно-духовных качеств, которыми они ярко отличаются в нашем мире» (Гарагезова, 2018).

В мировидении туркменского народа, несмотря на то, что его предками являются кочевые огузы, одной из моральных опор нравственности до сих пор почитается гостеприимство – один из наиболее популярных брендов национального самосознания наряду с культом коня, со всемирно известным ковроткачеством и поэтическими ритуалами чаепития. По поводу исторических корней туркменского гостеприимства и этапов его развития существует немало теорий. Согласно одной точке зрения, туркменское гостеприимство началось с неумолимого закона Чингисхана – открывать двери каждому путнику и кормить его, давать ночлег. По другой точке зрения, его корни залегают во временах раннеземледельческой культуры, когда поселения предков располагались на далеком друг от друга расстоянии. Речь шла не столько

[1] Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

о гостеприимстве как празднике жизни, сколько о выживании и самосохранении. Со временем акценты культового ритуала из традиции рационального гостеприимства сместились в канонические нормы туркменского этикета. Переход из язычества в ислам наполнил институт приема гостей духовным содержанием, доктринально номинировав гостя, как постучавшего в дом Аллаха.

В новейшие времена в ткань синкретизма, как ресурса гостеприимства, вплелись духовное просветление и радость общения, обильное потчевание гостя, в котором его участники славят Всевышнего и одновременно пьют бесконечный чай. Магия чаепития, как бренда туркменского гостеприимства, наполнялась высоким эмоциональным накалом, напоминая чем-то чувства и ощущения китайских поэтов древности, талантливо воспевших церемонии китайского чаевозделывания и трапезы чаепития. Так, например, один из почитателей китайского чая с энтузиазмом деликатно рассказывал: «Первая чашка увлажняет мои губы и горло; вторая уничтожает мое одиночество; третья исследует мои сухие внутренности, <…> четвертая чашка вызывает мягкую испарину – все печали жизни уходят через поры; с пятой чашкой я чувствую себя очищенным; шестая возносит меня в царство бессмертия» (Гарагезова, 2018).

Через века китайской истории гимн гагаузскому гостеприимству, как клятву, как завет хозяину, принимающему гостя, оставил основоположник гагаузской профессиональной поэзии Степан Курогло: «Если будешь скупым в угощенье, сироте не протянешь куска, если страннику из родника ты напиться не дашь, то прощенья не видать тебе наверняка. Будет ливень, звенящий как сабля, или дождь, моросящий вдали – ни одна одинокая капля пусть твоей не коснется земли» (Курогло, 1988, с. 160-161).

Он же, и как маститый поэт, и как известный этнограф, и как крупный общественный деятель, в одном из лучших своих произведений «На душе светло» со знанием дела воспел прелюдию чаепития и других приготовлений в гагаузском доме, в котором вот-вот ожидается гость:

«Мы ждем гостей! Ворвались в быт
Веселье и гулянка.
В одно мгновенье стол накрыт,
Как скатерть самобранка.
Как не встречались мы давно,
Десятки раз встречались!
Так пусть же медленно на дно
Идут крупинки чая.
Мы будем пить душистый чай,
Какого лучше нету,
Беседу правя невзначай,
Веселую беседу; <…>
Я видеть рад тебя, конак,
Пока есть солнце в душах,
Припомним детство, глушь, овраг…
Начни – я буду слушать <…>
…Спасибо, брат, за этот свет –
В душе, в глазах, в квартире,
За то, что средь обид и бед
Есть радость дружбы в мире»
(Курогло, 1988, с. 109-110).

В меняющемся мире ценностей

«Мы научились летать в небе, как птицы.
Мы научились плавать в океане как рыбы.
Теперь осталось научиться жить на земле, как люди»

Бернард Шоу

«Сейчас у нас есть все: и подснежники в декабре, и мандарины в мае.
Но не хватает в людях человечности и нежности»

Неизвестный автор

В наши дни, по крайней мере, в два десятилетия до и еще в два десятилетия после развала Советского Союза, ни один гагаузский поэт или писатель, ни один художник не проходит в своем творчестве мимо поэтики, проблематики и сюжетов, связанных с академическим или метафорическим изображением национальной модели гостеприимства как предмета гордости, как бренда гагаузскости.

Не приходится удивляться впечатляющим результатам исследовательского проекта «Адамлык – нравственная основа человечности» (опрос проведен весной 2018 г.), согласно которым самой жизненной нравственной нормой среди ценностей, слабеющих в смутное переходное время от планового социализма к рыночному капитализму, в представлениях населения Гагаузии остается гостеприимство. В исключительно высокой значимости гостеприимства, как морально-нравственной ценности и духовного состояния жителей Гагаузии, убеждает его лидирующее место среди комплекса других ценностей.

Обращаясь весной 2018 г. к молодежи и представителям взрослых с просьбой определить: «Как за последние несколько лет изменились в Гагаузии жизненные ценности, человеческие качества, нормы поведения?», мы, в соответствии с методико-инструментальным аппаратом проекта «Адамлык – нравственная основа человечности», просили оценить эти изменения по четырехбалльной шкале ответов: усилились, остались на прежнем уровне, ослабли, затрудняюсь ответить.

Согласно представлениям одной группы жителей трех городов и шести сел Гагаузии (назовем их оптимистами), менее чем каждый пятый (17,3%) указал на ослабление позиций гостеприимства. Иными словами среди 10 ценностей, гостеприимство наиболее устойчиво служило стержнем гагаузской ментальности и занимало первое место по сохранности в качестве этнокультурного бренда гагаузскости.

Далее по восходящей линии потерь располагались слабеющие за последние несколько лет, но влиятельные в прошлом ценности – трудолюбие (29,6%), ответственность (42,6%), чувство долга и доброжелательность (оба – 46,2%), уважение к старшим и бескорыстие (53,6%), чувство стыда и честность (59,0%) (табл. 1).

Таблица 1

Меняющийся мир ценностей (в % по итогам опроса в Гагаузии, n = 808)

Как изменились в Гагаузии жизненные ценности, человеческие качества, нормы поведения	Возраст			
	15-19	20-29	30-49	50+
А. Гостеприимство				
Усилилось	51,3	24,5	20,3	21,4
Ослабло	6,4	16,7	21,2	28,6
Б. Трудолюбие				
Усилилось	39,4	17,7	11,8	15,5
Ослабло	17,8	24,5	37,7	41,7
В. Ответственность				
Усилилось	20,8	11,5	9,9	6,5
Ослабло	30,5	39,1	48,1	56,5
Г. Уважение к старшим				
Усилилось	17,4	8,3	9,9	9,5
Ослабло	44,9	57,3	58,0	55,4
Д. Чувство долга				
Усилилось	14,8	5,7	9,0	6,5
Ослабло	30,5	50,5	50,9	57,1
Ж. Справедливость				
Усилилось	11,9	7,8	10,4	6,5
Ослабло	50,0	55,7	55,7	61,3
З. Доброжелательность				
Усилилось	9,7	6,2	6,1	7,7
Ослабло	37,3	50,5	44,8	54,8
И. Чувство стыда				
Усилилось	8,5	3,1	7,1	10,1
Ослабло	53,0	58,3	65,6	58,9
Е. Бескорыстие				
Усилилось	6,8	5,2	6,1	8,9
Ослабло	48,7	54,7	58,5	53,0
К. Честность				
Усилилось	6,4	4,7	5,2	6,5
Ослабло	56,4	61,5	58,5	60,7

В представлениях другой группы (скорее пессимистов, чем оптимистов) зеркальное отражение усиления ценностных изменений выражалось в том, что они по нисходящему порядку в иерархии полученных ответов, заняли 1-3 места: – гостеприимство (30,6%), трудолюбие (22,0%), ответственность (12,7%). По представлениям большинства опрошенных вес остальных нравственных принципов и норм усилился незначительно, в том числе уважение к старшим, справедливость и чувство долга – в пределах чуть более или чуть менее 10,0%, чувство стыда, бескорыстие и честность – в пределах от 7,2% до 5,7%.

Согласно мнению умеренно настроенных жителей, остались без изменений гостеприимство, трудолюбие, доброжелательность и ответственность, заняв соответственно первые четыре места в шкале из 10 наименований, сохраняя себя в качестве выразительных показателей гагаузскости и человечности.

Единодушное избрание Ирины Федоровны Влах на должность Башкана Гагаузии на второй срок свидетельствует о значительной консолидированности социума Гагаузии. Вместе с тем эта, сама по себе весьма значительная акция не должна создавать иллюзии всенародного единства в представлениях гагаузов об основных базовых принципах нравственности и человечности.

Заметную роль в формировании и проявлении различных представлений о добре и зле, стыде и совести, доброжелательности и ответственности, гостеприимстве и уважительности к старшим играют возраст, гендер, образовательный уровень и место проживания.

Так, например, представления подростков в возрасте 15-19 лет, родившихся и выросших в постсоветский период, в условиях обретения их малой Родиной суверенитета в формате редкой для евразийского пространства этнотерриториальной автономии Гагауз-Ери («Земля гагаузов»), отличаются более высоким уровнем оптимизма по сравнению с представителями всех остальных возрастных групп, в том числе повзрослевшей молодежи 20-29 лет, людей среднего возраста (30-49 лет) и лиц старше 50 лет. Из материалов весеннего (2018 г.) этносоциологического опроса видно, что по представлениям молодых (15-19 лет) за последние годы имело место усиление обычаев гостеприимства (51,3%), трудолюбия (39,4%), ответственности (20,8%). В трех остальных возрастных группах оптимистическое представление об усилении гостеприимства, как национального бренда, лишь немногим превышало одну пятую или одну четвертую часть опрошенных, что было вдвое меньше, чем среди юной молодежи (табл. 1).

Межпоколенный коэффициент социального оптимизма[2], т.е. представлений об усилении норм нравственности за последние годы по всем номинированным в анкете ценностям составлял величину больше единицы по сравнению со всеми остальными возрастными группами.

Представления об устойчивости или размываемости нравственных норм и принципов по-разному проявлялись в городах и сельской среде, среди мужского и женского населения Гагаузии. Женщина, как хранительница домашнего очага, с особой чувствительностью относится к сохранению базовых обычаев и традиций гагаузскости по сравнению с мужчинами.

[2] Межпоколенный коэффициент социального оптимизма представляет собой дробь, в числителе которой удельный вес подростков, считающих реальностью усиление ценностей нравственности, в знаменателе – доля лиц старше 50 лет, так же уверенных в усилении норм и принципов нравственности, в том числе по поводу ответственности – 3,2, чувству стыда – 2,7, трудолюбию – 2,5, чувству долга – 2,3, уважения старших – 1,8.

Таблица 2

Усиление и ослабление нравственных ценностей (в % по итогам опроса в Гагаузии, n = 808)

Какие ценности усилились или ослабли	Усилились	Ослабли	В том числе усилились			
			Мужчины	Женщины	Город	Село
Гостеприимство	30,6	17,3	27,6	32,5	29,5	31,5
Трудолюбие	22,0	29,6	20,3	23,1	17,6	29,5
Ответственность	12,7	42,6	12,1	13,2	10,8	14,5
Уважение к старшим	11,6	53,5	12,7	11,0	8,2	14,7
Чувство долга	9,4	46,2	10,5	8,7	8,2	10,5
Справедливость	9,4	55,2	9,5	9,3	6,1	12,4
Доброжелательность	7,5	46,2	8,6	6,9	6,1	8,9
Чувство стыда	7,2	58,8	8,9	6,1	3,4	10,5
Бескорыстие	6,7	53,6	7,0	6,5	6,6	6,8
Честность	5,7	59,1	5,7	5,7	4,2	7,0

Гендерный коэффициент социального оптимизма[3] по трем базовым принципам составляет больше единицы (табл. 2).

Особую роль блюстителей традиционной культуры и нравственности в Гагаузии играет сельское население, среди которого представления о позитивных изменениях всех без исключения нравственных ценностей, выше, чем у горожан.

Гагаузско-сельджукские этнокультурные параллели

Памятуя концептуальный завет профессора С.А. Токарева «никогда нельзя безоговорочно сближать ни один современный народ ни с одним древним» (Токарев, 1949, с. 13), рискнем все же считать, что специфические этнокультурные особенности, даже порой весьма отделенных друг от друга временем и пространством народов, связывают, как в приведенном примере, гагаузов со средневековыми сельджуками Конии и балканскими гагаузами Добруджи.

Согласно некоторым клерикальным и антиэтническим высказываниям, теориям и концептам, Вавилонское столпотворение привело к безвозвратному распаду и отчуждению человечества, а многоязычие – к недопониманию и враждебности. Однако исследование реальной этнической и культурной истории народов, в том числе эзотерически скрытых смыслов и символов в артефактах и ментифактах, позволяет обнаружить существенные общие черты, неразрывно связывающие народы, сближающие их ментальности и нравственные уклады жизни. Три последних столетия – XIX (как век религиозности), XX (как век этничности) и XXI (как век ожидаемой эры человечности) – дают основание надеяться, что в синкретически нарастающем сближении человечества, несомненно, будут сохранять свое морально-нравственное значение прогрессивные черты традиционной культуры народов, накопленные в многовековом непосредственном или опосредованном общении и взаимодействии генетически родственных и неродственных народов, разделенных временем

[3] Гендерный коэффициент социального оптимизма представляет собой дробь, в числителе которой удельный вес женщин, считающих, что обычаи гостеприимства, трудолюбия и ответственности за последние годы усилились и составляют величину больше 1.

и пространством. Путь к синкретизму будет пролегать не через эгоистическое противопоставление культур, а через благотворное и плодотворное сотрудничество при сохранении облика этнокультурной самобытности.

В этом прогрессивном движении, олицетворяющем цивилизационно-творческий процесс, заслужено и правомерно принимают участие многие народы, считавшиеся в прошлом лишенными своей национальной истории.

Одним из весомых и значимых примеров благотворности хронологических и пространственных этнокультурных параллелей служат, например, черты сходства в институте гостеприимства средневековых сельджуков времен знаменитой династии Хюсревов, правившей сельджукским султанатом в Конии 230 лет – с 1077 по 1307 гг. и современными гагаузами, вышедшими из исторического небытия на рубеже XVIII-XIX вв. Сельджукско-турецко-гагаузские этнокультурные параллели до сих пор оставались за пределами внимания авторов исследований и публикаций по традиционной культуре гагаузов. Между тем, сельджукские «следы» как этнокультурные параллели, в той или иной мере проявляются в драматургии ритуальной обрядности, в этимологической нагрузке и символике двух особо почитаемых гагаузами празднеств народного календаря – Дне Святого Георгия (*Хедерлез* – 6 мая) и Дне Святого Димитрия (*Касым* – 8 ноября).

Заглянем в классический первоисточник – монографию В.А. Мошкова «Гагаузы Бендерского уезда» (2004), почему-то замалчиваемую большинством современных исследователей, в том числе и теми, кто накопил ценные полевые материалы о содержании и бытовании народных праздников гагаузов на рубеже XX и XXI столетий. Принципиальное значение имеет сообщение В.А. Мошкова о том, что указанные праздники в соответствии с традициями скотоводческого, а не земледельческого календаря, делят год на две части – на лето от св. Георгия до *Касыма* и на зиму от *Касыма* до св. Георгия. Важно также сообщение А. Манова о том, что День св. Георгия важнее Пасхи.

Сегодня даже убежденные сторонники «болгарской» теории происхождения гагаузов, не признающие в их менталитете и в культурном наследии отзвуков кочевой жизни, не возражают против того, что, во-первых, в недалеком прошлом в гагаузских селах Болгарии День св. Георгия (*Хедерлез*) считался «праздником пастухов»; во-вторых, что в дни пастушеского праздника хозяева воздерживались от выгона своих овец на пастбище. Вместе с тем, скотоводческий по происхождению праздник еще в раннем Средневековье пришелся по душе оседлым народам Балкан и дополнился обрядами и ритуалами весеннего обновления природы. «Составными частями весеннего праздника выступали собирание лекарственных трав, зелени, свежих веток, цветов, гадания о состоянии здоровья и о браке, купание и мытье, участие в магических обрядах с целью сохранения урожая» (Стаменова, 2007, с. 235)

Из сообщения известной болгарской исследовательницы Живки Стаменовой видно, что по мере адаптации среди оседлого балканского населения, скотоводческий праздник «дозагружался» элементами из жизни местного населения и его земледельческого труда. В драматургии *Хедерлеза* возрастали удельный вес и значение элементов обрядности растительного происхождения. В праздник собирали лекарственные травы, зелень, свежие ветки, цветы, загадывали о состоянии здоровья и семейных отношений, совершали магические обряды во имя сохранения урожая.

Яркий праздник, олицетворяющий радостное оживление природы, привлек внимание Православной церкви. Его служите-

ли постарались придать ему христианское содержание и обрамление. Более того, в 50-е годы XX в., в период социалистического строительства в Болгарии, День св. Георгия был утвержден в качестве официального праздника «Дня животновода». Однако смещение акцента с догматики традиционного праздника, доставшегося в наследство от прошлой кочевой жизни, связанной со скотоводством, вряд ли можно считать корректным в качестве праздника животноводов, вместо более логичного, скажем «Дня пастуха». И христианская, и социалистическая доктринальная начинка праздника *Хедерлез* мешали восстанавливать стертые страницы прошлой кочевой жизни гагаузского народа.

Между тем, еще в Средние века, чем дальше на запад, огибая берега Черного моря южным и северным путями, двигались тюркские народы – сельджуки, печенеги, куманы и другие, тем сильнее становились межэтнические контакты и взаимодействия племен. Здесь на Балканах, особенно в Добруджи, как и чуть раньше в пределах Малой Азии, традиционные культуры кочевников и оседлого населения, пришли в тесное соприкосновение. В итоге и те, и другие стали делить год на летний сезон от Дня св. Георгия до начала зимнего сезона в День св. Димитрия.

Путешествуя по Турции, академик В.А. Гордлевский не без удивления обнаруживал значимые итоги «межэтнического смешения», выражавшиеся в том, что праздник *Хедерлез* справлялся, например, в Стамбуле «всем населением, мусульманским и христианским» (Гордлевский, 1962, с. 61).

При изучении средневековой истории вероятных предков гагаузов особенно остро ощущается дефицит документов и других нарративных источников. Поэтому любые сведения, прямо или косвенно дающие повод связать культуру и историю гагаузов с теми или иными группами тюркоязычного населения «во времени и пространстве», представляют непреходящий интерес. Таковым, в частности, видится развернутое описание гостеприимства («страноприимства») в книге Дмитрия Кантемира. «Страноприимство, – характеризует автор гостеприимство населения двух регионов Османской империи – Европейской Добруджи и Переднеазиатской Конии – понеже есть аки сестра щедроты, по истине в турецком роде есть суть, бо зело прилежащий страноприимству, и всем мимоходящим странникам, ничтоже рассуждая о религии, стол представляють и место ко предпочитию показуютъ. Две суть в Турецкой империи, зело пространные страны, една Европейская яже называется Добруджие... другая Иконийская в Анатолии, сихъ глаголю стране жители, толикое являют человеколюбие, и страноприимство... всякими дому господин имеет во дворе своем особливую горницу для гостей странных уготованную...» (Кантемир, 1722, с. 228).

В этом бесценном сообщении прославленного молдавского мыслителя и общественного деятеля начала XVIII в., в течение 22 лет наблюдавшего жизнь населения Османской империи, его культуру и историю, догматику и практику исламской религии, видится связующее звено в истории сельджуков и гагаузов, прерванное временем и пространством. Обнаруженные Д. Кантемиром этнокультурные параллели в жизнедеятельности населения Конии и Добруджи открывают перед этнологией и эзотерикой широкие перспективы для изучения скрытой этнической истории гагаузов путем междисциплинарных, эзотерических по сути, исследований в области материальной и духовной культуры, влияний религиозных и народных верований и традиций на формирование этнических групп и этнических общностей. Методологическими ориентирами в поисках забытых или утерянных звеньев в цепи этнической истории гагаузов могут

служить наработки французской историографии конца XX в., показавшие эффективность создания «Живой истории» (Л. Февр) путем стыковки истории с антропологией и этнологией.

«Грамматика жизни», т.е. принципы, правила и философия жизни на Востоке в отличие от женской красоты, которая быстро распускается и быстро увядает, сохраняются долго и передаются из поколения в поколение. Гостеприимство как важную составную часть культурного наследия, как отголосок культа предков гагаузы сохранили не только ментально и вербально – в пословицах, поговорках и поверьях, но и в понимании его в качестве неотъемлемой составной части «человечности» (*адамлыка* – от слова *адам* – «человек») (Мошков, 2004, с. 185-186).

Выдающийся австрийский историк-востоковед, один из влиятельных авторов Османской истории, Пауль Виттек, внимательно и беспристрастно проследивший судьбу Изеддина Кейкавуса II по некоторым персидским, византийским и тюркским источникам, подводит итог своим исследованиям, связывая судьбу сельджукского султана и его наследников с этнической историей балканских гагаузов. Согласно его теории, один из его сыновей возвращается в Малую Азию и занимает трон Конийского султаната, другой сын заканчивает жизнь как исламский святой, третий сын завершает свой жизненный путь как правоверный мусульманин среди христианского населения. Однако его потомки и сподвижники принимают православие, несмотря на то, что сражались под знаменами оттоманского султана, главного проповедника ислама. Часть этих воинов вернулась в Анатолию и сохранила себя в исламе, в то время как другая часть осталась на Балканах и приняла православие (Wittek, 1952, p. 648; 1959).

Тема личности Изеддина Кейкавуса II и роли, сыгранной сельджуками в середине XIII в. в межэтнических отношениях в странах, прилегающих с юга и с севера к Черному морю, представляет интерес как один из ярких эпизодов этнических движений и межэтнических смешений, которыми так богата судьба тюркоязычных кочевников и изучение которой позволяет видеть сюжеты, факты и события, заложившие основы этнической истории.

В «Исследованиях, замечаниях и лекциях о русской истории», изданных в 1857 г., М. Погодин догадывался о смешанном характере южнорусских кочевников. Анализируя этнический состав Черных клобуков, он, в частности, отмечал: «Черный Клобук поставлен здесь как сумма под слагаемыми». К такому выводу его подвигло летописное сообщение под 1169 г., где было сказано, что «К Мстиславу Изяславичу пришли Берендичи все, и Торки, и Печенеги, и весь Черный Клобук». Более того, М. Погодин предполагал, что и термин «Пиршане, Поросье, по Реи употреблялось так же для означения всех этих племен» (Погодин, 1857, с. 196; Голубовский, 1884, с. 153-154).

Приводными ремнями межэтнического смешения служили социально-экономические процессы, проявляющиеся наиболее ощутимо в торговых центрах, расположенных в Крыму и по берегам Черного моря. Причиной многих кардинальных сдвигов в этнической ситуации Причерноморских степей, Малой Азии и Балканского полуострова, послужила сложная обстановка, создавшаяся для тюркоязычных народов после татаро-монгольского нашествия. Иногда процессы межэтнического смешения искусственно прерывались. Так, например, в 1779 г. крымские греки и армяне были выселены из полиэтничного Крыма; греки поселены в Мариуполе, а армяне – в Нахичевани[4].

[4] Статья представлена в не полностью законченном виде в связи со скоропостижным уходом автора из жизни – *Прим. ред.*

Литература

Гарагезова Дж. Возвращаясь к теме… Гостеприимство – туркменский бренд // Интернет-ресурс «Хроника Туркменистана». 2018. URL: https://www.hronikatm.com/2018/03/vozvrashhayas-k-teme-gostepriimstvo-turkmenskiy-brend/ (обращение 15.10.2019 г.).

Голубовский П. Половцы в Венгрии // Университетские известия. Киев, 1884. № 12. С. 153-154.

Гордлевский В.А. Народный календарь // Гордлевский В.А. Избранные сочинения. Т. 3. История и культура. М.: Изд-во вост. лит., 1962. С. 58-63.

Кантемир Д.К. Книга Систима или состояние Мухамеданския религии. Напечатася повелением Его В[еличества] Петра Вел[икаго], Императора и Самодержца Всероссийскаго. СПб.: в типографии Царствующаго Санктпитербурха, 1722. 379 с.

Курогло С. Родословное древо. Стихи и поэмы. Кишинев: Литература артистикэ, 1988. 168 с.

Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда. Этнографические очерки и материалы. Кишинев: Tipografia Centrala, 2004. 550 с.

Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. V. Период удельный. М.: Университетская типография, 1857. 470 с.

Стаменова Ж. Праздничен календар // Стаменова Ж., Средкова С. и др. Гагаузите в България. Записки от терена. София: Фабер ООД, 2007. С. 196-258.

Токарев С.А. К постановке проблем этногенеза // Советская этнография. 1949. № 3. С. 12-36.

Wittek P. Yazijioghlu' Ali on the Christian turks of the Dobruja // Bulletin of the School of the Oriental and African Studies. 1952. Vol. 14. No. 3. P. 639-668.

Wittek P. Les gagaouzes – les gens de Kaykaus // Roscznik Orientalisttyczne. 1959. C. XVIII. S. 12-24.

С.Ш. Казиев, Е.Н. Бурдина

ДОВЕРИЕ И ПРОБЛЕМЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КАЗАХСТАНЕ (1954-1985 гг.)

Введение

Распад Советского Союза в 1991 г. в современной историко-социальной науке рассматривается как закономерный итог существования тоталитарной системы и результат отсутствия или окончательного краха принудительного доверия в советском обществе. Признав СССР государством всеобщего недоверия и социального отчуждения, мы попадаем в методологический тупик, так как классики социологии (Э. Гидденс, Н. Луман, П. Штомпка) признают необходимость базовых форм доверия для элементарного существования социума. Советское общество успешно функционировало почти семь десятилетий и выдержало суровые испытания, в числе которых Великая Отечественная война, показавшая силу доверительных связей в межэтнических отношениях, выстроенных политическим руководством страны в предшествующий период в ходе осуществления политики нациестроительства. Следует признать существование отношений доверия и солидаризма в советском обществе. Однако доверие и недоверие представляют постоянно развивающиеся и изменчивые отношения, их содержание и соотношение зависит от многих факторов, в числе которых реальная практика политических и социальных институтов по поддержанию законности, равенства прав и гарантий безопасности, накопленный обществом и группами опыт и знания о «незнакомцах» и т.д.

В настоящей статье мы исходили из существования в советском обществе различных типов социального доверия, включая сохранившиеся или возродившиеся традиции доверительности домодерных обществ. Среди союзных советских республик Советский Казахстан наиболее интересен сочетанием и взаимосвязью форм домодерного и современного социального доверия, общей «советскости» и национальной специфики. В официальной пропаганде межэтнические отношения в Казахской ССР второй половины 1950-х – первой половины 1980-х гг. преподносились в качестве образца для подражания, а сама республика считалась «лабораторией дружбы народов». В реальной социальной жизни тех лет существовали серьезные проблемы, в значительной степени связанные с модернизацией социума и появлением неконтролируемых процессов в сфере демографии, изменением подходов в кадровой политике партийных и советских органов, этническим неравенством доступа к высшему образованию, а также недовольством этнических меньшинств социальным статусом и неудовлетворенностью культурных запросов. В совокупности это отражалось на сетевых связях межэтнического доверия и недоверия, анализ содержания которых предпринят в настоящей статье.

История доверия: концепты и реальность

Категории «доверие» и «недоверие» с глубокой древности используются в социальной философии и в повседневной жизни. Британский ученый О. О'Нил в своих

лекциях обратилась к значимости доверия в общем развитии общества и отметила: «Без доверия мы не можем устоять. Конфуций сказал своему ученику Цзэ-куну, что три вещи необходимы правительству: оружие, продовольствие и доверие. Если правитель не может иметь все три компонента, он должен сначала отказаться от оружия, а потом от еды. Доверять же нужно до конца, был убежден Конфуций, так как "без доверия мы не можем устоять"… Не только правители и правительства ценят и нуждаются в доверии. Каждый из нас и каждая профессия, и каждое учреждение нуждается в доверии» (O'Neill, 2002, p. 4).

Британский историк Дж. Хоскинг, поддерживая историческую оценку доверия, указывает на различные формы и уровни доверительности в традиционных и современных культурах. Дж. Хоскинг выделяет исторические этапы развития доверия: от веры в Бога и харизму правителей в домодерных социумах до морального и рационального доверия в современных обществах. Британский историк считает доверие и недоверие базовыми свойствами человеческой личности и коллективов, потому что социальное доверие создает и сохраняет общности на основе сильного чувства взаимозависимости. Хоскинг пишет, что даже «в очевидно безнадежных ситуациях все мы стремимся сохранить доверие к окружающему миру и другим людям» (Hosking, 2014, p. 37).

Глубокий исторический анализ содержания доверия, проведенный немецкой исследовательницей У. Фреверт, показал изменчивость самой семантики доверия и отношения людей к этому понятию в различные эпохи и в различных обществах. «Троянский конь», по ее мнению, является олицетворением не только гениальной хитрости и обмана древних греков, но и легковерности и доверчивости их жертв – троянцев. В домодерных обществах, по ее мнению, не существуют сетей всеобщего доверия и уважения к доверяющим людям, так как: «Доверчивые люди также не приносят благ ни для себя, ни для других. Люди с открытым сердцем всему слишком быстро доверяют и часто воспринимаются как нескромные и навязчивые, они без спроса пересекают личные границы, которые ценили многие старомодные современники» (Frevert, 2003, p. 11-12). Тем не менее, даже в архаичных обществах люди нуждались в базовом доверии, что отражено в письменных источниках: «Однако из досовременных текстов теперь становится ясно, насколько велика была неуверенность, которую люди испытывали в условиях неконтролируемой социальной и природной среды… Для того чтобы противостоять этим угрозам, им также были необходимы доверие и уверенность – возможно, даже в большей степени, чем нынешним гражданам, которым государственные институты обеспечивают безопасность и заступничество» (Frevert, 2003, p. 66).

Признав существование отношений специфических форм доверия в домодерных обществах, обратимся к коллизиям доверия в современных обществах, где доверие и недоверие стали объектами пристального внимания в экономической науке, социологии и политологии. Канадская исследовательница Д. Штолле выделяет в научной литературе следующие группы подходов к изучению доверия: теории генерализованного (обобщенного) доверия, отличаемого в междисциплинарных исследованиях от трех других основных видов межличностного доверия; концепции стратегического/рационального доверия; концепции групповой идентичности; концепции моральных оценок. По ее мнению, «эти модели отличаются различием в отношении, что есть доверие, о том, как оно может быть сгенерировано, и в той степени, в которой оно расширяется, чтобы включить различные круги людей» (Stolle, 2002, p. 400).

В среде экономистов и социологов весьма популярна концепция рационального доверия. Сторонники этой концепции рассматривают доверие как процесс социальных взаимодействий, в которых субъекты пытаются минимизировать издержки и извлечь пользу при отсутствии достаточно полной информации. Основной является концепция инкапсулированного интереса Р. Хардина, автора и редактора многочисленных публикаций в области трастологии. Сторонники Р. Хардина, в числе которых П. Дасгупта и Д. Гамбетта, полагают, что отношения доверия и честного поведения выгодны обеим сторонам, которые в случае недостаточной информации используют опыт прошлых взаимодействий. Ключевую роль играет здесь понятие надежности в доверии (trustworthiness). Снижение надежности в доверии проблематично на личном уровне, потому что это ведет к увеличению рисков в попытках сотрудничества с другими. Р. Хардин полагает, что доверие представляет инкапсулированный интерес заинтересованных сторон. Таким образом, определение доверия заключается в стимулах совместимости интересов и рациональных ожиданий поведения доверителя и доверенного лица. По мнению исследователя, такое рациональное доверие является основным во всех видах доверия и позволяет выстраивать систему для доверительных отношений в различных контекстах (Hardin, 2002, p. 3-20; Gambetta, 1988, p. 213-237).

Фреверт отвергает рациональные подходы к доверию как к игре по минимизации экономических издержек, предлагая взамен концепцию доверия как определенного уровня позитивных эмоциональных практик и отношений, являющихся моральными основаниями современной демократии, вытесняя из публичного пространства верность своим группам (этническим или социальным) (Frevert, 2009, p. 5-9). В современных обществах главную роль в интеграции стало играть обобщенное и моральное доверие. При обобщенном и моральном доверии люди исходят из готовности доверять незнакомцу и готовности взаимодействовать с ним, в том числе тем, кого мы не знаем. Шведский политолог Бо Ротштейн, основываясь на историко-социологических исследованиях, пришел к выводу, что социальное доверие формируется государством, осуществляющим свои полномочия на справедливой основе (Rothstein, 2013, p. 1014).

Негативное воздействие на уровень генерализованного доверия оказывает этническое и расовое многообразие. Исследования показывают, что люди, живущие в расовой среде этнически фрагментированных сообществ значительно менее доверяют даже при контроле за множеством других социально-экономических факторов. Этнический и расовый состав окружения имеет значительное влияние на множество переменных, которыми измеряют социальную сплоченность или социальный капитал, уменьшая не только общее доверие, но и политическую уверенность, даже счастье, а также среднее число друзей и доверяющих лиц (Hooghe et al., 2009, p. 200).

В историческом контексте интересна большевистская политика интеграции советских народов путем формирования общего доверия. Советская Россия отличалась как этническим разнообразием, так и цивилизационными «разломами», которые должны были разрушить страну. Но этого не произошло из-за совершенно новой стратегии интеграции на основе интернационализма. История нациестроительства в СССР в 1920-е годы – пример созидания базового политического доверия в не доверяющем обществе, точнее в обществах, на протяжении длительного времени объятых враждой и недоверием. Общая атмосфера недоверия в Центральной Азии в начале XX в. была порождена не только пересе-

ленческой политикой царизма и гражданским неравноправием коренного и русского населения, но и укоренившимся недоверием к чужаку – представителю другого народа или племени. Мрачные туркменские пословицы того времени гласят: «Деревья не растут, там, где пасутся верблюды, мира не будет там, где есть туркмен» (Марков, 1901, с. 213) или «…ни один перс не может войти в земли туркмен, иначе как на веревке» (Куропаткин, 1879, с. 314). А.Н. Куропаткин отмечал рациональность выбора кочевниками такого образа жизни, когда набеговая культура дает возможности легкого обогащения и быстрого обнищания: «Находясь в постоянной вражде с пограничными населением владений, граничащих с Туркмениею, дикие обитатели ее, кроме того, ведут кровавую распрю между собою, и ненависть в различных туркменских родах одного к другому вряд ли уступает ненависти их к прочим народностям» (Куропаткин, 1879, с. 316).

Гражданская война обострила в Центральной Азии вражду коренного населения и переселенцев. Г. Сафаров на X съезде РКП(б) в марте 1921 г. в своем выступлении подчеркивал, что в национальных окраинах пролетарская революция приняла характер национального антагонизма: «…недоверие к русскому городу в туземце впиталось в кровь с молоком матери. У киргизов даже есть пословицы, которые нередко употребляются и сейчас. Киргиз говорит «Убей у русского отца и дай денег», «если у тебя русский друг, то держи камень за пазухой». Русский для киргиза – это полицейский, урядник, насильник и грабитель» (X съезд…, 1933, с. 193, 195).

В основе новой стратегии решения национального вопроса лежала идея фактического и юридического равенства советских народов. А. Моррисон отмечает, что в европейских колониальных империях интегративная стратегия, предполагавшая достижение правового и политического равенства жителей метрополии, европейских поселенцев и коренных жителей колониальных владений, считалась химерой (Morrison, 2012, p. 332-333). Т. Мартин называет Советский Союз первой и уникальной «империей положительной деятельности». Т. Мартин обращает внимание на тонкое и глубокое знание Лениным и Сталиным социальной психологии масс, и потому национальная политика большевиков делала упор на завоевание доверия населения. В результате национальные меньшинства должны были считать власть своей, а не навязанной русским империализмом: «Реализация этой политики должна была сделать советскую власть «родной», «близкой», «народной» и «понятной» (Мартин, 2002, с. 70-71).

Конструируя обобщенное доверие, советское руководство сталинского периода в то же время контролировало этот процесс по принципу «доверяй, но проверяй». В ходе проведения политики коренизации в 1920-е гг. в национальных республиках была проведена линия на «позитивную дискриминацию» русских, репрессии в адрес национальной интеллигенции в годы «Великого террора» сопровождались ударами по «шовинистам», периодически проводились кампании против клановости и трайбалистских начал. Несмотря на жесткость коммунистического режима, советское общество оказалось объединенным узами общего доверия и солидаризма, что и показала Великая Отечественная война 1941-1945 гг. На протяжении последующих десятилетий казахи были одним из наиболее лояльных к Советскому государству этносов. М.Б. Олкотт признает: «Сталинский режим, кажется, был относительно успешным в формировании советского патриотизма среди казахов. Нет или почти нет доказательств нелояльности казахов во время Второй мировой войны» (Olcott, 1980, p. 208).

Моральная концепция изучает мораль и нравственные ценности в конструировании доверия, раскрывая источники доверительных отношений в обществе. По мнению Э. Усланера, демократические общества являются доверяющими обществами. Уровни доверия между народами во многом зависит от культуры (специфических религиозных традиций) и от экономического равенства. Следовательно, истоки доверия находятся не в институциональной сфере, они лежат в системе культурных ценностей и распределения. Э. Усланер сближает обобщенное и моральное доверие, описывая как «свободную веру в незнакомцев» и противопоставляя доверию на основе общей идентичности и рациональному (стратегическому) типам доверия. Такой тип доверия в большей степени связан с оптимистическим взглядом на социальный мир и природу людей (Uslaner, 2001). В отличие от рационального/стратегического доверия, суть которого составляют расчеты по снижению издержек за счет сбора положительной или отрицательной информации о других, в моральном доверии люди доверяют, потому что верят в добрую волю других и их отношение независимо от предыдущего опыта (Stolle, 2002, p. 403).

Исходя из вышесказанного, мы считаем доверие реально существующими отношениями в обществе. Доверие и сети доверительности снижают риски и повышают индивидуальную и коллективную безопасность. Но как тогда быть с недоверием? Является ли недоверие зеркальным антиподом доверия? Исследователи указывают на то, что сравнительный анализ понимания доверия и недоверия в политическом, культурном и экономическом контекстах показывает сложность и разнородность этих форм отношений в различных обществах и в различные времена (Markova et al., 2007, p. 8). Хоскинг решает эту проблему прямым противопоставлением: «как только доверие подорвано, его место тотчас занимает сильное и кумулятивно растущее недоверие. Принимая широкие масштабы, оно оказывает исключительно разрушительное воздействие» (Hosking, 2014, p. 288).

Рассматривая дихотомию доверие/недоверие, сталкиваемся с проблемой определения социальной и исторической природы доверия на основе групповой идентичности, весьма актуальной для антропологов и историков. Этнология имеет дело преимущественно с отношениями группового доверия, «радиус» которого варьируется в зависимости от уровня этнических коллективов – от первоначальных коллективов кровных родственников до современных этнических наций, и предписывает консолидацию, исходя из определенных маркеров. Групповое доверие конструирует межэтнические «перегородки» на основе практик включения и исключения. В Таиланде считается, что таи может быть только буддистом и не может быть христианином или мусульманином. В мусульманских и христианских школах официальные власти и буддийские монахи требовали почитания буддийской обрядности и символики (Keyes, 1993, p. 259-284). Буддисты, включая священников, демонизируют таиландских мусульман. Ч. Кейес приводит распространенную поговорку о змее и мусульманине-хаак, при встрече с которыми таи-буддисту предписывается ударить сперва мусульманина. Собственно этнонимом хаак в тайском языке обозначается азиатский незнакомец, визитер, иностранец, гость, родом из мусульманских стран и не являющийся китайцем или японцем (Keyes, 2008, p. 26-27). Другой пример «воспитания народных чувств» армянской интеллигенцией описан Р. Суни. Основной тематикой армянского исторической традиции в собственно Армении является древность и непрерывность проживания народа на исторической родине от эпохи

Урарту до современной Армении, исключительная роль в мировой истории (самый древний христианский народ, защитники цивилизации от орд тюркских варваров, выдающаяся роль в истории России и т.д.). Согласно героическим повествованиям, армян много раз предавали этнические соседи-мусульмане, их захватывали варвары, но они все равно выжили (Суни, 2011, с. 71-72).

Изучение группового доверия показывает условность жесткой диспозиции отношений доверие/недоверие. На наш взгляд, распространение недоверия сопутствует кризису в обществе генерализованного и морального доверия. Различия между доверием и недоверием заключаются в структурных различиях эмоциональной составляющей этих отношений. Доверие представляет совокупность позитивных отношений к политическим институтам, другим коллективам и незнакомым людям, основанное на всеми разделяемых представлениях о справедливости, знаниях о других и морали, поддерживающей традиционные добродетели и гуманизм. Доверие отражает такие эмоции, как надежда, безопасность, уверенность и веру. Недоверие отражает эмоционально-настроенную веру в то, что другой человек способен делать немыслимое с точки зрения общепринятых моральных норм, потому что он «не мыслит, как мы», и поэтому он культурный изгой.

Таким образом, можно сказать, что доверие и недоверие представляют исторически складывающиеся формы и сети отношений. В письменных памятниках различных эпох мы находим упоминания о доверии или недоверии. Первичное доверие функционировало в виде группового и рационального доверия в кругу семьи, близких родственников и сородичей. По мере развития современных обществ на первый план выдвинулись обобщенное (генерализованное) и моральное формы доверия. Кризис или слабость этих видов доверия представляет серьезную проблему, порождая недоверие и социальное отчуждение.

Политическое доверие в межэтнических отношениях: вертикали доверия и недоверия

Вслед за У. Фреверт считаем, что политическое доверие, то есть доверие к институтам и правовым нормам, составляет вертикали сетей доверия и солидаризма в межэтнических отношениях. От стабильности воспроизводства и функционирования этих сетей, а также от обеспечения поддержки того или иного вида доверия, зависит этнополитическое развитие общества. Дж. Ротшильд считал возможным объяснение и измерение этнополитических процессов через призму политизации этнических групп в перспективе, динамике и с учетом специфических черт. Ротшильд понимал под политизацией этничности процесс, включающий следующие компоненты:

1. формирование у людей целенаправленного осознания актуальности политики для сохранения своей этнической культурной ценности и наоборот;
2. стимулирование беспокойства по поводу связывающих их изначальных уз;
3. мобилизацию их самосознания как этнической группы;
4. определение поведенческой деятельности на политической арене на основе этого осознания, беспокойства и памяти об изначальных чувствах (цит. по: Zisserman-Brodsky, 2003, p. 2).

В постсталинском Советском Союзе процесс политизации этничности постоянно находился под прессом официальной идеологии интернационализма и контролирующих органов в Центре и на местах. Следует признать существование мощной поддержки интернационализма в советс-

ком обществе, иначе трудно объяснить легкость, с какой происходил разгром мнимого или реального национализма в республиках в случаях, когда речь не шла об изменениях границ национальных республик или статуса титульной нации. Этатизация этничности создавала благоприятные возможности для конструирования на основе группового доверия национальных чувств в среде титульных групп населения, то что Р. Суни назвал «конструированием примордиализма». Успех этой этнонациональной инженерии в значительной степени зависел от положения, занимаемого этническими элитами, их связями с союзным Центром и способностями к манипулированию кремлевскими руководителями. Суни обращает внимание на фактически сложившуюся этническую иерархизацию в Советском Союзе, где на вершине находились русские и титульные нации союзных республик (Суни, 2011, с. 61).

Путь на вершину иерархии казахской элиты зависел от изменения внутриполитического курса союзного руководства. После кончины Сталина и прихода Н.С. Хрущева, власти поощрял партийные элиты ряда союзных республик. Существенного успеха добились этнические номенклатуры Украины и Узбекистана, сумевшие не только продвинуть своих представителей в ЦК КПСС, но и получить серьезные территориальные приращения за счет соседних РСФСР и Казахстана. В 1954 г. Крым был передан в состав Украины. В январе 1956 г. курортный Бостандыкский район и часть Голодной степи из состава Казахской ССР перешли в состав Узбекистана.

Либерализация национальной политики и практика поощрения этнических элит союзных республик достигла пика к концу 1950-х гг. Н.С. Хрущев рассматривал национальную государственность титульных наций как *modus vivendi*, заключенный большевиками с целью укрепления единства страны, находящейся в международной изоляции. Союз с избранными нациями позволил создать условия для строительства коммунизма, вследствие чего надобность в сохранении негласной конвенции отпадала, считал Н.С. Хрущев. Но для этнических элит основы национальной политики, провозглашенной Лениным и реализованной Сталиным, были незыблемыми. Ревизия прежнего курса должна была встретить жесткое сопротивление с их стороны.

Пересмотр ориентиров национальной политики создал угрозу существованию Казахской ССР в прежних границах вследствие изменения этнического состава населения северных областей республики, где в результате освоения целины стало преобладать русское и русскоязычное население. На сентябрьском Пленуме ЦК КПСС 1953 г. Хрущев добился одобрения целинной кампании в Казахстане и Южной Сибири. Лишь партийный лидер Казахстана Ж. Шаяхметов скептически отнесся к хрущевской политике подъема целины, заметив, что создание зернового хозяйства будет вестись за счет упадка животноводства в республике (Olcott 1995, p. 226). В отличие от других союзных республик Хрущев решился на отстранение национального руководителя и сталинского выдвиженца Ж. Шаяхметова, сыгравшего видную роль в управлении в годы войны и руководившего республикой с 1946 по 1954 гг. Причины отстранения Ж. Шаяхметова и И.И. Афонова крылись в их упорном сопротивлении целинной кампании. На IX Пленуме ЦК КПСС (5-6 февраля 1954 г.) казахстанские руководители были освобождены от занимаемых должностей. Хрущев на Пленуме обратил внимание на «незрелость» секретарей ЦК КП Казахстана (Ж. Шаяхметова и И.И. Афонова) и членов республиканского бюро (Хрущев, 1962, с. 275-276). На посты первого и второго секретарей ЦК компартии Казахстана были назначены приезжие

П.К. Пономаренко и Л.И. Брежнев, который позже возглавил республику.

Лишь в январе 1960 г. первым секретарем партийной организации Казахстана был избран Д.А. Кунаев, Председателем Верховного Совета Казахской ССР Ф. Карибжанов и Председателем Совета Министров Казахской ССР Ж.А. Ташенев. Сам Кунаев в своих мемуарах придавал большое значение этнизации высших эшелонов власти в республике, скрыто упрекая «приезжих» руководителей республики в психологии «временщиков»: «…на протяжении всей истории Казахстана ее партийную организацию возглавляли представители многих национальностей… Я был третьим избранным секретарем из коренного населения» (Кунаев, 1994, с. 126). Назначение Кунаева имело не только символическое значение. Казахскому руководству вскоре пришлось столкнуться с давлением союзного Центра по поводу территориальной целостности Казахстана.

В 1960 г. постановлением ЦК КПСС был создан Целинный край в составе пяти целинных областей, находившийся в двойном подчинении Москве и Алма-Ате. Казахстанские руководители не без оснований рассматривали введение краевого деления как попытку последующего территориального расчленения республики. В декабре 1960 г. по настоянию Н.С. Хрущева с поста Председателя Совета Министра Казахской ССР был снят Ж.А. Ташенев, воспротивившийся передаче целинных областей в состав РСФСР и части территории Южного Казахстана в состав Узбекистана. Казахстанское руководство во главе с Д.А. Кунаевым в 1962 г. вынужденно было оппонировать попыткам Н.С. Хрущева передать соседним Туркменской и Узбекской ССР Мангышлак, где велись разработки нефтяных месторождений, и хлопкосеющие районы Южного Казахстана. Хрущев объяснял свои прожекты производственной необходимостью и наличием у туркмен и узбеков опыта добычи нефти и выращивания хлопка. Политика Хрущева активно поддерживалась узбекскими партийцами. Еще 21 января 1956 г. было принято Постановление Верховного Совета Казахской ССР о передаче Бостандыкского района и части Голодной степи Узбекской ССР общей площадью более миллиона гектаров. В 1961 г. узбекские лоббисты добились передачи более 420 тыс. га в Южном Казахстане (Белан, 2008, с. 108-112). В декабре 1962 г. руководство Южно-Казахстанского крайкома партии по предложению Н.С. Хрущева инициировало передачу Узбекистану трех хлопкосеющих районов площадью более 1 млн. га.

М.И. Исиналиев, долгое время проработавший в казахстанском ЦК, отмечает умелую политику Д.А. Кунаева, сумевшего расстроить планы Н.С. Хрущева по разгосударствлению Казахстана через выделение Целинного края и Южного Казахстана, выведенных из-под прямого контроля республиканского руководства: «В начале освоения целины, когда на севере Казахстана по решению Центра создали новое административное деление – Целинный край, к руководству которым были привлечены посланцы Москвы, проницательный политик Д.А. Кунаев в этом узрел не только желание конкретного руководства из Москвы процессом освоения целины, но и далеко идущие цели Н.С. Хрущева через некоторое время распорядиться как своей вотчиной и одним росчерком пера отсечь лакомую хлебную и промышленную часть Казахстана» (Исиналиев, 2003, с. 119). С учетом двойного подчинения Целинного края и стремления советского лидера включить в ее состав промышленную Карагандинскую область, подчинения партийной организации Чимкентской области Средазбюро ЦК КПСС, появления в 1961 г. в Программе КПСС концепции стирания национальных границ в ходе развернутого коммунистического строительства, угро-

за разгосударствления Казахстана была вполне реальной. Д.А. Кунаев в своих воспоминаниях передает подозрения казахских руководителей в отношении планов союзного руководства: «Хрущев пытался быстрее провести свою идею о будущем стирании границ между республиками» (Кунаев, 1994, с. 154). Об этом говорит и его конкурент И.А. Юсупов, который, по его словам, не желал руководить национальной республикой, ему пришлось выслушать возражения Н.С. Хрущева, о чем он пишет: «Я с самого начала был против моего назначения на должность первого секретаря ЦК Компартии Казахстана, ходил ко второму секретарю ЦК КПСС Фролу Романовичу Козлову. «Объясни это Хрущеву», – сказал Козлов. А первый секретарь ЦК КПСС заявил мне: «Мы строим коммунизм, так что у нас скоро не будет ни национальностей, ни границ между республиками»» (Шимырбаева, 2004).

Отстранение от власти Хрущева способствовало прекращению экспериментов в сфере национальной политики. Партийные вожди 1960-1970-х гг. осуществляли патронаж национальной творческой интеллигенции, активно формировавшей историческое сознание и культурные установки своих народов. Д.А. Кунаев, как и его коллеги в союзных республиках, осторожно содействовал усилению влияния казахской части партийного и государственного аппарата, не вступая в конфликт с союзным Центром и используя личную дружбу с Л.И. Брежневым. По свидетельству Кунаева, глава СССР постоянно уделял огромное внимание развитию Казахстана, и, «внес солидный вклад в подъем производительных сил республики» (Кунаев 1994, с. 254-255). Благодаря заступничеству Д.А. Кунаева и Л.И. Брежнева в 1976 г. избежал репрессий поэт О. Сулейменов за книгу «Аз и Я». Кунаев сумел вывести из-под удара поэта, подвергшегося публичному остракизму со стороны секретаря ЦК КПСС по идеологии М.И. Суслова и академиков Б.А. Рыбакова, Д.С. Лихачева за «националистическую» книгу (Кунаев, 1994, с. 266-267).

Д.А. Кунаев и его окружение были в то же время осторожны. Они не вступали в конфликты с союзными инстанциями, в первую очередь с могущественным военно-промышленным комплексом, использовавшим атомные полигоны в Семипалатинской и Гурьевской областях, космический комплекс Байконур, ракетные полигоны в Западном и Восточном Казахстане. Практически все руководители союзных республик Центральной Азии опасались поднять перед союзным руководством проблему высыхающего Аральского моря. Казахстанские руководители исправно выполняли распоряжения союзных властей по внедрению русского языка.

Осторожной и зависимой от генеральной линии власти была интеллигенция Центральной Азии. В начале 1970-х гг. беспощадной травле подвергся И. Есенберлин, написавший цикл романов «Кочевники» по истории казахского народа и обвиненный рядом писателей и секретарем ЦК Компартии Казахстана по идеологии С. Имашевым в национализме. Казахские писатели после гонений на Мухтара Ауэзова долгое время избегали исторической тематики. И. Есенберлин писал свои произведения на волне интереса советских народов к собственной истории. 26 мая 1972 г. на собрании актива Союза писателей Казахской ССР с участием секретаря ЦК В. Месяца прозвучала жесткая критика в адрес И. Есенберлина со стороны С. Муканова и Г. Мусрепова. С. Муканов выступил с обвинениями своего оппонента в национализме, замеченном им в книге о хане Кенесары (Тлегенов, 2012). Кунаев взял под защиту опального, но популярного писателя, выдвинутого в 1973 г. на соискание Государственной премии. Русский

писатель И. Шухов опубликовал исторические романы И. Есенберлина в журнале «Простор».

Отсутствие национальных движений в Центральной Азии было связано с удовлетворенностью местным населением и элитными группами целями и результатами советской национальной политики. Д.А. Кунаев, благодаря расширенному воспроизводству национальных кадров, сумел полностью обеспечить успех этнизации аппарата, при этом учитывая интересы русских казахстанцев, выступавших в качестве давних и надежных партнеров. В среде казахстанских русских, прежде всего в сельской местности, где была сконцентрирована основная часть казахского населения, сложились определенные модели поведения в казахской среде, предполагавшие толерантное отношение к особенностям культуры и ментальности казахов. Казахстанские русские и советская власть в эти годы терпимо относились к сохранению обычной традиционной религиозной практики казахов и проявлению донациональных форм идентичностей, рассматривая эти явления не как проявления политического протеста, а как показатель силы традиций (Olcott, 1983, p. 540). Каких-либо предубеждений в повседневном общении не было, существовали лишь жесткие межэтнические «перегородки» в сфере брачно-семейных отношений, больше связанные с аграрным характером социальной структуры казахского этноса в эти годы.

Современные казахи, пишет М.Б. Олкотт, «в колхозах и совхозах Казахстана в основном довольны слиянием прошлого и настоящего. Возможная угроза исходит от казаха, покинувшего аул и рассматривающего кочевое прошлое, как романтический период родной истории, обусловившей его самобытность. Этот казах является сформировавшимся и сознательным советским гражданином, являвшимся свидетелем борьбы казахского истеблишмента за определение себя как казахского советского гражданина, являющегося коммунистом, но одновременно остающегося казахом» (Olcott, 1983, p. 544).

В многочисленных публикациях тех лет Казахстан по праву назывался «лабораторией дружбы народов». В значительной степени взаимная межэтническая толерантность и доверие было основано на длительном партнерстве русских и казахов, на глубоком проникновении в общение русского языка и распространении двуязычия, на реальных культурных интерференциях. В то же время обозначились границы «политически дозволенного», пресечение которых союзными властями вызывало острую негативную реакцию казахской элиты и большинства казахов. Это касалось территориальных границ и государствообразующего статуса казахского народа. Разрыв с продекларированными и реализованными ранее принципами государственного устройства и ревизия статуса государствообразующего этноса для казахов были недопустимы. При этом казахи отчетливо представляли достижения в социокультурном и экономическом развитии своего народа, ставшие возможными благодаря покровительственной политике Советского государства, и были верны гражданскому долгу и доверяли своим этническим соседям.

История политического доверия на примере Казахской ССР показывает существование в среде титульных наций двух вертикалей связывающих сетей: доверия и лояльности к Советскому государству и идеологии интернационализма, и доверия и лояльности к своей национальной государственности в сочетании с этническим солидаризмом. Эти формы обобщающего доверия не были жестко диспозитивны, они могли сосуществовать и взаимодействовать, но при нарушении устоявшегося статус-кво «нормативный этнонациона-

лизм» мог выйти из-под контроля и привести к усилению общего и межгруппового недоверия.

Этнический статус и практики исключения: горизонтали межэтнического доверия и недоверия

Практики видимых или невидимых дискриминаций по этническому, расовому или религиозному признакам существуют в большинстве современных стран, в том числе и в странах с высоким уровнем обобщающего доверия. Дискриминации проявляются, прежде всего, в неравенстве групповых статусов и в практиках исключений или ограничений представителей других групп, условных «незнакомцев». Например, в США, несмотря на принятие законов против дискриминации по признакам расы, пола и религиозных убеждений, сегрегация, вызванная дискриминационным поведением риэлторов в отношении афро-американцев, представляет собой большую проблему. Социальные неравенства отражают политические, социальные и культурные факторы – ограничения доступа в престижные сферы управления и распределения, закрытость этнических или расовых групп, негативные социальные нормы, плохое образование, которые имеют расовое или этническое измерение. Дискриминирующие факторы и неравенство влияют на обобщающее доверие в обществе, выводя на первый план групповые формы доверия.

Равенство возможностей фокусируется на шансе, который люди видят для экономического прогресса в будущем, даже если общество сильно стратифицировано. Селигман утверждает, что доверие не может укорениться в иерархических культурах, так как такие общества имеют жесткие социальные границы, отмеченные сильными классовыми разделениями, которые сохраняются между поколениями (Seligman, 1997, p. 36-37, 41). Этническая иерархия транслирует в социальное неравенство этническое происхождение, используемое как критерий при распределении социально значимого вознаграждения (Rothstein, Uslaner, 2005, p. 47). В результате, неравные общества оказываются в ловушке воспроизводства непрерывного цикла неравенства, с низким доверием к другим, а также к правительству и его политике (Rothstein, Uslaner, 2005, p. 71).

Процесс политизации этничности и воспроизводства неравенства этнических статусов был повсеместный, затронув не только национальные республики. Не секрет, что в 1960-1980-е гг. в приграничных с Казахской ССР областях РСФСР существовали «зеркальные потолки» для местных казахов, которые до настоящего времени практически не представлены в высшем звене управления, правоохранительной системы, учреждениях высшего образования и т.д. Практически в период так называемого «застоя» было создано новое фактическое неравенство этнических наций, столь тщательно искоренявшееся в 1920-е гг. Оно выражалось в неравенстве статусов и получаемых преференций. В конечном счете, этническое неравенство снижало уровень обобщающего и морального доверия, генерируя групповое доверие как основу этнонациональной солидарности.

Однако были региональные различия, связанные с определенными традициями межэтнических отношений. Казахская ССР в силу полиэтничности населения и существования исторически сложившихся партнерских отношений между казахами и русскими относится к регионам с «мягким» вариантом этнизации. Например, в северных областях республики первые секретари обкомов партии назначались из числа русских или украинцев, председатели облисполкомов из числа казахов. Их заместители были либо русские, либо казахи. Южные и западные области воз-

главляли казахские руководители, доля которых постепенно росла.

Ключевую роль во всех национальных республиках играла практика этнизации профессорско-преподавательского состава и студенчества. Укрепление материально-технического обеспечения вузов и кадрового состава преподавателей, подготовленных в центральных вузах, повысило престиж системы высшего образования. Казахская молодежь стремилась получить педагогическое и медицинское образование, русская молодежь преимущественно ориентировалась на получение инженерного образования. Значительная часть русской и русскоязычной молодежи обучалась в российских технических вузах соседних областей, возвращаясь затем на промышленные предприятия Казахстана. Наибольших успехов в получении высшего образования добились корейцы. В 1959 г. соотношение общего числа студентов казахов и русских по республике было 1 к 1,15; в 1970 г. – 1,31 к 1; в 1989 г. – 1,77 к 1 (Современные этнические процессы…, 1977, с. 343). Значительно труднее стало получить высшее образование представителям этнических меньшинств – немцам, туркам и уйгурам.

Тем не менее, на фоне впечатляющего роста общеобразовательного уровня населения страны в казахстанских вузах южных областей в 1970-е – первой половине 1980-х гг. существовал протекционизм по этническому, земляческому и клановому признакам. В первую очередь это коснулось вузов Алма-Аты и Чимкента. В некоторых вузах южного региона в 1970-е гг. расцвели кумовство и этнические предпочтения. В феврале 1986 г. были преданы гласности факты протекционизма по этническому и земляческому принципам: в КазГУ доля казахских студентов составляла 75,8%, в Институте народного хозяйства – 73,7%, железнодорожном институте – 79% (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 155. Д. 1835. Л. 117). В престижные вузы Алма-Аты было трудно поступить не только представителям неказахского населения, но и самим казахам, не имевшим родственных связей. В середине 1980-х гг. широко расцвел клановый протекционизм. По данным на 1987 г. в КазГУ в родственных связях находилось 90 сотрудников, в политехническом институте – 46 сотрудников, в народнохозяйственном – 195 сотрудников и т.д. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 156. Д. 1668. Л. 37). Клановый протекционизм был доведен до абсурда. Например, на факультете журналистики КазГУ было немало преподавателей, не имевших к журналистике никакого отношения (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 156. Д. 1671. Л. 400). За период с 1980 по 1985 гг. в алма-атинских вузах за взятки было осуждено 78 человек. Аналогичная ситуация сложилась в вузах Караганды: на начало 1987 г. в кооперативном институте работало 54 родственника, в политехническом – 91 родственник, в медицинском – 120 человек (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 155. Д. 1856. Л. 139). Родственными связями в карагандинских вузах были опутаны не только казахи, но и представители этнических меньшинств.

Расцвет клановых отношений и формирование «закрытых» групп в Казахстане происходил в 1970-е гг. под покровительством Д.А. Кунаева. В это же время выдвигаются на руководящие должности выходцы из Алма-Атинской и Чимкентской областей, имевшие родственные связи с руководителями республики. В годы «застоя» формируются сильные группы влияния в номенклатуре из числа выходцев северных, южных и западных областей. В обыденном сознании эти региональные группы ассоциировались с прежними казахскими этнотерриториальными объединениями – жузами. Под доминирование той или иной группировки подводилась соответствующая мифологема об историческом доминировании того или иного жуза

или племенного объединения. Опасность трайбализма заключалась в подрыве доверия между представителями отдельных национальностей и даже внутри одного этноса, провоцируя тем самым поддержание «закрытости» этническими меньшинствами. На уровне обыденного сознания необходимость сохранения родовых «начал» объясняется старшим поколением как необходимость контроля над «чистотой крови» и предотвращением близкородственных браков. Внедрение групповых (родовых, клановых) форм солидарности в политическую и социальную жизнь общества также способствовало усилению, как этнического неравенства, так и неравенства внутри титульных наций.

Расширенное воспроизводство кадров массовой интеллигенции способствовало успеху этнизации управленческого аппарата. Тем не менее, Д.А. Кунаев был достаточно осторожен в проведении кадровой политики, постепенно добиваясь доминирования казахов в управлении. В анонимном письме, пришедшем в 1983 г. на имя Ю.В. Андропова, неизвестный автор жаловался на повсеместное засилье казахских кадров в сфере высшего образования и науки. Анонимный автор подсчитал, что из 15 ректоров вузов Алма-Аты только 3 были неказахской национальности, из 12 академиков – только 2. При присуждении Государственной премии Казахской ССР в 1982 г. из 14 лауреатов 12 были казахами. Аноним сравнивал кадровую практику в Казахстане с действиями буржуазных «национал-уклонистов» в 1920-е гг. По его мнению: «мы живем в душной, уродливой обстановке местного казахского национализма, который расцвел в годы правления Кунаева» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 89. Д. 10. Л. 6). Тем не менее, этнизация управленческого аппарата проводилась казахстанским руководством с учетом интересов русской части партийно-государственного аппарата. В отличие от соседних республик Средней Азии давние традиции партнерства с казахами позволяли русским чувствовать себя уверенно, несмотря на доминирование казахских кадров. На начало 1986 г. из 166 членов ЦК Компартии Казахстана казахов было 92 человека (54%), из 18 первых секретарей обкомов партии было 11 казахов (61%) (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 158. Д. 1858. Л. 116). Из трех тысяч председателей исполкомов всех уровней казахов было 1870 человек (61%), русских – 612 человек (20,4%), немцев – 135 человек (4,5%) (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 157. Д. 1647. Л. 120). Русские в основном превалировали в руководстве промышленными предприятиями союзного значения.

Партнерские отношения между казахами и русскими не распространялись на этнические меньшинства, проживавшие в республике. Им предоставлялась возможность ассимиляции или самоизоляция в замкнутых общинах. В открытой форме свое недовольства выражали немцы и уйгуры. Из статистических материалов видна неудовлетворенность своим социальным статусом немцев Казахстана. Немцы из-за различных негласных ограничений преимущественно получали педагогическое, аграрное и медицинское образование. Скрытое недовольство немцев вызывали негласные ограничения при поступлении в вузы и поступлении на работу. В 1974-1975 учебном году число немецких студентов, обучавшихся в казахстанских вузах, составило 8600 человек (4,3% от всего студенческого контингента), в 1984-1985 учебном году численность немецких студентов сократилась до 8223 человек (2,9%). За десятилетие, с 1974 по 1984 гг., представительство немецких студентов в КазГУ снизилось со 140 до 61 человек (с 1,9 до 0,5 %). В Карагандинском университете также произошло снижение доли немецких студентов с 5,2% до 3,5%, в то время как общая доля немецкого населения Карагандинской области составляла не ме-

нее 10%. Аналогичная ситуация была и у российских немцев. По Омской области на 10000 человек занятого населения приходилось с высшим и неоконченным высшим образованием 98 человек, в то время как у немцев – 39 человек, по Алтайскому краю – 80 и 40 человек соответственно (История российских немцев…, 1993, с. 205).

Существенно ниже был политический статус немцев, не относившихся к «избранным» титульным нациям. В 1975 г. в Верховных Советах СССР и союзных республик 1,4 млн. эстонцев представляли 222 депутата, 1,4 млн. кыргызов – 200 депутатов, 2400 тыс. молдаван – 217 депутатов, а 2 млн. советских немцев – 16 депутатов, 1,1 млн. поляков – 26 депутатов (Итоги выборов…, 1975, с. 119). Ограничения существовали и при карьерном росте немцев. В 1978 г. по Казахстану из 193 секретарей райкомов и обкомов партии было только 8 немцев, в то время как 440 немцев были секретарями первичных парторганизаций. В ЦК Компартии Казахстана не было ни одного высокопоставленного представителя почти миллионного немецкого населения республики (РГАНИ. Ф. 89. Оп. 25. Ед. хр. 3 . Л. 1).

Скрытая дискриминация в целом по стране порождала нигилистские отношения в немецкой среде и стремление к эмиграции. 12 июня 1975 г. Председатель КГБ при Совете Министров СССР Ю.В. Андропов докладывал в ЦК КПСС об инициировании немецкими активистами кампании по отказу от участия в выборах в Казахской ССР и Молдавской ССР. Активисты призывали к мирному игнорированию общественной жизни советского общества из-за запрета на выезд в ФРГ (РГАНИ. Ф. 89. Оп. 37. Ед. хр. 13. Л. 2).

Проект создания немецкой автономии в Казахстане и крымско-татарской в Узбекистане появился по инициативе руководства КГБ СССР и проталкивался в высших эшелонах власти лично Председателем КГБ Ю.В. Андроповым. Не случайно именно Андропов в августе 1976 г. возглавил рабочую группу по созданию немецкой автономии в Казахстане. В августе 1978 г. рабочая группа рекомендовала создать Немецкую автономную область в составе Казахстана с центром в Ерментау. 31 мая 1979 г. на заседании Политбюро ЦК КПСС было принято постановление об образовании Немецкой автономной области на территории Казахстана и крымско-татарского автономного округа в Узбекистане (РГАНИ. Ф. 89. Оп. 25. Д. 3. Л. 1-3).

Д.А. Кунаев был не против создания немецкой автономии в Казахстане. Скрытое сопротивление оказало среднее звено партийно-государственного аппарата и интеллигенция. Об этом говорится и в отчетной записке направленных в Казахстан ответственных работников ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и КГБ в ЦК КПСС «О негативных проявлениях, имевших место в Целиноградской области» от 28 июня 1979 г. Авторы признали спонтанность выступлений, отметив негативное отношение к планам автономизации казахских коммунистов (История российских немцев…, 1993, с. 196-197). О позиции Д.А. Кунаева пишет один из руководителей КГБ СССР Ф.Д. Бобков. По его словам, после июньских выступлений казахского населения Кунаев обвинил руководство КГБ СССР в разжигании межнационального конфликта, заявив: «сами немцы не хотят автономии, но вы навязываете ее» (Бобков, 1995, с. 306).

Сразу же после известия о создании автономии для немцев в республике разворачивается антиавтономистское движение. Местные органы КГБ обнаруживают анонимные листовки на казахском и русском языках, содержащие призывы к выступлениям против планов создания немецкой автономии в Казахстане. 16 и 19 июня 1979 г. прошли демонстрации казахского насе-

ления с участием представителей русской молодежи. Демонстранты выдвигали лозунги о неделимости Казахстана, единства советского народа и требовали отказаться от изменения территориальных границ союзных республик без проведения всеобщего референдума. Рост межэтнической напряженности вынудил союзные власти отказаться от проекта создания немецкой автономии в Казахстане.

Провал планов создания немецкой автономии повлиял и на нежелание союзных властей рассматривать предложения о создании автономии для уйгуров. Уйгурские активисты рассматривали свой народ как автохтонов Семиречья, поселившихся в этом районе раньше казахов. Научный сотрудник Института уйгуроведения АН Казахской ССР М. Кибиров в своем исследовании «Уйгуры – автохтоны Семиречья» фактически обосновал историческое право уйгуров на создание своей национальной государственности. В сентябре 1977 г. М. Кибиров направил в ЦК КПСС и ЦК Компартии Казахской ССР документы, объясняя необходимость создания уйгурской автономии тем, что: «... из-за отсутствия вузов с преподаванием на уйгурском языке, малочисленности органов печати и другим причинам представители уйгурского населения ограничены в своем интеллектуальном и творческом росте» (Кыдыралина, 2009, с. 194-195). Претензии уйгуров на автономию могли стать причиной жесткого межэтнического противостояния и масштабных этнических мобилизаций, так как казахско-уйгурские отношения в Алма-Атинской области характеризуются и в настоящее время определенными противоречиями.

Несмотря на существование «линий раскола» из-за этнической иерархизации, в повседневной жизни советских людей полноценно функционировали сети обобщенного доверия. Во многом этому способствовали такие факторы как совместная учеба, служба в армии, работа и т.д. В 1982 г. на Балхашском ГМК, Джамбулском кожевенно-обувном комбинате и в колхозе «Алма-Ата» было проведено анкетирование 2481 чел. по вопросам межэтнических отношений. Казахи составляли 27% опрошенных, русские – 49%, представители других народов – 24%. Полученные ответы показали, что абсолютное большинство опрошенных (74%) считало работу в многонациональном коллективе фактором, положительно влияющим на межэтнические отношения, лишь 5% указали на дискомфорт в работе в многонациональных коллективах (Сужиков, Сапаргалиев, 1989, с. 9-10). Интернационализм в те годы разделялся большинством казахстанцев и доминировал в общественном сознании.

Вместо заключения

Распад Советского Союза на первый взгляд однозначно говорит о кризисе и последующем крахе обобщенного доверия в советском обществе, прежде всего доверия к политическим институтам. Однако реальная картина гораздо сложнее, так как институты национальной государственности постсоветских обществ унаследовали перенесенную на них легитимность и генерализованное доверие советского периода. Обобщенное межэтническое доверие сохранялось и в постсоветском Казахстане. В декабре 1994 г. в ходе этносоциологического опроса городского населения, проведенного совместно с американскими и казахстанскими учеными коллективом Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая в четырех крупных и четырех малых городах, было выявлено, что большинство опрошенных казахов (69,6%) согласились с тем, что русские оказали большую помощь в развитии другим народам. Незначительное меньшинство опрошенных казахов (4,3%) считали вредным влияние русских.

Следует признать, что за годы осуществления советской национальной политики удалось избежать формирования «дискриминационного равновесия», описанного западными исследователями на примере взаимных отторжений мусульман-мигрантов и коренных французов во Франции, или латиноамериканцев, выходцев из Азии, афро-американцев и белых американцев в США. «Дискриминационное равновесие» предполагает, что взаимное неприятие «чужаков» и практики групповых дискриминаций на основе культурных и антропологических маркеров усиливают взаимное отторжение и поддерживают социальные неравенства, способствуя расколу в обществе (Adida et al., 2016, p. 108). Главными носителями обобщенного межэтнического доверия были широкие слои населения. Ослабление обобщенного и морального доверия и расцвет группового доверия в постсталинский период не было критическим до тех пор, пока поддерживалась и властью и большинством населения советская форма интернационализма и доверие к реальным достижениям социалистического строя в СССР.

История доверия в межэтнических отношениях на примере отдельно взятого Казахстана в 1950-1980-е гг., свидетельствует о существовании реальных проблем в виде неравенства этнических статусов, отчуждения этнических меньшинств, доминирования группового доверия и т.д. Современный Казахстан унаследовал проблемы доверия и недоверия, острота которых усилилась после распада СССР. По данным казахстанских социологов, в 2007 г. наиболее высокий уровень недоверия к существующим политическим институтам наблюдался в среде казахов (Жусупов, 2008, 158-159).

Литература

Белан П.С. Границы Казахстана: краткая история формирования. Алматы: Тарих тағылымы, 2008. 156 с.

Бобков Ф.Д. КГБ и власть. М.: Ветеран МП, 1995. 381 с.

Жусупов С. Политическая аналитика: Исследования. Алматы: Arna-b, 2008. 714 с.

Исиналиев М.И. Избранные труды. Т. 1. Алматы: Казгурт, 2003. С. 117-127.

История российских немцев в документах (1763-1992 гг.) / под ред. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. М.: МГУП, 1993. 445 с.

Итоги выборов и состав депутатов Верховных Советов союзных и автономных республик 1975 г.: Статистический сборник / Отдел по вопросам работы Советов Президиума Верховного Совета СССР. М., 1975. 95 с.

Кунаев Д.А. От Сталина до Горбачёва. Алматы: Санат, 1994. 352 с.

Куропаткин А.Н. Туркмения и туркмены. СПб.: Типография В.А. Полетики, 1879. 57 с.

Кыдыралина Ж.У. Нация и история. Астана: Елорда, 2009. 304 с

Марков Е.Л. Россия в Средней Азии: Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. Т. 1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. 544 с.

Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939. М.: РОССПЭН, 2011. 855 с.

Российский государственный архив новейшей истории [РГАНИ]. Фонд 5. Аппарат ЦК КПСС. 1935-1991 гг.

Российский государственный архив новейшей истории [РГАНИ]. Фонд 89. Коллекция копий документов, рассекреченных при выполнении тематических запросов в процессе научно-исследовательской работы.

Российский государственный архив социально-политической истории [РГАСПИ]. Фонд 17. Центральный Комитет КПСС

Современные этнические процессы в СССР / под ред. Ю.В. Бромлея. М.: Наука, 1977. 561 с.

Сужиков М.М., Сапаргалиев Г.С. Некоторые философско-правовые проблемы совершенствования культуры межнациональных отношений. Алма-Ата: Наука КазССР, 1989. 79 с.

Суни Р. Конструируя примордиализм: старые истории для новых наций // Антропология социальных перемен. М.: РОССПЕН, 2011. С. 52-86.

Тлегенов Б. Тайны тихого омута. 2012. URL: http://blogbasta.kz/?p=676 (обращение 03.11.2019 г.).

X съезд РКП(б). 8 марта – 16 марта 1921 г. М.: Партиздат, 1933. 956 с.

Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Сентябрь 1953 года – январь 1955 года / Хрущев Н.С. Собрание сочинений. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1962. 496 с.

Шимырбаева Г. Исмаил Юсупов: Моя совесть перед народом Казахстана чиста // Казахстанская правда. 2004. 21 апреля.

Adida C.L., Laitin D., Valforthy M.A. Why Muslim integration fails in Christian-Heritage societies. Cambridge: Harvard University Press, 2016. 228 p.

Frevert U. Eine historische Spurensuche // Vertrauen: Historische Annäherungen. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprech, 2003. P. 7-66.

Frevert U. Does trust have a history? // Max Weber Programme: Lectures Series. 2009. San Domenico di Fiesole [FI]: European University Institute. URL: https://www.mpib-berlin.mpg.de/de/mitarbeiter/ute-frevert(обращение 03.11.2019 г.)

Gambetta D. Can we trust in trust? // D. Gambetta (ed.). Trust: Making and breaking cooperative relations. New York: Blackwell, 1988. P. 213-237.

Hardin R. Trust and trustworthiness. New York: Russel Sage Foundation, 2002. 256 p.

Hooghe M., Reeskens T., Stolle D., Trappers A. Ethnic diversity and generalized trust in Europe: A cross-national multilevel study // Comparative Political Studies. 2009. Vol. 42 (2). P. 198-223. DOI: 10.1177/0010414008325286

Hosking G. Trust: A history. Oxford: Oxford University Press, 2014. 211 p.

Keyes Ch.F. Why the Thai are not Christians: Buddhist and Christian conversion in Thailand // Christian conversion in cultural context. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1993. P. 259-284.

Keyes Ch. Muslim «Others» in Buddhist Thailand // Thammasat Review. 2008/2009. No. 13, P. 19-42.

Markova I., Linell P., Gillespie A. Trust and distrust in society // Markova I., Gillespie A. (eds.). Trust and distrust: Sociocultural perspectives. Advances in cultural psychology: Constructing human development. Greenwich CT: Information Age Publishing, Inc., 2007. P. 3-27.

Morrison A. Metropole, colony, and imperial citizenship in the Russian Empire // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2012. Vol. 13. No. 2. P. 327-364. DOI: 10.1353/kri.2012.0016

O'Neill O. A question of trust: The BBC Reith lectures. Cambridge: University Press, 2002. 110 p.

Olcott M.B. The fabrication of a social past: The Kazakhs of Central Asia // Political Anthropology Yearbook. Ideology and Interest: The Dialectics of Politics. New Brunswick: Transaction Publishers, 1980. P. 193-213.

Olcott M.B. Pastoralism, nationalism and communism in Kazakhstan // Canadian – American Slavic Studies. Salt Lake City, Utah. 1983. Vol. 17. No. 4. P. 528-544.

Olcott M.B. The Kazakhs. Stanford: Hoover Institution Press, 1995. 388 p.

Rothstein B. Corruption and social trust: Why the fish rots from the head down // Social Research. 2013. Vol. 80. No. 4. P. 1009-1032.

Rothstein B., Uslaner E. All for One. Equality, corruption and social trust // World Politics. 2005. Vol. 58. No. 1. P. 41-72. DOI: 10.1353/wp.2006.0022

Seligman A.B. The problem of trust. Princeton: Princeton University Press, 1997. 231 p.

Stolle D. Trusting strangers: The concept of generalizedtrustinperspective//Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft. 2002. Vol. 31. No. 4. P. 397-412.

Uslaner E.M. Trust as a moral value. Social capital: Interdisciplinary Perspectives. University of Exter United Kingdom, 15-20 September 2001. URL: http://www.siteresources.worldbank.org (обращение 03.11.2019 г.)

Zisserman-Brodsky D. Constructing ethnopolitics in the Soviet Union: Samizdat, deprivation and the rise of ethnic nationalism. New York: Palgrave Macmillan, 2003. 294 p.

Ф.Г. Сафин, М.Н. Ишемгулов,
Д.А. Камалетдинов, Ф.Ф. Сафин

СОЦИАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)[1]

Проблемы социальных установок и адаптации этнических групп в условиях перехода на рыночные отношения в постсоветский трансформационный период приобрели особую актуальность. В многонациональных республиках Российской Федерации, как указывалось в ряде работ (Ирназаров, 1997; Социальная и культурная…, 1998; Русские…, 2011; Остапенко и др., 2012), данная проблема больше проявилась между представителями титульной и русской национальностей. Опираясь на данные социологических опросов начала 2000-х гг., ряд исследователей отмечали, что проводимые реформы в России нанесли ущерб, прежде всего, русским. В итоге противоречия между русскими и нерусскими занимали второе место по остроте после отношений между богатыми и бедными (Русские…, 2011, с. 22).

В целом большинство русских, как в республиках, так и в других регионах, оценило 1990-е годы как провальный период. Трое из четырех опрошенных констатировали, что в период реформ их экономическое положение изменилось к худшему, причем каждый второй отмечал серьезное ухудшение (Русские…, 2011, с. 26-27).

По мнению других авторов, например, в Башкортостане, из всех этнических групп еще в советский период, в наилучшем положении были русские, в худшем башкиры (Ирназаров, 1997, с. 87), так как при переходе к рыночным отношениям последние находились на наименее благоприятных позициях (Социальная и культурная…, 1998, с. 303).

В данной статье, на основе ряда этносоциологических исследований, проведенных в республике в последние годы (2014-2018 гг.), нами предпринята попытка изучения социального самочувствия и социальных установок населения Башкортостана в разрезе этнических групп в период после крымских событий. Для нас было важным, как сами респонденты разных национальностей методом самооценок, конструировали свою стратификационную позицию. Исходя из цели, а также объема предлагаемой статьи, нами ставилась задача раскрыть социальное самочувствие и установки этнических групп на основе их самооценки своего материального и финансово-экономического положения.

Актуальность данной проблеме придают концептуальные положения, отмеченные в Послании Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 15 января 2020 г. об усилении борьбы с бедностью и повышении уровня жизни россиян (Послание…, 2020).

Еще в начале 1990-х гг. население республики переход к системе рыночных

[1] Работа выполнена в рамках государственного задания НИР ИЭИ УФИЦ РАН.

Таблица 1

Как изменилось экономическое и финансовое положение Вашей семьи за 10-15 лет?*

Варианты ответа	башкиры		татары		русские		другие	
	2014	2018	2014	2018	2014	2018	2014	2018
Существенно улучшилось	20,6	31,0	23,8	27,6	17,1	21,8	20,6	13,9
Немного улучшилось	36,6	29,3	31,3	33,7	31,0	36,3	41,3	33,3
Осталось без изменений	21,3	18,3	22,0	19,4	25,2	17,3	22,2	20,8
Немного ухудшилось	5,5	7,9	8,8	9,2	11,6	14,0	0	12,5
Существенно ухудшилось	9,0	5,6	6,2	2,6	4,3	5,0	3,2	8,3
Затрудняюсь ответить	5,8	7,9	7,9	7,5	10,9	5,6	12,7	11, 2

* Таблица составлена по данным опросов (январь 2014 г., ноябрь 2018 г.).

отношений связывало с определенной надеждой на улучшение своего жизненного уровня. Как выяснилось в ходе исследовательского проекта «Язык, национальность и бывший Советский Союз» более четверти респондентов башкир (28,4%), татар (28,5%) и немногим менее этого (23,9%) русских были уверены, что рыночная экономика даст возможность улучшения их жизненного уровня (Этносоциологический опрос…, 1993). Проведенное спустя 20 лет этносоциологическое исследование 2014 г. показало, что уже более одной трети (35,6%) респондентов русской, столько же башкирской (37,4%) и каждый второй из пяти татарской (43,9%) национальности, с уверенностью предположили перспективы улучшения своего жизненного уровня (Этносоциологический опрос…, 2014а). Вместе с тем, если в 1993 г. около четверти опрошенных (25,5%) русских, столько же татар (25,8%) и каждый пятый башкир (22,4%) допускали вероятность ухудшения своего жизненного уровня (Этносоциологический опрос…, 1993), то в 2014 г. показатель данного пессимизма существенно сократился, составляя у русских – 13,6, башкир – 16,8 и татар – 12,6%% (Алексеенко и др., 2018). Как показали результаты опроса (2014 г.), существенное улучшение экономического и финансового положения своих семей отметили немногим менее четверти опрошенных татар (23,8%), каждый пятый башкир и столько же респондентов иных национальностей (20,6%) (табл. 1). Таким образом, уровень оценки финансового, экономического и материального положения населения республики, независимо от этнической принадлежности, в период трансформации нового российского общества имел тенденцию постепенного улучшения.

Вместе с тем, анализ самооценок уровня жизни населением республики подтверждает, что в республике существует довольно значительная социально-экономическая дифференциация не только у представителей разных национальностей, но и внутри каждой этнической группы.

Данные опроса 2018 г., несмотря на продолжающийся кризис, после событий в Крыму, показали, что все же, вопреки ряду трудностей, существенное улучшение экономического и финансового положения своих семей отметили респонденты башкирской (рост на 10,4%), в меньшей степени русской (на 4,7%) и татарской (на 2,8%) национальностей. Однако, как выяснилось в ходе опроса, почти у всех респондентов, независимо от национальности, реально

наблюдалось некоторое ухудшение финансового и экономического положения. Это особенно ярко проявилось среди респондентов «иных» национальностей.

Вместе с тем, большинству опрошенных присуще оптимистическое настроение, поскольку они надеются в будущем на улучшение своих жизненных позиций. Наиболее позитивно были настроены респонденты татарской национальности – 18,6% из них выразили безусловную уверенность в улучшении своего жизненного уровня, а 23,3% отметили вероятность такого улучшения, тогда как у респондентов башкирской и русской, а особенно других национальностей, данный показатель был заметно ниже, что свидетельствовало о некотором «сомнении» в улучшении жизненного уровня своих семей (табл. 2).

В отличие от татар и башкир, русские меньше всех ставили под сомнение, что рыночная экономика за последние годы как-то улучшила их жизненный уровень (14,3%). Одновременно с этим, представители русской национальности (28,3%) больше всех были уверены, что их жизненный уровень за эти годы не изменится, и, более того, они пессимистически прогнозировали (13,6%) свое экономическое будущее, отметив, что оно только ухудшится. Такие негативные установки, хотя и незначительно, также были отмечены среди респондентов башкирской (16,8%) и татарской (14,6%) национальностей.

Иными словами, данные опроса показывают, что определенная часть респондентов, независимо от этнической принадлежности, подчеркивала свою неуверенность, что рыночная экономика за эти годы улучшит их материальное положение.

Что касается русских, то критическая самооценка русскими своего уровня жизни была отмечена не только в 1990-х, но и в начале 2000-х гг. По данным ряда исследований (Социальная и культурная…, 1998; Русские…, 2011; Остапенко и др., 2012), русские наиболее пессимистично оценили свое финансовое и экономическое положение. Самая высокая доля респондентов, отнесших себя к самому бедному социальному слою, были среди русских. Более одной трети респондентов русской национальности отнесли себя к самой низкой ступени бедности (Социальное нера-

Таблица 2

Как Вы думаете, что лично Вам принесла рыночная экономика за эти годы?*

Варианты ответа	башкиры	татары	русские	другие
Уверен в улучшении своего жизненного уровня	16,8	18,6	14,3	9,6
Вероятнее, что мой жизненный уровень возрастет	20,6	23,2	21,3	17,5
Скорее всего, мой жизненный уровень не изменится	24,6	20,3	28,3	31,7
Вероятнее, что мой жизненный уровень снизится	9,7	6,2	10,1	6,3
Уверен в падении моего жизненного уровня	7,1	8,4	3,5	3,2
Затрудняюсь ответить	21,2	23,3	22,5	31,7

* Таблица составлена по данным опроса (январь 2014 г.).

венство…, 2002, с. 314-315), что в два раза превышало аналогичный показатель башкир – 17,9% и татар – 18,6%. Но на второй позиции бедности с большим отрывом от русских, особенно в городах, оказались башкиры и татары, что в свою очередь, в определенной степени уравнивало социальный статус «бедности» у всех этнических групп (Социальное неравенство…, 2002, с. 314).

Таким образом, столь пессимистичная самооценка этническими группами своего жизненного уровня объясняется, прежде всего, тем, что в постсоветский период произошло закрытие многих промышленных предприятий и банкротство колхозов и совхозов в республике, что в свою очередь, породило массу безработных и дополнительно ухудшило жизненный уровень населения, независимо от национальности (Алексеенко и др., 2018, с. 118).

Аналогичные тенденции были характерны и для других республик, в том числе и для соседнего Татарстана, где русское население произошедшие в худшую сторону перемены отмечало почти в четыре раза чаще (16,8%), чем титульное татарское (4,6%). Русские в Татарстане изменения в худшую сторону подчеркивали не только в экономическом (21,8%), но и в политическом положении (11,6%), а также в социальном самочувствии людей (13,0%). При этом доля русских, ощутивших негативные последствия от политики суверенизации в Республике Татарстан, почти в два раза превышала аналогичное мнение респондентов татарской национальности (6,7%) (Макарова, 2009, с. 121-123).

Проведенный нами этносоциологический опрос среди молодежи республики (Этносоциологический опрос…, 2014б) также показал, что социальная дифференциация в разрезе этнических групп выглядит весьма контрастно (Алексеенко и др., 2018, с. 130-132). Среди башкирской молодежи самооценка своих семей и доля отнесших их к категории «богатых» превзошла аналогичную оценку молоде-

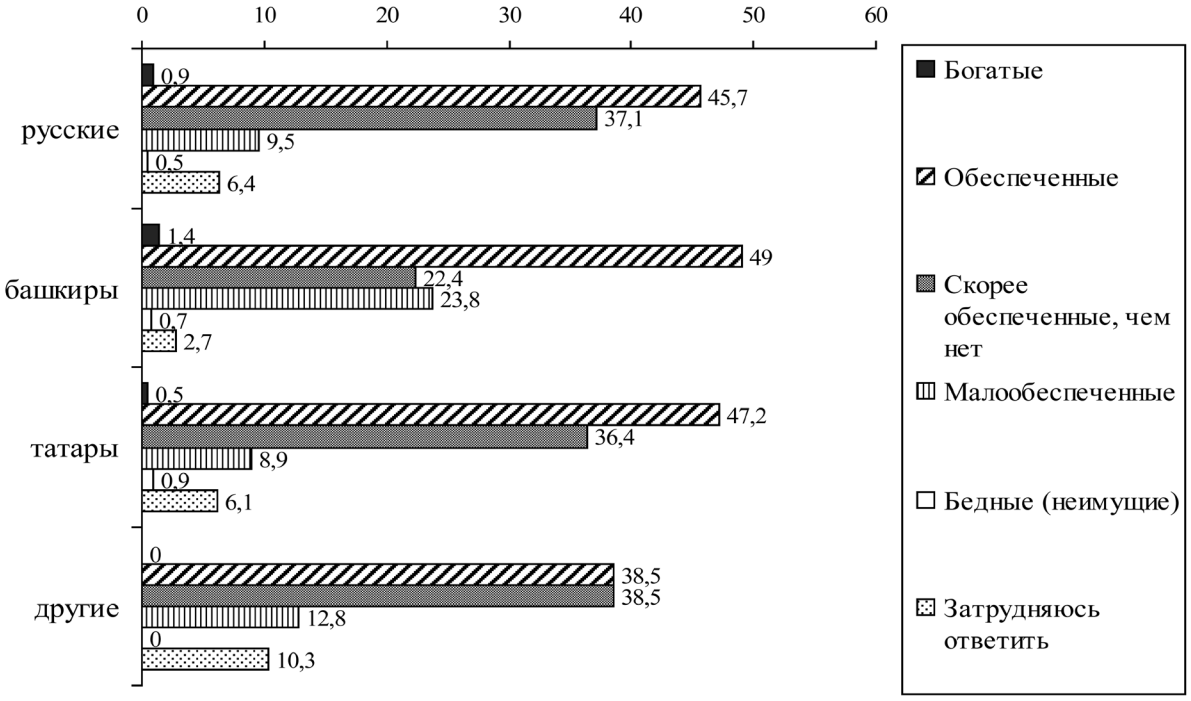

Рис. 1. Ответы на вопрос: «К какой категории Вы относите семью, в которой выросли?» Составлено по материалам опроса (февраль 2014 г.)

жи других национальностей, а именно: русской – в 1,5 раза, татарской – почти в три раза. Русская молодежь в самооценках своих семей особо не отличалась от татар и респондентов иных национальностей. Немногим более одной трети русской молодежи (37,1%) и столько же татарской (36,4%), а также почти каждый второй из пяти опрошенных молодых людей иных национальностей (38,5%) отнесли свои семьи к категории «скорее обеспеченные», чем «не обеспеченные». Доля таковых среди башкирской молодежи, по сравнению с молодежью других национальностей, занимала относительно низкую планку. Если половина респондентов башкирской молодежи отнесла свою семью в разряд «богатых» и «обеспеченных», то немногим менее четверти (23,8%) – в разряд «малообеспеченных», что превышало самооценку русских более чем в 2,5, а татар в 2,7 раза (Этносоциологический опрос…, 2014б).

Вместе с тем, если определенная часть молодежи, независимо от этнической принадлежности, поставила свою семью на высокую ступень социальной лестницы, то, другая, хотя и весьма незначительная, видела ее в категории «бедных» (рис. 1).

Таким образом, анализ оценки своих семей молодежью республики показывает, что наиболее сильная дифференциация социального положения наблюдается среди башкирского населения. Если социальный статус русского, татарского и «иных» национальностей наиболее отлажен в рамках так называемого «среднего класса», то среди башкир он имеет определенный дисбаланс.

Следует отметить, что резкую социальную дифференциацию именно башкирского населения, видимо, можно объяснить тем, что в годы суверенизации во властные общественно-политические структуры на смену русским и татарам были мобилизованы прежде всего башкиры, взамен русским и татарам. В среднем звене, особенно в столице республики, в управленческих учреждениях и структурах также были «востребованы» представители титульного этноса (Алексеенко и др., 2018, с. 118). Если определенная часть представителей титульной этнической группы была востребована в государственном и муниципальном органах управления, то другая значительная часть, практически по-прежнему оставалась на мелких предприятиях, в малом бизнесе или же в сельском хозяйстве, занимаясь низкоквалифицированным трудом. Видимо, поэтому среди башкир, в отличие от представителей других национальностей, прослеживается такая сильная дифференциация.

Несмотря на имеющиеся «ножницы» в социальной дифференциации, экономическое и финансовое положение населения, независимо от национальной принадлежности, почти одинаково, хотя имеются определенные различия. Если татары (19,2%) и башкиры (19,0%) в одинаковой степени отмечали существенное улучшение экономического и финансового состояния своей семьи за последний год, то респонденты русской молодежи (13,1%) меньше всех видели аналогичное улучшение.

Улучшение экономического и финансового положения своей семьи отмечало около одной трети молодежи республики. Почти столько же респондентов, за исключением башкирской молодежи, отмечали, что уровень экономического и финансового положения их семей остался без изменений. Русская молодежь (14,0%) больше, чем остальные, была озабочена существенным ухудшением финансового и экономического состояния своей семьи.

Таким образом, данные этносоциологических опросов свидетельствуют, что наибольший дискомфорт ощущали респонденты русской национальности во всех возрастных группах (Алексеенко и др., 2018, с. 132).

Таблица 3

К какой из нижеперечисленных групп Вы бы себя отнесли?*

Варианты ответа	башкиры	татары	русские	другие
Люди с высоким достатком	5,6	5,1	3,4	1,4
Средний класс	68,3	66,8	58,1	62,5
Малообеспеченные	26,1	25,5	36,9	33,3
Нет ответа	0,0	2,6	1,7	2,8

* Таблица составлена по данным опроса (ноябрь 2018 г.).

Прошедшие годы и принятые меры по восстановлению экономики страны в определенной степени повлияли на улучшение социального самочувствия населения, независимо от этнической принадлежности (табл. 3).

Опрос показал, что наибольшую долю, хотя с небольшой вариацией, среди тех, кто включил себя в группу людей с высоким достатком, составили респонденты башкирской (5,6%) и татарской (5,1%) национальностей. Башкиры (68,3%) и татары (66,8%) также возглавили так называемый «средний класс». Доля малообеспеченных пропорционально увеличивалась за счет низкого удельного веса среднего класса и людей с высоким достатком. У русских и у респондентов иных национальностей данный показатель был выше одной трети, тогда как у башкир и татар он включал лишь четверть опрошенных.

Нетрудно понять самооценку респондентов, когда от четверти и до двух пятых респондентов причисляют себя к малообеспеченной части населения. Несмотря на довольно высокий уровень развития промышленности и сельского хозяйства в Башкортостане, в республике высоким остается уровень безработицы. По данному показателю Башкортостан замыкал список регионов Приволжского федерального округа, занимая при этом 44-е место в стране, тогда как Татарстан – 7-е (Регионы России…, 2018, с. 35). По уровню занятости населения республика также занимала 53-е, по среднемесячной номинальной заработной плате работников организаций – 42 место (Регионы России…, 2018, с. 35).

Что интересно, прошедшие годы рыночной экономики перевернули взгляды большинства жителей на формы собственности в стране. В своем большинстве

Таблица 4

Какой тип собственности Вы считаете наиболее приемлемым для нашего общества?*

Варианты ответа	башкиры	татары	русские	другие
Частная собственность	27,8	24,5	23,5	25,0
Государственная собственность	10,3	9,7	12,3	15,3
Преобладание частной над государственной	15,1	13,3	12,8	13,9
Преобладание госсобственности над частной	10,3	14,3	13,4	8,3
Сочетание различных форм собственности	22,2	20,4	18,4	22,2
Затрудняюсь ответить	14,3	17,9	18,4	15,3

* Таблица составлена по данным опроса (ноябрь 2018 г.).

Таблица 5

Как Вы относитесь к проблеме социального неравенства граждан?*

Варианты ответа	башкиры	татары	русские	другие
Необходимо, насколько это возможно, обеспечивать равенство граждан по доходам и достатку	38,1	29,1	31,3	38,9
Государство должно обеспечивать равенство стартовых возможностей, но не отвечает за равенство результатов	18,3	25,5	19,6	13,9
Расслоение в первую очередь нельзя допускать в государствообразующей нации	1,6	3,6	7,8	2,8
Это естественный процесс, так как люди отличаются друг от друга способностями, все должно быть чрезмерным	7,1	8,2	3,9	11,1
Главное – избегать крайностей, от неравенства не уйти, но оно не должно быть чрезмерным	5,6	3,1	1,1	5,6
Затрудняюсь ответить	21,4	10,7	15,6	18,1

* Таблица составлена по данным опроса (ноябрь 2018 г.).

люди, работавшие в прошлом на государственных предприятиях с общенародной собственностью на средства производства, высказались за приоритетность частной собственности. «Превосходство» частной собственности отмечали в целом около четверти опрошенных (табл. 4). Если 27,8% башкир считали оптимальной частную собственность, то среди русских доля таковых равнялась лишь 23,5%. Русские (12,3%), наряду с респондентами других национальностей (15,3%), больше склонялись к «защите» государственной собственности или же больше были приверженцами преобладания государственной собственности над частной (13,4%). Русские (18,4%), по сравнению с другими респондентами, также меньше всех высказались за сочетание различных форм собственности.

Как выяснилось в ходе этносоциологического опроса, более одной трети опро-

Таблица 6

Какие меры нужны для улучшения социального самочувствия граждан?*

Варианты ответа	башкиры	татары	русские	другие
Создать условия для экономического роста	27,8	30,1	33,0	25,0
Улучшить работу сферы обслуживания	16,7	11,2	8,9	4,2
Вернуть в общенародную собственность незаконно приватизированные предприятия	10,3	17,3	13,4	9,7
Повысить уровень материального благосостояния	20,6	19,9	29,1	29,2
Расширять социальные гарантии	6,3	3,6	2,2	5,6
Вводить ограничения на доходы богатых	5,6	6,1	2,8	12,5
Снижать уровень коррупции и преступности	5,6	4,6	3,9	5,6
Затрудняюсь ответить	7,1	5,6	5,0	8,3

*Таблица составлена по данным опроса (ноябрь 2018 г.).

Таблица 7

С каким настроением Вы смотрите в будущее?*

Варианты ответа	башкиры	татары	русские	другие
С надеждой и оптимизмом	44,4	44,4	36,9	36,1
Спокойно, без особых надежд и иллюзий	34,1	35,7	37,4	31,9
С тревогой и неуверенностью	10,3	12,8	14,5	16,7
Со страхом и отчаянием	8,7	0,5	3,9	6,9
Затрудняюсь ответить	2,4	6,5	7,3	8,3

* Таблица составлена по данным опроса (ноябрь 2018 г.).

шенных в целях поддержки социального равенства высказалось за необходимость, насколько это возможно, обеспечивать равенство граждан по доходам и достатку (табл. 5). Такая точка зрения больше преобладала среди респондентов башкирской (38,1%) и «иных» национальностей (38,9%). При этом, по мнению определенной части опрошенных, государство должно обеспечивать равенство стартовых возможностей, но не отвечать за равенство результатов. Вариация ответов между самой высокой установкой – 25,5% (татарами) и самой низкой – 13,9% («другие национальности») составила почти два раза. Вместе с тем, определенная, хотя и незначительная часть опрошенных с пониманием отнеслась к существующему социальному неравенству граждан, отметив, что это естественный процесс, поскольку люди отличаются друг от друга способностями и все должно быть чрезмерным. По мнению другой части респондентов, главное – избегать крайностей, от неравенства не уйти, но оно не должно быть чрезмерным.

В качестве одной из основных мер для улучшения социального самочувствия граждан большинство опрошенных, за исключением респондентов «иных» национальностей, на первое место поставили необходимость «создания условий для экономического роста». На второй позиции оказался вариант «повышение уровня материального благосостояния». За данный вариант ответа высказалось немногим более четверти русских (29,1%) и респондентов «иных» национальностей (29,2%), тогда как такое суждение разделил лишь каждый пятый башкир и татарин (табл. 6). Если определенную часть русских (13,4%) и татар (17,3%) больше беспокоила проблема возвращения незаконно приватизированных предприятий в общенародную собственность, то башкирскую – больше всех «волновали» вопросы улучшения работы сферы обслуживания (16,7%).

Таблица 8

Какие из высказываний в наибольшей мере соответствует Вашему отношению к современной жизни?*

Варианты ответа	башкиры	татары	русские	другие
Все не так плохо, скоро будет лучше	39,7	41,8	27,4	36,1
Жить трудно, но терпеть можно	40,5	42,3	48,6	44,4
Терпеть наше бедственное положение невозможно	8,7	5,6	11,7	6,9
Затрудняюсь ответить	11,1	10,2	12,3	12,5

* Таблица составлена по данным опроса (ноябрь 2018 г.).

Таблица 9

Какие чувства Вы испытываете в связи с происходящими в Башкортостане переменами?*

Варианты ответа	башкиры	татары	русские	другие
Радость, воодушевление, желание включиться в новые процессы	15,1	11,2	7,3	13,9
Выжидательный интерес	25,4	28,6	22,9	34,7
Настороженность, беспокойство, тревога	15,1	15,3	18,4	8,3
Страх, беспомощность	5,6	2,0	5,0	0,0
Раздражение, агрессия	3,2	2,6	3,4	2,8
Безразличие	7,9	5,6	6,1	8,3
Не заметили перемен	12,7	17,3	23,5	18,1
Затрудняюсь ответить	14,3	15,8	11,7	13,9

* Таблица составлена по данным опроса (ноябрь 2018 г.).

Вместе с тем, определенную часть населения, независимо от национальности, глубоко тревожили такие проблемы, как снижение уровня коррупции и преступности, введение ограничений на доходы богатых и расширение социальных гарантий населению. Принятие указанных мер, по мнению опрошенных респондентов, в определенной степени способствовало бы улучшению социального самочувствия граждан.

В целом, за прошедшие после крымских событий годы, уровень социального самочувствия, как показали данные опроса, выглядит весьма оптимистичным. Немногим менее половины башкир и татар (44,4%) и чуть более одной трети русских и респондентов иных национальностей (36,1%) подтвердили, что они с надеждой и оптимизмом смотрят в будущее (табл. 7). Респонденты русской национальности свое будущее не изображали в «розовом цвете», выражая свою позицию более сдержанно и спокойно, без особых надежд и иллюзий (37,4%), но с определенной долей тревоги и неуверенностью (14,5%).

Население республики с пониманием относится к трудностям, возникшим в ходе кризиса в стране. Весьма значительный уровень варианта ответа: «жить трудно, но терпеть можно» говорит об относительно высоком запасе терпения опрошенных, независимо от этнической принадлежности. Но в данном случае самый высокий уровень терпения показали респонденты русской национальности (48,6%). При этом русские больше всех жаловались, что «терпеть их бедственное положение невозможно» (11,7%). По сравнению с респондентами татарской национальности, у которых самая низкая доля данного показателя, такой ответ давался ими в два раза чаще (табл. 8). Самыми оптимистичными в данной ситуации выглядели татары, среди которых двое из пяти опрошенных отмечали, что «все не так плохо, скоро будет лучше». Среди татар также меньше всех оказалось пессимистически настроенных (5,6%), несмотря на сложившуюся социально-экономическую обстановку в стране в целом.

Вместе с тем, татары (11,2%), как и русские (7,3%), меньше других проявили радость, воодушевление и желание включиться в новые процессы, связанные с происходящими в Башкортостане переменами. Больше всех эти перемены вдохновили представителей титульной (15,1%)

Таблица 10

Есть ли у Вас чувство уверенности в завтрашнем дне?*

Варианты ответа	башкиры	татары	русские	другие
Есть	25,4	26,5	17,3	23,6
Скорее есть, чем нет	50,8	48,5	39,1	44,4
Скорее нет	14,3	11,7	21,2	16,7
Нет	3,2	4,6	8,4	6,9
Затрудняюсь ответить	5,6	7,1	12,3	8,3
Нет ответа	0,8	1,5	1,7	0,0

* Таблица составлена по данным опроса (ноябрь 2018 г.).

и респондентов «иных» национальностей (13,9%) (табл. 9). Но самый высокий показатель продемонстрировал вариант «выжидательный интерес», который варьировал от четверти опрошенных у башкир (25,4%) до одной трети среди респондентов «иных» национальностей (34,7%). Вместе с тем, представители трех крупных этнических групп (башкиры – 15,1%, татары – 15,3%, русские – 18,4%) выразили крайнюю настороженность, беспокойство и тревогу, тогда как у представителей иных национальностей данный показатель оказался намного ниже. Последние в наибольшей степени проявили безразличие (8,3%) и меньше всех (2,8%), наряду с татарами (2,6%), выразили агрессивность.

К происходящим в республике переменам татары отнеслись «по-философски»: у них одним из наиболее высоких был показатель «не заметили перемен» – 17,3%, они меньше всех выразили свое «безразличие» – 5,6%, у них меньше, чем у всех остальных, проявилось «раздражение и агрессия» – 2,6%, у них был самый высокий показатель «выжидательного интереса» – 28,6% и они больше всех «затруднились ответить» – 15,8%. Такая позиция респондентов татарской национальности, проживающих в Башкортостане, видимо, складывается из сложившихся этнонациональных отношений в республике. Поскольку в течение нескольких столетий проживания на данной территории татары пережили множество «неприятных ситуаций» в этнонациональных и в этногосударственных отношениях.

Несмотря на все эти перипетии, татары больше всех (26,5%), наряду с башкирами (25,4%) и представителями «иных» национальностей (23,6%), проявляют чувство уверенности в завтрашнем дне и меньше, чем остальные, выражают неуверенность в

Таблица 11

Удовлетворены ли Вы своим материальным положением?*

Варианты ответа	башкиры	татары	русские	другие
Полностью удовлетворен(а)	19,0	14,8	7,3	4,2
Скорее удовлетворен(а)	39,7	39,8	29,1	25,0
Скорее не удовлетворен(а)	30,2	23,5	41,3	51,4
Полностью не удовлетворен(а)	6,3	13,3	14,0	9,7
Затрудняюсь ответить	4,8	8,6	8,4	9,7

* Таблица составлена по данным опроса (ноябрь 2018 г.).

Таблица 12

Удовлетворены ли Вы своим медицинским обслуживанием?*

Варианты ответа	башкиры	татары	русские	другие
Полностью удовлетворен(а)	12,7	7,1	2,2	13,9
Скорее удовлетворен(а)	30,2	29,6	24,6	31,9
Скорее не удовлетворен(а)	29,4	41,3	43,0	34,7
Полностью не удовлетворен(а)	25,4	15,3	24,6	11,1
Затрудняюсь ответить	1,6	5,1	5,0	8,3

* Таблица составлена по данным опроса (ноябрь 2018 г.).

этом (табл. 10). Наибольшую долю неуверенности высказали респонденты русской национальности, среди которых данный показатель был отмечен у немногим менее одной трети опрошенных.

Чувство уверенности в завтрашнем дне, как выяснилось в ходе опроса, дают имеющиеся у респондентов заделы в виде собственности и капитала, способность заработать и владение определенной профессией. Об этом заявили немногим менее одной трети башкир (31,7%), татар (29,1%), лишь каждый пятый респондент русской (22,9%) и более четверти «иных» национальностей (27,8%).

Для более чем четверти башкир, татар и русских, а также для одной трети «иных» национальностей чувство уверенности в завтрашнем дне дают поддержка семьи, родственников и друзей, каждому десятому респонденту, независимо от этнической принадлежности – надежда на поддержку государства. Иными словами, в душе народных масс патерналистское отношение все еще остается одной из важных составляющих, «унаследованных» от прошлого советского воспитания.

Результаты опроса показали, что в удовлетворенности своим материальным положением этнические различия также имели место быть (табл. 11). Более половины опрошенных башкир (58,7%) и татар (54,6%) отметили, что они удовлетворены своим материальным положением, тогда как более половины русских (54,3%) и почти две трети респондентов «иных» национальностей (61,1%) придерживались противоположной точки зрения. Иными словами, в республике наблюдается тенденция заметной социальной дифференциации среди этнических групп.

Как выяснилось в ходе социологического опроса, из всех социальных проблем, с которыми ежедневно сталкивалось население, респонденты отмечали плохое качество медицинского обслуживания (табл. 12). Свое негативное отношение к медицинскому обслуживанию выразили более двух третей опрошенных русских (67,6%), немногим более половины татар (56,6%) и башкир (54,8%), а также чуть менее половины (45,8 %) респондентов «иных» национальностей. Свою полную удовлетворенность медицинским обслуживанием выразили всего лишь 2,2% русских и 7,1% татар, тогда как среди респондентов башкирской и «иных» национальностей данный показатель был в пять раз выше. Иными словами, даже при оценке своей удовлетворенности в такой сфере, как медицинское обслуживание, этнические различия оказались весьма заметными. Если, например, 42,9% респондентов башкирской национальности отмечали свою удовлетворенность медицинским обслуживанием в республике, то среди русских данный показатель составлял лишь четверть опрошенных (26,8%).

Таблица 13

Удовлетворены ли Вы своим положением в обществе?*

Варианты ответа	башкиры	татары	русские	другие
Полностью удовлетворен(а)	24,6	23,5	16,2	16,7
Скорее удовлетворен(а)	39,7	40,8	46,9	27,8
Скорее не удовлетворен(а)	10,3	10,7	16,2	25,0
Полностью не удовлетворен(а)	4,8	1,0	4,5	6,9
Затрудняюсь ответить	19,8	22,4	15,6	23,6

* Таблица составлена по данным опроса (ноябрь 2018 г.).

Как известно, ситуация с медицинским обслуживанием в целом по республике выглядит весьма остро. По обеспеченности врачами на 10 тыс. чел. (42,1 врачей в 2017 г.) Башкортостан находится на последних строчках по Приволжскому федеральному округу и занимает 61-е место в целом по стране (Регионы России…, 2018, с. 369-370). В республике, вот уже несколько лет подряд, начиная с 2005 г., одной из высоких в стране остается детская младенческая смертность, показатели которой за эти годы всегда были выше среднероссийского уровня. В 2017 г. на 1000 родившихся коэффициент младенческой смерти составлял – 7,0, тогда как в среднем по стране он равнялся – 5,6, а по Приволжскому федеральному округу – 5,3. В соседнем Татарстане данный показатель составлял – 5,1, в Пензенской области – 4,1, а в Чувашии – 3,2. По уровню младенческой смерти Республика Башкортостан в 2017 г. из 85 субъектов Российской Федерации занимала – 72 место, тогда как Республика Татарстан – 35-е, Республика Чувашия – 2-е, Пензенская область – 8-е место (Регионы России…, 2018, с. 69-70). По числу больничных коек Башкортостан также не блистал показателями. По данным Росстата в 2017 г. на 10 тыс. чел. в республике приходилось – 78,0 место-коек, тогда как данный показатель по стране и Приволжскому федеральному округу равнялся – 80,5. По числу больничных коек на 10 тыс. чел. Республика Башкортостан в 2017 г. занимала 60-е место в Российской Федерации (Регионы России…, 2018, с. 359-360).

Иными словами, данные опроса выявили весьма серьезное недовольство населения уровнем медицинского обслуживания в республике. Поэтому неудивительно, что данной проблеме несколько раз были посвящены специальные заседания местного правительства, и в республике работала комиссия по выявлению соотношения факторов высокой младенческой смертности с уровнем медицинского обслуживания населения.

Состоявшееся 31 октября 2019 г. в г. Светлогорске Калининградской области заседание Президиума Государственного Совета неслучайно было посвящено проблеме улучшения здравоохранения, на котором в качестве основных проблем были отмечены дефицит кадров и материально-техническое оснащение медицинских учреждений. Выступая на заседании, глава Башкортостана Р.Ф. Хабиров предложил усилить сельскую медицину, так как в республике довольно большая доля сельского населения (в 2017 г. – 37,9%) (Регионы России…, 2018, с. 44), чтобы проживающие на селе жители могли получать быструю, доступную и качественную медицинскую помощь[2]. Более того, значи-

[2] https://ufa.mk.ru/social/2019/11/01/na-zasedanii-prezidiuma-gossoveta-khabirov-ratoval-za-usilenie-selskoy-mediciny.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (обращение 01.11.2019 г.).

тельное количество существующих на селе фельдшерско-акушерских пунктов под видом оптимизации в свое время было закрыто, что фактически привело к заметному ухудшению медицинского обслуживания в сельской местности.

Как показали данные опроса, полную удовлетворенность своим положением в обществе отметили респонденты башкирской (24,6%) и немногим менее этого татарской (23,5%) национальностей. Данный показатель наиболее низким оказался среди русских (16,2%) и представителей иных национальностей (16,7%) (табл. 13).

В целом, свое положение в обществе назвали скорее удовлетворительным более двух третей башкир, столько же татар и русских. Лишь среди представителей иных национальностей удовлетворение своим положением выразили немногим менее половины опрошенных, что пропорционально показало результаты неудовлетворенных, доля которых в общей массе достигала почти одной трети респондентов.

Таким образом, несмотря на существующие проблемы социально-экономического характера и неудовлетворенность населения рядом социальных сфер, самооценка населением своего социального самочувствия выглядит весьма оптимистичной и стратегия поведения этнических групп в республике в перспективе нацелена на позитивное развитие.

Литература

Алексеенко С.С, Абрамова С.Р., Сафин Ф.Г. Этносоциальные основы развития русского населения в Башкортостане (по данным этносоциологических исследований). Уфа: ООО «Первая типография», 2018. 188 с.

Ирназаров Р.И. Равенство этносов в Республике Башкортостан. Уфа: Гилем, 1997. 160 с.

Макарова Г.И. Этнокультурная политика федерального центра и Республики Татарстан: стратегии интеграции. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. 242 с.

Остапенко Л.В., Субботина И.А., Нестерова С.Л. Русские в Молдавии. Двадцать лет спустя… (этносоциологическое исследование). М.: ИЭА РАН, 2012. 403 с.

Послание Владимира Путина Федеральному собранию 2020. URL: https://www.1tv.ru/shows/vystupleniya-prezidenta-rossii/poslanie-federalnomu-sobraniyu-2020/poslanie-vladimira-putina-federalnomu-sobraniyu-2020 (обращение 16.01.2020 г.).

Регионы России. Социально-экономическое развитие. 2018. Стат. сборник. М.: Росстат, 2018. 1162 с.

Русские: этносоциологические исследования / Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, Л.В. Остапенко и др. М.: Наука, 2011. 190 с.

Социальная и культурная дистанции: Опыт многонациональной России / отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии, 1998. 385 с.

Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Academia, 2002. 480 с.

Этносоциологический опрос…, 1993 = Этносоциологический опрос по исследовательскому проекту «Язык, национальность и бывший Советский Союз» был проведен в Башкортостане в апреле 1993 г. Опрошено 2410 респондентов, в том числе – 814 русских, 817 башкир и 779 татар. Исследование проводилось в 7 городах Башкортостана (Баймак, Белорецк, Нефтекамск, Салават, Сибай, Туймазы, Уфа) по стратифицированной выборке, состоящей из нескольких ступеней. Авторами проекта являются проф. Дюкского университета г. Дарам Дж. Хафф, проф. Чикагского университета Д. Лейтин, проф. Колумбийского университета С. Лейманн, рук. ЦИМО Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, д.и.н., проф. М.Н. Губогло,

Руководители исследования – М.Н. Губогло, Р.Г. Кузеев, Ф.Г. Сафин.

Этносоциологический опрос…, 2014а = Этносоциологический опрос по исследовательскому проекту «Современные этнические процессы в Башкортостане: этничность, идентичность и толерантность» проводился в январе 2014 г. Авторы проекта – Ф.Г. Сафин, А.И. Фатхутдинова; руководитель исследования – А.И. Фатхутдинова. Опрошено 1000 чел., в том числе 361 респондентов русской, 295 башкирской, 254 татарской и 90 представителей других национальностей в Уфе, Стерлитамаке, Нефтекамске, Октябрьском, Кумертау, Бирске, Белорецке, Давлеканово, Дюртюлях, Учалах, Туймазах, в Альшеевском, Балтачевском, Дюртюлинском, Красно-камском, Куюргазинском, Миякинском, Стерли-башевском, Туймазинском, Уфимском, Учалинском, Хайбуллинском районах.

Этносоциологический опрос…, 2014б = Этносоциологический опрос по исследовательскому проекту «Социальная доверительность и толерантность в поликультурной молодежной среде» проведен в Башкортостане в феврале 2014 г. Опрошен 621 человек, в том числе: русских – 221 чел., башкир – 147, татар – 214 и представителей других национальностей – 39 чел. Авторы проекта – д.и.н., проф. Ф.Г. Сафин, к.и.н. А.И. Фатхутдинова. Руководитель исследования – к.и.н. А.И. Фатхутдинова.

Этносоциологический опрос…, 2018 = Этносоциологический опрос по исследовательскому проекту «Современные этносоциальные процессы в Башкортостане: социально-экономическая адаптация и социальное самочувствие» проводился в ноябре 2018 г. Опрошено 573 респондента, в том числе: русских – 179 чел., башкир – 126, татар – 196, других национальностей – 72 чел. Авторы проекта – д.и.н., проф. Ф.Г. Сафин, к.и.н. А.И. Халиулина. Руководитель исследования – к.и.н. А.И. Халиулина.

З.В. Анайбан

МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В РЕГИОНАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Держа в руках очередной опубликованный труд глубокоуважаемой мною Надежды Анатольевны, я вновь восхищаюсь ее острому и пытливому уму, энергии, трудоспособности, безграничной верности и отдаче своему любимому, единожды избранному делу. Таких как она, проработавших на одном месте, в одной организации со дня окончания вуза, думается, сегодня встретишь не часто. Между тем, круг ее научных интересов довольно широк и многогранен. В этой связи достаточно сказать, что она автор более 400 публикаций по археологии Евразии, этнической антропологии, краниологии, соматологии, одонтологии, этнической экологии, экологии человека, палеоантропологии, бронзовому веку Евразии, миграциям эпохи бронзы и мн. др. Кроме того, Надежда Анатольевна за годы работы в Институте этнологии и антропологии РАН была руководителем и участником многочисленных экспедиций, успешно реализованных в разных регионах Российской Федерации и бывших союзных республиках. Пользуясь предоставленной возможностью, от всей души поздравляю нашего юбиляра – дорогую Надежду Анатольевну со знаменательной датой и желаю всегда оставаться такой же любознательной, энергичной, бодрой и стремительной!

Данная работа посвящена исследованию вопросов реализации государственной молодежной политики в двух регионах Южной Сибири – Республике Тыва и Республике Хакасия. В числе важных аспектов изучения – сравнительный анализ имеющихся на сегодняшний день результатов и определение тех или иных проблем в названной сфере, обусловленных демографическими, социально-экономическими и этнокультурными особенностями названных регионов. Работа основана на данных официальной статистики, а также на материалах Министерства по делам молодежи и спорта Республики Тыва, Отдела по делам молодежи, воспитания и дополнительного образования при Министерстве образования и науки Республики Хакасия.

По материалам государственной статистики, в настоящее время удельный вес юношей и девушек в возрасте 15-29 лет, проживающих в Республике Тыва, в общей численности населения составляет 19,6% (Статистический ежегодник…, 2018, с. 40). Из них немногим более половины проживают в городских поселениях (59,8%) и, соответственно, менее половины на селе (40,2%) (Статистический ежегодник…, 2018, с. 40-41). Согласно итогам последней Всероссийской переписи населения (2010 г.), в Туве удельный вес молодых людей (15-29 лет) в общей численности представителей титульной национальности – тувинцев составлял 30,5%, что, как видим, заметно выше, чем доля молодежи в числе всего населения региона (Итоги Всероссийской переписи…, 2012, с. 318, 329). Что касается Хакасии, то здесь доля представителей молодого поколения (15-29 лет) в общей численности населения республики несколько выше, чем в Туве и достигает 24,9% (Оценка численности

населения…, 2016, с. 1). Из них весомое большинство – городские жители (64,5%) и чуть более трети – сельчане (35,5%). По результатам названной переписи процент молодежи в общей численности титульной национальности – хакасов достигала 27,3% (Итоги Всероссийской переписи…, 2012, с. 329). Несмотря на то, что со времени проведения названной переписи населения прошло почти десять лет, полагаем, этот показатель как по Туве, так и по Хакасии на сегодняшний день существенно не изменился.

Нормативно-правовой основой реализации государственной молодежной политики в Туве является закон от 11 ноября 2011 г. № 954 ВХ-I (с изменениями на 13.07.2016 г.) «О государственной молодежной политике в Республике Тыва». Закон устанавливает правовые основы, общие принципы, основные направления государственной молодежной политики в Республике Тыва, а также полномочия органов государственной власти Республики Тыва в указанной сфере (Закон Республики Тыва…, с. 1). Базовым и основополагающим документом осуществления молодежной политики в Хакасии является закон Республики Хакасия от 22.12.1993 г. № 25 «О реализации государственной молодежной политики в Республике Хакасия», который определяет правовые, экономические и социальные условия, цели, принципы и приоритетные направления реализации государственной молодежной политики, а также меры государственной поддержки представителей молодого поколения (Закон Республики Хакасия…, с. 1).

Исполнительным органом, осуществляющим государственную молодежную политику в Туве, является Министерство по делам молодежи и спорта Республики Тыва. Государственная молодежная политика этой структурой реализуется в рамках государственной программы Республики Тыва «Развитие системы государственной молодежной политики на 2014-2018 годы» (с изменениями на 11.04.2018 г.). Кроме того, цели государственной политики определены также в «Концепции государственной молодежной политики в Республике Тыва до 2020 г.», а на федеральном уровне – в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.» и «Основах государственной молодежной политики в Российской Федерации на период до 2025 г.». В соответствии с указанными программными документами, основными направлениями государственной молодежной политики являются формирование системы ценностей с учетом многонациональной основы нашего государства, развитие инновационных образовательных и воспитательных технологий, создание условий для самообразования молодежи, формирование ценностей здорового образа жизни, создание условий для реализации потенциала молодежи в социально-экономической сфере и благоприятных условий для молодых семей, создание развитой инфраструктуры государственной молодежной политики (Доклад о результатах…, с. 1).

Как сказано в государственной программе Республики Хакасия «Молодежь Хакасии», утвержденной постановлением Правительства Республики Хакасия от 28.10.2014 г. № 546, ее целью является создание условий для полноценного и гармоничного формирования мировоззрения, социальной ответственности и жизненных ценностей молодежи, достижения ее экономической независимости и вовлечение молодежи в общественную, социально-экономическую и культурную жизнь Республики Хакасия (Государственная программа…, с. 1). Непосредственным исполнителем Программы является Отдел по делам молодежи, воспитания и дополнительного образования при Министерстве

образования и науки Республики Хакасия. В числе основных задач программы – содействие занятости; помощь в решении проблем обеспеченности жильем молодых семей; создание системы информационного обеспечения молодежи; формирование навыков здорового образа жизни; патриотическое воспитание молодежи; профилактика асоциального поведения; вовлечение юношей и девушек в социальную практику; поддержка одаренной молодежи, инициативных молодежных проектов.

Как показал анализ деятельности названных молодежных ведомств по реализации молодежной политики, ими в этих регионах на сегодняшний день проведена и проводится разнообразная работа. Сравнение имеющихся по этому вопросу материалов с предыдущими годами демонстрирует заметную активизацию по большинству основополагающих направлений молодежной политики и некотором повышении результативности деятельности молодежного сообщества в целом. По мнению сотрудников того и другого ведомства, благодаря сотрудничеству и взаимодействию с местными органами труда и занятости, здравоохранения, образования, культуры и мн. др., на данном этапе молодежная политика в их регионах носит системный и стабильный характер. В частности, одним из приоритетных направлений молодежной политики, как в Туве, так и в Хакасии является создание оптимальных условий для развития молодежного предпринимательства, расширение возможностей для молодых людей реализовать свои предпринимательские инициативы и создать собственное дело. В этой связи среди молодежных групп особо популярными стали проводимые молодежными организациями на местах разнообразные мероприятия, нацеленные на профессиональное и творческое образование. Особо отметим, что в последнее время здесь, впрочем, как и в других российских регионах, стало активно развиваться среди юношей и девушек волонтерское движение. Особого внимания заслуживают организованные исполнительным органом по делам молодежи Тувы среди представителей молодого поколения социологические опросы, нацеленные на выявление наиболее острых социальных проблем, волнующих современную молодежь сегодня.

Однако, не отрицая всей проделанной работы и достигнутых на сегодняшний день результатов по реализации государственной молодежной политики в этих регионах, нам все же хотелось бы акцентировать внимание больше на проблемах, так или иначе связанных с данной политикой и непосредственно с ее осуществлением. Исходя из того, что, с нашей точки зрения, реализация государственной молодежной политики в основе своей подразумевает решение, в конечном счете, трех главных проблем – работа, образование и жилье, отдельно несколько слов об этом.

Не секрет, что проблема трудовой занятости российской молодежи и по сей день, особенно в регионах, является одной из актуальнейших. И, как справедливо отмечают исследователи, последствия экономического кризиса 2014 г., санкции, пенсионная реформа, горизонты Четвертой промышленной революции сказываются не только на выстраивании молодыми трудовых стратегий отличных от предшествующих поколений, но и на самом отношении к труду, ее мотивации (Демиденко, 2019, с. 158).

Как в Туве, так и в Хакасии доля представителей молодого поколения в общем числе занятого населения на данном этапе достигает чуть менее четверти. Однако, как известно, в обеих республиках одной из острых социальных проблем была и остается проблема молодежной безработицы. Так, по имеющимся пос-

ледним эмпирическим данным, в 2017 г. в Туве из всего числа официально зарегистрированных безработных более трети составили молодые люди от 15 до 30 лет (35,4%) (Статистический ежегодник…, 2018, с. 67). Несколькими годами ранее численность их была еще выше и достигала 37,1% (Регионы России…, 2015, с. 155). Немногим лучше ситуация в Республике Хакасия. Если в 2018 г. уровень безработицы здесь достигал 5,2%, то численность молодежной группы до 25 лет среди безработных составила 14,8% (Социально-экономическое положение…, 2019, с.112). В это же время, по данным Отдела по делам молодежи, процент 16-29-летних в общей численности зарегистрированных безработных в этом регионе достигал 21,3% (Годовой отчет…, с. 2).

Относительно сферы образования данные официальной статистики свидетельствуют, что в целом сложившаяся ситуация в этих регионах по сравнению со всеми другими сферами все же относительно благополучна. Другой вопрос, что в настоящее время на местном рынке труда и в Туве, и в Хакасии все рельефнее проявляется тенденция возрастающего разрыва между спросом и предложением, то есть несоответствия между полученным образованием и требованиями рынка. Как итог, из-за отсутствия вакантных мест по полученной специальности, молодые люди, имея высшее образование, либо устраиваются работать не по профилю, либо вынуждены искать работу за пределами республики. Безусловно, в данном случае соответствующим региональным органам необходимо серьезно проработать вопрос и создать условия для профессиональной переподготовки молодежи с учетом местного дефицита и спроса на ту или иную специальность.

Что касается жилищного вопроса, несмотря на то, что молодые люди регулярно получают ту или иную поддержку по приобретению жилья со стороны государственных структур, все же проблема обеспеченности молодежи жильем остается по-прежнему актуальной. Например, в Туве в целях содействия улучшению жилищных условий молодых специалистов реализуется Порядок предоставления субсидий на компенсацию части затрат по ипотечным кредитам (займам) на приобретение (строительство) жилья в Республике Тыва лицам, окончившим с отличием государственные учреждения высшего профессионального образования. Вместе с тем, по данным органов статистики, за 2013-2017 гг. получили жилые помещения и улучшили жилищные условия 3176 семей (Статистический ежегодник…, 2018, с. 111). Однако в тот же период в молодежных возрастных группах жениха и невесты 18-25 лет и 25-34 года было заключено 7712 браков, и на этом фоне процесс обеспеченности молодежи жильем представляется весьма проблематичным (Статистический ежегодник…, 2018, с. 50).

Наметились определенные позитивные тенденции в обеспечении жильем в Хакасии. Так, в связи с улучшением жилищных условий граждан, проживающих в сельской местности, на территории Республики Хакасия действует государственная программа «Развитие агропромышленного комплекса Республики Хакасия и социальной сферы на селе на 2013-2020 гг.», которая предусматривает предоставление социальной выплаты на строительство (приобретение) жилья гражданам, в том числе молодым семьям и молодым специалистам, проживающим и работающим на селе, либо изъявившим желание переехать на постоянное место жительства в сельскую местность и работать там. В рамках указанной программы реализуются мероприятия, направленные на улучшение жилищных условий молодых учителей, врачей, семей с тремя и бо-

лее детьми. Ежегодно в среднем улучшают жилищные условия от 50 до 70 участников программы (Годовой отчет…, с. 7).

Подытоживая сказанное, заметим, что, упомянутые программы, с нашей точки зрения, во многом носят декларативный характер, в большей степени ориентированы на проведение различных массовых мероприятий, в основном воспитательно-пропагандистского характера. Не умаляя значения таких акций, все же подчеркнем, что результат дают целевые меры, которые можно оценить по конкретным качественным показателям, а не только по числу участников. С нашей точки зрения, остались не раскрытыми итоги последних лет по проблемам получения молодежью доступного жилья, высшего образования, создания системы трудоустройства после окончания учебного заведения, обеспеченности молодых семей местами в детских дошкольных учреждениях, среднего уровня дохода молодых людей. По крайней мере, мы этого не обнаружили в отчетах и других материалах соответствующих организаций. Между тем, в них много общих положений и рассуждений, мало конкретики. В большей степени сказанное касается годовых отчетов.

Кроме того, усиленного внимания государственных органов требуют вопросы ранних браков и разводов среди молодежи, преступности, культуры поведения и другие, не менее острые социальные темы, которым до сих пор уделяется явно недостаточное внимание. Возможно, на результативности и эффективности работы с молодежью сказывается и то обстоятельство, что в отличие от предыдущего периода во все постсоветские годы молодежное ведомство как в Туве, так и в Хакасии не было самостоятельной структурной единицей, находилось в составе какой-либо другой организации. К примеру, в Хакасии Отдел (комитет) по делам молодежи только за последние неполные три года (2017-2019 гг.) трижды менял свое «место жительства». Ко всему прочему, это обстоятельство свидетельствует о некой нестабильности и зыбкости положения региональных молодежных ведомств как таковых в целом.

В числе общих проблем названных регионов следует назвать нехватку специалистов, осуществляющих государственную молодежную политику на муниципальном уровне, а также недостаток финансирования в целом. И еще, лозунг советских времен «кадры решают все» применительно к молодежным организациям сегодня весьма актуален. Мы убеждены, что для работы в подобных учреждениях необходима не только соответствующая профессиональная подготовка, но и определенный талант и способности, которыми сегодня, как показывает практика, к сожалению, наделены совсем немногие работающие в этой области.

Таким образом, несмотря на выявленные проблемы, связанные с эффективностью реализации молодежной политики, следует признать, что немалая работа в названных регионах в целом проводится. Однако сложившаяся ситуация все же оставляет желать лучшего. Как показал анализ, имеющиеся проблемы в сфере реализации молодежной политики в обоих регионах практически идентичны. Полагаем, что для успешного решения молодежных задач необходимы тесное взаимодействие и слаженность работы всех подразделений властных структур. При этом не стоит забывать, что решение различных проблем молодежных групп, прежде всего, зависит непосредственно от самой молодежи, от ее социальной активности.

Литература

Годовой отчет за 2018 г. о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы «Молодежь Хакасии». 19 с. [Материалы Отдела по делам молодежи, воспитания и дополнительного образования при Министерстве образования и науки Республики Хакасия].

Государственная программа Республики Хакасия «Молодежь Хакасии». Постановление Правительства Республики Хакасия от 28.10.2014 г. № 546. [Материалы Отдела по делам молодежи, воспитания и дополнительного образования при Министерстве образования и науки Республики Хакасия].

Демиденко С.Ю. Молодежь и ее работа: конструирование трудовой биографии // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 158-161. DOI: 10.31857/S013216250004597-9

Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Министерства по делам молодежи и спорта Республики Тыва в 2015 году. [Материалы Министерства по делам молодежи и спорта Республики Тыва].

Закон Республики Тыва от 11.11.2011 г. № 954 ВХ-I (с изменениями на 13.07.2016 г.) «О государственной молодежной политике в Республике Тыва». [Материалы Министерства по делам молодежи и спорта Республики Тыва].

Закон Республики Хакасия от 22.12.1993 г. № 25 «О реализации государственной молодежной политики в Республике Хакасия». 13 с. [Материалы Отдела по делам молодежи, воспитания и дополнительного образования при Министерстве образования и науки Республики Хакасия].

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. В 11 томах. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Кн. 1. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. 848 с.

Оценка численности населения Республики Хакасия на 1 января 2016 года. Абакан. 2016. [Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Хакасия].

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. Стат. сборник. М.: Росстат, 2015. 1268 с.

Социально-экономическое положение Республики Хакасия в 2018 году. Абакан, 2019. 137 с. [Материалы Управления федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва (Красноярскстат)].

Статистический ежегодник Республики Тыва. Кызыл, 2018. 439 с. [Материалы Управления федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва (Красноярскстат)].

А.Д. Коростелев

ВОПРОСЫ О ЯЗЫКАХ В РОССИЙСКИХ ПЕРЕПИСЯХ НАСЕЛЕНИЯ

Языковые вопросы включались в программы всех проводившихся в России и Советском Союзе Всеобщих переписей населения. Тем не менее, существует проблема сопоставимости результатов этих переписей, что связано с несколькими причинами.

При этом в центре внимания настоящей статьи находится не динамика численности народов и их расселения, а изменения в списках языковых категорий, использовавшихся статистиками от переписи к переписи, поскольку, на наш взгляд, без учета этих изменений адекватный статистический анализ языковых процессов часто невозможен.

Прежде всего, необходимо отметить, что на протяжении длительного (более столетия) периода, в течение которого в стране проводились переписи населения, неоднократно изменялись цели изучения языковых характеристик населения и, соответственно, назначение соответствующих вопросов в переписных бланках.

До последней трети XIX в. вопрос о языках, на которых говорит население России, отечественной статистикой не ставился, так же как вопрос о его национальном (этническом) самосознании. «Этнографический» или «племенной» состав населения деревни или уезда определялся сторонним наблюдателем без учета того, как себя определяет само население, что вполне соответствовало господствовавшим в то время натуралистическим представлениям о народах как племенах и естественном характере различий между ними.

В России вопрос о родном языке был включен в переписные инструментарии сначала ряда городских переписей (Гозулов, 1941), а затем и Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Это было связано, с одной стороны, с идеями немецкого статистика Рихарда Бека (Böckh), считавшего, что именно родной язык выступает как единственно правильный критерий определения национальности (и притом объективный, в отличие от самосознания). С другой стороны, это было связано с опытом европейских стран, где этнический состав населения в ходе переписей в XIX в., как правило, выяснялся именно с помощью вопросов о языке (часто в сочетании с вопросами о вероисповедании, как и в России). Иной позиции придерживался Е. Глаттер, представлявший опыт Австро-Венгрии, где этническое самосознание людей нередко было связано с их происхождением, но не с языком. Глаттер считал, что определение национальности субъективно само по себе, но должно выясняться при условии отсутствия какого-либо давления со стороны, тогда как вопрос о родном языке выступает лишь как дополнительный. Этот подход был принят только в некоторых европейских странах и притом значительно позже (Гозулов, 1936, с. 177-188; Кушнер, 1951, с. 42, 56-57).

Необходимо отметить, что декларировавшаяся Беком объективность такой характеристики как «родной язык» далеко не всегда бесспорна. То, как идентифицируют язык сами его носители, может не соответствовать точке зрения профессиональ-

ных лингвистов. Да и у самих языковедов вопросы о том, что является языком, а что диалектом, или к какому языку следует относить те или иные говоры, нередко вызывают серьезные споры, особенно если за каждой позицией стоят не только чисто научная аргументация, а определенная национальная идеология и политические интересы. К тому же одно дело – прусский опыт немецко-польского или немецко-литовского языкового контакта между неродственными языками, на который опирался Бек. Совсем иная ситуация имеет место в случае взаимодействия близкородственных языков. В качестве примера последних из российского опыта можно назвать языковые контакты в русско-украинском и русско-белорусском пограничье, башкирско-татарское языковое взаимодействие в Западной Башкирии, и др. Можно упомянуть и дискуссии лингвистов в Марий Эл по вопросу о том, является ли горномарийский отдельным языком или диалектом. При этом идентификация языка, как самими его носителями, так и языковедами, в исторической перспективе может изменяться (Коростелев, 2003, с. 31-32).

Говоря о разработке материалов первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. и публикации ее итогов, нельзя не упомянуть, что наряду с изданием официальных итогов переписи статистиком и этнографом С.К. Патрановым была проведена огромная дополнительная работа по той части материалов переписи, которая относилась к территории Сибири, в первую очередь к ее коренным народам. Как знаток этого региона, С.К. Патканов и ранее обращал внимание на большое количество ошибок и противоречий в этнографической литературе, связанных, главным образом, с путаницей в названиях этнических групп, с определением границ их расселения и с ошибками статистического характера, что побудило его попытаться использовать для разрешения этих противоречий первичные материалы переписи, в первую очередь той их части, которая не предназначалась для публикации в общих итогах (куда включались лишь обобщенные данные по губерниям (областям) и округам (уездам) без указания конкретных родоплеменных групп) и не подлежала дальнейшему хранению.

В ходе этой работы Патканов столкнулся с большим количеством ошибок и неточностей непосредственно в материалах переписи, причем для разрешения возникших вопросов ему пришлось обратиться к изучению дополнительных источников. Результатом данной работы, занявшей в общей сложности полтора десятилетия, стал выход в свет трехтомного труда «Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.)» (Патканов, 1912).

Заметим, что вслед за организаторами переписи С.К. Патканов считал признак «родной язык» лучшим критерием для определения национальности, признавая, правда, недостатки этого понятия. Что же касается самого термина «национальность», то, хотя исследователь не давал его строгого определения, тем не менее, как следует из контекста, автор относил его скорее к происхождению той или иной группы (Патканов, 1912, Вып. 1, с. I-VIII).

В то же время, обобщая опыт Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., накопленный статистиками в отношении выяснения языкового состава населения России, С.К. Патканов отмечал, что понятие «родной язык» не всеми одинаково понимается, и что в условиях России (и не только России) языковой признак неадекватен в качестве определителя национальности, причем «поправить» данные с помощью других вопросов не всегда представляется возможным. Определению национальности по языку

Патканов противопоставлял «память о той национальности», к которой люди раньше принадлежали, и «действительную национальность», причем из текста неясно до какой степени эти два понятия он рассматривал как взаимозаменяемые.

Кроме того, в отношении данных переписи С.К. Патканов пришел к следующим заключениям:

1) для выяснения более точной численности некоторых национальностей должны быть сделаны поправки;
2) классификация языков недостаточно разработана (в частности, по Дагестану);
3) люди могут не знать официального названия своего языка и называть его по своей религии или давать неточные, неправильные или обобщающие названия;
4) определенные проблемы создают неточностью записей сами переписчики;
5) в случаях, когда невозможно точно распределить ответы по разным языкам или наречиям, статистики вводили обобщающие категории (например, «грузинский язык» для всех картвельских этнографических групп или «тюркский язык без распределения по наречиям» для различных этнических групп некоторых местностей Средней Азии);
6) для «Сибирских инородцев» данные о родном языке в большинстве случаев представилось возможным заменить показаниями о национальности, приведенными в графе о сословиях (Общий свод…, 1905, с. 1-2).

В Советской России, а затем в СССР также фактически были приняты идеи Глаттера, несмотря на то, что на них официально не ссылались. Инструментарии советских переписей 1920, 1926, 1937, 1939 и 1959 гг. включали как вопрос о национальности (в 1926 г. – народности), так и вопрос о родном языке. Однако перепись 1920 г. в условиях гражданской войны проводилась не на всей территории страны. Проект разработки ее материалов имел серьезные недостатки, но и его в полном объеме осуществить не удалось (Гозулов, 1936, с. 239). Перепись 1937 г. была объявлена дефектной. Результаты переписи 1939 г. (кроме самых общих цифр), не очень подробно разработанные, были на много лет засекречены и опубликованы только в 1992 г. (Всесоюзная перепись…, 1992). Таким образом, из перечисленных переписей подробный анализ данных по родному языку возможен только в отношении материалов переписей 1926 и 1959 г.[1]

Начиная с переписи 1970 г. и далее в 1979 и 1989 г. наряду с вопросами о национальности и родном языке в инструментариях переписей появляется вопрос о свободном владении вторым языком народов СССР, что позволяло изучить ряд дополнительных сюжетов, в первую очередь, связанных с распространением двуязычия.

Наконец, при проведении Всероссийской переписи населения 2002 г. наряду с вопросом о национальной принадлежности задавались вопросы «Владеете ли Вы русским языком?» и «Какими иными языками Вы владеете?». При этом в инструкции для переписчика указывалось, что если при ответе на второй вопрос опрашиваемый называл несколько языков, то первым следовало записать родной язык. Тем самым, фокус был сдвинут с родного языка, как психологической характеристики, на знание языка.

Вторая причина, порождающая проблему сопоставимости результатов различных переписей, связана с изменением определения понятия «родной язык». Перепись

[1] Итоги переписи 1926 г. издавались дважды: в 1927-1929 гг. вышли из печати 10 книг с подзаголовком «Краткие сводки», а в 1928-1930 гг. – полные итоги в 56 томах. Следует отметить, что результаты переписи, опубликованные в этих двух изданиях, не всегда совпадают; в частности, это касается и сведений о национальном составе населения.

1897 г. понимала под родным языком тот язык, который каждый для себя считает родным (Гозулов, 1936, с. 125), иначе говоря, принимала за основу отношение опрашиваемого к данному языку. В отличие от этого в первой советской переписи 1920 г. родной язык определялся как язык, на котором говорила семья опрашиваемого, то есть акцент смещался с психологии на реальное языковое поведение в семейной сфере. Таким образом, принимая точку зрения Глаттера, основанную на возможности несовпадения национальности и языка, и включая с 1920 г. в переписной инструментарий оба этих показателя, организаторы первой советской переписи планировали, что один из них (национальность) должен отражать самосознание (психологию), а другой (язык) – реальное поведение.

Определение родного языка в следующей переписи 1926 г., на наш взгляд, следует, по-видимому, признать самым неудачным из всех: «Родным языком признается тот, которым опрашиваемый лучше всего владеет или на котором обыкновенно говорит» (Всесоюзная перепись…, 1928, с. 410). Таким образом, на усмотрение переписчика и / или опрашиваемого предлагался выбор из нескольких вариантов, и поэтому однозначная интерпретация оказывалась затруднительной, так как невозможно было определить, что именно означал выбор того или иного языка: 1) языковую компетентность человека («лучше всего владеет»), или 2) языковое поведение в домашней сфере, или 3) языковое поведение в какой-то другой сфере (на работе и др.).

Правда, для значительной части населения, которая жила в сельской местности, причем зачастую в моноэтнических поселениях, такие различия принципиального значения не имели. В городах же и в зонах интенсивных языковых контактов коллизии, по-видимому, все же имели место. Тем не менее, при подготовке переписи 1937 г. вопрос о родном языке было решено оставить в той же формулировке (Гозулов, 1936, с. 125).

В инструкциях переписи 1939 г. определение родного языка было изменено (язык, который сам опрашиваемый считает своим родным языком), то есть по существу произошел возврат к определению, действовавшему в 1897 г. Это определение практически осталось неизменным и во всех последующих советских переписях 1959, 1970, 1979 и 1989 г.

Если за понятием «родной язык», таким образом, постепенно закрепился характер психологической переменной, фиксирующей отношение к определенному языку как к родному, то появившийся в переписях, начиная с 1970 г., вопрос о втором языке народов СССР, которым владеет опрашиваемый, с самого начала представлял иной аспект языковой ситуации – языковую компетентность. Это обстоятельство до известной степени затрудняло анализ результатов переписей: во-первых, опрашиваемый мог считать родным тот язык, название которого соответствовало его национальности, слабо владея или вовсе не владея этим языком; во-вторых, если большинство представителей какой-то национальности проживало за пределами СССР, человек, принадлежащий к такой национальности, например, немец или кореец, не мог указать, что он владеет немецким или корейским языком.

Замечательная попытка расширить круг вопросов о языке была предпринята в ходе микропереписи населения 1994 г., охватившей 7,3 млн. человек или 5% населения Российской Федерации. Опрашиваемым задавались вопросы о родном языке, о втором языке, которым они свободно владеют, о языке, на котором они общаются дома, о языке, которым они преимущественно пользуются в учебном заведении или дошкольном учреждении, и о языке, которым они преимуществен-

но пользуются на работе (Распределение населения…, 1995).

Существенной особенностью вопросов о языках во всех переписях, начиная с первой всеобщей переписью 1897 г. и заканчивая микропереписью 1994 г., было то, что на эти вопросы всегда допускалась возможность только одного ответа. Между тем, человек может считать родным два языка, как уже в конце 1970-х–1980-е гг. показали исследования этнографов, использующих статистические методы (см., напр.: Чуваши…, 1988, с. 80), не говоря уже о том, что он может свободно владеть, помимо родного, также более чем одним языком.

Еще одной причиной, заставившей на исходе XX в. ставить проблему совершенствования переписного инструментария, стало то обстоятельство, что вопрос о родном языке в качестве психологического, связанного с этническим самосознанием, для значительной части населения страны не мог адекватно отражать ни распространенность знания тех или иных языков, ни характер языкового поведения. Исследования показали, что многие представители нерусских народов автоматически называли родным язык, название которого соответствовало названию их национальности, в действительности совершенно им не владея.

Попытка исправить это положение была предпринята в первой постсоветской Всероссийской переписи населения 2002 г. В ее переписном листе задавались два вопроса о языках: «Владеете ли Вы русским языком?» и «Какими иными языками Вы владеете?». Тем самым, как уже отмечено выше, фокус был сдвинут с родного языка, как психологической характеристики, на знание языка. Однако при этом в инструкции для переписчика указывалось, что если при ответе на второй вопрос опрашиваемый называл несколько языков, то первым следовало записать родной язык.

Тем самым, во-первых, в одном вопросе были объединены два различных аспекта языковой ситуации – психологическое отношение к языку и языковая компетентность. Во-вторых, указание, что при ответе на второй вопрос следовало первым записывать родной язык, было дано только в инструкции, но отсутствовало на переписном листе. Это привело к тому, что одни переписчики выполняли это указание, другие его не учитывали, а третьи, по сути, задавали вопрос о родном языке. В-третьих, в случае, когда родным языком опрашиваемого был русский, требовалось ставить особую пометку, что тоже не всегда учитывалось переписчиком (Тишков, 2003, с. 221-222). В результате такого усложнения и неоднозначности, данный вопрос разрабатывался в итогах переписи только как вопрос о знании языков, но не как вопрос о родном языке, а сюжет о родном языке вообще не был включен в разработку переписи. По этой причине итоги переписи 2002 г. по языковым вопросам оказались несопоставимыми с результатами всех предшествовавших переписей.

Данный недостаток был исправлен при проведении переписи 2010 г.: в переписном листе этой переписи после вопросов о владении русским языком и о том, какими другими языками владеет опрашиваемый, следовал третий вопрос – о его родном языке. Таким образом, как и в переписи 2002 г. присутствуют сведения о владении языками, но при этом восстановлен показатель «родной язык». Помимо того, что в итогах переписи 2010 г. зафиксированы как языки, не включенные в итоги некоторых предыдущих переписей, так и языки, не фигурировавшие ни в одной из них, здесь впервые отмечены также обобщенные названия, встречавшиеся в качестве родного языка в ответах тех, кто отвечал на вопросы переписи, но в действительности обозначавшие либо языковую («адыгский язык»,

«тюркский язык») либо территориальную группу («дагестанский язык», «памирский язык»)[2]. Еще одно обстоятельство связано с тем, что перечни языков, которыми, согласно итогам этой переписи, владеет население, и языков, которые названы родными, не совпадают, и, следовательно, строго говоря, следует говорить о двух разных перечнях языков.

Следующее важное новшество состоит в том, что в итогах впервые выделена особая категория «Коренные малочисленные народы Российской Федерации», сведения о которых представлены более подробно, чем это делалось прежде. В эту категорию включены 41 национальность[3] и 5 субэтнических групп[4]. В частности представлены сведения об их числе в субъектах РФ, где они преимущественно проживают, по городскому и сельскому населению и по полу. Приведены также данные о владении ими языками и о родном языке (без учета деления на городское и сельское население и на мужчин и женщин) (Итоги…, 2012, с. 2111-2187). Девяти из включенных в данную категорию народам не соответствуют языки с теми же названиями[5].

Еще одна важная причина, заставляющая нас говорить о проблеме сопоставимости данных о языке, полученных в результате различных переписей, состоит в эволюции списка языков, включаемых в разработку материалов переписей. Помещенные в Приложении таблицы позволяют проследить динамику этого списка на материале переписей 1897, 1926, 1959, 1970, 1979, 1989, 2002 и 2010 гг.

В табл. 1 представлены, с одной стороны, языки и наречия, учитывавшиеся во Всероссийской переписи 1897 г. согласно принятой в то время классификации[6], с другой, – список языков, учитывавшихся во Всесоюзной переписи 1926 г. В первом случае присутствовало 102 языковых категории, во втором – их число увеличено до 151[7].

Разукрупнение языковых категорий между переписями 1897 и 1926 гг. Таким образом, основной тенденцией при формировании нового, по сравнению с 1897

[2]Категории «дагестанцы» и «тюрки» выделены и в составе группы населения «Указавшие другие ответы о национальной принадлежности». Можно также отметить и выделенную в составе данной группе категорию «булгары», причем в эту «разношерстную» категорию статистиками включены: болгары с татарским и чувашским языком, волжские болгары, булгаро-татары, булгаро-тюрки, волжские булгары, волго-камские болгары и волжско-камские булгары, камские булгары и татаро-булгары (Итоги…, 2012, с. 22, 24, 142-143, 232).

[3] Абазины, алеуты, бесермяне, вепсы, водь, долганы, ижорцы, ительмены, камчадалы, кереки, кеты, коряки, кумандинцы, манси, нагайбаки, нанайцы, нганасаны, негидальцы, ненцы, нивхи, орочи, саамы, селькупы, сойоты, тазы, телеуты, тофалары (тофа), удэгейцы, уйльта (ороки), ульчи, ханты, чуванцы, чукчи, чулымцы, шапсуги, шорцы, эвенки, эвены (ламуты), энцы, эскимосы, юкагиры.

[4] Теленгиты, тубалары, челканцы (подгруппы алтайцев), сету (сето) (подгруппа эстонцев), тувинцы-тоджинцы (подгруппа тувинцев).

[5] Бесермяне (большинство с удмуртским родным языком, меньшинство – с русским), камчадалы (в основном русскоязычные), кереки (по переписи всего 4 чел.), нагайбаки (большинство с татарским родным языком, меньшинство – с русским), сету (сето) (большинство с эстонским родным языком, меньшинство – с русским), сойоты (в основном с бурятским языком), тазы (в основном русскоязычные), чуванцы (в основном русскоязычные, небольшая часть с чукотским языком), шапсуги (большинство с адыгейским языком).

[6] Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / под ред. Н.А.Тройницкого. Т. II. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. С.-Петербург, 1905. Табл. XIII. Распределение населения по родному языку.

[7] Приложение III. Перечень языков для разработки материалов переписи населения 1926 г. // Всесоюзная перепись населения 1926. Т. XVII СССР. М., 1929. С. 109; Приложение IV. Словарь языков для разработки материалов переписи населения 1926 г. // Там же. С. 110-111.

г., списка языков было разукрупнение прежних категорий, что было вызвано отчасти успехами языковедов в исследовании прежде малоизученных языков, отчасти политическими причинами.

В 1897 г. великорусский, малорусский и белорусский языки объединялись под общим названием «русский язык», хотя итоги переписи были представлены и по каждому из трех языков в отдельности. В разработке итогов переписи 1926 г. русский (великорусский), украинский и белорусский языки учитывались только как отдельные языки.

Из латышского языка в отдельную категорию был выделен латгальский. Помимо голландского языка в списке появился фламандский. Выделен язык армянских цыган боша. Из «карачайского» языка выделен балкарский, из турецкого – гагаузский.

Если в разработках переписи 1897 г. данные по молдавскому и румынскому языкам обычно объединялись в одной графе, то в данных 1926 г. им соответствуют две разные категории. Аналогичным образом это же было сделано и в отношении датского и норвежского языков.

Категория «языки енисейских тюрков» была разделена на пять категорий: «бельтирский язык», «качинский (абаканский) язык», «койбальский язык», «кызыльский язык», «сагайский язык»[8].

Категория «аварско-андийское наречие» разделена на 13 категорий: «аварский язык», «андийский язык», «ахвахский язык», «багулальский язык», «ботлихский язык», «годоберинский язык», «дидойский язык», «идеринский язык», «капучинский язык», «каратайский язык», «хваршинский язык», «хунзальский язык», «чамалальский язык».

Из категории «даргинское наречие» выделены «даргинский язык», «кайтакский язык» и «кубачинский язык».

Категория «кюринское наречие» разделена на шесть категорий: «кюринский язык», «табасаранский язык», «агульский язык», «арчинский язык», «рутульский язык», «цахурский язык».

Выделены три языка, на которых говорят народы так называемой Шахдагской группы: джекский, будухский и хиналугский. В 1897 г. эти языки, по всей видимости, включались в категорию «прочие лезгинские наречия».

Категория «тунгусские наречия» разделена на шесть категорий: «тунгусский язык», «гольдский язык», «ольчский язык», «негидальский язык», «орочский язык», «орокский язык».

Объединение языковых категорий между переписями 1897 и 1926 гг. В некоторых случаях, напротив, имело место объединение прежних категорий. Так, сербский, хорватский и словенский языки были объединены в общую категорию «сербский язык». Жмудское наречие включено в категорию «литовский язык», ижорское – в категорию «финский язык», кабардинское – в категорию «черкесский язык», чуванское наречие – в категорию «чукотский язык».

Другие перегруппировки языковых категорий между переписями 1897 и 1926 гг. В отношении некоторых языков имели место более сложные перегруппировки категорий 1897 г., одновременно включающее как разукрупнение, так и объединение их.

Существенным образом изменилось в 1926 г. наполнение категории «татарский язык» по сравнению с термином «татарское наречие» 1897 г. В отдельную категорию под названием «тюркский язык» был выделен язык большинства населения Азербайджана. Выделены в качестве самостоятельных и языки тюркского населения

[8] В итоговых таблицах переписи качинский (абаканский), койбальский и сагайский языки объединены в единую категорию «хакасские языки», бельтирский и кызыльский языки отсутствуют.

Алтая и Кузнецкого Алатау (алтайский, кумандинский, теленгетский, телеутский, черневой, шорский), прежде также включавшиеся в «татарское наречие». При этом вариант ответа «ойратский язык» (принятое в то время название формировавшегося общего литературного языка алтайских народов) в переписи 1926 г. был отнесен к категории «неточно обозначенные языки». Кроме того, выделены такие категории как «нагайбакский язык» и «барабинский язык». Напротив, «мещерякское наречие» 1897 г. было теперь отнесено к татарскому языку. В 1897 г. фиксировалось также «тептярское наречие». Однако, в отличие от «мещерякского», вариант ответа «тептярский язык» в 1926 г. не был отнесен к татарскому языку, а попадал наряду с кряшенским, уйгурским, ойратским и хакасским в категорию «неточно обозначенные языки».

В материалах переписи 1926 г., в отличие от прежней, отсутствуют «сартское» и «кыпчакское» наречия, включенные в категорию «узбекский язык», но появилась отдельная категория «кураминский язык».

Что касается картвельских языков, то в отличие от 1897 г. «имеретинское наречие» включено в категорию «грузинский язык». В то же время появилась отдельная категория «лазский язык». При разработке переписи представлены не только данные по отдельным картвельским языкам – грузинскому, мегрельскому, лазскому и сванскому, но и суммарный их итог – в объединенной категории «картвельские языки».

Три «чеченских наречия» по списку 1897 г. – чеченское, ингушское и кистинское, в переписи 1926 г. были объединены в категорию «чеченский язык». Однако в отдельную категорию выделен «цовatушский язык».

Переименования и коррекции написания языковых категорий между переписями 1897 и 1926 гг. В некоторых случаях перегруппировки прежних категорий не произошло, но были изменены их названия. Чаще всего новые наименования языков в большей степени соответствовали самоназваниям тех народов, которые были их носителями. Так, черемисский язык стал называться марийским, чудский – вепсским, венгерский – мадьярским, киргиз-кайсацкий – казакским, кара-киргизский – кыргызским, кази-кумукский – лакским (казикумукским), камчадальский – ительменским, енисейско-остяцкий – кето (котто), айсорский (сиро-халдейский) – новосирийским.

Появление новых языковых категорий в 1926 г. На некоторых территориях перепись в 1926 г. проводилась впервые, в частности на территории бывшего Бухарского ханства, которое до революции находилось под протекторатом Российской империи, но формально не входило ее в состав. В связи с этим в список языков были впервые включены памирские языки (ваханский, ишкашимский, шугнано-рушанский[9] и язгулямский), а также ягнобский язык.

Кроме того, впервые были учтены сойотский и карагасский языки.

Разукрупнение языковых категорий между переписями 1926 и 1959 гг. Общее число разрабатываемых языковых категорий, насчитывавшее 151 в переписи 1926 г., сократилось до 118 в переписи 1959 г. и вновь увеличилось до 153 в переписи 2002 г. (Центральное статистическое…, 1959; Государственный комитет…, 2002; Итоги…, 2004, с. 123-124). Тем не менее, между 1926 и 1959 гг. разукрупнение некоторых категорий продолжилось.

Из персидского языка в отдельные категории были выделены белуджский и джемшидский языки, из финского – ижорский и ливский языки.

[9] В итоговых таблицах переписи эти три языка отсутствуют.

Категория «самоедский язык» была разделена на три отдельные категории – «ненецкий язык», «селькупский язык» и «языки прочих народностей Севера», куда был отнесен нганасанский язык.

Из татарского языка были в отдельные категории выделены крымско-татарский и караимский языки, из якутского языка – долганский, из орочского – удэгейский.

Единой категории 1926 г. «тунгусский язык» в 1959 г. соответствовали две категории – «эвенкийский язык» и «эвенский язык». Аналогичным образом вместо единой категории «черкесский язык» появились три – «кабардинский язык», «адыгейский язык» и «абазинский язык».

Категория «ингушский язык» была выделена из чеченского, категория «дунганский язык» – из китайского.

Объединение (необратимое) языковых категорий между переписями 1926 и 1959 гг. Существенное уменьшение числа языковых категорий с 1959 г. связано с их укрупнением, причем в ряде случаев исчезнувшие категории в более поздних переписях уже не учитывались.

Так, латгальский язык был включен в категорию «латышский язык», ягнобский – в категорию «таджикский язык», язык боша – в категорию «цыганский язык», нагайбакский язык – в категорию «татарский язык». Категории «карачаевский язык» и «балкарский язык» объединены в категорию «карачаево-балкарский язык». Карапапахский язык включен в категорию «азербайджанский язык», кураминский язык – в категорию «узбекский язык», Категории «кашгарский язык» и «таранчинский язык» объединены в категорию «уйгурский язык». Бельтирский, качинский (абаканский), койбальский, кызыльский и сагайский языки объединены в категорию «хакасский язык». Цова-тушинский язык включен в категорию «грузинский язык», кубачинский и кайтагский языки – в категорию «даргинский язык».

Объединение языковых категорий между переписями 1926 и 1959 гг. и новое их разукрупнение между переписями 1959 и 2002 гг. В ряде случаев языки, в 1926 г. фиксировавшиеся как самостоятельные, к 1959 г. были объединены в единые категории, но в переписи 2002 г. вновь рассматривались отдельно.

Так, памирские языки (ваханский, ишкашимский, шугнано-рушанский и язгулямский, а также бартангский и орошорский, вообще никогда не учитывавшиеся как отдельные языки) в переписи 1959 г. были включены в категорию «таджикский язык», но в 2002 г. вновь выделены категории «рушанский язык» и «шугнанский язык».

Барабинский язык в 1959 г. включен в категорию «татарский язык», но в 2002 г. выделен как отдельный язык.

В 1930-е и позже – до 1980-х гг. алтайский, кумандинский, теленгетский, телеутский и черневой языки (а также язык челканцев (лебединцев), отнесенный в переписи 1926 г. к шорскому языку) рассматривались как единый язык, называвшийся сначала ойратским, затем ойротским, а с 1948 г. – алтайским. В переписи 2002 г. были выделены как отдельные категории «алтайский язык», «кумандинский язык», «телеутский язык», «челканский язык» и «тубаларский язык» (бывший черневой).

Лебединский язык в 1959 г. включен в категорию «шорский язык», но в 2002 г. выделен в отдельную категорию под названием «челканский язык».

Негидальский язык в 1959 г. включен в эвенкийский, но уже в переписи 1970 г. выделен отдельно под прежним наименованием.

Мегрельский, лазский и сванский языки в 1959 г. включены в категорию «грузинский язык», но в 2002 г. выделены как отдельные категории под прежними названиями.

Целый ряд андийских языков (андийский, ахвахский, багулальский, ботлихский и годоберинский), а также хваршинский и арчинский языки в 1959 г., включенные в категорию «аварский язык», также в переписи 2002 г. были выделены как отдельные языки под прежними наименованиями.

Другие языки народов Дагестана, также в 1959 г. объединенные в категории «аварский язык», в переписи 2002 г. были выделены в отдельные категории под иными наименованиями: чамалальский язык – под названием «чамалинский», идеринский язык – под названием «тиндальский», дидойский язык – под названием «цезский», капучинский язык – под названием «бежтинский», хунзальский язык – под названием «гунзибский». Каратинский в 1926 г., рассматривался в составе андийского языка, в дальнейшем – в составе аварского, в 2002 г. как отдельный язык. В качестве отдельного языка стал рассматриваться также гинухский, носители которого прежде также учитывались статистиками как аварцы.

Переименования и коррекции написания языковых категорий между переписями 1926 и 1959 гг. К 1959 г. также изменились наименования ряда языков по сравнению с 1926 г. Название «русский язык» стало употребляться без уточнения «великорусский», «турецкий язык» – без уточнения «османский», а «лакский язык» – без уточнения «казикумукский». Новосирийский язык стал называться айсорским, лопарский – саамским, вотяцкий – удмуртским, зырянский – коми, пермяцкий – коми-пермяцким, вогульский – мансийским, остяцкий – хантыйским, мадьярский – венгерским, казакский – казахским, кыргызский – киргизским, тюркский (в Азербайджане) – азербайджанским, сойотский – тувинским, карагасский – тофаларским, гольдский – нанайским, ольчский – ульчским, кюринский – лезгинским, джекский – крызским, коряцкий – корякским, гиляцкий – нивхским, кето (котто) – кетским.

Разукрупнение языковых категорий между переписями 1959 и 2002 гг. Часть языковых категорий была разукрупнена перед переписью 2002 г.

Категория «мордовский язык» в переписи 1970 г. разделена на три категории: «мордовский язык», «мокша-мордовский язык» и «эрзя-мордовский язык», однако данные по этим трем категориям были подсчитаны вместе.

В переписи 1989 г. из категории «ненецкий язык» была выделена категория «энецкий», в переписи 2002 г. из категории «ижорский язык» выделен «водский».

В переписи 2002 г. категория «марийский язык» разделена на категории «луговосточный марийский (марийский) язык» и «горномарийский язык».

Из категории «ногайский язык» в 2002 г. были выделены еще три категории: «язык астраханских ногайцев-карагашей», «язык алабугатских татар» и «язык юртовских татар».

В переписи 2002 г. из категории «крымскотатарский язык» выделена категория «крымчакский язык», из категории «адыгейский язык» – «шапсугский язык» (но в опубликованных итогах переписи это не отражено, так как шапсугский был при обработке вновь объединен с адыгейским), из категории «корякский язык» – «керекский язык» и «алюторский язык», из категории «кетский язык» – «югский язык». Категория «эскимосский язык» была заменена категорией «инуитский, сиреникский, юитский языки».

Исчезновение старых и появление новых языковых категорий в 1959 и 2002 гг. Некоторые языки, учитывавшиеся в 1926 г., не фиксировались в переписи 1959 г. Это – шведский, норвежский, датский, голландский, фламандский, португальский, ирландский (учитывавший-

ся, правда, в 1926 г. в категории «прочие языки»)[10], маньчжурский[11] и два языка, на которых говорят народы так называемой Шахдагской группы, – будухский и хиналугский. В 2002 г. исчез и третий из языков этой группы – крызский, зато в списке языков, включенных в разработку, снова появились шведский, голландский и португальский, причем голландский уже в 1970 г. Начиная с переписи 1970 г., не фиксировались также талышский и долганский языки, но первый вновь появляется в переписи 1989 г., а второй – в переписи 2002 г.

Начиная с переписи 1959 г., во все последующие переписи включается вьетнамский язык. В переписи 1970 г. и в дальнейших больше не значится джемшидский язык.

В переписи 1989 г. появляется категория «чуванский язык». Так назвали свой язык чуванцы, большинство которых проживает в Чукотском автономном округе. В действительности чуванский язык, предположительно родственный юкагирскому, был утрачен к середине XIX в., а в настоящее время оседлые чуванцы говорят на «марковском» диалекте русского языка, а кочевые – на чукотском языке (Агеева, 2000, с. 381). В переписях 2002 и 2010 гг. категория «чуванский язык» не встречается.

Фигурировавший в 1897 г. «тептярский язык» значился в систематическом и алфавитном словарях языков переписи 1959 г., но в итогах переписи отсутствует, как и во всех последующих переписях.

Переименования и коррекции написания языковых категорий между переписями 1959 и 2002 гг. Некоторые переименования языков произошли и после 1959 г. Уже в разработке переписи 1970 г. кабардинский язык называется кабардино-черкесским, айсорский – ассирийским. В той же переписи (но только там) тофаларский язык назван тофским. В переписи 2002 г. категория «еврейский язык» была заменена категорией «иврит, идиш», а категория «орокский язык» – категорией «ульта язык».

Особые случаи. Языки бывшей Югославии. В 1926 г. сербохорватский и словенский языки учитывались в рамках категории «сербский язык». Македонский язык в то время вообще рассматривался не как самостоятельный язык, а как местный вариант болгарского. В 1959 г. сербохорватский, словенский и македонский языки составили категорию «югославские языки», в последующих переписях вплоть до 2002 г. учитывалась только категория «сербскохорватский язык». В переписи 2010 г. кроме него фиксировались словенский и македонский языки.

Языки Индии и Пакистана. В 1926 г. из языков Индии учитывался только «индустани» (хинди и урду), в 1959 г. все языки Индии составили категорию «индийские языки», в 1970, 1979 и 1989 гг. фигурировала категория «языки Индии и Пакистана», в 2002 г. учитывались только хинди и бенгали, в 2010 г. также урду и тамильский.

Возможности сравнения результатов различных переписей зависят от того, под каким углом зрения обработаны данные и как они представлены в итоговых материалах. В связи с тем, что подходы к формированию словарей национальностей и языков, к обработке собранных материалов и характер представления результатов от одной переписи к другой претерпевали некоторые изменения, в ряде случаев значительные, не оставались неизменными и возможности для таких сравнений.

Можно проиллюстрировать сказанное на материале данных по чувашскому

[10] Норвежский, датский и ирландский языки вновь учтены в переписи 2010 г.

[11] В материалах 1926 г. – «манджурский».

языку. В переписях советского периода сведения о родном языке лиц той или иной национальности и о втором языке, котором они владеют, были представлены не только по населению в целом, но также по городскому населению и сельскому населению, а также по мужчинам и по женщинам. Так, по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., чувашский язык назвали родным 77,5% в РСФСР, причем среди городского населения 64,2%, среди сельского – 90,8%. При этом по Чувашской АССР эти показатели составили соответственно 85,0%, 69,4% и 98,5% (по остальной территории Российской Федерации 69,7% (по городу 59,4%, по селу 81,5%), в частности по Куйбышевской области 72,5% (по городу 54,4%, по селу 84,8%)). Из приведенных данных видно принципиальное различие ситуации в городах и в сельской местности.

Согласно материалам Всероссийской переписи населения 2010 г., в целом по Российской Федерации чувашским языком владеют 68,8% чувашей, а считают его родным 70,9%. В самой Чувашии им владеют 80,6% чувашей, а считают родным 77,3% (на остальной территории РФ соответственно 53,2% и 62,5%, в частности в Самарской области 47,5% и 61,4%, аналогичное положение имеет место и в других субъектах РФ, где проживает значительное число чувашей). При этом раздельные сведения по городскому и сельскому населению, также как и по мужчинам и женщинам по данному показателю в итоги переписи не включаются.

Следовательно, только в самой Чувашии число чувашей, владеющих чувашским языком, превышает число тех, кто считает его родным. За ее пределами дело обстоит наоборот. Таким образом, с одной стороны, благодаря иному подходу к представлению данных в итогах переписи, стало возможно разделить показатели по владению языком и признанию его родным. С другой стороны, ввиду того, что в итогах переписи 2010 г. не представлены раздельно данные по городу и по селу, утрачена возможность выяснить, какое влияние на динамику ситуации оказывают снижение доли тех, кто считает чувашский язык родным в городе и в селе, и миграция из села в город.

Таким образом, данные по родному языку по переписи 2010 г. возможно сравнивать с данными по переписям советского времени (1926, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг.) с учетом изменений в списках языков, но только по отдельным национальностям и отдельным языкам для них (например, число удмуртов с родным удмуртским и родным русским языками по переписи 2010 г. можно сравнивать с аналогичными показателями по переписям советского периода по Российской Федерации в целом и по тем субъектам РФ, по которым представлены соответствующие данные по удмуртам, но без разделения на городское и сельское население и на мужчин и женщин).

Сравнение результатов переписей 2002 и 2010 гг. возможно:

1) в отношении национального состава населения по Российской Федерации в целом (в том числе раздельно по городскому и сельскому населению и по полу);
2) по отдельным национальностям только в отношении показателей «владение русским языком» (по Российской Федерации в целом и по субъектам РФ; в первом случае, в том числе раздельно по городскому и сельскому населению) и «владение языками (кроме русского)» (также по РФ и по субъектам; в обоих случаях без разделения на городское и сельское население);
3) в отношении владения языками населением РФ в целом (здесь и далее без разделения на городское и сельское население);

4) в отношении владения языками лицами наиболее многочисленных национальностей по РФ в целом[12].

Исчезновение прежних и появление новых языковых категорий в переписи 2010 г. По сравнению с 2002 г. в 2010 г. исчезают языки белуджский, караимский, рушанский, барабинский, крымчакский.

Снова включен югский язык (был в 1989 г., но пропущен в 2002 г.).

Впервые появляются: русский жестовый язык глухих, русинский, словенский, македонский, латинский, норвежский, датский, исландский, идиш и иврит (как отдельные категории), ирландский, дари, ваханский, урду, тамильский, амхарский, мокша-мордовский, эрзя-мордовский, кистинский, юитский, сиреникский, бирманский, индонезийский, малайский, суахили, тайский, тибетский, руанда, искусственный международный язык эсперанто, а также уже упоминавшиеся обобщенные названия («адыгский язык», «тюркский язык», «дагестанский язык» и «памирский язык»). Некоторые из этих языков отмечены только как языки, которыми владеют лица, отвечавшие на вопросы переписи, другие – только как родные языки, третьи – и в том, и в другом качестве (табл. 2 и 3).

Многое говорит о том, что на протяжении длительного времени среди статистиков господствовало и, по-видимому, еще продолжает господствовать представление о национальности как об основном показателе, связанном с этнической проблематикой, и о родном языке как о дополнительной характеристике, лишь уточняющей этот основной показатель. В этом отношении в итогах переписей основной таблицей выступала таблица распределения населения по национальности, в которой также было показано число лиц с родными языками: «своей национальности», русским, языком титульной национальности для данного региона (если это союзная или автономная республика, автономная область, национальный (с 1977 г. автономный) округ. Начиная с переписи 1970 г., аналогичным

[12] По переписи 2002 г. 23 национальности с численностью не менее 400 тыс. чел. каждая (русские, татары, украинцы, башкиры, чуваши, чеченцы, армяне, аварцы, мордва, казахи, азербайджанцы, даргинцы, удмурты, марийцы, осетины, белорусы, кабардинцы, кумыки, якуты (саха), лезгины, буряты, ингуши, немцы; только по республикам, автономной области и автономным округам, наиболее многочисленные национальности для каждого субъекта, полный перечень языков). По переписи 2010 г. 47 национальностей с численностью не менее 50 тыс. чел. каждая (все те же, что и в переписи 2002 г., и кроме того, узбеки, тувинцы, коми, карачаевцы, цыгане, таджики, калмыки, лакцы, грузины, евреи, молдаване, корейцы, табасараны, адыгейцы, балкарцы, турки, ногайцы, киргизы, коми-пермяки, греки, алтайцы, черкесы, хакасы, карелы; по всем субъектам, наиболее многочисленные национальности для каждого субъекта, как правило, языки, названия которых совпадают с данной национальностью, но есть исключения: в одних случаях указаны национальности, но не указаны языки того же названия: камчадалы по Камчатскому краю (язык утрачен), коми и ненцы по Архангельской области, манси по Тюменской области, сойоты по Республике Бурятия (сойотский диалект сойотско-цаатанского языка), теленгиты по Республике Алтай (язык рассматривается как наречие алтайского языка), цыгане по Смоленской области, чуванцы по Чукотскому автономному округу (язык утрачен), чуваши по Нижегородской области; в других, более многочисленных случаях, напротив, указаны языки, которыми владеет часть жителей данного субъекта РФ, но отсутствует численность лиц соответствующей национальности, прошедших перепись в этом субъекте: азербайджанцы в Краснодарском крае, грузины в Республике Адыгея и в Ставропольском крае, киргизы в Тюменской области, китайцы в Республике Бурятия, в Забайкальском и Приморском краях, в Амурской области и в Еврейской автономной области, коми в Тюменской области, монголы в Республике Тыва, немцы в Пермском крае, ногайцы в Чеченской Республике и в Тюменской области, турки в Астраханской и в Тюменской областях, узбеки в Республиках Башкортостан, Калмыкия и Татарстан, в Астраханской и Волгоградской и Оренбургской областях, финны в Ленинградской области, японцы в Приморском и Хабаровском краях и в Сахалинской области; кроме того, язык дидойцев назван в итогах переписи цезским, что не должно вводить в заблуждение, поскольку названия «дидойцы» и «цезы» являются синонимами.

образом показывалось число владеющих «вторым языком народов СССР»). Что же касается распределения населения по родному языку безотносительно к национальности, то таковое было представлено в итогах переписей 1926 и 1959 гг. В итогах переписи 1970 г. представлены языки, которые были указаны в качестве родных или вторых языков, которыми свободно владели участвовавшие в переписи (независимо от национальности): 15 языков по СССР, 11 языков по РСФСР, наиболее распространенные языки по союзным и автономным республикам. Наконец, по итогам переписей 1979 и 1989 гг. аналогичные сведения попросту отсутствовали. Поэтому важным положительным шагом стало появление таблиц с распределениями населения по владению языками в итогах Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. и по родному языку в итогах Всероссийской переписи населения 2010 г.

Выводы. За более чем сто лет, прошедшие с тех пор, как вопросы о языке стали включаться в инструментарий переписей населения, в этом направлении этнической статистики произошла существенная эволюция. Она была обусловлена как динамикой языковой ситуации в стране, так и изменениями подходов самих статистиков к данной проблеме и поисками путей совершенствованиями переписного инструментария.

Одно из направлений этой эволюции связано с изменениями представлений о соотношении между национальностью людей и их родным языком. В этом плане роль родного языка в переписных листах менялась от основной характеристики, позволяющей выяснить этническую принадлежность человека, к дополнительному, уточняющему вопросу относительно этнической идентичности опрашиваемого, и от него к самостоятельной переменной, не обязательно связанной с его этнической самоидентификацией.

Второе направление эволюции переписных вопросов о языке связано с изменением понимания того аспекта, который они должны отражать. Здесь можно выделить первый период (до конца 1930-х гг.) – период поисков наиболее удачного определения понятия «родной язык», отражающего самый важный аспект его функционирования, затем период, когда наполнение этого термина стабилизировалось, но постепенно выявилась его ограниченность и явная недостаточность для понимания всего многообразия языковых процессов. Это привело к появлению в переписи 1970 г. вопроса о владении вторым языком, а в постсоветский период к поискам возможности охватить в переписном листе различные аспекты языковой ситуации (микроперепись 1994 г., переписи 2002 и 2010 гг.).

Возможность сравнения результатов различных переписей зависит от того, под каким углом зрения обработаны и как представлены материалы переписи. Так, с одной стороны, благодаря иному подходу к представлению данных в итогах переписи 2010 г., стало возможно уточнить показатели по владению языком и признанию его родным. С другой стороны, ввиду того, что в итогах переписей 2002 и 2010 гг. не представлены раздельно данные по городскому и по сельскому населению, утрачена возможность выяснить, какое влияние на языковые процессы оказывают городское и сельское население, а также миграция из села в город. Таким образом, с одной стороны, сведения по 2010 г. более полны, чем по 2002 г. (включены данные по краям и областям), а с другой, – менее полны (сокращено число национальностей и языков по каждому субъекту).

Третье направление эволюции подхода статистиков к вопросам языка связано с эволюцией списка языков, учитываемых переписями. На первом этапе список расширялся, что было обусловлено отчасти успехами языковедов в исследовании пре-

жде малоизученных языков, отчасти политическими причинами. Затем происходило сокращение списка, что отвечало идеологическим установкам на консолидацию малых этнических групп в более крупные «нации и народности». Наконец, на нынешнем этапе на волне возрождения этничности, с одной стороны, и стремления к возможно более полному охвату всего разнообразия этнических и языковых особенностей населения страны, с другой, произошло новое расширение списка языков.

Существуют возможности дальнейшего совершенствования языковых вопросов переписного инструментария. Во-первых, так же как и в вопросе о национальности, давно назрела необходимость учета случаев, когда человек считает родным не один, а несколько языков, по крайней мере, два. Во-вторых, как показали результаты микропереписи, весьма ценную информацию дают ответы на вопрос о языке, на котором человек общается дома, причем и здесь лучше предусмотреть возможность для опрашиваемого в ответе указать более чем один язык. Наконец, в-третьих, при разработке вопроса о языках, которыми владеют опрашиваемые, имеет смысл отражать в итогах переписи не только число лиц, владеющих тем или иным языком, но также число лиц, владеющих несколькими языками одновременно, по крайней мере, в таких случаях, когда число указавших определенные сочетания языков (например, татарский и башкирский, русский и украинский) оказывается значительным. То же самое можно пожелать и в отношении родных языков и языков домашнего общения в случаях, если сказанное в позициях «во-первых» и «во-вторых» однажды осуществится.

Литература

Агеева Р.А. Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы. Словарь-справочник. М.: Academia, 2000. 422 с.

Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 4. Вятский район. Уральская область. Башкирская АССР. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. 423 с.

Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги: СССР. М.: Наука, 1992. 256 с.

Гозулов А.И. Переписи населения СССР и капиталистических стран (опыт историко-методологической характеристики производства переписей населения). М.: Ред.-изд. упр-ние ЦУНХУ Госплана СССР и В/О Союзгоручет, 1936. 635 с.

Гозулов А.И. Местные переписи населения до революции (1861-1917) // Ученые записки Ростовского-на-Дону финансово-экономического института. 1941. Т. 1. С. 249-307.

Государственный комитет Российской Федерации по статистике. Алфавитные перечни национальностей и языков для кодирования ответов на вопросы 7 и 9 форм К и Д и вопроса 6 формы В переписных листов Всероссийской переписи населения 2002 года. Для бригадира кодировщиков. М., 2002.

Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство. Кн. 1. М.: Статистика России, 2004.

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: Статистика России, 2012.

Коростелев А.Д. К вопросу о соотношении языка горных и луговых марийцев // Финно-угроведение. 2003. № 2. С. 31-39.

Кушнер (Кнышев) П.И. Этнические территории и этнические границы. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 285 с. [Труды Института этнографии АН СССР. Нов. серия. Т. XV].

Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.) // Записки Императорского Русского географического общества по отделению статистики. Т. XI. Вып. 1-3. СПб.: типография «Ш. Буссель», 1912.

Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года // Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Т. II. СПб.: Изд. Центр. Стат. ком. М-ва вн. дел, 1905.

Распределение населения России по владению языками (по данным микропереписи населения 1994 г.). М.: Госкомстат РФ, 1995. 194 с.

Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.

Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР. Управление по проведению Всесоюзной переписи населения 1959 года. Словари национальностей и языков для шифровки ответов на 7 и 8 вопросы переписного листа (о национальности и родном языке). М.: Госуд. стат. изд-во., 1959. 93 с.

Чуваши: Современные этнокультурные процессы / под ред. В.В. Пименова. М.: Наука, 1988. 240 с.

Приложение

Таблица 1

Языки, учитывавшиеся в разработке переписей населения 1897 и 1926 гг.

Языки и наречия во Всероссийской переписи 1897 г. (согласно классификации, принятой в данной переписи)			Языки во Всесоюзной переписи 1926 г.
Язык или языковая группа	Язык или языковая группа	Наречие	Название языка
Русский	Великорусский		Русский (великорусский)
	Малорусский		Украинский
	Белорусский		Белорусский
Польский			Польский
Остальные славянские языки	Чешский (словакский)		Чешский
			Словацкий
	Сербский, хорватский, словенский		Сербский
			Сербский
			Сербский
	Болгарский		Болгарский
Литовско-латышские наречия	Литовское		Литовский
	Жмудское		Литовский
	Латышское		Латышский
			Латгальский
Романские языки	Молдавский и румынский		Молдаванский
			Румынский
	Французский		Французский
	Итальянский		Итальянский
	Испанский и португальский		Испанский
			Португальский
Немецкий			Немецкий
Прочие германские языки	Шведский		Шведский
	Норвежский и датский		Норвежский
			Датский
	Голландский		Голландский
			Фламандский
	Английский		Английский
Еврейский			Еврейский

Языки и наречия во Всероссийской переписи 1897 г. (согласно классификации, принятой в данной переписи)		Языки во Всесоюзной переписи 1926 г.	
Язык или языковая группа	Язык или языковая группа	Наречие	Название языка
Остальные индо-европейские наречия	Греческий		Греческий
	Албанское		Албанский
	Армянский		Армянский
	Персидский		Персидский
	Таджикское		Таджицкий
	Татское		Татский
	Курдские		Курдский
	Талышинское		Талышский
	Осетинские		Осетинский
			Ягнобский
	Авганский		Афганский
			Ваханский[13]
			Ишкашимский[14]
			Шугнанско-рушанский[15]
			Язгулямский
	Цыганское		Цыганский
			Боша
	Индусское		Индустани
Финские наречия	Финское		Финский
	Ижорское		Финский
	Карельское		Карельский
	Эстонское		Эстонский
	Чудское		Вепсский
	Лопарское		Лопарский
	Мордовское		Мордовский
	Черемисское		Марийский
	Вотяцкое		Вотяцкий
	Зырянское		Зырянский
	Пермяцкое		Пермяцкий
	Вогульское		Вогульский
	Остяцкое		Остяцкий
	Венгерское		Мадьярский

[13] В итоговых таблицах переписи отсутствует.
[14] В итоговых таблицах переписи отсутствует.
[15] В итоговых таблицах переписи отсутствует.

Языки и наречия во Всероссийской переписи 1897 г. (согласно классификации, принятой в данной переписи)		Языки во Всесоюзной переписи 1926 г.	
Язык или языковая группа	Язык или языковая группа	Наречие	Название языка
Турецко-татарские наречия	Чувашское		Чувашский
	Татарское		Татарский
	Мещерякское		Татарский
			Нагайбакский
			Барабинский
	Тептярское		Неточно обозначеные
	Башкирское		Башкирский
	Ногайское		Ногайский
	Киргиз-кайсацкое		Казакский
	Кара-киргизское		Кыргызский
	Кара-калпакское		Каракалпакский
	Кумыкское		Кумыкский
	Карачаевское		Карачайский
			Балкарский
	Турецкое		Турецкий (османский)
			Гагаузский
			Тюркский
	Карапапахское		Карапапахский
	Туркменское		Туркменский
	Сартское		
	Узбекское		Узбекский
	Кипчакское		Узбекский
			Кураминский
	Кашгарское		Кашгарский
	Таранчинское		Таранчинский
			Черневой
			Алтайский
			Телеутский
			Теленгетский
			Кумандинский
			Шорский
			Кызыльский[16]
			Качинский (абаканский)[17]
			Сагайский[18]
			Койбальский[19]
			Бельтирский[20]
			Сойотский
			Карагасский
	Якутское		Якутский
	Тюркские наречия без распределения		

[16] В итоговых таблицах переписи отсутствует.
[17] В итоговых таблицах переписи включен в категорию «Хакасские языки».
[18] В итоговых таблицах переписи включен в категорию «Хакасские языки».
[19] В итоговых таблицах переписи включен в категорию «Хакасские языки».
[20] В итоговых таблицах переписи отсутствует.

Языки и наречия во Всероссийской переписи 1897 г. (согласно классификации, принятой в данной переписи)		Языки во Всесоюзной переписи 1926 г.	
Язык или языковая группа	Язык или языковая группа	Наречие	Название языка
Картвельские наречия	Грузинский		Грузинский
	Имеретинское		Грузинский
	Мингрельское		Мегрельский
			Лазский
	Сванетское		Сванский
Наречия кавказских горцев	Черкесские наречия	Черкесское	Черкесский
		Кабардинское	Черкесский
		Абхазское	Абхазский
	Чеченские наречия	Чеченское	Чеченский
		Ингушское	Чеченский
		Кистинское	Чеченский
			Цова-тушский
	Лезгинские наречия	Аварско-Андийское	Аварский
			Андийский
			Каратайский
			Ботлихский
			Годоберинский
			Ахвахский
			Багулальский
			Чамалальский
			Идеринский
			Дидойский
			Хваршинский
			Капучинский
			Хунзальский
		Даргинское	Даргинский
			Кайтакский
			Кубачинский
		Кюринское	Кюринский
			Табасаранский
			Агульский
			Арчинский
			Рутульский
			Цахурский
		Кази-Кумукское и остал. лезгин. нар.	Лакский (казикумукский)
		Лезгинские без распределения	
			Джекский
			Будухский
			Хиналугский
		Удинское	Удинский
Монголо-бурятские наречия	Монгольское		Монгольский
	Бурятское		Бурятский
	Калмыцкое		Калмыцкий

Языки и наречия во Всероссийской переписи 1897 г. (согласно классификации, принятой в данной переписи)		Языки во Всесоюзной переписи 1926 г.	
Язык или языковая группа	Язык или языковая группа	Наречие	Название языка
Наречия остальных северных племен	Самоедские		Самоедский
	Юкагирское		Юкагирский
	Тунгузские		Тунгусский
			Гольдский
			Ольчский
			Негидальский
			Орочский
			Орокский
	Манжурское		Манджурский
	Чукотское		Чукотский
	Чуванское		Чукотский
	Коряцкое		Коряцкий
	Камчадальское		Ительменский
	Эскимоское		Эскимосский
	Алеутское		Алеутский
	Гиляцкое		Гиляцкий
	Аинское		Айнский
	Енисейско-остяцкое		Кето (котто)
Языки культурных народов Крайнего Востока	Китайский		Китайский
	Корейский		Корейский
	Японский		Японский
Прочие языки и наречия	Арабский		Арабский
	Айсорское (Сиро-халдейское)		Новосирийский
	Прочие языки		Прочие языки
Лица, не указавшие родного языка			Не обозначенные языки

Таблица 2

Число языковых категорий, включенных в итоговые таблицы Всесоюзной переписи населения 1989 года и Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.

1989 г.	2002 г.	2010 г.	2010 г.	Число языковых категорий
Включены как родные языки	Включены как языки, которыми владеет население Российской Федерации	Включены как языки, которыми владеет население Российской Федерации	Включены как родные языки	
Да	Да	Да	Да	102
Да	Да	Да	Нет	11 (a)
Да	Да	Нет	Да	–
Да	Да	Нет	Нет	2 (b)
Да	Нет	Да	Да	–
Да	Нет	Да	Нет	1 (c)
Да	Нет	Нет	Да	–
Да	Нет	Нет	Нет	3 (d)
Нет	Да	Да	Да	27 (e)
Нет	Да	Да	Нет	2 (f)
Нет	Да	Нет	Да	6 (g)
Нет	Да	Нет	Нет	3 (h)
Нет	Нет	Да	Да	10 (i)
Нет	Нет	Да	Нет	18 (j)
Нет	Нет	Нет	Да	5 (k)

(a) – Нганасанский, энецкий, тофаларский, негидальский, орочский, удэгейский, уйльта, ульчский, ительменский, кетский, нивхский. Все эти языки кроме орочского, тем не менее, отмечены как родные в таблицах по коренным малочисленным народам Российской Федерации, но не по РФ в целом, а по отдельным субъектам, где они в основном проживают.
(b) – Белуджский, караимский.
(c) – Югский.
(d) – «Языки народов Индии и Пакистана», ливский, чуванский.
(e) – Португальский, шведский, хинди, бенгали, водский, горномарийский, лугово-восточный марийский, алабугатско-татарский, кумандинский, телеутский, тубаларский, челканский, мегрельский, андийский, арчинский, ахвахский, багулальский, бежтинский, ботлихский, годоберинский, гунзибский, каратинский, тиндальский, хваршинский, цезский, чамалинский, керекский.
(f) – Чулымско-тюркский, алюторский.
(g) – Шугнанский, ногайско-карагашский, юртовско-татарский, лазский, сванский, гинухский.
(h) – Рушанский, барабинский, крымчакский.
(i) – Словенский, идиш, иврит, дари, урду, мокша-мордовский, эрзя-мордовский, тюркский, адыгский, дагестанский.
(j) – Русский жестовый язык глухих, македонский, латинский, норвежский, датский, исландский, ирландский, тамильский, амхарский, юитский, сиреникский, бирманский, индонезийский, малайский, суахили, тайский, тибетский, эсперанто.
(k) – Русинский, ваханский, памирский, кистинский, руанда.

Таблица 3

Основные названия родных языков и тех языков, которыми владеет население Российской Федерации, учитывавшихся при публикациях итогов переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг.

Славянские и балтийские языки

1989 г.	2002 г.	2010 г.	2010 г.
Родные языки	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Родные языки
русский	русский	русский	русский
–	–	русский жестовый язык глухих	–
украинский	украинский	украинский	украинский
–	–	–	русинский
белорусский	белорусский	белорусский	белорусский
польский	польский	польский	польский
чешский	чешский	чешский	чешский
словацкий	словацкий	словацкий	словацкий
сербскохорватский	сербскохорватский	сербскохорватский	сербскохорватский
–	–	словенский	словенский
–	–	македонский	–
болгарский	болгарский	болгарский	болгарский
литовский	литовский	литовский	литовский
латышский	латышский	латышский	латышский

Романские языки

1989 г.	2002 г.	2010 г.	2010 г.
Родные языки	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Родные языки
молдавский	молдавский	молдавский	молдавский
румынский	румынский	румынский	румынский
французский	французский	французский	французский
итальянский	итальянский	итальянский	итальянский
испанский	испанский	испанский	испанский
–	португальский	португальский	португальский
–	–	латинский	–

Германские и кельтские языки

1989 г.	2002 г.	2010 г.	2010 г.
Родные языки	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Родные языки
немецкий	немецкий	немецкий	немецкий
–	шведский	шведский	шведский
–	–	норвежский	–
–	–	датский	–
–	–	исландский	–
голландский	голландский	нидерландский	нидерландский
английский	английский	английский	английский
еврейский	иврит[21], идиш	еврейский	еврейский
–	–	идиш	идиш
–	–	иврит	иврит
–	–	ирландский	–

Греческий, албанский и армянский языки

1989 г.	2002 г.	2010 г.	2010 г.
Родные языки	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Родные языки
греческий	греческий	греческий	греческий
албанский	албанский	албанский	албанский
армянский	армянский	армянский	армянский

Иранские языки

1989 г.	2002 г.	2010 г.	2010 г.
Родные языки	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Родные языки
персидский	персидский	персидский	персидский
–	–	дари	дари
таджикский	таджикский	таджикский	таджикский
татский	татский	татский	татский
курдский	курдский	курдский	курдский
талышский	талышский	талышский	талышский
белуджский	белуджский	–	–
осетинский	осетинский	осетинский	осетинский
афганский	афганский	пушту	пушту
–	–	–	ваханский
–	рушанский	–	–
–	шугнанский	–	шугнанский
–	–	–	памирский

[21] Относится к семитским языкам.

Индийские и дравидские языки

1989 г.	2002 г.	2010 г.	2010 г.
Родные языки	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Родные языки
–	хинди	хинди	хинди
–	–	урду	урду
–	бенгали	бенгали	бенгали
–	–	тамильский	–
языки народов Индии и Пакистана	–	–	–
цыганский	цыганский	цыганский	цыганский

Семитские языки

1989 г.	2002 г.	2010 г.	2010 г.
Родные языки	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Родные языки
ассирийский	ассирийский	ассирийский	ассирийский
арабский	арабский	арабский	арабский
–	–	амхарский	–

Финно-угорские языки

1989 г.	2002 г.	2010 г.	2010 г.
Родные языки	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Родные языки
финский	финский	финский	финский
–	водский	водский	водский
ижорский	ижорский	ижорский	ижорский
ливский	–	–	–
карельский	карельский	карельский	карельский
эстонский	эстонский	эстонский	эстонский
вепсский	вепсский	вепсский	вепсский
саамский	саамский	саамский	саамский
мордовский	мордовский, мокша-мордовский, эрзя-мордовский	мордовский	мордовский
–	–	мокша-мордовский	мокша-мордовский
–	–	эрзя-мордовский	эрзя-мордовский
марийский	–	марийский	марийский
–	лугово-восточный марийский (марийский)	–	–
–	–	лугово-восточный марийский	лугово-восточный марийский
–	горномарийский	горномарийский	горномарийский

1989 г.	2002 г.	2010 г.	2010 г.
Родные языки	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Родные языки
удмуртский	удмуртский	удмуртский	удмуртский
коми	коми	коми	коми
коми-пермяцкий	коми-пермяцкий	коми-пермяцкий	коми-пермяцкий
мансийский	мансийский	мансийский	мансийский
хантыйский	хантыйский	хантыйский	хантыйский
венгерский	венгерский	венгерский	венгерский

Самодийские языки

1989 г.	2002 г.	2010 г.	2010 г.
Родные языки	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Родные языки
ненецкий	ненецкий	ненецкий	ненецкий
энецкий	энецкий	энецкий	–
селькупский	селькупский	селькупский	селькупский
нганасанский	нганасанский	нганасанский	–

Тюркские языки

1989 г.	2002 г.	2010 г.	2010 г.
Родные языки	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Родные языки
чувашский	чувашский	чувашский	чувашский
татарский	татарский	татарский	татарский
–	язык астраханских ногайцев-карагашей	–	ногайско-карагашский
–	язык алабугатских татар	алабугатско-татарский	алабугатско-татарский
–	язык юртовских татар	–	юртовско-татарский
–	барабинский	–	–
башкирский	башкирский	башкирский	башкирский
ногайский	ногайский	ногайский	ногайский
казахский	казахский	казахский	казахский
киргизский	киргизский	киргизский	киргизский
каракалпакский	каракалпакский	каракалпакский	каракалпакский
кумыкскский	кумыкскский	кумыкскский	кумыкскский
карачаево-балкарский	карачаево-балкарский	карачаево-балкарский	карачаево-балкарский
крымско-татарский	крымскотатарский	крымскотатарский	крымскотатарский
караимский	караимский	–	–
–	крымчакский	–	–
гагаузский	гагаузский	гагаузский	гагаузский
турецкий	турецкий	турецкий	турецкий

1989 г.	2002 г.	2010 г.	2010 г.
Родные языки	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Родные языки
азербайджанский	азербайджанский	азербайджанский	азербайджанский
туркменский	туркменский	туркменский	туркменский
узбекский	узбекский	узбекский	узбекский
1989 г.	2002 г.	2010 г.	2010 г.
Родные языки	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Родные языки
уйгурский	уйгурский	уйгурский	уйгурский
алтайский	алтайский	алтайский	алтайский
–	тубаларский	тубаларский	тубаларский
–	телеутский	телеутский	телеутский
–	кумандинский	кумандинский	кумандинский
–	челканский	челканский	челканский
шорский	шорский	шорский	шорский
хакасский	хакасский	хакасский	хакасский
–	чулымско-тюркский	чулымско-тюркский	–
тувинский	тувинский	тувинский	тувинский
тофаларский	тофаларский	тофаларский	–
якутский	якутский	якутский	якутский
якутский	долганский	долганский	долганский
–	–	тюркский	тюркский

Монгольские языки

1989 г.	2002 г.	2010 г.	2010 г.
Родные языки	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Родные языки
монгольский	монгольский	монгольский	монгольский
бурятский	бурятский	бурятский	бурятский
калмыцкий	калмыцкий	калмыцкий	калмыцкий

Тунгусо-маньчжурские языки

1989 г.	2002 г.	2010 г.	2010 г.
Родные языки	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Родные языки
эвенкийский	эвенкийский	эвенкийский	эвенкийский
эвенский	эвенский	эвенский	эвенский
нанайский	нанайский	нанайский	нанайский
ульчский	ульчский	ульчский	–
негидальский	негидальский	негидальский	–
орочский	орочский	орочский	–
удэгейский	удэгейский	удэгейский	–
орокский	ульта	уйльта	–

Картвельские языки

1989 г.	2002 г.	2010 г.	2010 г.
Родные языки	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Родные языки
грузинский	грузинский	грузинский	грузинский
–	мегрельский	мегрельский	мегрельский
–	лазский (чанский)	–	лазский
–	сванский	–	сванский

Абхазо-адыгские языки

1989 г.	2002 г.	2010 г.	2010 г.
Родные языки	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Родные языки
абазинский	абазинский	абазинский	абазинский
абхазский	абхазский	абхазский	абхазский
адыгейский	адыгейский	адыгейский	адыгейский
кабардино-черкесский	кабардино-черкесский	кабардино-черкесский	кабардино-черкесский
–	–	адыгский	адыгский

Нахские языки

1989 г.	2002 г.	2010 г.	2010 г.
Родные языки	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Родные языки
чеченский	чеченский	чеченский	чеченский
ингушский	ингушский	ингушский	ингушский
–	–	–	кистинский

Дагестанские языки

1989 г.	2002 г.	2010 г.	2010 г.
Родные языки	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Родные языки
аварский	аварский	аварский	аварский
–	андийский	андийский	андийский
–	ахвахский	ахвахский	ахвахский
–	каратинский	каратинский	каратинский
–	тиндальский	тиндальский	тиндальский
–	багулальский	багвалинский	багвалинский
–	чамалинский	чамалинский	чамалинский
–	годоберинский	годоберинский	годоберинский
–	ботлихский	ботлихский	ботлихский
–	цезский	цезский	цезский

1989 г.	2002 г.	2010 г.	2010 г.
Родные языки	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Родные языки
–	бежтинский	бежтинский	бежтинский
–	гунзибский	гунзибский	гунзибский
–	гинухский	–	гинухский
–	хваршинский	хваршинский	хваршинский
–	арчинский	арчинский	арчинский
даргинский	даргинский	даргинский	даргинский
лезгинский	лезгинский	лезгинский	лезгинский
лакский	лакский	лакский	лакский
табасаранский	табасаранский	табасаранский	табасаранский
агульский	агульский	агульский	агульский
рутульский	рутульский	рутульский	рутульский
цахурский	цахурский	цахурский	цахурский
удинский	удинский	удинский	удинский
–	–	дагестанский	дагестанский

Чукотско-камчатские языки

1989 г.	2002 г.	2010 г.	2010 г.
Родные языки	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Родные языки
чукотский	чукотский	чукотский	чукотский
чуванский	–	–	–
корякский	корякский	корякский	корякский
–	керекский	керекский	керекский
–	алюторский	алюторский	–
ительменский	ительменский	ительменский	–

Эскимосско-алеутские языки

1989 г.	2002 г.	2010 г.	2010 г.
Родные языки	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Родные языки
эскимосский	инуитский, сиреникский, юитский	–	эскимосский
–	–	юитский	–
–	–	сиреникский	–
алеутский	алеутский	алеутский	алеутский

Нивхский, кетский и юкагирский языки

1989 г.	2002 г.	2010 г.	2010 г.
Родные языки	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Родные языки
нивхский	нивхский	нивхский	–
кетский	кетский	кетский	–
югский	–	югский	–
юкагирский	юкагирский	юкагирский	юкагирский

Другие языки

1989 г.	2002 г.	2010 г.	2010 г.
Родные языки	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Родные языки
китайский	китайский	китайский	китайский
дунганский	дунганский	дунганский	дунганский
корейский	корейский	корейский	корейский
японский	японский	японский	японский
вьетнамский	вьетнамский	вьетнамский	вьетнамский
–	–	тибетский	–
–	–	бирманский	–
–	–	тайский	–
–	–	индонезийский	–
–	–	малайский	–
–	–	суахили	–
–	–	–	руанда
–	–	эсперанто	–

Категория «прочие языки»

1989 г.	2002 г.	2010 г.	2010 г.
Родные языки	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Языки, которыми владеет население Российской Федерации	Родные языки
–	Другие языки (не перечисленные выше)	Другие языки	–
–	Не указавшие владение языком	Не указавшие владение языком	–
?	–	–	Другие языки (не перечисленные выше)
?	–	–	Не указавшие родной язык
–	Другие языки (не перечисленные выше)	Другие языки	–
–	Не указавшие владение языком	Не указавшие владение языком	–

И.А. Снежкова

СОВРЕМЕННАЯ КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ НА УКРАИНЕ И ВЫЗОВЫ ПОСЛЕДНЕГО ВРЕМЕНИ

Дорогую Надежду Дубову поздравляю с юбилеем. Желаю быть всегда интересным исследователем, энергичным человеком, хорошим руководителем.

После распада СССР во всех республиках наблюдался беспрецедентный рост числа религиозных организаций. По данным Государственного Комитета Украины по делам национальностей и религий на Украине насчитывалось более 30 тыс. религиозных объединений различного толка в сравнении с 4,5 тыс., которые были на ее территории в СССР. Если раньше к верующим себя относило 5% населения, в настоящее время – 70% населения. В особенности выросло количество верующих среди молодежи и людей среднего возраста разных социальных слоев.

Религиозное поле Украины никогда не было моноконфессиональным. Религиозную конфигурацию в исторической ретроспективе постоянно изменяла активная деятельность католической церкви. Большую роль сыграла Брестская Уния 1696 г., разделившая украинцев на православных и греко-католиков. В советский период на Украине, как и во всей стране, была развернута антирелигиозная компания. Государственная политика воинствующего атеизма, особенно активная в первые годы советской власти и в хрущевский период, привела к сокращению количества верующих, уменьшению количества церквей. Оживление религиозной жизни наступило с началом перестройки. Помимо возрождения традиционных конфессий, появился такой феномен как невоцерковленный верующий, который верит в существование Бога, высшего разума, абсолюта, но не примыкает к какой-либо религиозной организации и не посещает церковь.

Подавляющее большинство населения на Украине находится в в лоне Православия – 54% от общего числа религиозных объединений, однако его разделенность на разные течения порождает сложную ситуацию на конфессиональном поле страны. Три ветви Православия конкурируют между собой – Украинская православная церковь Московского патриархата (далее УПЦ МК), Православная церковь Украины, которая до получения Томоса от Константинополя в конце 2018 г. именовалась как Украинская православная церковь Киевского патриархата (далее ПЦУ и УПЦ КП) и Украинская автокефальная православная церковь (далее УАПЦ).

Украинская православная церковь Московского Патриархата была до недавнего времени самой многочисленной в Православии. Автономия ею была получена на Архиерейском соборе РПЦ в 1990 г. УПЦ МП обладает большим уровнем самостоятельности от РПЦ. Согласно действующему Уставу РПЦ, «Украинская православная церковь является самоуправляемой с правами широкой автономии». Высшими органами церковной власти и управления Украинской Православной Церкви является Собор Украинской Православной Церкви, Собор епископов Украинской Православной Церкви и Священный Синод Украинской Православной Церкви

во главе с Митрополитом Киевским и всея Украины. Украинская Православная Церковь соединена с Поместными Православными Церквями через Русскую Православную Церковь. В недавнем прошлом она имела 44 епархии, более 170 монастырей с 4,5 тыс. монашествующих, 20 духовных начальных учебных заведений, в которых обучается 3970 человек, 106 периодических изданий, 4158 воскресных школы и 34 братства (Колодний, 2009, с. 73). Управление церковью находится в Киево-Печерской Лавре. Предстоятелем церкви является Митрополит Киевский и всея Украины Онуфрий. Наибольшая концентрация общин УПЦ МП наблюдается в Винницкой (916), Хмельницкой (898), Киевской с г. Киевом (860), Закарпатской (612), Ровенской (629), Волынской (614) областях (Україна релігійна, 2008, с. 26). Положение УПЦ МП в настоящее время очень уязвимое. Несмотря на то, что она обладает большинством приходов и прихожан на Украине, церковь все же зависима от политики государственной власти. Уже, в период президентства В. Ющенко, руководитель государства активно демонстрировал поддержку УПЦ КП, во главе с Патриархом Филаретом, в качестве ведущей религиозной конфессии. При В. Януковиче положение в УПЦ МП стабилизировалось. В период правления П. Порошенко ей был нанесен сильный удар, в связи с получением Томоса от Константинополя. УПЦ МП активно дискредитировалась президентом П. Порошенко, как московская церковь или как церковь «страны агрессора», что позволило националистам, которые чаще всего не имели никакого отношения к вере и к конкретным храмам, захватывать их и насильственно переводить в другую юрисдикцию. Как известно, Патриарх Филарет, руководивший УПЦ КП, который среди православных мира считался раскольником и был извержен из сана, способствовал вместе с П. Порошенко получению Томоса от Вселенского патриарха Варфоломея о переходе и УПЦ КП в другую юрисдикцию, получившей наименование – Православная церковь Украины или ПЦУ.

Украинская Православная Церковь Киевского Патриархата или (УПЦ КП) до недавнего времени насчитывала 31 епархию. Имеет 45 монастырей с 136 насельниками, 16 духовных начальных училищ, 36 периодических изданий, 1234 воскресные школы, 9 братств. Кафедральным собором УПЦ КП является Владимирский собор в Киеве (Колодний, 2009, с. 73). Наибольшая численность УПЦ КП концентрируется в западных областях – Тернопольской (225), Волынской (320), Ивано-Франковской (290), Львовской (443), Ровенской (315) и Киевской с Киевом (465) (Україна релігійна, 2008, с. 26). Возглавлял церковь, как уже указывалось, Патриарх Киевский и всея Руси – Украины Филарет. УПЦ КП, не имела официального признания со стороны мирового Православия и не находилась в евхаристическом общении ни с одной из канонических поместных православных церквей мира. Эта церковь возникла после перестройки в результате объединения двух церковных групп, выступающих за полную независимость от Русской Православной Церкви (Московского Патриархата): части националистически ориентированных представителей Украинской Православной Церкви (Московского Патриархата) и Украинской Автокефальной Православной Церкви. По мнению большинства православных церквей мира, она является раскольнической, по мнению Киевского патриархата – объединительной. Приверженцы УПЦ КП возводят ее историю к Киевской митрополии, находившейся в юрисдикции Константинопольской церкви, отрицая законность ее перехода под юрисдикцию Московского Патриархата в 1686 г. На самом деле, уход из-под Константинополя был обусловлен принятием им унии с католиками и турецким завоеванием. В связи с

чем, русская православная церковь решила быть самостоятельной.

В настоящее время ПЦУ (УПЦ КП) делает акцент на предоставлении канонического перехода и объединения УПЦ МП и УПЦ КП для преодоления раскола и объединения всех церквей на Украине, но, ни в одной из областей Киевский патриархат не был доминирующей конфессией кроме Галиции. УПЦ КП поддерживает активные отношения с Римско-католической церковью, Греко-католической церковью на Украине и Украинской Православной Автокефальной церковью. Личность патриарха Филарета очень спорная, еще в советское время он активно сотрудничал с КГБ, закрыл в Киеве духовную семинарию и был послушным исполнителем воли советских властей, в ущерб церкви. Опираясь на свои заслуги перед советской властью, он претендовал на должность Патриарха всея Руси, но не был избран, после чего на Украине, получившей независимость в 1990-е гг., самовольно провозгласил себя Киевским Патриархом.

Рассмотрим предысторию с получением Томоса, инициированного П. Порошенко в ходе подготовки к предвыборной кампании 2019 г., которую он все равно проиграл. В результате объединения с Константинополем первоначально была отменена самостоятельность и независимость для Киевского патриархата, полученная им еще в 1686 г. от Константинопольского Патриарха. ПЦУ превратилась в метрополию, находящуюся под управлением Вселенского Константинопольского Патриарха Варфоломея, резиденция которого находится в г. Стамбуле. Теперь все важные вопросы новой церкви – канонические, кадровые, финансовые, будут решаться по согласованию с Константинополем, по форме это будет очень ограниченная в правах автономия, несравнимая по автономии и самостоятельности с УПЦ МП. На Украине было решено передать 12 православных монастырей и церквей Константинопольской церкви. Однако вскоре, бывший или «почетный Киевский Патриарх» Филарет вновь заявил свои права на патриаршество и обвинил в сговоре ПЦУ и Константинополь, поскольку он надеялся на сохранение своего патриаршего статуса, а стал одним из митрополитов при руководстве ПЦУ вселенским Патриархом Варфоломеем. Вскоре Варфоломей дал ПЦУ более широкую автономию, но патриаршество осталось за ним, а в среде ПЦУ произошел раскол между сторонниками патриарха Филарета и новым украинским митрополитом, послушным грекам Епифанием Думенко. Самое печальное в этой истории, то, что кризис в мировом православии начал усугубляться в общемировом масштабе. Если после подобных трансформаций все православные епархии были против признания вновь образованной ПЦУ, то в настоящее время Элладская церковь признала украинских раскольников. Священный Синод Русской православной церкви в свою очередь постановил прекратить поминовение имени Вселенского патриарха Варфоломея и Архиепископа Афинского и всея Эллады в диптихах в случае, если Предстоятель Элладской церкви за богослужением признает и начнет поминать главу одной из украинских раскольничьих группировок.

Украинская Автокефальная православная церковь имела 1,2 тыс. религиозных организаций, 67% которых находится в трех Галицких областях Украины. Церковную службу в УАПЦ совершает 661 священник, в семи духовных начальных училищах церкви имеет место 224 слушателя. В ней функционировало порядка 300 воскресных школ. В 6 монастырях находится всего 12 насельников (Україна релігийна, 2008, с. 26). УАПЦ также является церковью украинской диаспоры Северной Америки и Западной Европы. Зародилась УАПЦ после Февральской революции в результате

движения за государственное и церковное отделение от России. Затем ее деятельность переместилась в Западную Европу и на Американский континент. Образовалась в 1990 г. на Всеукраинском соборе Автокефальной церкви. Официальную регистрацию в постперестроечное время получила в 1995 г. На службах поминается Константинопольский Патриарх, но канонический статус не вполне урегулированный. В народе положение УАПЦ до недавнего времени трактовалось следующим образом: «Рим нам не батько, Москва – не мати. Хотим быть самостоятельными». 80% прихожан приходится на Львовскую, Ивано-Франковскую и Тернопольскую области. После принятия Томоса началось активное сближение автокефальной церкви с ПЦУ. Ее деятельность проходит в русле национальной идеи и утверждения социально-культурных приоритетов Украинской государственности.

В последние годы активно увеличивается *Греко-католическая церковь (УГКЦ)*. В 2008 г. она имела 3685 религиозных организаций, что превысило довоенный уровень. Наибольшее количество общин находится во Львовской (1478), Тернопольской (762), Ивано-Франковской (642) и Закарпатской областях (378). После того, как папа Бенедикт XVI в 2011 г. принял отставку кардинала Любомира Гузара, на пост верховного архиепископа УГКЦ был назначен епископ Святослав Шевчук. В последнее время наблюдается расширение Греко-католицизма в других регионах Украины. Она имеет 18 епархий и экзархатов, открыто 102 монастыря с 1269 монахами. В ее составе 15 духовных училищ, 1163 воскресных школы, 28 периодических изданий. К этой церкви относится также 19 греко-католических епархий, которые функционируют среди украинской диаспоры за рубежом (Україна релігийна, 2008, с. 27). В настоящее время управление Греко-католической церкви по политическим причинам перенесено в г. Киев, в связи с чем, произошло удаление от основной паствы. УГКЦ является все-таки Галицким и закарпатским феноменом. Если в центре идет противоборство УПЦ МП и УПЦ КП или ПЦУ, то на западе Украины однозначно доминирует Украинская Греко-католическая церковь**.**

Среди традиционно существующих церквей страны можно назвать *Римско-католическую церковь (РКЦ)*. Во Львове находится ее центр, диоцезии (епархии) есть также в Житомирской, Луцкой, Каменец-Подольской областях. Действует духовный колледж, семинария и Украинский Римско-католический университет. РКЦ имеет 91 монастырь с 700 насельниками, 517 воскресных школ, 14 периодических изданий и 541 священнослужителей, среди которых 251 – иностранцы. На Украине работают 39 миссий этой церкви и 3 братства **(**Україна релігійна, 2008, с. 27).

Широко представлены на Украине *церкви протестантского направления***.** Они имеют 8164 религиозных организации, что составляет 24% от численности всех религиозных организаций страны. В их числе: Евангельские христиане баптисты; Христиане евангельской веры (пятидесятники); Свидетели Иеговы; Адвентисты седьмого дня; Реформаторы, Лютеране и другие (Україна релігійна, 2008, с. 28).

Значительно возросло на Украине число *мусульманских организаций.* На сегодняшний день в Киеве действуют четыре зарегистрированных самостоятельных центра – это Духовное управление мусульман ДУМУ, Духовный центр мусульман Украины ДЦМУ и Киевский муфтият. До присоединения Крыма к России особое место занимало Духовное управление мусульман Крыма ДУМК. Последователями ислама на Украине являются представители национальных меньшинств – волжские татары, крымские татары, узбеки, абхазы и др. Однако большинство мусульманс-

ких общин объединяло крымских татар, которых на территории Украины стало значительно меньше после присоединения Крыма к России. Мусульмане на Украине имеют мечети, начальные училища и пятничные школы.

Шесть центров руководят 290 иудейскими организациями. Объединение хасидов Хабат Любавич иудейских организаций, Всеукраинский конгресс иудейских религиозных организаций и др. Иудейские организации размещены по Украине повсеместно. Выделяются Винницкая область и г. Днепр, Донецкая, Хмельницкая, Закарпатская, Черновицкая, Черкасская области и г. Киев. Существует семь иудейских начальных заведений, печатается 27 периодических изданий. Действует 72 субботние школы. В г. Днепр при участии олигарха И. Коломойского построена самая большая в Европе синагога. В последнее время довольно активно в Израиле поднимается вопрос о переселении части евреев на территорию Украины, так как в Израиле неспокойно в связи с мусульманским окружением, тяжелым жарким климатом, а на Украине находятся, в частности в Умани, захоронения почитаемых евреев хабатников, к которым ежегодно совершается паломничество евреев со всего мира. Известно, что евреи-хабатники – направление в иудаизме наиболее активное и динамично развивающееся на сегодняшний день.

В последние годы на Украине широкое распространение получили *новые религии и течения.* Под этим термином подразумеваются альтернативные религии, нетрадиционные или синкретические культы. Родноверские течения или неоязычники, такие как «Украинская родная вера», «Родная Православная вера», «Славянское духовное течение» «Великій вогонь» и др. Их также можно назвать этническими религиями. Их последователи покланяются языческим богам Перуну, Сварогу, Даждьбогу, богине Макошь и др.

Нетрадиционные христиане или неохристиане включают 1627 организаций. В их число входят: Церковь Полного Евангелия (595), Новоапостольская церковь (59), Церкви Иисуса Христа последних дней-мормонов (55), Церковь Назарянина, Украинская Христианская Евангельская церковь и др.

Среди Новых религиозных течений растут организации неоориенталистского толка (151). Их много в Запорожской области, в Киеве, Харькове. К ним можно отнести Общество свидетелей Кришны (45), Миссию Чайтаньи, Учение Саи Бабы, Учение Махариши и др.

На базе буддизма появились новые направления, такие как Белый лотос, Учение ОШО, Радниша, Школа Кагю.

Кроме того появились движения нового времени, которые еще больше отдалились от традиционных религий, такие как Саентология, Международный дух Грааля, Живая этика или Агни Йога, Система природного оздоровления учителя Иванова и др. **(**Нові релігії України, 2010, с. 3-6).

Результаты анкетного опроса

На территории Украины не было ни одного политического строя, не освященного церковью, за исключением советского периода. Поэтому поддержка нынешней властью одной из конфессий вполне традиционна. Оценка простыми людьми внутрицерковных отношений существенно отличается от официального мнения. Конфессиональные предпочтения на местах зависят от региона и доминирующего в нем традиционного вероисповедания, личности священника, инициативности населения, личной судьбы верующего, наконец, близости церкви той или иной юрисдикции к проживанию прихожан.

Нами в 2013 г. был проведен в г. Киеве опрос прихожан УПЦ МП, УПЦ КП, УАГКЦ, УГКЦ, мусульман, предста-

вителей новых религий и неоязычников. Всего было опрошено около 250 человек. К сожалению, в настоящее время на территории Украины проводить массовые исследования проблематично, поэтому в 2016 г. мною были проведены экспертные опросы, касающиеся религиозных предпочтений украинцев.

Портрет прихожанина УПЦ Московского Патриархата – это люди, как правило, давно воцерковленные или выросшие в религиозных семьях до распада СССР, когда не было деления на последователей Московского и Киевского Патриархата, тем более ПЦУ. В национальном отношении в большинстве своем они могут быть украинцами, русскими, из смешанных семей. Могут владеть в равной степени хорошо украинским и русским языком. По словам одного из наших респондентов, бывшего политика: «*Когда что-то случается серьезное в собственной жизни наши политики бегут в Киево-Печерскую Лавру (Московский Патриархат), там же потихоньку крестят своих детей и венчаются. Но на публике, в глазах коллег предпочитают демонстрировать приверженность УПЦ Киевского Патриархата, чтобы находиться в обойме последних политических веяний»; «В последнее время в Киеве очень много стало переселенцев из западных областей, в центре стала доминировать западно-украинская идеология. Поэтому внешне все пытаются демонстрировать приверженность Киевскому Патриархату, а на деле поведение может быть противоположным»; «Ряд прихожан УПЦ МП переходят в УПЦ КП в связи с событиями на Востоке страны, которые они рассматривают как войну с Россией».*

Последователи УПЦ МП несмотря на то, что являются канонической церковью, имеют многочисленные приходы, не чувствуют поддержки со стороны государства, что привело к формированию у них защитного мировоззрения. Среди последователей УПЦ МП было много претензий к власти и политическим разногласиям на Украине.

Разговаривая с духовенством УПЦ МП о религиозной ситуации на Украине и ее перспективах, мы встречали разные мнения. Большинство священнослужителей стояло на неизменности существующей церковной политики, заключающейся в сохранении сложившейся ситуации, так как любые преобразования ведут к переделу собственности, хаосу в настроениях, в материальной и духовной жизни народа, что уводит людей от религиозной составляющей. «*Предпочитаю ничего не менять. После гонений на церковь в советское время, неразберихи после перестройки, только наладилась нормальная церковная жизнь»; «Считаю нецелесообразным отход от Московского Патриархата на фоне все более глобализирующегося мира»; «В случае перемен непременно возникнет передел культовых зданий, церковного имущества, нестроения и насилие среди разных религиозных объединений как уже было в начале 90-х годов»;«Мы опасаемся более радикальных перемен со стороны УПЦ Киевского Патриархата, который хочет перейти на национальный язык богослужения. В Европе с этого началось, но потом стали сокращать службы, изменили календарь, в дальнейшем легализовали женское священство и однополые браки и т.д.*».

Однако представителей УПЦ МП глубоко огорчает наличие раскола, что подрывает авторитет церкви в целом. По мнению священнослужителей УПЦ МП *«в раскол чаще уходят священники, у которых есть канонические нарушения, например второй брак или неполадки с правящими архиереями. Часто представители УПЦ КП служат в храмах, находящихся рядом с кладбищами, специализируясь на отпевании усопших. В критические мо-*

менты люди обычно не уточняют вопросы, связанные с юрисдикцией церкви». Возможность соединения с духовенством УПЦ КП священники УПЦ МП видят в покаянной молитве духовенства УПЦ КП и присоединении их к УПЦ МП. Конечно, отделение Крыма и конфликт на Донбассе, подогреваемый украинскими СМИ, рассматривающими УПЦ МП как церковь, подчиненную России, которая, по их мнению, воюет с Украиной, не добавляет мира между конфессиями.

Портрет сторонника УПЦ Киевского Патриархата, в настоящее время ПЦУ – это категория людей, большей частью пришедших к вере в постперестроечное время, с выраженной украинской ментальностью, стремящихся к построению национальной государственности Украины, без влияния со стороны. Они довольно сильно политизированы, желают иметь своего Патриарха, независимого от Москвы. Несмотря на государственную поддержку, представители Киевского патриархата сетовали на недостаток средств и бедность приходов. Отмечали отсутствие издательской базы, трудности в содержании учебных заведений в сравнении с церковью Московского патриархата, которую, по их мнению, поддерживает Москва или греко-католиков, пользующихся финансовыми вливаниями из Ватикана. Наиболее типичные ответы батюшек и прихожан, представляющих Киевский патриархат: *«Нам дорога Украина и ее независимость, хотелось бы в храме слышать украинский язык, а не непонятный старославянский, который ассоциируется с Московским влиянием»;* «*мы не понимаем, почему нами должны руководить из Москвы, у нас свое государство, в Москве все священство вышло из КГБ, они не защищают интересы Украины»; «мы хотим объединения трех ветвей православия в единую Соборную Украинскую церковь с богослужением на украинском языке независимую от Московского Патриархата».*

В УПЦ КП имеется некоторая специфика в оформлении внутреннего и внешнего церковного пространства, особенно в сельской местности – литургия проходит на украинском языке, в оформлении церкви присутствуют вышитые полотенца, расположенные над иконами. Иными являются места паломничеств по святым местам для прихожан УПЦ КП. Надо сказать, что в отношении паломничеств существует проблема, так как во всех монастырях Украины, принадлежащих УПЦ МП, а это самые известные и чтимые Лавры и монастыри (Киево-Печерская, Почаевская, Святогорская) строго спрашивают при приеме записок о здравии и за упокой не являются ли раскольниками их податели.

На вопрос о религиозной ситуации в стране 95% респондентов Московского и ПЦУ или Киевского Патриархата характеризовали ее как напряженную. Комментируя свой ответ, респонденты отмечали: «*Местоположение Украины на перекрестке православной и католической цивилизаций, поэтому здесь всегда шумно и многообразно»; «разнообразие религиозных предпочтений – это нормальная ситуация в демократическом обществе, только от разногласий надо перейти к спокойному сосуществованию».*

Отношение прихожан Московского Патриархата и Киевского патриархата (ПЦУ) друг к другу в большей мере отрицательное и настороженное, хотя 30% от числа опрошенных считают, что «*Лучше узнать позицию прихожан иного Патриархата, относиться ко всем терпимо».* При всех существующих проблемах нередки переходы прихожан из одной религиозной организации в другую, мотивы при этом самые разные от политических и национальных предпочтений, до привлекательности личности священника или нахождения храма рядом с домом. Беспрецедентным фак-

тором последнего времени стал насильственный захват церквей, принадлежащих Московскому патриархату, которые часто осуществляют группы приезжих молодых людей, не имеющих отношения к церкви, но воинственно настроенных избавиться от российского влияния.

Портрет сторонника Греко-католической церкви. Греко-католики в основном проживают на западе Украины. Среди них много детей, молодежи, людей среднего возраста. В западноукраинских землях нет большой дистанции между церковью и светской жизнью. Все общество в той или иной мере воцерковленное. После перестройки УГКЦ вышла из подполья. Ее представители от катакомбных методов работы, заключавшихся в тайном исповедании веры, перешли к открытой деятельности. Для представителей УГКЦ характерно широкое участие в социальной жизни церкви. УГКЦ имеет много интернет сайтов, на которых рассказывается о помощи одиноким, старикам, сиротам, малоимущим людям и т.д. В своей богослужебной практике и в формах деятельности у них много сходства с католиками. Управление УГКЦ находится в Риме. Прихожане ездят в паломнические поездки вместе с католиками, например в Лурд во Франции, в Ватикан и др. Большое значение для УГКЦ заключалось в перенесении руководства греко-католиков с запада Украины в Киев, хотя их численность в центре страны невелика. Один из Греко-католических храмов г. Киева находится в часовне, именуемой Аскольдовой могилой. Разговаривая с его представителями, мы выяснили, что прихожане УГКЦ горячие приверженцы построения украинского государства: «*Мы хотим, чтобы Украина была самостоятельной религиозной державой, независимой от Москвы, а в будущем может быть и от Рима»; «Наша страна – это молодое государство, ранее оно было в колониальной зависимости, сейчас оно стало независимым и самодостаточным, поэтому религия должна быть также самостоятельной*». УГКЦ пытается выйти в своей деятельности на все большую часть Украины, но сил и последователей у нее маловато. Часто УГКЦ солидаризируется с ПЦУ или УПЦ КП и УАПЦ в отстаивании украинских национальных приоритетов по широкому спектру вопросов.

Портрет сторонника Католицизма. Римо-католики на Украине в большинстве своем состоят из автохтонного польского населения, проживающего в Западных областях, также включают в себя венгерские анклавы населения Закарпатья. Часть католиков составляют бывшие греко-католики, которые после ликвидации ГКЦ в советский период перешли в католицизм.

В целом римо-католики сохраняют тесную связь с поляками, практически все руководство церкви и основные прихожане – выходцы из Польши или автохтонные поляки. Большинство церковных терминов также сохраняет польскую лексику, без перевода на украинский: костел – церковь, ксендз – священник, диоцезия – епархия.

Церковная иерархия, католические ордена, монахи, миссии и братств в основном состоят из поляков. В духовных училищах обязательно преподается польский язык. Помимо Западной и Центральной Украины, католики пытаются действовать на востоке и юге страны, где открыты Одесская и Харьковско-Запорожская епархии, но их число немногочисленно.

Протестанты на Украине представлены баптистами, пятидесятниками, адвентистами, свидетелями Иеговы и др. конфессиями, которые существовали на этой территории более ста лет. За годы украинской независимости эти протестантские организации прошли путь от сектантства до церковных организаций. Если в советские годы они были закрытыми организациями, имели нелегальный статус, индифферентно относились к государс-

тву, то правовое признание и легализация способствовали их быстрому увеличению и активной деятельности. Важной сферой деятельности протестантских организаций является деятельность их церквей как социальных институтов, путем смещения культовой практики в гуманитарную сферу. От вертикальной практики – богослужения, протестанты перешли к активной горизонтальной работе по социальному служению и катехизации общества. Их основная задача – обучение евангельским истинам, а также помощь инвалидам, одиноким людям, малообеспеченным, беспризорным и группам особого риска.

Протестантские церкви себя позиционируют как экуменисты. По словам одного из прихожан: *«Никогда союз национальной церкви и государства не давал положительных результатов»; «Наши организации не озабочены как другие церкви национальными приоритетами. Мы хотим, чтобы Украина процветала, но религиозная деятельность направлена на помощь людям всех национальностей»*. Протестанты выступают за толерантность религиозных представлений, против шовинизма и экстремизма, национальной ограниченности. Многие их центры находятся в России. Литература также преобладает на русском языке, в последнее время появилось много литературы на украинском языке.

Портрет сторонника мусульманства. Украина принадлежит к европейским странам, имеющим коренное мусульманское население. Все мусульманские организации Украины находятся под опекой мусульманских стран и имеют от них материальную помощь. К сожалению, подчас на Украину проникают экстремистские мусульманские эмиссары. Духовное Управление мусульман Украины пытается призвать все мусульманские центры быть разборчивыми в выборе идеологии, теологической литературы, в способе жизни, который не должен носить экстремистского характера или вызывать неприязнь ко всему немусульманскому. Особо активное участие в налаживании религиозной жизни украинских мусульман принимают Турция и Саудовская Аравия. По мнению украинских экспертов, у которых брали интервью: «*Важно не допустить влияния на мусульман экстремистских и сепаратистских настроений, которые могут перелиться в ИГИЛ и другие экстремистские организации».*

Неохристиане, неоориенталисты. Новые христианские движения, такие как Новоапостальская церковь, Армия спасения, Церковь Иисуса Христа последних дней и др. в основном состоят из молодых людей. Обычно приезжает молодой проповедник из-за рубежа и пытается найти себе паству. Часто местная молодежь на это откликается из меркантильных интересов, так как членство в группе предоставляет возможность бесплатных поездок за рубеж и бесплатного изучения иностранного языка. В их деятельности присутствуют экуменистические настроения без акцента на национальном построении украинской государственности. В интервью с молодым человеком, как раз присутствовали мотивы прихода в Новоапостальскую церковь, связанные с определенными благами, которые можно извлечь из этой организации: «*Меня устраивает факт нахождения в этой церкви, появилось много друзей здесь и за рубежом, возможность ездить по миру, узнавать новые страны, испытываешь духовное братство с людьми разных национальностей».*

Неоориенталисты – кришнаиты, бахаи, буддисты на общем фоне религиозных организаций немногочисленны. Они, как правило, индоцентричны, не столько заботятся об украинской идентичности, скорее хотят походить на своих восточных собратьев. Надо отметить, что в последнее время у них увеличилось количество пе-

чатной литературы на украинском языке. Они миролюбиво настроены к людям любой национальности, предпочитают путешествовать в Индию, с целью получить, обогатить духовный опыт.

Портрет украинского неоязычника. Это направление зародилось не в материковой Украине, а в украинской диаспоре. В. Шаян и Л. Силенко и их сподвижники организовали на Американском континенте внутри украинской диаспоры первые общины своих последователей. Несколько позже родноверство (родная вера) перебазировалось собственно на Украину. Зарубежное неоязычество жило идеей независимости Украины, поэтому его идеология была востребована молодым украинским государством. Родноверы способствовали актуализации изучения глубинной, дохристианской истории религии. В их состав входят Рунверы, Собор Украинской родной веры, Родовой огонь родной православной веры, Русы, Большой огонь и др. Неоязычники являются выраженными украинскими патриотами. Интервью с ними показало их интерес к языческим богам и празднествам: «*Нам нравится восстанавливать дохристианские мистерии, через них мы очень остро ощущаем связь именно с Украиной, с ее народом и древней историей».*

Выводы

1. За годы независимости состоялось возрождение традиционных для Украины христианских течений, в тех областях, где они бытовали раньше. Это, прежде всего, УПЦ Московского патриархата, Греко-католическая церковь, Украинская римско-католическая церковь. Под руководством непризнанного мировым православием Патриарха Филарета появилась УПЦ Киевского патриархата, а в последнее время в результате политического проекта образовалась Православная церковь Украины, подчиняющаяся Константинопольскому Патриархату. Получение Томоса и переход УПЦ КП под руководство Константинопольского Патриархата, привели к углублению раскола на Украине и всего православного сообщества в мире.

2. Конфессиональная ситуация на Украине в настоящее время напоминает борьбу политических партий в стране. Борьба за чистоту веры смешивается подчас с межпартийными разборками. Тем не менее, есть надежда, что со временем, когда политическая ситуация стабилизируется, будет найдено равновесие и консенсус между разными религиозными объединениями.

3. Помимо традиционных конфессиональных организаций на Украине появилось множество новых религиозных объединений – наблюдается быстрый рост протестантских, неохристианских и неоориенталистских религий, а также неоязычников – родноверов.

Литература

Колодний А.М. Релігійне сьогодення України: роздуми, оцінки і прогнози. К.: ІФ НАНУ, 2009. 450 с.

Нові релігії України. Т. 8 / под ред. А.М. Колодного. К.: ІФ НАНУ, 2010. 828 с.

Україна релігійна. Коллективна монографія. Стан религийного життя. К.: ІФ НАНУ, 2008. 520 с.

Н.И. Григулевич

ОТ СТАРИЦЫ ДО СВИЯЖСКА: СВЯТИТЕЛЬ ГЕРМАН, КАЗАНСКИЙ ЧУДОТВОРЕЦ[1]

В последние десятилетия наблюдаются тенденции неравномерного развития различных регионов Российской Федерации. Это проявляется как в экономике, так и в социальном, культурном и демографическом аспектах. Так, например, рождаемость и смертность в различных регионах страны различаются в разы (Григулевич, 2012, 2013). А рост народонаселения, отмечавшийся в последние несколько лет, шел исключительно за счет определенных регионов, в которых смертность была существенно ниже, чем в целом по стране, в то время как в других на протяжении десятилетий наблюдалась стойкая убыль населения (Grigulevich, 2012).

К так называемым депрессивным регионам, где отмечается убыль населения, относится, в частности, Центральная Россия, а именно ее средние, малые города и сельская местность. Это территория, где живет значительная часть населения страны (от 40 до 50%) и где, собственно, зародилось когда-то само Русское государство. В 2016 г. заведующая сектором этнической экологии Института этнологии и антропологии РАН[2], доктор исторических наук Надежда Анатольевна Дубова предложила разработать исследовательский проект по изучению населения малых городов Центра России. И такой проект «Население малого русского города в XXI в.: этнокультурные, демографические, экологические и социально-экономические аспекты развития», совместными усилиями сотрудников сектора, был разработан и получил поддержку РФФИ на 2017-2019 гг. Первые результаты этих комплексных исследований были представлены в монографии «Население малого города Центральной России в XXI веке» (Григулевич и др., 2018).

История русской церкви не менее драматична, чем история Государства Российского. Кто были эти люди, Божием промыслом поставленные во главе церкви в годы лихолетья и русской смуты? Среди раздоров, междоусобных браней, всеобщего одичания и татарских ратей, церковь напоминала народу о былом величии, звала к покаянию и подвигу: «Господь сотворил нас великими, – писал епископ Владимирский Серапион еще в 1275 г., – мы же своим ослушанием себя претворили в ничтожных» (Серапион…, 1904).

Многие иерархи русской церкви сыграли важную роль в самые трагические моменты отечественной истории, когда речь шла о самом существовании государства. Одни, как митрополит Московский Филипп, за приверженность православному вероучению и несогласие с политикой Иоанна Грозного, были низвержены с престола и поплатились своей жизнью, другие, как первый русский патриарх Иов, в дни воцарения Лжедмитрия I чуть не лишились жизни, были оклеветаны и отправлены в ссылку. Его приемник, патриарх

[1] Статья подготовлена в рамках Госзадания Института этнологии и антропологии РАН.

[2] С 15 октября 2019 г. – заведующая Центром антропоэкологии Института этнологии и антропологии РАН.

Гермоген (Ермоген), за отказ благословить очередного самозванца и сотрудничать с изменниками был заключен в Чудов монастырь, где 17 февраля 1612 г. скончался от голода.

В данной статье мы обратились к жизнеописанию святителя Германа, архиепископа Казанского и Свияжского, уроженца древнего города Старицы, вся жизнь и даже сама гибель которого является одним из ярких примеров служения своему народу и Отечеству. Старица – один из древнейших русских городов (основана в 1297 г. тверским князем Михаилом Ярославичем), входивших при Иване Грозном сначала в земщину, потом в опричнину, поэтому неудивительно, что грозный царь любил и часто посещал ее, держал там дружину стрельцов и пушкарей, особенно во время войны с польским королем Стефаном Баторием. Грозный отобрал Старицу у двоюродного брата Владимира Старицкого, дав ему взамен подмосковный Дмитров. В Старице царь отдыхал от столичных тревог и забот, охотился в окрестных лесах. Еще в конце XIX в. две улицы города – Солдатская и Псаревская, сохраняли свои старинные названия (Арсений (игумен), 1895).

Занимались царь и его приближенные и государственными делами. Именно в Старице Иван Васильевич принимал папского нунция Антонио Пассевино, который в течение 28 дней своего пребывания в Старице имел шесть аудиенций у царя, а также совещался с его ближними боярами, включая Никиту Романова, будущего родоначальника династии Романовых (Крылов, 1914; Карташев, 1959б, с. 35-36) (рис. 1).

Святитель Герман, в миру – Григорий[3] Федорович Полев-Садырев, будущий архиепископ Казанский и Свияжский, родился в Старице в 1505 г. Он происходил из древнего благочестивого рода Полевых (Садыревых), потомков князей Смоленских, с детства был обучен чтению Божественного Писания и воспитан в страхе Божием. Полевы имели вотчины в Волоцком и Рузском уездах еще до основания Иосифо-Волоколамского монастыря и вместе со своим патроном князем Борисом Васильевичем Волоцким (братом Великого князя Ивана III) оказались среди тех, кто принимал участие в его создании. Почти все они жертвовали монастырю часть своих земель «на помин души» и имели свой участок на монастырском кладбище.

Отец святителя Германа Федор (Садырь) упоминается как свидетель в грамоте о продаже деревни Иосифо-Волоколамскому монастырю. В 1531 г. он пожертвовал Волоколамскому монастырю свою деревню Редькино и примерно в то же время принял в обители монашеский постриг с именем Филофей (Святитель Герман…).

Его сын Григорий был пострижен игуменом Гурием в Иосифо-Волоколамском монастыре еще в ранней юности, намного раньше отца. По словам князя А.М. Курбского, знавшего его лично: «*…был тои Герман светла рода человек, еже Полевы нарицаются, та шляхта по отчине и бе он яко телом великой муж, так и разума многого, и муж честного и воистину святого жительства, и Священных Писаний последователь, и ревнитель по Бозе в трудех духовных многих. И к тому же Максима Философа*[4] *мало нечто отчасти учения причастен был, а и от иосифлянских мнихов произыде, но отнюдь обычая лукавого и обыкновенного их лицемерия не причастен был, но человек истинный… был в разуме и велик помощник был в… бедах объятым, также и ко убогим милостлив зело*» (Курбский, 1902, с. 103-104).

В описи книг Волоколамского монастыря за 1545 г. имеются записи: «*Евангелие*

[3] Был крещен в честь Св. Григория Декаполита.

[4] Св. преподобный Максим Грек.

в десть Германова письма Садырева», «*Богородичник в десть Германова письма Садырева*». В монастыре Герман познакомился с отбывавшим там наказание в 1525-1531 гг. опальным ученым и переводчиком преподобным Максимом Греком: «В обители проживал Максим Грек, невинный страдалец за дело книжного исправления. Вероятно, он и оказал благотворное влияние на инока Германа в развитии в нем особой любви к книге и книжному искусству. Да и сам монастырь был центром книжности… Здесь Герман сблизился с настоятелем монастыря, святителем Гурием, будущим первым епископом Казанским» (Дионисий, 1997, с. 64).

Молва о строгой, подвижнической жизни Германа дошла до Старицкого монастыря, братия которого слезно просит его вернуться в родной город. Смиренный Герман долго со слезами отказывался: «Я не только не могу иметь пастырского смотрения о вашем спасении, но и сам нуждаюсь в руководстве людей опытных и сведущих» (Елисеев, 1847, с. 42-43). После длительных переговоров в начале 1551 г. Герман возвращается в Старицу и везет с собой нравы и устав преподобного Иосифа Волоцкого. Будучи архимандритом Старицкого Успенского монастыря в 1556 г., он постригает своего ученика Иоанна с именем Иов в память ветхозаветного Иова многострадального. В 1589 г., в царствование блаженного Федора Иоанновича, митрополит Иов станет первым русским патриархом (Дионисий, 1997, с. 66).

В 1553-1554 гг. в Москве Герман участвовал в судебном процессе над Матвеем Башкиным, который возглавлял его отец, после которого ему было поручено сопровождать осужденного в ссылку в Иосифо-Волоколамский монастырь, в котором Герман остался казначеем. В январе 1555 г. он был вызван в Москву, откуда вместе со святителями Гурием, первым архиепископом Казанским и Свияжским, и Варсонофием, епископом Тверским, торжественно провожаемый и напутствуемый царем Иоанном Грозным, при большом стечении москвичей, отправился в Казань, где 3 февраля 1555 г. стал игуменом вновь основанного Свияжского Богородице-Успенского монастыря в сане архимандрита. Главный монастырь Казанской епархии – Спасо-Преображенский в Казанском Кремле – стал обладателем не меньших по площадям, чем Свияжский Успенский, но, очевидно, менее перспективных владений. На протяжении 200 лет именно Свияжский, а не Казанский Спасо-Преображенский монастырь, был самым богатым в епархии. До секуляризации церковных земель 1764 г. Свияжский монастырь был крупнейшим землевладельцем Казанского края, уступавшим только Казанскому архиерейскому дому. В монастырских вотчинах числилось свыше 60 сел и деревень.

В основанной святителем Германом обители уже в первые годы развернулось строительство. Псковские мастера Постник Яковлев и Иван Ширяй «с товарищи», которые строили кафедральный Благовещенский собор в Казани и стены Кремля, в Свияжске возвели Успенский собор (1558 г.), сохранившиеся до наших дней. Оба храма были очень похожи, но, в отличие от Благовещенского собора, Успенский мало перестраивался и сейчас выглядит почти так же, как при святителе Германе. Внутри собора сохранились росписи XVI в., выполненные еще при архимандрите Германе или вскоре после его кончины. Был построен также храм во имя Николая Угодника с колокольней и трапезной, в котором бережно сохраняется крошечная келья (два на три метра) святителя (Святитель Герман…). В Казани Германом было основано подворье Свияжской обители, ставшее, со временем, Иоанно-Предтеченским монастырем (рис. 2).

Рис. 2. Колокольня Никольского храма Свияжского Богородице-Успенского мужского монастыря. 3 июля 2019 г. Фото Н.И. Григулевич

Однако архимандрит Герман занимался не только хозяйственными делами. Свияжский монастырь стал крупным миссионерским центром, в нем приняли крещение тысячи местных жителей. Первый Казанский архиепископ Гурий официально поручил Герману управление и суд над всеми приходами в Свияжском уезде, таким образом, миссионерская деятельность архимандрита распространялась на обширную территорию Правобережья Волги. В отличие от миссионерской практики последующих столетий, при Германе крещение не рассматривалось как формальный акт. Перед его принятием будущие православные подолгу жили в монастыре на полном обеспечении, участвовали в службах и проходили катехизацию. Монастырская библиотека к 1568 г. имела 152 книги, в том числе восемь пергаменных. Именно Герман заложил духовные традиции обители, при нем был написан ее Устав, произошло становление крепкого монастырского хозяйства и, что главное, миссионерского центра во вновь присоединенных к Русскому государству землях.

Герман был настоятелем Успенского Свияжского монастыря с 3 февраля 1555 г. по 12 марта 1564 г., когда после кончины святителя Гурия собором русских епископов поставлен в сан архиепископа Казанского и Свияжского, став, таким образом, преемником своего учителя. Он участвовал в московском соборе как архимандрит Свияжского монастыря. Вскоре после рукоположения Герман отбыл в Казань. Пребывание святителя на Казанской кафедре было недолгим (с 12 марта 1564 г. по 6 ноября 1567 г.) и пришлось на тяжелое время. В декабре 1564 г. Иван IV уехал в Александрову

слободу, а еще через два месяца началась «опричнина», запомнившаяся, в первую очередь, массовыми репрессиями.

В Казани Герман провел около двух лет и был вызван в Москву для участия в церковном и земском соборах 1567 г. Тут начинается последний и самый таинственный эпизод в жизни святителя, полный различных трактовок и разночтений. Московская кафедра оказалась свободной после того, как митрополит Афанасий, духовник царя Иоанна, удалился в Чудов монастырь «*за немощию великою*». Некоторые историки считают, что уход Афанасия был связан с его несогласием с политикой опричнины. Тогда царь стал уговаривать Германа занять освободившуюся кафедру.

Вот как описывает из своего литовского далека избрание (приглашение) Германа на московскую кафедру князь Курбский: «*Еще до возведения на митрополию Филиппа великий князь умолил занять митрополичий престол казанского епископа Германа. Герман возражая, но принужден был стать митрополитом решением Освященного собора. И говорят, что уже в первые два дня пребывания на митрополичьем дворе он тяготился своим великим саном, так как не хотел нести свою службу под таким лютым и безрассудным царем. Он начал с ним беседу, напоминая тихими и кроткими словами о Страшном суде Божьем и нелицеприятном наказании каждого человека за дела его, будь он царем или простым человеком*». Когда царь передал эти слова своим приближенным, они отвечали ему: «*Разве хочешь, о царь, быть у того епископа в неволе еще горшей, нежели пребывал у Алексея*[5] *и Сильвестра*[6] *перед этим несколько лет?*». Царь, по словам князя Курбского, послушал их и приказал епископа из церковных палат изгнать, говоря: «*Еще и на митрополию не возведен, а уже меня обязуешь неволей*». И через два дня был найден мертвым в своем дворе епископ Казанский: «*Говорят, удушен был тайно, по цареву повелению, или ядом смертоносным уморен*» (Курбский, 1902).

Сложно сказать, насколько мы можем доверять свидетельству князя Андрея Михайловича Курбского, когда-то одного из самых близких к царю Иоанну Васильевичу бояр, знаменитого воеводы и писателя, сбежавшего в Литву и писавшего царю обличительные письма.

Известный историк церкви А.В. Карташев так объясняет этот трагический эпизод в жизни святителя: «Герман происходил из боярской фамилии Садыревых-Полевых, потомков князей смоленских. По первым же его словам царь заподозрил в нем единомышленника старобоярской партии. Но, избежав, со своей точки зрения, ошибки в выборе св. Германа, Иван Васильевич впал снова в ту же ошибку, заменив его Соловецким игуменом Филиппом» (Карташев, 1959а).

По другим сведениям, святитель Герман в 1568 г. присутствовал на суде над митрополитом Филиппом и был единственным, кто вступился за него: «Здесь на соборе, когда одни из архиереев молчали из страха, другие в угодность царю (Ивану Грозному – *Н.Г.*) не стыдились клеветать на митрополита Филиппа, святитель Герман один возвысил голос свой в защиту невинного страдальца» (Елисеев, 1847).

В том же 1568 г. в Москве разразилась эпидемия чумы, как считали верующие люди, в наказание за осуждение святителя Филиппа. Есть свидетельства, что святитель Герман, предвидя свою кончину от этой болезни, завещал своим ученикам (архимандриту Свияжского Богородице-Успенского монастыря Иродиону и ар-

[5] Алексей Федорович Адашев – окольничий, воевода, начальник Челобитного приказа.

[6] Сильвестр – протопоп Благовещенского собора с конца 1540-х гг., наставник молодого Ивана Васильевича.

химандриту московского Новоспасского монастыря Иеремии) похоронить себя в архиерейской одежде в московской церкви Св. Николая Мокрого[7], которая находилась недалеко от подворья казанского архиерейского дома.

В 1591 г., в результате перестройки Никольского храма, были обретены мощи Германа от которых начали совершаться чудотворения. В 1592 г. Казанский митрополит Гермоген (Ермоген) с разрешения царя Федора Иоанновича и по благословению первого патриарха Московского Иова перенес мощи святителя Германа из Москвы в Свияжский Богородицкий монастырь. Это случилось 8 октября 1552 г. ровно в тот день, когда праздновалось 200-летие преставления Сергия Радонежского, что свидетельствует об особом покровительстве игумена земли Русской Свияжским землям. Этот день также стал днем поминовения и святителя Германа, первого игумена Богородице-Успенского монастыря.

В 1918 г. Свияжский монастырь был закрыт. Летом 1922 г. состоялось вскрытие мощей Германа. По местному преданию, во время вскрытия по Волге прошел смерч, из-за чего собравшиеся разбежались и мощи святителя остались в обители, монашеская жизнь в которой сохранялась до 1929 г. Впоследствии святыня была утрачена. Сохранилась частица мощей, перенесенная в 1849 г. в казанский Иоанно-Предтеченский монастырь. С 1930-х гг., после окончательного упразднения Иоанно-Предтеченского монастыря в 1929 г., эта частица сохранялась под престолом кладбищенского казанского храма «Во имя Ярославских чудотворцев». В 2000 г. она была обретена. Ныне эта частица разделена: одна часть хранится в Иоанно-Предтеченском монастыре, другая – в Богородице-Успенском соборе (Ерусалимский и др., 2006).

К лику святых Герман был причислен в 1696 г. Память святителю Герману отмечается 23 июня/6 июля, 6/19 ноября и 25 сентября/8 октября (перенесение мощей в 1592 г.). Святителю было посвящено несколько храмов, преимущественно в Казанской епархии: во имя Германа были освящены храмы в Свияжском монастыре и на колокольне казанского Благовещенского собора, четыре придела в приходских храмах Свияжского уезда. Во имя святителей Гурия, Варсонофия и Германа были освящены церкви в казанской Суконной слободе и в татаро-крещенской школе, приписанной к казанскому Спасо-Преображенскому монастырю, а также в ряде сел Казанской губернии. Особо почитают святителя Германа в Поволжье православные татары (кряшены), удмурты, марийцы. Храмы во имя святителя действуют в татарско-кряшенском с. Ташкирмень Лаишевского[8] и татарско-удмуртском с. Ципья Балтасинского района Татарстана.

Что же происходит в обители святителя Германа в наши дни? 3 июля[9] 2019 г., в ходе проведения в Казани XIII Конгресса антропологов и этнологов России, мы в компании Надежды Анатольевны Дубовой и Людмилы Ивановны Никоновой[10] посетили места подвигов святителя Германа в Свияжске. Погода в Казани была плохая, из-за обмеления Волги на Свияжск не ходил «Метеор», поэтому нам пришлось идти на теплоходе, что заняло почти два часа.

[7] Церковь Николы Мокрого Водопойца в Зарядье стояла в бывшем Мокринском переулке, д. 9. Разрушена в 1932 г. Церковь стояла примерно на месте южного вестибюля гостиницы «Россия» (Москворецкая набережная, д. 1), которая в настоящее время тоже снесена.

[8] 6 июля 2019 г. мы с Н.А. Дубовой в составе группы участников XIII Конгресса антропологов и этнологов России посетили это село.

[9] День памяти святителя Гурия (перенесение мощей), первого архиепископа Казани, наставника святителя Германа.

[10] Доктор ист. наук, профессор, ведущий научный сотрудник НИИ гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия, г. Саранск.

Зато сидя на верхней палубе, мы увидели чудесные волжские просторы, прошли мимо значимых исторических мест.

Всю дорогу на верхней палубе нас продувал пронизывающий ветер с дождем, но как только мы пристали к пристани, погода наладилась и подарила нам незабываемый день на древнем сказочном острове-граде Свияжске. На пристани нас ожидал Андрей Александрович Азбукин, сотрудник паломнической службы Успенского монастыря и уроженец Свияжска, который показал нам основные памятники и рассказал много интересного об истории и главных исторических лицах Свияжска.

Только благодаря в одночасье возникшему на горной стороне Волги, срубленному по приказу Ивана Грозного в угличских лесах городу, названному Свияжском по одноименной реке Свияге, Казань была взята русскими войсками 2 октября 1552 г. Крепостная стена города имела 18 башен, семь из которых были проездными. Крепость Свияжск была построена в рекордно короткие сроки, за 28 дней. Такая скорость была обеспечена тем, что строительством руководил талантливый военный инженер Иван Выродков. Уже во время взятия Казани, Выродков за одну ночь построил тринадцатиметровую осадную башню ручной сборки. Свияжск, остров-град, сказочный остров-Буян из сказки Пушкина – еще одно мифологическое место из истории взятия Казани.

При Иване Грозном в Свияжске было около 4 тыс. жителей. В ходе реформ XVIII в. Свияжск стал одним из уездных городов Казанской губернии, в котором в разное время насчитывалось от 1000 до 3000 человек. В 1917 г. только в Иоанно-Предтеченском женском монастыре подвизались 400 насельниц, а все население города насчитывало 3000 человек. В 1957 г., из-за подъема уровня воды в Волге вследствие запуска Куйбышевского водохранилища, древний город лишился 50% гражданской застройки и превратился в остров. С 1932 г. Свияжск переведен в разряд сельских населенных пунктов, в котором сегодня живут всего 247 человек (данные 2017 г.). В настоящее время – это один из главных, если не самый главный, туристический центр Татарстана. Ежегодно его посещают свыше 500 тыс. туристов из России и со всего мира.

На высоком холме над Свиягой стоит небольшой храм святых равноапостольных Константина и Елены, деревянный прообраз которого был поставлен еще при Иване Грозном, который сравнивал себя с Константином Великим. Кстати, его мать также звалась Еленой. В Свияжске из пяти приходских храмов сохранился единственный Константино-Еленинский храм, первоначально деревянный, существовавший когда-то на царские пожертвования. В 1994 г. в нем было возобновлено богослужение.

Когда мы осматривали храм, Андрей Александрович Азбукин обратил наше внимание на икону Сергия Радонежского. Оказалось, что в иконописных мастерских при Свияжском Иоанно-Предтеченском женском монастыре в конце XIX в. был создан список с иконы преподобного Сергия[11], привезенной монахами из Троице-Сергиева тогда еще монастыря на Круглую Гору в середине XVI в. в первый Свияжский Троице-Сергиев монастырь. С тех самых пор Сергий, игумен земли русской, является небесным покровителем острова-града Свияжска. Икону пожертвовал храму один из казанских коллекционеров. Подтолкнуло его к этому шагу необычное событие, а проще говоря – настоящее чудо. Когда, при подготовке каталога своего собрания, он фотографировал образ Сергия, то лик его при печати не проявлялся. Истолковав это, как

[11] В советское время была передана в Казанскую кладбищенскую церковь Ярославских чудотворцев, где находится в настоящее время.

нежелание Сергия находится в частном собрании, коллекционер принял решение передать образ в храм.

Другие иконы – образ святителя Германа, молящегося Святой Троице, первого настоятеля Богородице Успенского Свияжского монастыря, а также Богородица Свияжская – написаны настоятелем храма отцом Сергием Коробцовым по благословению правящего архиерея Анастасия в 1990-х гг. (рис. 4).

В XVI в. монахи будущей Троице-Сергиевой Лавры основали первый в Свияжске Троице-Сергиев монастырь. По преданию чудесный деревянный Троицкий храм сохранился с тех самых пор. Церковь срубили в Угличе, сплавляли по Волге и 17 мая 1550 г. за один день («обыденный храм») ее собрали в Свияжске. В последние годы реставраторы, насколько это было возможно, вернули церкви ее первозданный вид. По преданию изначально этот храм был шатровым. Все здание было срублено топором, без единого гвоздя. Это единственный сохранившийся памятник русского деревянного зодчества на территории Татарстана. В храме «Всех скорбящих радости» бывшего женского Иоанно-Предтеченского монастыря был освящен один из первых в стране придел в честь Серафима Саровского. В этом же храме находятся и мощи святителя Германа, которые в советское время были утрачены (рис. 5).

В 1555 г. в только что основанном Богородице-Успенском монастыре Свияжска был открыт миссионерский центр для просвещения «народов горной страны». Это был центр христианской колонизации вновь присоединенных территорий. Вся горная Волжская сторона Казани подчинялась именно Свияжску.

До наших дней на первом этаже Никольского храма (освящен в 1556 г., всего через год после основания монастыря), самого древнего православного храма во

Рис. 5. Древний Троицкий храм и собор иконы Божией Матери «Всех скорбящих радости». 3 июля 2019 г. Фото Н.И. Григулевич

всем Среднем и Нижнем Поволжье, сохранилась крошечная, два на три метра, келья первого архимандрита Богородице-Успенского монастыря Германа.

Успенский собор монастыря был освящен в 1560 г. Он построен псковскими мастерами и неоднократно перестраивался, так, что теперь в нем с трудом можно узнать неповторимый, строгий стиль белокаменного зодчества псковичей. В соборе чудом сохранились уникальные фрески середины XVI в. В соответствие с рекомендациями ЮНЕСКО в собор пускают только несколько раз в день и только организованные группы туристов. Для нас собор открыли специально, но удалось это не сразу, так как замок от сырости поддавался с трудом. В трапезной собора мы увидели фрески XVII в., а в самом соборе – те самые знаменитые, времен Иоанна Васильевича (рис. 6).

Недалеко от Успенского собора когда-то находился колодец тридцатиметровой глубины, ископанный, по преданию, самим святителем Германом. Он действовал еще во времена лагеря для политических заключенных, а когда на территории находилась психиатрическая лечебница, колодца уже не было. У монастырского священноначалия есть планы по его восстановлению.

Когда наша многочасовая экскурсия по Свияжску подходила к концу, мы решили подкрепить ослабшие силы монастырскими пирожками и чудесным лимонным квасом местного производства. Затем Андрей Александрович попросил Надежду Анатольевну разъяснить ряд вопросов о происхождении автохтонного населения современного Татарстана. Мы с Людмилой Ивановной Никоновой с интересом слушали эту спонтанную, но от этого не менее интересную лекцию в декорациях древнего острова-града Свияжска.

Молитвами святителей Гурия и Германа древние обители, основанные еще при Иоанне Грозном, были восстановлены, отреставрированы и вновь предстали во всем блеске былого и настоящего величия. Уже после нашей поездки, 28 августа 2019 г. в монастыре произошло знаменательное событие. В престольный праздник Успения Пресвятой Богородицы митрополит Казанский и Татарстанский Феофан совершил великое освящение восстановленного Успенского собора Свияжского монастыря.

На Родине святителя Германа, в Тверской епархии был освящен храм во имя казанских чудотворцев в селижаровском Свято-Троицком монастыре, а также устроен придел во имя святителя Германа в Троицком соборе Старицкого Успенского монастыря, архимандритом которого он когда-то был. Как же в наши дни живет Родина первосвятителя патриарха Иова и его учителя святителя Германа? Закрытая в 1919 г. и почти полностью разрушенная во время Великой Отечественной войны Старицкая Успенская обитель полностью восстановлена усилиями благотворительного фонда «Возрождение». В 1997 г. патриарх Московский Алексий II благословил «открытие в городе Старице Тверской епархии Успенского мужского монастыря для возобновления в нем монашеской жизни».

В Старицком Успенском монастыре не только спасаются монахи и молятся православные пилигримы, в нем также проводятся экскурсии для туристов, работают различные творческие кружки для старицких детей и подростков, проходят научные конференции. В монастырь любят приезжать столичные жители, чтобы отключиться от бешеного ритма мегаполиса, отдохнуть душой, проникнуться благодатью этих чудесных мест. Приезжают сюда и тяжело больные люди, особенно прошедшие сложное лечение (химиотерапию, например), чтобы помолиться и отдохнуть, подготовиться к следующему этапу лечения.

В сентябре 2017 г. мы с Надеждой Анатольевной Дубовой в ходе экспедиции

Рис. 7. Н.А. Дубова и Н.И. Григулевич у памятника патриарху Иову в Старицком Успенском монастыре. Старица, 20 сентября 2017 г. Фото А.В. Шиткова

в Старицу осмотрели монастырь, могилу первого патриарха Иова, восстановленный и заново расписанный Троицкий собор, прониклись атмосферой этого удивительного ансамбля древней русской архитектуры. Было радостно видеть отреставрированный Успенский монастырь, маковки церквей которого отражаются в волжских водах (рис. 7).

В тоже время прекрасный и величественный Борисо-Глебский собор постройки 1820 г. («новый Борисоглеб», как его зовут в Старице), расположенный на Новом Городище, на высоком волжском берегу напротив Успенского монастыря и являющийся главной архитектурной доминантой Ленинградской части Старицы, в 2017 г. пребывал в забвении и стоял заколоченный, ожидая своей дальнейшей участи. Прошло два года. В октябре 2019 г. мы с Дарьей Сабининой[12], поднявшись на городище, смогли зайти в Борисо-Глебский собор и познакомиться с прихожанами вновь созданного прихода. Оказалось, что нашлись меценаты, которые жертвуют деньги на реставрацию собора. Учитывая его масштабы, до окончания всех работ пройдет немало времени. Пока сделан лишь первый шаг к возрождению еще одной старицкой святыни.

Однако мы не можем не задавать себе вопрос, а кто же будет посещать службы, если только по официальным данным, за последние годы население Старицы уменьшилось до 7676 человек на 2018 г. Для сравнения упомянем, что в 1998 г. оно составляло 9800 человек. Это самый большой показатель за все годы

[12] Аспирантка Центра антропоэкологии.

учета численности. Если с 1939 г. до 2000 г., включая послевоенные и пресловутые «лихие девяностые» годы, население города всегда только увеличивалось, то начиная с 2000 г. пошел неуклонный спад. Видимо в Старице накопился критический потенциал проблем, которые даже такое стойкое ко всем перманентным вызовам население малого русского города уже не в состоянии преодолеть собственными усилиями.

«А между тем, никакой проблемы «малых городов» в дореволюционной России не существовало. И даже более того – то, что сегодня для нашего центра стало *обузой* (курсив мой – *Н.Г.*), было для него во все предшествующие столетия *опорой* (курсив мой – *Н.Г.*). Свидетельство тому – история семи веков существования маленького районного городка Старицы в Тверской области – одного из тех, в коих, как в капельке воды, отразились основные характеристики материальной и духовной жизни русской провинции. И если мы не остановим процесс «забвения» малых городов России, то скоро не останется и самой России» (Шитков, 1997). Трудно не согласиться с этими словами известного старицкого историка и краеведа.

Время идет и с большим трудом и с не меньшим запозданием, верхи государства стали поворачиваться лицом к малым городам, осознали, наконец, их важность для истории, настоящего и будущего страны. В последние несколько лет выделяются значительные средства на благоустройство территорий, восстановление разрушенных памятников, монастырей и храмов, ремонт школ и детских садов, музеев и библиотек, реконструкцию очистных сооружений. Это только начало. Предстоит долгий путь, который, мы надеемся, приведет к расцвету Центральных территорий России, жемчужинами которых являются исторические малые и средние города, которые достойно сохраняют память о своих доблестных согражданах, в которых отдыхает душа случайно залетевшего столичного жителя, созерцающего уютные монастырские дворики и незабываемые вечерние зори над Волжскими просторами.

Литература

Арсений (игумен). Историческое описание Успенского Старицкого монастыря. Тверь: Тип. Губ. правления, 1895. 88 с.

Григулевич Н.И. Проблемы естественной убыли населения Российской Федерации (по материалам экспедиций в 1990-2010 гг. в Тверской области) // Этнос и среда обитания. Сб. статей по этноэкологии. Вып. 3. М.: ИЭА РАН, 2012. С. 177-198.

Григулевич Н.И. Смертность от внешних причин в регионах России // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2012 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 358-363.

Григулевич Н.И., Дубова Н.А., Остапенко Л.В., Сабинина Д.С., Субботина И.А., Ямсков А.Н. Население малого города Центральной России в XXI веке. Первые результаты комплексного исследования в Белеве и Старице. М.: ИЭА РАН, 2018. 111 с. [*Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии». Вып. 267*]. DOI: 10.5281/zenodo.2575296

Дионисий (Клюев), монах. Святые Старицкой земли // Старица – путь длинною в семь веков 1297-1997 гг. Научно-практическая конференция, посвященная 700-летию г. Старицы. Тверь: Тверск. обл. изд-во, 1997. С. 64-66.

Елисеев Г.З. Жизнеописания святителей: Гурия, Германа и Варсонофия, казанских и свияжских чудотворцев. Казань: Унив. тип., 1847. 94 с.

Ерусалимский К.Ю., Липаков Е.В., Чугреева Н.Н. Герман (Садырев-Полев) // Православная энциклопедия. Т. XI. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. С. 209-213.

Карташев А.В. Очерки по истории Русской церкви. Т. 1. Париж: YMCA-Press, 1959а. 685 с.

Карташев А.В. Очерки по истории Русской церкви. Т. 2. Париж: YMCA-Press, 1959б. 569 с.

Крылов И.П. Старица и ея достопримечательности. Старица: Тип. И.П. Крылова, 1914. 168 с.

Курбский А.М. Кн. А.М. Курбский и царь Иоанн IV Васильевич Грозный. Избранные сочинения. СПб.: Тип. Глазунова, 1902. 286 с.

Святитель Герман, архиепископ Казанский и Свияжский с 12 марта 1564 по 6 ноября 1567 года // Интернет-ресурс «Tatarstan to-day». URL: http://kds.eparhia.ru/bibliot/istoriakazeparhii/arhipastyri/sv_german/ (обращение 04.11.2019 г.).

Серапион (Епископ Владимирский) // Русский биографический словарь. Т. 18. СПб.: Тип. В. Димакова, 1904. С. 338-340.

Шитков А.В. Москва-Старица: параллели и перекрестки XVI в. // Старица – путь длинною в семь веков 1297-1997 гг. Научно-практическая конференция, посвященная 700-летию г. Старицы. Тверь: Тверск. обл. изд-во, 1997. С. 14-20.

Grigulevich N.I. Population decline in the Central Region of Russian Federation (1990-2010) // Collegium Antropologicum. 2012. Vol. 36. No. 4. P. 1101-1108.

Л.В. Остапенко, В.В. Гриценко

ЛЮБОВЬ К МАЛОЙ РОДИНЕ КАК ЧАСТЬ ТРАДИЦИОННОЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ[1]

Поздравляя юбиляра, желаем, чтобы она, будучи даже в самых прекрасных уголках Вселенной, в том числе в сказочной Туркмении с ее золотом, коврами и древними погребениями, не забывала о своей малой родине, о московских родных, друзьях и коллегах, которые ее всегда ждут и любят.

Любовь к своей малой родине, привязанность к тем местам, где прошли детство и отрочество, где жили родители и друзья – общечеловеческое универсальное чувство, существующее вне времени и пространства. Но при этом оно довольно вариативно и обладает немалой этнической спецификой. В традиционной русской культуре теплые чувства к малой родине ценились весьма высоко и приравнивались к любви к матери, а измена ей трактовалась как самое жестокое, непростительное преступление.

Отношению людей к малой родине посвящен целый пласт русского фольклора – былины, сказки, песни, загадки, а также пословицы и поговорки, отражающие вековую народную мудрость и духовные ценности: «Где родился, там и сгодился», «Всяк кулик свое болото хвалит», «Дома и солома едома», «Всякому мила своя сторона. Любит и нищий свое хламовище» и т.п. Многие русские писатели, поэты, ученые в своих произведениях прославляли родной край, призывали его беречь. Широко известны строки Сергея Есенина:

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

Характерной чертой отношения к малой родине в русской культуре выступало то, что поощрялась любовь безусловная, безоговорочная. Родину надо было любить как родителей, которых не выбирают, даже в том случае, если жизнь в родном краю не слишком хороша, о чем также говорилось в пословицах. «За морем веселье, да чужое, а у нас и горе, да свое», «С родной сторонки и ворона мила» и др. В восприятии людей существовало четкое деление на «свое» и «чужое, и второе обычно представлялось хуже, чем первое.

Тем не менее, также из глубины веков пришло и мнение о том, что жить надо там, где человеку лучше и именно это место считать родиной. Вспомним «слоган» римлян: *«Ubi bene – ibi patria»* (где хорошо – там и родина) или наши русские пословицы: «Где ни жить, только бы сыту быть», «Пойду туда, где про меня рожь молотят», «Прощай, матушка Русь, я к теплу потянусь» (про журавлей), «Жить в деревне – не видать веселья», «И за рекой люди живут. И за горами люди», «Рыба ищет, где глубже, а человек, – где лучше» и т.п. Но при этом предписывалось не забывать родные

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Культурно-нравственный и интеграционный потенциал русского языка на постсоветском пространстве» (№ 19-09-00482).

края. Пословицы советовали: «Ищи добра на стороне, а дом люби по старине».

С течением времени, изменением условий жизни людей происходили и перемены в их мировоззрении, восприятии действительности, нравственных ценностях и жизненных установках. В последние годы тенденция к отмиранию, деформированию традиционных норм и ценностей приобрела в России особенно четкие очертания, что в значительной мере было обусловлено ускорением процесса глобализации и значительного расширения коммуникационных связей. Человек даже из российской глубинки может теперь не только получить самую подробную информацию о жизни в других городах и странах, но и при большом желании уехать в любую точку земного шара. Появление хотя бы теоретической возможности поменять место жительства на лучшее, снижает уровень привязанности человека к своей малой родине, что показывает опыт европейских стран.

В свою очередь, западные ценности, которые все сильнее проникают в российское общество, особенно в среду молодежи, в том числе идеи всеобщей глобализации, формирования «людей мира, вселенной», живущих там, где им хочется, не обремененных крепкими родственными связями и привязанностями, имеющих возможность не только часто менять место жительства и работы, но и пол, подтачивают традиционные жизненные устои русского населения. Появились новые выражения: «Родина не там, где человек родился, а там, где состоялся», «В гостях хорошо, а дома... лучше не вспоминать» и т.п.

В данной статье делается попытка рассказать о том, что сейчас думают о своей малой родине и как к ней относятся люди, живущие в русской провинции, где, как считается, традиционные нормы сохраняются сильнее, нежели в мегаполисах. Статья основана на данных социологического опроса, проведенного среди жителей двух районных центров, расположенных в ЦФО и относящихся к малым городам. Это Белев Тульской области и Старица Тверской. Эти города имеют как немало общего (в плане численности населения и социально-экономического развития), так и определенные отличия (географическое положение, состав горожан). Исследование проводилось в 2018 г.[2], всего было опрошено 600 человек.

Согласно данным опроса, большинство жителей Белева и Старицы, несмотря на далеко не блестящее социально-экономическое состояние изучаемых городов, не слишком комфортные культурно-бытовые условия, невысокий уровень жизни населения, позитивно относится к своим городам. 78% респондентов в Белеве и 55% в Старице ответили, что любят свой город. Причем 57% белевцев и 38% старичан любили свой город безоговорочно, как предписывалось в старину, и гордились тем, что живут в нем, а, соответственно, 21% и 17% испытывали к своему городу теплые чувства потому, что здесь родились и выросли, но жить хотели бы в другом месте (табл. 1). Негативных оценок было получено намного меньше, в пределах 5-9%. В то же время определенная часть респондентов – от 7% в Белеве до 19% в Старице проявили безразличное отношение к городам своего проживания.

Нельзя не отметить тот факт, что в последние годы имидж малых российских городов стал меняться в лучшую сторону. На это повлияли и объективные, и субъективные факторы, в том числе связанные с некоторым падением привлекательности крупных

[2] Опрос проводился совместными усилиями сотрудников сектора этнической экологии в рамках проекта, поддержанного РФФИ «Население малого русского города в XXI в.: этнокультурные, демографические, экологические и социально-экономические аспекты развития» (№ 17-01-00274-ОГН) (подробнее см.: Григулевич и др., 2018; Остапенко, Субботина, 2019).

Таблица 1

Отношение белевцев и старичан к своему городу, %

Варианты ответов	Белев		Старица	
	В среднем по городу	Респонденты 16-29 лет	В среднем по городу	Респонденты 16-29 лет
Любят свой город и гордятся тем, что живут в нем	57	40	38	21
Любят свой город, потому что здесь родились и выросли, но жить хотели бы в другом месте	21	33	17	18
Относятся безразлично	7	9	19	23
Не любят свой город	5	8	9	15
Затруднились ответить	4	10	17	19
Итого:	100	100	100	100

городских центров (заметное удорожание жизни, резкое социально-имущественное расслоение, жилищные проблемы, рост недоверия между людьми, напряженный ритм жизни и т.п.) и повышением интереса людей к своим родовым корням, истории, культуре, религии, традиционным жизненным ценностям, родной природе и т.п.

Хотелось бы привести мнения об образе российской провинции населения России, опубликованные в книге «Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя». Возглавляли рейтинг позитивные представления. На первом месте по числу выборов стоял ответ: «Провинция – это более теплые человеческие отношения и нормальный ритм жизни» (48%), на втором – «Жизнь в провинции совсем не такая плохая, как ее пытаются порой представить: и в «глубинке» люди могут жить хорошо» (32%). Согласно данным этого исследования, подобные взгляды жителями райцентров высказывались примерно также часто, как и крупных городов. Ответы с негативной окраской встречались реже. Так, например, варианты: «Когда бываешь в «глубинке», видно, какой отсталой остается Россия» и «Человеку с современными запросами в провинции жить трудно и неинтересно» поддержали не более четверти населения (Столицы и регионы…, 2018, с. 150).

В то же время материалы нашего исследования показали, что уровень привязанности людей к своей малой Родине заметно варьирует в зависимости от целого ряда факторов (табл. 2). Прежде всего, можно отметить, что в разных городах отношение к своему городу местного населения оказалось далеко неодинаковым. В Белеве группа его поклонников выглядела в полтора раза многочисленнее, чем аналогичная в Старице, а среди старичан была более чем вдвое выше относительная численность тех, кто относился к своему городу безразлично или плохо.

Подобные различия между городами, на наш взгляд, во многом были обусловлены, как особенностями состава населения этих городов, так и их географическим положением, широтой внегородских связей. Среди жителей Белева, по сравнению со Старицей, оказалось гораздо больше уроженцев города, людей, обитающих здесь достаточно долго. По данным опроса, респонденты, живущие в Белеве менее 10 лет, составляли всего 8%, а в Старице подобная группа превышала 40%.

Молодежь Старицы отличалась от белевской более развитыми навыками, отвечающими требованиям современной жизни. Согласно данным нашего исследования, среди молодых старичан 17% хорошо знают иностранные языки (против 7% белевцев), почти половина из них может уверенно пользоваться компьютером и Интернетом (против 40% белевской молодежи), 54% умеют водить машину (среди белевцев 39%) и т.д.

Можно отметить также, что, если Белев представляет собой довольно удаленную российскую провинцию со слабым движением населения, то Старица, находящаяся между двумя крупнейшими центрами – Москвой и Санкт-Петербургом, отличается выраженными миграционными процессами, в городе много студентов, в том числе из соседних городов и сел.

Меньшая частота и масштабность контактов белевцев за пределами своего города вела к более активному воспроизводству ориентаций местного населения на свое локальное окружение, традиционную культуру с коллективистским началом. Старицу можно назвать более открытым городом, а люди, обитающие в более открытой среде, чаще настроены на внешний мир, слабее подвержены влиянию локаль-

Таблица 2

Отношение к своему городу представителей разных социально-демографических групп, %

Социально-демографические группы	Белев			Старица		
	Любят город	Любят, но хотят жить в другом месте	Безразлично, не любят	Любят город	Любят, но хотят жить в другом месте	Безразлично, не любят
В среднем	57	21	12	38	17	28
Пол						
Муж.	53	27	8	35	18	33
Жен.	61	17	16	40	16	23
Возраст						
16-29	40	33	17	21	18	38
30-49	53	23	13	40	18	28
50 и ст.	78	6	3	52	15	18
Образование						
Высшее	58	25	10	44	21	24
Сред. спец.	48	20	12	36	14	28
Среднее и ниже	68	15	10	38	20	30
Уровень зажиточности						
Высокий, выше среднего	53	23	14	41	14	30
Средний	62	21	9	38	28	25
Ниже среднего, низкий	52	17	13	42	18	24
Ориентация на отъезд						
Да	23	32	30	19	28	38
Нет	83	9	1	56	10	22

ной культуры, традиционным установкам, ярче ощущают свою индивидуальность.

В каждом отдельном городе отношение к нему жителей разного пола, возраста, образования, имущественного статуса также заметно варьировало. Одним из значимых дифференцирующих факторов выступал возрастной – любовь к малой Родине в наибольшей мере была присуща старшему поколению, особенно женщинам, представители которого составляют сейчас значительную массу жителей малых городов.

Со снижением возраста доля людей, с безусловной любовью относящихся к своему городу, заметно падала.

Так, среди респондентов от 50 лет и старше относительная численность патриотов своей малой родины была заметно выше, чем в возрастной группе 16-29 лет, а доля с негативным или безразличным отношением, напротив, в несколько раз ниже. В то же время в Белеве даже среди молодых жителей группа испытывающих любовь к своему городу, была масштабнее, чем в Старице. Однако при сравнительно высокой доле белевских юношей и девушек, любящих свой город, многие испытывали к нему привязанность только потому, что здесь родились, а хотели бы жить в другом месте. Среди белевской молодежи оказалась и весьма высокой доля ориентированных на миграцию (53%), что было выше по сравнению со старицкой молодежью (45%).

В Старице обращает на себя внимание сравнительно весомая группа молодых людей с безразличным отношением к городу, что, на наш взгляд, не менее значимо, чем повышенный уровень потенциальной миграции в Белеве, так как оставшиеся в городе люди, для которых безразлична его судьба, вряд ли будут прикладывать особые усилия для его развития и процветания.

Возрастной фактор действовал в связке с еще одним достаточно важным – длительностью проживания в городе. Наиболее высокая доля любящих свой город наблюдалась среди его уроженцев. Можно отметить и такую достаточно предсказуемую и общую для обоих городов закономерность, как существование четкой зависимости между отношением респондентов к своему городу и их ориентацией на миграцию. Люди, испытывающие безоговорочно позитивные чувства к своему городу, реже стремились его покинуть и наоборот.

К сожалению, и в Белеве, и в Старице среди респондентов с относительно высоким уровнем зажиточности, то есть среди потенциальных меценатов и инвесторов, доля любящих свой город оказалась не выше средних значений. Причем, в Старице эта группа была заметно расслоена и включала в себя, помимо «патриотов», немало людей, воспринимавших свой город безразлично или негативно (в Белеве она была вдвое ниже).

В Белеве и в Старице с особо заметной симпатией к своему городу относились люди со средним образованием. Однако представляется достаточно перспективным, что и в составе высокообразованных белевцев и старичан соотношение людей с позитивным и негативным или безразличным восприятием своего города выглядело явно в пользу первых.

Важно в этом отношении рассмотреть и такой фактор, как удовлетворенность населения условиями жизни в своем городе, что не может не влиять на отношение к нему. Правда, связь между этими переменными оказалась довольно своеобразной. Так, в Старице среди пожилых людей почти все те, кто был в той или иной мере удовлетворен городскими условиями жизни, любили свой город. В Белеве же многие представители этой возрастной группы в русле традиционной культуры относились с любовью к своему городу, даже будучи недовольными местными условиями.

Среди молодежи обоих городов наблюдалась иная тенденция – свыше половины молодых людей были более или

менее удовлетворены условиями жизни в своих городах, но далеко не все из них признавались им в любви, особенно в Старице.

Можно сказать, что любовь к своей малой родине, будучи одним из важнейших элементов традиционной культуры большинства народов, в том числе русского, остается свойственной многим его представителям, особенно в провинции. Но под давлением кардинально меняющихся условий жизни медленно, но верно теряет своих адептов. И, как видно, этот процесс зависит от многих условий и факторов.

Подтверждением и дополнением представленных материалов могут служить данные о региональной самоидентификации жителей малых городов.

В наши дни, с точки зрения укрепления Российского государства, особое значение приобретает усиление чувства гражданской идентичности. Однако в последнее время исследователи все чаще фиксируют рост регионализации сознания россиян, роли территориального или регионального самосознания, которое имеет свое позитивное значение в процессе консолидации населения постсоветской России. Итоги нашего исследования в городах русской провинции показали, что ситуацию в этом отношении нельзя назвать однозначной.

Во время опроса в Белеве и Старице респондентам был задан вопрос о том, кем они себя ощущают в большей и меньшей степени, было предложено определить свое отношение к нескольким типам идентичности, в том числе гражданской, этнической, региональной (житель своей области), локальной (житель своего города), личностной и др. (табл. 3).

Прежде всего, обращает на себя внимание высокая доля затруднившихся ответить на данный вопрос (от трети до половины респондентов), что свидетельствует о том, что для многих он в данный момент не является актуальным. В своей обыденной жизни люди часто не задумываются об общности и солидарности с теми или иными общественными слоями. Даже по поводу ощущения близости с жителями своего города, русскими, то есть с теми группами людей, контакты с которыми происходят постоянно, далеко не все респонденты смогли определиться.

Таблица 3

Самоидентификация жителей Белева и Старицы, %

Типы	Белев				Старица			
	Нет	Слабо	Почти всегда	Сложно ответить	Нет	Слабо	Почти всегда	Сложно ответить
Человек мира	25	24	17	34	18	14	18	40
Европеец	29	24	11	36	22	12	15	51
Россиянин	2	15	58	25	4	20	39	37
Русский	1	6	70	23	1	9	47	43
Житель своей области	4	12	53	31	4	11	40	45
Житель своего города	2	8	60	30	3	13	43	41
Отдельная личность	5	8	38	49	2	6	42	40

Проблему кризиса групповой идентичности в современном мире, связанную с оторванностью человека от социального сообщества, неоднократно отмечали отечественные и зарубежные авторы в качестве особенности нашего времени (Смирнова, Киселев, 2002). В то же время многие исследования показывают, что происходит, скорее, сужение круга людей, с которыми человек ощущает свою общность, до размеров семьи, ближайшего окружения.

Процессы глобализации, значительное расширение коммуникационных связей, рост информации людей об окружающем мире вызывают, с одной стороны, желание активно осваивать новое пространство, окунуться в новую культурную среду, налаживать новые отношения и т.п., а, с другой, напротив, усиливают стремление человека отгородиться от чужих проблем и маловажных событий, от влияния чуждых норм и ценностей, найти психологическую поддержку в знакомом окружении близких и друзей.

Наиболее распространенными типами коллективных идентичностей у жителей Белева и Старицы выступали этническая («я – русский») и регионально-локальная («я – житель своего города»). Чуть меньше голосов «набрали» гражданская («я – россиянин») и личностная идентичности («я – отдельная личность»).

Первое место в иерархии идентичностей населения обоих городов занимала этническая (70% белевцев и около половины старичан ощущали себя всегда или почти всегда русскими). Но наряду с этнической идентичностью важным ресурсом для удовлетворения людьми базовой потребности в психологической стабильности выступает региональная, прежде всего, локальная идентичность. Ощущение общности, единства с жителями своего города, области оказалось достаточно важным для белевцев и старичан. В сложных социально-экономических условиях растет понимание того, что бороться за выживание лучше всего вместе с надежными друзьями, родственниками, земляками, испытывающими те же трудности и сталкивающимися с теми же проблемами. Важно, что это стремление четко согласуется с позитивным восприятием людей своей малой родины, своего города и его жителей. Об общности с жителями своего города говорили 43% старичан и 60% белевцев. Близость с жителями своей области ощущалась несколько слабее – от 40% выборов в Старице до 53% в Белеве. Все это свидетельствует о привязанности значительной части белевцев и старичан, как и жителей многих других провинциальных городов, к своей малой родине, желании видеть ее процветающей.

Однако, как видно, при значительной общности в представлениях респондентов по поводу своей групповой принадлежности полного единодушия в этом вопросе не наблюдалось. Согласно данным нашего исследования, у жителей Белева и Старицы, у представителей разных социально-демографических групп отмечались особенности в идентификационной структуре, тот или иной тип идентичности занимал у них неодинаковые позиции. В предложенных ниже табл. 4 и 5 приводятся специально рассчитанные индексы самоидентификации представителей отдельных социально-демографических групп Белева и Старицы (без учета затруднившихся ответить).

У белевцев этническая, региональная и гражданская идентичности были выражены сильнее, чем у старичан, причем особо заметные различия отмечались в уровне регионально-локальной идентичности. Выше уже отмечалось, что чаще всего чувство близости респонденты испытывали по отношению к жителям своего города, в несколько меньшей степени – к жителям своей области, что во многом зависело от широты и частоты контактов,

Таблица 4

Самоидентификация представителей различных социально-демографических групп (Белев). Индексы*

Группы	Человек мира	Европеец	Россиянин	Русский	Житель своей области	Житель своего города	Отдельная личность
В среднем	1,45	1,20	3,15	3,63	3,19	3,48	3,23
Возраст							
16-29	1,77	1,30	3,12	3,41	3,28	3,54	3,30
30-49	1,18	1,00	3,18	3,87	3,07	3,28	3,26
50 и ст.	1,41	1,31	3,15	3,62	3,26	3,61	3,12
Пол							
Муж.	1,35	1,23	3,12	3,61	3,13	3,42	3,30
Жен.	1,56	1,16	3,18	3,66	3,25	3,53	3,16
Образование							
Высшее	1,33	1,28	3,17	3,58	3,13	3,43	3,63
Ср. спец.	1,48	1,25	3,16	3,65	3,35	3,60	3,07
Среднее и ниже	1,52	1,06	3,14	3,61	3,17	3,38	3,02
Уровень зажиточности							
Высокий, выше среднего	1,61	1,27	3,24	3,66	3,35	3,40	3,41
Средний	0,98	0,75	3,07	3,59	3,22	3,57	3,12
Ниже среднего, низкий	2,27	1,19	2,78	3,64	2,85	3,42	3,14
Ориентация на миграцию							
Хотят уехать	1,65	1,12	3,01	3,24	2,88	3,06	3,29
Не хотят уехать	1,41	1,26	3,42	3,77	3,45	3,74	3,23

* Расчет индексов проводился по формуле: $\frac{A(4)+B(3)+C(2)+D(1)+E(0)}{N}$, где

A – доля респондентов, ощущающих общность всегда и полностью,
B – доля респондентов, ощущающих общность почти всегда
C – доля респондентов, ощущающих общность иногда,
D – доля респондентов, ощущающих общность редко,
E – доля респондентов, не ощущающих общности,
N – доля респондентов, ответивших на данный вопрос.
Возможный разброс индексов – от 0 до 4.

Таблица 5

Самоидентификация представителей различных социально-демографических групп (Старица). Индексы*

Группы	Человек мира	Европеец	Россиянин	Русский	Житель своей области	Житель своего города	Отдельная личность
В среднем	1,69	1,36	2,96	3,38	3,06	3,10	3,28
Возраст							
16-29	2,17	1,41	2,95	3,36	2,98	2,90	3,34
30-49	1,46	1,57	2,83	3,39	3,30	3,31	3,45
50 и ст.	1,45	1,09	3,11	3,38	2,90	3,09	3,06
Пол							
Муж.	1,78	1,50	3,02	3,30	2,97	3,04	3,11
Жен.	1,60	1,22	2,89	3,46	3,15	3,16	3,45
Образование							
Высшее	1,39	1,14	3,15	3,24	2,75	2,81	3,20
Ср. спец.	2,15	1,59	2,77	3,57	3,30	3,35	3,39
Среднее и ниже	1,51	1,28	2,97	3,29	3,12	3,14	3,22
Уровень зажиточности							
Высокий, выше среднего	2,20	1,53	3,26	3,36	3,01	3,23	3,41
Средний	1,20	1,11	2,52	3,31	3,07	2,78	3,03
Ниже среднего, низкий	1,49	1,22	2,97	3,73	3,25	3,31	2,98
Ориентация на миграцию							
Хотят уехать	1,39	1,23	2,77	3,33	3,01	2,97	3,48
Не хотят уехать	1,92	1,47	3,12	3,51	3,16	3,26	3,13

* Расчет индексов проводился по формуле: $\frac{A(4)+B(3)+C(2)+D(1)+E(0)}{N}$, где

A – доля респондентов, ощущающих общность всегда и полностью,
B – доля респондентов, ощущающих общность почти всегда
C – доля респондентов, ощущающих общность иногда,
D – доля респондентов, ощущающих общность редко,
E – доля респондентов, не ощущающих общности,
N – доля респондентов, ответивших на данный вопрос.
Возможный разброс индексов – от 0 до 4.

степени общения с теми и другими группами. В Белеве «перекос» в сторону выбора «горожан» был явно сильнее, чем в Старице. Можно сказать, что именно для Белева была характерна атмосфера особого эмоционального единения жителей, распространенность ощущения близости со всем населением города (табл. 3). И это полностью согласуется с данными о большей массовости среди белевцев людей, любящих свой город.

Показательно, что у белевской молодежи региональная идентичность вышла на первое место по числу выборов, опередив этническую. Среди людей пожилого возраста этот показатель также был довольно высоким, лишь немного уступая «этническому».

Старичане большее значение, по сравнению с горожанами Белева, придавали личностной идентичности, которая в некоторых группах оказалась в лидерах по числу выборов, опережая даже этническую и региональную идентичности (группа людей 30-49 лет, респонденты с высоким уровнем достатка). Жители Старицы чаще белевцев видели себя в составе европейской и даже общемировой цивилизации.

С психологической точки зрения самоидентификация белевцев имела определенные преимущества, так как в более узком кругу люди обычно ощущают себя увереннее и защищеннее. По данным нашего опроса, среди белевцев оказалась вдвое выше доля тех, кто не испытывал никаких серьезных страхов и опасений (15% против 6% у старичан). В их составе, как было показано выше, была солиднее доля респондентов, любящих свой город, желающих его возрождения.

Со своей стороны, старичане имели больший адаптивный потенциал, необходимый при переезде на другое место жительства, шансы успешно включиться в новую среду, освоиться в новом коллективе и т.п.

В качестве примера хотелось бы привести московскую молодежь – молодых людей русской национальности, живущих в российской столице сравнительно давно. Отвечая на вопрос анкеты «Кем Вы себя ощущаете в первую очередь?», молодые москвичи поставили (по числу выборов) локально-территориальную идентичность («я москвич») лишь на четвертую позицию. Лидером же стал ответ: «просто отдельной личностью», на втором и третьем местах стояли этническая и гражданская идентичности. А среди студентов пятая часть выбрала ответ «я – человек мира» (Остапенко и др., 2018, с. 96). В этом отношении, как видно, старицкая молодежь оказалась ближе к московской.

Значимость регионально-локальной идентичности довольно заметно варьировала и по социально-демографическим группам. Если у молодежи Белева она лидировала по числу выборов, то среди молодых старичан значилась лишь на четвертом месте. Люди с высоким уровнем образования и материального достатка также не были в числе ее особых сторонников – у высокообразованных и зажиточных белевцев локальная идентичность занимала по числу выборов третье место, а у старичан из соответствующих групп – всего лишь четвертое.

Несколько менее выраженный уровень гражданской идентичности по сравнению с этнической и территориальной приводит к мысли о том, что в настоящее время для консолидации людей, укрепления мира и согласия в нашей стране особое значение имеет решение не только глобальных государственных задач, но и чисто региональных, деятельность по улучшению ситуации на конкретных территориях, в том числе в селах и малых городах. Видится важным более широкое развитие в провинциальных городах местного самоуправления, общественных организаций, гражданских инициатив, повышения участия горожан в решении общегородских задач.

Литература

Григулевич Н.И., Дубова Н.А., Остапенко Л.В., Сабинина Д.С., Субботина И.А., Ямсков А.Н. Население малого города Центральной России в XXI веке. Первые результаты комплексного исследования в Белеве и Старице. М.: ИЭА РАН, 2018. 111 с. [Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии». Вып. 267]. DOI: 10.5281/zenodo.2575296

Остапенко Л.В., Старченко Р.А., Субботина И.А. Русская молодежь Москвы (социально-демографические и этнокультурные характеристики). Полевая этностатистика. М.: ИЭА РАН, 2018. 184 с.

Остапенко Л.В., Субботина И.А. Провинциальный русский город в начале XXI века. М.: Старый сад, 2019. 290 с.

Смирнова А.Г., Киселев И.Ю. Идентичность в меняющемся мире. Ярославль: Ярославский гос. ун-т, 2002. 330 с.

Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя / отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М.: Изд-во «Весь мир», 2018. 312 с.

И.А. Субботина, Ж.С. Субботина

КОНЦЕПТЫ «*ЗВЕЗДА*» И «*БУДЖАК*» В ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА СТЕПАНА КУРОГЛО[1]

Когда настала пора откликнуться статьей в сборник, посвященный юбилею Надежды Анатольевны Дубовой, мы подумали о том, сколь разнообразны и разнополюсны научные интересы юбиляра, и в историческом, и в географическом аспектах: это проблемы палеоантропологии и этнической экологии, вопросы долгожительства коренных народов Закавказья и развитие малых городов Центральной России, это раскопки древнего Гонур-депе в современном Туркменистане и проблемы этногенеза гагаузов Буджака. Испытывая непреходящую любовь к Молдавии, к Буджакской степи, к ее народу, мы захотели напомнить Надежде Анатольевне о природе и людях этого удивительного края, красоте которых посвятил свое творчество гагаузский поэт Степан Степанович Курогло, с которым и Надежду Анатольевну сводила судьба на дорогах Буджака.

«Она горит душе моей
Она зовет, – я это знаю
С первоначальных детских дней,–
К иной стране, к родному краю!»
И. Бунин

«Одиноко мерцает звезда.
Одиноко в степи. Как всегда…»
Г. Кукарека

На современном этапе развития гуманитарных наук особую актуальность получает антропоцентрическая парадигма, проявляющаяся в том, что человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений и процессов. Одним из направлений такой науки как антропологическая лингвистика, рассматривающей в тесной взаимосвязи человека, язык и культуру, считающей языковую личность точкой отсчета для языковых явлений, является лингвокультурология. Лингвокультурология, по определению В.А. Масловой, – «это направление лингвистики, которое изучает определенное видение мира сквозь призму национального языка, когда язык выступает как носитель определенной ментальности» (Маслова, 2001, с. 25). Объектом изучения в лингвокультурологии является языковая картина мира, предметом – слова и выражения, в которых она проявляется, то есть ключевые слова и концепты.

В отечественной науке термин «концепт» стал активно употребляться лишь с начала 1990-х гг., хотя появление этого термина в русской лингвистической школе связывают с именем С.А. Аскольдова-Алексеева, который разрабатывал теорию концепта еще в 1920-х гг. Анализируя природу концепта, Аскольдов-Алексеев противопоставлял два вида концептов: познавательные и художественные (Аскольдов, 1997, с. 68), что впоследствии привело к развитию двух основных направлений

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Культурно-нравственный и интеграционный потенциал русского языка на постсоветском пространстве» (№ 19-09-00482).

в изучении концепта – когнитивного и лингвокультурологического.

Следуя лингвокультурологическому пониманию термина «концепт», мы считаем концепт основной единицей ментальности данной культуры, «которая в границах словесного знака и языка в целом предстает в своих содержательных формах как образ, как понятие и как символ» (Колесов, 1999, с. 81). Концепт рассматривается одновременно как языковый и культурный феномен. Он мыслится как «культурно-ментально-языковое» образование, своего рода «сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, который сопровождает слово» (Степанов, 1997, с. 40).

Концепт – явление разноуровневое, одновременно принадлежащее логической и интуитивной, индивидуальной и социальной, сознательной и бессознательной сферам, именно поэтому концепты выявляют взаимодействие всех основных факторов культуры: этнического, исторического, психологического и прочих (Пирогова, 2011, с. 7).

«Концепт – это представление о фрагменте мира… Такое представление (образ, понятие, символ) формируется общенациональными признаками, которые дополняются признаками индивидуального опыта и личного воображения» (Пименова, 1999, с. 142).

«Каждый народ видит мир особым образом» (Гачев, 1995), в каждой национальной литературе имеется целая система свойственных ей устойчивых понятий, образов, символов, ассоциаций, метафор, и каждый большой национальный поэт, как носитель определенной этничности, используя присущий ему арсенал этнических образов и символов, создавая свою поэтическую картину мира, одновременно воссоздает национальный образ мира, характерный для его народа.

В творчестве любого поэта есть излюбленные слова-образы, слова-мотивы, слова-символы, которые обогащаются, развиваются, меняются, в которые вкладываются собственные авторские смыслы, лишь отчасти соответствующие словарным. Это и есть концепты, составляющие ядро поэтического творчества. В данной статье нам хотелось бы рассмотреть лишь небольшой фрагмент многомерного, мозаичного образа мира гагаузов, заключенный в двуединстве универсальной, «космической» категории культуры (концепт *«звезда»*) и национальной категории культуры, выраженной концептом *«Буджак»*. Это единство нашло свое отражение в творчестве известного гагаузского поэта Степана Курогло, оставившего большой след в формировании гагаузской ментальности. В работе делается попытка анализа вторичных, метафорических признаков концептов, к которым относятся образные и символические признаки.

Концепт *«Звезда»*

Одним из важнейших концептов поэтического мира Степана Курогло, как нам представляется, был образ, символ *«звезды»*, который сохранял свою значимость на протяжении всего творческого пути поэта. В русской поэзии только Бунин (а позднее Николай Рубцов) создал целостную художественную систему, основанную на концепте *«звезда»*. О том, насколько значим был образ звезды для С. Курогло, яркого носителя гагаузской культуры, свидетельствует частотность вынесения лексем, репрезентирующих концепт *«звезда»*, в название поэтических сборников и циклов стихов, ибо их названия являются сильной позицией авторского текста, важным знаком его композиционно-тематической модели. Так, один из сборников стихов поэта, выпущенный в 2000 г., носит на-

звание «Звезда дорог»[2] (Kuroglu, 2000), а в поэтической книге *«Кауш авалары»* (Куроглу, 1977)[3] один из разделов называется «Голос Синей Звезды» *(«Маави йылдызын сеис»*). Название этого раздела первоначально задумывалось автором иначе – «Пламя розы», по названию одного из стихотворений, входящих в этот раздел. Когда книга стихов вышла в свет, «пламя розы» превратилось в «голос синей звезды».

«Название каждого стиха в отдельности и книги в целом («Голос синей звезды») – крик печали души больной, восхищенной богатством природы Земли рябин и ее обитателей», – написал С. Курогло одному из друзей в посвящении к этой книге. *«Если по-русски это звучит как «пламя розы», все равно не сменю, ибо каждое из трех слов полно отдельного смысла, двойного и более смыслов, и вместе – в том же духе»,* – писал С. Курогло в одном из своих писем.

И в последней книге своих избранных литературных произведений, которая вышла уже посмертно под названием *«Canimi baaşlarim» »* (2011), Степан Курогло хотел изначально дать иное название – «Под звездным небом Буджака». Он говорил: *«В этом названии все: и родная земля, и красота, и …одиночество».*

Звездами полны не только названия книг, циклов стихов, но и названия отдельных стихотворений: *«Insan yildizi»* («Звезды людские»), *«Yildiz»* («Звезда»), *«Saman yollu yildizlara»* («К звездам Млечногопути»),*«Yildizlikaar»* («Звездный снегопад»), *«Gökta yildiz salkim-salkim»* («В небе звезды гроздьями…»), *«Çoban yildizi»* («Звезда Чобана»), *«Yildizli geceläг»* («Звездные ночи»), *«Йылдызлары ким сайэр?»* («Кто считает звезды?») и др.

Репрезентантов концепта *«звезда»* в стихах С. Курогло сравнительно немного, ими являются: а) существительные *«yildiz»* («звезда»), *«yildizçik»* («звездочка»), *«yildizlar»* («звезды»); б) прилагательное *«yildizli»* («звездный»). Но эти немногочисленные лексемы автор использует столь образно и метафорично, что становится совершенно очевидным – в поэтическом творчестве Степана Курогло образ звезды занимает важное место, неся особую смысловую и художественную нагрузку.

В семантико-тематическом плане небесный объект «звезда» в стихотворных текстах С. Курогло представлен с достоверностью принятых у гагаузов названий небесных светил, основанных на легендах и преданиях народа (Баурчулу, 2007, с. 363). Это и *Керван-кыран йылдызы* (Полярная звезда), и *Саман Йолу* (Млечный путь), и *Бююк Араба* (Большая Медведица), и *Кючюк Араба* (Малая Медведица), и *Сабаа Йылдызы* (Утренняя звезда, Венера), и др.:

«На трудном перевале
За далью лет, в былом
мы Млечный путь назвали
Соломенным Путем.
Саман-Йолу – на месте!
А над тропой судьбы
знакомое созвездье
Большой Арбы…
…Кючюк Арба трясется,
дрожит Керван-Кыран,
как рябь на дне колодца,
как голубой туман…
…По дороге, покрытой соломой,
за державной Звездой Чабана
предок мой удалялся от дома,
где росла и цвела тишина…»

(Степная баллада)
(пер. Б. Примерова)

[2] Так перевел на русский язык название этого сборника сам С. Курогло в дарственной надписи авторам статьи, хотя в литературе встречается и иной перевод названия книги – «Путеводная звезда».

[3] «Напевы кеманчи», как хотел сам Степан Степанович прочесть в переводе на русский язык название своей книги, «Напевы струн» – как этнически бесцветно был назван сборник издателями.

С. Курогло, со свойственной ему поэтической тонкостью и чуткостью, находит образные сравнения реального небесного объекта «звезда» в окружающем поэта мире – в человеческих лицах, в птицах, цветах, падающем снеге, солнечных бликах, углях костра, разноцветных каменьях, горящих свечах, виноградных гроздьях и пр. Так, довольно часто в поэзии Степана Курогло встречается сравнение звезд со снегом и цветами. В стихотворении «Снег идет» у Курогло: *«Снег идет/словно падают звезды…»*, а в стихотворении «Паруса молодости»: *«Гляжу на берега реки –/расцветают звездами астры…»; «Чуткая звезда, в небе расцветшая», «Смотри, цветок звезды расцвел…» («Плывут холмы в голубизне»)*. Или еще в «Ожерельях зимы»: *«Снега искрятся, словно… Звезды упали на землю…»*[4]. Эти сравнения звезд, снега и цветов невольно приводят нас к поэзии таких «звездных» русских поэтов как К. Бальмонт и Б. Пастернак. В поэзии К. Бальмонта наблюдается двоякость образа снега, снежинки: в небе они – звезды (*«Миг за мигом в Небе вьются звездовидные снежинки»*), а на земле – цветы (*«Но снежинки сон лелеют, то – цветочные пушинки»*). Или у Пастернака: сравнение цветов, звезд и снежинок (*«К белым звездочкам в буране/Тянутся цветы герани за оконный переплет»)* (Мазурик, 2006, с. 219). Таким образом, звезды – снежинки-цветы свидетельствуют о наличии в стихах оппозиции небесное-земное, являющейся одной из основных в приведенных поэтических строках, о присутствии возвышенного, небесного – в земном.

Зимняя символика у романтика С. Курогло – чистая «звездная» поэтика. Искрящийся снег; падающие, словно звезды, снежинки; звездный снегопад; солнечный зайчик как упавшая звезда; волшебная белая береза в заснеженном лесу с горящей над ее макушкой звездой, словно любимая «звездная» женщина – все это выражает творческий подъем, вдохновение, внутренний жар, пробуждение Света и Любви, ощущение звездного счастья поэта. Мир зимы у Степана Курогло не холодный, оцепенелый, а волшебный, чарующий, колдовской. Не случайно появление в «зимних» стихах образа Феи… и Звезды:

Аач каарлы – чыплак бир кыз
Кыш – онун ресимжиси.
Башлында шылээр йылдыз,
Бойунда – лифт дизиси.

(Кысмет фериси)

«Дерево заснеженное –
словно обнаженная девушка,
Зима – ее художница.
Над головой ее горит звезда,
На шее – мониста рядами».

(Фея счастья)

Здесь хотелось бы согласиться с М.Н. Губогло, известным историком, этнологом, исследователем творчества С. Курогло, писавшим, что «в своей любви к зиме С.С. Курогло признается задушевно гораздо чаще, …чем к другим временам года» (Губогло, 2013, с. 517). Сам Степан Курогло в одном из писем к друзьям писал: *«Кочуем табором экспедиционным по Буджаку. Многообразно. Мне лично по зимам своим тоскуется…»*.

Этнокультурный фон, присутствующий в творчестве любого писателя, представляющего свою культурно-языковую общность, как правило, тесно связан с географическим положением, природой, ландшафтами той территории, на которой живет этнос. Глубокие снега, заснеженные деревья, березы – это специфические географические

[4] В тех случаях, когда не указана фамилия переводчика, подстрочные переводы на русский язык стихотворных строк С. Курогло выполнены авторами статьи.

маркеры не степного Буджака, а средней полосы России; это явления, особенно часто встречающиеся и имеющие особую актуальность для северян, а не для южан. И приверженность С. Курогло, жителя солнечной Молдавии, южных степных пространств, зимним пейзажам, мотивам, непривычная образная составляющая семантики стихов гагаузского поэта, объясняется ее окрашенностью индивидуально-авторской коннотацией: это скорее факт биографии поэта, страницы личной жизни, его душевное пространство, индивидуальные переживания, определившие сюжеты, мотивы, поэтические образы «зимнего» творческого процесса. Может быть, именно острое восприятие незнакомой, непривычной природной среды России, где поэт проводил свои творческие отпуска, встречался с друзьями, куда ездил в служебные командировки, будоражило душу поэта и заставляло с особым, трепетным чувством воспринимать новый, во многом чужой и загадочный мир, его людей и природу.

В рамках данной работы мы выявили в стихах С. Курогло довольно значительную группу признаков звезды как живого существа. В литературе звезды довольно часто описываются образными витальными признаками: жизнь или смерть, движение или его отсутствие, способность спать и просыпаться, возможность говорить и молчать, дрожать и замерзать и пр.: «*Ночь тиха, пустыня внемлет Богу, И звезда с звездою говорит*» (М. Лермонтов); «*Спит юродивый на паперти/На него глядит звезда*» (А. Ахматова); *«Звезда дрожит среди вселенной…»* (И. Бунин); *«Плачет звезда, холодея, над крышей сарая…» «Звезда полей, во мгле заледенелой/ Остановившись, смотрит в полынью»* (Н. Рубцов). И в поэтических произведениях С. Курогло звезды наделяются подобными признаками: *«…звезды замерзли», «…звезды смотрят…», «звезды бьют в литавры»*.

Выдающийся русский историк, литературовед, собиратель фольклора А.Н. Афанасьев в своем знаменитом труде «Поэтические воззрения славян на природу» писал: «…Стремительность света, скорый полет птицы и мгновенная передача предметов глазом порождали одно общее понятие о быстроте…» (Афанасьев, 1994а, с. 164), а потому звезда в воображении людей представлялась птицей, была крылата. В литературе, и особенно в поэзии, звезды нередко наделяются орнитологическими признаками, сравниваются с птицами: *«Малиновкой журчащею/Слетит в кусты звезда»* (С. Есенин); *«…падая, звезды/Ломали крылья»* (С. Курогло); «*Видишь, жар-птицей вспорхнула над степью/Утренней зорьки звезда голубая…»* (С. Курогло) (пер. Н. Кондаковой).

С. Курогло был не только поэтом, но и ученым, этнографом, посвятившим свою жизнь собиранию и изучению гагаузского фольклора, обычаев и обрядов гагаузов, поэтому совершенно не случайно в его поэзии присутствие неких этнографических мотивов, зарисовок, отмеченных Д.Е. Никогло (Никогло, 2007) и Л.С. Баурчулу (Баурчулу, 2007, 2008), образных сравнений звезд с огнем, со свечами:

«След кочевий,
гортанные речи,
и над всем этим –
звезды – в ряд! –
будто бы поминальные свечи
над могилами предков горят»

(Степная баллада) (пер. Б. Примерова)

«Снега на вершине холма –
Словно мягкая (пышная) мука.
Деревья и светящиеся звезды
Как будто поминальные свечи…»[5]

(Ожерелья зимы)

[5] Согласно народным обычаям гагаузов, на похоронах принято втыкать зажженные свечи в посудину с мукой.

В различных мифологических традициях бытовали разные представления о происхождении и устройстве Вселенной в ее взаимодействии с миром человека, и основополагающими, базовыми в традиционной картине мира были космогонические концепты – небо, солнце, луна, звезды. «Рядом с представлением, что звезда сияет на небе пока продолжается жизнь человека, и угасает вместе с его смертью, – было и другое, по которому душа в виде пламенной звезды нисходила из райских стран в ребенка в самую минуту его зачатия или рождения, а когда человека постигала смерть – покидала его тело, уносилась в свое прежнее отечество и начинала блистать на небесном своде…» (Афанасьев, 1994б, с. 208).

Известный русский исследователь жизни и быта гагаузов В.А. Мошков писал о гагаузах: «Космографические и географические сведения у гагаузов, как и у большинства современных нецивилизованных народов, представляются в виде смеси из осколков древних мифов, мифов позднейших и, наконец, обрывков современных сведений, почерпнутых из школ. Эти сведения очень часто противоречат друг другу и одно другое исключает, но это не мешает им уживаться рядом не только в головах многих людей, но зачастую даже в одной… *Звезды* Бог сотворил для красоты. Их на небе столько же, сколько людей на свете. Каждый человек имеет свою звезду, величина которой соответствует высоте его общественного положения. Так, например: царские звезды – самые большие, немного поменьше – звезды бояр и богачей, а самые мелкие и темные – это звезды бедняков. Когда человек умирает, то звезда его падает, а потому по величине упавшей звезды можно судить о том, какой человек умер, богатый и знатный или простой и бедный» (Мошков, 2004, с. 254, 257).

Известный исследователь гагаузского фольклора В. Сырф, ссылаясь на работы крупного русского тюрколога, исследователя гагаузского языка Л.А. Покровской, отмечал: «Космогонические предания, которые, как известно, отражают древнейшие народные представления о происхождении земли, неба, небесных светил, о смене времен года и т.д., сохранились в гагаузском фольклоре лишь в реликтовой, опосредованной форме. Среди гагаузских космогонических преданий имеются предания о происхождении звезд и созвездий, мироздания. В попытках объяснить явления природы люди прибегали к вымыслу, фантастике. В гагаузском фольклоре космогонические предания, в свое время подвергшиеся значительному влиянию ортодоксальной религии, сохранились лишь в памяти старшего поколения» (Сырф, 2011, с. 483).

В образе звезды в поэзии С. Курогло в наибольшей мере представлена мифологическая составляющая традиционной этнической картины мира гагаузов. В одном из известных стихотворений поэта «Звезды», эти традиционные мифологические представления о звездах нашли свое поэтическое выражение:

«Легенды озаряют мглу столетий,
И понял я в далекие года,
Что каждому живущему на свете
Дарована судьбы его звезда.
Едва раздастся крик из колыбели,
Она уже блистает в небесах,
Ведет дитя к еще незримой цели…
Пока она пылает в черной бездне,
И радостен, и счастлив человек.
Но стоит ей погаснуть
– он исчезнет,
Хоть, может быть,
его и длится век…»

(пер. Н. Бродского)

В названном стихотворении концепт *«звезда»* предстает в своих содержатель-

ных формах и как образ, и как многозначный символ, ибо звезда здесь – и мечта, и слава, и творчество, и любовь:

«Мечтателям земли сияют звезды
На башнях благородного Кремля.
Оглан к Ярим влеком звездою грозной.
Моя звезда – поэзия моя»

(пер. Н. Бродского)

В другом стихотворении «Звезда Чобана», написанном в день смерти большого гагаузского поэта Дмитрия Кара Чобана, С. Курогло вновь обращается к мифологическим представлениям о звездах, которые загораются на небе, когда душа человека покидает наш бренный мир. «По словам Аристотеля, душа усопшего превращается в звезду, и чем во время земной жизни она бывает пламеннее, возвышеннее, доступнее для духовной деятельности, тем блистательнее она горит по смерти человека» (Афанасьев, 1994б, с. 208). И Степан Курогло, понимавший значимость личности Кара Чобана, его поэтического дарования, связывает уход из жизни блистательного гагаузского поэта с рождением в небесах новой звезды:

«…в небесах родилась Звезда Чобана».

И в ряде других стихотворений С. Курогло мы находим отзвук мифологии: *«смотрю на звезды – вижу жизни…»* («Дастан» – «Звезда дорог»), «*Если погаснет звезда, в небе появившаяся,/Мы закончим свой век, исчезнем…»* («Смотри, цветок звезды расцвел» – «Птицы поднебесья»).

В мире поэтических образов Степана Курогло особое место занимает образ дороги. Дорога, путь, творческий поиск олицетворяют в поэзии С. Курогло основной смысл жизни лирического героя. И мотиву-образу дороги в творческих исканиях поэта всегда сопутствует образ звезды (*«Yol yildizi»*), Путеводной звезды, как человека, направляющего, определяющего судьбу поэта, и как поэзии, наполняющей жизнь лирического «Я» смыслом. Звезда у Степана Курогло не только путеводная, ведущая путника по верному пути, но и указующая. Звезда – знак, символ Провидения, Судьбы, некоего божественного явления: в определенный момент жизни, когда душа поэта объята печалью одиночества, появляется Она, возвращая поэту желание жить и творить:

«Взглядом меня подхватила, который
И до сих пор освещает мне сны…»

(Звезда) (пер. Б. Примерова)

В его стихотворении «Звезда» (*Йылдыз*), переходящем из одного поэтического сборника в другой, есть такие слова:

«Гördÿм, башы ÿстÿндä
Бир шафклы йылдыз йанарды»

«Я увидел над ее головой
Одной горящей звезды свет»

Появившаяся в небе, над головой женщины звезда словно подает знак, предсказывает поэту появление Избранницы. Подобные смысловые прочтения образа звезды, встречающиеся и в творчестве других писателей, относятся еще к древнему тексту Ветхого Завета. Согласно Евангелию от Матфея, волхвы видели «звезду» два раза: в первый раз на востоке (точнее: на восходе), а во второй после того как она «остановилась» над домом, в котором находились «Младенец с Марией». И здесь появление звезды указало волхвам на рождение Избранного.

Степан Курогло оказался наследником богатейших «звездных» традиций мировой, русской литературы, и здесь можно повторить слова Михаила Лобанова, сказанные им в свое время о Николае

Рубцове, что поэт шел от «звезды полей» к Вифлеемской звезде, к нравственным ценностям (Лобанов, 1973, с. 181-182). С. Курогло мог бы сказать о себе словами Арсения Тарковского: «*мой путь – от земли до высокой звезды…*» (Тарковский, 1991, с. 367).

Библейские мотивы, тема Вифлеемской звезды как символа, знака звучат и в поэзии С. Курогло, и в песенном гагаузском фольклоре, который поэт хорошо знал, особенно в религиозных песнях гагаузов:

«Hristos duudu»
(«Христос родился»):

«*…Açan Hristos duuhdu*
Büük yildiz ta göründü»

«…Когда Христос родился
Большая звезда показалась»

«Isuzun duuduu türküsü»:

«…Şu gün duusundan,
Büük yildiz duudu.
Biläsiniz, aniki
Isus dünneyä geldi»

«…На рассвете
Большая звезда родилась.
Знайте, что
Христос на свете появился».

(Цит. по: Квилинкова, 2007, с. 695, 880)

В гагаузских песнях с сюжетом о рождении Христа отмечается, «что за звездой, ведущей в Вифлеем, пошли так называемые *filosoflar*, чтобы поклониться Христу. Слово *filosoflar* использовано, по-видимому, в значении «мудрецы». Интересно отметить, что в Библии на гагаузском языке этот образ передан понятием *yildiz bilgiçleri* (досл. «знающие звезды»/«знатоки звезд») (Квилинкова, 2011, с. 191).

Связь Избранницы и образа, символа звезды еще не раз возникает в стихах С. Курогло. Так, он называет любимую *«девушкой, родившейся со звездной отметиной»*, рассказывает, как «*собрав остатки звезд, подарил их любимой в ожерелье»*, вспоминает тот час, когда любимая перед ним «*восходила как звезда…»:*

«В тот час, когда передо мной
Ты восходила, как звезда,
Мне вдруг открылся мир земной,
Травы зеленой доброта.
И неба синего печаль,
И боль земли, и бег земли,
И бесконечной жизни даль,
И счастье, ждущее вдали»

(В тот час, когда передо мной…)
(пер. А. Бродского)

В этих поэтических авторских образах прослеживается связь с образами, встречающимися в гагаузских песнях – *тюркю,* где символами молодой девушки, наряду с птицей, розой, фиалкой, является и звезда (Арнаут, 2011, с. 48). Сравнение любимых со звездами свойственно не только восточной поэзии, музыку которой мы слышим в стихах С. Курогло (Чеботарь, 2006, с. 726), но и многим национальным поэтическим картинам мира, в том числе русской, с ее символом единственной таинственной Звезды:

«Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя…»

«Среди миров…»
(И.Анненский)

Для Поэта Степана Курогло звезда, к которой обращена его душа, это символ любви, это образ любимой женщины. И здесь следует заметить, что и в русской поэтической традиции наиболее распространенной

метафорой, репрезентирующей концепт *«звезда»*, была «звезда любви»: «*Любви прекрасная звезда»* (И.С. Тургенев); *«Моя вечерняя звезда, / / Моя последняя любовь!»* (П.М. Вяземский); *«Звезда стыдливая любви»* (А.С. Пушкин).

Любовная лирика С. Курогло – «поэзия разлуки». Вспомним его «Старинные клятвы». Это клятва сына, воина, пахаря, писателя и …клятва разлученного. Не любящего, не влюбленного, а разлученного. Красота страдания, горькая красота разлуки, разделенности, наполняет поэзию С. Курогло до краев, почти не оставляя места красоте счастья, и образы звезд, чаще всего, углубляют выражение настроений грусти и печали, передают душевное состояние влюбленного и разлученного с любимой человека, состояние одиночества и невозможности счастья: *«Кликнул ту, которую любил я,/Одинокость перешла мне путь»* (Г. Кукарека)

Одиночество души Поэта, его невыносимая печаль не выражаются громкими страданиями, но лишь наполняют поэзию бесконечной и пронзительной тоской. И эта тоска роднит поэта с русским человеком, с его особенной чертой – склонностью к тоске. Мелодика грусти, душевной печали поэта отражает и гагаузскую ментальность, она сродни мелодиям гагаузских народных песен. Как отмечают исследователи песенного фольклора, «…у гагаузов больше печальных и довольно мало жизнеутверждающих песен» (Квилинкова, 2011, с. 346).

Собранные в единый цикл («Голос синей звезды») стихи зрелого поэта о любимой женщине строятся на мотиве уникальности и единственности избранницы, они дают представление о ее «нездешней», «звездной» природе. Возлюбленная предстает как «Синяя звезда». Именно благодаря синему цвету звезды, С. Курогло сумел выразить неведомые выси, неизвестность, мечту, непознанное счастье, возвышенность, печаль недостижимости (Тресиддер. URL: www.gumer.info). Вспомним С. Есенина: *«Синий свет, свет такой синий! / В эту синь даже умереть не жаль»*. Образ Синей Звезды С. Курогло невольно ассоциируется в нашей памяти с аналогичным образом Николая Гумилева: «*И умер я… И видел пламя, / Не виданное никогда: / Пред ослепленными глазами / Светилась синяя звезда»* (Н. Гумилев).

Синий цвет звезды тесно связан с концептом *«душа»*: *«Это только звезды над пустынным садом, Только синий свет твоей души»* (Г. Иванов). Звезда издавна символизировала душу. Отождествление души со звездой имеет давнюю традицию, основанную на древних мифологических представлениях.

Об этом писал А.Н. Афанасьев: «Душа представлялась звездой, что имеет близкую связь с представлением ее огнем; ибо звезды первобытный человек считал искрами огня, блистающими в высотах неба» (Афанасьев, 1994б, с. 206). Об этом же писал в своих стихах Федор Тютчев: *«Душа хотела быть звездой…»*. И Синяя звезда С. Курогло – это душа любимой женщины, несущая Свет.

«…Существует поверье, в котором нельзя не признать отголоска глубокой древности, что каждое светило имеет своего ангела; один ангел носит по небу солнце, другие луну и звезды; вечером всякий ангел зажигает свою звезду, как лампаду, а перед рассветом тушит ее» (Афанасьев, 1994а, с. 177). Не раз в стихах С. Курогло повторяется обращение к любимой как ангелу-хранителю, как защитнице, спасительнице. Сравнивая женщину с ангелом, он проводит поэтические параллели между звездами, глазами ангелов и глазами любимой:

«Звезды – как глаза любимых…»

(Ожерелья зимы)

«Из …сродства понятий света и зрения, во-первых, возникло мифическое представление светил небесных – очами, а во-вторых, родилось верование в чудесное происхождение и таинственную силу глаз…» (Афанасьев, 1994а, с. 153). Внимание к глазам – черта, роднящая С. Курогло еще с одним «звездным» русским поэтом – Афанасием Фетом. Мало внимания уделяя портретным характеристикам, поэт часто описывает глаза женщины как выражение ее души, ее «тихую музыку», создавая образ Женщины-мечты, звездный свет души которой – Грусть, Печаль, чувства, созвучные музыке души самого поэта:

«Еркен пек краалар дӳшмӳш
гӧзлерин чайырларна…»

(Еркен пек…)

«Слишком рано выпал иней
на долины глаз твоих…»

(Слишком рано…)

Вновь и вновь, от стихотворения к стихотворению звучат у С. Курогло слова благодарности Женщине за подаренное счастье, за желание снова жить:

«Пришла, защитница и фея
травы и птицы, и зверья.
И в свете глаз твоих теплее
мне показалась жизнь моя…»

(Когда рябина багровела)
(пер. Н. Кондаковой)

«Как и прежде, я женщину славлю
ибо, травам волшебным под стать,
в дни печали, и боли, и травли
приходила она исцелять.
Как смеялась она, как сияла,
сколько в ней сохранилось тепла!
И зимою от стужи спасала,
в зной – водой родниковой была…»

(Дороги) (пер. Н. Кондаковой)

В образе Синей звезды Степана Курогло, образе женщины-защитницы, заступницы проявляется сакральная символика синего цвета, отсылающая нас к возвышенному, к образу Царицы Небесной, так чтимой православными гагаузами, названия храмов которых в большинстве своем несут образ и имя Богородицы (Квилинкова, 2007, с. 85), Спасительницы в синих, небесных одеждах и короне из золотых звезд: «*В венце из звезд, нетленная богиня, / С задумчивой улыбкой на челе»* (А. Фет).

Но Синяя Звезда Степана Курогло – это не только символ Любви, не только образ любимой женщины, это символ прошлого, символ вечности: *«От вечных звезд – ложится синий свет / Над сумрачным земным существованьем»* (Г. Иванов). За этим знаковым образом звезды ощущаются и голоса далеких предков, Гёк-огузов, Небесных тюрок, души которых звездами сияли с высокого Неба Тенгри[6], напоминая поэту о прародине, о генетическом единстве с тюркским миром, о дальних путях миграций. Голос Синей Звезды – это образ-воспоминание о прадеде – «жителе солнечных Балкан», об ушедшей в «звездный мир» матери, это символ памяти, осознания духовной связи с предками:

«Завещал мне пращур или прадед
Поклоненье звездным чудесам…»

(Небо в наследство)
(пер. А. Бродского)

[6] По данным, собранным В.В. Радловым в его «Опыте словаря тюркских наречий» (1898), Тенгри «являлся верховным божеством у всех тюркских народов, которые обитали в домонгольское время на обширной территории Средней Азии, Алтая и Монголии». У большинства современных тюркских и монгольских народов термин *тенгри* означает «небо» и «бог».

В завершение следует сказать, что выделенный в поэзии С. Курогло образ звезды является сквозным, повторяющимся, переходящим из стихотворения в стихотворение, из сборника в сборник. Звезда в поэзии С. Курогло – многозначный символ: символ света, любви, надежды, верной дороги, символ судьбы, родины, памяти и творчества. Этот образ является авторским кодом поэта, содержащим в себе его мировоззренческие и эстетические принципы, идеи и взгляды, систему его жизненных ценностей.

Концепт *«Буджак»*

Любовь Степана Курогло к России, к ее зимам, к Подмосковью, которому поэт посвятил немало прекрасных стихотворных строк, не идет ни в какое сравнение с его пронзительной любовью к родной земле, степи, привольно раскинувшейся под звёздным небом.

В поэтической картине мира С. Курогло концепт *«Буджак»*, который ассоциируется с Буджакской степью, с родным домом, с малой родиной, по отношению к которой поэт испытывает сыновние чувства, занимает особое место. В поэтических сборниках С. Курогло есть целый ряд стихотворений, в названиях которых звучит слово «Буджак»: «Буджак, ты не забыл меня» (сборник «Птицы поднебесья»); «Время меняет лицо Буджака», «Слово о Буджаке» (сборник «Родословное древо»); «Мой Буджак», «Тюльпаны Буджака», «Утро в Буджаке» (сборник «Звезда дорог»). Мы насчитали свыше 50 стихотворений, в которых в том или ином контексте автором упоминается Буджак.

Степан Курогло был истинным сыном своей малой Родины – Буджака, который поэт называл *«мой, милый, родной»*. Он не уставал воспевать его вековую историю, людей, их традиции и обычаи, красоту этого степного, полынного края, любуясь звездами высокого, синего неба-шатра:

«…Беним, Буджаам, бозкырларын
йылдызларын, данын, гүнүн…»

(Үзер тепелерин чакыр…)

«Мой Буджак степной,
звездный, рассветный, солнечный…»

(Плывут холмы в голубизне…)

«Ah, Bucaam, ana tarafim,
yok sendän taa gözäl erlär,
yildizli gecelär korafi
masala mi, gerçää mi benzäär!»

(Yildizli gecelär)

«Ах, Буджак, край мой родной,
нет поныне земли, прекрасней, чем ты,
звездными ночами украшенный,
на сказку, на быль ли похожий!»

(Звездные ночи)

Можно говорить о большом влиянии природы на формирование менталитета С. Курогло, на особое звучание произведений поэта. Родная природа, степь, Буджак – источник, дающий импульс его творчеству. Бескрайние просторы степи, полынный ветер, пылающие тюльпаны, степные глаза-озера и звенящие хрустальные родники – эти образы окружающей природы, эти символы-маркеры Буджака являются в лирике поэта не просто «дежурными компонентами национальной идентичности» (Султанов, 1996, с. 28). Через них С. Курогло удалось раскрыть специфику мировосприятия гагаузского народа, одновременно создав свою поэтическую картину мира. Мир природы, воспринимаемый поэтом, является не только выражением своеобразия лирического «я», но и способом воссоздания образа родины, открытия ее пространств, средством отражения

диалектики этнического мировидения, мироощущения гагаузского народа, что заставляет задуматься о глубинной сути понимания связи человека и родной земли.

«…А теперь представь: рассвет, туман,
солнечные нити золотые,
и холмов степенный караван
и поля, хлебами залитые.
Догорают поздние костры,
прикорнули овцы в стороне,
словно на Гыр-ате Героглы –
молодой чабан на скакуне…»

(Ответ туркменскому другу)
(пер. В. Чудина)

В стихах Степана Курогло проявлялась его романтичная и нежная душа, открытая красоте отчего края, которую он видел всюду и во всем. Однажды, в письме к друзьям Степан Курогло делился своими впечатлениями о родной земле, Гагаузии:

«Оказался очевидцем необычайного пейзажа. Насколько припоминаю, не только в Молдавии, но и в Казахстане, и в России не видывал такого простора, открывшегося мне в пути от Вулканешт в сторону юго-востока (сс. Чишмикиой, Этулия). Такое небо впервые видел. Виноградники – конница предков. Горизонт – вдали, «за морем». А с. Этулия, зажатое холмами, я взял на ладонь и долго рассматривал. Это удалось, благодаря тому, что взобрался на самую «высшую» точку над селом. Село было сказочным: в тумане светлеют домики с красными черепичными крышами. За ними – зелень степи. Цветущие яблони и персики – юных дев наряды. Столько красок, но не броских, еле-еле пробивающихся сквозь синеватый (не серый) туман. А овраги, более похожие на ущелья, в тумане не менее красивы. Их склоны из желтой и красной глины, зеленые холмы, верблюдами пасущиеся рядом… Реликты старины вблизи. Старое кладбище. Степь, уходящая из-под ног. И фиолетовые и желтые петушки, выбивающиеся (точнее, вылетающие) из-под ног, дикие петушки!..».

В стихотворных строках С. Курогло Буджак – не только «*седой и полынный*», но и «*звездный, рассветный, солнечный, широкий, привольный*», украшенный и кружевом цветущих садов, и пламенем полыхающих виноградников. Удивительно поэтичны у С. Курогло сравнения спелых, прозрачных, переливающихся на солнце виноградных гроздей с сияющими в небе звездами:

«Гöктä йылдыз салкым-салкым…»
«…бин йылдыз салкымнары –
чотукларында баайын»

(Гечинмäз Сабир дурэр…)

«В небе звезды гроздьями-гроздьями…»
«…тысячи звезд гроздьями –
на виноградных кустах висят»

(Возвышается неумерший Сабир)

Вместе с тем, ощущая в стихах поэта любовь к родному краю, любование его звездными красотами, упоение его запахами, настоянными на ветрах и травах, мы не можем не почувствовать в поэтических творениях С. Курогло невыразимое до конца одиночество: горькое, полынное одиночество человека в степи и в жизни. Тема одиночества, беззащитности перед миром, лейтмотивом проходит по всему творчеству поэта, которого в жизни многие считали очень сильным человеком, стойким, несгибаемым борцом: на идеологическом фронте, на спортивном борцовском ринге. Во многих стихах С. Курогло образ Буджака, степи ассоциируется с тишиной, болью и одиночеством, которое многократно усиливается образом одинокой птицы. Одиночество в природе и на душе находятся в одном ряду:

«Сердцу с годами в степи тяжело,
Только любовь к ней все та же,
все та же…»

(Время меняет лицо Буджака)
(пер. Н. Кондаковой)

Буджак – малая Родина, Родина, будучи одним из ключевых концептов гагаузской культуры, образуя ценностную доминанту гагаузского этноса, и в поэтической картине мира С. Курогло, который являлся выразителем духа народа и его выдающимся представителем, наделяется высшей ценностью. Степан Курогло создал в своих поэтических произведениях образ Буджака, достоверный и узнаваемый, но вместе с тем поэтический, одухотворенный, врывающийся в душу. В стихах, посвященных Буджаку, раскрывается единство души поэта и родины, нерасторжимость их связи. Это единство достигается слиянием звездного света, которым озарена родная земля, и звездного света, живущего в душе поэта.

«Горы меня на руках не носили,
Над колыбелью мне море не пело.
Степь Буджака, что влила в меня силы,
В душу вошла и к судьбе прикипела»

(Горы меня на руках не носили)
(пер. Н. Кондаковой)

«У меня душа больна Родиной», – мог бы сказать Степан Курогло словами Бориса Примерова, поэта-переводчика его стихов на русский язык. Он, непровзойденный русский лирик, продолжатель есенинских традиций любви к родной земле, родной природе, отразившихся в назвниях его стихотворных сборников – «Синевой разбуженное слово», «Некошеный дождь» и др., трагически ушел из жизни. Может быть, именно «есенинское звучание» переводов Бориса Примерова (которого сам Степан Курогло считал наиболее тонким выразителем своих идей, душевных переживаний, настроений, образов) способствовало тому, что некоторые исследователи поэтического творчества С. Курогло (М.Н. Губогло) назвали его «гагаузским Есениным».

Рассмотрение концепта *«Буджак»* в поэтических сборниках С. Курогло, вышедших в разные годы, позволило проанализировать эволюцию его содержания, заключающуюся в накоплении концептуальных признаков на пути от народного представления (заключенного в словарях) к идее идентификации Буджака с домом, с Родиной, с миром. В «Гагаузско-русско-молдавском словаре», вышедшем в 1973 г., есть слово *«Буджак»*, обозначающее лишь природное и географическое понятие – *«степь, южная часть Молдавии»*. И в раннем периоде поэтического творчества С. Курогло это слово встречается чрезвычайно редко и используется всего лишь как образ степи, чаще всего седой и полынной, символизирующей широкие просторы южной молдавской земли, ее бесконечность и вечность. С течением лет на смену поэту-лирику, воспевающему звезды, Любовь, Женщину, приходит поэт-гражданин, и стержневой темой стихов С. Курогло становится родная земля, Буджак, народ, история гагаузов. От стихотворения к стихотворению рефреном звучит мысль о единстве с народом, об истоках, сыновней любви к Родине, к Буджаку.

«Милый Буджак мой,
и плотью, и кровью
Твой навсегда я, и без суесловья
Тотчас примчусь,
если кликнешь на помощь…»

(Горы меня на руках не носили)
(пер. Н. Кондаковой)

«Если спросят, что в мире подлунном
Я святее всего берегу,
Без сомненья –
«Буджак мой полынный», –
Я и другу скажу, и врагу…

Если спросят, откуда я родом,
отвечаю я: «Из Буджака!» –
Чем живу я? –
«Родным мне народом!»

(Слово о Буджаке)
(пер. Н. Кондаковой)

В более зрелых стихах поэта, 1980-х – 2000-х гг., значение концепта *«Буджак»* многократно усложняется, приобретая чрезвычайный объем и многоплановость. *«Буджак»* трансформируется из простого географического топонима в сложное понятие и символ. Усложнение концепта *«Буджак»* в поэтическом творчестве С. Курогло совпадает с началом борьбы гагаузов за национальное самоопределение, за создание своей автономии на земле Буджака, с тем сложным этнополитическим процессом, в котором С. Курогло играет роль одного из духовных, идеологических лидеров, заметной фигуры национального Возрождения гагаузов, о котором, наряду с другими его соратниками – С.С. Булгаром, Г.А. Гайдаржи, М.В. Кендигеляном, М.В. Маруневич, С.М. Топалом и др. – гагаузы могли бы сказать: «Эти люди нас создали». *«Буджак»* рождает и воспитывает в гагаузах чувство их единства и принадлежности Буджакской земле, чувство национальной гордости. Именно в конце 1980-х гг. особенно актуальными для гагаузов становятся проблемы этнической идентичности, что находит свое отражение в смысловой наполненности слова «Буджак». Это – не просто степь, это – Родина, духовное пристанище, святыня, за которую не жаль отдать собственную жизнь:

«…senin için
kurban olarim bän»

(Bucaam)

«…за тебя
жертвою буду»

(Мой Буджак)

Подводя итоги нашего краткого и далеко не полного анализа, можно утверждать, что содержание концептов *«звезда»* и *«Буджак»*, репрезентируемых в поэзии С. Курогло, формировалось как на основе индивидуально-авторского представления, вобравшего в себя личный жизненный опыт и творческое осмысление, переработку элементов традиционной гагаузской культуры, этнических аспектов модели мира гагаузов, их национальной символики, так и на основе русской культуры, русского образа мира, а также универсальных общекультурных знаний, определяемых наличием в творчестве поэта мифологических (языческих) и христианских мотивов.

Свойственный поэтическому миру С. Курогло способ концептуализации действительности детерминирован, как нам представляется, двуязычием поэта. Несмотря на то, что Степан Курогло писал свои стихи исключительно на гагаузском языке, совершенно свободное владение русским языком, на котором проходило его обучение в школе, в университете, трудовая деятельность в стенах Академии наук Молдавской ССР, общение в семье, с коллегами и друзьями из России и бывших республик Советского Союза, наложило свой отпечаток на менталитет, мировидение поэта. Оно было в значительной степени национально специфичным, но отчасти и «русским», потому что носители разных языков могут видеть мир несколько по-разному, через призму тех языков, которыми владеют. Первым об этом написал Вильгельм фон Гумбольдт: «…через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познали в нем; и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку в отчетливых и действительных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия» (Гумбольдт, 1985, с. 349).

«Авторы-билингвы отличаются формированием особой картины мира, сочета-

ющей две контактирующие культуры: родную культуру и ее язык, и культуру второго языка» (Юзефович, 2011).

Русский язык, ставший в XX в. языком межнационального общения для многих народов России и СССР, выполнял роль языка-моста, «соединившего впервые в истории художественные берега народов, незадолго до этого не знавших о существовании друг друга» (Айтматов, 1984, с. 346-349). И писатели, творившие на своих национальных языках, но владевшие свободно и русским языком, владели и двумя способами выражения мысли, были приобщены к двум национальным культурам, в их произведениях можно увидеть некий синтез двух картин мира.

Степан Курогло был билингвом, даже полилингвом, поскольку помимо родного и русского языков, владел и болгарским, поэтому в его художественных текстах тесно сплетаются языковые картины нескольких этносов. Для создания своей поэтической картины мира автор использовал не только гагаузские, тюркские, но и русские, болгарские имена собственные, географические названия, передающие топонимику России, Болгарии и других стран. И на формирование концептосферы поэта оказывали влияние в большей степени две культуры, две языковые картины мира – гагаузская и русская, у каждой из которых своя история. Сочетание, взаимопроникновение, богатств двух разных языков, двух отличных культур, двух народных традиций привело к формированию обусловленного билингвальным творческим сознанием особого поэтического текста, который до сих пор остается одним их самых загадочных и малоизученных лингвистических объектов (Бахтикиреева, 2005, с. 1).

Степан Курогло, будучи носителем национальной культуры, родного языка, гагаузской ментальности отразил в своем творчестве мир и дух степного народа, его историю, обычаи и традиции, показал фольклорные и эпические образы *Героглы, Оглана, Ярим,* дал возможность услышать мелодии гагаузского *кауша,* увидеть *алай, кош,* вспомнить *сурваки* и *тылсым*[7]. Но он сумел показать в созданной им поэтической картине мира не только Красоту полынного Буджака со звездными россыпями хрустальных родников, не только опьяненную солнцем степь с кружащимся по нему перекати-полем, но и звездное сияние снежных зим («Ожерелья зимы»), горькую, рябиновую историю Русской земли («Сны Сетуни»), синий свет Мечты и Любви, тоску Одиночества, так близкие и понятные русской душе, ибо именно к душе и обращена поэзия.

* * *

Счастливого человека, которому покровительствует судьба, тюрки называли «человеком со звездой» (Безертинов, 2000, с. 89). Совершенно очевидно, что Звезда сопутствовала Степану Курогло всю его жизнь, определяя его «звездную» Судьбу, ведь душа поэта от рождения отмечена особой печатью и живет по своим законам, находясь в постоянном поиске чего-то неведомого другим. Из крестьянского мальчика *«со звездой в руке»,* который *«с детства любил смотреть на небо»,* он вырос в крупного гагаузского ученого, поэта, всю жизнь не устававшего ходить по степным дорогам, глядеть на звездное небо над Буджаком, утолять жажду из его родников и воспевать в своих стихах те ценности, которые Степан Курогло всегда отстаивал в своей жизни и творчестве – «звездную» любовь к Женщине, к родной земле, к своему народу.

[7] Слова, означающие предметы и явления жизни, символичные, значимые для гагаузов (конные скачки, ковер для национальной борьбы), а иногда устаревшие, почти забытые (прутик, используемый во время новогодних колядок, домовой и пр.)

Литература

Айтматов Ч. Человек между двумя языками // Собр. соч. в 3-х т. Т. 3. М.: Молодая гвардия, 1984. С. 346-349.

Анненский И.Ф. Стихотворения и переводы. М.: Современник, 1981. 241 с.

Арнаут Т. Мотивы любви и смерти в гагаузских лирических песнях (к постановке проблемы) // Revista de etnologie şi culturologie. 2011. Vol. IX-X. P. 48-51.

Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. Антология. М.: Академия, 1997. С. 267-279.

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т.1. М.: Индрик, 1994а. 784 с.

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 3. М.: Индрик, 1994б. 800 с.

Баурчулу Л.К. Фольклор в творчестве гагаузских писателей // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 3. М.: Старый сад, 2007. С. 351-364.

Баурчулу Л.К. Отражение народных традиций в произведениях гагаузских писателей Н. Бабоглу и С. Куроглу // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 4. М.: Старый сад, 2008. С. 452-467.

Бахтикиреева У.М. Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва: Автореф. дисс. … д-ра филол. наук. М.: РУДН, 2005. 41 с.

Безертинов Р.Н. Тенгрианство – религия тюрков и монголов. Казань: Слово, 2004. 448 с.

Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. Минск: Белорусский экзархат Московского патриархата, 2019. 1520 с.

Бунин И.А. Собрание сочинений в 9-и томах. Т. 1. М.: Художественная литература, 1965. 651 с.

Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Советский писатель, 1995. 480 с.

Губогло М.Н. Антропология повседневности. М.: Языки славянской культуры, 2013. 752 с.

Гумбольдт В., фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 448 с.

Гумилев Н. С. Стихи. Письма о русской поэзии. М.: Художественная литература, 1990. 448 с.

Есенин С.А. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1986. 464 с.

Иванов Г.В. Стихотворения. Третий Рим. Петербургские зимы. Китайские тени. М.: Книга, 1989. 576 с.

Квилинкова Е.Н. Традиционная духовная культура гагаузов: этнорегиональные особенности. Кишинев: Business-Elita, 2007. 840 с.

Квилинкова Е.Н. Гагаузский песенный фольклор – «грамматика жизни». Кишинев: Elan INC, 2011. 568 с.

Колесов В.В. Жизнь происходит от слова. СПб.: Златоуст, 1999. 368 с.

Кукарека Г. Журавли над Манычем. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1974. 83 с.

Куроглу С. Кауш авалары (Напевы струн). Стихи (на гаг. яз.). Кишинев: Литература артистикэ, 1977. 96 с.

Куроглу С. Ўясек кушлар (Птицы поднебесья). Стихи (на гаг. яз.). Кишинев: Литература артистикэ, 1982. 134 с.

Курогло С. Родословное древо. Стихи и поэмы. Кишинев: Литература артистикэ, 1988. 168 с.

Лобанов М. Стихия ветра // День поэзии – 1972. М.: Сов. писатель, 1973. С. 181-182.

Мазурик О.А. Концепт «снег» в русской и японской поэзии серебряного века // Серебряный век: диалог культур. Одесса: Астропринт, 2006. С. 217-227.

Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.

Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда. Кишинев: F.E.-P, 2004. 492 с.

Никогло Д.Е. Этнокультурные мотивы в поэзии С.С. Курогло // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 3. М.: Старый сад, 2007. С. 376-390.

Пименова М.В. К вопросу о методике концептуальных исследований (на примере концепта звезда) // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира. Вып. 4. М., Архангельск: [б.и.], 2009. С. 140-153.

Пирогова М.Н. Концепт «звезда» в русском фольклоре и литературе (на материале текстов заговорно-заклинательной поэзии и творчества И.А. Бунина): Автореф. дис. …канд. филол. наук. Ульяновск: УГПУ им. И.Н. Ульянова, 2011. 20 с.

Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Спб.: Тип. Имп. акад. наук, 1898. 2000 с.

Рубцов Н.М. Видения на холме: стихи, переводы, проза, письма. М.: Советская Россия, 1990. 400 с.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.

Султанов К.К. «Лабиринт сцеплений». Этническое – национальное – художественное // История национальных литератур. Перечитывая и переосмысливая. Вып. 2. М.: Наследие, 1996. С.150-161.

Сырф В. Поэтическое творчество // Гагаузы. М.: Наука, 2011. С. 478-487 [*Серия «Народы и культуры»*].

Тарковский А. Собрание сочинений в 3-х томах. Т. 1. М.: Художественная литература, 1991. 482 с.

Тресиддер Дж. Словарь символов. Интеренет-ресурс. URL: www.gumer.info (обращение 07.11.2019 г.).

Чеботарь П.А. Гагаузская художественная литература // История и культура гагаузов. Комрат, Кишинев: Понтос, 2006.

Юзефович Н.Г. Инолингвокультурный субстрат в транслингвальной литературе. Постановка проблемы // Speech and Context. International Journal of Linguistics, Semiotics and Literary Science. 2011. Vol. 2. P. 235-244.

Kuroglu S. Yol Yildizi. Chişinău: Ruxanda, 2000. 80 p.

И.В. Севастьянов

ПЕТРОВ ДЕНЬ (ПИТРАУ) У КРЯШЕН ТАТАРСТАНА: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Введение

Тема традиционной праздничной культуры кряшен в отечественной этнографии разработана очень фрагментарно, и исследований по данному предмету крайне мало. Здесь сразу следует пояснить, что сами кряшены многими специалистами рассматриваются как субэтническая (или этноконфессиональная) группа в составе волго-уральских татар Есть точка зрения, согласно которой кряшены могут считаться отдельным тюркским народом с татарским языком, но православного вероисповедания. Таким образом, этнический (национальный) статус кряшен остается дискуссионным, и единого мнения у ученых по этому вопросу нет. Представление о кряшенах как о части волго-уральских татар в значительной степени способствовало тому, что их обрядово-праздничная культура рассматривалась как неотъемлемая часть народной культуры татарского народа и потому в соответствующих исследованиях упоминалась скорее «походя», лишь в контексте общетатарской этнографии.

Первые сообщения о весенне-летних праздниках кряшен Казанской губернии содержатся в письменных работах православных миссионеров, посвященных быту и религиозным верованиям «крещеных татар». Так в работе Н. Одигитриевского «Крещеные татары Казанской губернии. Этнографический очерк» есть упоминания о «сабантуе» и «майдане», исконных народных гуляниях «крещеных», которые обычно приурочены у них к храмовым и, в том числе, престольным праздникам (Одигитриевский, 1895, с. 40, 60). Одним из таких праздников следует считать и Петров день (кряш. *Питрау*), соответствующий дню апостолов Петра и Павла православного церковного календаря.

На страницах этнографических работ по татароведению, относящихся к советскому времени, праздничная культура кряшен практически не рассматривалась. Основное внимание уделялось этнографии татар-мусульман, а сами кряшены виделись только как незначительный сегмент большой татарской этноязыковой общности. К тому же специфический идеологический климат той эпохи мало способствовал изучению народной православной культуры (и, соответственно, особенностей бытования православных праздников в народной среде) носителями которой, несомненно, следует считать кряшен, чьи предки приняли православие еще в XVI в., вскоре после присоединения Казани к Московскому государству. Об отдельных элементах праздничной обрядности кряшен изредка упоминалось только в контексте изучения общетатарской духовной культуры.

Если брать историографию более позднего времени (начало 1990-х гг.), то здесь упоминания о весенне-летних праздниках кряшен содержатся в статье Р.К. Уразмановой «Особенности традиционных народных праздников татар Среднего Поволжья», входящей в коллективную монографию «Этнокультурное районирование татар Среднего Поволжья» (Уразманова, 1991). Так, автором подчеркивается, что у кряшен бытовали многие обряды и игровые действа, характерные

для поволжских татар, но только приурочены они были, по большей части, к праздникам православного календаря. Обряды, действия, обычно входящие в татарский сабантуй, имели место во время празднования кряшенами Пасхи, Вербного воскресенья (Уразманова, 1991). Летнее моление о благоприятной погоде (*корбан буткасы*) у кряшен было определенным образом связано с Петровым днем (проводилось через неделю после *Питрау*).

Кроме того, как пишет Р.К. Уразманова в монографии «Обряды и праздники татар Поволжья и Урала. Годовой цикл XIX – нач. XX вв.» (2001), летние праздники кряшен (Троица, *Питрау*), в том числе, престольные, в селах, где были церкви, по форме их проведения напоминали *джиены* татар-мусульман. При этом характерные для *джиенов* состязания у кряшен отсутствовали. В целом, согласно Р.К. Уразмановой, общий характер общественных обрядов праздников кряшен был аналогичен соответствующей казанско-татарской традиции (Уразманова, 2001, с. 121). Впрочем, существенным моментом здесь является наличие исламской составляющей в обрядово-праздничном комплексе татар-мусульман, отсутствующей у кряшен. Календарные праздники кряшен (Рождество, Масленица, Пасха, Троица, Петров день, Покров и некоторые другие) были преимущественно православно-христианского происхождения.

Постановка проблемы и цели исследования

Проблематика современной этнографии кряшен во многом концентрируется на вопросе их этнического самоопределения и «национального» статуса в официальном перечне народов Российской Федерации. Кроме того, специфическое «переходное» положение кряшен между мусульманским тюркоязычным населением Урало-Поволжья и преимущественно православными народами этого региона придает исследованию кряшенской традиции, прежде всего связанной с религией, особый интерес и актуальность. Само движение за этническую самобытность, зародившееся в среде кряшен Татарстана еще в 1990-е годы, демонстрирует поиски собственной культурной идентичности через попытки возрождения старых традиций (здесь можно упомянуть и возрождение кряшенских церковных приходов, и попытки наладить издания кряшенских газет), в том числе, через организацию своих «общереспубликанских» народных праздников. Подобный процесс можно считать изобретением традиции заново, тем более в условиях бурных общественно-политических изменений и трансформаций, когда старое приходится переосмыслять и приспосабливать его к новым жизненным реалиям.

Таким образом, здесь мы можем наблюдать пример возрождения (и одновременно изобретения) традиции в процессе поиска и выстраивания своей этнической идентичности представителями кряшенского сообщества на рубеже 1990-х – начала 2000-х гг. Одним из ярких проявлений этого процесса можно считать возрождение народных праздников кряшен, преимущественно православных и соответствующих церковному календарю. Самым известным и широко отмечаемым здесь стал Петров день (кряш. *Питрау*).

Следовательно, основной целью данной работы является рассмотрение некоторых особенностей современного «этнического возрождения» у кряшен Татарстана на примере такого культурного явления как Петров день со всеми присущими ему специфическими чертами, с взаимодействием старого и нового в его рамках. Кроме того, важно проследить влияние этого явления на процессы современной этнической самоидентификации у представителей кряшенского сообщества и, соответственно,

то, как эти процессы отразились на таких «вновь возрождаемых» традициях как празднование *Питрау*.

Методология

Данная статья основывается главным образом на полевых материалах автора (ПМА), собранных на территории Республики Татарстан (РТ) в июле 2010 г., в Нижнекамском, Заинском и Мамадышском районах. Сбор материала осуществлялся методом интервьюирования респондентов (в подавляющем большинстве кряшенского происхождения). Вопросы задавались в свободном формате беседы-интервью.

При работе со специальной литературой по этнографии кряшен и других народов Урало-Поволжья применялись историко-генетический и историко-сравнительный методы. Эти подходы позволяют осмыслять особенности духовной культуры кряшен в контекстуальном ключе, показывая ее взаимодействие с культурами других народов региона. Так же это помогает проследить генезис тех или иных черт в данном этнографическом комплексе.

Результаты исследования

Предметом исследования в данной работе являются особенности и специфические черты праздника Петрова дня (*Питрау*), ставшего в настоящее время главным народным праздником у кряшен Татарстана. Как известно, большинство традиционных праздников кряшен имеют православно-христианское происхождение. Это – Пасха, Рождество, Троица (кряш. *Тройсын, Симек*), Крещение (связано с *Нардуганом*), Покров и некоторые другие. Некоторые кряшены из примешинской локальной группы, к примеру, называют Троицу своим, «крещенским», Сабантуем (ПМА, 2005. РТ, Пестречинский район, с. Янцевары). Но наиболее широко отмечаемый большинством кряшен православный праздник – Петров день, соответствующий дню святых равноапостольных Петра и Павла и, согласно православному церковному календарю, приходящийся на 12 июля. Сами кряшены считают Петров день своим главным «национальным» праздником и в последнее время стремятся отмечать его с особым размахом.

Исключение здесь составляют лишь молькеевские (кайбицкие) кряшены, населяющие десять селений на границе Татарстана и Чувашии (Кайбицкий район РТ). Сама этническая история молькеевских кряшен очень тесно связана с соседними чувашами-*анатри* (Молькеевские кряшены, 1993); обычное явление здесь — браки между чувашами и кряшенами, чувашский язык знают в местных «крещено-татарских» селениях. Представители данной этнографической группы считают своим главным праздником *Симек* (от названия «Семик», одного из русских обозначений Троицы с предшествующей ей «семицкой неделей»). «Если у других кряшен Петров день больше всего отмечается, то у нас Троица, *Симек*, прежде всего» – так характеризовали местную ситуацию жители села Хозесанова (ПМА, 2005. РТ, Кайбицкий район, с. Хозесаново). Здесь, видимо, сказалось сильное влияние чувашских традиций на народную культуру молькеевских кряшен. Как известно, *Симек* отмечался и отмечается значительной частью чувашей как раз накануне Троицы (Чуваши…, 2009, с. 130).

Еще в недавнем прошлом праздник Троицы был главным летним праздником в ряде кряшенских деревень Башкирии. По рассказам выходцев из тех мест (кряшены в основном населяют Бакалинский район Башкортостана), Троица почиталась как своего рода «рубежная», «переходная» дата, приходящаяся на летнее время, и отмечалась всеобщим народным гуляньем где-нибудь на высоком пригорке около деревни. Петров день так же был известен

кряшенам Башкирии, но у них он не был «рядовым» праздником по сравнению с упомянутой Троицей. Инициатива сделать *Питрау* «общекряшенским» народным праздником, по мнению представителей башкортостанского сообщества кряшен, принадлежит общественным организациям «казанцев» (Личный архив автора, Запись за 2017 г.).

Что касается нынешней ситуации в Татарстане, то здесь в настоящее время в населенных пунктах с преобладающим кряшенским населением Петров день собирает разное количество народа, но особенно массовое гуляние теперь происходит у села Зюри Мамадышского района РТ. Село Зюри – родина главы исполкома Общественной организации кряшен РТ И.М. Егорова. Надо сказать, что И.М. Егоров человек известный в Республике, глава холдинга «Акбарс». Теперь о праздновании кряшенами Петрова дня иногда говорят и на некоторых татарстанских телеканалах. В советское время этот праздник отмечался лишь в местном деревенском кругу, среди своих, и без широкой огласки.

Почему же именно день Петра и Павла стал настолько «своим» для кряшен, ныне воспринимающих его как некое общенародное торжество, объединяющее всех, кто ощущает свою принадлежность к «кряшенскости»? Здесь, опять же, можно строить разные догадки. Некоторые из моих информантов объясняли особую приверженность кряшен празднованию Петрова дня естественными особенностями сельскохозяйственного уклада, искони сложившегося в «крещенских» деревнях (ПМА, 2010. РТ, г. Набережные Челны). Мол, в деревне после окончания посевных работ и перед началом сенокоса как раз выдавался относительно свободный промежуток времени, на окончание которого как раз и приходился означенный день – 12 июля, когда «Петр и Павел час убавил».

Вполне возможно, что традиция широко отмечать Петров день, пошла от так называемого «праздника листвы», который в прошлом справляли во многих кряшенских селениях как раз в первой половине лета. Этот старинный праздник, по-видимому, был посвящен летнему расцвету природы, когда растительность находится в полной силе. Впоследствии та роль, которую в обычаях предков нынешних кряшен играл этот праздник, могла перейти к Петрову дню.

К тому же, кряшенский Петров день может быть связан и с древней татарской (или, возможно, еще булгарской) традицией проведения *джиенов*, праздничных летних сходов жителей деревень той или иной сельской округи. *Джиен* всегда отмечался широкими гуляниями: песнями, различными играми и соревнованиями, что очень напоминает и современный Петров день. Сохранение этой праздничной традиции у молькеевских кряшен (здесь бытовало название «Уен») отмечалось исследователями еще в конце 1980-х годов. Проходил этот праздник летом, на нем проводились традиционные состязания (скачки, борьба), устраивались встречи родственников из разных селений (Котова, Лойко, 1986).

Судя по всему, превращение *Питрау* в своего рода общекряшенский праздник началось уже в 1990-е годы, во многом благодаря усилиям активистов «культурно-просветительских» обществ кряшен. В результате многие стали воспринимать этот праздник как особого рода символ, объединяющий людей кряшенского происхождения из разных районов, городов, регионов в одну этническую общность. Исключением тут можно считать лишь молькеевских татар-кряшен, о чем уже говорилось выше.

Многие, в том числе специалисты-этнографы, отдельные представители православного духовенства и просто люди, знакомые со своей родной культурной тра-

дицией, склонны видеть в нынешнем статусе Петрова дня, как общекряшенского народного торжества, своего рода «изобретение традиции». Обосновывается эта точка зрения тем, что в прошлом в разных местностях, уездах, существовали и считались «главными» свои престольные праздники. Исследователи уже не раз указывали на то, что многие праздники и обряды такого рода, некогда зафиксированные в одной местности, могли потом выдаваться за общенародные, бытовавшие, скажем, у всех чувашей или марийцев, удмуртов, в нашем случае – кряшен. Так, например, у современных марийцев Татарстана и Республики Марий-Эл праздник *Семык* приобрел статус общенационального марийского праздника, признанного на республиканском уровне. При этом содержание современного *Семыка* отличается от прежнего, традиционного; он насыщен концертными программами, соревнованиями, играми и т.д. Немаловажно, что этот праздник, по мнению исследователей, способствует повышению уровня этнического самосознания марийцев Татарстана (Молотова, 2011, с. 46).

При исследовании этнической праздничной культуры и конкретных форм ее проявления следует указать на еще один важный момент. Как отмечают этнографы, формы бытования того или иного народного праздничного действа, обряда были вариативны в своем конкретном проявлении (Уразманова, 2003, с. 209). Так, например, распространенный среди некоторых локальных групп кряшен (Мамадышский район РТ) и части нагайбаков (Троицкий район Оренбургской области) календарный обряд *сорэн*, приуроченный к Пасхе как своего рода праздник в празднике и в разных местностях имевший свои специфические черты (Уразманова, 2003, с. 212), сейчас во многом уже забыт. Об этом обрядовом действе, по моим впечатлениям, уже почти не вспоминают. Т.е. *сорэн* не получил среди кряшен такого «общенародного» распространения по сравнению с Петровым днем.

Таким образом, можно сделать вывод, что само восприятие данного праздника изменилось в среде современных кряшен. Если раньше *Питрау* был датой в числе прочих торжественных дат православного календаря, а особенным был лишь в тех селах, где день Св. Петра и Павла был престольным праздником, то теперь, благодаря деятельности общественных организаций кряшен Татарстана (главным образом ООК Республики Татарстан), – стал главным кряшенским праздником.

Перейдем к краткому описанию конкретных особенностей празднования Петрова дня у кряшен. Отмечать названный день собираются на каком-либо давно облюбованном месте с *майданом* (широкой ровной лужайкой) посередине и красивым видом на окрестности. Например, такое место есть у села Сарсыз Багряж (Заинский район РТ): здесь и лесистые холмы, и небольшое озеро у их подножья. На Петров день народ с окрестных деревень собирается к *майдану* расположенному у подножья одного из этих холмов, известного под имеем «Лысой горы». Кроме того, что сама «Лысая гора» издавна была здесь окружена суеверным почитанием, место это не пустовало на Петров день и в советские времена, в обход попыткам сельских партийных властей препятствовать проведению праздничного гулянья (ПМА, 2010. РТ, Заинский район, с. Сарсыз Багряж). Теперь на 12 июля здесь даже поднимают над *майданом* кряшенский «национальный» флаг: сине-зеленое полотнище с изображением летящего белого гуся посередине. Судя по всему, на выбор гуся в качестве неформального кряшенского герба повлияла концепция краеведа-энтузиаста М. Глухова-Ногайбека о происхождении кряшен от тюрков-казаков, «казов», чьим своеобразным тоте-

мом был дикий гусь (тат. *каз*) (Глухов-Ногайбек, 1993, с. 10-26).

Участники праздничных выступлений из окрестных деревень приезжают сюда на специально украшенных по случаю такого дня телегах, запряженных лошадьми в нарядной сбруе, с яркими лентами, расшитыми полотенцами и т.п. Вся эта картина очень напоминала похожие народные гулянья и торжества где-нибудь в Молдавии, Венгрии или Украине. При этом основным музыкальным фоном гулянья остается кряшенская музыка и песни, с ее необычной, но для постороннего восприятия похожей на татарскую, мелодикой. Присутствие многоголосного пения опять же отличает кряшенскую музыкальную культуру от общетатарской.

Многие на Петров день одеваются в традиционные кряшенские наряды, причем не только участники народно-самодеятельных ансамблей, всегда выступающих по этому случаю. Преобладают, по моему впечатлению, народные костюмы преимущественно в красной или синеватой гамме, отражающие традиции тех или иных локальных групп кряшен. Кроме контрастных цветовых сочетаний кряшенский костюм особенно отличается массивными украшениями из серебряных монет, которые женщины иногда еще надевают на праздники или во время некоторых традиционных обрядов. Причем на некоторых участницах праздника можно увидеть монеты с изображением Екатерины II, красующиеся на ожерельях, монистах и даже на расшитых парчой кокошниках-сороках. Мужской вариант современного «сценического» кряшенского костюма почти ничем не отличается от русского. Исключение – фетровая шляпа, вполне себе современного фасона, но одеваемая в подобных случаях как национальный головной убор.

Татары-мусульмане на Петровом дне так же обычные гости. Да и многие развлечения и соревнования современного *Питрау* напоминают те, что обычно устраиваются на Сабантуй, как например принятая у многих тюркских народов борьба *куреш*.

В обычае по-прежнему угощение участников блюдами кряшенской традиционной кухни, это, в основном, те же широко известные татарские блюда. Так, к примеру, на Петровом дне, проходившем у села Сарсыз Багряж названые угощения были вообще бесплатными для всех гостей праздника. Более многолюдные празднества, например, у известного села Зюри, уже не были отмечены такого рода щедростью.

При этом размах празднования Петрова дня у названого села действительно может удивить. Стечение народа бывает очень большим. Причем встретить можно людей самых разных национальностей. Издалека, еще с дороги на одном из близлежащих от места народного гулянья холмов белым по зеленому фону читалась надпись: «*Питрау* 2010». Кроме обычных атрибутов этого популярного праздника тут, например, можно увидеть разного рода импровизированные реконструкции традиционного кряшенского быта. Например, представленная «в разрезе» деревенская изба с крестьянской утварью и непременным красным углом; или плетеная изгородь и загон для скота, где живой привязанный баран соседствует с самодельным манекеном в народном кряшенском костюме. По-видимому, все эти вещи призваны служить наглядной иллюстрацией исконного сельского быта кряшен, демонстрировать его своеобразие и отличительность, и даже, вероятно, служить своего рода наглядным пособием, рассказывающим о жизни предков для подрастающего поколения (ПМА, 2010. РТ, Мамадышский район, с. Зюри).

Возрождение широкого празднования Петрова дня стало одной из самых ярких явлений в современной культурной жизни кряшен Татарстана и некоторых близлежащих регионов. Отмечать этот день

вместе с кряшенами приезжают из далекой Челябинской области представители немногочисленного народа нагайбаков, имеющего общее с кряшенами этническое происхождение и общие православные традиции. Между тем, само отмечание дня Петра и Павла у кряшен не носит заметного религиозного характера и скорее призвано свидетельствовать об этнической самобытности кряшен. В самом празднике преобладают именно фольклорно-игровые моменты, спортивные состязания, акцент на зрелищность с особым этническим колоритом. Здесь скорее проявляется стремление многих кряшен к поддержанию культурной преемственности и отстаиванию своей самобытности. В то же время Петров день остается одним из главных и любимых народных празднеств для кряшенского (и не только, поскольку среди гостей праздника уже можно встретить людей самых разных национальностей) населения РТ.

Заключение

В целом, если попытаться подытожить все вышесказанное, то можно сделать из приведенных материалов следующие выводы.

1. Традиция празднования кряшенами Петрова дня, судя по имеющимся данным, сложилась на стыке православного христианства и язычества, симбиоз которых во многом определяет специфику духовной культуры этого народа. Об этом свидетельствуют многие составляющие этого праздника, унаследованные из общих с татарами-мусульманами этнокультурных истоков. Кроме того, многие параллели прослеживаются с традиционной праздничной культурой других народов Урало-Поволжья, например, марийцев. Этому, опять же, способствовал синтез язычества и христианства в культурах народов, принявших православие и проживающих в указанном регионе. В то же время прослеживается сходство с летними праздниками татар-мусульман, такими как, например, *джиен*. Как и татарский Сабантуй, Петров день имеет определенную историческую связь с циклом сельскохозяйственных работ и, соответственно, земледельческим календарем.

2. Как «общенародный» кряшенский праздник, Петров день получил известность уже в постсоветское время. И это было связано с активизацией движения части сообщества кряшен за этническую самобытность и, в перспективе, этнокультурное самоопределение. Отчасти свою роль сыграло и религиозное возрождение, приметой которого стало открытие кряшенских православных приходов на территории РТ (первым был открыт кряшенский приход при Тихвинской церкви в Казани в 1989 г.). Тогда же в общественную жизнь стала возвращаться традиция отмечать церковные праздники, в том числе, Троицу, Пасху, Петров день и др., воспринимающиеся кряшенами в качестве составляющей своей, «родной» для себя, духовной культуры. В тоже время в резко поменявшихся социокультурных условиях (урбанизация, секуляризация и т.п.), плюс еще 70 лет официального атеизма, само восприятие традиции могло существенно измениться в сознании людей. Таким образом, то, что раньше воспринималось в большей степени как местный, престольный (для отдельных селений) праздник, приобрело статус «общенародного» фестиваля, своего рода символа принадлежности к «кряшенству». Инициатива подобного изменения статуса этого праздника, как отмечают сами респонденты, принадлежала общественным организациям кряшен РТ.

3. Изменился и сам характер проведения праздника *Питрау*. Стал другим масштаб его празднования. Добавились совершенно новые элементы в его отмечание. Кроме того, сам праздник фактичес-

ки вышел на республиканский уровень и приобрел в последнее время не виданную прежде массовость, ему стали сопутствовать мероприятия, которые изначально отсутствовали в народной традиции: выступления ансамблей самодеятельности, «реконструкции» старого быта кряшен и т.п. Сходная тенденция, связанная с трансформацией традиционной народной праздничной культуры, наблюдается не только у кряшен. Похожие трансформации можно наблюдать на примере марийского праздника *Семык,* который в настоящее время стал восприниматься как особый национальный праздник марийцев Татарстана. В целом, на примере такого праздника как кряшенский Петров день можно наблюдать трансформацию этнической культуры, выражающуюся, в том числе, в переосмыслении и изобретении традиции в жизни тюркских и угро-финских народов Среднего Поволжья.

Литература

Глухов-Ногайбек М. Судьба гвардейцев Сеюмбеки. Казань: Ватан, 1993. 285 с.

Котова Е.Н., Лойко Л.М. Некоторые черты современного быта молькеевских кряшен и восточных марийцев // Субэтносы в СССР. Л.: [б.и.], 1986. С. 60-69.

Молотова Л.Т. Праздник Семык в культуре современных марийцев // Этнографическое обозрение. 2011. № 4. С. 40-47.

Молькеевские кряшены. Сб. статей / ред. Д.М. Исхаков. Казань: [б.и.], 1993. 156 с.

Одигитриевский Н. Крещеные татары Казанской губернии. Этнографический очерк. М.: Типография А.И. Снегиревой, 1895. 66 с.

Уразманова Р.К. Особенности традиционных народных праздников татар Среднего Поволжья // Этнокультурное районирование татар Среднего Поволжья. Казань: [б.и.], 1991. С. 78-104.

Уразманова Р.К. Обряды и праздники татар Поволжья и Урала (Годовой цикл XIX – нач. XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань: ПИК «Дом печати», 2001. 197 с.

Уразманова Р.К. Обряд *сорэн* у народов Среднего Поволжья и Приуралья (конец XIX – начало XX века) // Расы и народы. Вып. 29. М.: Наука, 2003. С. 208-220.

Чуваши: история и культура. Т. 2 / отв. ред. В.П. Иванов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. 335 с.

В.В. Куфтерин

МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИЧЕСКОМУ УКАЗАТЕЛЮ ПЕЧАТНЫХ РАБОТ Н.А. ДУБОВОЙ

17 сентября 2019 г. научная общественность, ближайшие соратники и сподвижники Надежды Анатольевны Дубовой отметили ее славный юбилей. Это событие послужило хорошим поводом к осмыслению сделанного ею за долгие годы профессиональной деятельности. Одним из шагов на пути к этому «осмыслению» является ревизия библиографии Н.А. Дубовой. Учитывая, что опубликованные списки научных работ юбиляра содержат ряд досадных неточностей (касающихся как названий самих трудов, так и их выходных данных) и устарели, решение этой задачи представляется назревшей необходимостью.

Многогранность и многоаспектность научного наследия Н.А. Дубовой (физическая антропология современного и древнего населения, этническая и историческая экология, динамика социокультурных и демографических процессов, археология Евразии…) подчас существенно затрудняют поиск ее публикаций. С одной стороны, предлагаемый библиографический указатель охватывает весь научный путь Н.А. Дубовой, с другой, – не является исчерпывающим и содержит лишь основные работы, претендуя на статус «Материалы к…». Список опубликованных работ Н.А. Дубовой включает два условных блока: «Монографии» (в том числе разделы в коллективных работах) и «Статьи». Расположение описаний в «Материалах…» хронологическое. Внутри года описания статей, их порядковое расположение условное. Отметим, что помимо собственно статей, в данный блок включены также краткие сообщения, рецензии и хроника, при условии опубликования их в ведущих профильных изданиях (например, «Этнографическое обозрение» или «Вестник антропологии»). Важно отметить, что описания выполнены с отступлениями от ГОСТа 7.0.100 – 2018, и содержат лишь минимально необходимую информацию (включая название издательств). Сведения о соавторах представлены после библиографического описания. В случае наличия трех и более соавторов указываются фамилии только первых двух.

Как уже отмечалось, материалы включают лишь список основных трудов и не учитывают брошюры, тезисы докладов, Интернет-публикации, работы по редактированию и составлению сборников. Всего учтено 276 наименований, из которых 14 приводятся в блоке «Монографии», а 262 – в блоке «Статьи». С более полными перечнями трудов Н.А. Дубовой можно ознакомиться на сайтах www.ethnoecology.ru и www.iea-ras.ru (они также не исчерпывающие и содержат целый ряд неточностей; в настоящее время готовится обновление сайтов, куда будет внесена исправленная информация), часть работ выложена на порталах Academia.edu и ResearchGate.

Абсолютное большинство публикаций, отраженных в «Материалах…», описано *de visu*, за что хочется поблагодарить

как их непосредственного автора, так и Р.Г. Мурадова (г. Ашхабад), ознакомивших нас с редкими и труднодоступными изданиями. Ряд публикаций, который, к сожалению, оказался недоступен для составителя, насколько возможно надежно описан с помощью перекрестного сопоставления библиографических ссылок. От размещения вспомогательных указателей (например, алфавитного) было решено отказаться в целях экономии места, поскольку еще раз подчеркнем, список претендует лишь на статус «Материалов к…». Полный список соавторов не приводится помимо этого же соображения и в виду того, что ряд статей написан, используя сленг, в формате «братской могилы», т.е. большим коллективом единомышленников (например, опубликованная в журнале «Science» работа «The formation of human populations in South and Central Asia» включает 117(!) соавторов).

Составитель готов с благодарностью принять критические замечания и надеется, что предлагаемые «Материалы к…» будут полезны научной общественности и всем заинтересованным лицам.

Список основных опубликованных работ Н.А. Дубовой

Монографии

Антропологический состав населения Северного Таджикистана и этногенетические проблемы Среднеазиатского региона // Деп. ВИНИТИ № 6944-В. М., 1985. 372 с.

Туркмены в Среднеазиатском междуречье. Ашхабад: Ылым, 1989. 157 с. (в соавт. с О. Бабаковым, Г. Гельдыевой и др.).

Народы России: энциклопедия. М.: БРЭ, 1994. 479 с. (в соавт. с В.А. Александровым, С.И. Бруком и др.).

Формирование антропологического состава населения Северного Таджикистана. М.: Старый сад, 1996. 248 с.

Проблема расы в российской физической антропологии. М.: ИЭА РАН, 2002. 96 с. (в соавт. с Т.И. Алексеевой, Е.В. Балановской и др.).

Антропологический словарь. М.: Классикс Стиль, 2003. 328 с. (в соавт. с Т.И. Алексеевой, С.А. Арутюновым и др.).

Абхазы (Народы и культуры). М.: Наука, 2007. 547 с. (в соавт. с Ю.Д. Анчабадзе, Ю.Г. Аргуном и др.).

Молдаване (Народы и культуры). М.: Наука, 2010. 542 с. (в соавт. с И. Балтяну, М.Н. Губогло и др.).

Неразрывная связь. Биология человека и его история. Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. 368 с.

Сокровища Древней Маргианы. Фотоальбом. Ашхабад: Туркменская государственная издательская служба, 2013. 208 с. (в соавт. с В.И. Сарианиди) (на русском, туркменском и английском языках).

Антропология населения Южного Узбекистана эпохи поздней бронзы (по материалам некрополя Бустон VI). М.: Старый сад, 2015. 186 с. (в соавт. с В.В. Куфтериным).

Туркмены (Народы и культуры). М.: Наука, 2016. 635 с. (в соавт. с Н.Н. Алексеевой, А.А. Аманмурадовым и др.).

Антропологические исследования первого этапа зоны затопления Рогунской ГЭС (Результаты первого сезона работ Антропологической группы Рогунской археологической экспедиции в июле – августе 2017 г.). Душанбе: Истеъдод, 2018. 72 с. (в соавт. с Т.Г. Филимоновой, В.В. Куфтериным и др.) (на русском и таджикском языках).

Евреи (Народы и культуры). М.: Наука, 2018. 783 с. (в соавт. с С.Н. Амосовой, И.В. Баркусским и др.).

Статьи

1974

Антропологические исследования в Средней Азии // Новое в этнографических и антропологических исследованиях. Итоги полевых работ Института этнографии в 1972 г. Ч. 2. М.: Наука, 1974. С. 126-129.

1975

Антропологический состав таджиков Исфаринской долины // Полевые исследования Института этнографии АН СССР. 1974. М.: Наука, 1975. С. 253-258 (в соавт. с А.П. Пестряковым).

1976

Распределение антропологических признаков в Северном Таджикистане // Некоторые проблемы этногенеза и этнической истории народов мира. М.: ИЭ АН СССР, 1976. С. 175-187.

Антропологическая характеристика некоторых групп населения Северного Таджикистана // Вопросы антропологии. 1976. Вып. 52. С. 169-185.

1978

К проблеме формирования памиро-ферганской расы // Советская этнография. 1978. № 4. С. 34-45.

1979

Народы Средней Азии и Казахстана // Этническая одонтология СССР. М.: Наука, 1979. С. 164-186 (в соавт. с О. Исмагуловым, А.А. Зубовым и др.).

1980

Новые антропологические исследования на Памире // Полевые исследования Института этнографии АН СССР. 1978. М.: Наука, 1980. С. 207-211.

1982

Вторая Всесоюзная антропологическая конференция // Советская этнография. 1982. № 5. С. 125-127 (в соавт. с Н.А. Долиновой, Л.Т. Яблонским).

1983

О некоторых аспектах содержания антропологической науки // Советская этнография. 1983. № 6. С. 62-67.

Одонтологическая характеристика населения Северо-востока Азии // На стыке Чукотки и Аляски. М.: Наука, 1983. С. 170-189 (в соавт. с Л.И. Тегако).

1984

Антропологическая характеристика групп ирони и арабов Средней Азии // Полевые исследования Института этнографии АН СССР. 1980-1981. М.: Наука, 1984. С. 185-195 (в соавт. с А.И. Дубовым, Г.В. Рыкушиной).

1986

Формирование русского населения Северо-востока европейской части СССР (по антропологическим данным) // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. М.: Наука, 1986. С. 112-120.

Возрастная изменчивость основных размеров головы в трех европеоидных группах // Полевые исследования Института этнографии АН СССР. 1982. М.: Наука, 1986. С. 178-183.

1987

Антропологические особенности туркмен в сравнении с другими народами Средней Азии и проблемы их происхождения // Известия АН Туркменской ССР. Сер. обществ. наук. 1987. № 2. С. 22-28.

1988

К антропологической характеристике курдов // Советская этнография. 1988. № 2. С. 127-136.

1989

Особенности зубной системы белуджей Туркменской ССР // Новое в этнографии. Полевые исследования. Вып. 1. М.: Наука, 1989. С. 122-130.

Адаптация русских старожилов в Азербайджане // Советская этнография. 1989. № 5. С. 39-50 (в соавт. с Н.М. Лебедевой, Е.М. Оборотовой и др.).

Антропологические аспекты урбанизации (к постановке проблемы) // Советская этнография. 1989. № 6. С. 76-89.

Антропологические особенности туркмен и древнее население степей Средней Азии // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус: Каракалпакстан, 1989. С. 183-194.

1990

Антропологические особенности туркмен Астраханской области // Известия АН Туркменской ССР. Сер. обществ. наук. 1990. № 1. С. 31-39 (в соавт. с О. Бабаковым).

Биодемографические данные русских с. Ивановка // Русские старожилы Азербайджана. Материалы по этнической экологии. Ч. II. М.: ИЭ АН СССР, 1990. С. 7-21 (в соавт. с Б.Н. Казаченко).

Особенности антропологического типа русского сельского населения Азербайджана // Русские старожилы Азербайджана. Материалы по этнической экологии. Ч. II. М.: ИЭ АН СССР, 1990. С. 106-137.

1991

Интерконгресс Международного союза антропологических и этнологических наук (МСАЭН) в Лиссабоне // Советская этнография. 1991. № 2. С. 151-153.

Антропологический состав современного населения Средней Азии и пути его формирования // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. 4. Антропология. М.: ИЭА РАН, 1991. С. 61-73.

Биологические аспекты этнической экологии // Этническая экология: теория и практика. М.: Наука, 1991. С. 77-99.

Метисация как фактор формообразования внутри вида *Homo sapiens* человечества // Расы и расизм: История и современность. М.: Наука, 1991. С. 60-77.

1992

Антропологический облик русского сельского населения Закавказья // Духоборцы и молокане в Закавказье. М.: ИЭА РАН, 1992. С. 161-198.

К вопросу об участии уралоидного компонента в сложении антропологического типа населения Средней Азии // Материалы к антропологии уральской расы. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. С. 98-118. Перепечатка: Acta Ethnographica Hungarica. 1998. Vol. 43. No. 3-4. P. 267-283.

Признак и пол (мировое распределение показателей полового диморфизма кефалометрических признаков) // Расы и народы. Вып. 22. М.: Наука, 1992. С. 26-48.

«Является ли эмиграция универсальным ответом на кризисную ситуацию?» // Этнографическое обозрение. 1992. № 2. С. 162-165 (в соавт. с О.Д. Комаровой, Н.М. Лебедевой).

Выступление в дискуссии по статье З.П. Соколовой «Эндогамия и этнос» // Этнографическое обозрение. 1992. № 6. С. 48-51.

1993

Методы изучения биологической дифференциации человечества // Российский этнограф. 1993. № 13. С. 277-283.

Антропологические особенности современных удмуртов // Российский этнограф. 1993. № 14. С. 200-207 (в соавт. с А.И. Дубовым).

Антропогенетическая характеристика русских села Ивановка Исмаиллинского района Азербайджана // Российский этнограф. 1993. № 14. С. 223-235 (в соавт. с Б.Н. Казаченко, С.В. Васильевым).

Внутрирасовая и внутриэтническая изменчивость показателей полового диморфизма // Российский этнограф. 1993. № 20. С. 151-186.

Новые данные к одонтологии туркмен // Полевые исследования. Новая серия. Т. 1. Вып. 2. М.: Наука, 1993. С. 83-94.

La decision d'emigrer poid des structures demographiques, de l'appartenance ethnique et des caracteristiques individuelles // Vers un ailleurs prometteur...: L'emigration, une reponce universelle a une situation de cris e? Geneve, Paris: Presses universitaires de France, 1993. P. 216-224 (в соавт. с О.Д. Комаровой).

1994

О сотрудничестве Института этнологии и антропологии РАН с Музеем «Новый Иерусалим» // Этнографическое обозрение. 1994. № 2. С. 168-169.

XIII Международный конгресс антропологических и этнологических наук // Этнографическое обозрение. 1994. № 3. С. 160-167 (в соавт. с А.Н. Ямсковым).

Демографическая структура населения и принятие решения о выезде // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 87-92 (в соавт. с О.Д. Комаровой).

Мировое распределение коэффициентов полового диморфизма кефалометрических признаков в современных популяциях // Женщина в аспекте физической антропологии. М.: ИЭА РАН, 1994. С. 57-67.

1995

Сельское население южных районов Пермской области: межнациональные отношения // Среда и культура в условиях общественных трансформаций. М.: АИРО-XX, 1995. С. 168-199 (в соавт. с О.Д. Комаровой, А.Н. Ямсковым).

Этносоциальные проблемы Кизеловского района Пермской области // Среда и культура в условиях общественных трансформаций. М.: АИРО-XX, 1995. С. 200-223 (в соавт. с Н.А. Лопуленко).

Стресс – адаптация – заболеваемость // Русские старожилы Закавказья: молокане и духоборцы. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 271-295.

1996

Конференция, посвященная 90-летию со дня рождения Г.Ф. Дебеца // Вестник антропологии. 1996. Вып. 2. С. 7-11 (в соавт. с С.В. Васильевым, Н.А. Долиновой и др.).

Антропология белуджей Туркменистана // Вестник антропологии. 1996. Вып. 2. С. 53-83.

Антропологические особенности населения эпохи античности Северо-Западного Туркменистана // Известия АН Туркменистана. Гуманитарные науки. 1996. № 2. С. 61-64 (в соавт. с Г. Гельдыевой).

Предисловие // Межэтнический мир Прикамья: опыт этнополитической де-

ятельности Администрации Пермской области. Т. 1. М.: Старый сад, 1996. С. 12-27.

1997

Practicing ethnology in Russia // Baba M., Hill C.E. (Eds.). The Global Practice of Anthropology. Williamsburg, VA: College of William and Mary Press, 1997. P. 263-281 (в соавт. с А.Н. Ямсковым).

Традиционное и новое в методике описания вариаций строения головы и лица // Новые методы – новые подходы в современной антропологии. М.: Старый сад, 1997. С. 149-163.

Четвертые чтения памяти В.В. Бунака // Вестник антропологии. 1997. Вып. 3. С. 227-238 (в соавт. с М.М. Герасимовой, С.В. Васильевым).

Исследование этнокультурных процессов в некоторых районах Пермской области в 1995-1997 годах // Национальная культура и языки народов Прикамья: возрождение и развитие. Ч. 1. Пермь: [б.и.], 1997. С. 19-22 (в соавт. с Н.А. Лопуленко).

1998

Антропологический подход к характеристике заболеваемости // Вестник антропологии. 1998. Вып. 4. С. 17-29 (в соавт. с Н.Д. Созиновой).

Краткая историческая справка // Этнические проблемы регионов России. Пермская область. М.: Старый сад, 1998. С. 5-38 (в соавт. с С.В. Сергеевой).

К вопросу о межэтнических связях населения Прикамья (по данным антропологии) // Этнические проблемы регионов России. Пермская область. М.: Старый сад, 1998. С. 125-130.

Исследование этносоциальных процессов в некоторых районах Пермской области в 1993-1997 годах: общий подход и методические приемы // Этнические проблемы регионов России. Пермская область. М.: Старый сад, 1998. С. 217-226 (в соавт. с Н.А. Лопуленко).

Русские, башкиры и татары южных районов Пермской области (демографическая и социально-экономическая характеристика) // Этнические проблемы регионов России. Пермская область. М.: Старый сад, 1998. С. 227-293 (в соавт. с О.Д. Комаровой, А.Н. Ямсковым).

Кизеловский район Пермской области: шахты и люди (этносоциальные проблемы) // Этнические проблемы регионов России. Пермская область. М.: Старый сад, 1998. С. 294-361 (в соавт. с Н.А. Лопуленко).

1999

О биологическом аспекте групповой адаптации // Методы этноэкологической экспертизы. М.: ИЭА РАН, 1999. С. 30-40.

Этномедицинское обследование населения // Методы этноэкологической экспертизы. М.: ИЭА РАН, 1999. С. 254-294.

11-й Конгресс Европейской антропологической ассоциации // Этнографическое обозрение. 1999. № 2. С. 141-144.

III Конгресс этнографов и антропологов России (Москва, 8-11 июня 1999 г.) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1999. № 4. С. 192-200.

2000

«Глобализация этнологии на пороге нового тысячелетия» // Этнографическое обозрение. 2000. № 1. С. 19-39.

Антропологические и этнические общности на территории Средней Азии // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. М.: Старый сад, 2000. С. 167-206.

Антропологическая характеристика четырех краниологических серий с территории города Москвы // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Ч. 2. М.: Старый сад, 2000. С. 132-152 (в соавт. с А.И. Дубовым).

2001

Современные антропологические совокупности и этнокультурные общности на территории Средней Азии // Расы и народы. Вып. 27. М.: Наука, 2001. С. 99-125.

Антропологическая характеристика населения, захороненного в некрополе Гонур-депе // Сарианиди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М.: Мир-медиа, 2001. С. 105-132, 219-240 (в соавт. с О. Бабаковым, Г.В. Рыкушиной и др.) (на русском и английском языках).

Научный отчет о сборе полевых материалов по теме «Этническая антропология Средней Азии» в 2000 г. // Полевые исследования Института этнологии и антропологии РАН. М.: ИЭА РАН, 2001. С. 128-142.

Рец. на: Л.И. Никонова. Традиционная медицина финно-угорских народов Поволжья и Приуралья как часть системы жизнеобеспечения. Саранск, 2000. 177 с. // Этнографическое обозрение. 2001. № 3. С. 144-146.

Рец. на: Л.И. Никонова. «От Адама и Евы – до наших дней (очерки народной медицины мордвы)». Саранск, 2000. 172 с. // Этнографическое обозрение. 2001. № 4. С. 152-155.

Этническая антропология: ее границы и современные проблемы // Теория антропологии и ее методы: истоки и развитие. К 110-летию В.В. Бунака. V Бунаковские чтения. Ч. I. М.: Старый сад, 2001. С. 51-59.

Проблемы подготовки антропологических кадров // Теория антропологии и ее методы: истоки и развитие. К 110-летию В.В. Бунака. V Бунаковские чтения. Ч. I. М.: Старый сад, 2001. С. 113-119.

Вторые антропологические чтения памяти академика В.П. Алексеева // Вестник антропологии. 2001. Вып. 7. С. 237-254.

Не всегда серьезные воспоминания о медико-биологических изысканиях в Абхазии и Азербайджане // Очерки экспедиционного быта в Закавказье. М.: Старый сад, 2001. С. 204-268.

Панорама этнополитической жизни Пермской области во второй половине первого постсоветского десятилетия // Межэтнический мир Прикамья: опыт этнополитической деятельности администрации Пермской области. Т. 3. М.: Старый сад, 2001. С. 9-16 (в соавт. с М.Н. Губогло, С.В. Сергеевой).

Исследования по прикладной и неотложной этнологии в Пермской области в 1993-1997 гг. // Межэтнический мир Прикамья: опыт этнополитической деятельности администрации Пермской области. Т. 3. М.: Старый сад, 2001. С. 38-42.

Исследование этнокультурных процессов в некоторых районах Пермской области в 1995-1997 годах // Межэтнический мир Прикамья: опыт этнополитической деятельности администрации Пермской области. Т. 3. М.: Старый сад, 2001. С. 239-241 (в соавт. с Н.А. Лопуленко).

Многообразие в единстве // Межэтнический мир Прикамья: опыт этнополитической деятельности администрации Пермской области. Т. 4. М.: Старый сад, 2001. С. 23-38.

2002

Полиэтничность в Калининградской области: 1990-е гг. // Этнические проблемы регионов России. Северный Кавказ. Калининградская область. Крайний Север. М.: Старый сад, 2002. С. 102-158 (в соавт. с М.Ю. Мартыновой, Н.А. Лопуленко).

Круглый стол «Полевые исследования в этнологии и антропологии» // Этнографическое обозрение. 2002. № 5. С. 136-140 (в соавт. с А.Н. Ямсковым).

Научно-методическая экспедиционная сессия Института этнологии и антропологии РАН // Этнографическое обозрение. 2002. № 6. С. 157-162 (в соавт. с Н.Д. Пчелинцевой, А.В. Фроловой).

2003

Антропология и история: необходимость комплексного подхода // Российская наука о человеке: вчера, сегодня, завтра. СПб.: МАЭ РАН, 2003. С. 46-51.

Туркмены Астраханской области (антропологический очерк) // Горизонты антропологии. М.: Наука, 2003. С. 346-352 (в соавт. с О. Бабаковым).

История антропологического изучения ногайцев // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IV. Антропология ногайцев. М.: Памятники исторической мысли, 2003. С. 101-108.

Полевые выезды для сбора материалов и особенности изученных групп // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IV. Антропология ногайцев. М.: Памятники исторической мысли, 2003. С. 109-114.

Морфология головы и лица современных ногайцев // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IV. Антропология ногайцев. М.: Памятники исторической мысли, 2003. С. 115-177.

Заключение // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IV. Антропология ногайцев. М.: Памятники исторической мысли, 2003. С. 203-205 (в соавт. с М.М. Герасимовой).

Одонтологическая характеристика древнего населения Туркменистана (по материалам могильника эпохи бронзы Гонур-депе) // Наука о человеке и обществе: итоги, проблемы, перспективы. М.: ИЭА РАН, 2003. С. 130-140 (в соавт. с Г.В. Рыкушиной, Н.А. Суворовой).

Serological researches in the south of Moldavia in connection with the problem of the ethnogeny of the Gagauzes, the Moldavians and the Bulgarians // Anthropologischer Anzeiger: Bericht über die biologisch-anthropologische Literatur. 2003. Bd. 61. P. 395 (в соавт. с А.М. Варзарем, И.А. Кутуевым).

2004

Комплексные этнолого-антропологические исследования в Башкортостане // Полевые исследования Института этнологии и антропологии РАН. 2002. М.: Наука, 2004. С. 71-86 (в соавт. с А.И. Нечвалодой, Е.А. Рожанской и др.).

Антропологические исследования на юге Молдавии // Полевые исследования Института этнологии и антропологии РАН. 2002. М.: Наука, 2004. С. 87-101 (в соавт. с А.М. Варзарем, Н.А. Суворовой и др.).

Филогеографический анализ мтДНК ногайцев: высокий уровень смешения материнских линий Восточной и Западной Евразии // Молекулярная биология. 2004. Т. 38. № 4. С. 617-624 (в соавт. с М.А. Бермишевой, И.А. Кутуевым и др.).

Еще раз о тысячелетней давности долихокефалии туркмен // Miras. 2004. № 4. С. 32-39, 78-85, 124-131 (на туркменском, русском и английском языках).

«Неизгладимый след в наших умах и сердцах»: Георгий Францевич Дебец // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М.: Наука, 2004. С. 261-291.

Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации. М.: Старый сад, 2004. С. 254-281.

Necropolis and Area 5 of Gonur-depe: some anthropological data // У истоков цивилизации. М.: Старый сад, 2004. С. 317-336 (в соавт. с Г.В. Рыкушиной).

Современное население Средней Азии: единство или многообразие? // Антропология на пороге III тысячелетия. Т. 1. М.: Старый сад, 2004. С. 307-322.

2005

Население эпохи бронзы Южного Туркменистана: новейшие данные // Полевые исследования Института этнологии и антропологии РАН. 2003. М.: Наука, 2005. С. 32-48.

Туркменистан – древнейший центр мирового коневодства // Miras. 2005. № 3. С. 50-54, 108-112, 159-160 (в соавт. с В.И. Сарианиди) (на туркменском, русском и английском языках).

Как был восстановлен облик древних жителей страны Маргуш // Сарианиди В.И. Гонур-депе. Город царей и богов. Ашхабад: Türkmendöwlethabarlary, 2005. С. 313-315, 316-318, 320-321 (на туркменском, русском и английском языках).

Характеристика Alu-полиморфизма (ACE, PV-92) в трех популяциях гагаузов Молдавии // Медицинская генетика. 2005. Т. 4. № 5. С. 214 (в соавт. с М.А. Кузнецовой, Ю.А. Серегиным и др.).

Is spatial distribution of the HIV-1-resistant CCR5Δ32 allele formed by ecological factors? // Journal of Physiological Anthropology and Applied Human Science. 2005. Vol. 24. No. 4. P. 375-382 (в соавт. с О.П. Балановским, Э.А. Почешховой и др.). DOI: 10.2114/jpa.24.375

2006

Qui vivait à Gonur Dépé? // Dossiers d'Archйologie. 2006. No. 317. P. 40-45.

Искусственная деформация головы у земледельцев эпохи бронзы // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. 2006. Вып. 5. С. 22-36.

Раскопки литейной мастерской на поселении Гоунр-депе // Miras. 2006. № 1. С. 28-32, 78-82, 128-132 (в соавт. с В.И. Сарианиди) (на туркменском, русском и английском языках).

Храм Хаомы в Гонур-депе // Miras. 2006. № 3. С. 30-34, 88-92, 142-146 (в соавт. с В.И. Сарианиди) (на туркменском, русском и английском языках).

Население Гонура по данным антропологии // Древняя Маргиана – новый центр мировой цивилизации. Ашхабад: Tьrkmendцwlethabarlary, 2006. С. 32-34, 89-94, 169-174 (на туркменском, английском и русском языках).

HLA-генетическое разнообразие населения России и СНГ. II. Народы Европейской части // Иммунология. 2006. № 4. С. 198-202 (в соавт. с М.Н. Болдыревой, И.А. Гуськовой и др.).

Временные трудовые мигранты: созидание и/или разрушение? // Гастарбайтерство. Факторы выталкивания и притяжения. М.: Старый сад, 2006. С. 87-132 (в соавт. с М.Н. Губогло).

Свет и тени гастарбайтерства в с. Чишмикиой // Гастарбайтерство. Факторы выталкивания и притяжения.

М.: Старый сад, 2006. С. 161-184 (в соавт. с А.Н. Ямсковым).

Социально-культурные и демографические особенности современного абхазского сельского населения // Полевые исследования Института этнологии и антропологии РАН. 2004. М.: Наука, 2006. С. 14-33 (в соавт. с Н.И. Григулевич, Л.Т. Соловьевой и др.).

Введение. Междисциплинарные исследования долгожительских абхазских сельских популяций на рубеже 1970-х – 1980-х и в начале 2000-х гг. // Современная сельская Абхазия. Социально-этнографические и антропологические исследования. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 7-15 (в соавт. с В.И. Козловым, А.Н. Ямсковым).

Социально-демографические особенности абхазских популяций в долгожительских селениях // Современная сельская Абхазия. Социально-этнографические и антропологические исследования. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 39-65 (в соавт. с А.Н. Ямсковым).

Антропологический облик населения Маргианы в антропоморфной пластике Гонура // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Кн. 1. М.: Наука, 2006. С. 301-306.

Из истории антропологических исследований на Южном Урале // Взаимодействие этносов на Южном Урале. Комплексные этнолого-антропологические исследования. Уфа: Восточный университет, 2006. С. 14-23.

Комплексные этнолого-антропологические исследования в Северном Башкортостане // Взаимодействие этносов на Южном Урале. Комплексные этнолого-антропологические исследования. Уфа: Восточный университет, 2006. С. 24-37 (в соавт. с А.И. Нечвалодой, Е.А. Рожанской и др.).

2007

Палеодемография Гонур-депе // Человек в культурной и природной среде. М.: Наука, 2007. С. 309-319 (в соавт. с Г.В. Рыкушиной).

Лошадь в Центральной Азии у земледельцев эпохи бронзы: новые находки на Гонур-депе (Туркменистан) // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2007. С. 224-233 (в соавт. с В.И. Сарианиди).

New data on anthropology of the necropolis of Gonur-Depe // Sarianidi V. Necropolis of Gonur. 2nd Ed. Athens: Kapon Editions, 2007. P. 296-329 (в соавт. с Г.В. Рыкушиной).

Демографическая ситуация в современной Абхазии // Абхазы (Народы и культуры). М.: Наука, 2007. С. 477-493.

Человек эпохи средней бронзы Центральной Азии: реконструкция облика населения Гонур-депе (Туркменистан) // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. Т. 1. Иркутск: Оттиск, 2007. С. 214-223.

2008

Характеристика зубной системы населения северо-восточной Азии // Антропоэкология Северо-Восточной Азии: Чукотка, Камчатка, Командорские острова. М.: Таус, 2008. С. 130-160.

Эритроцитарные системы крови в популяциях коренного населения Чукотки и Камчатки // Антропоэкология Северо-Восточной Азии: Чукотка, Камчатка, Командорские острова. М.: Таус, 2008. С. 161-207 (в соавт. с А.П. Пестряковым, Т.С. Балуевой).

Выживут ли их семьи, если они будут работать в далеком-далеке? //

Гастарбайтерство. Факторы адаптации. М.: Старый сад, 2008. С. 5-37.

Вступительное слово // Этническая экология: народы и их культура. М.: Старый сад, 2008. С. 9-26 (в соавт. с В.И. Козловым, А.Н. Ямсковым).

Динамика численности, движение населения и некоторые другие аспекты демографических процессов в современной Абхазии // Этническая экология: народы и их культура. М.: Старый сад, 2008. С. 27-57.

Война 1992-1993 годов: некоторые свидетельства // Этническая экология: народы и их культура. М.: Старый сад, 2008. С. 228-248.

Погребения животных в ритуальной обрядности Гонур-депе // Культура номадов Центральной Азии. Самарканд: Международный институт центральноазиатских исследований, 2008. С. 84-97.

To postcranial palaeopathology of the population of Gonur-Depe (Southern Turkmenistan). Preliminary report // Papers on Anthropology. 2008. XVII. P. 169-183 (в соавт. с В.В. Куфтериным).

Личность – коллектив – общность // Этносоциология и этносоциологи. Исследования, поиски, воспоминания. М.: Старый сад, 2008. С. 167-173.

Роль эквид и других животных в жизни земледельческого населения юга Туркменистана (на примере памятника конца III тыс. до н.э. Гонур-депе) // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: Азбука, 2008. С. 149-152 (в соавт. с В.И. Сарианиди).

Антропология Гонур-депе: так есть ли степной антропологический компонент у земледельцев II тыс. до н.э. Южного Туркменистана? // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: Азбука, 2008. С. 201-205.

Фактор адаптации в формировании физического типа древнего населения юга Средней Азии: пример Гонур-депе, Туркменистан // Актуальные направления антропологии. М.: ИА РАН, 2008. С. 113-116 (в соавт. с В.В. Куфтериным).

Особенности внешнего облика жителей страны Маргуш // Туркменская земля – колыбель древних культур и цивилизаций. Ашхабад: Türkmenistanyň Metbugat merkezinde çap edildi, 2008. С. 85-94, 94-100, 100-102 (на русском, английском и туркменском языках).

Еще раз о ранних скотоводах и земледельцах Средней Азии. Антропология Сиабского погребения // Актуальные вопросы антропологии. Вып. 3. Минск: Право и экономика, 2008. С. 166-172.

Этномедицинское обследование населения // Люди Севера: права на ресурсы и экспертиза. М.: Изд. дом «Стратегия», 2008. С. 471-509.

Археологические работы на юго-западном холме Гонур-депе (Раскоп 16) // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. М.: Старый сад, 2008. С. 28-49 (в соавт. с В.И. Сарианиди).

Ритуальное захоронение животных на Гонур-депе // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. М.: Старый сад, 2008. С. 50-60.

Компактные скопления керамических изделий // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. М.: Старый сад, 2008. С. 61-64.

«Дом очищения» на Гонур-депе. Северо-восточный комплекс помещения на раскопе 16 // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. М.: Старый сад, 2008. С. 84-93.

Мастерская по производству сплавов на основе меди Северного Гонура (западная часть Раскопа 9) // Труды Маргианской

археологической экспедиции. Т. 2. М.: Старый сад, 2008. С. 94-104.

«Могильник теменоса» Гонура // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. М.: Старый сад, 2008. С. 105-111 (в соавт. с Э.А. Мурадовой).

22. Радиоуглеродная хронология памятника Гонур-депе // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. М.: Старый сад, 2008. С. 166-179 (в соавт. с Г.И. Зайцевой, А.А. Семенцовым и др.).

2009

Временная трудовая миграция: ее позитивные и негативные последствия на примере Гагаузии // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2009. № 1 (54). С. 29-38.

Биологическая и социально-культурная дифференциация человечества (история, экология и политика) // Расы и народы. Вып. 34. М.: Наука, 2009. С. 49-77.

Миграции и торговля: антропологические заметки // Краткие сообщения Института археологии РАН. 2009. Вып. 223. С. 224-243.

Что дальше? Как и каким путем может развиваться отечественная антропология // Этнос и среда обитания. Т. 2. Сб. этноэкологических исследований к 85-летию В.И. Козлова. М.: Старый сад, 2009. С. 164-185.

Костные остатки человека позднеэламского времени (из бассейна р. Карун, Иран) // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 204-208 (в соавт. с Дж. Мехр-Кияном, А.И. Нечвалодой).

Находка двух новых царских погребений на памятнике бронзового века Туркменистана Гонур-депе // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 278-281.

2010

Палеоантропология некрополя сапаллинской культуры Бустон VI // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 1 (41). С. 118-137 (в соавт. с Н.А. Аванесовой, В.В. Куфтериным).

Анализ последствий адаптации у некоторых евразийских групп (по данным краниологии, соматологии и одонтологии) // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 186-195 (в соавт. с Г.А. Аксяновой, А.А. Евтеевым и др.).

Процессы этногенеза на Евразийском пространстве (антропологические следствия миграций и торговли в бронзовом веке) // Человек: его биологическая и социальная история. Т. 1. М. – Одинцово: Изд-во АНОО ВПО «Одинцовский гуманитарный институт», 2010. С. 67-78.

Новые гробницы на территории царского некрополя Гонура (предварительное сообщение) // На пути открытия цивилизации. Сб. статей к 80-летию В.И. Сарианиди. Труды Маргианской археологической экспедиции. СПб.: Алетейя, 2010. С. 144-171 (в соавт. с В.И. Сарианиди).

Антропологический покров Туркменистана в древности и в наши дни // На пути открытия цивилизации. Сб. статей к 80-летию В.И. Сарианиди. Труды Маргианской археологической экспедиции. СПб.: Алетейя, 2010. С. 484-503.

Антропологические данные // Молдаване (Народы и культуры). М: Наука, 2010. С. 15-18.

Nouvelles sépultures sur le territoire de la «nécropole royale» de Gonur Dépé // Arts Asiatique. 2010. T. 65. P. 5-26 (в соавт. с В.И. Сарианиди).

2011

Народ на «Крыше мира» (к антропологии шугнанцев дол. р. Шахдары) // «Не любопытства ради, а познания для…» К 75-летию Юрия Борисовича Симченко. М.: Старый сад, 2011. С. 218-244.

Антропологические и этно-экологические исследования на рубеже тысячелетий // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании. К 70-летию академика Валерия Александровича Тишкова. М.: Наука, 2011. С. 294-314.

Гонурские мозаики с элементами живописи // Древняя материальная культура Туркменистана и ее место в развитии мировой цивилизации. Ашхабад: Туркменская государственная издательская служба, 2011. С. 42-45, 46-48, 48-51 (на русском, туркменском и английском языках).

К антропологии современных бахтиар // Вестник антропологии. 2011. Вып. 20. С. 15-22.

Главный антрополог Башкортостана // Этногенез. История. Культура: I Юсуповские чтения. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. С. 4-13.

Вступительная статья // Юсупов Ринат Мухаметович: биобиблиографический указатель. К 60-летию со дня рождения. Уфа: Деловая династия, 2011. С. 3-5.

Вклад ученого-антрополога Р.М. Юсупова в башкирскую историческую науку // Проблемы востоковедения. 2011. № 4 (54). С. 60-67.

Археологические работы на Гонур-депе – новый аспект палеоантропологии Туркменистана // Памятники истории и культуры Туркменистана (научные открытия, исследовательские и реставрационные работы за 20 лет независимости). Ашхабад: Туркменская государственная издательская служба, 2011. С. 153-169.

Новые антропологические данные к проблеме взаимодействия скотоводов и земледельцев Средней Азии в эпоху бронзы // Записки Института истории материальной культуры РАН. 2011. № 6. С. 143-156.

Погребения знатных воинов на Гонур-депе (Туркменистан) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. Вып. 6. С. 47-57.

2012

Постсоветские изменения в образе жизни и бытовой культуре абхазов // Абхазы. 2-е изд., исправленное и дополненное. М.: Наука, 2012. С. 476-526 (в соавт. с Н.И. Григулевич, А.Н. Ямсковым и др.).

Антропологический облик гагаузов // Гагаузы в мире и мир гагаузов. Т. 1. Гагаузы в мире. Комрат – Кишинев: Комратский государственный университет, 2012. С. 467-474.

Адаптация в процессе миграций в древности и в наши дни // Этнос и среда обитания. Сб. статей по этноэкологии. Вып. 3. М.: ИЭА РАН, 2012. С. 11-35.

Археологические работы Маргианской археологической экспедиции в 2008-2011 гг. // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 4. Исследования Гонур-депе в 2008-2011 гг. М.: Старый сад, 2012. С. 29-63 (в соавт. с В.И. Сарианиди).

Случай декапитации на Гонур-депе: краниологический материал из погребения 4067 // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 4. Исследования Гонур-депе в 2008-2011 гг. М.: Старый сад, 2012. С. 74-76 (в соавт. с В.В. Куфтериным).

Погребения животных в стране Маргуш // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 4. Исследования Гонур-депе в 2008-2011 гг. М.: Старый сад, 2012. С. 101-139.

Мужское нагрудное украшение из погр. 4014 Северного Гонура: тумор бронзового века // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 4. Исследования Гонур-депе в 2008-2011 гг. М.: Старый сад, 2012. С. 267-269.

О Раиле Гумеровиче Кузееве // Кузеев Раиль Гумерович. Ученый. Творец. Гражданин. Уфа: ГУП РБ УПК, 2012. С. 152-155.

Антропологический облик русского населения Пермского края: пути сложения и трансформации // Человек и Север: антропология, археология, экология. Вып. 2. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. С. 19-21.

Водоснабжение и управление им на Гонур-депе // Наука и техника в Туркменистане. 2012. № 2. С. 115-121 (в соавт. с В.И. Сарианиди) (на туркменском языке).

Научно-информационный сайт «Этническая экология»: структура и задачи // Этнографическое обозрение. 2012. № 3. С. 193-195 (в соавт. с А.Н. Ямсковым).

Культура древнего населения Туркменистана в зеркале караванных путей // Возрождение Великого шёлкового пути в счастливую эпоху могучего государства: глубокие истоки и современные возможности. Ашхабад: Ылым, 2012. С. 143-148.

Cultural contacts of Margiana, Turkmenistan, in the 3rd Millennium BC. New evidence from Gonur Depe, Burial 4150 // Gandhāran Studies. 2012. Vol. 6. P. 1-17 (в соавт. с В.И. Сарианиди, Н.Г.О. Бороффкой).

2013

A preliminary analysis of Late Bronze Age human skeletal remains from Gonur-depe, Turkmenistan // Bioarchaeology of the Near East. 2013. Vol. 7. P. 33-46 (в соавт. с В.В. Куфтериным).

Реконструкция химического состава металла памятника бронзового века Гонур-депе (Туркменистан) по данным анализа методом масс-спектрометрии с индуктивно связанной плазмой // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 4 (24). С. 5-9 (в соавт. с Е.Г. Вертманом).

Разнообразие возможностей музеефикации крупных археологических объектов. Несколько примеров международного опыта // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 282-286.

Мозаичные композиции Гонур-депе // Искусство и архитектура Туркменистана. Вып. 2. Ашхабад: Государственная издательская служба, 2013.С. 18-33.

О чем может рассказать лицо народа // Мероси ниёгон (Наследие предков). 2013. № 16. С. 65-74.

Мозаика III тыс. до н.э. в Гонур-депе (Туркменистан) // Последний энциклопедист: к юбилею со дня рождения Б.А. Литвинского. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 379-413 (в соавт. с В.И. Сарианиди).

2014

Cephalometric variation among the Turkmen of Southern Russia // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2014. № 3. P. 68.

Владимир Николаевич Басилов – Ученый и Человек // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 5. Исследования Гонур-депе в 2011-2013 гг. М.: Старый сад, 2014. С. 11-19.

Работы Маргианской археологической экспедиции в 2011-2013 гг. // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 5. Исследования Гонур-депе в 2011-2013 гг. М.: Старый сад, 2014. С. 92-111 (в соавт. с В.И. Сарианиди).

Культурные контакты Маргианы (Туркменистан) в III тыс. до н.э. Новые данные по Гонур-депе (погребение № 4150) // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 5. Исследования Гонур-депе в 2011-2013 гг. М.: Старый сад, 2014. С. 127-137 (в соавт. с В.И. Сарианиди, Н.Г.О. Бороффкой).

Музеефикация и муляжирование особо ценных предметов на Гонур-депе // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 5. Исследования Гонур-депе в 2011-2013 гг. М.: Старый сад, 2014. С. 151-157 (в соавт. с А.И. Нечвалодой).

Скелет карлика из раскопок царского погребения 3230 на Гонур-депе // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 5. Исследования Гонур-депе в 2011-2013 гг. М.: Старый сад, 2014. С. 166-171 (в соавт. с В.В. Куфтериным).

Рентгенологическое исследование скелетных останков из погребения 3518 на Гонур-депе // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 5. Исследования Гонур-депе в 2011-2013 гг. М.: Старый сад, 2014. С. 172-176 (в соавт. с В.В. Куфтериным, Ю.А. Никифоровским).

Анализ металла Гонур-депе методом масс-спектрометрии с индуктивно-связанной плазмой // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 5. Исследования Гонур-депе в 2011-2013 гг. М.: Старый сад, 2014. С. 188-196 (в соавт. с Е.Г. Вертманом).

Результаты микрозондового анализа золотых изделий из Гонур-депе // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 5. Исследования Гонур-депе в 2011-2013 гг. М.: Старый сад, 2014. С. 197-203 (в соавт. с А.М. Юминовым).

К одонтологической характеристике туркмен юга России // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 5. Исследования Гонур-депе в 2011-2013 гг. М.: Старый сад, 2014. С. 226-241.

Виктор Иванович Козлов: большая жизнь, полная свершений // Этнос и среда обитания. Сб. статей по этноэкологии. Вып. 4. М.: Старый сад, 2014. С. 9-20.

О работе секции «Расселение, миграция и адаптация в проблемном поле этнической экологии и этнической демографии» X Конгресса этнографов и антропологов России // Этнос и среда обитания. Сб. статей по этноэкологии. Вып. 4. М.: Старый сад, 2014. С. 21-37 (в соавт. с А.Н. Ямсковым).

Может ли урбанизация быть фактором формообразования внутри вида *Homo sapiens*? // Этнос и среда обитания. Сб. статей по этноэкологии. Вып. 4. М.: Старый сад, 2014. С. 155-181.

Сложение туркменского народа // Тюркские народы. Фрагменты этнических историй. М.: ИЭА РАН, 2014. С. 60-95.

Вклад в изучение протоурбанистической Бактрии. *Рец.* на: Аванесова Н.А. Бустон VI – некрополь огнепоклонников доурбанистической Бактрии. Самарканд, 2013. 640 с. // Вестник Международного Института цент-

ральноазиатских исследований. 2014. Вып. 20. С. 58-64 (в соавт. с В.В. Куфтериным).

Anthropological essay on the Bronze Age migrations in Central Asia (case of Gonur Depe, Turkmenistan) // Lamberg-Karlovsky C.C. et al. (Eds.). «My Life is like the Summer Rose». Maurizio Tosi e l'Archeologia come modo di vivere. Papers in honour of Maurizio Tosi his 70th birthday. Oxford: BAR International Series 2690, 2014. P. 193-202.

Gonur excavations in 2000-2010 // Bieliński P. et al. (Eds.). Proceedings of the 8th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East, 30 April – 4 May 2012, University of Warsaw. Vol. 2: Excavation and Progress Reports, Posters. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2014. P. 503-518 (в соавт. с В.И. Сарианиди).

«Тысячелетняя давность долихокефалии туркмен» в свете новых данных // Востоковедческие исследования на постсоветском пространстве: Сб. науч. ст., посвященный памяти профессора Сергея Петровича Полякова. М.: Изд-во Московского ун-та, 2014. С. 136-143.

In Memoriam. Victor Ivanovich Sarianidi (*23 September 1929 – †22 December 2013) // The Journal of Indo-European Studies. 2014. Vol. 42. No. 3-4. P. 525-552.

Виктор Иванович Сарианиди // Bulletin of Miho Museum. 2014. Vol. 15. С. 1-17 (на русском, английском и японском языках).

Гонур-депе: новый взгляд на процессы формирования антропологического своеобразия населения юга Средней Азии // Bulletin of Miho Museum. 2014. Vol. 15. С. 63-71, 72-78, 79-83 (на русском, английском и японском языках).

Типы погребальных сооружений Гонур-депе (Туркменистан) // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. Сб. памяти Елены Ефимовны Кузьминой. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. С. 327-340.

2015

Работы Маргианской археологической экспедиции на Гонур-депе (Туркменистан) в 2010-2013 гг. // Археологические открытия 2010-2013 годов. М.: Институт археологии РАН, 2015. С. 796-799 (в соавт. с В.И. Сарианиди).

Размеры трубчатых костей кисти: сравнение остеометрических и планиметрических данных // Актуальные вопросы антропологии. Вып. 10. Минск: Беларуская навука, 2015. С. 364-378 (в соавт. с Н.Н. Гончаровой, И.М. Синевой и др.).

Без поля жить нельзя в науке, нет! // Этнография полевой жизни: воспоминания сотрудников ИЭА РАН. М.: ИЭА РАН, 2015. С. 85-97.

Планиграфия административно-культового центра эпохи бронзы Туркменистана Гонур-депе и специфика его отдельных территорий // Интеграция археологических и этнографических исследований. Барнаул, Омск: Изд. дом «Наука», 2015. С. 185-188 (в соавт. с Р.М. Сатаевым).

Система жизнеобеспечения населения эпохи бронзы юга Средней Азии в сравнении с таковой Средневековья и современности: междисциплинарный подход // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. научных трудов. Барнаул, Омск: Изд. дом «Наука», 2015. С. 266-269 (в соавт. с Р.М. Сатаевым, Л.В. Сатаевой и др.).

Культ животных в Маргиане // Академическое востоковедение в России и странах ближнего зарубежья (2007-2015): археология, история, культура. СПб.: ООО «Контраст», 2015. С. 521-558 (в соавт. с В.И. Сарианиди).

Блистательная Маргиана. Памяти Виктора ИвановичаСарианиди//Академическое востоковедение в России и странах ближнего зарубежья (2007-2015): археология, история, культура. СПб.: ООО «Контраст», 2015. С. 975-980.

2016

Как описать развитие отечественных исследований по физической антропологии: синусом, арксинусом или интегральным синусом? // Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 368-387.

Types of graves at Gonur Depe Bronze Age site in Turkmenistan // Stucky R.A. et al. (Eds.). Proceedings of the 9th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East, 9-13 June 2014, Basel. Vol. 3. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2016. P. 615-626 (в соавт. с В.И. Сарианиди).

Interaction between Steppe and Agricultural tribes during the Bronze Age: morphological aspects // International Journal of Anthropology. 2016. Vol. 31. No. 1-2. P. 111-127 (в соавт. с А. Саиповым, С.М. Джунусбаевым). DOI: 10.14673/IJA2016121026

Виктор Иванович Сарианиди // Сарианиди В.И. Бактрийское золото. Сеул, 2016. С. 14-27 (на корейском языке).

Современные туркмены: материальная, духовная культура, сохранность традиций // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2016. № 2 (83). С. 197-212.

Морфологическое разнообразие населения различных географических зон Индии (по материалам В.П. Алексеева) // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2016. № 3. С. 59-74 (в соавт. с Н.И. Павловой, Н.Н. Гончаровой).

Предварительные результаты исследования антропологических материалов из раскопок 2012-2013 гг. в Бальджуванском районе // Археологические работы в Таджикистане. 2016. Вып. XXXVIII. С. 67-80 (в соавт. с В.В. Куфтериным).

Виктор Иванович Сарианиди. Жизнь, творчество, друзья, коллеги // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 6. Памяти Виктора Ивановича Сарианиди. М.: Старый сад, 2016. С. 8-57 (на русском и английском языках).

Маргиана в среднеазиатской археологии // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 6. Памяти Виктора Ивановича Сарианиди. М.: Старый сад, 2016. С. 58-79 (в соавт. с П.М. Кожиным) (на русском и английском языках).

Погребения собак на «Царском некрополе» Гонура // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 6. Памяти Виктора Ивановича Сарианиди. М.: Старый сад, 2016. С. 204-223 (в соавт. с Р.М. Сатаевым).

К характеристике одного интересного изображения на керамическом сосуде с Гонур-депе // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. С. 121-128 (в соавт. Р.М. Сатаевым, А.В. Фрибусом и др.).

Комплексное изучение систем жизнеобеспечения населения южных районов Средней Азии от эпохи бронзы до современности // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 5. Ч. 2. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2016. С. 40-43 (в соавт. с Р.М. Сатаевым).

Civiltà della Margiana // Archeo. 2016. No. 376. Giugno. P. 80-105 (в соавт. с М. Видале, Б. Черазетти и др.) (на итальянском языке).

Особенности внешнего облика туркмен юга России // Туркмены Юга России: социально-культурные трансформации и межэтническое взаимодействие. XX – начало XXI в. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 115-177.

Введение // Туркмены (Народы и культуры). М.: Наука, 2016. С. 7-17 (в соавт. с Г.П. Васильевой, Р.Г. Мурадовым).

Современное расселение туркменского народа // Туркмены (Народы и культуры). М.: Наука, 2016. С. 30-45.

Антропологический облик туркмен // Туркмены (Народы и культуры). М.: Наука, 2016. С. 71-83 (в соавт. с О. Бабаковым).

Ковровое ткачество // Туркмены (Народы и культуры). М.: Наука, 2016. С. 183-199 (в соавт. с А. Байриевой, Т.А. Атаевой).

Работы Маргианской археологической экспедиции в Туркменистане // Археологические открытия 2014 года. М.: Институт археологии РАН, 2016. С. 424-427 (в соавт. с Р.М. Сатаевым, М.А. Мамедовым и др.).

2017

Биологическая и социальная адаптация древнего и средневекового населения южных районов Средней Азии к среде обитания: комплексный подход // Этнос и среда обитания. Сб. статей по этноэкологии. Вып. 5. Исследования систем жизнеобеспечения. М.: Старый сад, 2017. С. 150-186.

Краниология «эфталитов» по материалам могильника Шахидон (Южный Таджикистан) // Вестник антропологии. 2017. № 2 (38). С. 20-27 (в соавт. с В.В. Куфтериным).

Древние предтечи Великого Шелкового пути на территории Туркменистана: антропологический взгляд // Цивилизации Великого Шелкового пути из прошлого в будущее: перспективы естественных, общественных, гуманитарных наук. Самарканд: Международный институт центральноазиатских исследований ЮНЕСКО, 2017. С. 64-77.

Мозаичные композиции из гробниц Гонур-депе (Туркменистан): изучение технологии создания // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. I. С. 225-230.

Данные археологии и антропологии по социальной стратификации древнеземледельческого общества Маргианы (Туркменистан) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. III. С. 31-37 (в соавт. с В.В. Куфтериным).

10-й Международный конгресс по археологии Древнего Ближнего Востока: взгляд из России // Записки Института истории материальной культуры РАН. 2017. № 15. С. 185-192 (в соавт. с Т.В. Корниенко).

Масштабы и направления миграционных потоков в малых городах Центральной России в середине – конце XX в. // Российская провинция как социокультурное поле формирования гражданской и национальной идентичности. Елабуга: [б.и.], 2017. С. 306-309 (в соавт. с А.Н. Ямсковым).

Новые антропологические материалы XVIII-XX вв. с территории Центрального Таджикистана // Вестник филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в г. Душанбе. Сер. гуманитарных и экономических наук. 2017. № 4 (1). С. 16-23 (в соавт. с В.В. Куфтериным, М.Н. Наврузбековым).

Палеоантропологические материалы из погребений Кангурттут-2 // Кангурттут. Материалы археологической экспеди-

ции 2015-2016 гг. Душанбе: Чопхонаи Дониш, 2017. Вып. 1. С. 151-153.

2018

Толерантность или взаимопонимание // Алгоритмы человечности. Опыт антропологического исследования. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 105-109.

Таджики д. Сичарог: к антропологии населения Центрального Таджикистана. Сообщение I: дискретно-варьирующие признаки черепа // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2018. № 1. С. 101-109 (в соавт. с В.В. Куфтериным, М.Н. Наврузбековым). DOI: 10.32521/2074-8132.2018.1.101-109

Tumour-like lesions in a Late Bronze Age skeleton from Gonur Depe, Southern Turkmenistan // International Journal of Osteoarchaeology. 2018. Vol. 28 (4). P. 464-469 (в соавт. с В.В. Куфтериным, Ю.А. Никифоровским). DOI: 10.1002/oa.2668

Evidence of funeral rituals from the Bactria-Margiana archaeological complex in Turkmenistan: the case of Gonur Depe // Horejs B. et al. (Eds.). Proceedings of the 10th International Congress on the archaeology of the Ancient Near East, 25-29 April 2016, Vienna. Vol. 1. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2018. P. 236-246 (в соавт. с С.П. Грушиным, Р.М. Сатаевым и др.).

Открывая древнее прошлое Туркменистана: содружество российских и туркменских специалистов // Великий Шелковый путь: от древности до современности. Ашхабад: [б.и.], 2018. С. 7-23.

Margiana in der Karakum-Wüste: Gonur Depe, seine Nekropolen und «Königsgräber» // Margiana – Ein Königreich der Bronzezeit in Turkmenistan. Berlin: Michael Imhof Verlag, 2018. P. 103-113.

Новые результаты исследования палеоантропологических материалов с Гонур-депе (Туркменистан, эпоха бронзы): ревизия палеодемографических данных // Piles of bones: палеоантропология, биоархеология, палеогенетика. СПб.: МАЭ РАН, 2018. С. 103-107 (в соавт. с В.В. Куфтериным).

Историко-антропологические данные // Евреи (Народы и культуры). М.: Наука, 2018. С. 155-175 (в соавт. с Е.Д. Кобылянским).

Работы Маргианской археологической экспедиции в 2014-2015 годах // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 7. Исследования Гонур-депе в 2014-2015 гг. М.: Старый сад, 2018. С. 10-28 (в соавт. с Р.М. Сатаевым, М.А. Мамедовым).

Могильник на юго-западе Гонур-депе (раскоп 12). Сообщение 1 // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 7. Исследования Гонур-депе в 2014-2015 гг. М.: Старый сад, 2018. С. 29-79 (в соавт. с Р.М. Сатаевым, А.В. Фрибусом и др.).

Краткая информация о совместных исследованиях ИЭА РАН и Отдела археологии Бернского университета (Швейцария) на Гонур-депе в 2014-2015 гг. // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 7. Исследования Гонур-депе в 2014-2015 гг. М.: Старый сад, 2018. С. 87-92 (в соавт. с С. Винкельман-Витковской, М. Новаком и др.).

Новая необычная палеопатологическая находка на Гонуре: скелет из погребения 4449 // Труды Маргианской археологической экспедиции. 2018. Т. 7. Исследования Гонур-депе в 2014-2015 гг. М.: Старый сад, 2018. С. 134-142 (в соавт. с В.В. Куфтериным, Ю.А. Никифоровским и др.).

Анализ возможностей определения возраста по нативным костям кисти в

палеоантропологических исследованиях: методические аспекты // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 7. Исследования Гонур-депе в 2014-2015 гг. М.: Старый сад, 2018. С. 143-155 (в соавт. с Н.Н. Гончаровой, А.В. Базаевой и др.).

2019

К демографии таджиков Каратегина: палеодемографический анализ кладбища Нового времени с. Сичарог // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2019. Вып. 1 (23). С. 146-156 (в соавт. с В.В. Куфтериным). DOI: 10.23951/2307-6119-2019-1-146-156

Gonur Depe – city of kings and gods and the capital of Margush country (modern Turkmenistan). Its discovery by Professor Victor Sarianidi and recent finds // Baumer C., Novak M. (Eds.). Urban Cultures of Central Asia from the Bronze Age to the Karakhanids. Proceedings of the First International Congress on Central Asian Archaeology held at the University of Bern, 4-6 February 2016. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2019. P. 29-53.

Палеодемография Гонура: ревизия данных // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 1 (44). С. 64-73 (в соавт. с В.В. Куфтериным). DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-064-073

The genetic history of admixture across inner Eurasia // Nature Ecology & Evolution. 2019. Vol. 3. No. 6. P. 966-976 (в соавт. с Чон Чхонвоном, О.П. Балановским и др.). DOI: 10.1038/s41559-019-0878-2

The formation of human populations in South and Central Asia // Science. 2019. Vol. 365. No. 6457. (в соавт. с В. Нарасимханом, Н. Паттерсоном и др.). DOI: 10.1126/science.aat7487

Mosaics from the Bronze Age necropolis in Gonur Depe, Turkmenistan // Journal of Mosaic Research. 2019. Vol. 12. P. 17-35 (в соавт. с Н.А. Ковалевой, Г.Э. Вересоцкой и др.). DOI: 10.26658/jmr.614841

Опыт реставрации и консервации особых помещений дворцового комплекса эпохи бронзы Гонур-депе (Туркменистан) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXV. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. С. 63-72 (в соавт. с В.И. Артемьевым, А.М. Урмановой и др.).

2020

New interesting finds at Gonur Depe (South-Eastern Turkmenistan) // Tales of Three Worlds. Archaeology and beyond: Asia, Italy, Africa. A tribute to Sandro Salvatori / Usai D., Tuzzato S., Vidale V. (Eds.). Oxford: Archaeopress, 2020. P. 48-52 (в соавт. с А.В. Фрибусом, С.П. Грушиным)

Научное издание

ПРИРОДА – ЧЕЛОВЕК – ОБЩЕСТВО: ОТ ПРОШЛОГО К НАСТОЯЩЕМУ

Сборник статей к юбилею Н.А. Дубовой

Составители:
д.и.н., профессор Михаил Николаевич Губогло,
к.б.н. Владимир Владимирович Куфтерин

Рецензенты:
д.и.н., профессор Марина Юрьевна Мартынова,
д.и.н. Юрий Дмитриевич Анчабадзе
к.и.н. Сергей Борисович Болелов

Москва 2020

ISBN 978-5-89930-162-9

Подписано в печать 15.03.2020. Формат **x**/*. Усл. печ. л. 32,5.
Усл. изд. л. 22. Тираж 500 экз.
Издательство ООО «Старый сад»
Типография ФГАОУ ВО «МГИМО» Одинцовский филиал
143000, Московская область, г. Одинцово, ул. Ново-Спортивная, д. 3